

W 300
44

21156
111300
44

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

(Быть кантонистовъ, писарей, завѣдывавшихъ хозяйствомъ ун-деровъ; характеристика начальства: полка, штаба, департамента и иныхъ петербургскихъ дореформенныхъ учреждений)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Людямъ старымъ — въ попоминанье,
и молодымъ — въ навиданье.

В. Б. Никитина

ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Ю. Геруца.
1895.

ОТДѢЛЬНЫМИ КНИГАМИ И БРОШЮРАМИ

ИЗДАНО ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. Никитина:

Мировой судъ въ Петербургѣ. 234 стр. Изд. 1872 г.

Жизнь заключенныхъ. 300 стр. Изд. 1871 г.

Общественная и законодательная погрѣшности. 298 стр. Изд. 1872 г.

Многострадалные. Очерки быта кантонистовъ. 259 стр. 1872 г.

Быть военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ. (1834—1872 г.). 528 стр.
Изд. 1873 г.

Жажда богатства. Изъ рассказовъ неугомоннаго человѣка. 182 стр.
Изд. 1875 г.

Вѣкъ пережить—не поле перейти. Женитьба нищихъ. Нѣтъ худа безъ добра. Несносная доля. Неурядицы. Рассказы и очерки. 379 стр.
Изд. 1875 г.

Тюрьма и ссылка. (1560—1880 г.). 674 стр. Изд. 1870 г.

Докладъ комиссіи, разсматривавшей проекты преобразованія управленія петербургскихъ тюремъ. 81 стр. Изд. 1882 г.

Натуральная и денежная аренды. Историч. очеркъ (1710—1881 г.).
Изд. 1882 г.

Обзоръ дѣятельности Попечительства надъ Петербургск. исправит.
тюрьмою. (1871—1882 г.). 236 стр. Изд. 1882 г.

Благотворительные подвиги. Записки маленькаго человѣка съ большими претензіями. 257 стр. Изд. 1886 г.

Еврей-земледѣльцы. (1802—1887 г.). 692 стр. Изд. 1887 г. Цѣна 4 р.

Несчастные. (По поводу бывшаго тюремнаго конгресса). 56 стр.
Изд. 1890 г. Цѣна 50 к.

Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ.
344 стр. Изд. 1891 г. Цѣна 1 руб.

Очеркъ дѣятельности С.-Петербургскаго тюремнаго комитета
(1884—1893 г.). Изд. 1893 г.

Еврейскія поселенія съверо и юго-западныхъ губерній. (1835—1890 г.).
200 стр. Изд. 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Покровительство дѣтямъ заключенныхъ. Историческій очеркъ
(1819—1894 г.). I

Разнообразіе. Повѣсти
Цѣна 1 руб.

2007081182

Изд. 1895 г

W 300
44

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

В. Н. НИКИТИНА:

2. 1-21

Кен 10532

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1895

МНОГОСТРАДАЛЬНИК

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

И. И. МЕНЕЖЕР

1001-1002

299745881562

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Такъ какъ кантонистовъ много дѣтъ уже не существуетъ, то мы полагаемъ небезполезнымъ предпослать нашимъ очеркамъ кратчайшую исторію учрежденія, развитія и упраздненія введеній военныхъ кантонистовъ.

Начнемъ съ того, что слово «кантонистъ» — французское и во Франціи, Пруссіи и Россіи означало одно и тоже — мальчики, воспитывавшіеся для поступленія въ военную службу. Въ Пруссіи напръ каждый полкъ для своего комплектованія имѣетъ приписанный къ нему кантонъ или округъ, и люди, обязанные оттуда къ поступленію въ военную службу, называются кантонистами. Въ Россіи названіе это было присвоено солдатскимъ сыновьямъ, подлежащимъ, по самому своему происхожденію, военной или и другаго рода, но обязательной, службѣ. Кантонистами первоначально у насъ считались сыновья нижнихъ чиновъ, прижитые или во время нахождения ихъ въ службѣ военной; или и въ отставкѣ, но до водворенія ихъ въ казенныхъ селеніяхъ; всѣ незаконнорожденные женами солдатъ и рекрутъ сыновья, при жизни мужей; солдатскими вдовами, а также подкидыши мужскаго пола къ нижнимъ воинскимъ чинамъ.

Въ 1721 г., императоръ Петръ Великій, предвидя пользу, какую могла бы получить армія отъ обученія, хотя части поступавшихъ въ полки солдатскихъ дѣтей, грамотѣ и мастерствамъ, повелѣлъ учредить при каждомъ пѣхотномъ, гарнизонномъ полку школу на 50 человекъ, а для содержанія ихъ, безъ особыхъ на то издержекъ, оставлять незамѣщенными въ каждомъ полку такое же число солдатскихъ вакансій; что въ 49-ти полкахъ и 1-мъ баталіонѣ составило 2,475 чел., въ числѣ коихъ значились дѣти армейскихъ и гарнизонныхъ нижнихъ чиновъ. Школы эти, названныя гарнизонными, открылись въ томъ же 1721 г. Затѣмъ, продолжая развиваться, въ теченіи всего царствованія Петра Великаго, эти школы окончательно организовались при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: указомъ

21-го сентября 1732 года «для пользы и облегченія государства въ рекрутахъ» было постановлено, въ дополненіе къ прежнимъ 50-ти, имѣть въ каждомъ полку еще по 14 вакансій, по восьми въ ротѣ, и изъ сберегавшейся отъ того суммы содержать въ остзейскихъ полкахъ по 82, а во внутреннихъ по 80—чел. Въ эти школы поступали дѣти отъ 7 до 15-ти лѣтъ. Первоначально они были обучаемы россійскому чтенію, письму и ариеметикѣ; по оказаніи же удовлетворительныхъ успѣховъ—обучались, смотря по способностямъ: 10 челов.— артиллеріи и фортификаціи; 20—пѣнію и музыкѣ; 10—слесарному мастерству и 10—письмоводству; успѣвшіе въ сихъ предметахъ, по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста, поступали въ армейскіе и гарнизонные полки, гдѣ уже начальство заботилось объ ихъ повышеніи; неуспѣвшіе отсылались въ рядовые матросы и денщики, а оказавшіе особенныя способности, для большаго усовершенствованія, оставлялись въ школѣ до 18-ти лѣтняго возраста; наконецъ неспособные съ малолѣтства къ изученію даже одной грамоты обучались столярному, токарному, плотничному, кузнечному, портняжному и сапожному ремесламъ, чѣмъ ихъ занимали также до 15-ти лѣтъ. Школы состояли въ вѣдѣніи особо опредѣленныхъ къ нимъ офицеровъ и поручались особенному попеченію комендантовъ, вице-губернаторовъ и самихъ генераль-губернаторовъ.

Далѣе, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, число учениковъ школъ возросло до 6,002 чел.; а такъ какъ, по числу армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, это число воспитанниковъ правительству представлялось недостаточнымъ, то сенатскимъ указомъ 1758 г. всѣ солдатскіе сыновья причислены были исключительно къ военному вѣдомству, причемъ установился порядокъ распредѣленія ихъ по школамъ. Потомъ, вслѣдствіе реформированія всѣхъ гарнизоновъ, 19-го апрѣля 1764 года, положено было имѣть въ каждомъ баталіонѣ 36 вакансій, по 6 въ ротѣ, для содержанія школы на 54 чел., съ оставленіемъ въ своей силѣ прежнихъ главныхъ ихъ основаній, съ нѣкоторыми, впрочемъ, улучшеніями; а 7 іюля 1765 подобныя же школы были заведены въ сибирскихъ крѣпостяхъ: въ Омской—на 150, а въ Петровской, Ямышевской и Бійской—на 100, всего на 450 чел. и, какъ въ новыхъ, такъ въ старыхъ школахъ, съ особаго разрѣшенія военной коллегіи, воспитывались дѣти не только нижнихъ чиновъ, но и нѣкоторыхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ; во всѣхъ же школахъ, включая и учрежденныя въ послѣдующіе года царствованія императрицы Екатерины II-й, въ 1796 году число мальчиковъ простиралось до 120,000 чел.

Въ царствованіе императора Павла I-го, 23-го декабря 1798 года, при учрежденіи императорскаго военно-сиротскаго дома (бывшаго впоследствии: сперва—Павловскаго кадетскаго корпуса, а наконецъ—Павловскаго военного училища) всѣ состо-

явшія при гарнизонахъ школы были переименованы въ отдѣленія сего дома, подъ названіемъ «военно-сиротскихъ отдѣленій», куда воспитанники принимались не старше 8, а выпускались—не моложе 18-ти лѣтъ отъ роду, и съ тѣмъ вмѣстѣ самыя школы получили новое, лучшее устройство. Всѣхъ отдѣленій было учреждено 66, а число воспитанниковъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—по 1,500, Кронштадтѣ, Ригѣ и Николаевѣ—по 1.000, Архангельскѣ—700, Кіевѣ—600, Казани—500, крѣпости св. Димитрія—450, въ шестнадцать меньшихъ отдѣленіяхъ—отъ 200 до 400, и еще въ пятидесяти одномъ—отъ 50 до 150, а всего составилось 16,400 чел.

При Императорѣ Александрѣ I, число отдѣленій постепенно умножалось и, въ 1805 году, солдатскимъ дѣтямъ присвоено названіе кантонистовъ. 4-го апрѣля 1817 года издано положеніе о приготовленіи кантонистовъ въ аудиторы и о порядкѣ опредѣленія и производства ихъ, для чего велѣно выбрать изъ военно-сиротскихъ отдѣленій 100 чел кантонистовъ, не моложе 16-ти лѣтъ, способныхъ и знающихъ хорошо писать, для опредѣленія ихъ, на 6 лѣтъ, аудиторскими писарями въ Аудиторіатскій департаментъ и ордонансъ-гаузы, съ производствомъ ихъ, потомъ, въ аудиторы, въ полки 11-го января 1824 года всѣ военно-сиротскія отдѣленія поступили подъ непосредственное начальство главнаго надъ военными поселеніями начальника, графа Аракчеева, который для уменьшенія числа больныхъ кантонистовъ въ отдѣленіяхъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе, вмѣсто 7-ми лѣтняго возраста, посылать солдатскихъ дѣтей въ отдѣленія съ 10-ти лѣтъ, въ томъ уваженіи, что моложе сего возраста они требуютъ еще женскаго присмотра, причемъ опредѣлено было воспитателямъ, за содержаніе у себя кантонистовъ въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ, выдавать отъ казны, въ награду, по 10-ти руб. за каждаго въ годъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича сформированы изъ кантонистовъ и вдобавокъ къ существовавшему одному—еще 3 учебныхъ карабинерныхъ полка, для приготовленія унтеръ-офицеровъ въ армейскіе полки; кромѣ того 3-го декабря 1826 года, военно-сиротскія отдѣленія переименованы въ роты (изъ 250 чел. въ каждой), полубаталіоны (изъ 2-хъ ротъ) и баталіоны (изъ 4-хъ ротъ) военныхъ кантонистовъ, составивши такимъ образомъ ученія бригады кантонистовъ, кромѣ отдѣленій Оренбургскаго и Сибирскаго края, которыя также переименованы 27-го апрѣля и 18-го августа 1827 года. Образованіе кантонистовъ въ преобразованныхъ заведеніяхъ тогда распределено было на ученіе въ классахъ, ученіе фронтовое, и обученіе мастерствамъ. Независимо того учреждены: 8-го сентября 1827 года, въ С.-Петербургскомъ баталіонѣ кантонистовъ—учительскіе классы, для приготовленія учителей во всѣ баталіоны; въ 1830 году—школы при полкахъ гвардейскаго корпуса, для образованія кантонистовъ; 11-го апрѣля

1831 года—при кадетскихъ корпусахъ особыя школы для воспитанія дѣтей инвалидовъ, находившихся при корпусахъ; 26-го марта 1832 гоаа, при С.-Петербургскомъ же баталіонѣ,—Аудиторская школа; 8-го августа 1836 года изъ кантонистовъ созданы эскадроны, по 120-ти и батареи по 136-ти чел., отъ 14-ти лѣтъ и выше, въ округахъ Украинскаго и Новороссійскаго военныхъ поселеній, для доставленія болѣе способовъ къ комплектованію унтеръ офицерами и фейерверкерами поселенныхъ полковъ 1-го и 2-го резервнаго кавалерійскаго корпусовъ и 5-й легкой кавалерійской дивизіи; 8-го ноября 1836 года воронежскіе баталіоны кантонистовъ приноровлены для комплектованія полковъ и батарей 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; 9-го марта, 1840 года, повелѣно было сформировать въ округахъ Кіевскаго и Подольскаго поселенія эскадроны кантонистовъ для комплектованія 1-й кавалерійской дивизіи, по одному эскадрону для каждаго полка этой дивизіи: такія же, наконецъ, школы введены были въ артиллерійскомъ и инженерномъ вѣдомствахъ.

Въ существовавшихъ, въ 1854 году, заведеніяхъ, для образованія военныхъ кантонистовъ, воспитывалось слѣдующее число ихъ:

Подъ главнымъ начальствомъ бывшаго департамента военныхъ поселеній:

Въ завѣдываніи инспектора баталіоновъ военныхъ кантонистовъ:

Въ 5-ти учебныхъ бригадахъ, состоявшихъ изъ 13-ти баталіоновъ, 9-ти полубаталіоновъ и 3 отдѣльныхъ ротъ, было слишкомъ 19,200 чел.

Въ особыхъ частяхъ, состоявшихъ при баталіонахъ:

Въ С.-Петербургскомъ:

Въ неранжированной ротѣ съ музыкантскою командою—250 человекъ.

Въ писарскихъ классахъ—до 100.

Въ школѣ телеграфическихъ сигналистовъ—100.

Въ Аудиторской школѣ—100.

Въ малолѣтнемъ дворянскомъ отдѣленіи при Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ селѣ Грузинѣ, Новгородской губерніи.—200 чел.

Въ завѣдываніи инспектора всѣхъ кантонистскихъ эскадроновъ резервной кавалеріи:

Въ вѣдѣніи инспектора резервной кавалеріи, но при управленіи учебною частію инспекторомъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ.

При двухъ баталіонахъ въ Воронежѣ, принадлежавшихъ къ 2-му резервному кавалерійскому корпусу,—2,800 чел.

Въ двухъ артиллерійскихъ батареяхъ безъ орудій—272 человекъ.

Въ неранжированной ротѣ—250 чел

Въ 40 кавалерійскихъ эскадронахъ и 5-ти артиллерійскихъ батареяхъ безъ орудій, въ округахъ военнаго поселенія 1-го и 2-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ — 5,480 чел.

Въ военныхъ поселеніяхъ Киевской и Подольской губерніи— 480 чел.

Въ завѣдываніи инспектора учебныхъ карабинерныхъ полковъ.

Неранжированные баталіоны всѣхъ 4-хъ полковъ—2,850 человекъ.

Въ завѣдываніи инспектора Балаклавскаго греческаго пѣхотнаго баталіона.

Одна рота 250 чел.

Въ заведеніяхъ, учрежденныхъ для образованія кантонистовъ, незачислявшихся въ баталіоны и состоявшихъ въ завѣдываніи:

а) Командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, подъ инспекціею инспектора баталіоновъ военныхъ кантонистовъ: Въ школахъ кантонистовъ гвардейскаго корпуса, при 12-ти пѣхотныхъ полкахъ—по 60-ти и болѣе; 9-ти кавалерійскихъ—по 30-ти, 3-хъ артиллерійскихъ бригадахъ и саперномъ баталіонѣ—по 20 и при штабѣ первыхъ 6-ти гвардейскихъ инвалидныхъ ротъ [по 50, всего до 2,000 чел.

б) Подъ вѣдѣніемъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній: въ школахъ кантонистовъ кадетскихъ корпусовъ.

в) Въ вѣдѣніи инспектора мѣстныхъ арсеналовъ: въ технической артиллерійской школѣ 100 чел. и въ коновальной артиллерійской школѣ 70 чел.

г) Въ вѣдѣніи инспектора пороховыхъ заводовъ: въ школѣ для образованія мастеровъ и подмастерьевъ, пороховаго, селитреннаго и сѣрнаго дѣла, при Охтенскомъ пороховомъ заводѣ 36 чел.; въ школахъ при пороховыхъ заводахъ 75 человекъ.

д) Въ вѣдѣніи инспектора оружейныхъ заводовъ: въ школахъ при оружейныхъ заводахъ для дѣтей оружейниковъ до 800 чел.

е) Въ главномъ завѣдываніи директора военно-топографическаго депо: въ школѣ топографовъ 120 чел.

ж) Въ вѣдѣніи Медицинскаго департамента Военнаго Министрства въ фельдшерскихъ школахъ при госпиталяхъ и

з) Въ вѣдѣніи Императорскихъ военно-конскихъ заведеній, въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, для приготовленія въ ветеринарные помощники—неопредѣленное число.

Такъ что, независимо обучавшихся въ школахъ, при самыхъ войскахъ учрежденныхъ, а равно тѣхъ, численность коихъ не проставлена выше, всѣхъ воспитывавшихся въ названныхъ заведеніяхъ мальчиковъ состояло на лицо: въ 1824 году—до 120,818 челов., въ 1842 году—35,450 чел., а жившихъ при родителяхъ и родственникахъ—185,640 чел., при войскахъ—71,900 чел., а всего около—293,000 чел. Засимъ, въ продолженіе 18-ти

лѣтъ, постепенно приводилась въ извѣстность числительность всѣхъ солдатскихъ дѣтей, по происхожденію своему принадлежавшихъ военному вѣдомству; ихъ оказалось 172,000 чел.

Этотъ громадный контингентъ мальчиковъ вызвалъ со стороны правительства распоряженіе 26-го января 1835 года — чтобы брать въ баталіоны, полубаталіоны и роты тѣхъ только 14-ти лѣтнихъ кантонистовъ, отцы коихъ служили въ войскахъ, да круглыхъ сиротъ, родственники которыхъ по бѣдности не въ состояніи были содержать ихъ; достигавшихъ же 20-ти лѣтняго возраста опредѣляли прямо на службу.

Изъ кантонистовъ, принадлежавшихъ военному вѣдомству, увольнялись: 1) всѣ сыновья лицъ, дослужившихся по военной или гражданской службѣ до штабъ-офицерскаго чина, или получившихъ какой-либо орденъ, и прижитые ими законно въ солдатскомъ званіи, по случаю сообщенія помянутымъ чиномъ потомственнаго дворянства; 2) одинъ изъ сыновей нижнихъ чиновъ, достигшихъ оберъ-офицерскаго чина по строевой службѣ, по ихъ выбору, если они не имѣли другихъ сыновей, прижитыхъ ими въ оберъ-офицерскомъ званіи, тоже для причисленія къ дворянству; и 3) одинъ изъ сыновей отставныхъ нижнихъ чиновъ, получившихъ на войнѣ такое увѣще, которое мѣшало заниматься хозяйственными трудами, а также и вдовъ, мужья коихъ были убиты въ сраженіяхъ и умерли на службѣ, или въ безсрочномъ отпуску, для успокоенія ихъ старости.

Право помѣщенія мальчиковъ, въ эти заведенія имѣли и офицеры, и дворяне и даже духовенство; законные же и незаконные сыновья солдатъ обязывались непременно туда поступать съ 10-ти до 14-ти лѣтняго возраста, и учиться въ какихъ бы ни было гражданскихъ училищахъ имъ, развѣ на всегда, положительно воспрещалось. Далѣе, на основаніи нѣсколькихъ особыхъ, постепенно издававшихся узаконеній, въ тѣ же заведенія направлялись сыновья: бѣдныхъ жителей Финляндіи и цыганъ, тамъ кочевавшихъ, польскихъ мятежниковъ и солдатъ, шляхтичей, недоказавшихъ свое дворянство, раскольниковъ, да малолѣтніе: рекруты-евреи, бродяги, преступники и безпріютные. Затѣмъ, по достиженіи мальчиками въ заведеніяхъ 18—20-ти лѣтняго возраста и по окончаніи ученія, они назначались: въ писаря, фельдшера, вахтеры, цейхдинеры, цейхшрейберы и т. под. нестроевыя должности военнаго и морскаго вѣдомствъ, частію во фронтъ, а нѣкоторые учителями въ тѣ же самыя заведенія, изъ которыхъ вышли. Прослужить должны были: дворяне—3 года, оберъ-офицерскія дѣти—6, духовныхъ, напр. дьяконовъ, 8 лѣтъ, а остальные—общій тогдашній солдатскій срокъ—25 лѣтъ, если ранѣе не производились въ чиновники: за отличіе—за 12, а за обыкновенную выслугу—за 20 лѣтъ. Солдатскіе сыновья, въ какой-либо губерніи родился—къ тому мѣстному заведенію его и приписывали и до 10—14 лѣтъ онъ оставался при отцѣ, или матери, которые получали на него въ годъ рубля по три на воспита-

ніе, а потомъ его брали въ заведеніе на казенное содержаніе; евреевъ же и поляковъ для того чтобы ими приумножить православныхъ, всегда пересылали далеко отъ родины: кіевскихъ напр. въ Пермь и отнюдь не ближе Нижняго Новгорода. Воспитывалось во всѣхъ заведеніяхъ ежегодно отъ 245,000 до 270,000 человекъ (дворяне и имъ подобные привилегированные мальчики составляли въ заведеніяхъ самый ничтожный процентъ), а стоили казнѣ всѣ заведенія отъ 2.450,000 до 2.700,000 въ годъ. Въ такомъ однообразномъ ни въ чемъ неизмѣненномъ, положеніи засталъ заведенія 1857 годъ.

25-го декабря 1856 года обнародованъ былъ знаменательный указъ Сената о прекращеніи обязательнаго приема въ кантонисты солдатскихъ сыновей, и въ рекруты маленькихъ евреевъ и всѣхъ прочихъ, выше перечисленныхъ, мальчиковъ. Мало того: тотъ же указъ разрѣшалъ родителямъ, родственникамъ, опекунамъ и даже знакомымъ находившихся въ заведеніяхъ кантонистовъ, безъ различія происхожденія, взять ихъ назадъ къ себѣ и воспитывать кому какъ вздумается; тѣхъ же, которыхъ никто не приметъ, повелѣвалось оставить въ заведеніяхъ, причемъ съ выходомъ, впоследствии, на службу, имъ предоставлялись права вольноопредѣляющихся, т. е. покинуть службу во всякое (кромѣ военнаго) время, когда они того пожелаютъ. Результатомъ этого указа на практикѣ получилось то, что менѣе чѣмъ черезъ годъ численность кантонистовъ не превышала третьей части штатнаго ихъ комплекта. Эта малочисленность вызвала новую реформу: въ 1858 г. баталіоны, полубаталіоны, эскадроны, дивизіоны и роты кантонистовъ были упразднены, а вмѣсто нихъ открыты 20—25 училищъ военнаго вѣдомства, въ которыя перевели кантонистовъ, оставшихся неравобранными въ закрытыхъ заведеніяхъ. Въ училища установлено было принимать вновь исключительно желающихъ изъ всѣхъ, безъ различія, сословій; программа наукъ въ нихъ поднялась до курса уѣздныхъ училищъ, фронтовые ученія были окончательно похерены, мальчики названы «воспитанниками», а назначеніе ихъ опредѣлялось въ писаря, кондукторы и типографы военнаго же вѣдомства; прослужить въ этихъ званіяхъ, за воспитаніе, имъ надлежало 6 лѣтъ. Тѣмъ и канули въ вѣчность кантонистскія заведенія, а самое слово «кантонистъ» перестало означать отдѣльную касту людей, готовящихся въ солдаты.

Вотъ краткая исторія кантонистовъ, о воспитаніи которыхъ въ литературѣ ничего не говорится. Между тѣмъ, сложивъ численность находившихся въ заведеніяхъ, впродолженіе хоть только 31 года (съ 1826 1857 г включительно) кантонистовъ, и стоимость ихъ за этотъ періодъ,—выходитъ, беря хоть среднюю лишь цифру, что ихъ прошло чрезъ заведенія 7.905,000 чел., а на ихъ содержаніе истрачено 20.150,000 рублей—сумма громаднѣйшая. Отсюда рождается естественный вопросъ

стоила-ли по-крайней-мѣрѣ, хоть игра свѣчь? На вопросъ этотъ и отвѣчаютъ отрицательно предлагаемые вниманію читателей «очерки быта контонистовъ»; отвѣтъ этотъ неопровержимъ, потому, что, сколько намъ извѣстно, воспитаніе кантонистовъ было во всѣхъ заведеніяхъ совершенно одинаковое; эти же очерки пополняютъ, кромѣ того, доселѣ остающійся въ литературѣ пробѣлъ о томъ, что творилось съ кантонистами въ довольно близкомъ къ намъ прошломъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
А. Грибоедовъ.

I

Первый путь.

 О ОТЛОГОМУ берегу судоходной рѣки одной изъ приволжскихъ губерній тянулись когда-то, въ одинъ рядъ, между мелкимъ кустарникомъ и молодыми березками, двадцать-тридцать плохенькихъ крестьянскихъ избышекъ. Деревня эта принадлежала старому помѣщику-домосѣду, а въ ней, въ числѣ прочихъ, жилъ молодой крестьянинъ Гаврило Прохоровъ. Едва

онъ женился на красивой дѣвушкѣ Варварѣ, какъ сдали его по прихоти помѣщика, въ солдаты. Варвара, оставшись безъ мужа, сперва сильно роптала на судьбу, но потомъ мало-помалу, утѣшилась и прижила съ однимъ изъ солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ на зимнихъ квартирахъ, сына Василія.

Василій жилъ вмѣстѣ съ матерью въ домѣ вдоваго отца Гаврилы, Антона Дормидонтовича. Жизнь его ничѣмъ не отличалась отъ житья всѣхъ прочихъ крестьянскихъ ребятешекъ: онъ бѣгалъ по улицѣ въ одной рубашенкѣ, полоскался въ лужахъ, выгонялъ коровъ, а время между тѣмъ все шло, да шло впередъ. И не успѣло миновать какихъ-нибудь десяти лѣтъ, какъ вдругъ въ одно сентябрьское утро, нежданно-негаданно, возвращается домой исхудалый, состарѣвшійся и на деревянной ногѣ Гаврило Антонычъ: по милости ядра, оторвавшаго ему ногу, дали ему отставку, съ надписью на ней: «бороду брить, по міру не ходить».

Варвара, увидавъ безногаго Гаврилу, вздрогнула за себя, за Васю не могла, въ попыхахъ, сообразить, что сказать про не-

го, но Вася влетѣлъ въ избу, съ крикомъ «мама», и сразу разрѣшилъ всѣ недоумѣнія. Уязвленный Гаврило вспылить, кинулся-было на Варвару, но, урезониваемый своимъ отцомъ, онъ помолчалъ нѣсколько дней, взглядывая изподлобья то на жену, то на ея сына, и затѣмъ, качнувъ головой, рѣшилъ, что надо простить женѣ, по той весьма простой причинѣ, что, бродивши, много лѣтъ сряду по бѣлу свѣту, онъ и самъ, — какъ признался отцу, — дѣлывалъ то же, что сдѣлалъ ему его собратъ.

Вася, въ свою очередь, тоже какъ-то съумѣлъ понравиться Гаврилѣ; тотъ на досугѣ сталъ забавляться имъ, училъ его быть солдатомъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ настала чередъ и Васиной службы: его потребовали въ кантонисты. Это событіе сильно опечалило всю семью, чувствовавшую горячую привязанность къ ребенку.

Начались приготовленія. Мать принялась шить сыну бѣлье, вягать обувь, варила, пекла. Антонъ побывалъ на базарѣ, въ торговомъ селѣ, продалъ тамъ мѣшокъ ржи, купилъ Васѣ теплую, верхнюю одежду и обувь; а Гаврило остригъ мальчика по-солдатски, преподавалъ ему нѣсколько уроковъ воинской субординарціи и, когда наступилъ, наконецъ, день разлуки и двѣ вотомки Васи были уже наполнены: одна — деревенскимъ и солдатскимъ имуществомъ (въ ней были сапожныя щетки, гребенка, игольникъ, шило и нитки), а другая — съѣстными припасами, — Гаврило Антонычъ, тяжело вздохнулъ, взявъ мальчика обѣими руками за голову и сказалъ ему:

— Ну, Вася, ты теперь идешь на службу царскую: учись тамотка, особливо грамотѣ, да почитай начальство, не груби. Пуще всего, помни: не груби. — и все будетъ ладно. Можетъ, еще и въ офицеры превзойдешь. И это бываетъ. Проси дѣдушку, пусть благословитъ на дорогу. Онъ повернулъ его къ своему отцу.

Антонъ молча перекрестилъ Васю, надѣлъ ему на шею купленный на базарѣ за 2 коп. образокъ и, крѣпко поцѣловавъ его, одной рукой передалъ его матери, а другой вытеръ глаза...

Варвара заголосила...

— Полно, Варя надрывать-то попусту, заговорилъ Гаврило: — его, чай, не убиваютъ — ну, и ревѣтъ нечего. Ъхать пора.

— Изъ ейной, чай, малецъ утробы-то — выѣшался Антонъ, — ну, и не трожь: пусть плачетъ.

Варвара завыла пуще прежняго. Вася, глядя на нее, тоже хныкалаъ.

Когда же всѣ трое, Вася, Гаврило и Антонъ сѣли въ сани Гаврило ожесточенно хлыстнулъ лошадь и они выѣхали со двора, Варвара такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ на крыльцѣ, слѣдя помутившимся взоромъ за отнятымъ дѣтищемъ.

Къ утру, наши путники пріѣхали въ уѣдный городъ, представились въ канцелярію инвалиднаго начальника, узнали тамъ, что отправка будетъ чрезъ день и остались ее ждать. Это послѣднее дорогое время прошло для Васи незамѣтно: его ублажали пряниками, орѣхами, водили гулять по улицамъ.

Раннимъ утромъ 26-го октября 1846 года. Антонъ, положивъ семь рублей ассигнаціями въ кожаный кошелекъ, надѣлъ его Васѣ на шею, спряталъ его ему подъ рубашку, строго наказалъ никому не хвастаться, что у него есть деньги, внушилъ беречь ихъ про черный день, далъ ему въ карманъ на расходы еще коп. 50 и затѣмъ привелъ его на сборный пунктъ—городскую площадь, предъ острогомъ. Тамъ ужъ стоялъ рядъ подводъ, съ наваленными на нихъ котомками. Тутъ же толпилось человѣкъ 20 арестантовъ, а позади ихъ два мальчика—кантониста, къ которымъ унтеръ тотчасъ присоединилъ и Васю.

«Смирно!»—скомандовалъ унтеръ, когда изъ воротъ острожнаго дома показался инвалидный начальникъ, сѣдой прапорщикъ.

Всѣ встrepенулись. Унтеръ вынулъ изъ-за обшлага шинели списокъ и, идя по линіи, сталъ перекикать партію. Сзади его важною поступью шель прапорщикъ.

— Отзыватья громче, школа семиглазая,—крикнулъ онъ,—розгами высѣку.

При такомъ привѣтствіи мальчики переглянулись и вивгливо стали откликаться.

По окончаніи перекички, Антонъ и Гаврило, крадучись, отдали послѣдній подѣлуй—Васѣ, а гривенникъ—конвойному, чтобъ поберегъ ихъ малаго до губерніи. Мальчиковъ посадили на подводу. Партія повернулась направо и тронулась въ дорогу. Тутъ только Вася понялъ, что онъ ужъ не деревенскій, а казенный человѣкъ, и ему стало жутко. Взглянувъ издали на родныхъ, онъ заплакалъ навзрыдъ.

А Антонъ съ Гаврилою, проводивъ глазами удалявшуюся партію, постояли среди улицы, повздыхали, молча вернулись на постоянный дворъ, запрягли лошадку и отправились домой, понутивъ головы.

Партія вышла за околицу, Мальчики, сидя въ широкихъ деревенскихъ розвальняхъ, стали между собой понемногу знакомиться.

— Тпру-ру... Стой!—приказывалъ унтеръ. Слѣдомъ за унтеромъ шель человѣкъ среднихъ лѣтъ, бритый въ полголовы, съ торчавшею ключьями бородою, тощій, блѣдный, какъ смерть, въ сѣрой арестантскэй одеждѣ и въ кандалахъ.

— Эй, вы, бѣсенята, сдвиньтесь-ка ближе и дайте вотъ ему мѣсто гдѣ сѣсть!—сказалъ унтеръ.

Мальчики сдвинулись и испуганно глядѣли на арестанта. Но, отѣхавъ полстанціи, они перестали бояться его. а онъ, забавляя ихъ рассказами, сѣумѣлъ къ конну станціи такъ

расположить ихъ къ себѣ, что выманилъ даже у нихъ по семткѣ (2 коп.)

На станціи партію развели ночевать: арестантовъ — въ этапный домъ, а мальчиковъ — въ крестьянскую избу. Съ разсвѣтомъ, послѣ новой переключки, партія снова потянулась вчерашимъ порядкомъ... Арестантъ въ продолженіе всей дороги всячески втирался къ мальчикамъ въ дружбу и довольствовался ихъ домашними харчами. Но скоро запасы истощились; они принялись тратить деньги, а потомъ и самимъ имъ пришлось оставаться на одной пищѣ жалостливыхъ хозяевъ, во время ночлеговъ. Иногда, впрочемъ, хозяева ничего не давали изъ варева, и тогда мальчики ѣли казенный хлѣбъ съ водой; спутникъ же ихъ арестантъ не мирился съ такимъ положеніемъ и не задумывался находить новые источники ѣсть по-лучше.

Разъ остановилась партія на привалѣ. Арестанты пѣшіе обступили торговку, а арестантъ, сидѣвшій съ мальчиками на подводѣ, говоритъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ: «Пойди, Миколашка, стащи потехоньку у бабы вонъ этотъ ситцевый платокъ.»

— Ишь ты, ловкачъ какой, отвѣчалъ научаемый, Николай Филипповъ, — увидить, вихорь-то такъ надереть, што ахти

— Небось, не увидить: вишь заговила со своими съ пирогами, теперь хоть косу у ней отрѣжь — не спохватится. Я бы самъ стянулъ, да вишь ты, звенять, указалъ онъ на цѣпи. — Да встать-то мнѣ не велятъ. Иди же, будь молодець. Ежели-жъ замѣтитъ — улепетывай скорѣй сюда: въ обиду не дадимъ.

— Нѣтъ, што то боявно, право, боязно: ундеръ увидить — отговаривался мальчикъ.

— Полно артачиться-то, глупый ты этакій! Гляди, какъ сой деть-то. Только бѣги, не зѣвай. Стянешь, продадимъ на станціи за двугривенный, да и яишницу сдѣлаемъ. Ей-ей такъ.

Яишница побѣдила колебаніе Филиппова. Онъ отправился къ торговкѣ, вытянулъ, подкравшись на цыпочкахъ, платокъ изъ-подъ корзинки и ужъ пустился-было бѣжать; но торговка замѣтила, опрومتью бросилась въ погоню, схватила его и притащила за ухо обратно къ заваленкѣ, гдѣ торговала.

— На, вотъ тебѣ, вора, служба, на! — сердито затарантила она, толкнувъ Филиппова къ сидѣвшему тамъ унтеру. — Какъ тутотка торговать-то, коль такихъ мошенниковъ ведешь? А еще похвалялся: у меня говорить, народъ смиренный, ничего не тронетъ. Ты, служба, либо гривну, что дала, назадъ подай, либо хорошую таску задай этому шалыгану.

Филипповъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Какъ ты смѣлъ воровать? — грозно спросилъ унтеръ... — а?

— Я... я.. меня подбучилъ... арест... видеть Богъ, не самъ: Прости, дяденька.—взмолился Филипповъ.

— Да развѣ ты долженъ другихъ слушать?—вскипѣлъ унтеръ.—а?:.. Вотъ-тебѣ, вотъ-тебѣ, поганецъ этакій, продолжалъ онъ переваливая Филиппова съ руки на руку.—Пѣшкомъ до станціи!—заклучилъ онъ.

И Филипповъ прошелъ верстъ 12. У него въ ушахъ звенѣли затрешины, голова горѣла, ноги еле двигались, стужа принимала насквозь; слезы такъ и лились отъ горя и стыда.

Путешествіе тянулось цѣлыхъ десять дней; наконецъ партія очутилась на большой дорогѣ. Тутъ была одна изъ тѣхъ станцій, на которыхъ партія сходились изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. По пересортированіи партій, въ нашей остались три мальчика, четыре арестанта и пять переселенцевъ. На всѣхъ ихъ дали одну подводу, которую высоко нагромодили поклажею; на поклажѣ усадили мальчиковъ и партія отправилась дальше. Во избѣжаніе хлопотъ—разводить и собирать мальчиковъ по деревнѣ—ихъ стали помѣщать на ночлеги вмѣстѣ съ арестантами, въ этапныхъ острогахъ. Холодные, грязные конуры, выбитыя стекла, затенутыя тряпичами форточки, вонь, звяканье цѣпей, обломанныя, досчатыя нары—такова была ночная обстановка измученныхъ дорогою дѣтей. Мальчики не могли глазъ сомкнуть цѣлыя ночи напролетъ, и все это навѣвало на нихъ какой-то ужасъ и страхъ.

Послѣ одного изъ такихъ ночлеговъ, мальчикъ Иванъ Степановъ жаловался унтеру на покражу рубашки и полотенца.

— Вещи, пожалуйста, вели отдать,—молилъ ребенокъ,—мнѣ скоро надѣтъ нечего будетъ.

— Да я-то тебѣ караульщикъ, что-ли?—закричалъ унтеръ.— Съ вами только хлопочи, школа проклятая! Береги вещи-то,—продолжалъ онъ, щелкая мальчика двумя пальцами по носу.

— Чѣмъ же я виновать-то, коль украли?—оправдывался, увертываясь отъ щелчковъ, сквозь слезы, Степановъ.

— Гляди въ оба, и все цѣло будетъ. А то только воровъ плодишь, каналья этакая!

На утро унтеръ предложилъ сдѣлать, по гривнѣ съ брата, складчину на подводу, не то грозилъ тащить пѣшкомъ, съ котомками на плечахъ. Партія повиновалась. Увидѣвъ возможность добывать такимъ легкимъ способомъ деньги, унтеръ поставилъ себѣ это ежедневнымъ правиломъ. Потомъ, узнавъ, что у Васи на шеѣ есть деньги, онъ началъ у него понемногу выманывать и ихъ.

— Дай-ка мнѣ четвертакъ, говорилъ онъ, усѣвшись возлѣ Васи на нарахъ въ острогѣ.—Потому мнѣ очень нужно.

— Будетъ съ тебя: ты, дяденька, и то ужъ много выклянчилъ. Не дамъ.

— Не дашь?

— Нѣтъ, не дамъ. Ишь повадился: дай, да дай...

— Такъ ты еще, мозглякъ, грубить начальству?

И Вася, послѣ нѣсколькихъ угрозъ, снова вынималъ четвертакъ и умолялъ о томъ, когда бы только скорѣй окончилась дорога.

Конецъ уже былъ близокъ. На послѣдней станціи унтеръ нашелъ нужнымъ дать совѣтъ мальчикамъ, какъ вести себя предъ будущимъ ихъ начальствомъ.

— Ежели начальство васъ спроситъ—отвѣчать громко: «всѣмъ довольны»,—вразумлялъ онъ.—«Получали, молъ, тоже сполна все». Слышите? Потому, Боже сохрани!

У ваставы унтеръ припарадился, перекрестился и повелъ партію фронтомъ въ острогъ. Сдавъ тамъ арестантовъ, онъ переночевалъ съ мальчиками въ пересыльной казармѣ и рано утромъ привелъ ихъ въ казармы заведенія кантонистовъ, сдалъ ихъ благополучно по принадлежности и отправился во свояси.

II.

Понедѣльникъ — первая рота на фронтовомъ ученѣи.

БЫЛЪ шестой часъ утра. Къ одной изъ кроватей задней линіи подошелъ кантонистъ-часовой и разбудилъ нашего героя, Василья Иванова. Онъ сѣлъ на кровать, протеръ глаза, порывисто вздохнулъ, потянулся-было, зѣвнулъ, но сейчасъ же всталъ. Надо было чистить сапоги. Доставъ изъ кроватнаго ящика ваксу, онъ развелъ ее въ черенкѣ и принялся за работу. Работа шла довольно успѣшно. Вдругъ кто-то отчаянно закричалъ во снѣ: «Помилуйте, ваше благородіе, никогда не буду, помилосердствуйте». Крикъ раздался такъ неожиданно, голосъ былъ такой раздирающій, что Ивановъ вздрогнулъ и выронилъ изъ руки щетку; та упала на черепокъ съ ваксой и вакса разлилась по полу, промежъ кроватей. Онъ испугался этого событія и заплакалъ. На бѣду проснулся его дядька и, узнавъ въ чемъ дѣло, всталъ и велѣлъ ему нагнуть шею. Тотъ не понялъ.

— Нагни, тебѣ говорятъ, шею, ну.. уткни голову внизъ,—спокойно наставлялъ дядька своего племяша.

Ивановъ повиновался, недоумѣвая, однако, для чего это.

— Стой,—добавилъ дядька и, попридержавъ голову племяша лѣвою рукою, правую раскачалъ въ воздухъ и ударилъ ею съ размаху Иванова по шеѣ. Тотъ взвизгнулъ на всю комнату. Но это было такъ обыденно, что никого не встревожило и не разбудило. Ивановъ рванулся-было отъ дядьки, но напрасно: тотъ крѣпко вдѣпился въ него.

— Ты не кричи,—приговаривалъ дядька: — не кричи, когда

дѣло дѣлаешь, остороженъ будь и ротъ не разѣвай, а напакостивши — не хнычь. Вотъ что! — Такими словами сопровождалъ свои удары первый и самый ближайшій начальникъ новичка.

Кромѣ дядьки, начальства въ заведеніи было пропасть. Заведеніе состояло изъ 4-хъ ротъ. Рота, заключавшая въ себѣ болѣе 300 кантонистовъ, дѣлилась на 4 отдѣленія (капральства), капральство — на 4 десятка. Въ ротѣ начальствовали: ротный командиръ, фельдфебель, 4 капральныхъ: унтеръ-офицера и ефрейтора (на кантонистскомъ нарѣчій пергые — правящіе, а послѣдніе — капралы). Кромѣ того, тутъ было 20 десяточныхъ ефрейторовъ, столько же вице-ефрейторовъ, да до 100 дядекъ. Должностные отличались по значкамъ на погонахъ. Фельдфебелями и правящими были учителя-унтеръ-офицеры и просто унтеръ-офицеры; въ капралы же — десяточные ефрейторы и вице-ефрейторы выбирались изъ среды самихъ кантонистовъ, — такіе, которые отличались ловкостью и, главное, красотою.

— Вставать, вставать! — раздалось по комнатамъ на рѣзные голоса.

Кантонисты мигомъ встали и принялись: кто застлать кровать, кто расправлять брюки, обчищать куртки, шли умываться. Спустя четверть часа, всѣхъ согнали одѣваться на заднюю линію, а на переднюю выступили дневальные, начали сбрызгивать водой изъ рта полъ, подметать его, стирать поднявшуюся густымъ столбомъ пыль. Далѣе, одѣтые въ куртки мальчики подвергались осмотру: новички — со стороны дядекъ, дядьки — вице-ефрейторовъ, вице-ефрейторы со всѣми вмѣстѣ были осматриваемы ефрейторами. Всякій высшій начальникъ старался находить неопрятность, неисправность въ одеждѣ низшаго, ему подвѣдомаго, начальника и тутъ же щипалъ его за волосы, рвалъ за уши, билъ кулакомъ; а наказуемый, лишь только освобождался отъ наказующаго, немедленно придирался къ своему подчиненному и на немъ вымещалъ свою боль. Такимъ образомъ побси передавались до новичковъ включительно; имъ бить ужъ некого было.

— Второе капральство, на молитву! — раздался голосъ правящаго, и человекъ 70—80 столпились въ уголь, къ образу. Правящій задалъ тонъ и кантонисты запѣли. Но правящій недоволенъ.

— Если завтра такъ же плохо споете, какъ сегодня, — говоритъ онъ, — всѣхъ безъ обѣда оставлю. Теперъ по мѣстамъ, иду койки осматривать.

Кантонисты мигомъ очутились возлѣ своихъ кроватей и принялись вбивать мочальными подушки, обтягивать простыни, одѣяла. А правящій съ капраломъ, вооруженнымъ пучкомъ розогъ, пошелъ осматривать кровати. Отворачивалъ гдѣ одѣяло, гдѣ тюфякъ, приказывалъ выдвигать кроватный щикъ, вынимать изъ него вещи, заставлялъ при себѣ же опять складывать ихъ, по установленной формѣ, и прятать обратно въ

ящикъ, но прятать такъ, чтобы по срединѣ ящика непременно лежали: полотенце, гребенка, ложка и зеркальце, если оно имѣется. Видно, того требовалъ порядокъ.

— Капралы! за хлѣбомъ!—раздался по комнатѣ новый крикъ, по окончаніи осмотра кроватей.

Капралы отправляются на зовъ къ фельдфебельской каморкѣ, вовлѣ которой расположенъ столъ; на немъ поставлены чернильница, песочница, счеты, какія-то бумаги и въ жестяномъ подсвѣчникѣ горитъ сальная свѣча. У стола сидитъ заспанный кантонистъ лѣтъ 17. Это ротный писарь и ея канцелярія. Подойдя къ столу, 4 капрала, люди съ писаремъ близкіе, сѣли: кто на табуретъ, кто на окно, кто и на столъ, а на приличномъ отъ нихъ разстояніи стали на вытяжку человекъ 10 простыхъ кантонистовъ, пришедшихъ за хлѣбомъ для капральствъ. На ближайшей къ столу кровати стояли двѣ огромной величины корзины съ нарѣзанными ломтями.

— Въ первое капральство отпусти 63 ломтя, — приказываетъ писарь дежурному ефрейтору, завѣдующему хлѣбомъ.

— Ну, ужъ и 63! — возражаетъ капраль Бирковъ, стройный, 18-ти-лѣтній юноша. — Прибавь, Петя, ломтей десять на мое рыло; я, чай, знаешь, люблю поѣсть.

— Прибавь ему 10 ломтей. — велѣлъ писарь дежурному. — Потомъ, обращаясь къ Биркову, прибавляетъ: — Чуръ, помнись; у Рудина въ классѣ урокъ не спрашивай, а то учитель испортитъ оплеухами всю его маску (красоту), тогда всѣмъ намъ житья не будетъ отъ фельдфебеля.

— Во второе капральство 65 ломтей, въ третье 80, — продолжалъ Бобровъ.

— Ты, Петя, въ умѣ, али нѣтъ? — заговорилъ капраль Андреевъ. — А на прибывшихъ? Ихъ вѣдь 6 человекъ.

Бобровъ хватаетъ рапортичку, счеты и щелкаетъ костями.

— Твои прибывшіе пропущены, — рѣшаетъ онъ. — Ну, да они, я думаю, еще деревенскихъ кокурокъ (сдобныя, сухія лепешки) не доѣли. Завтра вытребую, а сегодня пусть такъ останутся.

— Какъ же безъ завтрака!

— Да очень просто: на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Что же ты дѣлаешь? однимъ по 15 ломтей лишникъ, а другихъ голодныхъ оставляешь, — вмѣшивается капраль 4-го капральства, Калининъ.

— Тебѣ-то что надо? — прерываетъ Бобровъ. — Думаешь, и тебѣ прибавлю? какъ же, держи карманъ.

— Прибавить, не прибавишь, а и не добавить не смѣешь.

— Наушничать, что-ли, пойдешь?

— И этого не сдѣлаю, а при всѣхъ же фельдфебелю пожалуюсь: пусть онъ насъ разсудитъ.

— Безъ года недѣлю и капраломъ-то, а ужъ туда же ротъ разѣваетъ! На отца надѣешься, вотъ тебѣ и чортъ не братъ.

— Надѣюсь-ли я на кого, либо нѣтъ—это дѣло постороннее, а ужъ за свое капральство постою.

— За свое капральство? Да стоишь-ли ты быть капраломъ-то? Попалъ въ капралы изъ-за маски, да тятиньки, и туда же храбрится! Настоящее-то твое мѣсто вѣдь въ слабыхъ (новичкахъ), а не въ ординарцахъ, да въ знаменщикахъ.

— Въ дѣлежь хлѣба все это не подходитъ. Я ни во что не напрашивался!

— Молодецъ, Митя, ловко огрызаешься,—перебиваетъ Бирковъ.—Ахъ вы мои, кралячки этакия.

— А самъ-то, самъ-то развѣ не маска?—возражаютъ Рудинъ и Андреевъ.

— Напрасный трудъ: я самъ того и гляжу...

— Вотъ, братцы, что значитъ надѣяться-то!—молвилъ Андреевъ.—Теофъ, Митя, спола-горя смѣяться надъ другими, коли знаешь, что тебя побоятся трогать.

— Не будь-ка у тебя отца, то же бы...

— Полно вамъ, дьяволы, такіе разговоры-то здѣсь вести: услышать, а не то изъ васъ же кто-нибудь перескажетъ, тогда мнѣ, того и гляди, придется въ чужомъ пиру похмѣляться. Додай, Панкратьевъ, въ 3-е и 4-е капральства по 6 ломтей лишннихъ, противъ наличнаго числа, и убирайтесь отсюда ко всѣмъ чертямъ. Тутъ надо рапортъ сочинять, а съ вами только съ толку собьешься.

Получивъ хлѣбъ, капралы отправились во-свояси, тамъ созвали къ себѣ десяточныхъ ефрейторовъ, роздали имъ завтраки на ихъ десятки, также по числу людей; тѣ перенесли хлѣбъ на свои кровати и дѣлили его десяткамъ чрезъ дядекъ и вице-ефрейторовъ. И ломоть черстваго хлѣба, въ четверть фунта вѣсомъ, кантонисты съ жадностью съѣдаютъ, ворую и отнимая другъ у друга; тѣ же, кого начальство, за беспорядокъ, лишило этого лакомства, съ завистью поглядываютъ на счастливецъ.

Послѣ завтрака, по командѣ капрала, всѣ выстроились. Капраль пожелалъ произвести смотръ своихъ кантонистовъ.

— Ивановъ отчего безъ пуговицы?—строго спросилъ онъ.

— Всѣ, кажись, есть,—отвѣтилъ спрошенный.—Право всѣ.

— Еще увѣряешь—всѣ; а это что? Онъ подошелъ къ нему и указалъ на незастегнутую пуговицу. Это что?

— Да ихъ такъ много, что и не пересчитаешь,—оправдывался виновный.—Экъ ее угораздило отстегнуться. Онъ живо ее застегнулъ. Пуговицъ было на борту куртки счетомъ 6.

— Кто дядька?

— Эвонъ стоитъ—чрезъ двухъ отселева.

— Семеновъ, осматривалъ ты своего племяша?

— Да-съ, осматривалъ.

— И не видалъ, что онъ становится во фронтъ разстегнутый?

— Онъ былъ застегнуть; надо быть, послѣ какъ-нибудь..

— По-вашему—вы оба правы, а по-моему—виноваты, да и виноваты не вы, а ваши глаза, руки. По глазамъ нельзя бить. Ну-ка, Семеновъ, лѣвую руку ладонью вверхъ!

Семеновъ побагровѣлъ, но повиновался. Капралъ ударилъ распущенными прутьями розги прямо по пальцамъ дядьки. Тотъ повеленѣлъ, затрясся, но не пикнулъ, мгновенно поднесъ руку ко рту и сталъ дуть на пальцы.

— Постой, постой дуть-то. Правую впередъ!

Семеновъ исполнилъ. Капралъ хлестнулъ и по ней розгой. У Семена показались слезы.

— На мѣсто! Ну-ка ты, подай сюда руку,—продолжалъ капралъ, обращаясь къ Иванову.

— Ни за что не дамъ. За что-жъ это такъ драться-то?—визгливо заговорилъ Ивановъ.—Хоть убей, не дамъ.

— Не дашь?

Разсерженный капралъ схватилъ его за голову и сталъ стегать по спинѣ. Ивановъ кричалъ изо всей мочи, барахтался.

Пронзительный крикъ его привлекъ вниманіе правящаго, который и подошелъ къ фронту.

— Молчать!—крикнулъ онъ на Иванова, и тотъ ревѣть пересталъ, но все еще всхлипывалъ.—Сергѣевъ! съ правой ноги сапогъ долой, приказалъ правящій. Покажи портянку.

Сергѣевъ показалъ. Она была черновата.

— Ровогъ!—крикнулъ правящій.—Моихъ силъ не хватаетъ смотрѣть за вами. За всѣхъ въ отвѣтъ одинъ я. Такъ я-жъ васъ выучу. каналы!..

— Становитесь въ роту!—прокричалъ дежурный унтеръ, проходя по комнатамъ.

Выстроилась и рота въ самой большой комнатѣ. Издали показался фельдфебель, въ сопровожденіи своей свиты, унтеровъ и капраловъ. Важною, горделивою поступью пошелъ фельдфебель по фронту и одного, меровно стоявшаго, нарядилъ на часы, другому посулилъ рогогъ; вообще не поскупился на распоряженія въ подобномъ родѣ.

— Класные въ класъ, а остальные по десяткамъ и начать одиночное ученье,—заключилъ фельдфебель и отправился пить чай во свояси.

Рота раздѣлилась по комнатамъ на отряды, человекъ по 15—20; десяточные ефрейторы выступили впередъ.

— Смир-р-рно!—скомандовалъ своему десятку ефрейторъ Пахомовъ...—Кантонисты вытянулись въ струнку.

— Ровняйся!

Всѣ выровнялись. Ефрейторъ зашелъ съ праваго фланга, взглянулъ—хорошо; съ лѣваго—тоже.

— Глаза на пра-во!

Мигомъ головъ двадцать повернулись.

— Пря-мо!

Глаза опустили прямо.

— Глаза на лѣ-во!

Одинъ опоздалъ.

— Это что! Что ты о деревнѣ, что-ли, думаешь во фронтѣ? говорить ефрейторъ и начинаетъ драть провинившагося за волосы. Кантонистъ искривляетъ физиономію, пищить, ежится, а ефрейторъ приговариваетъ: что? вѣрно противъ шерсти? Противъ шерсти, а? Помни, что стоишь во фронтѣ, а не за сохой; помни. Поляоборотъ на пра-во!

Кантонисты повернулись на пяткахъ.

— Во фронтъ!

Кантонисты исполнили и это.

— Поляоборотъ на лѣ-во. Во фронтъ. Шеренга на право! На руку дистанція.

Кантонисты отодвигаются и, накладывая руки на правыя плечи впереди стоящаго кантониста, вскорѣ же опускаютъ ихъ по швамъ.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приѣма: ра-а-а-азъ.

Кантонисты медленно и осторожно выдвигаютъ впередъ лѣвую ногу, держась на одной правой и стараясь не шаркнуть объ полъ.

— Хорошенько вытянуть носокъ! корпусъ держать прямо; грудь впередъ; Хохловъ подбери брюхо: чай, не мужикъ.

Ефремовъ обходить шеренгу, внимательно оглядываетъ каждаго, все-ли въ немъ исправно, потомъ возвращается на средину, шага на четыре отъ шеренги.

— От ставъ.

Ноги мгновенно убираются въ свое мѣсто.

— Ра-а-азъ..

Ноги вновь выдвигаются.

— Дв-ва-а.

Ноги плавно поднимаются вверхъ, до-тѣхъ-поръ, нова сравняются съ животомъ.

— На ногѣ не дрожать; корпусомъ не шевелить; руками не болтать.

Ефрейторъ опять обходить шеренгу; но у кого-то нога отъ долгаго держанія ея на вѣсу затряслась сильнѣй и сильнѣй, и потомъ опустилась на полъ.

— Ты, р-р-разбойникъ, не хочешь стоять? стоять не хочешь? Я тебѣ задамъ.

Мгновенная расправа.

— Дв-ва-а-а...

«Разбойникъ» поднять голову.

— Три!

Шеренга живо опустилась на лѣвую ногу.

— Ра-а-азъ! Два-а-а! Ра-а-азъ! Два-а-а!

И попеременно поднимаются на воздухъ то правыя, то лѣвыя ноги.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ два приема ра-а-азъ!

Лѣвыя ноги прямо поднялись вверхъ.

— Два-а-а! Ноги опустились. Не шевелиться!

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ одинъ приемъ! Ра-а-азъ.

Всѣ мгновенно подняли ноги и протяжно сдѣлали шагъ впередъ.

— Ротный командиръ!—раздалось издалека.

— Во фронтъ!—скомандоваль ефрейторъ.—Хорошенько откашляться, подтянуться, выровняться.

Фельдфебель выскокль изъ своей коморки, подбѣжалъ къ ротной канцеляріи, схватилъ какую-то бумажку и поспѣшно направился-было на встрѣчу ротному.

— Гаврило Ефимычъ!—остановилъ его ротный писарь Бобровъ:—рапортика-то вѣдь не подписана...

— Сто разъ, кажется, я тебѣ, шмара проклятая, приказывалъ подписывать за меня самому, а ты? Не умничай лучше, да не толкуй о томъ, что до меня не касается. Ужъ я когда-нибудь спущу тебѣ шкуру; непременно спущу. Подпиши!

И фельдфебель бѣгомъ пустился къ ротному.

Въ комнату роты вошелъ среднихъ лѣтъ толстый, рыжій офицеръ; лице его было безъ всякаго выраженія, дряблое, отвислое; только быстрые, сѣрые глаза его какъ-то дико свѣтились: Это былъ капитанъ Живодеровъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ введении лѣтъ 15—20 съ прапорщичьяго чина и между офицерами считался старшимъ, и даже пользовался почетомъ.

— Здравствуй,—процѣдилъ сквозь зубы Живодеровъ фельдфебелю, когда тотъ отрапортовалъ ему о благополучіи.

— Желая здравія, ваше благородіе.

— Здорово, ребята!—обратился Живодеровъ къ кантонистамъ.

— Здравія желаемъ ваше б-родье! гаркнули кантонисты во весь голосъ.

Привѣтствіе «здравствуй», а не «здорово» означало хорошія интимныя отношенія между здоровающимися. Съ такою фамилярностію ротные обыкновенно обращались только къ фельдфебелямъ.

— Продолжать ученье,—произнесъ Живодеровъ, направляясь дальше.

— Не угодно-ли вашему благородію трубочки покурить?—вєрадиво предложилъ фельдфебель.

— Пожалуй,—согласился Живодеровъ и пошелъ въ фельдфебельскую комнату, гдѣ выпилъ изъ знакомаго ему глинянаго кувшина изрядный стаканчикъ-другой, и сдѣлавшись значительно веселѣе, вышелъ къ учившимся.

— Шеренга на-пра-во!—командоваль ефрейторъ.

— На пять шаговъ дистанція, скорымъ шагомъ мар-р-ршъ!

Все двигалось въ стройномъ порядкѣ, а ефрейторъ громко держалъ тактъ, считая: разъ-два, разъ-два.

— Носокъ, носокъ вытягивать, — крикнулъ, наконецъ Живодеровъ — Я здѣсь! Это «я здѣсь» коротко было знакомо кантонистамъ по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ.

— На лѣво круг-гомъ! поворачивалъ ефрейторъ. Кто-то споткнулся.

— Стой, — рывкнулъ Живодеровъ. — Розги здѣсь?

— Ивановъ, принеси розогъ! — передалъ фельдфебель ефрейтору.

— Отчего здѣсь нѣтъ — спросилъ, побагровѣвъ, Живодеровъ. — Я сколько разъ приказывалъ, чтобы во всѣхъ комнатахъ были розги? Ждать теперь? Смотри! — погрозилъ онъ фельдфебелю.

— Сегодня, ваше благородіе, полковникъ изволили обѣщаться зайти. — оправдывался фельдфебель. — Потому я распорядился убрать для чистоты...

— Тутъ что хочешь можешь быть лишнее, но не розги. Это и полковникъ знаетъ. Безъ розогъ нечего здѣсь и дѣлать. Понимаешь ты... а? Понимаешь, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Эй ты, Фокинъ, впередъ. — Помертвѣвшій мальчикъ вышелъ изъ шеренги.

— Ну, какъ теперь его драть? — громко сказалъ Живодеровъ. — Какъ бы такъ, чтобы и ловчѣй, и больнѣй было? Не выдумаль-ли ты какого-нибудь новаго метода? — отнесся онъ къ фельдфебелю.

— Ежели угодно — прикажите ему, ваше благородіе, ввязься, не раздѣваясь, за носки руками. Эдакого манера они шибко трусятъ...

— А?.. а?.. Возьмись-ка, любезный, за носки, — заговорилъ Живодеровъ

— Простите ваше благородіе, никогда больше не замѣтите! — взмолился Фокинъ.

— Не будешь — твое счастье — сѣчь не буду. Ну, а теперь нагнись-ка. Ефрейторъ, валяй!

Фокинъ повиновался, но послѣ перваго же удара выпрямился. Живодеровъ повторилъ приказаніе «за носки». Фокинъ, получивъ ударъ, страшно завылъ и опять выпрямился.

— Счастливая мысль, благая мысль. А та-та-та! Брюки долой. Раздѣнься! и за носки!..

Фокинъ плакалъ, медлилъ.

— Исполнить! — крикнулъ Живодеровъ другимъ кантонистамъ. Фокина хлестнули распущенными прутьями, но на этотъ разъ онъ ужъ не выпрямился только, а грохнулся навзничъ объ полъ.

— По животу теперь его, по животу: встанетъ. А та-та-та Хорошо, хорошо! А та-та-та! Напалъ, напалъ-таки, наконецъ

на мысль!—неистовствовалъ Живодеровъ.—Проба хороша, отличная проба. За носки, за носки и взадь и впередъ: брюхо тоже не жалѣть. За носки!..

— Полковникъ идетъ!—доложилъ кто-то.

— Довольно, пока довольно!—произнесъ Живодеровъ и отправился на встрѣчу начальнику заведенія. Описанный собесѣдникъ наказанія ему, между тѣмъ, такъ понравился, что онъ ввелъ его въ частое употребленіе, къ невыразимому ужасу и отчаянію кантонистовъ.

— Открыты ящикъ вотъ этой кровати!—приказалъ начальникъ послѣ обычного здорованья. Онъ былъ маленькаго роста, круглый, бѣлокурый, съ сѣрыми на-выкатъ глазами, по фамиліи Курятниковъ.

Въ ящикѣ обстояло все благополучно.

— Позвольте, капитанъ, узнать: отчего вонъ подъ тою кроватью пыль?—продолжалъ начальникъ, указывая пальцами въ даль.

— Не вижу, господинъ полковникъ, право не вижу-съ,—отозвался Живодеровъ. — Глазами, надо полагать, плохъ сталъ. Извините.

— Если вы не видите пыли, такъ я слышу отъ васъ запахъ водки; понимаете: водки? Вы на ученіи, на службѣ,—что же это?

— Виновать-съ, господинъ полковникъ, виновать... для подкрѣпленія... нездоровится что-то.

— Такъ надо, по вашему пить? Нѣтъ-съ! Хотите служить—будьте исправны, не хотите—маршъ въ отставку. Я другихъ найду; да, найду другихъ, да такихъ, которые будутъ прилежны, которые съ женами драться не станутъ. У меня здѣсь не богадѣльня и не кабакъ-съ. Послѣдній разъ дѣлаю вамъ выговоръ, а дальше я съ вами и говорить не стану.

Полковникъ ушелъ. Живодеровъ потребовалъ виновныхъ. Виновнымъ (подъ чьею кроватью была пыль) оказался новичекъ, но какъ онъ новичекъ—то и его дядька.

— Мнѣ дѣлають выговоръ, меня распекають, а я буду на васъ любоваться? Нѣтъ, ребята. шалите. Раздѣваться!

Минутъ пятнадцать спустя оба были выдраны вновь изобрѣтеннымъ манеромъ.

Часовъ въ одиннадцать ученіе кончилось. Кантонисты разбѣжались. Живодеровъ, совершенно довольный, ушелъ домой. Живодеровъ не могъ жить безъ драки. Онъ былъ не въ духъ, когда ему не удавалось выдрать кого-нибудь въ ротъ—и тогда совершалъ побоище дома. Вслѣдствіе этого, лишь только наступить, бывало, 12-й часъ—время возвращенія его изъ роты—семья его ужъ зорко глядитъ въ окна, въ какомъ видѣ идетъ хозяинъ: если верхъ его шапки нахлобученъ на кокарду—всѣ бѣгутъ, прячутся кто куда можетъ. Но прихода, часто случалось,

не устерегали. И вотъ онъ войдя въ комнату и бросивъ шапку на полъ, напустился на сына.

— Ты что урокъ не учишь?

— Я, папенька, ужъ выучилъ. Учитель поставилъ 6 балловъ, вкрадчиво и съ подобострастьемъ отвѣчаетъ старшій его сынъ, мальчикъ лѣтъ 16, а самъ такъ и норовитъ тягу дать.

— Ну, а ты зачѣмъ въ зубахъ ковыряешь, развѣ у тебя нѣтъ другаго дѣла—а? обращается онъ къ младшему сыну.

— У меня, папенька, зубы болятъ,—объясняетъ сынъ, дрожа отъ страху.

— Тѣмъ хуже, значить бѣгалъ по двору, простуживаешься. Я вотъ тебѣ полечу зубы. Я тебѣ дамъ шалить. Эй, Аеонька, розогъ!

И начинается сѣзучія.

Участь дочери—дѣвушки уже на возрастѣ—была не лучше. Отецъ, будучи не въ духѣ, бывало, подойдетъ къ ней, остановится и упорно глядитъ то ей въ лицо, то на ея работу. Дочь крѣпится, крѣпится: не станетъ ей въ терпежъ, уткнетъ голову внизъ, да и заплачетъ. А этого только Живодеровъ и ждетъ.

— Такъ вотъ ты какова, змѣя подколодная! На отца и глядѣть не хочешь, онъ тебѣ противенъ, онъ васъ не стоитъ? А кто же загубилъ мой вѣкъ *)—не вапа развѣ мать съ вами, щенятами? А кто васъ кормитъ, кто станетъ готовить вамъ приданое, кто будетъ искать жениха? Такъ вотъ за все это отецъ звѣрь. отецъ вашъ ненавистенъ, про отца сплетни распускаете?.. Нѣтъ! Я заставлю встрѣчать себя весело, а не со слезами... Аеонька, розогъ сюда!

Несчастная дѣвушка, подобно братьямъ, подвергается истязаніямъ. Истерическій вопль ея еще болѣе раздражаетъ Живодера.

— Такъ ты еще орать?—воскликнулъ онъ, съ пѣною у рта.—Такъ ты еще съ норовомъ, тебѣ вѣрно мало? Цѣлая рота по первому моему знаку замираетъ, а тутъ дрянная дѣвчонка отъ рукъ отбивается, слушаться не хочетъ.. Нѣтъ! Я изъ тебя выбью этотъ норовъ, выбью! И онъ впадаетъ въ азартъ, хватается за розгу и самолично чинитъ расправу... Неистовый шумъ и дикіе стоны долетаютъ до слуха матери, которая прибѣгаетъ освобождать дочь и вступаетъ въ рабоборство съ мужемъ.

— Ванька, Аеонька, сюда, сюда скорѣй!—кричитъ Живодеровъ въ пылу неистовства, послѣ нѣкоторой борьбы съ женою изъ за жертвы дочери.—Растяните-ка это чертово отродье, растяните да въ пересушку ея, эту корову, въ пересыпку!—у!..

И жена, такъ же какъ дѣти, какъ кантонисты, подвергается наказанію. Нерѣдко, впрочемъ, Живодезову удавалось заперать

*) Онъ женился въ первой молодости по любви на мѣщанкѣ и вслѣдствіе этого считалъ вѣкъ свой загубленнымъ.

жену подь замокъ, въ спальню, на время, пока онъ истязуеть дочь. Домъ Живодера послѣ каждой повальной экзекуціи перевертывался вверхъ дномъ на нѣсколько дней; но потомъ все входило въ обычную колею до слѣдующаго погрома. Какъ у жены, такъ и у дочери синяки и царапины почти не сходили. Жена постоянно жаловалась на мужа и начальнику, и знакомымъ, но толку отъ этого было мало: начальникъ выговаривалъ только ему, журилъ его слегка, а знакомые интересовались разсказами несчастной матери только потому, что видѣли въ нихъ матеріалъ для городской сплетни.

Двѣнадцать часовъ. По ротамъ заведенія прошелъ горнистъ, трубя въ рожокъ сигналъ, призывающій къ обѣду. За нимъ слышалось приказаніе: «прислуга въ столовую», и шло туда мальчиковъ пятнадцать, двадцать изъ роты. Прислуживали за столомъ поочередно, подь наблюдениемъ ефрейторовъ, всѣ простые, т. е. нечиновные кантонисты. По приходѣ въ столовую, раздѣлявшуюся на двѣ громадной величины половины, прислуга надѣвала фартуки, шла за хлѣбомъ, раскладывала его по мѣстамъ, получала, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, щи, при чемъ въ нихъ опускалось счетомъ на каждаго человѣка по два кусочка говядины, мелко накрошенной. Окончивъ эти приготовления прислуга становилась вондѣ стола и ожидала прихода ротъ.

Разсадка по мѣстамъ производилась по командѣ, причемъ начальство пользовалось привилегіею—кушать отдѣльно отъ прочихъ.

Дѣти позволяли себѣ, стоя въ комнатахъ фронтомъ до отправки въ столовую, нѣкоторыя развлеченія.

— Давай, Ершовъ, ложками биться,—предлагаетъ мальчикъ Пименовъ.

— А ежели разобьешь, при чемъ же я-то останусь?

— Можеть, ты мою разобьешь! Это вѣдь на счастье. Давай, что-ли! Была-не была—попробуемъ

Ершовъ колеблется.

— Трусъ, трусъ,—подстрекають его одни.

— Не бейся, Ершъ: безъ обѣда останешься,—предваряють его другіе:—у него ложка дубовая и онъ ею не токма твою березовую, а какую угодно укокошить.

— Что-жь. бьемся, али нѣтъ?

— Бьемся!—рѣшаетъ Ершовъ. И, выставивъ впередъ наружную сторону дна ложки, онъ держитъ ее за черенокъ.

— Держись!—напоминаетъ Пименовъ, размахиваетъ въ воздухъ руку, ударяетъ своею ложкою по ложкѣ Ершова и та разлетается на части.

— Молодецъ, Пименовъ, право молодець,—одобряють одни.

— Ну что, храбрець?—дразнятъ Ершова другіе. Бѣги скорѣй за ложкой, не то за второй столъ останешься.

У Ершова наворачиваются на глазах слезы.

— Иди же, тебѣ говорятъ, ложку добывать скорѣй, пока не повели въ столовую,—подхватываетъ и Пименовъ.—А вы ребята, никто помни, не дерись со мной на ложкахъ,—предупреждаетъ онъ близъ стоящихъ товарищей.—Захочу—всѣхъ оставлю безъ обѣда.

— Дайте, братцы, ложку—сходить пообѣдать —жалобно просить Ершовъ, выйдя на заднюю линію къ оставшимся за второй столъ.—Дай, Мериновъ будь другъ!

— Я самъ за столъ пойду,—сердито отвѣчалъ Мериновъ.

— Дай, Вася, ложку—сходить пообѣдать,—просить Ершовъ у другаго.

— Ложку? гм...—отвѣчаетъ, гримасничая, Панковъ.—Да ты изъ какихъ?

— Вѣдь за второй столъ пойдешь; чего-жъ жалѣть-то...

— А для чего бы тебѣ не идти за второй, а безпремѣнно мнѣ?

— Да у меня и мѣсто занято, и ложка была...

— Была, да сплыла. Уступи-ка ты лучше свое мѣсто мнѣ а я совсѣмъ подарю *) тебѣ, за это, ложку. Ложка, правда, старенькая, съ отгрызаннымъ краемъ,—ну, а хлебать—ничего,—все-таки можно; кашу тоже изрядно поддѣваетъ. Согласенъ что-ли?

Но Ершовъ ужъ обращается къ третьему.

— Полно канючить-то по-пустому: будь увѣренъ, никто не дастъ. вѣдь это народъ—все сквалыга —вразумляетъ Панковъ Ершова.

— Фельдфебель идетъ! —раздается по комнатѣ.

— Уступи же. Ершовъ мѣсто-то право подарю ложку: не то—смотри. фельдфебель узнаетъ про ложку и задастъ тебѣ перцу-азра...

— Ну, займи ужъ,—горестно соглашается Ершовъ:—только ложка-то ужъ моя.

— Не сумлѣвайся, обмануть—не обману. И Панковъ очутился на мѣстѣ Ершова.

— Что, Ершъ, безъ обѣда?—насмѣшливо крикнуть ему Пименовъ, высунувъ языкъ.

— Подожди, смутьянъ ты проклятый,—погрозилъ ему Ершовъ ивдали. Я тебѣ уже, на ученѣ-то выквитаю...

— Обтянуть шинели, пуговицы... крючки... волосы пригладить!—говорилъ, между тѣмъ; фельдфебель, обходя фронтъ.—Идти въ ногу, начальнику смотрѣть въ глаза—весело! Бѣсть тихо, не шумѣть, вставать разомъ, послѣ сигнала, и хлѣба не красть. Попадется кто—съ шеи до пятъ всю шкуру спущу! Маршъ!

*) Кавенныхъ ложекъ никогда не давалось.

Рота отправилась обѣдать, «вольнымъ шагомъ и въ ногу». Занявъ въ столовой свои мѣста, кантонисты стали лицомъ къ образу. Въ средней двери появился пѣвческій регентъ, унтеръ, и задалъ тонъ.

Кантонисты запѣли.

— Отставить!— крикнулъ вошедшій полковникъ

Снова!

— От-че всѣхъ на тя, на тя-Гос-спо-ди...

— Чортъ васъ подери!— крикнулъ полковникъ. Развѣ такъ надо? Короче, короче,—говорилъ онъ, стуча ногами и какъ бы показывая движеніемъ ихъ, какъ надо. Отставить. Пѣніе прерывается.

— Начинай еще...

— Отче всѣхъ на тя, Господи, уповакъть...

— Стой! Ну, ужъ я вамъ дамъ: уповають! Перепорю вотъ черезъ девять десятаго, такъ вы у меня будете уповать. Развѣ «Отче всѣхъ»,—передразниваетъ полковникъ, а? «Очи», а не «Отче»... Ну еще?.. начинай...

— Очи всѣхъ на тя, Господи, уповають,—поютъ кантонисты, а полковникъ, притопываетъ ногами... «И отверзаеши щедрую руку твою...»

— Скверно! Я васъ передеру, непременно передеру! Продолжай «щедрую руку мою».

— Щедрую руку твою и исполняеши всякое животное благоволеніе.

— Вотъ тебѣ благоволеніе, вотъ тебѣ благоволеніе,—приговаривалъ полковникъ, отсчитывая улыбнувшемуся правящему ударъ за ударомъ по лицу.

— Садись!—скомандовалъ дежурный офицеръ

Кантонисты сѣли и съ какою-то дикою, волчьею жадностью начали ѣсть. Полковникъ пошелъ мимо обѣдающихъ.

— Отчего за этой миской не шесть человѣкъ, а только пять человѣкъ?—спрашиваетъ онъ, останавливаясь около одного стола.

Отвѣта нѣтъ.

— Почему тутъ нѣтъ шестаго, спрашиваю я?

Дежурные переминаются, кантонисты блѣднѣютъ и краснѣютъ.

— Въ нехорошей шинели былъ и вернулся назадъ: испугался, что ваше скородье тутъ!—рѣшился отвѣтить одинъ изъ пятерыхъ.

— А гдѣ ломоть хлѣба, который положенъ былъ для этого шестаго?

Молчаніе.

— Ну... гдѣ... а? — грозно тараща глаза, говоритъ полковникъ.

— Съѣли-съ...—вполголоса отвѣчаютъ двое, среди которыхъ не оказалось шестаго.

— Врете, черти, спрятали? Кто спряталъ, скажись; а не то до смерти запорю.

— Мы съѣли съ пополамъ-съ...—жалобно заговорили двое.— Простите, ваше скородье!

— А зачѣмъ съѣли? развѣ вамъ не было положено по ломтю?

— Крошечные ужъ очень попали-съ, помилосердствуйте, ваше...

— Ахъ вы, обжоры проклятые; вамъ все мало. Отъ земли не видать, а ужъ въ три горла, чортъ васъ побери, жрете-то.

— Никогда не будемъ; въ первый и послѣдній разъ.

— Нарялить на часы этихъ двухъ обжоръ на полночь (вторую смѣну), а остальныхъ—на первую и третью смѣну.

Первая чашки щей вездѣ ужъ выхлебали. И прислуга забѣгала во всю свою дѣтскую прыть, опять за щами, хлѣбомъ и квасомъ. Второй хлѣбъ былъ ужъ не цѣлые ломти, но кусочки. корки и обглодыши. Вторыя щи гораздо жиже первыхъ и ужъ безъ говядины, а второй квасъ разведенъ водою. Но и это все ѣтся и пьется съ чудеснымъ аппетитомъ, въ ожиданіи каши, которой давалось полчашки на шесть человѣкъ. Подали кашу. Всѣ съ азартомъ начали ее расхватывать, обжигали рты, давились и спѣшили зачерпнуть возможно больше. На одномъ изъ концовъ стола вылетѣла на средану комнаты ложка безъ черенка и тамъ же раздался смѣхъ.

— Чья ложка? Что за смѣхъ? — крикнулъ начальникъ, и живо очутился на мѣстѣ происшествія. Кантонистовъ, около которыхъ онъ остановился, покорило. — Чья ложка?—повторилъ онъ.

— Моя-съ... — тоскливо произнесъ худенькій, бѣлокурый мальчикъ.

— Какъ она очутилась на срединѣ, сломанною?

— Виноватъ, ваше скородье: я нечаянно опустить ее въ чашку и хотѣлъ вынуть, а вотъ онъ, Плюевъ, ударилъ меня по рукѣ, а Друговъ ударилъ по самой ложкѣ, сломалъ ее и швырнулъ на полъ. Простите, вашескородье.

— Ты, Плюевъ, какъ смѣлъ бить его по рукѣ?

— Онъ полѣзъ, ваше скородье, голой рукой въ чашку,—оправдывается Плюевъ. — Кашу ѣдимъ, а онъ въ нее руку суеть: можетъ, онъ гдѣ допрежь ее держалъ...

— А ты, Друговъ, зачѣмъ слома л ложку и выкинулъ?

— Я хотѣлъ вытащить ее. Я приперъ ее ко дну, чтобы вынуть, да ткнулъ черезчуръ шибко, она и вылетѣла...

— А вы чего захохотали?

— Виноваты-съ... Смѣшно стало, ваше скородье, какъ Григорьевъ вытащилъ изъ чашки руку, всю въ кашѣ, да прямо ее въ ротъ и облиываетъ кашу-то.

— Ты-жъ зачѣмъ сунулъ руку въ ротъ?

— Да больно-съ, ваше скородье.

— Такъ вы шалить? Дать имъ всѣмъ ужю по пятнадцати.

Кантонисты повѣсили головы и замолчали, зная, что значить пятнадцать.

Горнисть съигралъ — вставать. Обѣдавшіе вскочили. Многие не доѣли еще кашу и глядѣли на нее съ жадностью. Спѣли послѣобѣденную молитву, опять въ перемежку съ ругательствами начальника.

— Выводить роты! — крикнулъ онъ: — да обыскать хорошенько.

Роты, одна за другою, пошли человѣкъ отъ человѣка на три шага разстоянія; въ дверяхъ два солдата ощупывали и обшаривали каждого съ головы до ногъ, и нашли куски хлѣба: у одного въ рукавѣ шинели, у другого подъ мышкою, у третьяго привязаннымъ за шнурокъ шинели, сзади между сборками, у четвертаго подъ брюками, у пятаго за голенищею сапогъ и т. д. Всѣхъ ихъ вывели, одного за другимъ, на средину. Начальникъ потребовалъ розогъ и ихъ принесли пучковъ сто, воровъ было до пятидесяти человѣкъ.

— Раздѣться и ложиться всѣмъ рядомъ! — приказалъ онъ. — Считать вѣрно, драть хорошенько; въ противномъ случаѣ, и дерущихъ разложу. Всѣмъ по полсетнѣ.

Воры растянулись, розги засвистали. Поднялся неимоверный крикъ, вой и стонъ на всевозможные голоса.

— Довольно! — крикнулъ начальникъ, отсчитавъ опредѣленную цифру.

Всклипывая, бросились наказанные изъ столовой, застегиваясь и оправляясь на бѣгу.

— Что ты, Ваня, такъ долго замѣшкался? — спрашиваетъ Ершовъ, въ дверяхъ роты, только что вернувшася Панкова. — Ужъ не попало-ли?

— Пошелъ къ чорту! — злобно отвѣчаетъ Панковъ.

— Какъ же это ты вадумалъ при немъ хлѣбъ уводить? — съ участіемъ допытываетъ Ершовъ.

— Вѣдь всего-то подломтя и захватилъ! — говоритъ, плача, Панковъ.

— Самъ, братъ, напросился. Дай же ложку!

— Самъ напросился? А вотъ не дамъ ложки, да и все тутъ. Отстань отъ меня.

— Чай, самъ сказалъ: «дамъ» — гдѣ же честное-то слово? И туда же еще, землякъ прозываешься.

— Уведешь два ломтя хлѣба — дамъ ложку, не уведешь — вѣтъ тебѣ ложки.

— Ежели «его» не будетъ въ столовой — попытаюсь: безъ него легче. Дай же ложечки, а то опоздаю.

— Ну, хоть ломоть, да уведи безпремѣнно. На ложку.

— Можно будетъ, извѣстно, не прозѣваю.

За вторымъ столомъ пища была еще хуже; зато начальникъ уходилъ иногда домой; молитвой уже не донимали и кража хлѣба проивводилась несравненно удачнѣе. Поэтому, опытные

воры, жертвуя кусочкомъ говядины перваго стола, ходили постоянно за второй и выгадывали на хлѣбѣ. Укравши нѣсколь-ко кусковъ, кантонистъ торжествовалъ, потому что за кусокъ хлѣба покупались: листъ бумаги, иголка, двѣ-три костяшки, отъ двухъ до пяти нитокъ, занимались воду носить, полъ подметать, стояли на часахъ по три часа ночью и проч. и проч.

Вернулся отъ обѣда и Ершовъ.

— Ну, что, увель?—поспѣшно спросилъ Панковъ.

— Не кричи: опасно! — таинственно отвѣчаетъ Ершовъ.— Нешто не видишь, фельдфебель ходитъ и глаза пучить на всѣхъ.

— Полно пустяки городить! Хлѣбъ есть?

— Извѣстно, есть. Два ломтя увель: тебѣ одинъ и себѣ одинъ. Идемъ въ умывальню, тамъ отдамъ.

— Экій ты, Ершъ, счастливецъ какой!

— Есть чему завидовать, нечего сказать! Ломоть хлѣба досталъ, а ложку погубилъ.

— А я-то развѣ не ложку далъ?

— Обгрызанную-то?

— Все-жъ лучше, чѣмъ вовсе безъ ложки.

Оба торопливо вышли въ дверь.

— Ивановъ, Абрамовъ, Гашкинъ и Панковъ! къ фельдфебельской!—крикнулъ капралъ.

У фельдфебельской каморки выстроились человекъ десять кантонистовъ.

— И ты, Патрахинъ, попался,—началъ фельдфебель.— Хорошо, что я мигнулъ служителю и онъ тебя выпустилъ, а то вѣдь больно постегали бы. Зачѣмъ ты кралъ хлѣбъ?

— Да послѣ ученья всегда ѣсть хочется,—смѣло отвѣчалъ спрошенный.— Купить что-нибудь поѣсть — не на что: всѣ деньги истратилъ, со двора идти за ними еще надо ждать воскресенья, а до тѣхъ поръ хоть умирай съ голода; ну, я, Гаврило Ефимычъ, и укралъ. Я и начальнику такъ бы прямо сказалъ. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ насъ морятъ?..

— Когда ѣсть захочешь, приходи къ моему камчадалу (лакею) и отъ моего имени спроси у него хлѣба.

— Покорно благодарю-съ...

— А часто бываетъ капитанъ у твоего папаши (онъ былъ незаконнорожденный сынъ одного значительнаго въ городѣ барина который «официально» покровительствовалъ ему и велъ знакомство не только съ ротнымъ но и съ самимъ начальникомъ заведенія).

— Очень часто: рѣдкій праздникъ я ихъ тамъ не вижу-съ. Въ карты играетъ, вино пьетъ, ну, и разговариваютъ.

— А обо мнѣ поминаетъ?

— Какъ же-съ, поминаетъ, часто поминаетъ.

— Что-жъ, ругаетъ, али хвалить?

— Хвалить-сь, всегда хвалить. Говорить: «вся рота на васъ держится».

— А папаша спрашиваетъ тебя когда про меня?

— Точно такъ-сь.

— Ну, и ты меня хвалишь?

— Да-сь, хвалю. Онъ намедня сказалъ: «Поблагодарю, говоритъ, полковника за него (т. е. за васъ), какъ увижусь съ нимъ, да и посчитаюсь съ нимъ кстати за то, что дѣтей худо кормить».

— Всегда, смотри, хвали меня. Ты вѣдь молодець. Желаетъ быть ефрейторомъ?

— Никакъ нѣтъ-сь, не желаю.

— Отчего?

— Да тяжело: ефрейтору за весь десятокъ приходится отдуваться, а простому-то кантонисту одному только за себя.

— Десяткомъ другой будетъ править, а ты станешь значки носить и по ротѣ дежурить. Хочешь?

— Такъ, пожалуй, согласенъ.

— Эй Калининъ! Храмова утвердить ефрейторомъ нельзя.— онъ карявый. Такъ пусть онъ править десяткомъ, а Патрахи ну нашить значки.

— Нешто это справедливо?— замѣчаетъ Калининъ.

— Ну, молчать! Что велятъ, то и дѣлай

— Я вамъ докладываю. что Храмову это обидно, потому, за что же и стараться-то, коли старанія пропадаютъ даромъ?

— Замолчи же, а то уши оборву

— Чтожь, рвите: я за правду стою; а вотъ погляжу, погляжу. да и право пожалуюсь... Про все до полковника дойдемъ отъ казначея...

— Ну, чортъ съ тобой! оставайся съ своимъ Храмовымъ. Ты, Патрахинъ, все равно будешь ефрейторомъ на этой же недѣлѣ въ другомъ капральствѣ. Ну, а вы, сволочь, перестанете хлѣбъ воровать? — продолжалъ фельдфебель, относясь къ перенгѣ.— Молите Бога, что Патрахина простилъ, впередъ не попадаться. По мѣстамъ!

— Слава Богу, что съ нами Патрахинъ попался! вздохнули попавшіеся въ воровствѣ хлѣба, разбѣгаясь по комнатамъ.

— А что?

— Да то, что какъ-бы не его маска, — всѣхъ бы перепороли.

Часъ отдыха. Въ это время кантонисты починаютъ платье, чистятся къ новому ученью, учать уроки, пунктики, артикулы, а кому рѣшительно нечего дѣлать (такихъ, впрочемъ, не бывало), тѣ могутъ, сидя на кроватяхъ задней линіи, шопотомъ разговаривать, дабы не разбудить спящихъ: правящаго и капрала, которые одни только имѣли право спать послѣ обѣда.

Въ половинѣ втораго снова начинается ученье, сопровождаемое обычными уборкою, подметаньями, смотрами, щипками,

затрепинами и розгами. Тѣмъ только и легче, что на это ученье рѣдко является начальство, такъ что истязанія оказываются менѣе жестокими.

Въ пять часовъ—новая мука: ученье, такъ-сказать духовное. Молча, съ замираніемъ сердца, усаживаются кантонисты на кроватяхъ задней линіи по десяткамъ. Племяши номѣщаются возлѣ дядекъ—съ одной стороны, не племяши и не дядьки—съ другой, а посрединѣ—виць-ефрейторъ и ейфрейторъ. Кантонисты держатъ въ рукахъ тетрадки, книжки, а кто просто доскутокъ бумаги.

— Ивановъ! начинается ефрейторъ:—играй сигналъ направо.

— Та-та-тра ди-та-ти! выигрываетъ Ивановъ языкомъ нараспѣвъ и блѣднѣетъ.

— Про-ва-а-ль те бя возь-ми-и! также нараспѣвъ отвѣчаетъ ефрейторъ.—Развѣ такъ? играй снова:

— Та-та-то,—та-та-то!

— Врешь! Долго-ли мнѣ съ тобой мучиться-то а? Высунь языкъ, да побольше. Ивановъ исполняетъ, ефрейторъ ударяетъ кулакомъ ему подбородокъ, онъ прикусываетъ языкъ, весь вздрагиваетъ, но не только не кричитъ, а еще радъ, что такъ дешево отбѣался; усѣвшись на свое мѣсто и взглянувъ на сосѣда, Ивановъ нервически улыбнулся. Ефрейторъ замѣтилъ.

— Ты что, ужъ смѣнешся? крикнулъ онъ.—Сейчасъ же на колѣни и сундукъ въ руки!

Ивановъ становится въ промежуткѣ кровати на колѣняхъ, выдвигаетъ изъ-подъ кровати сундукъ съ ефрейторскими вещами, фунтовъ въ двадцать вѣсу, беретъ его на руки поднимаетъ въ уровень съ головою и держитъ; но руки дрожатъ самъ онъ краснѣетъ, пыхтитъ отъ тяжести наказанія, а опустить сундука не смѣетъ.

— Ѳедуловъ! продолжалъ между тѣмъ ефрейторъ:—кто у тебя бригадный командиръ?

— Генераль-маіоръ и кавалеръ Иванъ Ѳедоровичъ Драконовъ.

— Молодецъ.

— Радъ стараться, Иванъ Егорычъ.

— Арбузовъ! Какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять столь плотно, сколь можно, держась всѣмъ корпусомъ впередъ, и...

— Зачастиль, да и думаешь не пойму? Нѣтъ, шалишь. На колѣни... на кирпичъ...

— Простите, Иванъ Егорычъ, я ей-богу запамятоваль.

— Безъ отговорокъ!

Вынули изъ кроватнаго ящика набитый крупной солью кирпичъ въ тряпкѣ и разсыпали его по полу...

— Засучи штаны...

Арбузовъ засучилъ штаны выше колѣнъ и сталь.

— Теперь я напомню, какъ солдатъ долженъ стоять, заго-

Многосградальныя.

ворилъ снова ефрейторъ: — солдатъ долженъ стоять прямо и непривужденно, имѣя каблуки вмѣстѣ столь плотно, сколь можно, и держась корпусомъ впередъ. Слышишь?

— Выучу-съ, ей-богу выучу, Иванъ Егорычъ, только сжальтесь, пожалуйста, страхъ больно.

— Простите, подхватилъ Ивановъ съ сундукомъ въ рукахъ.

— Я ужъ это слышала «выучу». Постоите-ка, авось тверже запомните. Фельдманъ! Кто у насъ капральный ефрейторъ?

— Кантонистъ Евгений Васильевичъ Бирковъ.

— А военный министръ?

— Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

— Степановъ! Вызови знаменщикова впередъ.

— Та ти-ти,—та-ти-ти; ти!

— Врешь.

— Нѣтъ, не вру.

— Какъ? ты еще грубить? На горохъ на колѣни!

Подобно кирпичу, рассыпался сухой горохъ, сохранявшійся специально для наказаній. И Степановъ съ спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ сталъ на горохъ, засучивъ также штаны какъ и Арбузовъ. Его колѣни были ужъ привычны ко всему

— Петровъ? Сыграй застрѣльщикамъ рассыпаться.

— Та-та-тра-да-та-дамъ! та-та, выпѣвалъ Петровъ.

— Бѣжать.

— Ти!

— А какой припѣвъ къ этому сигналу?

— Разсыптесь стрѣльцы, за камни за кусты, по два въ рядъ.

— Фельдфебель идетъ, кричатъ кантонисты

— Простите, Иванъ Егорычъ, заголосили стоявшіе на колѣняхъ.—Больше не будемъ...

— Ну, встаньте. да смотри у меня — выучить, а не грубить; а то завтра нарочно продержу на колѣняхъ до фельдфебеля; пусть васъ отпоретъ.

Винновыя вскочили, убрали все, расправили ожоженныя отъ боли члены и усѣлись по своимъ мѣстамъ.

— Кто у насъ фельдмаршалъ?—спрашиваетъ фельдфебель, остановившись у одного изъ десяточныхъ засѣланій

— Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій — звонко отвѣчаетъ вопрошаемый, лучший изъ вице-ефрейторовъ роты.

— А какъ его имя?

— Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

— Фамилія?

Молчаніе.

— Лепекинъ, какъ фамилія фельдмаршала?—спрашиваетъ онъ другаго ефрейтора.

— Князь Варшавскій.

- Врешь! всё ефрейторы сюда.
Подбѣгаютъ пять десяточныхъ ефрейгоровъ и капраль.
— Фельдмаршала какъ фамилія?
— Графъ Паскевичъ-Эриванскій,—отвѣчаютъ одни.
— Не такъ.
— Иванъ Ѳеодоровичъ,—продолжаютъ другіе.
— Ты, Рудинъ, какъ скажешь?
— Запомятоваль. Подтверживать, сами знаете, некогда: 70 человекъ на рукахъ.
— Капрального унтеръ-офицера сюда.
Явился учитель—унтеръ-офицеръ.
— Генераль-фельдмаршала какъ фамилія?
— Эриванскій.
— И вы также не знаете? какой же вы, послѣ этого, учитель, когда этого не знаете? Вѣдь это стыдно вамъ, сударь!
— Позвольте просить васъ хоть при мальчикахъ меня не конфузить. Я такой же, какъ вы, унтеръ-офицеръ.
— Такой же, какъ я? Вотъ оно что! Руки по швамъ! Ничего не знаешь, а туда же еще съ амбиціей. Я вотъ завтра доложу капитану, такъ онъ форсъ-то съ тебя сшибетъ. Впрочемъ, что я? Завтра же дежурить, а ежели не станешь, тогда я съ тобой чрезъ капитана поговорю. Позвать сюда ефрейтора Орлова!

Прибѣгаетъ бѣлокурый, блѣдный юноша, лѣтъ 17.

— Ты, Орловъ, говорятъ, лучшій грамотѣй изъ всей роты: выручи, братъ, этихъ скотовъ изъ бѣды: кто у насъ фельдмаршалъ, скажи имъ.

— Генераль фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ-Эриванскій.

— А какъ настоящая его фамилія?

— Паскевичъ

— Неужто?

— Да-съ, Паскевичъ,—это вѣрно.

— Молодецъ, братъ, молодецъ. Спасибо. Дай же теперь по двѣ оплеухи всѣмъ вотъ этимъ ефрейторамъ.

Орловъ исполнилъ приказаніе.

— А ну-ка, растолкуй теперь хорошенько имъ, да вотъ этому учителю, балбесу, весь титулъ. Растолкуй все какъ слѣдуетъ.

— Извольте-съ,—заговорилъ Орловъ.—Генераль-фельдмаршалъ—это самый старшій чинъ изъ всѣхъ генераловъ; послѣ Государя онъ вездѣ первый Титулъ князя Варшавскаго—ему царь пожаловалъ за покореніе города Варшавы; графа Эриванскаго—ему дали тоже за завоеваніе Эривани; это страна такая есть; Иванъ—его имя. Ѳеодоровичъ онъ зовется по отчеству, а Паскевичъ его фамилія есть. Вотъ и вышло—генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

— Ну, слышали, ослы? Ежели кто изъ васъ этого не зау-

читать, тогда я съ вами иначе поговорю.. А ты, Орловъ, спиши нѣсколько такихъ штукъ на бумагѣ, раздай имъ, шмарамъ этимъ, да и мнѣ принеси. За это я позволю тебѣ ходить со двора безъ спросу, въ свободное, разумѣется, время. Разойтись изъ десятковъ!

— Разойтись, разойтись,—подхватываютъ голоса изъ комнаты въ комнату.

Сидѣнья въ десяткахъ повторялись ежевечерно цѣлую зиму. Экзамены были строги и многочисленны: ихъ производило все начальство, начиная отъ ефрейтора и кончая начальникомъ заведенія. За всякое незнаніе наказывали кирпичемъ, сундукомъ, горохомъ и зуботычинами; сѣкли рѣдко—въ исключительныхъ только случаяхъ.

Ужинъ полагался въ 8 часовъ вечера. Во время ужина самъ начальникъ лишь изрѣдка заходилъ въ столовую, и то только для ловли воровъ хлѣба. По окончаніи ужина совершалась слѣдующая церемонія: кантонистовъ выстраивали; правящій перекликалъ всѣхъ по списку, осматривалъ каждого съ ногъ до головы, убѣждаясь опрятно-ли они одѣты, вычищены ли пуговицы, сапоги, шинели, хорошо-ли причесаны. Сзади его шель капралъ и наряжалъ на завтра въ прислуги, въ дневальные, на часы на ночь и на работу въ умывальню.

— Послѣ повѣрки живо убраться и ложиться спать,—приказывалъ правящій—Да чтобы у меня спать, не развѣвая ротъ. Не сгибаясь въ три погибели, а лежать на правомъ боку, вытянувшись какъ во фронтѣ. Денныя наволочки, простыни снять. Аккуратно сложить и спрятать въ кроватные ящики. Брюки сбрызнуть водой и положить на ночь подъ тюфякъ, чтобы, завтра сидѣли гладко, ровно. Часовымъ ночью не дремать, а ходить взадъ и впередъ, да смотрѣть въ оба, чтобы все было цѣло, чинно, чисто. Поняли? Ну, пошли спать!

Полчаса спустя, кантонисты лежали на кроватяхъ и изъ нихъ безпечные-спокойно спали, а заботливые—размышляли еще о грозящей имъ утромъ отвѣтственности, если не лично за себя, то за своихъ собратьевъ-неряхъ и т. д. Въ дверяхъ каждой комнаты зажженный ночникъ тускло и уныло освѣщалъ себою комнаты, а взадъ и впередъ ихъ мѣрно, точно маятникъ, двигались кантонисты-часовые.

Тяжело рассказывать о мученіяхъ несчастныхъ дѣтей, страдавшихъ иввѣстною дѣтскою болѣзною. Послѣ усиленной гонки въ теченіе дня, имъ и ночью даже не удавалось отдохнуть, тѣмъ болѣе, что клали ихъ на голыя доски. Забывшись сномъ, ребенокъ и не замѣчалъ, что онъ въ постели. А часовой ужъ будить его, толкая ногою въ бокъ.

— Ты, что-же это, рожа поганая, дѣлаешь? Не можешь выйти, куда нужно..

— За что-жъ ты дерешься-то?—пищитъ бѣдняга.

— А нешто мнѣ охота отдуваться за тебя? Вставай, пой-

демъ къ дежурному: пусть онъ видитъ твое безобразіе—И снова толчекъ въ бокъ.

— Охъ, не дерись! Я и то весь исколочень,—сквозь слезы говоритъ мальчикъ.—Я ей-ей нечаянно... Мнѣ съ просонья причудилось...

— А вотъ увидимъ, что тебѣ подъ розгами причудится. Идемъ!

— Оставь меня, пожалуйста, будь другъ. Я самъ не радъ...

— Толкуй, Толкуй! А вытирать до дежурнаго не позволю.

— Миша! голубчикъ, родненькій, сжался: не выдавай, пожалуйста, вчера только выдрали, сегодня опять... Мальчикъ глухо завывль.—Вѣкъ не забуду, промолчи только ради Бога, ради матери пожалѣй, отчаянно молилъ онъ часоваго.

— А что лапъ?

— Да что-жъ мнѣ тебѣ дать-то, коли у самаго ничего нѣтъ? Богу, на колѣняхъ, за тебя помолюсь...

— Ну, братъ, врешь. Это я и самъ могу. А ты отстой вотъ остатній часъ на часахъ за меня.

— Я и то рѣдкую ночь на часахъ не стою, рѣдкую ночь меня тридцать разъ не разбудятъ... Я николи не высыпаюсь, позавчера вонъ...—Слезы градомъ покатались изъ глазъ несчастнаго и онъ не могъ договорить начатой фразы.

— Хнычь, не хнычь, а такъ не отстану! Либо поронцу, либо часъ отстоять, выбирай любое. Тебѣ же добра желаю, дуракъ...

Дѣлать было нечего. Хомутовъ одѣлся, взялъ въ руку какую-то тетрадку, вышелъ на середину, озлобленно плюнулъ и остановился.

— Экая жизнь то проклятая! Хотъ бы стинуть, что-ли, поскорѣй; околѣтъ бы, право ну, а то вѣдь и погибели никакой Богъ не даетъ. Господи! пошли мнѣ смерть.

Между тѣмъ бывшій часовой раздѣвается и ложится спать, весьма довольный своею бдительностью.

Въ другомъ капральствѣ, среди ночи, часовой соскучился. Да и какъ не соскучиться? Всѣ спятъ, а онъ ходи тутъ, какъ дуракъ. Хочется на комъ-нибудь зло сорвать. Подходить онъ къ одному изъ спящихъ мальчиковъ и безъ нужды будить его:

— Антоновъ, а Антоновъ? Это ты грошь-то даль, чтобъ тебя не будить?

— Я, ну я,—отвѣчаетъ спрошенный, не открывая глазъ.— Не шали, пожалуйста, дай заснуть.

— Спать-то ты себѣ—спи на доброе здорově. А щукъ не наловишь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, отстань ради Христа.

— То-то же, смотри, не обмани, не то обоимъ попадетъ! Часовой отходить на середину.

— Антоновъ, а Антоновъ,—снова пристаётъ онъ къ нему,

нѣсколько минутъ спустя.—Я вѣдь грошъ-то не даромъ съ тебя взялъ, а чтобъ будить, такъ вставай же братъ, вставай, да иди...

— Да отстань ты отъ меня, не то я, право, закричу.

— Спи себѣ, спи любезный, я вѣдь пошутилъ.

Часовой отправляется на свое мѣсто, Антоновъ засыпаетъ. Немного погода часовой снова возлѣ него.

— А не слыхалъ-ли ты, другъ, кто изъ нашего капральства третьяго дня калачъ укралъ за магазинами?

— А! чтобъ тебя черти побрали, да и съ калачемъ-то вмѣстѣ!

— Ты, братъ, не ругайся, потому я вѣдь только спросилъ

— Да уйдешь-ли ты, дьяволь ты этакій!

— Уйду, сію минуту уйду, только вотъ что: грошъ то ты вѣдь далъ, чтобы тебя не будить. Карасей, смотри, не налови, не то худо будетъ; право, худо.

И такъ продолжается до утра..

III.

Вторникъ. — Второй ротъ очередь въ классъ.

Въ четвертомъ часу утра въ одну изъ комнатъ роты явился высокій, сухопарый офицеръ, лѣтъ 50 на видъ. Это былъ ротный командиръ, капитанъ Таракановъ, наканунѣ дежурный по заведенію. По крику его «вставать!» кантонисты повскакали, одѣлись; началась суета, бѣготня.

— По ротному расчету, въ три шеренги стройся! командуетъ Таракановъ.—Головы не вѣшать. груди впередъ. Стойка! На-право. Рота поворачивается.

— На три шага дистанція, тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приѣма ра-а-азъ, ра-а-азъ! Не вертѣться: заморю на ногѣ. Дв-в-ва... тр-р-ри. Тихимъ шагомъ мар-ршъ! Ряды маршируютъ, а Таракановъ даетъ тактъ, хлопая въ ладони и приговаривая: разъ-два-три, раз-два-три! Рота моя, слушай меня, разъ, два-три. Налѣво кругомъ маршъ! Разъ-два-три, рота моя слушай меня. Стой!.. во-фронтъ! Рота выподняетъ.

— А кто у тебя, Сидоровъ, ротный командиръ?

— Господинъ капитанъ и кавалеръ Макаръ Миронычъ Таракановъ, ваше благородье.

— Врешь, болванъ, не Макаръ, а Макарій: такъ и въ святцахъ напечатано.

— Виновать, ваше благородье.

— Виновать—не виновать, а морду все равно расквашу на память. Титулъ мой не забывать, говорить онъ, отпуская Сидорову одлеуху.—Въ службѣ къ отвѣту всегда быть гото-

вымъ днемъ-ли, ночью-ли что спрошу—одно и то же: служба—дѣло великое, слышите—великое!

— Слушаемъ, ваше благородье.

— На лѣ-во... Скорымъ шагомъ маршъ! Рота пошла — Въ ногу, въ ногу, держи тактъ. Перемѣни ногу. Трое сбились. Произошло смятеніе, раздался смѣхъ

— Стой, стой, стой!.. Кто смѣялся? шагъ впередъ. Никто не трогался съ мѣста.

— Четвертый и седьмой рядъ втораго полувзвода шагъ впередъ! Шесть человекъ выдвинулись.

— Кто изъ васъ смѣялся?

— Никто, ваше бродье.

— Врете: я самъ слышалъ.

— Да теперь, ваше благородье, еще темно: нельзя и разглядѣть кто смѣялся, отвѣчаетъ рослый кантонистъ.—Можетъ кто и во снѣ, говорить онъ; другіе вонъ еще спятъ маршируючи...

— Ну, ты, значить, и смѣялся, коли оправдываешься. Развѣ не знаешь, что такое фронтъ? Убью! Молите Бога, продолжаетъ онъ, обращаясь ко всей ротѣ, что я зарокъ далъ не драть: сейчасъ бы всю роту вздулъ...

— Фроловъ! выдь на середину и расскажи про мой зарокъ, да такъ, какъ я тебя училъ. Понимаешь?

— Ихъ благородье, въ былыя времена, любили драть и драть безпощадно, внятно и отчетливо говорилъ молодой унтеръ-офицеръ.—Лѣтъ пять тому назадъ ихъ благородье изволили замѣтить на ученьи у одного кантониста нечищенные сапоги, разсердились и сказали: «Эхма! И у тебя, Фроловъ, сапоги не чищены—драть!» Фроловъ просилъ помиловать его...

— Не дремать, прервалъ Таракановъ рассказчика. — Ноги!

— Фроловъ просилъ помилованія, продолжалъ рассказчикъ «Нѣтъ, не въ моемъ духѣ помиловать, поблажку давать». изволили отвѣтить ихъ благородье. Фельдфебель тоже сталъ просить за Фролова. Это вдосталь разсердило ихъ благородье и они изволили закричать: «Я простить, я простить? Въ жизнь никому не прощу». И тутъ же, отодравши Фролова..

— Не каплять, не шевелиться, перебилъ Таракановъ:—слушать, что говорятъ. Дальше.

— Отодравши Фролова, ихъ благородье ушли домой, дорогой же ихъ схватило, они захворали такъ, — ажно чуть не умерли, и, лежа на смертномъ одрѣ, ихъ благородье изволили дать себѣ зарокъ никогда больше не драть никого, имя Божье всеу не поминать, отслужили на томъ мѣстѣ молебень, выздоровѣли и, съ-тѣхъ поръ, точно не деруть...

Унтеръ-офицеръ былъ тотъ самый, котораго Таракановъ выдралъ послѣднимъ. И, чтобы имѣть возможность чаще раскаиваться, Таракановъ исколоталъ Фролову производство въ

унтеръ-офицеры и оставилъ его у себя же въ ротѣ, живымъ, такъ сказать памятникомъ измѣненнаго имъ характера.

— Вотъ что значитъ Богъ-то! восторженно произнесъ Таракановъ, по окончаніи рѣчи Фролова.— Не шевелись! Новички! все это запомнить и благодарить Бога, что онъ наставилъ меня... не то... Гавриловъ! бедра влѣво. Ужо пойдете въ классъ, а потому я теперь произвелъ ученье; безъ ученья нельзя: всѣ построенія забудете. Разойтись и ложиться спать до 7 часовъ, потомъ въ классъ безъ осмотра, заключилъ Таракановъ, и ушелъ въ дежурную комнату.

Страсть Тараканова производить ученья доходила до сума-мѣствія. Онъ не могъ прожить дня безъ ученья. Оттого, когда рота шла одинъ очередной день въ недѣлю въ классъ, — онъ непремѣнно училъ ее: или до класса — рано утромъ, или послѣ ужина — вечеромъ. Въ будни все это было въ норидѣ вещей; но въ праздники никакихъ ученій не допускалось ни подь какимъ предлогомъ. Это побудило его изобрѣсть преоригинальный способъ производить ученье дома. Настаетъ, на примѣръ, воскресенье. Онъ ждстъ — не дождется, скоро-ли жена уйдетъ къ обѣднѣ (дѣтей у него не было), а кухарка уберется въ комнатахъ. Лишь только то и другое исполнится, онъ живо одѣнется, въ сюртукъ, застегнется, выдвинетъ на средину комнаты всѣ стулья, установитъ ихъ въ три ряда, зайдетъ съ какого-нибудь конца, сначала тихо, потомъ громче и громче начинаетъ имъ командовать: «Третій съ лѣваго фланга полъ-шага назадъ! Пятый глаза на-право. Смотрѣть веселѣй; ѣшь начальника глазами. Седьмой рядъ не шевелись: всю морду расколочу. А-а? вамъ хахеньки, хахеньки, вотъ же тебѣ, мерзавецъ эдакій, вотъ тебѣ, скотина ты эдакая». И, подбѣжавъ къ одному изъ стульевъ, онъ начинаетъ колотить по немъ кулакомъ, но, ощутивъ боль, овлобленно бросаетъ стулъ объ полъ, ставитъ на его мѣсто другой и снова начинаетъ: «шпернга глаза на-пра во. Слушать команду, не то заморю на стойкѣ, непремѣнно заморю!.. Скорымъ шагомъ мар р-шь»... И со стуломъ въ рукахъ пускается маршировать по комнатахъ, дѣлая различныя построения...

— Што это вы, баринъ, дебоширничаєте? — спрашиваетъ, бывало, Тараканова, его кухарка, остановясь у дверей. — Давно-ли стулья-то чинили, а вы опять ужъ ломаете? Баринъ, а баринъ, шли бы вы лучше въ церковь Божью, чѣмъ изъясняться-то понапрасну.

Но Таракановъ продолжаетъ свое ученье.

— Погляди-ка въ окно-то: сколько на улицѣ народу столпилось глазѣть на ваше кудесничанье? И кухарка рѣшается дернуть его за руку.

— Смир-р-р-но! руки по швамъ! — вскрикиваетъ Таракановъ, топая ногами на кухарку. — Фронтъ — мѣсто священное; хоть околѣй, а не шевелись. И хлысть ее по щекѣ со всего размаху.

— Господи Иисусе, — взвизгиваетъ кухарка, бросившись

опрометью къ двери, гдѣ сталкивается съ женою Тараканова, которая возвращается отъ обѣдни.

— Да ты, Макарь Миронычъ, совсѣмъ ужъ, кажется, съума-спешдшій, — сердито замѣчаетъ жена, глядя на валяющуюся на полу груды разбитыхъ стульевъ.— Вѣдь это чортъ-знаетъ на что похоже.

— Какое матушка «важись», ряхнулся, какъ есть ряхнулся,— вмѣшивается кухарка.— За доброе-то вонъ слово чуть зубы не вышибъ. Эко житье-то наше рабское... хоть бы дохтура сюда!

— Третій взводъ дирекція на-лѣво, вольнымъ шагомъ мар-р-ршъ—кричитъ между тѣмъ Таракановъ и, подойдя къ женщинамъ, начинаетъ дергать ихъ за плечи, толкать и кричать:— въ ногу, въ ногу! дивизионъ на-лѣво, кругомъ мар р-ршъ!

— Поди ты къ чорту со своимъ дивизиономъ-то вмѣстѣ!— вскрикиваетъ жена.— Кой тебя лѣшій носить тутъ цѣлое утро? И обѣ женщины кидаются на Тараканова, схватываютъ его за руки и общими силами приводятъ въ сознаніе.

Ученье кончается. Столяръ къ вечеру получаетъ работу: починку стульевъ.

Удивительно, какъ такой крупный военный талантъ могъ остаться незамѣченнымъ!

Но обратимся къ кантонистамъ. Во время приготовленій къ классу, не рѣдкость было наткнуться на такую сцену:

— Ваня, а Ваня—говоритъ красивый собою мальчишкѣ другому, блѣдному и худому.— Слышь, Ваня...

— Ну?

— Я урокъ-то вѣдь не знаю.. Да нелзя-ли тово... Отмѣть, что знаю.

— Вишь чего захотѣлъ!

— Ей-Богу, отмѣть!.. Я те грошъ дамъ.

— Грошъ! Что мнѣ твой грошъ!

— Въ воскресенье со двора пойду, еще гостинцевъ тебѣ принесу. Ужъ, ей Богу, тово... пожалуйста...

— Ну, ладно. Давай грошъ то.

И съ передачею гроша дѣло улаживается. Проситель, совершенно довольный, отходитъ на свое мѣсто.

Подобное грошевое взяточничество было въ сильнѣйшемъ ходу въ заведеніи. Классные старшіе (они же и палачи) брали съ товарищей за снисхождение что попало: и листъ бумаги, и грифель, и ломоть хлѣба, и осколокъ смазной щетки и иголку, словомъ—ничѣмъ не брезгали. Но, давши разъ слово, кантонистъ, чего бъ это ни стоило, не измѣнялъ уже ему.

Въ семь часовъ кантонисты обыкновенно сидѣли уже въ классѣ. Чумазые, корявые—помѣщались всегда впереди, а кра-

сивые—на заднихъ скамейкахъ: первые отличались грамотностью, а послѣдніе—фронтонъ.

Унтеръ-офицеръ Лазаревъ преподавалъ въ верхнемъ, выпускномъ классѣ, между прочимъ, рисованіе и любилъ хвастнуть своимъ умѣньемъ. Гордо ходилъ онъ по классу, съ презрительною усмѣшкою посматривая на учениковъ.

— А ну-ка,—говорилъ онъ, пощелкивая пальцами:—несите мнѣ рисунки. Поглядимъ, на сколько-то вы подвинулись впередъ въ теченіе недѣли. Тетрадки сунуты ему подъ носъ, десятки глазъ упорно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ.

— Тебѣ, Петровъ, заданъ былъ баранъ?—спрашиваетъ учитель.

— Точно такъ-съ, баранъ, — отвѣчалъ высокій, стройный юноша, вытянувшись во весь ростъ.

— А нарисовалъ ты что? Чорта?

— Не могу знать-съ...

— Вѣдь ты же рисовалъ?

— Я-съ...

— Такъ почему же ты не знаешь, что именно нарисовалъ?

— Потому, Григорій Ивановичъ, что, отродясь, не видывалъ чорта—каковъ онъ такой выглядить.

Раздается взрывъ смѣха.

— Ты, подлець этакій, еще спорить? На колѣни!

Петровъ повинуется.

— Рисовать, ребята, надо такъ, чтобы каждый штрихъ имѣлъ свою линію, понимаете? Это не то, что паклю щипать, или, тамъ, воду носить. А главное дѣло—круглота и круглота во всемъ—это самое важное. Слышите?

— Слушаемъ-съ, Григорій Ивановичъ, — громогласно отзывается классъ.

— Парашинъ! чего по сторонамъ глазѣешь, когда приказанье отдають, а?

— Я съ, ничего-съ... не шевельнулся-съ.

— Отпираться? Да еще и отвѣчаешь сидя? Ахъ ты, мерзавецъ этакій, вотъ же тебѣ!

И аспидная доска летитъ надъ головами пригнувшихся учениковъ чрезъ весь классъ. Парашинъ едва успѣлъ заслонить руками лицо, какъ доска ударилаь ему въ плечи, упала на полъ и разбилась. Онъ крикнулъ, обхвативъ руками плечо и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, глухо завылъ.

— Парфеновъ!—продолжалъ между тѣмъ учитель, не обращая даже вниманія на несчастнаго Парашина:—откуда вчичнается Волга?

— Волга... Волга-съ... Парфеновъ остановился.

— Да ну же!

— Отъ Дзвери-съ, — молвилъ ученикъ, уроженецъ Рязанской губерніи, произнося согласно мѣстному говору.

— Откуда?

— Отъ Дзвери.
— Отъ какой двери?
— Отъ Дзвери-съ.
— Ивановъ, откуда берется Волга?
— Отъ Твери.
— Дай, Ивановъ, Парфенову два раза по шеѣ, да смотри покрѣиче, не то самому попадетъ. Приказаніе исполнено.
— Потаповъ! что такое Тверь?
— Островъ, — ляпнулъ Потаповъ.
— Панкратьевъ, что называется Тверью?
— Сарай, — гаркнулъ сосѣдъ Потапова.
— Бирюковъ! Тверь что такое?
— Губернскій городъ.
— Правда. Дерите, скоты, другъ друга за уши, да хорошенько, или я васъ растяну; а ты, Бирюковъ, дай имъ всѣмъ, кромѣ того, еще по три оплеухи. Всѣ схватываютъ другъ друга за уши и треплютъ, а четвертый обходитъ ихъ, отпускаетъ каждому назначенныя ему оплеухи и садится на свое мѣсто. Водворяется тишина. Всѣ уткнули носы въ тетрадки и не шевелятся. Вдругъ изъ самаго задняго угла кто-то зѣвнулъ во все горло.

— Ѳоминъ! что ты зѣваешь — а? Забился, лодырѣ проклятый, къ стѣнкѣ, да еще безчинствуешь? Урокъ грамматики выучилъ?

— Нѣтъ, не выучилъ-съ.. — беззаботно отвѣчаетъ Ѳоминъ, огромнаго роста, плечистый кантонистъ, лѣтъ 20, съ заспаннѣыми глазами.

— А отчего-жъ ты не выучилъ?

— Въ башку не лѣзетъ эта мудреная наука-съ. да и проку-то мнѣ отъ нея, признаться, ждать нечего: я вѣдь во фронтъ пойду; а выдѣлывать ружьемъ различныя штуки можно и безъ нея. Ну ее!..

— Молчать, скотина!

— Это могу-съ.

— А пройденное не забылъ еще?

— Быть можетъ... а впрочемъ, кажется, тово-съ..

— Табуретъ какого падежа?

— Именительнаго-съ, — отвѣчаетъ Ѳоминъ, ковыряя въ носу

— Почему?

— Потому, ежели его толкнуть, — онъ упадетъ.

— А если я тебѣ за такой отвѣтъ всю морду расколочу, такъ это какого будетъ падежа?

— Да мнѣ ужъ тогда не до падежей будетъ, — невозмутимо продолжаетъ Ѳоминъ: — тогда кровь пойдетъ и надо будетъ бѣжать на черный дворъ отмываться-съ.

— Такъ вотъ же тебѣ, мерзавецъ!.. И толстая переплетенная книга полетѣла въ Ѳомина. Онъ не успѣлъ еще и глазомъ моргнуть, какъ книга ударила въ его лицо и у него изъ

носа дѣйствительно хлынула кровь. Но съ прежнимъ спокойствіемъ Оминъ выльзъ изъ-за скамейки, проговорилъ вполголоса: «прощайте, ребята», медленно отправился вонъ изъ класса и ужъ больше не возвращался.

Въ то же время и въ писарскомъ классѣ шло ученіе.

— Павловъ, Спиридоновъ, Арефьевъ и Кудровскій, ко мнѣ! вызываетъ учитель Лясковскій. Вызванные выходятъ на средину и становятся лицомъ къ ученикамъ

— Павловъ, разбери столъ.

Павловъ оглядываетъ столъ, ощупываетъ его кругомъ. пошатываетъ и отходить.

— Ну?—понукаетъ учитель.

— Столъ, Григорій Ивановичъ, не разбирается-съ.

— Это почему?

— Да очень крѣпко склеенъ и сколоченъ гвоздями.

— А какого онъ роду?

— Деревяннаго.

— Отчего деревяннаго?

— Да оттого и деревяннаго, что дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ,—росло въ лѣсу.

— А лѣсъ—какого роду?

— А лѣсъ разный бываетъ: и густой и рѣдкій, и крупный, и мелкій, и осиновый, и сосновый и... да мало-ли еще какой бываетъ лѣсъ. Всѣхъ деревьевъ не перечесть. Другой лѣсъ такой частый, что и носъ разцарапаешь о сучья, такъ и носъ считать, что-ли?

— Спиридоновъ! носъ какого рода?

— Не могу знать-съ.. запомнать-съ..

— Такъ припомни, припомни и припомни,—приговариваетъ учитель, отсчитывая Спиридонову по носу щелчокъ за щелчкомъ.

— Эй ты, Арефьевъ! свинья какого рода? — спрашиваетъ учитель, случайно увидѣвъ въ окно это начальническое животное.

— Мужескаго,—брякнулъ Арефьевъ.

— Врешь, болванъ. Кудровскій, какого рода свинья?

— Женскаго.

— Спасибо. Поверни за это Арефьева кругомъ и до самаго его мѣста провай пинками... да приговаривай: «ты свинья ты свинья, ты свинья». Приказаніе исполняется Классъ хохочетъ.

— Гавриловъ, гляди сюда! Болванъ—имя существительное или нарицательное?

— Наричательное.

— Лжешь. Ты самъ болванъ, хуже еще чѣмъ болванъ.

— Болванъ, такъ болванъ,—по мнѣ все единственно! Вольно вамъ ругаться-то понапрасну.

— На колѣни!

Слѣдующій нижній классъ, по многочисленности своему, дѣлился на два участка. Въ 1-мъ участкѣ шла ариѳметика.

— Сколько, Ситочкинъ, въ ариѳметикѣ знаковъ? — спрашиваетъ учитель Ословъ.

— Десять, — громко отзывается Ситочкинъ.

— Какіе именно?

— Одинъ, два, три, четыре, пять...

— Стой, что зачистилъ. Развѣ не знаешь, что въ промежутокъ, между двумя цифрами, долженъ успѣть въ умѣ сосчитать три? Неужто мнѣ тысячу разъ повторять одно и тоже? Считай снова, да отчетливо.

— Разъ, два; три, — затянулъ Ситочкинъ нараспѣвъ: — четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и десять.

— Я тебѣ дамъ десять. Пойди сюда. — Ситочкинъ подходитъ. — Послѣ восьми какая цифра?

— Девять.

— А дальше?

— Десять.

— Не правда, лѣнтяй ты эдакій! И завернувъ клапаны рукавовъ мундира внизъ, въ ладонь, онъ начинаетъ бить пуговицами по щекамъ Ситочкина, приговаривая: Ноль, ноль и ноль. Помни же: ноль, а не десять. Пошелъ на мѣсто.

— Лепешкинъ! на седьмомъ мѣстѣ какая цифра стоитъ?

— Милліонъ.

— А въ милліонѣ, Сорокинъ, сколько единицъ?

— Четыре.

— Какъ четыре?

— Точно такъ-съ... четыре, — настаиваетъ Сорокинъ, рассчитывая взять смѣлостью.

— Вотъ тебѣ четыре. И для лучшаго удара Ословъ держитъ, для вѣскости, въ сжатомъ кулакѣ, перочинный ножикъ.

— Лукьяновъ! къ доскѣ. Тотъ выходитъ.

— Раздѣливши 3 пуда, 33 фунта, 16 золотниковъ на 30 человекъ, по сколько достанется каждому?

Лукьяновъ беретъ мѣлъ и начинаетъ дѣлать задачу на доскѣ, громко рассказывая основанія своего дѣленія.

— Да эдакъ-то и пятилѣтній ребенокъ сдѣлаетъ. Ты мнѣ высчитай въ умѣ, а не выводи цифирацію-то, вдругъ прерываетъ учитель, замѣчая, что его кулакамъ тутъ поживы не будетъ. Лукьяновъ начинаетъ высчитывать умственно. Да скорѣе, да дождусь-ли я тебя?

— По 12-ти фунтовъ и... и...

— Вотъ тебѣ «и». На мѣсто! — Куплено два заплачено три, что, Дратвинъ, стоитъ четыре?

— Шесть, — звонко отвѣчаетъ Дратвинъ, не зная твердо не только дробей, но и простыхъ чиселъ.

— Зная эту задачу, — начинаетъ учитель, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ своего участка, вы можете достигнуть Богъ-вѣсть

какихъ вычисленій. Задача эта всякому человѣку и на всякомъ мѣстѣ принесетъ пользу. Ариеметика для васъ важнѣй всякихъ наукъ. Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. И вотъ тебя, напримѣръ, Фуксъ, вдругъ сдѣлали фельд-фебелемъ, или каптенармусомъ въ полку и ты, не зная ариеметики, пропалъ. А о писаряхъ и говорить нечего: они безъ ариеметики и людьми-то даже считаются не могутъ. Всѣ вы, выйдя на службу, станете объ одномъ только жалѣть, что я васъ мало колотилъ за ариеметику. Всѣ эти грамматики, географіи, исторіи, рисованіе—это все вздоръ предъ этою наукою, а я долблю вамъ, скотамъ, о ней изо дня въ деиъ. А отъ васъ какая благодарность? Вѣдь какъ выйдете моими стараніями на службу, такъ никто изъ васъ, мерзавцевъ, и письмишка-то не пришлетъ учителю,—тому учителю, который всѣ свои кулаки обилъ объ ваши пустыя головы!

Учитель опустилъ голову внизъ, вздохнулъ на всю комнату, сѣлъ на стулъ и замолчалъ. Ученики его участка не шелхнутся.

На задачѣ: куплено два, заплачено три, что стоитъ четыре? Ословъ просто, кажется, помѣшался. Гдѣ бы и когда онъ ни встрѣтилъ кантониста—онъ вездѣ непремѣнно ее спрашивалъ; а чтобы не быть, за незнаніе ея, колоченнымъ, всякій кантонистъ твердо ее заучилъ!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Ученики сосѣдняго участка начинаютъ хихикать. Учитель очпулся и вскочилъ на ноги.

— Уймите. Андрей Андреичъ, вашихъ сорванцовъ,—вскрикиваетъ онъ, обращаясь къ учителю втораго участка—не то я имъ морды расколочу: они мнѣ мѣшаютъ заниматься.

— Уймитесь, дѣтушки, уймитесь, пока цѣлы: прибѣтъ, шибко прибѣтъ, и за дѣло: не шуми, не мѣшай! и упрасиваетъ, и стращаетъ свой участокъ учитель, чиновникъ, Андрей Андреевичъ Андреевъ, человѣкъ лѣтъ сорока слишкомъ.

Все утихаетъ. Ословъ доволенъ и опять задумывается на нѣкоторое время, а потомъ продолжаетъ неистовствовать по-прежнему.

— Петруша Скворцовъ,—начинаетъ Андреевъ:—сдѣлай-ко мнѣ вслухъ такую задачу: если изъ семидесяти-трехъ вычестъ двадцать-семь—сколько останется?

— Семь въ трехъ не содержится,—громко начинается Скворцовъ, написавъ цифру подъ цифрой на доскѣ:—занимаю единицу у слѣдующей цифры—два; семь изъ тринадцати въ остаткѣ шесть, а два изъ шести—четыре.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо. Садись на мѣсто.

— Ваня Семеновъ?

— Чего изволите, ваши благородіе.

— Семью-семь—сколько?

— Тридцать-девять.

— Нѣтъ, братъ, неправда. Кто знаетъ сколько семью-семь — встань и скажи.

— Сорокъ-девятъ, сорокъ-девятъ, сорокъ-девятъ, сорокъ-девятъ!—вскр. кнуло нѣсколько голосовъ одинъ за другимъ.

— Каково, Семеновъ? Вѣдь всѣ, кромѣ тебя, знаютъ. Что, братъ, стыдно—а?

— Да и я, ваше благородье, знаю,—оправдывается Семеновъ.

— Зачѣмъ же совралъ?

— Да заторопился, право, заторопился, ваше благородье.

— Самъ виноватъ: надо помнить. Ивановъ вонъ первый сказалъ вѣрно, и я ему за это уже принесу лепешку. Онъ станетъ ѣсть, а ты на него глядѣть, да слюнки глотать.

— Да я, ваше благородье, всего-то на волосокъ повднѣе Иванова вскричалъ «сорокъ-девятъ», говорятъ, вставая, другой ученикъ:—такъ ужъ и мнѣ не пожалуете-ли лепешки?

— Дамъ, Миша, и тебѣ лепешки. Ты тоже стойшь.

— А я, ваше благородье, только чуточку опоздалъ супротивъ Миши, лепешки-то я мнѣ бы хотѣлось, заявляетъ третій. Ваши лепешки — точно пряники, не обидьте.

— Получишь и ты; садись!

— А я-то нешто не крикнулъ—раздался еще голосокъ,—ужъ и меня не забудьте, я тоже.

— Вскричать ты, положимъ, и вскричалъ, да ужъ очень поздно; повторилъ, значить, слышанное отъ другихъ. Впрочемъ, стой: спросимъ всѣхъ, какъ разсудятъ, такъ и сдѣлаемъ. Какъ вы, ребята, думаете, слѣдуетъ ему дать лепешки или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, раздалось по классу.

— Слышалъ? Ну, и не пеняй на себя. А вы, дѣти, приготовьте пока тетрадки, поучитесь правильно писать съ диктв.

Всѣ закопошились.

— Помните же мое наставленіе: не торопиться, а писать хорошенько и со вниманіемъ. Начальные буквы именъ и фамилій писать прописными, а прочія слова—строчными буквами. Кто вѣрнѣе и красивѣе всѣхъ напишетъ, того въ воскресенье возьму къ себѣ обѣдать. Начинайте же «Иванъ Семеновъ».

Ученики, заглядывая одинъ другому въ тетрадки, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы выиграть призъ—обѣдъ.

— Написали?

— Написали.

— «Не, особо; зналъ, особо; урокъ, изъ, особо, ариѳметики тоже». Всѣ пишутъ.—Готово?

— Готово.

— «За, отдѣльно; что отдѣльно, отмѣченъ: лѣнъ». Перья скрипятъ, руки потѣютъ, и вообще у всѣхъ усердіе чрезвычайное.

— Да я, ваше благородье, всю таблицу вдоль и поперегъ

выучу къ завтраму, только не отмѣчайте лѣнивымъ, чуть не плача, сирашиваетъ Семеновъ, понявшій въ чемъ дѣло.

— Не безпокойся. Семеновъ, не отмѣчу; я писать только диктую, на память, чтобы не лѣнились.

— Да они, ваше благородье, мнѣ проходу не дадутъ, всѣ, всѣ станутъ надсмѣхаться. Будьте отецъ родной, не велите такъ писать.

— Поздно, братъ, хватился. Впрочемъ, даешь слово хорошо учиться, такъ и быть, велю замарать эти слова, какъ только пересмотрю тетрадки.

— Даю, ей-ей даю; не срамите, пожалуйста!

— Вѣрю. У кого готово, подай на просмотръ. Ученики повскакали со своихъ мѣстъ и, толкая одинъ другого, силились подать прежде; потомъ вернулись на свои мѣста и нетерпѣливо ждали, кто выиграетъ обѣдъ.

— Послушайте-ка, ребятушки, что я вамъ скажу,—началь Андреевъ, пересмотрѣвъ тетрадки:—Красивѣе всѣхъ написалъ Иголкинъ, но онъ сдѣлалъ большую ошибку въ послѣднемъ словѣ «лѣнъ», написалъ вмѣсто ѣ—е, а чрезъ это сталъ не «лѣнъ», а «лень». Лѣнъ, значитъ лѣнился, лѣнивый и подъ этимъ словомъ подразумѣвается человѣкъ, а лень растеніе. Поняли теперь, какая разница между словомъ—лень и лѣнъ?

— Поняли, поняли, единодушно отзываются ученики.

— Андреевъ,—продолжаетъ учитель:—хоть и все вѣрно написалъ, зато некрасиво. Изъ всѣхъ же и красивѣе, и вѣрнѣе написали трое: Знаменскій, Карповъ и Ведринъ. Знаменскій ходитъ со двора къ роднымъ, ему, стало-быть, мой обѣдъ не нуженъ. Карповъ и Ведринъ—оба безродные и писанье обоихъ мнѣ одинаково нравится, да и они сами ребята хорошіе. Скажите сами по совѣсти: кого изъ нихъ мнѣ взять къ себѣ обѣдать?

— Карпова!—отзываются одни. — Ведрина! — перебиваютъ другіе.

— Такъ, ребятушки, я не пойму васъ. Сдѣлаемте-ка лучше вотъ-что: кто за Карпова—подними правую руку вверхъ.

Подняли. Учитель сосчиталъ.

— Теперь, кто за Ведрина—подними лѣвую руку.

Подняли. Сосчиталъ.

— Карпова сторона сильнѣй: за него сорокъ рукъ, а за Ведрина тридцать-три руки, значитъ Карповъ идетъ ко мнѣ обѣдать. Вотъ это безобидно. Выростете большіе, будьте честны, никого не обманывайте, не обижайте и Богъ за это не оставитъ васъ безъ милости, безъ радости. А ты, Карповъ, напомни мнѣ уже дать тебѣ записку фельдфебелю, чтобы онътебя я уволилъ ко мнѣ въ воскресенье.

— Слушаю-сь, ваше благородье.

— Теперь, дѣтушки, отдохните немного, — заключаетъ учи-

тель:—а тамъ займемся еще чѣмъ-нибудь. Ну, хоть чтеніемъ, что-ли.

Ученики начинаютъ откашливаться, сморкаться и разговаривать. Учитель прохаживается по классу.

Андреевъ никогда никого изъ учениковъ своихъ пальцемъ не трогалъ. Училъ всегда ласкою, да гостинцами. Учились у него отлично, а переходили отъ него въ высшіе классы съ горестью, и то лишь тогда, когда у него набиралось столько учениковъ, что сидѣть негдѣ было. Прочіе учителя его терпѣть не могли за доброту, которая казалась имъ несомвѣстимою съ учительствомъ. Онъ зачастую приносилъ въ классъ домашняго печенія лепешекъ, крендельковъ, булокъ, пирожковъ и дѣлилъ ученикамъ, которые все это тутъ же съѣдали. Въ масляницу онъ всякій день приносилъ по четыре блина на каждого ученика. По воскресеньямъ бралъ къ себѣ обѣдать по одному ученику, въ годовые праздники — по двое, а въ Пасху и Рождество— по три человѣка на всѣ трое сутокъ. Жилъ онъ на крошечное жалованье, рублей въ двѣсти ассигнаціями.

— Не сердитесь, ребяташки, что не всѣмъ даю гостинцевъ, говаривалъ онъ своимъ ученикамъ:—радъ бы накормить всѣхъ васъ, да не могу: самъ бѣденъ и потому, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. На бѣдность свою я, впрочемъ, не жалуясь. Роптать— грѣхъ и вы, смотрите, не ропщите: Богъ наградитъ васъ за терпѣніе.

— Мы ничего-съ,—отвѣчали ученики хоромъ. Благодаримъ покорно за вашу ласку. Вы и то намъ отецъ родной.

И Андреевъ весь просіяеть. бывало, при этомъ отъ радости.

Въ методическомъ классѣ собственно преподавать было нечего: усядутся ученики по мѣстамъ и твердятъ буки, азъ—ба, выводятъ штрихи, буквы на аспидныхъ доскахъ, а затрудненія разрѣшаетъ имъ учительскій помощникъ, кантонистъ. Скука. Учитель посидитъ, посидитъ въ углу, встанетъ, выйдетъ на средину, поглядитъ на свой участокъ, скажетъ въ раздумьи:

— Орловъ, посмотри-ка тутъ за порядкомъ,—и уйдетъ изъ класса. Проходить полеласса.

— Вотъ жисть-то! Вотъ каторга-то!—вдругъ доносится къ нимъ знакомый голосъ.—Тѣфу ты пропасть этакая, право, ну..

Учитель входитъ, садится на мѣсто

— Азъ, буки, азъ ба, что такое значить?—медленно спрашиваетъ онъ, немного помолчавъ.—Ну-ка, скажи, Панфиловъ!

— Изба, Ѳедоръ Иванычъ, изба,—насмѣшливо отвѣчаетъ Панфиловъ.

— Полно, такъ-ли? Врешь вѣдь?

— И то вру. Вру, Ѳедоръ Иванычъ, вру-съ.

— Спасибо, хоть сознаешься. Садись, осель. Ну, а ты, Ягодкинъ, какъ скажешь?

— Осель, Ѳедоръ Иванычъ, осель.

— Пускай себѣ осель осломъ и останется, а азъ, буки, азъ, ба—что?

— Азбука, Федоръ Ивановичъ.

— Ну, да, азбука; вотъ это такъ, я это давно знаю, давно. еще въ тѣ поры зналъ, когда васъ, мерзавцевъ, и на свѣтѣ то не было. Азбука, ребята, слышите, азбука!

— Слушаемъ, Федоръ Ивановичъ.

— А слышите, такъ запомните. Да заучивать, затверживать, затверживать, заучивать. Повторяй за мной:

— Заучивать, затверживать, затверживать, заучивать, на-распѣвъ повторяютъ до семидесяти голосовъ.

— Ты, Грибовъ, не хочешь, вѣрно, учиться, что не повторяешь словъ моихъ? Лѣнтя тотчасъ видно: ему не то, что учиться, такъ и ротъ-то разинуть лѣнь. Архиповъ! харкни Грибову въ рожу, харкни хорошенько: пусть помнитъ, что я не на вѣтеръ говорю.

Архиповъ плюетъ Грибову въ лицо. Классъ хохочетъ.

— Возись тутъ съ вами,—продолжаетъ Ивановъ:—учи васъ, крапивное сѣмя, убивайся, а за все это тебѣ же харю расквасять, съ тебя же шкуру сдерутъ. И диви бы за дѣло, а то вѣдь за портяжки, за ногти, за волоса. И это дѣло учителя? Эхъ, подлость, подлость! Не здѣсь бы мнѣ мѣсто и я бы былъ не тотъ. А то вѣдь вѣкъ-то мой забли, загрызли, и.. и поне-полѣ возьмешь, да и выпьешь Кабы не водка, давно бы ужъ лежалъ я вверхъ тормашками на кладбищѣ, удавился бы отъ этой пакостной жизни; ей-ей удавился бы, потому одно спасенье.—Тутъ Ивановъ склоняетъ голову на руки, облакачивается на столы и вскорѣ засыпаетъ.

Классъ только этого и ждалъ.

Нѣсколько учениковъ подходятъ къ нему на цыпочкахъ, и одинъ надѣваетъ ему бумажный колпакъ на голову, двое сшиваютъ ему нитками рукава вмѣстѣ, остальные привязываютъ его за ногу къ ножкамъ табурета и возвращаются на свои мѣста.

По окончаніи урока, ученики выходятъ къ дверямъ и разомъ, кто пускаетъ въ учителя комки жованной бумаги, кто вскрикиваетъ: «Федоръ Ивановичъ, домой пора, домой пора, Федоръ Ивановичъ», и опрометью бѣгутъ вонъ изъ класса.

Разбуженный Ивановъ продираетъ глаза, разрываетъ и развязываетъ свои путы, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и, освободившись, отправляется опохмѣлиться. Впрочемъ, къ слѣдующему послѣобѣденному, совершенно тождественному классу, онъ совершенно забываетъ о злостной шуткѣ, сыгранной надъ нимъ учениками.

IV.

Среда. Третья рота въ расходѣ.

ПО совершени обычной утренней уборки, выстроили роту кантонистовъ, за исключеніемъ новичковъ, капраловъ, постоянныхъ классныхъ и нѣкоторыхъ изъ простыхъ кантонистовъ *), пользовавшихся протекціею начальства. Затѣмъ всѣхъ распредѣлили по ремесламъ: въ портную и сапожную отправили по 50, въ эполетную, галунную, басонную и пр. по 15, 20 человекъ.

Расходный день былъ для кантонистовъ своего рода праздникомъ. Научившись положить латку на сапогъ, заплатку на рубашку, кантонисты втирались въ знакомство къ мастеровымъ солдатамъ, которымъ ихъ отдавали въ качествѣ подручныхъ и, придя въ мастерскую, шли прямо къ нимъ и садились за работу. За это солдаты дѣлились съ усердными помощниками своимъ харчемъ; иные платили имъ еще коп. по 2, по 3 за дневной трудъ. Неумѣвшіе еще работать варили мастеровымъ на кухнѣ клей, крахмаль, строгали гвозди, сучили дратву, разматывали нитки и проч. и проч. Между мастеровыми солдатами встрѣчались чрезвычайно добрые люди, искренно жалѣвшіе кантонистовъ.

— И въ ротѣ измучили, — говаривали они, едва имъ подведутъ подручныхъ: — такъ намъ-то пожалѣть ужъ надо. На вотъ тебѣ, мальчуга, десятишникъ (3 коп.), бѣги за магазины, купи калачикъ, молочка, накроши въ чашечку, да, похлебавши, приходи сюда посидѣть до вечера, чтобъ въ ротѣ не увидали, а то вѣдь и мнѣ съ тобою, пожалуй, не сдобровать.

И радъ-радешенекъ бѣдняга кантонистъ: возьметъ деньги шапку и мигомъ очутится за магазинами.

Въ тылу трехъ фасадныхъ казармъ помѣщались, въ длинномъ строеніи, провіантскіе магазины, а свади ихъ, въ углу, солдатскія вдовы и жены торговали зимой и лѣтомъ различными съѣстными припасами.

Кантонистъ прибѣгаетъ за магазинами, жадно глядитъ на все и не знаетъ чего бы ему такого поѣсть? Надо, чтобы было и посытнѣй, и повкуснѣй, да и подешевле.

*) Новички, пока не выучивались фронту, — ходили на ученіе ежедневно утромъ и вечеромъ: капралы ихъ учили фронту въ расходные дни; протежируемые гуляли въ эти дни: въ классъ ходили ежедневно, кромѣ пятницы послѣ обѣда и субботы утромъ, человекъ 10 15 изъ роты — учившіеся въ выпускномъ, верхнемъ классѣ и готовившіеся прямо въ учителя и въ писаря.

А торговки, завидя мальчика, взапуски начинают звать его къ себѣ.

— Ко мнѣ, голубчикъ, ко мнѣ, касатикъ! кричитъ одна: у меня самая вкусная печенка, селезенка, потроха, требуха; хлѣбца даромъ дамъ!

— Не вѣрь, Петинька, не вѣрь, Ваничка; все хвастается, перебиваетъ другая.

— У меня калачи горячи, сейчасъ изъ печи! вопить третья:— молочко топленое, только утромъ доеное, садись голубчикъ; досыта накормлю и всего-то семишникъ возьму: наживаться отъ васъ грѣхъ великій грѣхъ.

— Кантонистикъ золотой, картофель рассыпной, полную шапку накладу и всего одинъ пяточокъ съ тебя возьму,—подхватываетъ еще одна баба.

Сбитый съ толку, кантонистъ не знаетъ, какое лакомство предпочесть; наконецъ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшается:

— Давай, тетушка, калачъ съ молокомъ.

— Садись, родименькій, садись, голубчикъ, на мое тепленькое мѣстечко, да и кушай себѣ съ Христомъ, говоритъ торговка, подавая ему калачъ и чашечку молока.— А есть у тебя отецъ, аль мать?

— Нѣту. Мать померши, а отца я и не зналъ, какой онъ такой,— отвѣчаетъ спрошенный, съ алчностью улетая за обѣщаньями.

— Выходить: сиротинюшка, сердешный? Пстой-же, я ужъ тебѣ еще молочка подолью;—да на вотъ хлѣбца подкروши и шпъ на здоровье.. Не надо, голубчикъ, мнѣ твоихъ денегъ, не надо,—говоритъ она, увидѣвъ, что мальчикъ все уже съѣлъ и суесть ей деньги въ руку.

— Спасибо, тетушка!—И, спрятавъ деньги за обшлагъ шинели кантонистъ, довольный и счастливый, въ припрыжку побѣжалъ въ швальню.

— Дайте мнѣ, дядинька, вакцины съ собой,—униженно просить кантонистъ у одного изъ сапожниковъ.—Сапоги нечѣмъ чистить, а въ ротѣ спрашиваютъ, бьютъ... дерутъ... Будь добръ не откажи.

— Ваксу я, братъ, самъ покупаю на деньги,— отвѣчаетъ солдатъ:—и ты купи. Про васъ не напасешься.

— Радъ бы, дяденька, купить, да не на что: родныхъ нѣтъ, денегъ взять негдѣ.

— Ну, ладно, дамъ ваксы; только за это - волосянку. Идетъ?

— Да вѣдь это больно... у меня и то ужъ голова болить... вся въ струпяхъ...

— Зато вакса будетъ. Даромъ ничего, братъ, не дается.

— Ну, дери, только ваксы-то, дяденька, побольше.

Солдатъ придвигается къ просителю, вѣпляется пальцами обѣихъ рукъ ему въ волосы на затылкѣ, и дергаетъ ихъ вверхъ

сразу такъ сильно, что мальчикъ вскрикиваетъ что есть мочи. Въ окружности смѣхъ и брань.

— Я еще не успѣлъ путемъ дотронуться, а ты ужь орешь, — укоряетъ его солдатъ.— Стой смирно: сейчасъ порѣшимъ. Солдатъ снова деретъ просителя за волосы, тотъ снова вскрикиваетъ шибче прежняго. Вишь разрюмился, нѣженка эдакая, укоряетъ солдатъ, недовольный кантонистскимъ плачемъ. На вотъ ваксы, да еще съ банкой вмѣстѣ, только не хнычь.

Такія сцены повторялись повсюду, куда кантонистовъ только ни посылали въ расходъ.

Въ ротѣ, между тѣмъ, идетъ выправка новичковъ. Вдругъ ученье прерывается неожиданнымъ образомъ.

— Разойтись!—сердито командуетъ внезапно появившійся молодой красивый офицеръ, командиръ роты, Добреевъ.

Кантонисты, услышавъ знакомый голосъ, живо разбѣгаются. Фельдфебель спѣшитъ къ своему начальнику.

— Я такъ и зналъ, что ты не можешь безъ ученья, — съ укоризною заговорилъ Добреевъ.

Онъ судорожно пожалъ плечами и продолжалъ съ досадою:

— Признаюсь, рѣшительно не понимаю, какъ это ты при-страстился мучить дѣтей этой шагистикой?

— Я ничего-съ: не виновать-съ; такъ начальству угодно; приказаніе исполняю-съ!—отвѣчаетъ фельдфебель. Самъ Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ-съ...

— Такъ вѣдь и я начальство составляю и тоже десятки разъ предлагалъ тебѣ давать дѣтямъ отдыхъ въ тѣ дни недѣли, когда они въ роздыхѣ, или въ банѣ. Ты, значить, не считаешь меня начальникомъ?

— Полковникъ старше-съ... изволить приказывать. Мнѣ не разъ въ зубы попадало отъ нихъ...

Пока Добреевъ толковалъ съ фельдфебелемъ, кантонисты его роты возвратились въ казарму. Увидѣвъ ихъ, онъ поздоровался съ ними и весело крикнулъ:

— Ребята! Я дежурный; скоро ужинать, берите смѣло хлѣба: обысковъ не будетъ.

— Рады стараться, ваше благородье.—откликнулись дѣти.

По уходѣ Добреева, кантонисты начали вытаскивать, изъ рукавовъ своихъ шинелей, изъ-подъ мышки, лоскутки холста, кожи, сукна, нитки, дратву, комки ваксы, и прятали все въ кровати ящики. А изъ за стола въ этотъ вечеръ унесли хлѣба сколько кто могъ,—въ общей сложности нѣсколько пудовъ.

Кантонисты любили Добреева за его снисходительность и доброту. Въ его ротѣ и наказывали, и муштровали на половину меньше, чѣмъ въ прочихъ ротахъ; совершенно вывести истязанія онъ не могъ: начальникъ заведенія, отступившись собственно отъ него, усиленнѣе обыкновеннаго придирался къ фельдфебелю, къ правящимъ его роты и побуждалъ ихъ нака-

зывать кантонистовъ; мало того, самъ наказывалъ во время отсутствія Добреева, который, пренебрегая службою, ходилъ въ роту раза три-четыре въ недѣлю. Сбыть его совсѣмъ изъ заведенія было довольно трудно: онъ былъ человѣкъ относительно образованный, богатый; былъ молодъ, холостъ, вель знакомство со всею городскою аристократіею, имѣлъ, кромѣ того, и связи, протекцію.

Кантонисты все-таки лишились его вслѣдствіе одной чрезвычайной его выходки. Вотъ какъ дѣло было. Онъ былъ охотникъ, уходилъ лѣтомъ постоянно въ лѣсъ, забравъ съ собою человѣкъ по 40—60 кантонистовъ своей роты, и часто не попадалъ на ученя. Однажды начальнику ввдумалось произвести вечеромъ ученье всему заведенію, и такъ-какъ Добреева не оказалось на лицо со множествомъ кантонистовъ его роты, то начальникъ послалъ за нимъ въ лѣсъ.

Забравшись въ чащу лѣса, Добреевъ усѣлся среди своей команды на маленькой полянѣ, изъ мѣшковъ повынули харчи—телятину, колбасы, огурцовъ, печенья, и охотники закусывали съ волчьимъ аппетитомъ. Вдругъ предъ ними вырастаютъ гонцы. Добреевъ разсердился, поднялъ свой отрядъ и отправился въ городъ; а услышавъ, у заставы, барабанный бой, означавшій, что ученье еще продолжается,—онъ остановилъ отрядъ, далъ отдохнуть, и сказалъ:

— Ребята! Не въ службу, а въ дружбу! Когда дойдемъ до плаца я затрублю въ рожокъ; у кого рожки—подхвати; у кого трещетки, хлопушки—трещи, хлопай, какъ можно сильнѣй, и когда собаки побѣгутъ, бросайтесь впередъ, кричите «ату его, ату», науськивайте ихъ на офицеровъ вообще, а на начальника особливо, кидайте въ нихъ чѣмъ попало.

Кантонисты съ восторгомъ приняли это предложеніе: напасть на начальству имъ всегда было по сердцу. Остальную часть пути кантонисты не шли, а чуть не летѣли: такъ поправились имъ оригинальная затѣя ихъ любимаго начальника.

Тихо, крадучись, подошелъ отрядъ къ плацу и за угломъ казармъ пріостановился.

Смерклося. Заведеніе стояло вольно, т. е. говорило, кашляло и оправлялось.

Воспользовавшись этою удобнѣйшею, для нападенія, минутою, Добреевъ вдругъ затрубилъ въ рогъ, отрядъ подхватилъ, ватрещалъ, захлопалъ, собаки залаяли, бросились впередъ, отрядъ за ними, съ крикомъ: «ату его, ату его».

Заведеніе смѣшалось, въ рядахъ его поднялся шумъ, визгъ, началась давка, бѣготня, драка и суматоха невыразимая. Большинство кантонистовъ заведенія, сообразивъ въ чемъ дѣло, мгновенно передались въ непріятельскій лагерь и вмѣстѣ съ нападающими начали щипать, колотить свое начальство. А Добреевъ, помахивая въ воздухъ бѣлымъ платкомъ, все силь-

нѣй и силнѣй напираль съ удесятерившимся отрядомъ на офицерство заведенія.

Около получаса продолжалась битва и кончилась тѣмъ, что непріятель разбѣжался и на плацу остались трофеями: кантонистскія и офицерскія шапки, ключья разорванныхъ собаками мундировъ, штанинъ, обломки шпаженокъ и проч.

Осмотрѣвшись, побѣдители сами перепугались своего подвига и вопросительно переглядывались.

— Спасибо, ребята,—сказаль Добреевъ:—сто разъ спасибо вамъ. Ежели васъ стануть допрашивать, говорите, я приказаль.

На утро оказалось, что, сверхъ множества затрецинь, которыя получили начальственные лица, еще и собаки покусали нѣкоторыхъ. Затѣмъ официально участвовавшимъ въ нападеніи кантонистамъ 3-й роты задали, дня черезъ два, общественную поронду, т. е драли человекъ 50 сразу, и, хоть имъ жутко было лежать подъ розгами, зато они приобрѣли громадную славу, о которой знало и съ благовѣніемъ рассказывало потомъ отдаленнѣйшее потомство кантонистовъ. Долго думали, что сдѣлать съ Добреевымъ; наконецъ, въ уваженіе разныхъ обстоятельствъ, компрометировавшихъ само начальство, сочли его поступокъ шалостью, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ заведеніе.

V.

Четвергъ. Четвертая рота въ банѣ и на спѣвкѣ.

 ДНО изъ наиболѣе тягостныхъ событій казарменной жизни составляли тѣлесные осмотры, производившіеся по четвергамъ. Ожиданіе такихъ осмотровъ повергало многихъ кантонистовъ въ уныніе.

— Огляди меня, пожалуйста, Федоровъ, а потомъ я тебя говорить раздѣтый до нага кантонистъ одному изъ своихъ товарищей.

— Ты, братъ, чистъ, чесотки нигдѣ нѣтъ,—утѣшаетъ тотъ, осматривъ его:—вотъ только и есть на лѣвой ляжкѣ царапина. Подойдешь къ правящему, такъ ноги-то. знаешь, сдвинь поплотнѣй. онъ, при огнѣ, ее и не замѣтитъ. Ну, а у меня ничего нѣту?

— Ничего, окромя рубцовъ отъ розогъ. А рубцы то, братъ, синіе, рассиніе...

— Ужъ, братъ и порють! Вѣдь сегодня недѣля, какъ отдрали, а синяки еще не сходятъ. Ну, да по мнѣ пушай ихъ хоть вѣкъ не сходятъ: это не чесотка, а сѣченье, сталобить отвѣчать не зачто.

Въ другой парѣ осматривающихъ другъ друга кантонистовъ идетъ такой разговоръ:

— Ахъ, сердешный! Выдеруть безпремѣнно: вишь обчесался какъ!

— О, чтобъ ихъ! Нешто я виновать? Намазали прошедшій разъ въ банѣ какой-то поганой мазью, и болячки, замѣсто того, чтобъ заживиться, еще пуще разгноились... Ежели опять отдереть—расковыряю, чѣмъ ни на есть, больное бедро, уйду въ лазаретъ, а оттуда въ неспособные; авось вырвусь изъ этого омута. Вѣдь ужъ пора: 20-й годъ пошелъ.

Явился правящій.

— Эй, вы!—кричитъ онъ, обводя взоромъ толпу раздѣтыхъ до-нага кантонистовъ:—подходи по ранжиру!... Выкликнутый подходить. Капралъ тщательно освѣщаетъ его тѣло съ ногъ до головы, а унтеръ вездѣ разсматриваетъ.

— Сорокинъ, гдѣ Сорокинъ? Всѣ оглядываются. Отелику нѣтъ.

— Гдѣ же Сорокинъ? Повторяетъ правящій. Подайте мнѣ сюда Сорокина.

— Здѣсь!—отзывается Сорокинъ, мальчишкѣ лѣтъ 15, маска

— Гдѣ ты пропадаешь?

— Ни гдѣ-съ... я не дослышалъ-съ...

— А чѣмъ это отъ тебя пахнетъ? Никакъ крѣпкой водкой?

— Не могу знать-съ... я ничего... право ничего-съ... Вамъ можетъ почудилось...

— Развѣ я не слышу духъ? Меня не обманешь. Ну-ка нагнись головой внизъ съ ногами наравнѣ? Сорокинъ стоитъ неподвижно.—Ну?

— Да чего вамъ отъ меня нужно? Не стану я нагибаться!

— Повалите-ка его ребята на кровать, да хорошенько, чтобъ разглядѣть...

Приказаніе мигомъ исполнилось и Сорокинъ осмотрѣнъ.

— Ге-ге-ге!... Такъ вотъ ты отчего прячешься!.. Понимаю, понимаю!..

— Оставьте лучше меня въ покоѣ, не то я жаловаться стану.

— Я тебѣ погрожу. Розогъ!

— Только троньте, ей ей бѣду вамъ надѣлаю.

— Отчего ты болѣнъ?

— Отчего? гм... да отъ васъ, слышите отъ васъ. Довольны, или нѣтъ?

— Молчать! Въ клочки разорву. Пошелъ прочь, гадина этакая, да моли Бога, что мнѣ не досугъ съ тобой расправиться теперь же, ну да я уже тебѣ припомню.

— Не стращайте, не боюсь...—молвилъ Сорокинъ, одѣлся добрень до своей кровати и глухо зарыдалъ: и боль, и стыдъ доняли его.

— Егоръ Антоновъ, подходи ближе! Унтеръ осматриваетъ —

И ты начинаешь чесаться? Отпусти-ка ему десятокъ горячихъ, чтобъ не чесался. Не успѣлъ Антоновъ и рта разинуть, какъ его ужъ стегали.

Въ заведеніи вообще полагали, что розги—лучшее лекарство отъ всякихъ, особенно накожныхъ, болѣзней. И потому, въ видахъ искорененія недуговъ, въ дни осмотра начальство бывало особенно щедро на розги. Совершенно невредимыми выходили изъ тѣлеснаго осмотра очень немногіе. Зато всѣ, по окончаніи этой тягостной процедуры, отправлялись въ баню, гдѣ честочныхъ ожидали новыя мученія.

Баня была на казарменномъ же дворѣ и состояла изъ предбанника и самой бани; каждая комната, будучи не особенно тѣсно набита народомъ, могла вмѣщать въ себя человекъ 30—40. Но съ кантонистами не церемонились: ихъ вгоняли туда человекъ по сту. Въ предбанникѣ ни скамеекъ, ни лавокъ не полагалось. Когда кантонисты раздѣлись, ихъ, чтобы не выступить баню, вогнали туда всѣхъ разомъ и заперли на задвижку снаружи. Въ самой банѣ у одной изъ стѣнъ, стояли два ушата громадной величины, наполненные теплою и холодною водою, которую служитель раздавалъ по одной только шайкѣ на два человека. При этомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы никто не могъ два раза являться за водою. Кантонисты располагались для мытья на ступенькахъ полка, на самомъ полкѣ, на лавкахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, подъ лавками, посреди бани и на полу. Кто опаздывалъ захватить мѣсто, тому приходилось мыться стоя, держа шайку съ водою въ воздухѣ. Мыло выдавалось десяточнымъ ефрейторамъ въ самомъ скудномъ количествѣ, именно по кусочку, золотниковъ въ 10 вѣсомъ на цѣлый десятокъ. Кантонисты, намочивъ голову полученною теплою водою, подходили, по-очередно, къ ефрейтору, тотъ намыливалъ имъ одну лишь голову, отнюдь не дотрогиваясь ни до какой другой части тѣла. Вѣники спускались тоже по одному на десятокъ, но и ихъ, при выходѣ изъ теплой бани, отбирали въ сдачу, для слѣдующихъ парильщиковъ.

Тѣснота въ банѣ, давка, ругань изъ-за мѣста, гдѣ сѣсть, драка изъ-за вѣника, плачь изъ-за расплесканной воды, украденной портянки, которая была захвачена съ собою для стирки густой, удушливый паръ, обнаженные тѣла, гладко стриженные головы, истомленные, блѣдныя лица и чадъ, — все это представляло такую картину, которая поразила бы и самого хладнокровнаго зрителя.

Черезъ часъ, по командѣ унтеръ-офицера, кантонисты бросились въ предбанникъ одѣваться. Всѣ ли вымылись, хорошо ли вымылись—до этого никому не было дѣла: вся забота начальства заключалась именно въ томъ, чтобъ приказаніе свести роту въ баню было въ точности исполнено, очередь была бы отведена. Оттого, ежели кто послѣ команды «выходить» хоть минуту запаздывалъ, то неминуемо отвѣдывалъ комля вѣника.

Минуть черезъ десять по выходѣ въ предбанникъ, изъ котораго дверь вела прямо на улицу, кантонистовъ фронтомъ вели уже обратно въ казармы.

Часу во второмъ пополудни доходила и до чесоточныхъ очередь идти въ баню. Ихъ водили всегда отдѣльно отъ чистыхъ. Загнавъ ихъ въ баню, также сразу человѣкъ 80, имъ раздавали вышеописаннымъ порядкомъ мыло, воду и вѣники, и заставляли мыться. Потомъ, когда они размывали болячки на тѣлахъ, ихъ выгоняли въ предбанникъ, подводили поочередно по два человѣка къ служителямъ, которые намазывали каждого съ ногъ до головы мазью, составленной изъ дегтя, соли и квасцовъ. Затѣмъ ихъ пропускали человѣкъ по 30 снова въ баню и загоняли на полокъ, гдѣ имъ приказывалось непремѣнно стоять; служителя поддавали пару такъ сильно, что дыханіе захватывало, а два унтера занимали позицію на нижнихъ ступенькахъ полка, держа въ рукахъ розги и наблюдая, чтобы всѣ парились вѣниками и не смѣли сойти внизъ. Такъ продолжалось около получаса времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока мазь ввойдетъ въ тѣло и засохнетъ въ немъ. Мазь страшно кусала; на полкѣ поднимался плачь, вой и стонъ. Затѣмъ, прямо съ полка, чесоточныхъ выгоняли въ предбанникъ одѣваться. Окачиваться водой имъ строжайше воспрещалось.

Пока чесоточные мылись, здоровые кантонисты 4-й роты успѣвали съ часъ поучиться фронту, а съ возвращеніемъ чесоточныхъ тотчасъ раздавался крикъ: «Пѣсенники и новички къ фельдфебельской, а остальные—слушать! Живо!»

Начинался урокъ пѣнія. У фельдфебельской, кровати десять сдвинулись въ сторону; до 40 кантонистовъ становились въ кружокъ въ двѣ шеренги; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ бубны, тарелки, у одного камертонъ. Посрединѣ кружка становили табуретъ, а на немъ усаживался здоровый, высокій мужчина лѣтъ 45, поручикъ Федоренко, ротный командиръ этой роты.

— Прибывшихъ сюда! — крикнулъ Федоренко, молодцовато поводя глазами. Кружокъ разступался и фельдфебель вводилъ въ него двухъ, трехъ мальчиковъ.

Федоренко осматривалъ новичковъ съ головы до ногъ.

— Какую пѣсню знаешь? — спрашивалъ онъ одного изъ нихъ...

Новичекъ смотритъ ему въ глаза съ недоумѣніемъ.

— Какую пѣсню знаешь?

— Знаю... Знаю...

— Какую же?—топнулъ ногой Федоренко отъ нетерпѣнія.

— «Вдоль по улицѣ мятелица мететь».

— Всю?—ужъ ласково продолжаетъ Федоренко.

— Всю.

— Пой. Новичекъ теряется.

— Пой же!—Новичокъ запѣваетъ. — Громче, громче! Вотъ

такъ, вотъ эдакъ. Новичекъ ободряется и постепенно входитъ въ голосъ.— Молодецъ, братъ, молодецъ! — хвалилъ Федоренко, ощутивъ пріятность звонкаго, чистаго голоса.— Въ пѣсенники его, въ пѣсенники! Становись сюда. Мальчикъ присоединяется къ хору. — А ты умѣешь пѣть? — обращается онъ къ другому новичку.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Какъ не умѣешь? быть не можетъ, чтобы ничего не пѣлъ. Въ деревняхъ всѣ пѣсни поютъ.

— Вотъ те Христось, не пѣваль.

— Такъ кричи: «Слу-шай», да смотри, въ растяжку: «Слу-шай». Новичокъ молчитъ. Что-жъ ты? Кричи:

— Слу-шай! — вполголоса затягиваетъ новичокъ.

— Шибче, шибче, — приказываетъ Федоренко и, для пущаго вразумленія, хлысть его здоровеннѣйшею ладонью по щекѣ. Тотъ взвизгиваетъ на всю комнату. — Хорошо, хорошо... И этого въ пѣсенники. А ну-ка ты! — приказываетъ онъ третьему. Третій вскрикиваетъ «слу-шай» что есть мочи. Ну, ты ни къ чорту не годишься. Пошелъ прочь, дрянъ эдакая. Немного помолчавъ, Федоренко обращается къ хору съ наставленіемъ:

— Хорошенько откашляться; въ пѣньи у меня не хрипѣть, впередъ не выскакивать, позади тоже не оставаться. Братъ товъ дружно, вмѣстѣ, всякій голосъ знай свой тактъ. Гдѣ нужно тихо щебечи, какъ снигирь, гдѣ надо громко — стрѣльни, какъ пушка. Чувствуете? Ну, а гдѣ надо ровно, плавно — раздробись на соловьиную трель и тяни раскатисто, какъ ружейная стрѣльба. Слышали? Поняли? Ну, съ Богомъ! «Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный?» Сапуновъ, начинай со мной вмѣстѣ. (Сапуновъ, малый лѣтъ 20-ти, былъ главнымъ его помощникомъ и запѣвалой). Разъ, два-три.

— «Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный?» — запѣваетъ Федоренко, подперевъ щеку лѣвою рукою. — «Такъ капитанъ солдату говорилъ; ты помнишь-ли, какъ громъ грозы военной святую Русь внезапно возмутилъ? Пѣсенники подхватываютъ.

— Отставить! — вдругъ, среди пѣсни, гаркнулъ Федоренко, побагровѣвъ. Хоръ смолкаетъ.

— Ну, какъ васъ не пороть, свињи? Какъ васъ не пороть, когда вы своимъ крикомъ рѣжете кишки мои, визжаньемъ пилите мнѣ по сердцу? Козлы вы этакіе! Берегись! «Грянулъ внезапно»... слушать меня! припѣвать въ тактъ! вдую, ей ей вдую.

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ;
Все запылало мщеньемъ, войною.
Ай, донцы,
«Донцы молодцы»,

Подхватываетъ хоръ.

— Спасибо, ребята! хорошо, хорошо!

— Рады стараться, ваше благородіе.

— Теперь—«Вдоль да по рѣчкѣ». Упи, ребята, не вѣшать, а пѣть смѣло, весело. Сапуновъ, начинай!

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ», — затягиваетъ Ѳедоренко, притопывая ногами, припрыгивая всѣмъ туловищемъ и хлопая въ ладоши.

Вдоль да по бережку.

Продолжаетъ хоръ.

Онъ со кудрями, онъ со русыми
Разговариваетъ!

Ѳедоренко входитъ въ азартъ, выдѣлывая головою самыя вычурныя киванья.

Кому мои кудри, кому мои русы,—

Поетъ хоръ.

— Стой, стой, стой!.. Семеновъ, что ты орешь-то въ тугой голосъ—а? Впередъ, розогъ!

— Это не я, ваше благородіе, ей-ей не я, отпирается Семеновъ, блѣднѣя отъ страху.

— Я тебѣ дамъ «не я»; меня, братъ, не надуешь! Я давно замѣчаю, что ты нарочно фистулой дерешь, думаешь отбиться отъ хора. Нѣтъ, шалишь!

— Да у меня, ваше благородіе, ей-богу грудь болитъ: какъ только стану натужиться, такъ все нутро и рвется, такъ и хочетъ выскочить. Простите, ваше благородіе!

— Я тебѣ выскочу! Вздую хорошенько, такъ перестанешь лодырничать. Ишь выдумалъ «грудь болитъ»!

Такъ продолжались уроки пѣнія изо дня въ день цѣлую зиму. А съ наступленіемъ лѣта Ѳедоренко водилъ хоръ пѣть за городъ. Для загородныхъ пѣній у него и репертуаръ пѣсенъ былъ особенный—поэтической: Выберетъ онъ, бывало, пригорокъ надъ обрывомъ Волги, недалеко отъ лѣсу, посреди поля, усядется посреди хора на травѣ и залетется, залетется такъ, что заслушаешься. Особенно любилъ онъ «Воздушный корабль» Лермонтова, пѣсню Кольцова «Полоса-ль моя, полосынька» и Некрасовскую «Тройку».

По горячему увлеченію, съ какимъ онъ пѣлъ, видно было, что Ѳедоренко не на свое мѣсто попалъ: человѣку состоятъ бы въ хорѣ цыганъ, а онъ какимъ-то страннымъ случаемъ попалъ въ военные и очутился учителемъ кантонистовъ. Правда, онъ прилагалъ тутъ все свое стараніе. Путемъ розогъ и долгихъ усилій, онъ образовалъ отличный хоръ пѣсенниковъ и слава его прогремѣла по всей окрестности. Едва горожане завидятъ, бывало, его съ пѣсенниками въ полѣ, какъ ужъ бѣгутъ послушать. Частенько на загородныя свѣвки являлись баре, барыни и даже барышни. Ѳедоренко былъ въ модѣ. Весь

городъ говорилъ о немъ и не могъ нахвалиться его хоромъ. Бывало, какой-нибудь разчувствовавшійся помѣщикъ, послушавъ пѣнія, раздастъ изъ своихъ рукъ каждому изъ басовъ и теноровъ по серебряному гривеннику, а альтамъ и дискантамъ — по пятиалтынному. Мѣщанки, солдатики и другія простыя женщины придвигаются толпою къ пѣсенникамъ и, крадучись, суютъ имъ въ руки: кто — калачъ, кто — сдобную лепешку, кто — кусокъ пирога, а кто и мѣдный пятакъ.

— Экъ начальникъ-ать какой добрый, да ласкательный. — говорить деревенская баба, обращаясь къ городской старушкѣ, стоя невдалекѣ отъ пѣсенниковъ. — Самъ поетъ, да робятъ веселить, да балуетъ. Знать — душа-человѣкъ.

— Да, голубушка, душа-человѣкъ! — тоскливо отзывается старуха. — запоешь, небось, какъ съ ловой-то стоять надъ тобой. Позавчера вонъ энтотъ-то самый, душа-человѣкъ, при всемъ честномъ народѣ, на этомъ же самомъ мѣстѣ одного малаго такъ исполосовалъ розгачами, что бѣднягу въ телегѣ взадъ свезли!

Впрочемъ, несмотря на то, что Федоренко и въ полѣ не миловалъ пѣсенниковъ, они все-таки рады были лѣтнему пѣнью: они дышали свѣжимъ воздухомъ, прогуливались дорогою, да и еньжонки перепадали; а кантонистъ, имѣя въ обшлагѣ шинели гривенникъ, считалъ себя богачемъ и былъ несказанно счастливъ. Быть пѣсенникомъ кантонисты считали для себя великимъ несчастіемъ и всячески старались не попасть въ хоръ. Но, разъ очутившись на спѣвкѣ, не было ужъ положительно никакой возможности освободиться изъ пѣсенниковъ, кромѣ развѣ смерти, да выхода на службу. Но и отъ службы Федоренко удерживалъ, для пользы хора, года по три, по четыре сряду, такъ что иной годовъ двадцати-двухъ, трехъ едва вырывался на службу, и это вызывало иногда кантонистовъ на крайнія мѣры. Одинъ кантонистъ, которому особенно опротивѣла обязанность пѣсенника, рѣшилъ во что бы то ни стало выйдти изъ хора. Доставъ гдѣ-то постнаго масла, онъ вышелъ, потихоньку, на морозъ, вышилъ все масло и продержалъ съ четверть часа ротъ разинутымъ — къ вечеру осипъ, а утромъ другаго дня ужъ не только чисто пѣть, но и говорить не могъ.

Первоначально Федоренко сформировалъ хоръ съ разрѣшенія начальника изъ всего заведенія, а потомъ пополнялъ убыль новичками и переманкою изъ другихъ ротъ голосистыхъ мальчиковъ. Принадлежности пѣнія, какъ-то: пѣсенники, камертоны, бубны и проч. покупалъ онъ ежегодно на свои деньги. Хорошій пѣсенникъ могъ смѣло ничего не знать изъ пунктиковъ и другихъ наукъ и ничуть не тревожиться: все это Федоренко считалъ пустяками сравнительно съ пѣснями и звонкимъ голосомъ и евогда за это не взыскивалъ. Его помощники, низшіе начальники кантонистовъ, тоже остерегались, въ угоду ему, бить пѣсенниковъ зря. Одѣвалъ онъ пѣсенниковъ

всегда въ крѣпкую, хорошую казенную одежду. Страсть къ пѣнью до того въ немъ была сильна, что какъ бы начальникъ жестоко ни распеетъ его, если только пѣсенники тотчасъ потомъ стройно споютъ пѣсню, онъ вполне утѣшенъ, забылъ и полковника, и все на свѣтѣ. Онъ былъ одинокій, старый холостякъ, происходилъ изъ крестьянъ, вышелъ въ офицеры изъ гвардейскихъ фельдфебелей, велъ себя скромно, уединенно и, казалось, вся жизнь его заключалась исключительно «въ пѣсенникахъ», подобно тому, какъ жизнь Тараканова ушла въ шагистику, а Живодерова — въ экзекуціи.

VI.

Пятница. Пятая рота на ружейномъ и стрѣлковомъ ученьяхъ.

МАНЕЖЪ расположенъ свая казармъ. Тамъ въ 7 часовъ утра рота со своимъ командиромъ, штабсъ капитаномъ Свиньевымъ, тоже отчаяннымъ фронтовикомъ.

— Ружье на плечо! — командуетъ онъ, хотя у кантонистовъ никакихъ ружей не было. Кантонисты ударяютъ ладонью правой руки по собственному лѣвому плечу и моментально опускаютъ руки по швамъ, загибая пальцы лѣвой руки въ горсть, какъ бы держа въ нихъ ружье.

— Эй, кто тамъ плечемъ вертитъ! Ружьемъ, помни, владьешь! На кра уль! Кантонисты сгибаютъ обѣ руки въ кулакъ и ударяютъ правою — въ лѣвый бокъ, а лѣвою въ грудь.

— Отчего плохъ темпъ? (звукъ). Отставить! Кантонисты опускаютъ руки по швамъ. — На кра-уль! Кантонисты снова стучатъ себя въ бокъ и въ грудь. Свиньевъ заходитъ съ лѣваго фланга и смотритъ, ровно-ли вытянулись кулаки рукъ. — На плечо! Дѣлать пріемъ плавно; когда берете на караулъ, не дребезжать, а дѣлать ударъ сразу, какъ одинъ человекъ. Ровнѣй штыки, штыки! — продолжаетъ онъ, съ праваго уже фланга. Вдругъ кто-то оглянулся.

— А-а? это ты, Самсоновъ, шевельнуться вздумалъ? Ты? Важности фронта, каналья, не понимаешь? Ладно! Грудь впередъ. Ружье на руку! И горячась, и команди, онъ забѣгаетъ то справа, то слѣва, какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное дѣлаетъ. Какому-то кантонисту надоѣла вся эта комедія и онъ вздумалъ потѣшиться — опустил обѣ руки.

— Ты какъ смѣлъ опустить ружье къ ногѣ, не дождавись команды? — закричалъ на него, побагровѣвъ, Свиньевъ.

— Никакъ нѣтъ съ, ваше благородье, — громко отвѣчаетъ виновный. — я ничего не опускалъ.

— Какъ ничего? всѣ держать ружье на руку, а ты зачѣмъ опустилъ его къ ногѣ?

— Никакого, ваше благородье, ружья у меня не бывало.

— Ка-акъ?... У тебя нѣтъ ружья? .

— Никакъ нѣтъ, ваше благородье.

— Что за дьявольщина? Какъ нѣтъ? Эй ты!—обращается онъ къ другому кантонисту:—есть у тебя ружье, или нѣтъ?

— Есть, ваше благородье.

— Да вретъ онъ,—вмѣшивается шутникъ: - и у него нѣту. Мы отродясь ружья и не видавали. Какое же ружье? извольте сами поглядѣть.

— Такъ ты еще спорить? Три пощочины и снова команда: ружье на руку».

— Хоть убейте, ваше благородье, а на руку ружья взять мнѣ неоткуда. Понапрасну только деретесь.

— Тыфу ты, сволочь проклятая!.. Свиньевъ плюетъ ему въ лицо и отходитъ на средину.

— Разсыпаться! командуетъ онъ, собравшись съ мыслями и приступая къ исполненію на практикѣ тѣхъ сигналовъ, которые кантонисты теоретически разучивали, сидя въ десяткахъ.

— Та-ти-ти, та-ти-ти, ти! выигрываетъ на рожкѣ горнисть.

Происходитъ дѣятельное ученье, кантонисты сходятся, расходятся; задніе ряды выбѣгаютъ впередъ, дѣлая видъ, будто хлопанье рукъ замѣняетъ выстрѣлы. Свиньевъ мечется въ сильнѣйшемъ волненіи, воображая, что присутствуетъ при настоящемъ сраженіи.

— Въ грудь, ребята прямо въ грудь непріятелю цѣлься! кричитъ онъ.

— Головы на лѣвый бокъ! Стрѣлять правильно! Ивановъ, лѣвую ногу больше впередъ! Куда, бестія, цѣлишься, куда стрѣляешь? Прицѣливайся снова. Да глазъ-то лѣвый, глазъ прищурь, горланить онъ и съ азартомъ ткнулъ пальцемъ прямо въ глазъ кантонисту, неправильно цѣлившемуся. Тотъ пошатнулся и упалъ навзничъ безъ чувствъ *). Оттащить его въ уголъ! закричалъ Свиньевъ.

Приказаніе исполнилось.

— Ложитесь! Стрѣлять, идетъ между тѣмъ бѣшеная команда. Афанасьевъ! что легъ головой-то на полъ? спать, что-ли, собрался? Отбой!

Послѣ обѣда, по пятницамъ, всѣ роты, въ полномъ составѣ, муштруются ротными командирами, или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ помощниками.

— Завтра на батальонное ученье, объявляетъ капральству

*) Отъ этого тычка кантонистъ почти окривѣлъ навсегда. Онъ теперь въ Петербургѣ и на лѣвый глазъ видитъ самую малость.

управящій, на вечерней перекличкѣ. Одѣться почище, маршировать съ прилежаніемъ, а рты не развѣвать. А кто изъ большихъ желаетъ идти за опилками—шагъ впередъ. Человѣкъ десять съ праваго фланга выдвинулись. Выборъ, однако, палъ только на четверыхъ; остальные отступили назадъ, повѣсивъ головы.

Идти за опилками желалъ всякій: этимъ онъ освобождался отъ батальоннаго ученя и мытья половъ, а то и другое, какъ читатель убѣдится ниже, было слишкомъ тяжелою работой. Ходили за опилками человѣкъ по 12-ти изъ роты, подъ командою унтера, за городъ, на берегъ Волги, гдѣ постоянно пилились бревна на суда, барки и лодки, отправлявшіеся ежегодно съ казенною солью и хлѣбомъ вверхъ по Волгѣ. Каждые два человѣка обязывались принести опилокъ по рогожному, мучному, кулю. Опилки доставались, большею частію, съ трудомъ, такъ-какъ пильщики, нерѣдко обкрадываемые вѣчно голодными кантонистами, не любили послѣднихъ. Изъ-за опилокъ кантонисты затѣвали обыкновенно съ пильщиками ссору, всегда переходившую въ драку. Среди схватки, пустятъ, бывало, работникамъ въ глаза по пригоршнѣ предварительно, на подобный случай, запасеннаго песку, или даже нюхательнаго табаку, и пока рабочіе протирають, да промываютъ глаза, кантонисты успѣваютъ набрать опилокъ и уйти съ добычею.

VII.

Суббота. Заведеніе цѣликомъ на фронтовомъ ученіи и моетъ полъ.

ВСЕ заведеніе стоитъ, въ полномъ его составѣ, въ 7 часовъ утра, тремя шеренгами, вдоль 3-хъ стѣнъ манежа и выравниваетъ ноги по протянутой веревкѣ. Не только нижніе чины и кантонисты, но и офицеры тщательно осматриваютъ себя, боясь, какъ бы въ ихъ одеждѣ, въ осанкѣ, да же въ фізіономіи не оказалось чего-нибудь такого, къ чему могъ бы начальникъ придраться.

— Ъдетъ! кричитъ унтеръ, караулившій начальника за угломъ.

Веревки мгновенно сняли и все замерло. Вошелъ Курятниковъ, поздоровался, величественною, надменною поступью обошелъ фронтъ, сталъ посреди манежа и обвелъ орлинымъ взоромъ фронтъ. Всѣ сдерживаютъ дыханье; никто не шелухнется. На бѣду кто-то чихнулъ.

— Замѣтить, и послѣ ученя выпоротъ!—закричалъ Курятниковъ. Маршировать съ тактомъ, съ выдержкой, не ошибаться. Началось ученье.

— Подпоручикъ Гусевъ, гдѣ стоите? — спросилъ Курятниковъ, выстроивъ изъ заведенія каре. Вонъ изъ фронта!

Гусевъ вышелъ и сталъ у стѣны.

— Отчего унтеръ-офицеръ не занимаешь офицерскаго мѣста, а? Учитель-унтеръ-офицеръ, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, выдвигается въ переднюю шеренгу.—Да у тебя еще и крючки мундира разстегнуты? Впередъ.

— Вашескородье, простите; въ первый и послѣдній разъ, больше никогда не замѣтите.

— Впередъ, безъ разговоровъ! Учитель выходитъ.

— А ты, поросенокъ, что смѣешься, а? обращается Курятниковъ къ право-фланговому кантонисту того же взвода, офицеру и унтеръ-офицеру котораго такъ не посчастливилось. О чемъ смѣялся?

— Я, вашескородье, не смѣялся,—плаксиво оправдывается кантонистъ:—у меня верхняя губа шибко зачесалась, я дернулъ ее нижнею губою, точно такъ-съ...

— Вертѣлъ губами, значить, шевелился. На средину.

Окончивъ эказекуцію, Курятниковъ снова повелъ свои колонны къ атакѣ воображаемаго непріятели, снова строилъ каре, развертывалъ и свертывалъ фронтъ, бранилъ всѣхъ безъ разбора, собственноручно колотилъ и вообще неистовствовалъ самымъ дикимъ манеромъ.

Около 12-ти часовъ кончилось ученье. Кантонисты, ни въ чемъ незамѣченные, стремглавъ бѣжали въ казармы; замѣченные же, понуря головы, шли шагъ за шагомъ, раздумывая: «Простятъ-ли совѣмъ, нарядятъ-ли на ночь на часы, или же отдерутъ?» Степень наказанія въ этихъ случаяхъ находилась также въ полной зависимости отъ Курятникова: если онъ сильно распекалъ—замѣченныхъ драли, если только выговаривалъ—ихъ наряжали на часы, если же благодарилъ за ученье—ихъ совѣмъ прощали. Послѣднее, впрочемъ, случалось рѣдко.

Мытье половъ производилось послѣ обѣда. Въ спальняхъ кровати сдвигались въ уголь, и кантонисты, въ одномъ бѣльѣ, держа въ рукахъ голики, насаженные на длинныя палки, выстраивались въ шеренги.

— Гдѣ Парашкинъ?—спрашиваетъ капралъ.

— Голикъ, надо полагать, ищетъ, отвѣчаетъ кто-то.

— Вонъ онъ идетъ, подхватилъ другой.

— Люди стали ужъ мыть, а ты гдѣ еще шляешься? Да и безъ голика?

— У меня былъ хорошій голикъ, да кто-то его утащилъ изъ кровати,—оправдывался Парашкинъ, а у самого уже зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Вишь, чѣмъ вздумалъ оправдываться—«вытащили». Чтобъ чрезъ пять минутъ былъ у тебя голикъ, не то запорю; слышишь? Пошелъ!

При мытьѣ, полъ поливали водою, послѣ чего ефрейторы

Многострадальные.

посыпали его опилками, а простые кантонисты, по командѣ капраловъ, принимались растирать опилки, медленно двигался шеренгою впередъ и назадъ, отъ одной къ другой стѣнѣ. Послѣ троекратной церемѣны опилокъ и трехчасоваго, мучительнаго труда, полъ оказывался вымытымъ такъ чисто, и становился такъ бѣлъ, какъ деревенскій столъ у чистоплотной хозяйки.

Въ субботу вечеромъ кантонистамъ было предоставлено пользоваться отдыхомъ. Не смотря на то, многіе изъ нихъ сновали изъ угла въ уголъ съ озабоченными фізіономіями. Это были мальчики, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, родственниковъ или даже, просто, земляковъ, къ которымъ намѣревались проситься на воскресенье въ отпускъ.

При всей тяжести кантонистской жизни, повидимому, одинаково убійственной для всѣхъ, житье мальчиковъ было различное. Некрасивымъ было тяжелѣе, нежели тѣмъ, которые обладали смазливою фізіономіей. Некрасивыхъ обходили должностями, чаще били и одѣвали хуже, давая имъ донашивать старую одежду съ плечъ красивыхъ (масокъ), которую приходилось ежедневно чинить, и въ которой со двора никоимъ образомъ не пускали.

Бывало, передъ праздникомъ, какой-нибудь корявый просилъ маску:

— Дай, Тимоша куртку, со двора сходить. Твоя куртка мнѣ въ самую въ пору; я тебѣ за это калымъ (домашнее) печенье принесу.

— Отчего не дать, отзывается маска:—мнѣ все равно дома сидѣть. А что принесешь?

— Право, не знаю, потому идти-то хочу не къ родной матери, а къ двоюродному дядѣ. Съ пустыми, иначе, руками никогда не ворочался. Что принесу,—тѣмъ и подѣлюсь неполамъ.

— Калымъ твой мнѣ не нуженъ, а принеси ты мнѣ пятаковый калачъ, не то и куртки не трогай.

— Да вѣдь калачъ то, Тимоша, купить надо, а денегъ можетъ и не дадутъ: какъ же я тебѣ впередъ слово дамъ?

— По мнѣ хоть укради, хоть купи,—все единственно, а только подай. Пятакъ, чай, и Христа-ради набрать недолго.

— Да ужъ буду стараться.

— Ну, а кровать твою кто же сторожить будетъ? Вѣдь ивомнуть.

— Ну, и пушай. Не тебѣ отвѣчать.

— Извѣстно мнѣ. Потому я виць-ефрейторъ. Ну, да ладно: тащи калачъ да калымъ. Я ужъ присмотрю.

Въ другомъ мѣстѣ, дядька самъ предлагаетъ племяшу идти со двора.

— И куртку дамъ, и брюки достану, внушаетъ онъ:—только, чтобы—знаешь съѣдобнаго—побольше. А ужъ ефрейтора я упрощу,—пустить,—ты ему притащи листовъ шесть бумаги.

— Слушаю съ

Аристократія также готовится къ отпуску. Капраль разсуждаетъ съ однимъ кантонистомъ, имѣющимъ сильную протекцію и потому никого не боящимся:

— Идешь завтра со двора?

— Извѣстно.

— Что же не чистишься?

— Чай, племянъ давно уже вычистилъ.

— Ефрейтору сказывался?

— Это зачѣмъ?

— Затѣмъ, что порядокъ

— Ну, это для другихъ порядокъ, а мы иначе. Захотимъ со двора—иду прямо къ фельдфебелю, выпрашиваюсь у него и вся недолга.

— Лафа тебѣ прятаться за маменькину то спину.

— А тебѣ развѣ хуже моего? Чай, твой отецъ казначей. Одежду тебѣ шьетъ тонкую, денегъ даетъ, кататься съ собой возить, заступается. Чего же тебѣ еще?

— А все же твое дѣло получше. Ты ни за себя, ни за кого и ни за что не отвѣчаешь, живешь себѣ по вольности дворянства, а я? Мнѣ никогда покою не даютъ. Противно мнѣ капраломъ быть. Потому что я такое? Палачъ. Своихъ же драть долженъ. Другіе вонъ капралы съ удовольствіемъ дерутъ, шагу не дѣлаютъ безъ розги, а я какъ слышу «розогъ», убѣгаю, сломя голову въ корридоръ, въ цейхаузъ, даже въ чужую роту, чтобъ только драть не пришлось. Ну, а вѣдь не всегда же удастся улизнуть, и... и плачешь, да дерешь!.. Намедни я вонъ училъ шеренгу, поправилъ Тихонову стойку, да и сказалъ ему что то, вполголоса, смѣшное, онъ и улыбнулся. Капитанъ замѣтилъ это и закричалъ розогъ. Принесли. Онъ и приказалъ Тихонову ложиться. Я было заступаться за него: я молъ виноватъ, а не онъ—не взяло; пыталъ отнѣкиваться палачествовать—тоже не помогло.. Ударилъ разъ, другой потпихоньку, а на третьемъ бросилъ розгу, да заплакалъ: жаль стало Тихонова. Капитанъ вдосталь взбѣсился. Ну и что же? Хватилъ онъ меня по уху, своею медвѣжьею лапицею, такъ, что я кровью облился, двѣ недѣли почти глухимъ ходилъ: да еще нотацию—какую бы ты думалъ—выслушалъ отъ него? Ежели, говорить, начальство велить—всякаго долженъ сбѣчь, хоть бы отца родного—все равно, говорить. потому я, начальникъ, велю, а начальнику никто не указъ. Я жаловался отцу, да онъ толкуетъ тоже не ладно: ты, говорить, долженъ благодарить начальство: оно о тебѣ заботится. Вотъ ты и сговори съ нимъ!.. А вѣдь какая боль эти розги—я по себѣ знаю: когда я прибылъ въ кантонисты, правящій въ деревнѣ, на тѣлесномъ смотрѣ, въ сараѣ. за царяпину на локтѣ отпустилъ мнѣ почему попало такихъ десятокъ, что я свѣту Божьяго не ввѣдѣлъ.

— Да, ужъ житье!—со вздохомъ замѣтилъ собесѣдникъ.

— На что хуже!

— Особливо новичкамъ.

— Бѣда! Прибудетъ малый—кровь съ молокомъ, а чрезъ годъ еле дышетъ. Жалости подобно, ей-Богу! Я и хочу вотъ подобрать въ свое капральство ефрейторовъ подобре, чтобъ не дрались, значить. Попросись, Коля, ко мнѣ въ ефрейторы, право, другъ, хорошо будетъ.

— Самага ефрейторства мнѣ не надо: простымъ лучше, а добро дѣлать готовъ, ужъ потолкуемъ объ этомъ.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ подошедшимъ кантонистомъ, который обратился къ послѣднему изъ бесѣдовавшихъ.

— Дмитрій Михалычъ,—молвилъ онъ,—къ фельдфебелю пожайдите: они васъ ужъ два раза кликали; тамъ калой-то мужикъ пришелъ, точно кучеръ, толстый, да съ черною бородою.

— Это отецъ, значить, прислалъ за мной. Хочешь, Коля, покататься,—иди, просись со двора теперь, вмѣсто завтра. Намъ, кстати, вѣдь и по пути.

— И то дѣло.

Сказано—сдѣлано. Товарищи приодѣлись и ужъ совсѣмъ было собрались въ путь, какъ встрѣтились съ капраломъ Рудинимъ.

— Это куда?—спросилъ тотъ Колю, простаго рядоваго.

— Домой.

— Какъ такъ? безъ спросу?

— Фельдфебель уволилъ.

— А я нешто не начальникъ твой?

— Коли фельдфебель уволилъ, такъ тебѣ, братецъ мой, молчать ужъ надо. Туда же начальство!

— Покажи билетъ?

— Фельдфебель повѣрилъ мнѣ безъ билета; а ежели ты Гома невѣрующій—такъ поиди спроси его. Отстань ты, кики-мора эдакая!..

— Ахъ ты дрянъ! Еще дразнится.

Тутъ произошла схватка, въ которой капралу плохо пришлось.

— А-а а! Ура!—одобрительно заголосили собравшіеся кантонисты, увидѣвъ, что ихъ капрала бьютъ.

— Вотъ тебѣ на память,—заключилъ Коля и побѣжалъ къ двери.

Очнувшись, капралъ запальчиво подскокилъ къ первому встрѣчному, ударилъ его, за нимъ слѣдующаго и такимъ образомъ отомстилъ свое поражение и водворилъ тишину. Тѣмъ не менѣе, даже побитые были благодарны побѣдителю и восторгались его удалствомъ.

Кантонистовъ съ такимъ образомъ мыслей, какъ у вышеупомянутыхъ собесѣдниковъ, приходилось челоуѣкъ по 5—8 на роту и они служили предметомъ обожанія остальныхъ, простыхъ кантонистовъ. Къ нимъ, всякій слабый, некрасивый кантонистъ

смѣло обращался за защитою передъ ротнымъ командиромъ, унтеромъ и фельдфебелемъ. Къ нимъ прибѣгали съ просьбами объ освобожденіи отъ дядьки, о переводѣ въ другой десятокъ, объ увольненіи въ отпускъ за городъ, о перемѣнѣ рваной куртки, худыхъ сапогъ. Имъ жаловались на жестокое обращеніе ефрейторовъ и дядекъ. У нихъ же выпрашивали: бумаги, перьевъ, въ голодную пору хлѣба, либо копѣйку, иголку, нитокъ, пуговицу, костяжку; просили о сложеніи со счета потерянной казенной портянки, мѣднаго креста и т. д. Личности эти, цѣня свое положеніе, никому ни въ чемъ не отказывали, если исполненіе просьбы было по ихъ силамъ, а выше ихъ силъ было очень небольшое, благодаря ихъ связямъ; числительность же ихъ въ сравненіи съ составомъ заведенія, оттого была такъ ничтожна, что начальство всячески старалось озлоблять кантонистовъ другъ противъ друга, наказывая одного за неисправность нѣсколькихъ, поощряя жестокосердныхъ похвалами и осмѣивая и нерѣдко наказывая мягкосердныхъ.

VIII.

Воскресенье. Заведеніе празднуетъ.

НАЧИНАЕТЪ свѣтать

Кантонисты встаютъ и начинаютъ копошиться: кто у печки, кто у ночника.

— Ты, Куропаткинъ, пойдешь садвора?—спрашиваетъ кантонистъ другаго начищая сапоги.

— Радъ бы идти, да не знаю какъ быть.

— А что?

— Да билета нѣтъ.

— Этой бѣдѣ, я, пожалуй, пособлю: писарь пишетъ билетки по копѣйкѣ серебромъ, а у меня есть семитка (2 коп.), вотъ намъ и два билетика. Чуръ за мѣсто одной—вернуть мнѣ послѣ двѣ копѣйки.

— Спасибо, другъ; большое, Гриша, тебѣ спасибо.

— И стоило-жь мнѣ труда приберечь этотъ семишникъ?!. Нѣсколько разъ голодалъ, вотъ-вотъ хотѣлъ проѣсть, а удержался-таки. Лучше, молъ, со двора идти, чѣмъ проѣсть.

Около письменнаго стола ротнаго писаря толпятся, споваранку, множество кантонистовъ. Одни подходятъ смѣло, другіе—робко; одни, отходя отъ стола, прыгаютъ отъ радости, другіе—плачутъ съ горя. Рука писаря проворно скользитъ по доскуткамъ сѣрой бумаги и такъ же проворно беретъ съ просителей копѣйки, опускаетъ ихъ въ ящикъ стола. живо перескакиваетъ на бумагу и снова строчить билетки.

— Пахомовъ! твой билетикъ не годится, —говоритъ писарь.

сбрасывая со стола доскутокъ бумаги.—Если хочешь самъ писать,—впередъ спроси, какъ.

— Отчего-жъ не годится?—плгчечно спрашиваетъ Пахомовъ, поблѣднѣвъ.—Я съ вашего же списывалъ и, кажется, вѣрно.

— А зачѣмъ же ты подписался за капитана? Этого сдѣлать нельзя.

— Да вѣдь вы же подписываетесь за него,—отчего же и мнѣ нельзя?

— То я, а то ты. Я вонъ подписываю за капитана и рапорты, и книги, не чета вашимъ поскуднымъ билетикамъ, а ты этого не смѣешь. Хочешь со двора—заплати, напишу новый билетъ, а не хочешь—убирайся прочь отсюда.

— Радъ бы заплатить, да денегъ нѣтъ ни полушки. Изъ дому идучи будутъ безпремѣнно. Подождите пожалуйста.

— Хорошо. Принести мнѣ на двѣ копѣйки орѣховъ; готовься поди, получишь билетъ.

— Парадные къ фельдфебелской!—слышится зовъ, по комнатамъ роты, въ девятомъ часу.

Наканунѣ наряженные по очереди къ обѣднѣ, человекъ по пяти изъ капральства, одѣтые въ лучшую, по возможности, одежду, тщательно осматриваются фельдфебелемъ и отправляются фронтомъ въ церковь, подъ командою дежурнаго унтера.

— Рота къ артикуламъ!—раздается новый зовъ, по уходѣ парадныхъ.

Кантонисты собираются въ самую большую комнату роты и выстраиваются рядами и группами между кроватями. Противъ нихъ располагаются, у высокаго стола, учитель, раскрываетъ толстую книгу и начинаетъ читать во всеуслышаніе. Что такое онъ читаетъ—Богъ-вѣсть. Ясно, только звучать въ ухахъ кантонистовъ выраженія: «прогнать шпицрутенами чрезъ ст. человекъ три раза, шесть разъ», «ссылается въ каторжную работу на двадцать лѣтъ», «наказывается дубинами тремя стами ударовъ». При этомъ трусливые кантонисты вздрагиваютъ, блѣднѣютъ, опасаясь, какъ бы ихъ сейчасъ не разложили и не отсчитали бы имъ такое число ударовъ. Чтеніе продолжается до возвращенія парадныхъ изъ церкви. Во все время чтенія никто не смѣетъ шевельнуться. Происходило это чтеніе еженедѣльно по воскресеньямъ. Тѣмъ не менѣе, смыслъ ихъ унавалялся уже послѣ, будучи на службѣ.

Кончилась обѣдня, кончилось и чтеніе; остается идти въ отпускъ. Но, какъ на зло, предстоитъ еще осмотръ. Соберутъ всѣхъ гуртомъ и осматриваютъ: сперва—дядьки, потомъ ефрейторы, капралы, правящіе и, наконецъ, фельдфебель. Сколь же придирокъ, сколько непріятностей! Иной совсѣмъ увѣренъ, что сейчасъ уйдетъ домой и—вдругъ препятствіе.

— Отчего сапоги плохо вычищены?—грозно кричитъ фельдфебель.

— Да они, Ермило Ефимычъ, ужъ такіе шаршавые съ Кто ихъ знаетъ? Чистилъ, чистилъ — не отчищаются.

— Ну, и сиди тутъ; домой не пойдешь, рѣшаетъ фельдфебель и уже обращается къ другому кантовисту, чѣмъ-нибудь провинившемуся предъ нимъ въ теченіе недѣли:

— Ты тоже въ отпускъ? Нельзя. Ступай въ столовую замѣнишь Егорова. Онъ тамъ дежурный, — приказываетъ фельдфебель.

— Будьте добры, пустите. У меня мать при смерти.

— Толкуй, толкуй! Въ столовую!

Немногимъ счастливымъ удастся благополучно уйдти со двора. Оставшіеся дома пообедали. Унтера, фельдфебеля тоже разошлись кое-куда. Ротами остается править одинъ лишь дежурный унтеръ.

Тутъ только настааетъ настоящій праздникъ. Дозволяется играть, бѣгать, шалить безъ стѣсненія.

Начинаются игры.

Тотчасъ же въ одной комнатѣ сдвигаются двѣ кровати вмѣстѣ, четыре человѣка нагибаются, придерживаясь одинъ за спину другаго руками и свѣсивъ голову на бокъ (образуя такимъ образомъ изъ себя родъ гимнастической кобылы), а человѣкъ шесть семь со всего разбѣгу прыгаютъ на нихъ и садятся верхомъ, одинъ за другимъ. до-тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не свалится, или не уронитъ другаго. Тогда прыгавшіе замѣняютъ собою кобылу, а служившіе кобылою начинаютъ прыгать.

Въ другой комнатѣ, сдвинуть также въ сторону, нѣсколько кроватей, совьютъ изъ двухъ полотенцевъ «жгутъ», сядутъ человѣкъ десять въ однихъ брюкахъ и рубашкахъ на полъ, въ кружокъ, ногами въ средину, накроются до туловища двумя одѣялами и всѣ спрячутъ подъ нихъ руки, а кто-нибудь и самый жгутъ. Одинъ по жребію, садится въ средину, на одѣяла, и — по условному крику: «готово», — его ударяютъ со всего размаху по спинѣ жгутомъ, который мгновенно спрячутъ; ударенный начинаетъ искать жгутъ, между тѣмъ какъ тотъ передается изъ рукъ въ руки, снова ударяетъ его по боку и снова исчезаетъ подъ одѣялами. Такъ продолжается до-тѣхъ поръ, пока жгутъ не будетъ найденъ, послѣ чего въ средину круга садится тотъ, кто не успѣлъ спрятать жгута. Играющіе входятъ, мало-по-малу, въ азартъ, шумятъ, пугаютъ, обманываютъ сидящаго въ срединѣ и хлещутъ его безпощадно. Если же искателемъ жгута очутится какой-нибудь злой ефрейторъ, или сплетникъ, — ему отомстятъ за все. Жаловаться въ этомъ случаѣ, нельзя: игра дозволена и отъ доброй воли каждаго зависитъ играть въ нее, или нѣтъ. А когда общественный врагъ ленокъ, ему подкинутъ жгутъ подъ бокъ, подъ спину, знаками дадутъ понять это плущему, и все-таки заманятъ его на средину. Стоитъ ему разъ попасть туда, какъ его уже попли хлещутъ.

стать, пока не натѣшатся вдоволь. Жажда мщенія была чрезвычайно сильно развита въ кантонистахъ. Такъ они, напримеръ, частенько впередъ сговаривались, человекъ десять, задать баню врагу; поручали кому-нибудь изъ его пріятелей пригласить его играть, сами притворно передъ нимъ юлили, еговили, сначала нарочно поддавались ему, а потомъ, раздраживъ успѣхомъ, залучали на средину и такъ колотили, что, по собственному ихъ выраженію, чертямъ тошно становилось.

Многіе изъ уволенныхъ со двора бродили, между тѣмъ, по базару, собирали Христа ради, а гдѣ не подавали—тамъ воровали все, что попадало подъ руку. Ихъ, разумѣется, ловили, причемъ дѣло не обходилось безъ побоевъ.

По воскресеньямъ, пользуясь большею свободою, нѣкоторые смѣльчаки предпринимали экскурсіи съ мародерскою цѣлію. Снявъ съ шинелей погоны, чтобы не узнали, чьи онѣ, берутъ они съ собой, для большаго удобства, еще нѣсколько человекъ и вмѣстѣ отправляются за магазины. Тамъ въ это время множество простонародья изъ военныхъ и невоенныхъ мужчинъ и женщинъ. Это своего рода клубъ.

Тихо, скромно подходитъ компанія къ торговкамъ, съ разныхъ сторонъ, человекъ по три, по четыре. Тѣ, кто съ погонями, начинаютъ спрашивать цѣны продуктамъ, торгуются, а безпогонные высматриваютъ сзади ихъ, что ловчѣ схватить. Торговки хоть и глядятъ въ оба, но за многолюдствомъ едва успѣваютъ получать деньги, давать сдачи и отвѣчать на вопросы. Немного постоявъ и улучивъ благопріятную минуту, погонные раздвигаются, безпогонные разомъ выступаютъ впередъ, схватываютъ съ лотковъ торговокъ что можно, — два, три калача, кусокъ говядины, полпеченки, цѣлую требуху, полпирогоа или каравай чернаго хлѣба. Затѣмъ они пускаются бѣжать въ разныя стороны, бѣгутъ такъ, чтобы ужъ не догнали, а погонные моментально сдвигаются въ прежнее положеніе и опять начинаютъ торговаться, да ругать безпогонныхъ, давая этимъ понять, что между ними и грабителями нѣтъ ничего общаго, подстрекають торговокъ бѣжать ловить мошенниковъ, выываясь, между тѣмъ, покараулить ихъ товаръ. Иная неопытная торговка поддастся ихъ притворному участию и дѣйствительно бросится въ догонку за безпогонными; тогда погонные, пользуясь ея отсутствіемъ, расхватываютъ весь ея товаръ и сами мигомъ разбѣгаются. Опытная же торговка ограничивается тѣмъ, что закричитъ благимъ матомъ, заругается, запроситъ помощи у публики. Но публика, конечно, остается безучастною, состоя преимущественно изъ влюбленныхъ паръ, явившихся сюда на гулянье. Когда къ торговкамъ приходили, по праздникамъ, на помощь, ихъ мужья, друзья, имъ иногда удавалось, правда, славдѣвать грабителей; но тогда затѣвалась борьба на жизнь и на смерть. Случалось, что и кантонисты бывали жестоко поколачиваемы, но схваченное съѣстное чрезъ-

вычайно рѣдко удавалось отнять у нихъ: кусокъ моментально перелеталъ въ 10—15-я руки и исчезалъ. И кушанный на послѣдній пятакъ калачъ, и схваченный грабежемъ кренделъ, были одинаково дороги кантонистамъ, которые, вернувшись въ казармы, приступали къ пожиранию добытаго провіанта. Находились затѣйники, любившіе оживлять пиршество разными необыкновенными подробностями.

— Ну-ка! — кричитъ кто-нибудь изъ такихъ любителей:—кто съѣстъ калачъ безъ конца?

— Я!. Я!. Я!..—отзывается нѣсколько голосовъ разомъ.

— Не всѣ, не всѣ вдругъ. Ёшь ты, Тихановъ. Только помни: съѣшь—твое счастье, не съѣшь—платишь семишникъ (2 коп.) штрафу и остатокъ калача мой. Давай закладъ, вотъ хоть Иванову.

Залогъ внесенъ; начинается забава. Калачъ вѣшается на нитку, концы которой Ивановъ, какъ посредникъ, держитъ въ воздухѣ, ставъ на подоконникъ. Тихановъ становится на полу возлѣ Иванова, опускаетъ руки по швамъ, поднимаетъ голову вверхъ и начинаетъ ѣсть калачъ, прямо ртомъ, отнюдь не дотрогиваясь до него ничѣмъ, кромѣ губъ, зубовъ и языка. Владѣлецъ калача наблюдаетъ за правильностью операціи, а толпа любопытныхъ окружаетъ ихъ, желая узнать, кто останется въ выигрышѣ. Тихановъ топчется кругомъ калача, кривляетъ лицо, вытягиваетъ губы и дѣлаетъ пресмѣшныя гримасы; но никто не смѣется. Занятію, видно, придается серьезность. Отъ калача ужъ остается одинъ тоненькій, обкусанный крендель, а его-то и надо вобрать въ ротъ цѣликомъ; это-то и составляетъ весь фокусъ «съѣсть безъ конца». Медленно, осторожно вбираетъ Тихановъ въ ротъ, понемножку, сгибая крендель, наполняетъ имъ ротъ, дрожитъ, синѣетъ, глаза у него наливаются кровью, онъ пыхтитъ, глухо капляеть, но продолжаетъ жевать и, наконецъ, выплевываетъ одну нитку, прискакивая съ мѣста въ восторгѣ.

— Молодецъ, Тихановъ, браво!—кричитъ толпа.

— Экій, дьяволъ, этакій!—перебиваетъ бывший хозяинъ калача.—Сожралъ-таки, чтобъ тебѣ лопнуть, чортово отродье И плюнувъ съ досады на полъ, онъ отходитъ въ сторону. Тутъ же Тихановъ получаетъ назадъ свои 2 коп.

Другой предлагаетъ:

— А кто, ребята, перешибетъ одною рукою четыре кренделя? О десятишникъ (3 коп.) закладъ.

— Идетъ,—отзывается Колоколовъ, силачъ, лѣтъ 20-ти съ хвостикомъ.

Толпа окружаетъ и этихъ.

Колоколовъ отдаетъ закладъ, беретъ изъ рукъ Пустошкина крендели, кладетъ ихъ на планку кровати и итискиваетъ одну половину ихъ сверху лѣвою рукою, раскачиваетъ въ воздухѣ правую и ударяетъ ею съ размаху по кренделямъ. Три поло-

винки отлетѣли на полъ, а четвертая осталась въ висячемъ положеніи.

— Сорвалось!—вскрикиваетъ толпа со смѣхомъ.

— Ну, да, сорвалось, сволочь проклятая! — ругается Колоколовъ.—Да и какъ тутъ не сорваться, ежели крендели мягки, какъ тѣсто? Будь они сухіе—десятокъ перешибу, а тутъ ничего не подѣлаешь!

— Да ужъ не оправдывайся—не повѣримъ,—дразнить толпа.—Какой же ты такой силачъ, когда четырехъ кренделей не перешибъ? Отнынѣ ты, братъ, ужъ не силачъ, а скоморохъ, ящерица—вотъ ты что такое сталъ.

— Ребята, салазки на бокъ сворочу. Видѣли, чѣмъ пахнетъ? И Колоколовъ показываетъ толпѣ свой увѣсистый кулакъ.

Толпа утихаетъ. Пустошкинъ собираетъ съ полу кусочки кренделей, беретъ отъ посредника 3-хъ-копѣчную монету Колоколова и хочетъ уйдти.

— Эй, ты, Пустошка! Дай-ко кренделька отвѣдать,—не то просить, не то требуетъ Колоколовъ.—Раздобудусь деньгами—самъ подѣлюсь.

— На, — отвѣчаетъ Пустошкинъ, подавая Колоколову два полукренделя.

— Кто, ребята, хочетъ въ орлянку играть, либо въ карульщики—маршъ за мной. — говоритъ Колоколовъ и уходитъ. Нѣсколько челоуѣкъ послыньѣе и побойчѣе отправляются за нимъ.

Сзади манежа, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, велась игра въ орлянку и на рубли, и на гривенники, и на нѣсколько копѣекъ, и на связку костяжекъ, и на дюжину мѣдныхъ пуговиць, и даже на лишнюю ситцевую рубашку. Здѣсь сходились солдаты, смѣльчаки-кантонисты, мѣщане и иной простой людъ. Образовавъ кружокъ, игроки вызывали желающихъ караулить: не идетъ-ли начальство или полиція; за это выигравшій обязанъ былъ вознаграждать ихъ по копѣйкѣ съ выиграннаго гривенника, по 3 пуговицы и по 4 костяжки съ выигранной дюжины. Начинали игру всегда съ пуговиць и костяжекъ, потомъ, присмотрѣвшись къ игрѣ другъ друга, переходили къ деньгамъ. Рѣдкая игра кончалась безъ драки. Били тѣхъ, кто металъ двухъ-орловою монетою, кто фальшивою тревогою схватывалъ съ кона деньги.

Игра въ самомъ разгарѣ.

— Эхма! послѣдній пятакъ ставлю ребромъ,—молвилъ Колоколовъ, пристально оглядывая игроковъ.—Ахъ! братцы мои, въ слободѣ-то никакъ пожаръ?—внезапно вскрикиваетъ онъ.—Ну, ей же ей пожаръ! Поглядите-ка, дымъ-то, дымъ-то, столбомъ такъ и валить, такъ и валить. А-ну, да ежели и моя тетушка сгоритъ?—разсуждаетъ онъ, нѣсколько спокойнѣй. Эхъ, тетушка, тетушка, что-то съ тобой станется...

— Да гдѣ пожаръ-то? И дыму не видать — возражаютъ неопытные игроки — Вишь какъ схлопалъ.

— Глазь, что-ли, у васъ нѣтъ? — подхватываетъ другой опытный игрокъ. — Глядите влѣво-то, влѣво, за крѣпость... Вонъ пламя-то какое страшное. Толпа оглядывается по указанію.

Разѣвайте рты пошире, авось галка влетитъ, — крикнулъ Колоколовъ, схвативъ съ земли, сколько удалось, денегъ и стрѣлою полетѣлъ въ сторону. Два, три ловкача послѣдовали его примѣру.

Толпа опомнилась. Увидавъ себя обманутою, она съ остервененіемъ кинулась подбирать остатки, била, грызла и душила другъ друга, а обманувшіе ихъ, отбѣжавъ на порядочное разстояніе, дразнятся: «Ну, что, пожаръ то большой? Пламя то красное, али бѣлое? Ахъ вы фофоны, фофоны этакіе». Толпа не выдержала — бросилась въ погоню.

— Подступись-ка, подступись, кому жизнь надоѣла: убью, какъ пить дам! — кричитъ Колоколовъ, помахивая длиннымъ желѣзнымъ прутомъ и постепенно убѣгая къ казармамъ. — Подходи, ребята, подходи, авось черепъ раскрою пополамъ!

Изъ множества способовъ разживы на чужой счетъ кантонисты придерживались преимущественно грабежа посредствомъ фальшивой тревоги. Они были такъ легки на ногу и проворны, что почти всегда убѣгали съ деньгами. Начальство, провѣдавъ про игру въ орлянку за манежемъ, частенько посылало туда и кантонистскую, и городскую полицію; но и та, и другая оказывались бессильными. Для защиты отъ непріятеля у игроковъ постоянно водились и палки, и камни, и свинчатки, и все, чѣмъ только можно драться. Въ руки никто не давался. Зато и пойманыхъ жестоко, до полусмерти наказывали.

— Эй вы, сволочь, кто жрать хочетъ, бѣги за калачами, — вызываетъ Колоколовъ, вернувшись въ роту съ деньгами.

— Я!.. я!.. я!.. — Колоколова окружаетъ цѣлая толпа.

— Скавалъ «раздобуду денегъ» и раздобылся На, вотъ, Голубевъ, пятіалтынный пойди купи десятокъ пятаковыхъ калачей. А другой пятіалтынный побережемъ про черный день.

— Неужели тридцать копѣекъ стащилъ? — спрашиваетъ завистливая толпа.

— Извѣстно; что жъ тутъ мудреного: я вѣдь не вы — сморчки этакіе; я всякого, кто помѣшаетъ, либо остановитъ — въ смятку расшибу.

Немного погода, посланный приносить на мочалкѣ связку калачей, которые Колоколовъ тутъ же и раздаетъ, оставляя себѣ львиную долю. Всѣ совершенно довольны.

Съ наступленіемъ сумерекъ, уволенные въ отпускъ возвращаются въ роты, и всякій что-нибудь несетъ изъ сѣбѣстнаго, у иныхъ даже потъ градомъ катится съ лица отъ тягости ноши. Начинается дѣлежъ харчей, глядя по достоинству и значенію каждаго. Немного погода всѣ ѣдятъ, оживляются; смѣхъ,

шутки слышатся отовсюду; почти всё въ веселомъ настроеніи духа.

Время это самое опасное для многихъ кантонистовъ-начальниковъ. Имъ частенько грозитъ опасность быть избитыми гдѣ-нибудь въ темномъ углу; бойцовъ найти нетрудно, когда есть чѣмъ заплатить за услугу. За нѣсколько кусковъ съѣстнаго, какой-нибудь смѣльчакъ подговариваетъ товарищей и съ ними, подкарауливъ врага, набрасываетъ ему на голову, часто съ его же кровати снятое, одѣяло, зажимаетъ ему ротъ и поколачиваетъ сколько удастся, послѣ чего всё разбѣгаются въ разные стороны, какъ ни въ чемъ не бывало...

Уживать ходили по воскресеньямъ весьма немногіе. Повѣрка производилась безъ осмотровъ одежды и фізіономій; освѣдомлялись только, всё-ли на лицо.

Такъ кончалась кантонистская недѣля, однообразная, тупая, одурачивающая недѣля! А съ слѣдующаго утра—опять прежняя пытка, горячечная гоньба изъ угла въ уголь, безъ мысли, безъ цѣли, безъ малѣйшаго признака человѣчности. И такъ долгіе, долгіе годы...

IX.

Впечатлѣнія и интересы новобранцевъ.

ЯЖЕЛЪ былъ гнетъ мрачной жизни въ заведеніи. Дни тянулись за днями, принося съ собою новыя мученія, физическія и нравственныя, которыя жестоко извращали натуру несчастныхъ мальчиковъ. Прямо изъ деревни, съ воли, попадали они въ этотъ омутъ и дѣйствительность сразу обдавала ихъ всею грязью, которою думали замѣнить кантонистамъ воспитаніе. На каждомъ шагу побои, розги, примѣры злобы, зависти и несправедливости—такова была программа, принятая въ руководство. Новичокъ, съ перваго же дня вступленія въ заведеніе, начинаетъ чувствовать на собственной шкурѣ всю тяжесть этого быта, изъ котораго не предстояло выхода въ теченіе многихъ лѣтъ. Дядька колотилъ его чѣмъ попало за малѣйшую оплошность, капралъ съ съ розгами, морилъ по ночамъ на дежурствѣ. Начальство, съ своей стороны, не скупилось на истязанія. Голодные и холодные, бѣдныя и ночью не знали отдыха.

На эту каторгу, между прочими дѣтьми, попали двое мальчиковъ: Ивановъ и Степановъ. Уже съ полгода находились они въ заведеніи и начинали мало-по-малу выкарабкиваться изъ новичковъ. По натурѣ оба впечатлительные, они нелегко мирились съ окружавшею ихъ обстановкою. Сблизившись между собою, они привязались другъ къ другу съ дѣтскою горяч-

ностью и любили проводить время вмѣстѣ, толкуя объ общемъ горѣ, вспоминая о родныхъ и о томъ, что дѣлалось тамъ, на родинѣ. Бесѣды ихъ, ради удобства, происходили большею частію по ночамъ. Много горькихъ слезъ пролили они вмѣстѣ, и эти слезы еще крѣпче запечатлѣвали ихъ дружбу.

Разъ, ночью, когда Степановъ стоялъ на часахъ, къ нему подошелъ Ивановъ, украдкою пробравшійся съ своей постели, чтобы потолковать съ пріятелемъ.

— За свою очередь часы то стоишь? — спросилъ вполголоса Ивановъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Степановъ, очень довольный посѣщеніемъ. — За дядьку. Потому, я третьева-дни пуговицу потерялъ, ну, а онъ мнѣ досталъ другую.

— Онъ добрый?

— Противъ другихъ — добрый.

— Ишь, счастье тебѣ! А мой-то, — Боже упаси! Таска каждый день, да еще голодомъ морить. Господи, да за что же?... Слезы закапали у мальчика изъ глазъ.

— Знаешь что? — сказалъ онъ вдругъ, стиснувъ зубы.

— Ну?

— Убѣжимъ отседева!

— Что ты!

— А что? Ей-Богу. Потому лучше въ рѣкѣ потопимся... знаешь, тамъ, за оврагомъ... Нешто жизнь сладкая?..

— Убѣжишь тутъ! — въ раздумьѣ возразилъ Степановъ: — слыхалъ, что съ бѣглыми-то дѣлаютъ? Вчера, вонъ, фельдфебель приказывалъ капралу намочить въ теплой водѣ пучковъ тридцать розогъ, да соли насыпать въ воду: лучше, вишь, размокнуть. Самъ начальникъ, слышь, станетъ наказывать бѣглаго. Говорить, шестой ужъ разъ убѣгаетъ, да все славливаютъ.

— Нейметса?... Да вѣдь житья-то нѣтъ! Быть-то вѣдь ужъ очень больно.

— А за побѣгъ-то еще больнѣй попадетъ! Вотъ чего я боюсь. А ты, Вася, ежели тебѣ ученье нейдетъ въ голову, — просись въ классъ у своего ефрейтора, у Орлова. Онъ, сказываютъ, тамъ старшимъ, — онъ тебя выхлопочетъ въ классъ, а тамъ, можетъ, и грамота пойдетъ тебѣ на умъ. Писаремъ станешь, а писарямъ, слышь, славное житье. Право, попросись-ка ты въ классъ; попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

— И то, нешто попроситься? Грамотѣ выучусь, домой вѣсточку напишу. То-то, чай, обрадуются! Денегъ, можетъ, пришлютъ; мы съ тобой говядины кушемъ.

— Извѣстно. Эхъ, напрасно ты про говядину вспомнилъ: смерть ѣсть захотѣлось...

Далѣе разговоръ ихъ перешелъ къ деревенскимъ воспоминаніямъ и роднымъ. Увлечшись близкимъ сердцу предметомъ, они не замѣтили, когда смѣнилась вторая смѣна, и очнулись

только тогда, какъ услышали крикъ дежурнаго: «печки затоплять», что значило 4½ часа утра,—половина третьей смѣны. Струхнули мальчики: начальство могло подумать, что они проспали смѣну, а за это грозило наказаніе. Во избѣжаніе неприятностей, разбудивъ потихоньку очередныхъ часовыхъ, они попросили ихъ никому не говорить о поздней ихъ смѣнѣ. Тѣ, не совѣмъ еще старые кантонисты, слѣдовательно, неостервененные противъ ближнихъ, сочувствуя горю новичковъ, охотно согласились молчать.

Настало утро слѣдующаго дня, а съ нимъ все, читателю коротко уже знакомое. Кончилось ученье Роту свели въ самую большую комнату, куда явились барабанщики-палачи. Кантонисты поблѣднѣли, даже повеленѣли отъ страху. Всѣ поняли, что готовится истязаніе. Но кого, за что будутъ наказывать?—это оставалось загадкою для большинства. Вскорѣ пришелъ на чальникъ заведенія, полковникъ Курятниковъ.

— Кровати сдвинуть и выстроиться въ каре,—произнесъ онъ. Пере виженіе совершилось—Бродягу сюда!

Ввели кантониста Месарева. Онъ былъ лѣтъ 14, маленькаго роста, худенькій, черненькій, точно мертвецъ, блѣдный и весь трясся. Остановясь среди каре, онъ повелъ кругомъ мутными глазами. Картина была невеселая: въ углу ушатъ съ водою, изъ котораго торчали пучки роговъ; сдвинутыя кровати и вокругъ толпа блѣдныхъ, исхудалыхъ кантонистовъ и нѣсколько сытыхъ, румяныхъ начальниковъ. Месаревъ опустилъ голову, руки машинально упали по швамъ и онъ сталъ, какъ вкопанный.

— Мало, вѣрно, я тебя прошедшій разъ поролъ? Еще захотѣлъ?—началъ начальникъ. Изволь, спущу теперь шкуру съ шеи до пятокъ. Говори: изъ-за чего опять бѣжалъ? говори! Начальникъ злобѣще сверкнулъ глазами и подступилъ къ Месареву со сжатыми кулаками.

— Ей-Богу, противъ воли бѣжалъ,—заговорилъ Месаревъ глухимъ голосомъ.—Голодъ, холодъ, побои, дранье, бессонныя ночи... Не могу я... мочи моей нѣтъ... Ваше благородье. Будьте отецъ! отпустите меня въ деревню!... Лицо мальчика вдругъ вспыхнуло и тотчасъ же снова поблѣднѣло; голосъ у него оборвался.

— Ну? Еще что?—спросилъ Курятниковъ, играя со своею жертвою.

— Ваше благородье, ваше вскоблагородье!—застоналъ Месаревъ и, захвативъ руками свою голову, повалился на колѣни. Пустите, пустите меня въ деревню! Тамъ мать у меня. Меня здѣсь бьютъ, меня здѣсь голодомъ морятъ... Господи!

Курятниковъ усмѣхнулся.

— Такъ тебѣ ласки надо?... Все это мы тебѣ дадимъ, сейчасъ дадимъ вдоволь. Раздѣвайся!

Месаревъ, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги. Легкая -су

дорога пробѣжала по его членамъ и лицо еще сильнѣе поблѣднѣло. Въ первый разъ въ жизни взглянулъ онъ смѣло начальнику въ глаза; потомъ спокойно скинулъ съ себя рваную шинелишку, разостлалъ ее по полу, за нею зимнія брюки, бѣлье, все положилъ въ голову, легъ и ждалъ...

Страшно было видѣть въ ребенкѣ это мертвое спокойствіе.

— Начинай!—скомандовалъ начальникъ.

Барабанщики полступили съ обѣихъ сторонъ. Сначала Месаревъ, послѣ каждаго удара, однообразно вскрикивалъ попеременно: «помилуйте, вашескородье, вашескородье, помилуйте!» потомъ голосъ его постепенно слабѣлъ, слабѣлъ и онъ точно уснулъ подъ ударами...

Безчувственный, еле дышашій лежалъ Месаревъ съ дѣйствительно спущенною шкурою съ шеи до пятокъ. Страшные волдыри, живое мясо, лоскуты кожи виднѣлись повсюду. Громадныхъ трудовъ стоило вытащить изо рта его руку, пальцы которой были искусаны до костей; запекшаяся кровь превратилась въ багровую массу, тогда какъ изо рта струилась пѣна. На близъ стоявшей кровати разостлали простыню, подняли Месарева съ полу, положили на эту кровать, сбрызнули холодною водою, завернули простынею и накрыли одеяломъ.

— Ну, что? говорилъ между тѣмъ Курятниковъ, поглядывая на растерявшихся кантонистовъ.—Пусть кто-нибудь попробуетъ бѣжать!

Но, вмѣсто словъ, рота отвѣчала глухимъ стономъ.

Курятниковъ ушелъ. Роту повели обѣдать, но многіе кантонисты и не прикасались къ пищѣ: предшествовавшее обѣду врѣище отняло у нихъ аппетитъ. И не только этотъ, но и нѣсколько послѣдующихъ дней сряду кантонисты продолжали толковать о случившемся съ ужасомъ въ лицахъ; а тѣ, кто прежде и самъ не чуждъ былъ намѣренія убѣжать, теперь страшились даже и вспомнить свою завѣтную мысль.

Месаревъ, отправленный въ лазаретъ, поправился тамъ мѣсяца полтора, выписался, пожилъ въ ротѣ съ мѣсяцъ и опять убѣжалъ, но снова былъ пойманъ, наказанъ и леченъ. По возвращеніи въ роту, онъ снова бѣжалъ; такъ что, въ общей сложности, онъ, за совершенные имъ 10—12 побѣговъ, получилъ до четырехъ тысячъ розогъ. Въ результатѣ у него оказалась такая привычка къ розгамъ, что его никогда не держали, онъ никогда не вертѣлся подъ ударами и не кричалъ, а въ послѣднее время даже самъ велъ счетъ имъ, и, что всего замѣчательнѣе, никогда не ошибался. Этого мало: онъ добровольно позволялъ себя наказывать 20—30-ю ударами любому кантонисту, требуя за это какой-нибудь ломоть хлѣба, въ голодную пору. Всѣ побѣги его оказывались неудачными, вѣроятно, по той причинѣ, что всѣ полицейскіе въ городѣ и всѣ сотскіе и десятскіе окружныхъ мѣстностей коротко знали его и тотчасъ ловили.

Убѣжавъ въ послѣдній разъ, онъ, однако, какъ въ воду канулъ.

Исторія съ Месаревымъ имѣла подавляющее вліяніе на двухъ маленькихъ друзей: Степанова и Иванова. Съ тѣхъ поръ у нихъ и рѣчи уже не было о побѣгѣ. Зато пущено было въ ходъ все стараніе, чтобы попасть въ классъ. Стараніе привело къ цѣли: ефрейторъ Орловъ выхлопоталъ исполненіе просьбы Иванова—онъ былъ переведенъ въ классъ. Степанову также вдругъ повезло: его сдѣлали вице-ефрейторомъ. Впрочемъ, повышеніе это имѣло для него и непріятную сторону. Походя наружностію на одного изъ ординарцевъ, состоявшаго въ должности ефрейтора, онъ былъ приставленъ къ нему въ качествѣ вѣстоваго. Тутъ онъ подвергся особенно сильной выправкѣ, которая, наконецъ, привела къ тому, что не вынесъ, заболѣлъ горячкою и попалъ на излеченіе въ лазаретъ заведенія.

Х.

Лазаретъ.

ЛАЗАРЕТЪ отличался отиѣнною чистотою и опрятностію какъ внутри, такъ и снаружи. Это и составляло, конечно, главную заботу начальства, которое совершенно забывало въ своихъ предначертаніяхъ тѣхъ, для кого былъ построенъ лазаретъ. Больныхъ кормили до того скверно, что надо было удивляться, какъ они не умирали съ голоду. На лекарство начальство также не любило тратиться, предпочитая домашнія средства, въ родѣ горчичниковъ, слабительнаго, шалфея и ромашки. Въ большомъ ходу были также, такъ-называемыя, заволоки, какія дѣлаются лошадямъ и уже совершенно ничего не стоятъ.

Начальствовали надъ лазаретомъ: старшій и младшій лекаря, старшій и два младшихъ фельдшера. Старшій лекарь и младшіе фельдшера въ медицинѣ положительно ничего не смыслили; младшій лекарь самъ былъ постоянно боленъ и въ отпускахъ, а старшій фельдшеръ Осиповъ хоть и хорошо зналъ свою часть и былъ человѣкъ добрый, но горьчайшій пьяница и нерѣдко, будучи во хмѣлю, причинялъ множество бѣдъ въ лазаретѣ.

Отправлялись въ лазаретъ преимущественно изсѣченные, искалѣченные и заморенные кантонисты, а частію и добровольно. Бывало, опротивѣетъ иному кантонисту ходить на ученье, или захочется отдохнуть отъ казарменныхъ тревоженій, натретъ глаза мелкимъ кирпичомъ, или известью, расковыряетъ гвоздемъ ногу, или надрѣжетъ кускомъ стекла палець, и дастъ ему распухнуть. Затѣмъ, получивши за это изрядную поронцу, отправляется въ лазаретъ—лечиться. Долго залеживаться въ лазаретѣ, впрочемъ, никому не давали.

Больныхъ, державшихся на ногахъ, посылали ежедневно, весною и половину лѣта, подъ командою унтера, въ поле, въ лѣсъ, собирать различныя, для леченья пригодныя, травы. Осенью же ихъ заставляли обчищать, промывать и разсортировать эти травы по цвѣтамъ, по величинѣ и по достоинству листьевъ. Наконецъ, зимою больныхъ занимали толченьемъ различныхъ медицинскихъ снадобій, клейкою коробочекъ, щипаньемъ корпий, приготовленіемъ бинтовъ, компрессовъ и проч. За неисправности, лѣность и шалости въ лазаретѣ сѣкли и колодили совершенно такъ же, какъ въ ротѣ. Вся выгода лазаретнаго житія противъ ротнаго заключалась въ томъ, что въ немъ не было учений, не было экзаменовки пунктиковъ и прочей муштровки.

Больные дѣлились на три отдѣленія: въ первомъ находились трудные больные; во второмъ—съ наружными болѣзнями, а въ третьемъ—глазные.

Утро. Старшій, древній лекаръ производитъ визитацію.

— Какъ твое здоровье?—спрашиваетъ онъ лежащаго больного.

— Плохо-съ, едва выговариваетъ спрошенный.—Ночь не спалъ... кашель... грудь... изныла...

— Говори шибче: не слышу!

— Не могу-съ... духъ захватываетъ.

— Духъ захватываетъ? Это еще что за вдорь. Не молишься, вѣрно, Богу, вотъ и духъ захватываетъ. Читай вслухъ «Отче нашъ».

— Голосу нѣтъ-съ... не могу...

— Читай, читай, тебѣ говорятъ, не то сейчасъ же дошибу!—кричитъ лекаръ, трепля больного за ухо, или отпустивъ ему щелчокъ по носу —Лѣннисья, а не «не могу». Ну же!

— Отче нашъ, иже еси...—шепчетъ больной, обороняя голову отъ лекаря обѣими руками.

— Громче, не слышу! Громче!

— Яко на небесѣхъ и на землѣ-съ...

— Врешь, подлець. Начинай снова, да не пропускать. Больной снова читаетъ «Отче нашъ», лекаръ слушаетъ, понукая его кричать громче. Повторивъ молитву два-три раза, больной выбивается изъ силъ, закрываетъ глаза и затихаетъ.

— Положить ему на лобъ полотенце, намоченное уксусомъ, приказываетъ лекаръ:—окутать хорошенько одѣяломъ, чтобы вспотѣлъ; а какъ очнется, дать ему слабительнаго и къ завтраму вся хворость сойдетъ съ него, какъ съ гуся вода. И онъ уходитъ дальше.

— Покажи-ка, въ какомъ положеніи твоя нога?—продолжаетъ онъ, во второмъ отдѣленіи.

— Больно очень развязывать-то-съ, позвольте лучше такъ оставить,—проситъ больной.

— Я те оставляю! Развяжи!

Многострадалъные.

Больной морщась и ежась развязываетъ.

— Вишь, какая мерзость! Смотрѣть-то даже тошно. Воды и мочалку сюда! Является служитель съ тазомъ холодной воды и мочалкою.

— Промой ему хорошенько рану.

— Помилосердствуйте, вашескородье! Ей-ей, не вытерпѣть.

— Молчать!

Служитель начинаетъ дѣйствовать мочалкою съ такимъ усердіемъ, будто онъ не ногу, а полъ моетъ. Больной терпитъ и, наконецъ, съ крикомъ вырываетъ ногу.

— Пачкайся около тебя, внушаетъ ему раздосадованный докторъ: — хлопочи, а ты, вмѣсто благодарности, еще ревешь и рвешься? Ахъ ты, мерзавецъ этакій! Подержать его!

Два служителя стиснуть больного, а третій моетъ рану, нажимая съ такою силою, что не только изъ нея, но и изъ сосѣдняго здороваго мѣста начинаетъ сочиться кровь. Больной кричитъ во все горло.

— Будетъ! — командуетъ лекаръ. — Вложить въ рану корпию, обвязать покрѣпче ногу, а за его крикъ дать ему на сегодняшнія сутки полбулки и смотрѣть за нимъ въ оба. Послѣ такого внушенія, лекаръ отправляется въ глазное отдѣленіе.

— А твои глаза все еще гноятся? скажетъ, бывало, онъ, подходя къ одному изъ мальчиковъ. — Должно быть, опять на-теръ ихъ известкой?

— Никакъ нѣтъ-съ... Ей-богу не виновать.

— Я вотъ тебѣ дамъ «не виновать!» Подать мнѣ ляписъ.

— И такъ заживутъ, право слово, заживутъ-съ; не жгите только глаза... Сжальтесь ради Бога.

— Подержать его!

Тутъ происходитъ сцена: больного схватываютъ, а лекаръ принимается прижигать ему глаза. Больной вертится, кричитъ.

— Вотъ же тебѣ, вотъ же тебѣ, дрянъ эдакая, приговариваетъ врачъ, тыкая больному ляписомъ въ глаза, куда попало.

Напрягши всѣ свои силы, больной вдругъ вырывается отъ мучителей.

— Такъ вотъ ты каковъ? Ге-ге-ге! Поймать его и подать мнѣ инструментъ: сейчасъ мы ему заволочку зададимъ.

Больной снова въ мощныхъ рукахъ, а лекаръ, проколовъ ему за ухомъ здоровое тѣло, просовываетъ насквозь веревочку, которую дергаетъ изо всей силы взадъ и впередъ.

Единственное утѣшеніе несчастныхъ кантонистовъ состояло въ томъ, что судьба послала имъ хоть одного хорошаго чело-вѣка, въ лицѣ старшаго фельдшера, Осипова. Онъ о инъ, среди этой массы зла, относился къ мальчикамъ съ состраданіемъ. Бывало, сядетъ на кровать какого-нибудь больного, а у самого глаза такіе ласковые.

— Что, другъ, — говорить: — небось притворяешься?

— Иванъ Осипычъ, тамъ въ ротѣ житья нѣтъ,—отвѣчаетъ больной.

— Отдохнуть, значить, хочешь?

— Такъ точно-съ. Не гоните.

— Ну, ужъ ладно; только не залеживайся. Тутъ, братъ, отъ одного здѣшняго поганого воздуха померешь. Небось и вѣтъ хочешь?

— Какъ не хотѣть!..

— Ну, я тебѣ первую порцію выпишу.

— Нельзя-ли, Иванъ Осипычъ, и мнѣ первой порціи?—просить другой больной:—а то какъ я на полбулкѣ-то проживу?

— Тебѣ голубчикъ, первой порціи я назначить не могу: лекаръ за это меня самого отдуетъ. А ты зайди уже ко мнѣ въ комнату, тамъ и поужинаешь

— Слушаю-съ. Чувствительно васъ благодарю съ.

— Позвольте, Иванъ Осипычъ, просить васъ снять съ меня мушву?—просить глазной.—Вся шея распухла, кожа слѣзла гной течетъ внизъ; рубашка прилипаетъ къ спинѣ. Мнѣ рѣшительно спать не возможно.

— Теперь, голубчикъ, снять не могу; а потерпи до завтраго: лекаръ уѣдетъ въ деревню, я и сниму

— Будьте такъ добры; вѣкъ не забуду.

— Сниму, сниму, потерпи немного. Что дѣлать? всѣ терпимъ.

На слѣдующее утро, едва лекаръ уѣхать въ деревню, лазаретъ мигомъ превратился въ гульбище. Управлять лазаретомъ остался Осиповъ. Снявъ съ больныхъ всѣ мушки, всѣ заволоки, повыкинувъ за окно всѣ стеклянки съ прописанною лекаремъ микстурою, Осиповъ выписалъ отличныя порціи, а труднымъ, въ добавокъ къ порціямъ, и топленого молока, пива, краснаго вина, и самъ пустился ухаживать за ними, захопоталъ, засуетился. Больные сыты по горло, спокойны, повеселѣли, запрыгали. День прошелъ незамѣтно. Но къ вечеру Осиповъ ужъ выпилъ, по обыкновенію, не въ мѣру, ушелъ прогуляться и не явился цѣлыя сутки. Младшіе фельдшера и служителя, пользуясь его отсутствіемъ, тоже отправились погулять, оставивъ больныхъ безъ лекарствъ, безъ ухода.

Въ такое время случалось, что больные, брошенные на произволъ судьбы, умирали—да и хорошо дѣлали, потому что хоть смертью освобождались отъ мученичества.

Вернувшись изъ деревни, лекаръ принимался водворять въ лазаретъ старый порядокъ; разсылалъ по городу искать Осипова, котораго обыкновенно приводили пьянаго, безобразнаго. Лекаръ, всплывъ, требовалъ розогъ и тутъ же задавалъ старшему фельдшеру превосходную поронцу

— Перестанешь ты, скотина, пьянствовать, или нѣтъ?—такъ начиналъ онъ увѣщевать Осипова послѣ экзекуціи.

— Не знаю-съ,—отвѣчалъ, по обыкновенію, Осиповъ, по-

шатываясь изъ стороны въ сторону.—Ручаться нельзя-съ, быть можетъ... Пожалуйте на косушку.

— Стыдно! стыдно!—внушаетъ лекаръ.—Человѣкъ ты способный, вездѣ принять, имѣешь хорошую практику, а не отстаешь отъ этой поганой водки. Вѣдь мнѣ за тебя совѣстно, право; совѣстно пороть-то тебя, да нельзя: изъ терпѣнья выводишь. Ради Бога не пей! осчастливилю... въ чиповники произведу, одѣну-обую на славу, богатую невѣсту найду; все для тебя сдѣлаю, только не пьянствуй.

— Все это такъ съ... Я всего стою, это точно-съ... Ну, а ежели вы меня ужъ выдрали, то пожалуйста же на косушечку. Опохмѣлиться мнѣ теперь крайне необходимо, а тамъ впереди, Богъ милостивъ. Произведусь, женюсь и какъ разъ переимѣнуюсь. Да-съ, и водку пить перестану, право, перестану. Пожалуйте жъ полтинничекъ на поправку чердака.

— На тебѣ цѣлый рубль, только ради Бога не напейся.

— Пѣтъ съ, не напьюсь, а только поправлюсь, а то и тѣло, да и чердакъ трещать.

Получивъ деньги, Осиповъ уходилъ, въ сопровожденіи слугителя, въ свою комнату, посылалъ за водкою и, «поправившись», снова вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей и вель себя безукоризненно до слѣдующаго кутежа.

Лекаръ снисходилъ къ Осипову не изъ челоуѣколюбія, а изъ личной выгоды: онъ прописывалъ рецепты частнымъ своимъ пациентамъ всегда съ совѣта Осипова, къ труднымъ больнымъ бралъ его съ собою на консультацію и подъ веселую руку самъ сознавался, что Осиповъ знаетъ дѣло лучше его. Будь Осиповъ челоуѣкъ трезвый, онъ бы навѣрное отбилъ у лекаря всю практику; но теперь господа боялись, какъ бы онъ, съ пьяныхъ глазъ, не далъ больному, по ошибкѣ, яду, вмѣсто лекарства. Тѣмъ не менѣе, если лекарю приводилось прописать какому-нибудь барину рецептъ экспромптомъ, то почти всякій такой больной тотчасъ присылалъ за Осиповымъ и, показывая ему (трезвому) рецептъ, спрашивалъ: «годится-ли лекарство»? и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, тотчасъ же псылалъ въ аптеку; отрицательный же отвѣтъ Осипова имѣлъ послѣдствіемъ то, что больной рвалъ рецептъ и, ругая лекаря «остолопомъ», просилъ фельдшера прописать новое лекарство.

Попавъ въ лазаретъ, Степановъ также вкусилъ всѣхъ прелестей тамошней жизни, хотя, къ счастью, большую часть своего пребыванія тамъ находился въ безпамятствѣ. Выздоровленіе его пришлось, впрочемъ, ко времени одной изъ отлучекъ лекаря въ деревню, когда лазаретъ, по обыкновенію, очутился подъ надзоромъ Осипова. Весьма довольный этимъ обстоятельствомъ, Степановъ рассчитывалъ, что ему удастся хорошенько отдохнуть въ больницѣ; но тутъ случилось обстоятельство, разрушившее его предположеніе. На дворѣ была весна, а въ это время года въ заведеніи ежегодно совершался инспекторскій смотръ. На

чальство выказывало усиленную дѣятельность по части приведенія всего въ должный порядокъ, отчего кантонистамъ приходилось еще круче обыкновеннаго. Больныхъ также не забывали: ихъ гнали изъ лазарета, не давъ окончательно поправиться и заботясь только о томъ, чтобы высшее начальство, заглянувъ въ опустѣлую больницу, вынесло благоприятное мнѣнiе о санитарномъ состоянiи заведенiя. Въ числѣ изгнанныхъ изъ лазарета былъ и Степановъ.

XI.

Годи́чный инспекторскiй смотръ.

СЪ КОНЦА апрѣля по всему уже можно было замѣтить, что въ заведенiи ожидаютъ инспекторскаго посѣщенiя. Кантонистамъ вѣрно было приносить, между ученьями, изъ цейхауза, смотровыя вещи и по двѣ перемѣны бѣлья на каждаго; вездѣ стали рѣзать казенныя мучныя кули, щипать ихъ на мелкую мочалу съ тѣмъ, чтобы набивать ею новыя тѣфяки и подушки. Потомъ всю будничную, рваную одежду попрятали на чердаки: носить въ это время дозволялось только смотровую. Затѣмъ слѣдовало неприятнѣйшее изъ приказанiй—пришить къ шинелямъ, курткамъ брюкамъ; галстукамъ, подтяжкамъ и сапогамъ ярлыки. Послѣднiе состояли изъ небольшихъ кусковъ холста или кожи, на которыхъ, со всею тщательностью, надлежало выставить печатными буквами, въ двѣ строки, названiе роты, имя и фамилiю кантониста. Ярлыкъ пришивался съ необычайною аккуратностью и за дурное печатанiе его отвѣчала печатальщикъ, а за кривую, невѣрную, или не красивую его пришивку—владѣлецъ вещи. Ярлычекъ, пришитый къ одному смотру, никогда не годился къ другому: смотровыя вещи лежали по полугоду и болѣе въ пыли, въ сырости, отчего краска на ярлычкахъ желтѣла, стиралась и марала весь ярлычекъ. Печатанiемъ ярлычковъ занимались человекъ 5—6 въ ротѣ. Кантонистъ, выучившись самоучкою печатать ярлычки, имѣлъ постоянный хорошiй доходъ отъ своего ремесла, такъ-какъ ярлычки пришивались и къ будничной одеждѣ. Но предъ смотрами кантонисты, умѣвшiе печатать, просто богатѣли. За печатанiе десяти ярлычковъ на собственномъ материалѣ, печатники брали 4—7 коп., а на хозяйскомъ—3 коп. Печатали, впрочемъ, и за гостипцы, и за отбыванiе всякой повинности. Исправный кантонистъ всегда имѣлъ въ запасѣ отъ пяти до десяти ярлычковъ. Отозваться неимѣнiемъ ярлычковъ никто не смѣлъ, хотя ни холста, ни краски для ярлычковъ кантонистамъ никогда не давали. По приведенiи вещей въ должный порядокъ и по осмотрѣ ярлычковъ, пошли усиленные осмотры и

экзамени, которые производились всё́мъ начальствомъ, начиная отъ дядекъ и кончая самимъ начальникомъ заведенія. Въ это время и дранье было ужъ не обыденное, а смотровое: намочать въ водѣ простыню, завернуть въ нее раздѣтаго и сѣкутъ сквозь простыню. Такъ дѣлалось по многимъ причинамъ. Провинившійся въ смотровое время считался преступнѣе обыкновеннаго; самое наказаніе признавалось гораздо сильнѣйшимъ; къ тому же и тѣло не изсѣкалось; на немъ не дѣлалось рубцовъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ тѣлеснаго осмотра, наружныхъ признаковъ сѣченія никакихъ не оставалось.

Начальство командировало, по существовавшему обычаю, гонца встрѣтить инспектора, версть за 100, и сопровождать его до отведенной ему въ городѣ квартиры, снабженной всё́ми благами міра, на счетъ грѣшныхъ и безгрѣшныхъ доходовъ отъ содержанія заведенія. Приѣхавъ, наконецъ, инспекторъ и назначилъ на слѣдующее утро смотръ.

Всю ночь накануне кантонисты и глазъ не сомкнули: чистка, уборка, примѣрка и одѣванья поглотили все время до разсвѣта, и едва вошло солнце, они уже были на-готовѣ.

Въ шестомъ часу утра въ роты явились ротные командиры и лично произвели тѣлесный осмотръ, потомъ присутствовали при надѣваньи бѣлья и сапоговъ, брюкъ и куртокъ. Затѣмъ они перестановили всё́хъ по ранжиру, запрягивая плохо марширующихъ въ среднюю и заднюю шеренги, и, въ заключеніе, отдали приказаніе маршировать какъ можно лучше, отвѣчать на вопросы инспектора громче, глядѣть ему въ глаза веселѣй. Всѣ эти приказанія сопровождались угрозою жестокаго наказанія за малѣйшую неисправность.

Въ ординарцы были собраны изъ каждой роты по два кантониста, самые красивые и похожіе одинъ на другаго. Они одѣвались въ фельдфебельской комнатѣ, въ одежду, собственно для нихъ сшитую изъ самаго лучшаго матеріала. Ихъ одѣвалъ лично фельдфебель и, когда они одѣлись, ихъ напоили даже чаемъ, для очищенія голоса. Въ семь часовъ утра ординарцевъ вывели на дворъ, подѣхали двѣ коляски, мальчиковъ приподняли и поставили въ коляски; строго наказали имъ не шевелиться, дабы не измять новенькой одежды, не запылить начищенные сапоги и кортежъ тронулся въ путь шагомъ, въ сопровожденіи начальства. По прибытіи къ квартирѣ инспектора, мальчиковъ бережно сняли и вступили на лѣстницу. Оправившись въ передней, ординарцы вошли въ пріемную—большую комнату, въ которой полъ былъ вылощенъ и свѣтился, точно зеркало. Въ простѣнкахъ помѣщались зеркала, обои на стѣнкахъ были самые вычурные, карнизы золотые, вверху и внизу; мебель бархатная, розоваго цвѣта, съ самою фантастическою рѣзбою. У одной изъ стѣнъ комнаты стояли: жандармскій начальникъ, полиціймейстеръ, гарнизонный командиръ и смотритель провіантскихъ магазиновъ,—старые военные штабъ-

офицеры; они пріѣхали представиться инспектору. Изъ смежной комнаты вскорѣъ показался и самъ инспекторъ. То былъ старичекъ, лѣтъ шестидесяти, весь лысыи, толстѣйшій, громаднѣйшаго роста, съ сѣдыми, стоячими усами и узенькими бакенбардами. Одежда его состояла изъ зеленой ермолки, съ золотою кистью, красной рубашки, на выпускъ, съ разстегнутымъ на боку воротомъ, на ногахъ были пестрые широчайшіе шаровары и темпосиніе спальные сапоги.

— Здравствуйте, господа! здорово дѣти! заговорилъ онъ, кивая головою то въ одну, то въ другую сторону.—Извините, господа, мое неглиже: что малый, то и старый—причудливы. Не хотѣлъ одѣваться, потому что рано, да и жарконько. При томъ я съ вами не въ первой вижусь, вы не осудите.

Власти низко поклонились ему, прищелкнувъ шпорами. Вслѣдъ затѣмъ, полиціймейстеръ и гарнизонный командиръ подали инспектору рапортички о состояніи ихъ управленій. Поговоривъ съ ними кое-о-чемъ, инспекторъ вторично поздоровался съ кантонистами-ординарцами, оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы, отошелъ въ передній уголъ и, усѣвшись въ широкихъ, высокихъ креслахъ, пригласилъ стать возлѣ себя всѣхъ штабъ-офицеровъ.

— Ну-ка, ребята, подходи поочередно—молвилъ онъ, обращаясь къ кантонистамъ.

Ординарцы повернулись одинъ къ другому въ затылокъ, поправились и фланговый изъ нихъ отмаршировалъ къ инспектору восемь шаговъ, остановился, пристукнулъ подборомъ и произнесъ, безъ перерыва, громко:

«Отъ N—скаго заведенія военныхъ кантонистовъ, первой роты, кантонистъ Петръ Алексѣевъ, къ вашему превосходительству на ординарцы присланъ. Здравія желаю, ваше превосходительство!

Произнеся однимъ духомъ эту тираду, ординарецъ замеръ.

— Давно-ли ты, братецъ, въ кантонистахъ?—спросилъ генераль.

— Съ 25-го мая 1847 года, ваше превосходительство.

— Старый служака. На мѣсто!

Ординарецъ повернулъ кругомъ, отмаршировалъ обратно туда, откуда пришелъ, остановился, перевернулся и сталъ сзади другихъ ординарцевъ. Подошелъ его вѣстовой и отрапортовалъ то же самое, замѣнивъ только слова: «на ординарцы присланъ» другими — «вѣстовымъ присланъ».

— Разстегнись-ка, братецъ, — приказалъ инспекторъ.

Вѣстовой разстегнулъ и широко распахнулъ свою куртку. Внимательно оглядѣвъ подкладку куртки, ревизоръ пожелалъ видѣть ярлычекъ на подтяжкахъ. Вѣстовой показалъ.

— Самъ печаталъ ярлычекъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше-ство; печаталъ кантонистъ втораго капральства Иванъ Хромовъ.

— Хорошо, очень хорошо, молодецъ Храмовъ; такъ ему и передай отъ меня. А самъ стань сюда, къ окну. Этогъ, господа, ярлычекъ и превосходно напечатанъ, и такъ же превосходно пришитъ,—съ одушевленіемъ замѣтилъ генераль, относясь къ окружающимъ — Прошу васъ, полковникъ, лично озаботиться, чтобы ярлычки ко всѣмъ вещамъ и печатались, и пришивались точно такъ же, какъ этотъ. А этотъ ярлычекъ пусть будетъ гамъ образчикомъ къ слѣдующему смотру. Поглядите-ка, господа, на ярлычекъ: вѣдь любо дорого смотрѣть на него; не такъ-ли?

— Слушаю-съ, ваше прев-ство,—почтительно произнесъ начальникъ, бросаясь вмѣстѣ съ своими соратниками къ ярлычку.

Всѣ пристально разглядывали ярлычекъ, будто ничего подобнаго никогда еще не видывали.

— Съ лѣвой ноги сапогъ долой,—вдругъ приказалъ инспекторъ слѣдующему, подошедшему ординарцу.

Ординарецъ, снявъ сапогъ, положилъ портянку на полъ, сапогъ поставилъ около, и самъ вытянулся въ струнку.

— Покажи портянку!

Ординарецъ бережно взялъ портянку на обѣ ладони и поднесъ ее инспектору.

— А ногти острижены?—спросилъ онъ, не найдя въ портянкѣ ничего противозаконнаго.

— Острижены, ваше превосходительство.

— Пошелъ на свое мѣсто.

Ординарецъ, подхвативъ сапогъ въ одну руку, а портянку въ другую, маршируетъ до задней стѣнки и тамъ уже обувается.

— Брюки долой,—скомандовалъ инспекторъ слѣдующему вѣстовому.

Вѣстовой разстегнулъ и спустилъ брюки до колѣнъ; а самъ стоитъ, не моргая.

— Отчего у тебя на подштанникахъ костяжки обшиты холстомъ?

— Всѣмъ, ваше превосходительство, такъ обшили въ швальнѣ.

— Это для чего?

Вѣстовой растерялся, не зная что отвѣчать.

— Такъ, ваше превосходительство, костяжки благообразнѣе выглядят,—вкрадчиво поспѣшилъ на выручку вѣстовому начальникъ.—Ординарцы всегда на виду, я и распорядился такъ сдѣлать всѣмъ имъ.

— А отъ кого вы на это получили разрѣшеніе? А такая развѣ дана мною вамъ форма?.. Костяжку, какъ выточенную изъ кости, всегда пріятнѣе видѣть въ настоящемъ ея видѣ. А когда она обшита холстомъ, почему я знаю, какая она? Можетъ быть, тамъ не костяжка, а деревяшка какая-нибудь. Понимаете?

— Я, ваше прев-ство... помиуйте...

— Меня, братецъ, не проведешь: я старый воробей .. Отнынѣ никогда не напивать такихъ костяжекъ. Слышите? никогда, чтобъ я этого больше не видалъ.

— Подштанники долой!—сказаль инспекторъ. Вѣстовой спустиль и ихъ до колѣнъ.

— Подними рубашку повыше, по грудь!

— На лѣво кругомъ!—Вѣстовой повернулся, но не совѣмъ ловко: опущенные штаны и поднятыя вверхъ руки нѣсколько нарушали грацію движеній кантониста, который при томъ сильно сконфузился, очутившись почти голымъ въ присутствіи начальства.

— И поворачиваться не умѣешь, каналья эдакая!—И превосходительная рука ударила всею ладонью по тѣлу вѣстоваго съ такою силою, что звонкое эхо раздалось въ отдаленныхъ комнатахъ квартиры Вѣстовой задрожаль и отъ боли, и отъ страха, но не пикнулъ. Товарищи-ординарцы тоже перепугались за вѣстоваго. лично за себя и даже за всѣхъ кантонистовъ заведенія.—«Кругомъ!»—грозно заключилъ инспекторъ. Вѣстовой напрягъ всѣ свои силы и удачно повернулся кругомъ.

— Какой губерніи?

— Рязанской, ваше прев-ство,—крикнулъ онъ, изво всей мочи.

— Будто?—спросилъ инспекторъ, внезапно повеселѣвъ и привскочивъ на креслахъ. Онъ, суровый, безпощадный ко всему, питаль нѣжныя чувства къ своимъ землякамъ, которымъ прощаль всѣ ихъ прегрѣшенія. Кантонисты знали это и, при случаѣ, пользовались слабостью генерала. Съ тою цѣлю и въ составъ кантонистскихъ обязательныхъ знаній нарочно введена была географія Рязанской губерніи, которую многіе кантонисты знали до подробностей.

— А уѣзда, другъ мой, какого?

— Касимовскаго, ваше прев-ство, а села Ижевскаго.

— Молодецъ, другъ мой, молодецъ.—И инспекторъ нѣжно погладилъ вѣстоваго по лицу тою же самою рукою, которою за минуту предъ тѣмъ такъ жестоко ударилъ его.—Ты ефрейторъ?—добавилъ онъ.

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Прошу васъ, полковникъ, завтра же сдѣлать его капраломъ, непременно капраломъ. Мои земляки всѣ вѣдь молодцы: чистенькіе, гладенькіе,—одно слово молодцы.

— Теперь, ваше прев-ство, вакансія капрала нѣтъ съ, —вкрадчиво заговорилъ начальникъ...

— Что . о.. о?..—грозно перебилъ инспекторъ.—Для меня вакансія нѣтъ? Да чтобъ завтра же былъ капраломъ, и все тутъ! Когда я что приказываю, прошу исполнять!

— Слушаю-съ, ваше прев-ство.

— А есть у тебя. дружокъ, кто-нибудь изъ родныхъ

дома?—продолжалъ инспекторъ, по-прежнему нѣжничая съ вѣстовымъ.

— Одна мать, ваше прев-ство, въ деревнѣ живетъ, а отецъ убитъ на войнѣ.

— Ну да мои земляки—народъ храбрый,—восторженно заговорилъ инспекторъ, обращаясь къ свитѣ.—Въ войнѣ мы отчаянные. Это я тысячу разъ самъ видѣлъ и въ двѣнадцатомъ году, и въ Турціи, и въ Персіи, и на Кавказѣ и... и... Чѣмъ другимъ, а ужъ геройствомъ мы вполнѣ можемъ похвалиться. Какъ осмотрю всѣхъ, дамъ тебѣ на орѣхи. А вы, полковникъ, смотрите: пальцемъ его не трогать.

— Не беспокойтесь, ваше прев-ство. Ваше слово—законъ, самый священный для меня законъ-съ...

— То-то-же...

Подожель еще ординарецъ.

— А ну-ка, братецъ, съумѣешь-ли ты раздѣться до нага въ двѣ минуты? Я смотрю на часы, а ты за дѣло—живо!—Ординарецъ очутился въ адамовскомъ костюмѣ.—На право!—Ординарецъ повернулся.—Тихимъ шагомъ мар...ршъ...

— Скорымъ шагомъ мар...ршъ... Голову выше, бедра въ лѣво, разъ, разъ, разъ,—командоваль инспекторъ, хлопая въ ладоши.—Вольнымъ шагомъ маршъ. Перемѣни ногу. Разъ, разъ, разъ. Брюхо подбери; что выставилъ его; разъ, разъ; бѣглымъ шагомъ мар...ршъ... Лѣвое плечо выше! Что скоился? Ужъ не рязанскій-ли? Земляки всегда кривобоки: этотъ, господа, грѣшокъ издавна водится за нами. Землякъ, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, землякъ-съ.

— Стой, стой, стой! Во-фронтъ! Ординарецъ сталъ какъ вкопанный. Какой губерніи?

— Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, села Олохушки, ваше прев-ство,—зачастилъ ординарецъ, слышій однимъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи родины инспектора.

— Распотѣшилъ, дружокъ, ты меня по самое горло. Вотъ, господа, каковы мои земляки-то! Въ чемъ мать родила, а вѣдь какъ отлично маршируетъ. Чудо, чудо, какъ хорошо! Ты, дружокъ, ефрейторъ?

— Капральный ефрейторъ 2-й роты, 2-го капральства, ваше превосходительство.

— Потому-то ты, значить, и разуважилъ меня, старика. Я теперь такъ доволенъ вашими, полковникъ, ординарцами, что не знаю, какъ и благодарить васъ за нихъ. А все земляки. Ну-ка, нѣтъ-ли еще кого рязанскихъ? Двое ординарцевъ выступили впередъ.

— И вы земляки?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Ай, родина! Изъ 20-ти четверо земляковъ, изъ четырехъ тысячъ, значить, тысяча лучшихъ слугъ отечества. Вотъ такъ

мы! А покажите-ка мнѣ, полковникъ, своихъ земляковъ! Небось ни одного здѣсь нѣтъ—а?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, да и гдѣ ужъ намъ тягаться за вашии земляками? Ваши изстари славятся...

— Конечно, конечно, славятся. Послѣ смотра дайте ординарцамъ отдыхъ на недѣлю, а отъ меня они сейчасъ получать на гостинецъ. Инспекторъ всталъ, вышелъ въ смежную комнату и, вернувшись оттуда, собственноручно роздалъ ординарцамъ по серебряному пятаку на человѣка.

Веселые, радостные вышли ординарцы отъ инспектора и отправились на плацъ.

Погода между тѣмъ прояснилась и солнце весело играло своими яркими лучами. Фронтъ стоялъ на плацу въ томительномъ ожиданіи. Около часа продолжалось выравниваніе по веревочкѣ и охорашиванье, сопровождаемая внушеніями. Приѣхалъ, наконецъ, инспекторъ въ парадной формѣ, вылѣзъ, при помощи офицера, изъ коляски, подошелъ къ фронту, повдоровался и началъ смотръ съ одежды, обуви, ярлычковъ и волосъ. Тутъ нашлось нѣсколько сотъ человѣкъ самозванныхъ его земляковъ. Потомъ онъ началъ водить фронтъ всевозможными шагами.

— Дирекція на-право, скорымъ шагомъ мар..ршъ...

Фронтъ замаршировалъ.

— Стой, стой, стой! Эй ты, тюфякъ, соломою набитый, куда роту-то свою увелъ? А ты, Фетюкъ, коломенская верста, что шаги-то по сажени отмѣриваешь, развѣ не видишь: мальчишки не успѣваютъ за тобой? Радъ, вѣрно, что ноги-то съ оглоблю выросли?

Со стороны обруганныхъ офицеровъ не слышалось ни одного протеста. Муштрованье продолжалось часа 4 сряду. Затѣмъ инспекторъ приказалъ выстроить кантонистовъ по ротно, а офицерамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ удалиться за фронтъ.

— 2-я рота окружи меня, бѣгомъ, — воскликнулъ онъ. — Рота его окружила.

— Вы, дѣти, всѣмъ довольны?

— Довольны, ваше превосходительство.

— Смотри, ребята, не лгать: не обижаетъ-ли васъ кто изъ начальства?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Ты, братецъ, что молчишь?—обратился онъ къ какому-то новичку, непонимавшему, отчего это всѣ заявляютъ довольство всѣми порядками, которые сами же обыкновенно проклинали.

— Говори, милый, кто тебя обижаетъ?

— Бьютъ, дерутъ, скверно кормятъ, — съ трудомъ выговорилъ недовольный.

— А давно ты въ заведеніи? — уже серьезно спрашивает инспекторъ.

— Скоро годъ-съ, — почти плача, отвѣчалъ недовольный, у котораго отъ одного воспоминанія о побояхъ слезы на глаза навернулись.

— А откуда родомъ?

— Изъ .. изъ деревни... — Бѣдняга остановился, забывъ отъ страха даже названіе роднаго пепелища — Ко... Костр...

— Рязанской, Рязанской, — подсказываютъ отовсюду.

— Рязанской, — брякнулъ онъ, повинувъ общему подсказыванью, и вдругъ заплакалъ.

— Эхъ ты, нюня, — шутя замѣтилъ инспекторъ. — Наши, братъ, земляки никогда не плачутъ и ты не плачь. Въ службѣ — не въ деревнѣ: ко всему надо привыкать; научись — и бить перестанутъ. Моли Бога, что ты землякъ мой и новичокъ, — а то розги посвистали бы... Кромѣ меня никто не узнаетъ про твою жалобу, а вы, ребята, тоже ни гу-гу; не то запорю, шельмецы эдакіе, а ты, нюня, оботришь и смиришь!

— Спасибо, ребята, за смотръ, — заключаетъ инспекторъ, еще разъ обведя взоромъ обступившую его толпу дѣтей. — Учитесь хорошенько; ужъ велю васъ отпратить въ деревню. къ бабамъ подъ подоль, играйте себѣ тамъ съ дѣвками въ жмурки, бѣгайте въ горѣлки. Молодцы ребята!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Инспекторъ пошелъ въ 3 ю роту.

— Сѣкутъ-ли васъ, дѣти? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Полно, такъ-ли?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Напрасно, напрасно; сѣчь, хорошенько сѣчь васъ надо. Эй, полковникъ, — кричитъ онъ за фронтъ: — сѣките ихъ, какъ Сидорову козу, сѣките въ мою голову.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, — самодовольно отывается издали начальникъ.

— Хорошо-ли васъ кормятъ?

— Хорошо, ваше превосходительство.

— То то же. Голову выше, глядѣть веселѣй, ѣшь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ.

Такимъ порядкомъ инспекторъ ежегодно опрашивалъ претензію кантонистовъ. Жаловались ему, правда, зачастую, но изъ этого не только не получалось ни на волосъ пользы, но жаловавшіеся еще дорого платились грѣшнымъ тѣломъ за свою сиблюсть.

Кончивъ опросъ, инспекторъ объявилъ, что идетъ въ казармы, смотрѣть — все-ли тамъ въ порядкѣ. Для этого онъ велѣлъ выстроить кантонистовъ возлѣ ихъ кроватей. Всѣ, кромѣ начальника и дежурнаго офицера опрометью бросились въ казармы приготавливаться къ его встрѣчѣ. Выждавъ нарочно

нѣкоторое время на плацу, инспекторъ дошелъ, потихоньку, до казарменнаго двора, въ сопровожденіи начальника и дежурнаго, и, вмѣсто того, чтобы идти въ казармы, свернулъ на черный дворъ, зашелъ въ конюшню, осмотрѣлъ стоявшія на дворѣ бочки съ водою, потомъ заглянулъ въ баню (она же и подвижная прачешная). Тамъ на полу оказалась грязь, потолокъ былъ закопченъ, полъ весь въ дыркахъ и щеляхъ. Ревизоръ началъ уже хмуриться, какъ вдругъ услышалъ въ предбанникѣ звонкій дѣтскій голосъ. Это его удивило.

— Кто здѣсь разговариваетъ, откликнись!—громко молвилъ онъ, пристально оглядываясь. Все молчало. Минуту спустя снова послышался говоръ.

— Кто и гдѣ тутъ разговариваетъ?—переспросилъ онъ начальника.—Ужъ не спрятаны-ли тутъ кантонисты?..

— Помилуйте, ваше прев-ство, для чего же намъ ихъ прятать-съ,—отвѣчалъ начальникъ, вдругъ вспыхнувъ.

— А что у васъ такое дѣлается на чердакѣ?

— Тамъ бѣлье сушится, ваше прев-ство.

— Такъ это бѣлье между собой, значитъ, и разговариваетъ? Мудреное дѣло! Гдѣ лѣстница отъ чердака?

— Лѣстница?.. Лѣстница?.. Въ конюшнѣ: по ней достаютъ сѣно сверху. А самый чердакъ запертъ,—продолжалъ, путаясь, начальникъ. — Ключи у прачекъ, а ихъ теперь едва-ли гдѣ съищешь...

Между тѣмъ на чердакѣ продолжался говоръ и смѣхъ.

— Отъ чердака лѣстницу и ключъ сюда! — рывкнулъ разсерженный инспекторъ, высунувъ голову за дверь прачешной.

Перепуганные конюхи повыскочили изъ конюшень, живо принесли лѣстницу, подставили ее потихоньку къ стѣнѣ и остановились.

— А ключъ?—почти шопотомъ, но грозно повторилъ инспекторъ.

— Ключа у насъ, ваше прев-ство, нѣтъ-съ, — тоже шопотомъ отвѣчалъ здоровенный конюхъ.

— Влѣзь, братецъ, на верхъ и сломай замокъ, или вытащи пробой, только поосторожнѣе, чтобъ мухи не испугать. Понимаешь.

Конюхъ полѣзъ и чрезъ минуту спустился, держа замокъ въ рукѣ.

— Подержи-ка теперь покрѣпче лѣстницу, а мы съ полковникомъ влѣземъ туда и посмотримъ, что тамъ такое. Пожалуйте, полковникъ. Инспекторъ, пыхтя и кряхтя, потащилъ свое грузное тѣло на чердакъ, съ трудомъ поднимаясь со ступеньки на ступеньку лѣстницы.

Кантонисты, спрятанные на чердакѣ, были вполне увѣрены, что внизу можетъ разговаривать одинъ только банщикъ со своею марухою, и еслибъ кто и влѣзъ къ нимъ, то развѣ эта маруха, «душа-человѣкъ», попоштовать ихъ, «сердешныхъ»

ржаными лепешками, а потому и разговаривали, не остерегаясь. Но увидавъ внезапно влѣзшаго къ нимъ инспектора, въ красной лентѣ, съ крестами на шеѣ, на груди, они всполошились до крайности и бросились съ испуга на крышу: чрезъ слуховое окно, чрезъ отверстіе возлѣ трубы, съ топотомъ забѣгали по крышѣ, поскакали съ крыши бани на крышу магазиноу, конюшенъ, карабкались по стѣнамъ, спускались, какъ кошки, по водосточнымъ трубамъ, перебѣгали изъ одного угла въ другой и прятались въ бѣлье и другъ за друга. Суматоха была ужасная. Глядя на все это, ошеломленный инспекторъ сперва только ротъ разинулъ, потомъ, опомнившись, сталъ кричать, бѣгать по чердаку, ловить выскакивавшихъ на крышу, тѣ вырывались у него изъ рукъ и бросались, кто куда могъ.

— Ребята! ни съ мѣста! — гаркнулъ онъ, поймавъ за ноги вылѣзавшаго въ слуховое окно кантониста и таща его назадъ. Тотъ спустился на чердакъ и сталъ ни живъ, ни мертвъ.

— Почему ты, каналья эдакая, бѣжалъ отъ меня? — началъ инспекторъ, вытирая потъ съ лица и окончательно загородивъ собою одинъ изъ выходовъ на крышу. — Что я, чортъ, что-ли? Или звѣрь какой, что вы бѣжите отъ меня?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, — едва выговорилъ пойманный.

— Кто же я? кто я? отчего бѣжите? — Мальчикъ молчалъ, искоса поглядывая на начальника.

— Ты, братецъ, не пугайся: никто тебя пальцемъ не тронетъ, только скажи мнѣ правду.

— Намъ приказано бѣжать-съ, тихо началъ кантонистъ: въ случаѣ чего — бѣги, говорятъ, прячься кто куда можеть, а тѣхъ кто не убѣжитъ — послѣ смотра драть.

— А сколько васъ здѣсь всѣхъ было?

— Человѣкъ — съ сорокъ-съ.

— Всѣ изъ одной роты?

— Изъ двухъ-съ.

— А зачѣмъ васъ сюда запрятали?

— Да побоялись вашему прев-ству показывать; мы тутъ всѣ калѣки: кто изсѣченный, кто искалѣченный, — проговорилъ, сквозь слезы кантонистъ.

— А ты самъ зачѣмъ здѣсь?

— Колѣнко больно распухло.

— Отчего?

— Когда марширую — не могу такъ ровно вытянуть ногу, чтобы колѣнка не видать: оно у меня все высовывается. Правяшій, значить, осерчалъ на меня на ученьи, накануне вашего прѣзда, схватилъ полно... Помилосердуйте, ваше прев-ство! Кантонистъ заплакалъ на взрыдъ*).

*) Кантонистъ этотъ, впоследствии былъ чиновникомъ и недавно умеръ на всю жизнь хромымъ.

— Перестань, дружокъ, не плачь: никто больше не станетъ тебя бить, утѣшаль инспекторъ, погладивъ его по голѣвѣ.—А покажи ка колѣнко-то?

Кантонистъ осторожно засучилъ широчайшую штанину со всѣмъ не его роста нижнихъ брюкъ (верхнихъ онъ не могъ надѣть, по случаю сильнѣйшей опухоли), и глазамъ инспектора представилась почти почернѣвшая нога, страшно опухшая отъ нижней щиколки и до самого паха.

— Какова нога-то? сказалъ онъ начальнику, весь побагровѣвъ.—Знаете вы объ этомъ безобразіи, которое творится у васъ подъ носомъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ съ, ваше прев-ство, не знаю... Мнѣ не успѣть... я...

— А если нѣтъ, то для чего же ты тутъ? Какой же, спрашиваю я, ты послѣ этого начальникъ? Нѣтъ, съ ску вамъ отъ меня больше ужъ не будетъ. Шалишь! Подъ судъ отдамъ, подъ сѣрую пинель упеку, честное слово—упеку! Это по-вашему порядокъ?

— Помилуйте, ваше прев-ство, простите невѣдѣнію.. Вы всегда были великодушны, взмолился начальникъ точно такимъ же тономъ, какимъ просили его пощады кантонисты.

— Невѣдѣніе? Великодушень? Гм... Ну! Стой, стой, стой, вдругъ крикнулъ инспекторъ, бросившись въ сторону и схватившись обѣими руками за массу двигавшагося бѣлья. Онъ мигомъ разбросалъ его и передъ нимъ очутился разоблаченный кантонистъ.

— У тебя отчего глазъ распухъ?—спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ лицо кантониста.

— Подбитъ, ваше превосходительство,—жалобно отвѣчаетъ тотъ.

— Кто подбилъ? Кантонистъ молчалъ.

— Да кто же, кто подбилъ тебѣ глазъ?

— Да ихъ высокоблагородію угодно было подбить-съ,—рѣшился вымолвить кантонистъ, указывая на начальника и потупясь отъ страху.

— Онъ вретъ-съ,—вмѣшался начальникъ.

— Не тебя спрашиваютъ,—перебилъ инспекторъ.

— Когда и за что?

— Въ прошлую субботу-съ на баталіонномъ ученьи я не успѣлъ скоро выровняться ..

— Слышите, полковникъ, слышите-ли?

Разсерженный инспекторъ не пошелъ въ казармы, а велѣлъ подать коляску, посадилъ въ нее искалѣченныхъ, сѣлъ посреди нихъ и уѣхалъ въ лазаретъ, гдѣ, сдавъ ихъ лекарю, наказалъ ему непременно вылечить ихъ и хорошенько кормить. Затѣмъ онъ съ ругательствами уѣхалъ домой.

Кантонистовъ со всякаго рода изъянами, во время смотровъ, всегда прятали на чердакахъ, въ конюшняхъ и тому подобнхъ

темныхъ мѣстахъ; численность ихъ по всему заведенію прости-
ралась всякій разъ отъ 150 до 200 человекъ.

По отъѣздѣ инспектора, заведеніе пошло обѣдать — ровно въ
5 часовъ пополудни. Проголодавшіеся кантонисты ѣли до от-
валу, до тошноты. Да и очень естественно: такія свѣжія, вкусныя
щи, такой мягкой, чудесный хлѣбъ, такую рассыпчатую, кру-
тую кашу и такой крѣпкій, точно пиво, квасъ имъ только разъ
въ годъ и доводилось пробовать.

Пока всѣ успѣли пообѣдать, уложить по формѣ смотровую
одежду, поразсказать другъ другу новости дня — ужь и стем-
нѣло. Горнисть протрубилъ ужинать. За столъ пошли одни об-
жоры, да воры по призванью. Кража хлѣба во время смотра
хоть формально и не дозволялась, тѣмъ не менѣе и не преслѣ-
довалась, а нашимъ ребятамъ то и на руку: иной кантонистъ
въ два три смотровыхъ дня наворуетъ фунтовъ 15—20 и по-
томъ, когда настанетъ обыденный голодъ, и самъ наслаждается,
и торгуетъ хлѣбомъ.

На слѣдующій день ожидали, что инспекторъ станетъ про-
изводить экзаменъ.

Съ наступленіемъ утра всѣхъ кантонистовъ заведенія со-
гнали въ классныя комнаты, гдѣ учителя размѣстили ихъ по
участкамъ и знаніямъ. Но такъ-какъ знаній за большею частію
изъ нихъ ровно никакихъ не считалось, и такъ-какъ всѣмъ
имъ сидѣть въ классѣ было совершенно недѣ, то ихъ вывели
въ смежныя съ классами цейхаузы. Тутъ имъ строжайше на-
казали: какъ скоро инспекторъ проэкзаменуетъ какой-нибудь
участокъ и пройдетъ дальше, чтобъ они частями, выходили изъ
своихъ засадъ и потихоньку присоединялись къ тому участку.
Далѣе, сдѣлали репетицію такого приспособленія, при чемъ
планъ оказался удобопримѣнимъ. Затѣмъ остальныхъ пересор-
тировали и усадили: лучшихъ учениковъ впередъ, худшихъ
назадъ и опять наказали: первымъ глядѣть инспектору прямо
въ глаза, напрашиваться, такъ сказать, на вопросы; послѣднимъ
же — уткнуть носы въ тетради и отнюдь не зѣвать по сторо-
намъ, а ежели онъ кого-нибудь изъ нихъ спроситъ, отвѣчать
громко, не запынаясь и, главное, не молчать.

Инспекторъ явился прямо въ верхній классъ, поздоровался
и остановился въ раздумьѣ. По бокамъ его стали: начальникъ и
инспекторъ, позади которыхъ помѣстились офицеры. Всѣ вытя-
нулись въ струнку.

— Выйди-ка, братецъ, къ картѣ и покажи мнѣ, гдѣ Англія!
приказалъ инспекторъ кантонисту, сидѣвшему крайнимъ на пер-
вой скамейкѣ.

Ученикъ подошелъ къ картѣ Европы и, ткнувъ пальцемъ
въ то мѣсто, гдѣ было отмѣчено «Великобританія», смѣло отвѣ-
тилъ: «вотъ здѣсь, ваше превосходительство.»

— Да гдѣ же здѣсь-то? Я, братецъ, что-то ее тутъ не
вижу.

— Самая Англія отсюда очень далеко-сь, а тутъ показано только, какъ до нее доѣхать, чрезъ какія т. е. страны дорога туда лежитъ.

— Руки по швамъ, корпусъ назадъ, въ то же время въ полголоса командоваль начальникъ.

— А ты, братецъ, бываль когда-нибудь въ Англіи?

— Никакъ нѣтъ-сь, ваше прев-ство, не бываль-сь.

— И не дай Богъ тебѣ бывать тамъ.

— Слушаю-сь, ваше прев-ство.

— Вообразите себѣ, господа, что это за сторонка!—началь инспекторъ, обращаясь къ офицерамъ.—Лежить она вся въ болотѣ, люди живутъ въ подземельяхъ, нищихъ пропасть: такъ за поля и рвутъ. А ужъ порядки какіе нелѣпые! Будочникъ напр. вправѣ арестовать хоть бы генерала. ежели увидить, что онъ, генераль, далъ въ зубы какому-нибудь оборванцу, за то, что тотъ наступилъ ему... ну хоть на ногу. О законахъ и помянуть нельзя безъ омерзенія: сановники принуждены становиться на одной доскѣ, въ судахъ, съ мужиками. Словомъ—дрянь, да и только! Лучше нашей матушки Россіи нѣтъ ни одного уголка во всей подлунной Честное слово такъ.

Офицеры, выслушавъ рѣчь инспектора, низко поклонились ему, въ знакъ согласія.

— Эй, ты, подаля инспекторъ другаго ученика: — чѣмъ славится Курская губернія?

— Соловьями, ваше прев-ство. Птицы такія есть, чудесно поютъ по ночамъ. Они за то и прозываются курскіе соловьи.

— Хорошо; ну, а что есть солдатъ?—неожиданно спросилъ онъ третьяго ученика.

— Солдатъ есть имя общее—знаменитое: солдатомъ называется и первѣйшій генераль, и послѣдній рядовой

— Ну, а ты кто?—обратился инспекторъ къ четвертому.

— Кантонистъ Иванъ Ивановъ, ваше прев-ство.

— Голову выше, подбородокъ подбери. А, напримѣръ, ты генераль, или рядовой?—послѣдовалъ вопросъ, обращенный къ послѣдующему.

— Никакъ нѣтъ-сь

— Кто же ты?

— Не могу знать, ваше прев-ство.

— Не знаешь? такъ я тебѣ скажу: ты, да и всѣ вы—просто просята, и ничего больше. Тутъ инспекторъ высунулъ классу языкъ, облизнулъ себѣ усы и ушелъ въ писарской классъ.

Опять пошла разспросы:

— А когда приходилъ Наполеонъ въ Москву?

— Въ 1812 году, ваше прев-ство.

— А зачѣмъ онъ, братецъ, приходилъ?

— Воевать съ русскими-сь.

— Бедрa влѣво, бедра влѣво! журчить, между тѣмъ, начальникъ.

— Что-жъ онъ дѣлалъ въ Москвѣ?

— Отъ русскихъ прятался, ваше прев-ство.

— Ъшь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ. Почему же онъ прятался?

— Да русскихъ испугался, ваше прев-ство; русскіе очень шибко били его войска, ну онъ ихъ и пряталъ.

— Ты думаешь?

— Точно-съ: такъ и въ исторіи написано.

— Чудесно, братъ, чудесно знаешь.— Наполеонъ, господа, именно насъ струсилъ и прятался,— заговорилъ опять инспекторъ, относясь къ офицерамъ.— Я самъ былъ очевидцемъ, какъ французы прятались; они не то, что наши молодцы, а дрянъ, мерзляки.

— Совершенно справедливо, ваше прев-ство,— гаркнулъ кто-то изъ офицеровъ.

— Да, господа, шибко французамъ досталось тогда отъ насъ, очень шибко. Правду, впрочемъ, говоря, и нашей побѣдоносной арміи тяжеленко было гнать ихъ по пятамъ до самаго до Парижа. Больно тяжеленко было! Ну, да нието, какъ Богъ, да мы, храбрые воины: все вынесли. Да, вынесли вотъ, заключилъ онъ, качая головою и тяжело вздыхая.— Ты,— что, пріятель, глазенки-то на меня вытаращиль-а?—спросилъ онъ, немного помолчавъ.— Хочешь, вѣрно, чтобъ я тебя что-нибудь спросилъ,— да? Скажи-ка мнѣ: какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять прямо и непринужденно, имѣя каблуки вмѣстѣ столь плотно, сколь можно,—звонко затрепцалъ спрошенный.

— Довольно, довольно,— прервалъ его инспекторъ.— Вижу, что ты на этомъ собаку съѣлъ; насквозь, братъ, вижу тебя. Отличнымъ фельдфебелемъ будешь. А теперь кто?

— Капральный ефрейторъ Иванъ Паньковъ, ваше превосходительство.

— Bravo, Паньковъ, bravo. А ну-ка ты, рядомъ съ нимъ: какъ называется твое отечество?

— Россія, ваше прев-ство.

— Ай-да тамбовщина проклятая! Ты вѣдь Тамбовской губерній?

— Тамбовской, ваше прев-ство.

— Эй ты, чрезъ три человѣка дальше: гдѣ пекутъ пряники?

— Въ городъ Вязьмѣ, ваше прев-ство.

— А хочешь пряниковъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство.

— Люблю за это; солдатъ не долженъ лакомиться: отъ лакомства брюхо болитъ, а солдату надо всегда быть здоровымъ.

— Никакъ нѣтъ-съ ваше прев-ство.

— Слушай ухомъ, а не брюхомъ, а то и выхолить: въ лѣсу родился, пнямъ мохился—штыковая работа и вышелъ.

Впрочемъ, не печалься, ты тоже прекрасный мальчикъ. Учись, ребята, хорошенько, прилежно учись.

— Слушаемъ-съ, ваше прев-ство.

— И прекрасно, когда слушаете.—Съ этими словами инспекторъ отправился въ нижній классъ.

— Тутъ что такое?—спросилъ онъ учителя ариеметики, Ослова.

— Ариеметика, ваше прев-ство,—брякнулъ Ословъ.

— Какая ты, чортъ, ариеметика? Собственно ты кто такой?

— Учитель ариеметики, ваше прев-ство.

— Такъ бы и говорилъ, а то извольте порадоваться: онъ ариеметика. Чему же ты учишь?

— Читать, писать и. главнѣе всего, ариеметикъ-съ.

— Ариеметикъ, такъ ариеметикъ. Вызови мнѣ кого нибудь сюда.

На средину выходитъ ученикъ, знающій ариеметику немного развѣ хуже самого учителя, но ученикъ маленький, худой, точно щепка; щеки и глаза его ввалились; онъ блѣденъ, какъ смерть. Инспекторъ пристально поглядѣлъ сначала на ученика, потомъ изподлобья на начальника, нахмурилъ брови и покраснѣлъ.

— Знаешь, братецъ, задачу: «летѣло стадо гусей»—спросилъ онъ, немного погодя.

— Знаю, ваше прев-ство, твердымъ, но болѣзненнымъ голосомъ отвѣчалъ спрошенный.

— Такъ разскажи!

— Летѣло, ваше прев-ство, сто гусей, началъ ученикъ:—имъ на встрѣчу попался одинъ, ваше прев-ство, гусь и сказалъ: «здравствуйте, сто гусей»; ему отвѣчали: «насъ, ваше прев-ство, не сто, а еслибъ было столько же, полстолько, четверть столько, да ты, ваше прев-ство, гусь съ нами, тогда-бы..

— Что ты говор..ришь?—грозно прервалъ мальчика инспекторъ, побагровѣвъ.—Я—развѣ гусь? Кто я?—онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Генераль-лейтенантъ и кавалеръ Павелъ Прохоровичъ Толстопузовъ,—едва выговорилъ ученикъ и замеръ отъ страха.

— Славно же они у васъ учатся, нечего сказать,—продолжалъ инспекторъ, обращаясь къ начальнику.—Вы не учите, а мучаете ихъ: вѣдь въ гробъ краше владуть съ!..—онъ указалъ на ученика.—Меня, генерала, назвать гусемъ!—продолжалъ онъ, впадая въ азартъ, меня обозвать гусемъ, когда вся Россія знаетъ, что я, Божіею милостью, генераль-лейтенантъ, когда патентъ на этотъ заслуженный мною чинъ подписанъ самимъ Государемъ Императоромъ? Нѣтъ, нѣ-ѣтъ! Не прощу я вамъ этого, ни за что въ свѣтѣ не прощу!..

— Помилуйте, ваше прев-ство, заговорилъ-было начальникъ,—я тутъ ни причемъ-съ: онъ обмолвился..

— Ка-акъ? вы не виноваты? Нѣтъ, вы одинъ вы, во всемъ

виноваты: вы нарочно подучили его осрамить меня. Это вѣрно. Я давно ужъ замѣчаю, что вы вольнодумецъ, вольтерьянецъ! Я сейчасъ же это донесу, донесу, что вы морите дѣтей голодомъ, калѣчите ихъ, я тебя подъ сѣрую шинель упеку, да упеку! Онъ перевелъ духъ и, обращаясь къ офицерамъ, продолжалъ: А вы во всемъ поддѣлываетесь подъ его манеру, вмѣстѣ съ нимъ разбойничаете и объ васъ тоже донесу. Нѣтъ, врите, не я гусь, а вы, всѣ вы гуси, да не простые, а гуси лапчатые! Тѣфу тѣфу,—заключилъ онъ, и почти бѣгомъ направился вонъ изъ класса.

Всѣ стояли точно вкопанные. Прошло минутъ десять.

— Господинъ полковникъ, инспекторъ давно ужъ уѣхалъ домой,—доложилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А-а?.. Уѣхалъ,—будто съ просонья заговорилъ начальникъ, протирая глаза и озираясь кругомъ.—Расходитесь молвилъ онъ, оправляясь.—А съ вами я ужъ послѣ смотра разсчитуюсь,—добавилъ онъ, гляди на учителя и ученика ариеметики.

Тѣмъ и кончился классный экзаменъ. Въ подобномъ же родѣ кончался онъ постоянно, съ незапамятныхъ временъ. Инспекторъ спрашивалъ всегда одно и то же, а потому и его вопросы, и свои отвѣты кантонисты заучили вдобряжку впередъ. До первоначальнаго класса онъ почти никогда не доходилъ; одinvъ и тотъ же мальчикъ, часто случалось, отвѣчалъ ему въ одинъ часъ въ трехъ мѣстахъ, перебѣгая, по приказанію начальства, изъ участка въ участки. Однимъ и тѣмъ же почеркомъ писались 15—20 тетрадей, ему показанныхъ, и все это благополучно сходило съ рукъ, благодаря, впрочемъ, различнаго рода мзды, которую инспекторъ постоянно увозилъ самъ и доставлялъ ему, отдѣльно, обозами начальникъ изъ благоразумной экономіи. И чѣмъ болѣе находилъ инспекторъ безпорядковъ,—тѣмъ значительнѣе дѣлались приношенія, а за эти-то собственно приношенія онъ еще часто ходатайствовалъ о наградѣ начальства... за «прекрасныя умственные способности, имѣ въ мальчикахъ развитыя...»

По окончаніи смотра, начальникъ заведенія, много лѣтъ сряду, постоянно угощалъ инспектора торжественнымъ обѣдомъ, послѣ котораго онъ объявлялъ, что напелъ заведеніе въ превосходномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи, и уѣзжалъ во свояси.

ХП.

Преступленія, судъ и расправа

131

СМОТРЪ кончился, и будничная жизнь, со всей своею монотонностію, снова вступила въ свои права. Приѣздъ инспектора возбуждалъ въ кантонистахъ надежду, что онъ, быть можетъ, вникнетъ въ ихъ положеніе и хоть въ чемъ-нибудь измѣнитъ его къ лучшему. Теперь оказывалось, что никакихъ улучшеній не предвидится, и тѣмъ тяжелѣе стало на душѣ кантонистовъ. Носились слухи, будто учитель Сибиряковъ ходилъ къ инспектору съ жалобой, но зоркое начальство не допустило его къ нему; стало-быть, можно было рассчитывать, что невзгоды еще усилятся..

Учителей, «людей, занимавшихся воспитаніемъ юношества, — людей, которыхъ должно содержать въ благоприличномъ уваженіи» *), воспрещалось подвергать тѣлесному наказанію. Несмотря на то, ихъ всегда и за все наказывали безъ малѣйшаго стѣсненія; они, забытые, приученные къ дрянью, сносили его, какъ нѣчто должное, неизбѣжное, много лѣтъ сряду. Но вотъ среди учителей появился нѣкто Сибиряковъ, человекъ молодой, развитой и съ пылкимъ характеромъ. Будучи хорошимъ учителемъ, онъ, какъ нарочно, никуда не годился по фронту; а такъ-какъ фронтъ составлялъ наиважнѣйшую часть кантонистской науки, то и не проходило ученья, чтобы онъ не подвергся послѣ него побоямъ, униженіямъ и оскорбленіямъ. Долго терпѣлъ онъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, пошелъ жаловаться инспектору, у квартиры котораго его задержали. Это его не остановило. Онъ склонилъ учителей на общую жалобу, которую написалъ, прочиталъ имъ и отправилъ въ Петербургъ. Нѣкоторое время спустя, по казармамъ разнеслось, будто бы Сибиряковъ укралъ у кого-то изъ учителей часы: его за это арестовали и тотчасъ же предали суду. Въсть эта просто опеломила все заведеніе: въ честности Сибирякова никто не сомнѣвался, и большинство говорило, что ему, за его намѣреніе жаловаться, съ умысломъ подкинули часы, чтобы имѣть право придраться къ нему. Пока тянулось судбище, набѣхалъ ревизоръ, другой ужъ генераль, прошелъ по казармамъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ учителей. Учителя выстроились въ длинную шеренгу и получили приказаніе входить въ слѣдующую комнату по одному.

*) Такъ гласило циркулярное предписаніе по наведеніямъ департамента военныхъ поселеній, отъ 9-го октября 1818 года.

— Сколько лѣтъ въ службѣ?—ласково спросилъ ревизоръ перваго Орлова.

— Двадцать-первый годъ пошелъ, ваше прев-ство.

— И имѣешь нашивки?

— Двѣ-съ, да, кромѣ того, представленъ къ производству въ чиновники*).

— Такъ скажи же мнѣ, братецъ, по совѣсти: сѣкъ тебя начальникъ тогда-то и тогда?

— Виновать-съ, ваше прев-ство, наказали два раза, сорвалось у него съ языка.

— За что именно?

— За неисправности по капральству, которымъ я управляю.

— Въ чемъ неисправность заключалась?

— Съ планокъ кроватей пыль не была стерта, начальникъ это замѣтилъ и изволилъ наказать-съ...

— А другой какой былъ теой проступокъ?

— Не... не... пом... не припомню-съ, въ распахъ...

— Важнѣе перваго, или нѣтъ?

— Въ этомъ же родѣ-съ...

— И шибко посѣкли?

— Ударовъ тридцать угодно было дать.

— Ноди теперь въ смежную комнату, да тамъ не кашлай, не стучи и не прохаживайся.

Орловъ вышелъ по указанію, сталъ у стѣны и задумался.

— Припомни-ка, братецъ, дѣйствительно-ли начальникъ наказалъ тебя недавно два раза, за что именно и по сколько ударовъ?—спрашивалъ, между тѣмъ, ревизоръ второго.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, меня не наказывали.

— Не лги: я достовѣрно знаю, что наказывали.

— Виновать-съ, ваше прев-ство, запомятоваль: точно, два раза отодрали.

— За какіе проступки?

— Разъ—за то-съ, что у кантониста были на ногахъ черныя портянки, а другой разъ—за то, что у двухъ дурно были починены брюки. Брюки чинять себѣ кантонисты сами съ

— А по сколько ударовъ получилъ?

— Въ первый разъ... въ первый разъ... во... во... восемь, а во второй разъ четырнадцать, ваше прев-ство-съ.

— А сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

— Сорокъ-пять лѣтъ, ваше прев-ство.

— Пошелъ вонъ туда, да не разговаривай.

Съ ревизору вошелъ слѣдующій.

*) Когда получили приказъ о производствѣ его, то начальникъ. придержавъ его у себя, сперва выдралъ его, а потомъ объявилъ ему, чрезъ день, такъ что наказалъ его ужъ въ качествѣ чиновника.

— Правда-ли, братецъ, что начальство васъ, учителей, наказываетъ тѣлесно?

— Правда, ваше прев-ство.

— И тебя сѣкли?

— Точно такъ, ваше прев-ство. Самъ начальникъ меня два раза наказывалъ: первый разъ пятьюдесятью ударами — за то, что у нѣкоторыхъ кантонистовъ моего капральства были дурно починены брюки. Но наказанія эти я получилъ сообразно моей винѣ и безъ всякихъ жестокостей.

— Гм!..—произнесъ ревизоръ.—Значить, не претендуешь?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, по благоусмотрѣнію-съ изволили выдрать.

— И то хорошо; ступай. Слѣдующій?

И такъ далѣе; затѣмъ, ввели Сибирякова.

— Ну, а что скажешь ты о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ заведеніи?

— Вамъ угодно знать? Извольте,—твердо заговорилъ Сибиряковъ.—И меня, и всѣхъ учителей наказывали и продолжаютъ жестоко наказывать, не смотря на то, что, на основаніи закона, мы избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Намъ достается за грязныя кантонистскія портянки; за пыль подъ кроватями, за ошибку по фронту, за неисправности капральствъ, которыми мы управляемъ, за недосмотръ, за рваную одежду, за шалости и чесотку кантонистовъ, за ихъ больные глаза. Насъ и кантонистовъ кормятъ скверно, мундиры и куртки мы носимъ рваные: чинимъ все это сами и кто чѣмъ можетъ; матеріаловъ для починокъ не даютъ никакихъ, а требуютъ, чтобы все это было въ лучшемъ видѣ. Вечера проводимъ мы при мерцаньи однихъ тусклыхъ ночниковъ; о казенныхъ свѣчахъ знаемъ только по наслышкѣ. Отъ варварскаго обращенія кантонисты рѣшаются на крайности; топятся въ рѣкѣ и въ отхожихъ мѣстахъ, рѣжуются.

— Да правду-ли ты все это говоришь?—переспросилъ инспекторъ.—Есть же въ заведеніи хоть что-нибудь да хорошее?

— Все, что я сказала вамъ—сущяя правда. Хорошаго здѣсь ровно ничего нѣтъ. Вы близко незнакомы съ нашей жизнью, и, можетъ быть, не повѣрите мнѣ. Тутъ нужно мѣсяца два пожить, чтобы ознакомиться съ дѣломъ.

— А не слыжалъ-ли ты, кто писалъ отъ имени учителей «доносъ» на жестокое съ ними обращеніе? Мнѣ бы это хотѣлось узнать, для дальнѣйшихъ соображеній.

— Самъ я писалъ эту «жалобу».

— Ты-ы? И лицо ревизора просіяло. — А были у тебя сообщники?

— Я писалъ съ согласія всѣхъ учителей вообще, и особенно тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ году наказаны тѣлесно. Я писалъ «не доносъ», а, повторяю, «жалобу».

— Всѣхъ учителей сюда!—закричалъ ревизоръ. Робкою

трусливою поступью вошли учителя.—Кто изъ васъ участвовалъ въ составленіи или переписываніи вотъ этого «доноса?»—
Всѣ молчали.

— Выходи же, кто участвовалъ, не то вызову по фамиліямъ: я вѣдь всѣхъ знаю. Ничто не шелохнулось.

— Такъ изъ васъ никто не участвовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, никто,—единогласно отвѣчали учителя.

У Сибирякова въ глазахъ потемнѣло, дыханіе захватило отъ этого отвѣта. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Слышишь, братецъ, что они говорятъ?—обратился къ нему ревизоръ.

— Вы ничего не знаете?—вмѣшался Сибиряковъ, вспыхнувъ.—Развѣ не вы приставали ко мнѣ написать жалобу? Развѣ не вы, прочитавши черновую, одобрили и просили меня скорѣй послать ее? Наконецъ, не ты-ли, Стрекаловъ, перебѣлилъ мою черновую?

— Нѣтъ, я о доносѣ ничего знать не знаю,—отвѣтилъ Стрекаловъ.

Все смолкло. Учителя старались и дышать-то по возможности тише.

— Ну а хорошо-ли начальство обращается съ вами? спросилъ ревизоръ.—Говорите откровенно.

— Хорошо-съ, очень хорошо, ваше прев-ство.

— И никакихъ вамъ жестокостей никто не причинялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство: мы всѣмъ довольны.

Учителей распустили *). Сибирякова отправили подъ арестъ, а ревизоръ пошелъ допрашивать кантонистовъ 4-й роты, заповѣренныхъ въ участіи въ заговорѣ противъ начальства.

Кантонисты 4-й роты были особенно вооружены противъ начальства и потому не упустили случая надѣлать ему неприятностей.

— Здорово, ребята!—привѣтствовалъ роту ревизоръ. Рота отвѣчала молчаніемъ. Ревизоръ растерялся. У начальника чертики въ глазахъ запрыгали.

— Здорово, ребята!—повторилъ ревизоръ, оправившись. Никто и не пикнулъ. Въ это время раздался трескъ оплеухи. Ревизоръ взглянулъ въ ту сторону, откуда слышался трескъ, и медленно повернулъ глаза къ ротѣ.

— Да что же вы, ребята, молчите?—началь онъ. Недовольны, что-ли, чѣмъ, такъ говорите прямо.

— Недовольны, всѣмъ недовольны, всею нашею жизнью недовольны!

— Кто недоволенъ— шагъ впередъ.

*) Суть описаннаго и отвѣты учителей приведены здѣсь изъ достовѣрныхъ источниковъ — подлиннаго, по этому предмету, дѣла,—отысканнаго нами впоследствии въ одномъ изъ архивовъ военнаго министерства.

Вся рота шагнула впередъ. Ревизоръ нахмурился.

— Въ чемъ же ваша претензія?—спросилъ онъ.

— Всѣмъ говорить нельзя: вамъ насъ не слышать, — отовзался кто-то изъ перваго вввода. Мы выбрали изъ себя троихъ, они вамъ все скажутъ. Прикажите впередъ нашему начальству выйти отсюда, — подхватилъ второй взводъ.

— Господа офицеры и унтеръ-офицеры — въ другую роту маршъ! — молвилъ ревизоръ взволнованнымъ голосомъ. Начальство ушло.

— Выборные впередъ! — продолжалъ ревизоръ. Три кантониста выступили съ разныхъ сторонъ. Звали ихъ: одного Михаилъ Бахманъ, другаго Николай Мараевъ, а третьяго Василій Васильевъ. Всѣ они были стройные, рослые, красивые юноши. имѣли лѣтъ по 18 на видъ. Ревизоръ смѣрился ихъ долгимъ, испытующимъ взглядомъ. Въ комнатѣ слышалось, какъ жужжали мухи. — Чѣмъ же васъ обижаютъ? — спросилъ онъ перваго.

— Чѣмъ насъ обижаютъ? — со вздохомъ повторилъ Бахманъ, покраснѣвъ. При васъ сейчасъ кантонисту задней шеренги разбили въ кровь губы, а вы и видите, и не видите. Неужто вы затѣмъ сюда присланы, чтобы въ вашихъ глазахъ лилась наша кровь? Неужто-жъ и въ васъ, такъ же, какъ въ нашихъ начальникахъ, нѣтъ къ намъ ни капли жалости? Бахманъ остановился и, уставившись своими большими, выразительными глазами въ ревизора, кавалось, замеръ.

— И ты, мальчишка негодный, смѣешь такъ дерзко говорить? Арестовать его!

— Не дадимъ, не дадимъ его арестовать, — крикнула рота. — Арестовать, такъ и насъ всѣхъ арестуйте: онъ говорилъ за всю роту; всякій изъ насъ то же самое сказалъ бы вамъ.

Ревизоръ задумался.

— Что-жъ, арестуйте, я ареста не боюсь: заодно ужъ мнѣ пропадать, — продолжалъ ободренный Бахманъ. — Отъ насъ вонъ и на почтѣ писемъ не принимаютъ: всѣ боятся жалобъ. Но вѣдь у многихъ изъ насъ есть въ городѣ отцы, матери, родственники и отъ всѣхъ ихъ почта не уберезется... Долго-ли, коротко-ли, а наши стоны услышатся-же! Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы, чтобы мы, какъ прежде, кричали: «всѣмъ довольны», — но мы дальше не можемъ молчать и, ежели наша правда глаза колетъ, то этому вина не наша, а тѣхъ, кто довелъ насъ до этого...

— Замолчи, пащенокъ эдакій! — закричалъ ревизоръ, топнувъ ногою. — Какой маленькій, и какой злой! это большой грѣхъ. Говори ты, въ чемъ ваша претензія, — обратился онъ, понижая голосъ, къ слѣдующему выборному Мараеву.

— Я ваше, прев-ство, осмѣливаюсь доложить вамъ вотъ что: мы всѣ обижаемся, затѣмъ приневоливаютъ еврейчиковъ креститься. Узнаетъ, напримѣръ, начальникъ, что завтра будетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ раза два-три въ

годъ человѣкъ по 100, по 200) и ужъ заранѣе шлетъ унтеръ-офицеровъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ близко никого изъ здѣшнихъ евреевъ-солдатъ. Приведутъ ихъ въ казармы, загоняютъ въ холодную комнату, безъ кроватей, безъ тюфяковъ; все, что у нихъ найдется при себѣ изъ съѣстнаго, отнимутъ и запрутъ ихъ подъ замокъ. И валяются они на голомъ полу, стучать отъ холода зубами да плачутъ цѣлыя сутки. На утро прійдетъ къ нимъ начальникъ, за нимъ принесутъ туда нѣсколько чашекъ щей, каши, каравая три хлѣба и десятки пучковъ розогъ. «Что это за люди?» крикнетъ онъ будто самъ не знаетъ. «Жиды», отвѣтитъ ему фельдфебель. «Какъ жиды?» закричитъ онъ во все горло: «откуда они взялись? Ножей, топоровъ сюда, всѣхъ перерѣжу, изрублю въ мелкіе кусочки: жидовъ мнѣ не надо; въ огонь, въ воду всѣхъ ихъ разомъ побросаю; жиды продали Христа, прокляты Богомъ; туда имъ и дорога!» Тѣ, извѣстно, перепугаются, а ему только того и надо. «Эй ты, поди сюда!» зоветъ онъ къ себѣ того изъ еврейчиковъ, кто всѣхъ трусливѣй выглядить. «Кто ты?» — «Еврей». «А?.. Еврей. ну хорошо: я люблю евреевъ, потому самъ былъ евреемъ, крестился такимъ же маленькимъ, какъ ты. и вотъ теперь сталъ полковникъ. Эй вы, евреи! видите на мнѣ какія эполеты? Изъ чистаго золота. Креститесь, и вы будете полковниками и тоже будете носить золотыя эполеты. Желаете креститься—а?» Тотъ молчитъ. «Выбирай любое: или говори «желаю» и иди вонъ въ уголъ обѣдать, или, если не хочешь—раздѣвайся. Все долой съ ногъ до головы; заporю!» Что выбирать? голодъ, извѣстно не свой братъ, розги—страхъ—, ну и отвѣчаетъ «желаю» и идетъ ѣсть. А кого ни страхъ, ни голодъ не беретъ, тѣхъ чрезъ три четвертаго дерутъ, морятъ голодомъ, въ гробъ, можно сказать, вгоняютъ. А крещеные нерѣдко мѣсяца по два, по три послѣ крещенія не знаютъ, какъ ихъ и зовутъ-то по-русски, а молитвы выучатъ развѣ-развѣ чрезъ годъ. Бывало, на повѣркѣ капраль выкликаеть: «Иванъ Петровъ», а еврейчикъ молчитъ. «Ты, жидовская твоя морда, что не откликаешься!» закричитъ капраль и дастъ ему въ зубы. Тотъ съезжится отъ боли, да и стойтъ, точно истуканъ. «Шмуяло Хайловичъ?» повторить капраль. «Я», отзовется еврейчикъ. «Да Хайловичъ ты по-жидовски, а по-русски-то какъ? Ты вѣдь ужъ крещеный, русскій», толкуеть ему капраль. Иной, непонятливый, не одну сотню розогъ получить, пока заучить русское свое имя.

— Ну, а ты что скажешь?—спросилъ ревизоръ третьяго.

— Да осмѣлюсь доложить... —началь Васильевъ:—житья намъ совсѣмъ нѣтъ: холодаемъ, голодаемъ, терпимъ всякія тиранства рѣшительно ни за что, ни про что... Кто начальству денегъ не даетъ кто у него спросить свои, присланныя изъ деревни, изъ дома, того за это бьютъ, дерутъ, да и плакать не велятъ.

Васильевъ что то вспомнилъ и не вытерпѣлъ — заплакалъ.

— Особенныхъ какихъ-нибудь претензій нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ-съ, еще особенныхъ никакихъ нѣтъ, крикнули одни.—Да и этихъ довольно!—подхватили другіе.—Вы эти то разберите по правдѣ, по закону,—продолжали третьи.—Будьте нашимъ отцомъ, покровителемъ; вѣкъ не забудемъ,—кричали четвертые.—Нашему начальству не извольте сказывать о нашей жалобѣ!

— Будьте, ребята, спокойны: все, что могу, я для васъ сдѣлаю. А вы трое идите въ свое мѣсто, да впередъ никогда не будьте ни зачинщиками, ни доказчиками: тѣмъ и другимъ всегда попадаетъ первый кнутъ.

Далѣе, прочитавъ въ ротѣ наставленіе какъ себя вести ревизоръ ушелъ, въ сопровожденіи начальства.

Начальникъ, въ свою очередь, углубился въ сочиненіе отвѣтовъ на множество заданныхъ ему вопросовъ, и совершенно забылъ, на время, и роту бунтовщиковъ и выборныхъ. Отвѣты его были, по истинѣ, замѣчательны. Такъ, на вопросъ: почему онъ наказалъ тѣлесно двухъ учителей, имѣвшихъ по двѣ нашивки, онъ отвѣтилъ: «учителя съ нашивками, во вниманіе долговременной и безпорочной ихъ службы, точно были имъ подвергнуты легкому наказанію, за проступки, не заслужившіе донести о лишеніи ихъ нашивокъ». По какому случаю онъ наказалъ учителя 60 ударами за запачканный кантъ, онъ отозвался: «Учитель наказанъ 60 лозонами во вниманіе молодости лѣтъ и дабы не дать ему повода къ подобному поступку». На вопросъ: почему, вопреки распоряженію 1818 г., онъ вообще наказывалъ учителей, начальникъ отозвался такъ: «имѣя въ виду распоряженіе 1833 г., которымъ дозволялось наказывать учителей тѣлесно, не выходя изъ предѣловъ власти, онъ руководствовался имъ, а не распоряженіемъ 1818 г., воспрещавшимъ ихъ наказывать; измѣнить же это правило (т. е. не наказывать) онъ не считалъ себя вправѣ». Кроме того, ему частнымъ образомъ извѣстно, что его знакомый, командиръ образцоваго полка, на сдѣланный имъ гораздо позже того вопросъ: можно-ли наказывать учителей тѣлесно, получилъ отъ департамента военныхъ поселеній утвердительный отвѣтъ.

Прошло дня два. Въ воскресенье по казармамъ объявили, что ревизоръ уѣхалъ. Кантонисты пообѣдали. За роспускомъ многихъ со двора и за уходомъ: однихъ—на базаръ, другихъ—за магазины, на лицо въ 4-й ротѣ осталось немного кантонистовъ. По случаю правдника они играли въ жгуты, въ чехарду, въ костяжки, въ камешки.

Въ это время, на одной изъ кроватей задней линіи, задумчиво сидѣли знакомые читателю кантонисты: Бахманъ, Мараевъ и Васильевъ—депутаты, объяснявшіеся съ ревизоромъ.

— Во всемъ-то намъ, братцы, не везеть,—говорилъ Бах-

манъ, вздохнувъ. Теперь мы окончательно пропали. Такъ я думаю.

— Еще бы не пропасть!—подхватилъ Васильевъ.—Учительшки-то, вонъ, струсилы,—ну, и Сибиряковъ погибнутъ.

— Ну, ихъ, учителей! Самимъ грозитъ бѣда; не дальше, какъ завтра, объ эту пору, намъ, пожалуй, придется ужъ лежать въ лазаретѣ... изсѣченными.

— Бѣжимъ, братцы!—вполголоса молвилъ Мараевъ.

— Куда?—спросили товарищи.

— Да куда глаза глядятъ, только бѣжать, и бѣжать сегодня же, пока насъ еще не засадили.

— А ну, какъ поймаютъ?

— Хотите вмѣстѣ — насъ ни за что не найдутъ. Я найду домой, возьму тамъ, потихоньку, каравай хлѣба, соли, ляжку говядины, вольную одежду, свою—для себя, братнину—для тебя, Миша, ты, Вася, забѣги къ себѣ домой тоже захвати ъдомое, да одежду. Сойдемся. потомъ, за амбарами, переодѣнемся, проклятую свою аммуницію бросимъ у рѣки: пускай ее найдутъ! Скажутъ: утонули. А мы себѣ спрячемся подалеже подъ-мостъ, на нѣсколько дней, а тамъ передадимся татарамъ и уѣдемъ съ ними. Денегъ у меня тоже припасено 5 руб., у тебя, Миша, рубль, да ты, Вася, выпроси, либо стащи у матери, сколько-нибудь и горевать нечего будетъ. Согласны, братцы?

— Не сбыться этой затѣй: поймаютъ, безпремѣнно поймаютъ и тогда совсѣмъ заперютъ,—настаивалъ Васильевъ.

— Нельзя этого,—горячо молвилъ Васильевъ.—У меня мать, да сестра съ горя пропадутъ, если я бѣгу.

— А обо мнѣ развѣ некому плакать?—перебилъ Мараевъ.— И отецъ, и мать, и братъ, и сестры меня самого любятъ ничуть не хуже твоего; я ихъ тоже люблю и жалѣю. Ну, да они насъ отъ ровогъ не спасутъ! Да куда! чрезъ нихъ то намъ и достается втрое больше другихъ, у кого родныхъ нѣтъ. И ротный, и фельдфебель пронюхали, напимѣръ, что у моего отца деньги водятся, и требуютъ, и клячатъ безпрестанно. Онъ давалъ, давалъ имъ, ненасытнымъ да и пересталъ. На нихъ, говорить, не напасешься денегъ, самимъ надо. И правда: работникъ онъ у насъ одинъ; день-деньской сидитъ вонъ въ казначействѣ, да считавши казенные капиталы, отпускаяши ихъ господамъ, да принимавши откуда принесутъ — всѣ глава перепортилъ, въ очкахъ ужъ худо видитъ. Ему самому пора-бы ужъ на отдыхъ, а тутъ домъ, семья, всѣмъ надо пить-ѣсть, одѣваться, обуваться и все такое прочее... Да и шутка-ли дѣло—25 лѣтъ оттрубилъ казнѣ. раненъ въ бокъ, въ ногу, получилъ за это три креста, а денегъ ни гроша... Ну, поневолѣ сидитъ въ казначействѣ счетчикомъ 15-й годъ. Такъ вотъ, какъ отецъ пересталъ давать, имъ денегъ, они осерчали на него и бьютъ, и дерутъ за это меня съ братомъ. Много разъ умолялъ я отца помочь намъ, а

онъ говорить: «пособить, говорить, деньгами не могу: всё ужъ повысосали. Терпи, говорить, пока можешь, авось намъ удастся вырвать тебя изъ ихъ когтей *). Выйдешь, говорить, на волю, много надо будетъ денегъ на приписку тебя въ купцы. Я хочу, говорить, чтобъ хоть ты у меня былъ *вольный* человѣкъ». И поглядить меня, бывало, по головѣ таково ласково, поглядить мнѣ въ лицо, дать гривенникъ на гостинцы, — да и пошлетъ меня съ братомъ гулять. Пока дома сидишь—на сердцѣ легко, а какъ вернешься въ казармы—не глядѣль бы ни на что и ни на кого!.. Когда эта воля выйдетъ, Богъ вѣсть! Говорять, по году и по два ходить бумаги—ну, а до тѣхъ поръ три раза околѣешь отъ розогъ и побоевъ. Я ужъ и ждать-то ее отчаялся,— не стану! Скажи, Вася, кстати: за что это ротный постоянно тебя дразнить: «матушкинъ сыночекъ; ему бы только и сидѣть подъ подоломъ сестрицы». Тутъ тоже, что нибудь, да кроется?

— Извѣстно не даромъ,—грустно отозвался Васильевъ.— У него, видишь-ли, глаза разгорѣлись на сестру, потому красивая она, молодая, да стройная, какъ рѣдкая барышня. Съ годъ тому назадъ, шелъ я, однажды, съ нею по улицѣ, онъ увидалъ ее и безъ зазрѣнія совѣсти повадился ходить къ намъ и строить ей куры. «Полюби, говорить, меня красавица», да и все тутъ. А мать-то проста и говорить: «Эдакого-то человѣка полюбить? да вы, говорить, съума никакъ спятили! Вы намъ не ровня, идите себѣ своей дорогой, а насъ оставьте въ покоѣ. Моя дочь, говорить, вовсе не такая, чтобы всякій встрѣчный и поперечный могъ ей навязываться съ своею любовью...» И сколько она ему ни говорила, какъ сестра его ни конфузила, и сколько отъ него ни пряталась, а онъ все не отставалъ, все хотѣлъ сбить ее съ панталыку. Сидитъ она разъ дома, наклонившись надъ работою; шьетъ себѣ. Вдругъ онъ входитъ, подкрадывается, потихоньку, къ ней сзади; облапилъ, да и поцѣловалъ ее въ самыя губы. Сестра, не будь промахъ, рванулась впередъ, да какъ свиснетъ его, со всего размаху, по рожѣ,—такъ ажно стѣны задрожали. Матушка была въ то время въ сѣняхъ, услышала трескъ пощечины и вбѣжала въ комнату. А сестра-то въ слезахъ. Обругала мать ротнаго сквернымъ словомъ, да съ кочергою въ рукахъ и выпроводила его за ворота. Съ тѣхъ поръ онъ и носу не кажетъ. Зато съ того же дня сталъ мстить мнѣ, мстить—ужасно. Я однажды пѣлъ одинъ пѣсню, въ полѣ, гдѣ рѣшительно никого не было. Онъ услыхалъ—сейчасъ меня драть (голосъ вишь ты портилъ). Волосы у меня велики—драть; остригусь,—опять драть: зачѣмъ, дескать, коротки волосы. Словомъ за все драть. Но ему и этого

*) Отставнымъ солдатамъ отдавали прежде, въ видѣ особенной милости, для призрѣнія въ старости, одного изъ сыпоевъ, если ихъ было кантонистами—два-три, и если самъ проситель былъ раненый. Отдавали также и вдовъ солдатъ, убитыхъ на войнѣ.

мало: едва подойдетъ праздникъ, онъ непременно ужъ придетъ къ чему-нибудь и домой не пускаетъ. Тамъ, со своими, хоть горе-то свое выплачешь, на сердцѣ все легче станеть, а изъ-за него проклятаго, и это рѣдко удается... А вѣдь какъ хорошо дома-то!..

Васильевъ вытеръ кулакомъ катившуюся по щекѣ слезу, опустилъ голову и замолчалъ.

— Вамъ, братцы, хорошо: хоть есть родные, есть съ кѣмъ поговорить по душѣ, а вотъ мнѣ-то каково? началъ Бахманъ, тоскливо поглядывая на товарищевъ.— Отца я совсѣмъ не помню. Мать, больная и бѣдная,—кормила меня подаянемъ и мы по-своему были довольны, пожалуй даже счастливы. Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, меня схватили, однажды, на улицѣ и стащили въ острогъ. Тамъ я нашелъ человѣкъ 15 такихъ же, какъ я, горемыкъ. Всѣ они были по-парно скованы по ногамъ. Меня тоже сковали съ однимъ. Начали мы съ нимъ знакомиться. Онъ спрашиваетъ:— Ты какъ попался? Такъ и такъ, говорю. Ну а я, говорить, три года сряду прятался; и въ стогѣ-то сѣна леживалъ сутокъ по двое голоднымъ, и въ печкѣ-то чуть не задохся отъ жары, и въ подпольѣ съ крысами укрывался подъ соломою, и по лѣсу-то вмѣстѣ съ матерью бродилъ въ страшные морозы, и промежду могилками-то на кладбищахъ не разъ съ нею ночевывалъ. Гдѣ-гдѣ только не скрывался я отъ рекрутства,— а вотъ попался-таки. И вѣдь какъ? По милости тетки, чтобъ ей ни дна, ни покрывки не было. Ей, видишь ли, кагальники (сотскіе) гуся *) подарили, она меня за него, за гуся то и выдала имъ съ головой. Съ недѣлю лежалъ я послѣдній разъ зашитымъ въ перинѣ, дышалъ, ѣлъ, пилъ сквозь дырку, а мать убирала за мной, точно за груднымъ ребенкомъ. Вдругъ слышимъ, кагальные идутъ къ намъ. Мать мигомъ раздѣлась, легла на постель, на мнѣ значить, да и заохала, застонала, будто больная. Кагальные пошарили, для близира, на печкѣ, въ сѣняхъ, подошли къ кровати, поглядѣли на мать, стащили ее, безъ церемоніи, на полъ, распоролы, по срединѣ, перину, вытащили меня изъ нея всего въ пуху, да и приволокли въ острогъ. Посидѣвши недѣли съ двѣ закованными, попали мы въ рекрутское присутствіе, сдали насъ въ рекруты. Мы и этому обрадовались: хоть кандалы-то сняли, а то просто измучился, бывши закованнымъ вдвоемъ.

Отправили насъ въ губернский городъ. Мать потащилась за мною пѣшкомъ. Дорогою конвойные и били ее, и издѣвались надъ нею, сколько хотѣли. Ѣдемъ, бывало, дорогою, они ее сперва посаждать на задокъ подводы, гдѣ я сижу. поѣдутъ пошибче, да какъ только телѣга сравняется съ ямою, болотомъ, или лужею,— такъ они столкнутъ ее, а сами ударятъ по лошадамъ. Она уша

*) Кантонистъ, выданный теткою за гуся, служить теперь въ Петербургѣ чиновникомъ.

деть лицомъ прямо въ грязь, а они-то хохочуть во все горло, любятъся, какъ она потомъ бѣжить за нами въ догонку верстъ пять-шесть, не переводя духу. Потомъ приостановятъ лошадей, посадятъ ее и, немного погодя снова столкнутъ и снова потѣшаются. Я не смѣлъ не только заступиться за нее, но и шкнутъ. И все это она изъ-за меня выносила! Бывало, украдкою поцѣлуетъ меня, поплачетъ надо мною. Наконецъ конвойнымъ надоѣло издѣваться надъ нею и они ее представили въ этапъ, а этапъ отправилъ, подъ конвоемъ, обратно въ городъ, какъ безпаспортную... А что тамъ было дѣлать, коли у ней не было ни кола, ни двора?..

Изъ губерніи погнали насъ, человѣкъ 200, сюда. Шли мы дорогою, въ слякоть, въ морозы голодали, холодали на пропа-лу. Кормили насъ всякою дрянью, бѣлье мы себѣ мыли сами, на дневкахъ; а ужъ какъ вымывали — и говорить нечего: 16-лѣтнихъ было всего человѣкъ 40, а то все 10, 12 и 14-ти лѣтъ. Одежда наша была: шинель, да полушубокъ. Съ усталости, да отъ холоду, мы, случалось, по нѣсколько дней сряду совсѣмъ не раздѣвались; валялись въ грязи, на полу, оттого къ намъ всякая нечисть приставала: и вши то, и чесотка. Зачешется, бывало, бокъ или ляжка, сунешь туда руку, вытащишь полпригоршни вшей, или блохъ, бросишь ихъ на землю, да и топчешь ногами. руками ужъ очень долго ихъ убивать. И въ полушубкахъ-то вши развелись. Терпѣлъ, терпѣлъ я, да выпросилъ, разъ, на дневкѣ, у хозяйки ножницы, и выстригъ весь мѣхъ на полушубкѣ такъ, что осталась одна кожа. Надѣлъ полушубокъ — легко, тѣло не зудится, не чешется. Я похвастался другимъ рекрутамъ; тѣ, на меня глядя, тоже испортили свои полушубки. А на утро морозъ и мы, идучи на станцію, чуть не замерзли отъ стужи: кожа-то не грѣла. Узналъ про это партіонный и, струсилъ ли онъ, или ему насъ жалъ стало, только къ вечеру же истопили, на станціи, нѣсколько бань разомъ, обмыли насъ, выжарили на полкахъ нашу одежду и дали новые полушубки. Чревь нѣсколько станцій вши снова обсыпали насъ. А къ взрослымъ рекрутамъ, которые были большею частію паршивыми еще дома, и подойти близко нельзя было: отъ нихъ такъ и разило падалю, точно дохлой кошкой, что-ли. Они, вишь ты, нарочно это дома на себѣ парши развели, чтобъ увернуться отъ рекрутства. Надрѣжутъ, знаете-ли, кожу на головѣ, на рукѣ, али на ногѣ, вольютъ внутрь надрѣзаннаго мѣста скипидару, ворвани, или купоросу, да то и дѣло расковыриваютъ рану-то. Оно, конечно, больно; ну, а все легче рекрутчины-то. Думаютъ: паршиваго не возьмутъ; люди смердящіе, съ прогнившими костями, съ пархатою головою въ службѣ не годятся. Ну, а ежели три раза кряду забрѣютъ затылокъ, тогда совсѣмъ лафа будетъ *). У иного въ нѣсколько дней всѣ волоса выль-

*) Забрагованный три раза сряду, ежегодно, освобождался на всегда отъ рекрутства.

зуть, вся голова загниётъ, гной потечетъ по лбу, по затылку, за ушами; на шеѣ сядутъ желтыя болячки, на ногѣ виднѣется кость, мясо около нея зазеленѣетъ, заплѣснѣетъ, нога распухнетъ; пойдутъ огромныя волдыри, короста. Мучается, мучается, а проку мало. Приведутъ, бывало, такихъ молодцовъ въ присутствіе, вложить въ ихъ бумаги по красненькой и всѣмъ живо забрѣютъ лбы, а потомъ прикажутъ солдатамъ лечить ихъ. Тѣ и начнутъ ихъ водить, черезъ каждые двое сутокъ, въ баню, мазать имъ, на полкѣ, раны крѣпкою водкою, дегтемъ съ солью и парить ихъ вѣниками до полусмерти. Болячки, потомъ по немногу засохнуть, точно кора на деревѣ, солдаты примутся отдирать съ нихъ эту кору, а они поднимаютъ гвалтъ на всю казарму. Какъ сдерутъ струщья-то, такъ человекъ, бывало, стоитъ совсѣмъ безъ кожи: одно мясо красное.

Мѣсяцевъ чрезъ 5 пути, мы добрались сюда. Здѣсь насъ насильно крестили и бросили на произволь судьбы. Купайтесь, дескать, въ этомъ болотѣ, сколько душѣ угодно, а изъ насъ, вашихъ крестныхъ, никому вы больше не нужны. Живи потомъ одинъ и мучайся въ этомъ омутѣ; никто-то тебя не пожалѣетъ, всѣмъ-то ты чужой... Кто, примѣрно спросить, меня теперь приласкаетъ отъ души, кто приголубить? Мать, что-ли? Да жива-ли она, гдѣ она, да и приголубить-ли еще она меня, крещенаго-то? Вѣдь крестился, значить отъ родныхъ отступился... Вотъ эдакимъ путемъ вся внутренность во мнѣ изныла. Житья нѣту! Я руки на себя наложу.

Мараевъ мрачно глядѣлъ передъ собою. Вдругъ онъ ожилъ.

— Сказано: бѣжать, молвилъ онъ:— что бобы-то тутъ разводять. Идетъ, что-ли?

— Идетъ,—дрожащимъ голосомъ отозвался Васильевъ.

— Ну, а ты, Миша?

— Я?... и я... покончу...—подтвердилъ Бахманъ, махнувъ рукою.

— Такъ идемъ собираться въ путь-дорогу,—настаивалъ Мараевъ. Какъ только стемнѣетъ, чтобъ нашего и духу больше здѣсь не пахло.

— Собираться, такъ собираться,—повторилъ Бахманъ.—Не красна и жизнь-то, жалѣть не о чемъ. Кончить лучше сразу, да и баста.

Друзья разошлись въ равныя стороны.

Ночью, когда всѣ уже спали, произошло необыкновенное происшествіе: одинъ изъ кантонистовъ второй роты увидаль чорта.

— Карауль, чортъ, чортъ, карауль!—заревѣлъ онъ благимъ матомъ. Карауль, чортъ, чортъ, карауль!—подхватили прочіе

часовые. Караул! повторилось эхомъ въ отдаленныхъ комнатахъ.

Кантонисты повскакали съ кроватей. Поднялся шумъ, гамъ. Все столпилось у входа въ ретирадное мѣсто, откуда раздавался крикъ.

— Благо попался, надо поймать его, этого чорта кричали кантонисты:— всѣ бока ему переломать.

— Это онъ наши сапоги по ночамъ носить: къ утру весь глянецъ пропадаетъ!

— А гогочеть-то въ трубѣ. а свичеть-то въ окнахъ, все вѣдь, братцы, онъ же, этотъ самый чортъ.

— Тащите, братцы, скорѣе образъ сюда!

— Лучше, братцы, въ бутылку его заманить, да пробкою закупорить; пусть его тамъ издохнетъ. Несите бутылку-то.

— А поди-ка подставь ее, коль храберъ, авось на мѣстѣ же задушить. Боекъ больно, такъ покажи свою удалъ.

— Что за крикъ! Кто тамъ?—допытывались переполошившіеся унтера и фельдфебель.

— Чортъ стоитъ въ ретирадѣ, кантониста душить, давить, колеть голосили со всѣхъ сторонъ.

— Унтеръ-офицеры одѣться въ форму!—скомандовалъ фельдфебель. Зайцевъ, бѣги за дежурнымъ офицеромъ. Живо!

Явился дежурный офицеръ и, протирая сонные глаза, спросилъ, что случилось.

— Чортъ, ваше бродье, душить въ ретирадѣ кантонистовъ,—отвѣчалъ наобумъ фельдфебель, тоже еще неочнувшійся порядкомъ.—Что прикажете дѣлать?

— Какой тамъ чортъ! Сами вы всѣ черти, дьяволы. Ничогда спокую не дадите, проклятые! Огней сюда! Унтеръ-офицеры впередъ! Тесаки на-голо!

— Слушать команду! Унтеръ-офицеры перекрестились: тесаки на перевѣсъ, напри дверь и дружно, сразу отворить. Разъ два, три! Унтера принатужились и, однимъ напоромъ растворивъ настежь дверь, влетѣли, до половины, въ ретирадное мѣсто, но тотчасъ же отскочили обратно къ двери и въ замѣшательствѣ погасили почти всѣ огни. Самъ дежурный попятился, въ виду такихъ критическихъ обстоятельствъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ неровнымъ голосомъ, отойдя подалеже отъ дверей.

— Стоитъ, какъ есть стоитъ надъ самою дырою,—отвѣчали унтера, двигаясь еще больше назадъ.

— Да кто стоитъ?

— Извѣстно кто: чортъ, ваше бродье.

Всѣ остолбенѣли. На окнѣ ретираднаго мѣста стоялъ ночникъ и огонекъ свѣтильни чуть-чуть тендились; на томъ мѣстѣ потолка, гдѣ должно было висѣть ночнику, дѣйствительно что-то стояло.

— Унтеръ-офицеры, тесаки на руку и впередъ маршъ!—

Многострадаальые.

командоваль офицеръ. Но ни чортъ, ни унтера не трогались съ мѣста.

— Что же? послушаться?... Всѣхъ передеру, разжалую, сквозь строй прогоню! Бери его приступомъ, хватай!

— Позвольте мнѣ, ваше бродье, войти туда,—молвилъ коренастый, здоровый кантонистъ, лѣтъ двадцати-двухъ. Онъ находился въ умывальнѣ, для уборки, и частенько вынашиваль на дворъ по ночамъ ушаты съ нечистотами. Я никакихъ чертей не боюсь,—продолжалъ онъ:—потому привыкъ по ночамъ шататься, да и черти, что люди—разные бываютъ: и смиренные, и озорники.

— Сдѣлай милость, иди, ласково заговорилъ дежурный: ступай, любезный, да смотри, осторожнѣй, не ровень часъ... сохрани Богъ, схватить.

— Не беспокойтесь, ваше бродье. Пропустите ка, ребята!

Онъ взялъ свѣчку и вошелъ въ ретирадное мѣсто, оставивъ позади себя настѣжь раствореную дверь. У зрителей захватило дыханіе.

— Да это, ваше бродье, не чортъ, а кантонистъ,—громко заговорилъ Ивановъ, остановившись предъ воображаемымъ чортомъ.

— Кантонистъ?.. Неужто кантонистъ? — тревожно спросили разомъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Ну да, кантонистъ, — повторилъ Ивановъ, взглядывая вверхъ.—Михайло Бахманъ! Я его коротко зналъ.

— Да что же онъ?

— А повѣсилъ.

— Да изъ-за чего?

— Знать жизнь-то больно, ваше бродье, красна. Прикажете стащить его съ петли-то?

— Нѣтъ, не трогай. Посмотри хорошенько, онъ-ли еще это, а ежели онъ, то на чемъ повѣсилъ и не живъ-ли еще?

— Онъ-то онъ, ваше бродье. Ивановъ повертѣлъ висѣвшаго Бахмана кругомъ и потомъ щелкнулъ его пальцами по носу.— А повѣсилъ онъ на полотенцѣ и оно ужъ порвалось: тяжель больно. Нарочно, шельмецъ, испортилъ новое полотенце, а оно вѣдь казенное, за него каптенармусъ житья не дастъ. Подай, дескать, въ сдачу.

Удостоверившись въ дѣйствительности случившагося, дежурный заперъ дверь на замокъ, поставивъ часоваго и ушелъ. Фельдфебель, унтера и кантонисты тоже разошлись. Утромъ тѣло Бахмана сняли съ петли, унесли въ часовню лазарета, а сутки черезъ трое завернули трупъ съ ногъ до головы въ холстъ и, положивъ въ наскоро сколоченный ящикъ, взвалили этотъ «гробъ» на телѣгу. Кучеръ со сторожемъ свезли его за околицу и закопали въ болотѣ, на кладбищѣ самоубійцъ. Тѣмъ и кончилась жизнь этого несчастнаго юноши.

На четвертый день послѣ погребенія Бахмана, Мараеваи

Васильева исключили изъ списковъ, какъ безъ вѣсти пропавшихъ, распространивъ по заведенію слухъ, будто они утонули— о чемъ начальство заключило по найденной на берегу рѣки ихъ одеждѣ.

Вскорѣ послѣ трагической смерти Бахмана, заведеніе внезапно было взволновано печальными новостями: Сибирякову вышло рѣшеніе. Его разжаловали въ рядовые, наказали 150-ю ударами розогъ и сослали въ гарнизонъ. Начальнику дали выговоръ за беспорядки по заведенію. А еще недѣли двѣ спустя, въ казармы привели Мараева, закованнаго въ кандалы. Убѣжавъ изъ заведенія, онъ хотъ и успѣлъ перебраться, вмѣстѣ съ Васильевымъ, въ сосѣднюю губернію, но отыскивая тамъ безопасное убѣжище, они забрели въ какой-то городишко, гдѣ о остались ночевать. Мараевъ пошелъ на базарѣ купить провизіи и заспорилъ съ торговкою. Торговка крикнула сотскаго, который стащилъ его въ полицію. Тамъ его начали допрашивать: чей да откуда, но онъ упорно молчалъ цѣлыхъ трое сутокъ. Этимъ онъ давалъ Васильеву, знать, чтобъ скрылся. Потомъ признался и былъ отправленъ по этапу въ заведеніе. Здѣсь его засадили на гауптвахту и предали суду. Главное начальство рѣшило наказать его 100 ударами розогъ. Ночь предъ наказаніемъ Мараевъ провелъ въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Утромъ долго, горячо молился, а когда пришелъ за нимъ конвой, онъ молча, простился со своими сожителями по гауптвахтѣ, шепнулъ одному изъ нихъ что-то на ухо и смѣло, рѣшительно отправился за полученіемъ опредѣленнаго наказанія за побѣгъ.

Предъ выстроеннымъ на плацу фронтомъ кантонистовъ не терпѣливо ожидалъ Мараева, какъ коршунъ добычу, Курятниковъ. Около него стояли барабанщики и лежало пучковъ 100 розогъ, вымоченныхъ, въ горячей соленой водѣ.

Очутившись на лобномъ мѣстѣ, Мараевъ оглянулся кругомъ и позеленѣлъ отъ страха.

— Раздѣнься-ка, каналья ты эдакая, молвилъ начальникъ:— все, все долой. Я вотъ тебѣ покажу, какъ бѣгать.

— Ваше высокородіе, помиуйте, сжальтесь надо мной! взмолился-было Мараевъ.

— Спусти прежде шкуру съ шеи до пять, а потомъ, пожалуй, и помиую. Раздѣвайся же!

— Такъ прочтите, ваше высокородье, хотъ вотъ эту записку впередъ, а тамъ... Мараевъ вынулъ изъ-за обшлага шинели крѣпко свернутую бумажку, въ которой ровно ничего не было писано и, придвигаясь къ начальнику, подалъ ее ему.

Начальникъ взялъ въ руки бумажку и внимательно началъ ее раскручивать. Въ это самое время Мараевъ схватился обѣими руками за его эполеты, съ быстротою молніи сорвалъ одинъ совершенно прочъ, а другой на половину, ударилъ вырваннымъ эполетомъ начальника по щекѣ и потомъ началъ ком-

кать, мять эполетъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи. Поступокъ Мараева точно громомъ поразилъ весь фронтъ. Начальствующие остолбенѣли, а подначальные чуть не запрыгали отъ радости*)

— Отнять эполетъ и взять его!—отчаянно заревѣлъ Курятниковъ, опомнившись. И офицеры, и фельдфебеля бросились на Мараева и хоть съ большимъ трудомъ, но отняли у него измятый эполетъ, а самого повалили на полъ.

— Раздѣть его до нага, растянуть на скамейкѣ и начать въ пересыпк-ку-у!.. — неистово ревѣлъ начальникъ, надѣвая эполетъ.

Одежда Мараева моментально превратилась въ клочки, а самъ онъ очутился на скамейкѣ; на головѣ и на ногахъ его сидѣли солдаты, а два барабанщика ужъ рвали розгами живое мясо изъ его тѣла. Ему отсчитали болѣе 400 ударовъ и полумертваго стащили въ лазаретъ.

Затѣмъ началось вторичное судьбище, вслѣдствіе котораго послѣдовало новое рѣшеніе: «Мараева, какъ неимѣвшаго въ день содѣянія преступленія совершенныхъ лѣтъ (ему было 16 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ отъ роду), на основаніи 107 и 937 ст. I кн. 5-й части свода военныхъ законовъ, не наказывая тѣлесно, лишитъ всѣхъ правъ состояніи и сослать въ каторжную работу, въ крѣпостяхъ, на восемь лѣтъ». Замѣчательно въ этомъ дѣлѣ было то, что оно прошло черезъ пять инстанцій и ни одна не уврѣла, что начальникъ противозаконно наказалъ Мараева,— слѣдовало, по закону, судить его снова и подвергнуть наказанію по совокупности преступленій. Мараева привели въ канцелярію и безъ всякой уже торжественности одному прочитали рѣшеніе. Въ тотъ же часъ отправили его въ губернское правленіе, а оттуда въ острогъ. Выходя изъ канцеляріи, Мараевъ,— уже страшная, неузнаваемая тѣнь прежняго красиваго, здороваго юноши,— прощаясь съ окружающими его товарищами, занимавшимися въ канцеляріи (въ числѣ ихъ былъ и пишущій сіи строки), искренно радовался своему избавленію отъ кантонистской жизни. По своему простодушію, онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы жизнь въ каторжной работѣ могла быть хуже житья въ заведеніи кантонистовъ. И, судя по «Запискамъ изъ Мертваго дома», это совершенно основательно.

Послѣдній актъ трагедіи, въ которой были главными дѣйствующими лицами трое юношей, разыгрался нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ канцелярію заведенія привели однажды, подъ конвоемъ, высокаго, здороваго мужчину, лѣтъ 25-ти на видъ, въ арестант-

*) Между кантонистами и даже солдатами тогдашняго времени твердо вѣрили въ неизвѣстно откуда занесенный слухъ, будто офицеръ, съ котораго сорвутъ эполеты, тѣмъ самымъ лишается офицерскаго званія.

ской одеждѣ, въ кандалахъ, съ длинными, русыми волосами и такого же цвѣта бородою. То былъ Василій Васильевъ. Сзади конвоя стояла молодая женщина, довольно красивой наружности, держа за руку хорошенькаго мальчика лѣтъ шести. Женщина была жена, а мальчикъ—сынъ Васильева. Широкое, мускулистое лицо Васильева болѣзненно передергивалось, а большіе, голубые, глаза его лихорадочно блуждали, переходя съ одного предмета на другой. Исторія странствія Васильева по бѣлу свѣту и роковаго возвращенія въ заведеніе была довольно коротка. Пробравшись верстъ 400 отъ мѣста расположенія заведенія, онъ досталъ какимъ-то путемъ чужой паспортъ, вашибъ, затѣмъ, трудомъ да бережливостью, копѣйку, отшелъ еще нѣсколько отъ большого тракта и поселился въ маленькомъ городишкѣ. Тамъ онъ занялся кое-какою торговлею, и, наконецъ, женился. Черезъ годъ у него родился сынъ. Тихо мирно прожилъ онъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ. Повременамъ онъ впадалъ въ грусть, скучалъ по матери, по сестрѣ и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ выпивкѣ. Разъ, будучи навеселѣ, выболталъ онъ неосторожно тестю свою кручину, а тотъ, поссорившись съ нимъ изъ-за чего-то, въ пылу гнѣва, выдалъ его полиціи. Полиція сперва высосала изъ него, въ короткое время, всѣ его средства, а потомъ засадила его въ острогъ, затѣяла переписку, по милости которой онъ и очутился въ канцеляріи. Жена его отправилась за нимъ вмѣстѣ съ сыномъ.

— Такъ ты, братецъ, такъ-таки и не хочешь сознаться, что ты—кантонистъ Василій Васильевъ?—спрашивалъ его въ канцеляріи уже новый начальникъ. — Вѣдь есть улики. Станешь заператься, тебѣ же хуже будетъ.

— Нѣтъ я не кантонистъ, а мѣщанинъ, — это видно изъ моего паспорта,—грубо отвѣчаетъ арестантъ, потупивъ голову.— Меня страшать нечего; я ни какихъ уликъ не боюсь.

— Выдь ка, матушка, сюда и погляди, не онъ-ли твой братъ? продолжалъ начальникъ, повернувъ голову къ боковой двери. Изъ двери вышла блѣдная, изнуренная молодая женщина. Взглянувъ на арестанта, она пошатнулась, остановилась, шагнула еще впередъ, опять остановилась и, зарывавъ, оперлась на столъ.

— Ну, что, матушка, онъ что-ли твой братъ, или нѣтъ? спросилъ начальникъ.—Скажи по совѣсти, и разомъ покончимъ эту комедію.

— Онъ, батюшка, онъ, мой братъ Вася, сквозь слезы заговорила монашенка:—Вася, голубчикъ, вѣдь это ты, ты, мой сердешный! добавила она и бросилась-было къ нему на шею.

— Убирайся прочь отъ меня! озлобленно крикнулъ арестантъ и оттолкнулъ отъ себя монашенку.—Кой тутъ чортъ: братъ Ишь побраталась. .

Но монашенка не унималась, рыданіямъ и причитаніямъ

ея не было конца. Не смотря на упорное отрицаніе со стороны Васильева, начальникъ вынесъ изъ этой сцены убѣжденіе въ его виновности. Судьба его была рѣшена.

Васильева прогнали сквозь строй и сослали въ арестантскія роты за шестилѣтнее нахожденіе въ бѣгахъ, за поддѣлку паспорта и упорное заперательство. Сына его взяли въ кантонисты, какъ человѣка, рожденнаго отъ кантониста, а жена, чаявшая освободить мужа, видѣвши экзекуцію надъ нимъ и лишившись не только его, но и сына, сошла съ ума и кончила жизнь самоубійствомъ.

Здѣсь кстати, впервыхъ, замѣтимъ, что давилось, топилось и бѣгало очень много кантонистовъ, а во-вторыхъ расскажем другой случай. Въ заведеніе, однажды, привели сѣдаго старика, лѣтъ 50-ти, когда-то, въ молодости, отлынявшаго отъ поступленія въ кантонисты. У старика были не только сыновья, но и внуки. Судили его, судили и, наконецъ, во вниманіе къ чистосердечному его сознанію, старости и неспособности къ боевой службѣ, рѣшили: не наказывая его тѣлесно, опредѣлить въ кашевары на солдатскій 25-ти-лѣтній срокъ. Такимъ образомъ, онъ могъ рассчитывать на отставку не ранѣе, какъ на восьмидесятомъ году жизни.

Старикъ былъ словоохотливъ и нерѣдко рассказывалъ о своихъ походахъ.

— Прожилъ я, говорилъ онъ, въ бѣгахъ вѣкъ свой, не крадучись, а по-божески, да по милости общаго благодѣтеля — добраго барина. Жилъ былъ неподалеку отселева этотъ баринъ, знатный, богатый и большой охотникъ до правды, до воли и до войны. Гдѣ, какъ и почему онъ пристрастился къ звдакимъ дѣламъ, откуда и когда явился въ помѣстье — ничего я этого не знаю. Помѣстье его было большущее: тянулось на цѣлый уѣздъ, а самъ онъ жилъ въ громадномъ селѣ. Село стояло надъ широкой, бурливой рѣкой и попасть въ него можно было не иначе, какъ переѣхавши рѣку на барскомъ паромѣ. На ночь паромъ причаливался къ берегу села и держался до утра на привязи. У села и по селу ходили ночью, по чаряду, караульщики. Самое село было окружено каменною стѣною, точно крѣпостью. Внутри села тянулся, на версту, одинъ каменный домъ одноэтажный со всякими службами. Баринъ всѣхъ принималъ, кому худо на свѣтѣ жилось: кто удиралъ отъ дурнаго помѣщика, кто отъ солдательства, или кантонистства, а кто изъ острога, — всѣ шли къ нему. Всякій такой человѣкъ являлся къ нему лично, рассказывалъ ему по совѣсти: откуда, какъ и для чего убѣжалъ. Получалъ отъ него наставленіе какъ держаться, живучи у него и уходилъ съ провожатымъ въ контору. Тамъ его записывали въ число дворни, отводили комнату въ барскомъ же домѣ, давали одежду, обувь, бѣлье и все такое прочее. Съ мѣсяць бѣг-

дый отдыхалъ, знакомился со всѣми; а тамъ его посылали на работу, по его силамъ и понятіямъ глядя. Такъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ, выбирай себѣ дѣло, какое тебѣ по нраву. Холостыхъ баринъ любилъ женить, дѣвокъ замужъ выдавать, и тѣмъ и другимъ давалъ отъ себя приданое, строилъ избы, переводилъ ихъ въ другія свои имѣнія, пересаживалъ на оброкъ, а оброкъ бралъ самый пустяшный. У мужиковъ самъ крестилъ дѣтей, помогалъ имъ деньгами, обходился со всѣми ласково, дружественно, точно съ ровней. Любилъ онъ всего больше смѣльчаковъ, расторопныхъ, да стрѣлковъ; съ такими людьми онъ объѣзжалъ верхами, на лошадахъ, свои помѣстья и охотился по лѣсамъ дремучимъ. Всѣ его знали. Не было примѣра, чтобъ онъ кого-нибудь изъ бѣглыхъ выдалъ, не глядя ни на какія угрозы, ни на какія жалобы господъ. Начальства онъ рѣшительно никакого не боялся. Приѣдетъ, бывало, становой, либо исправникъ отыскивать какого-нибудь бѣглаго; явится къ нему. Онъ его выслушаетъ, велитъ напоить-накормить, дать на дорогу за трудъ: становому—25 руб., исправнику—50 руб. и проводить его за ворота. Тѣ, знавши его нравъ, угостившись на славу, брали деньги, уѣзжали во-свояси, да и докладывали кому тамъ надо, что, моль, такого-то нѣтъ. Ну, а ежели, да наѣдетъ бойкій какой чиновникъ и не убоготорится барскимъ положеньемъ, его, по барскому наказу, отдирали розгами и вывозили за рѣку, подъ карауломъ. Насылали, случалось, иногда, и войско, но и оно ворочалось назадъ ни съ чѣмъ: баринъ скорехонько, бывало, вооружить своихъ смѣльчаковъ винтовками, уберетъ паромъ, всѣ лодки, и шабашъ. Постоить, постоить это войско за рѣкой, али у села, да и вернется во-свояси съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришло. Такимъ-то вотъ манеромъ баринъ и наводилъ страхъ на всѣхъ властей много лѣтъ сряду, пока его не стало, а съ этимъ случаемъ и напa сила вдругъ лопнула и всѣ мы сгибли. Отлучился разъ баринъ потихоньку въ Москву. Начальство это пронюхало, схватило его въ дорогѣ, да и упрятадо куда-то далеко, а къ намъ бацъ войско, застигло всѣхъ въ расплохъ и пошла тутъ такая перепалка, что и небу было жарко. Около мѣсяца перебирали насъ по косточкамъ. Кто успѣлъ—убѣжалъ, кто трухнулъ—утопился въ рѣкѣ, а кто сплеховалъ — тотъ попался. Въ числѣ бѣглыхъ кантонистовъ очутился и я. Попалъ я къ барину такимъ родомъ: слышавъ, что меня требуютъ въ кантонисты, я убѣгъ изъ дома, явился къ барину, рассказалъ ему свое горе и остался у него жить. Мнѣ было въ ту пору ровно 18 лѣтъ. И вотъ цѣлый вѣкъ выжилъ благополучно, не думалъ, не гадалъ, а теперь, на старости лѣтъ, попался; да мало того самъ попался, такъ и добро мое, нажитое кровавымъ потомъ, сгнуло: въ суматохѣ все до тла раскрасли.

ХІІІ.

Сен

Житье въ деревнѣ, любовь и ея развязка.

ПРОШЛА половина лѣта и кантонисты уже собрались въ деревню, куда ихъ, въ эту пору, ежегодно выводили на отдыхъ.

Однажды утромъ, въ іюлѣ, кантонисты всего завденія стояли на плацу. Передъ фронтомъ прохаживался пачаельникъже-лавшій обратиться къ своимъ питомцамъ съ напутственною рѣчью.

— Въ деревнѣ жить смирно,—говорилъ онъ:—хозяевъ вашихъ уважать! Помогайте имъ, чѣмъ можете, и они станутъ хорошо васъ кормить, прощать провіантъ; а коли будете озорничать, и они потребуютъ паекъ, такъ я васъ!

Съ такимъ напутствіемъ кантонисты отправились, по-ротно, въ дорогу, пѣшкомъ, версть за сто или за двѣсти отъ города.

Житью въ деревнѣ кантонисты всегда радовались, его ждали съ свойственнымъ дѣтямъ нетерпѣніемъ. Но, съ прибытіемъ въ деревню, ихъ радость значительно уменьшалась: тамъ также надо было вставать въ пять и шесть часовъ утра и ходить ежедневно на фронтовое ученье въ капральство и на ротный дворъ. Разстояніе между деревнями, гдѣ жили кантонисты (человѣкъ 10, 15 и до 30 въ каждой деревнѣ), и центрами учений, простиралось отъ 5 до 15-ти верствъ, а такая ходьба отягощала кантонистовъ тѣмъ болѣе, что ни проливной дождь, ни грязь не освобождали отъ явки къ 7 часамъ на ученье. Кто опаздывалъ или вовсе не являлся,—тотъ получалъ за это всегда изрядную поронцу. Взрослыхъ, кромѣ того, непрерывно разсылали по деревнямъ съ казенными и частными порученіями. Они же обзывались собирать и приводить на ученье малолѣтнихъ и присматривать за ними дома, и имъ же доставалось за шалости и оплошность послѣднихъ. Но всего тяжелѣе для кантонистовъ бывали въ деревняхъ тѣлесные смотры, которые производились два-три раза въ недѣлю, въ видахъ предотвращенія заразы отъ мужиковъ, у которыхъ они жили. Поднимется, бывало, рѣзкій, холодный вѣтеръ, пойдетъ крупный, частый дождь, а въ сараѣ, съ огромными щелями въ стѣнахъ, съ развалившеюся крышею стоитъ капральство, раздѣтое до-нага. Правяшій, или ротный командиръ ходятъ по фронту, осматриваютъ, ощупываютъ и разглядываютъ порознь каждый суставчикъ. Какъ дождь ни мочить, какъ ни бросаетъ отъ холода въ дрожь—не смѣй ни вздрогнуть, ни глазомъ моргнуть. Фронтъ, по словамъ начальства, было мѣсто священное, и потому за невольную дрожь, какъ за оскорбленіе этой святыни, неминуемо наказы-

вали. Кроме того, кантонистамъ, во время стоянки въ деревняхъ, воспрещалось пѣть пѣсни на улицахъ, ходить разстегнувшись, участвовать въ дѣтскихъ играхъ, уходить дальше гумна безъ спросу.

Крестьяне той мѣстности, гдѣ квартировали кантонисты, были преимущественно старообрядцы различныхъ толковъ, а потому враждебно встрѣчали кантонистовъ, непринадлежащихъ къ ихъ сектамъ. Съ своей стороны кантонисты, слѣдуя наставленію начальника: уважать хозяевъ, и боясь вооружать послѣднихъ противъ себя, изыскивали всевозможные способы сближенія съ своими хозяевами и безсовѣстно обманывали ихъ.

Особенно отличался хитростью кантонистъ Бобковъ. Бывало, войдетъ въ назначенную ему для житья избу, поклонится.

— Здравствуйте, люди Божьи, — говоритъ. — Я къ вамъ квартировать назначенъ, такъ не обижайте-жь меня, смиреннаго раба Божія: я и то въ кипяткѣ киплю, да и родомъ изъ вашего согласія.

— Здравствуй, коль не шутишь, — недověрчиво отвѣчаетъ старуха, нашептывая молитву и перебирая въ рукахъ четки. — А какимъ ты крестомъ молишься, ежели нашего согласія?

— Благословеннымъ, бабушка, благословеннымъ молюсь, вотъ какъ видишь; а то какимъ же мнѣ инымъ крестомъ молиться?

— Ну, а какъ епта вещь проывается? — продолжаетъ она, показывая ему четки.

— Лестовка, бабушка. Покойная моя матушка, царствіе ей небесное, завсегда такъ молилась и меня тому-жь учила, — да вотъ въ службѣ-то этой я, почитай, все перезабылъ. Да и немудрено: по-нашему-то вонъ и молиться запрещаютъ...

— Коли, голубчикъ, велятъ? Они вѣдь еретики, да смутьяны рода человѣческаго, такъ гдѣ-жь имъ думать о спасеніи, да о царствіи небесномъ!

— Звать-то тебя какъ? — добавила она, помолчавъ.

— Александромъ, бабушка, а кличутъ Бобковымъ. У меня, бабушка, со вчерашняго вечера еще и крохи во рту не было. Ёсть больно хочется. Не дашь-ли чего перекусить?

— Наслышаны мы, голубчикъ Александра, про вашу-то службу вдоволь: знай сквернословь, да пой сатанинскія пѣсни, а въ брюхѣ-то пушай себѣ урчить. Скидывай свою муницію, сложи ее вонъ въ задъ, на лавку, умой у рукомойника руки-тѣ. помолись, да и садись за столъ. А я тѣмъ временемъ сберу тебѣ обѣдъ: съ голодухи-то, поди, не до балясовъ.

— Истинно такъ, бабушка. Вотъ поѣмъ, такъ и языкъ будетъ легче ворочаться.

Бобковъ раздѣвается, моется, молится по-старообрядчески и начинаетъ обѣдать; а старуха то и дѣло подливаетъ и подкладываетъ ему вкуснаго съѣстного, какъ единовѣрцу. Отобѣдавъ, онъ садится возлѣ старухи, внимательно слушаетъ ея поуче-

ніа, поддакивая ей, самъ рассказываетъ всевозможныя небылицы о претерпѣнныхъ будто бы имъ страданіяхъ «за правую вѣру», и къ вечеру становится совершенно своимъ человѣкомъ въ избѣ.

Не успѣла семья вернуться съ поля, какъ старуха ужъ оповѣстила ее о мнимомъ единовѣрцѣ.

— А ты, малый, не врешь, будто ты нашего согласія? — строго спрашиваетъ Бобкова старикъ, глава семьи.

— Чистая это, дѣдушка, правда!

— Ну и табачища поганого не куришь и не нюхаешь?

— Что ты, дѣдушка, что ты, Господь съ тобой! Это зельемъ-то дьявольскимъ чтобъ я осквернялъ себя — сохрани и помилуй меня Боже. Ни-ни!

— Коли такъ, садись съ нами ужинать.

Тѣмъ спросы о вѣрѣ и кончались. И Бобковъ съ перваго же дня обѣдаетъ, ужинаетъ вмѣстѣ со всѣми, старуха крестить его на сонъ грядущій; ночью, когда онъ разбросается во снѣ, она окутываетъ его; нашептываетъ надъ нимъ, сгоняетъ съ него мухъ; стираетъ его казенное бѣлье, нашиваетъ ему собственнаго, даетъ холста на портянки; изъ всякаго лакомага кушанья старается удѣлить ему лучшую часть, словомъ — лелѣетъ и бережетъ его, какъ роднаго. Вѣ остальные члены семьи также любятъ его; а онъ за все это оплачиваетъ имъ посильною работою по хозяйству, смиреніемъ, точнымъ исполненіемъ хозяйскихъ обычаевъ, да слушаетъ по воскресеньямъ, часъ-другой, какъ старикъ читаетъ по складамъ семейству древнее благочестіе. Проходитъ мѣсяць.

— Не видала ли, бабушка, гдѣ моей шинели? — спросилъ однажды Бобковъ, собираясь утромъ на ученье.

— Шинели?.. Ахъ ты, Лексаша, Лексаша! И не грѣхъ тебѣ насъ обманывать-то? Не грѣхъ тебѣ смѣнять праву вѣру на зелье, на погань?! На томъ свѣтѣ вѣдь за евто каленымъ желѣзомъ станутъ ротъ-то тебѣ выжигать!..

— Да гдѣ, я тебя спрашиваю, шинель-то? Вѣдь опоздаю на ученье: меня за это выдерутъ!

— Шинель-то? Да я въ огородъ выбросила твою паскудную шинель-то: она вся вонъ провоняла поганью — табачищемъ. Не держать же въ избѣ евакую мерзость: грѣхъ, большой грѣхъ. Неужто ты, Лексаша, и вправду жрешь это зелье-то?

Но Бобкову вовсе не до отвѣтовъ: онъ бросился въ огородъ, съ трудомъ отыскалъ шинель, надѣлъ ее и побѣжалъ на ученье; а вернувшись, засталъ старуху въ страшной суматохѣ она мыла кипяткомъ всѣ вещи за которыя онъ когда-либо брался руками, всѣ лавки, на которыхъ онъ сиживалъ, выжигала калеными каменьями всю глиняную и жестяную посуду, изъ которой онъ когда-либо ѣдалъ. На спросъ, что все это значитъ, старуха принялась его укорять богоотступничествомъ, ворчала и отплевывалась отъ него, какъ отъ нечистой силы,

онъ божился, увѣрять ее, что не курить, пахло же отъ шивели табакомъ оттого, что правящій, сидя на ней въ сараѣ, курилъ трубку. Желая задобрить старуху, Бобковъ разсказалъ, какъ за то, что онъ опоздалъ, чрезъ нее, на ученье, онъ получилъ 15 комлей, въ удостовѣреніе чего показалъ даже синіе рубцы на тѣлѣ. Однако старуха ничему не повѣрила, никакихъ оправданій и слушать не хотѣла. Вечеромъ разбирательство повторилось, но перевѣсъ остался все-таки на сторонѣ старухи. Вслѣдствіе такого рѣшенія, Бобкову пришлось искупить свой мнимый грѣхъ всеобщимъ къ нему охлажденіемъ. Бѣлье, впрочемъ, мыли ему исправно, кормили, правда, порядочно, но только отдѣльно отъ хозяевъ и изъ особой посуды, которую завели собственно для него и которую ставили даже въ сторонѣ отъ той, изъ которой ѣли хозяева. Всякій его шагъ, всякое его движеніе вызывали укоры и ворчанье со стороны хозяевъ. Такъ Бобковъ и дожилъ остальной срокъ своего квартированія въ деревнѣ.

Другимъ кантонистамъ жилось хуже.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, очень плоха квартира,—жаловался правящему кантонистъ «съ сильною протекціею», послѣ недѣльнаго жительствова въ деревнѣ. Всего и живутъ-то старикъ, да старуха—оба презлющіе. Старикъ—старовѣрскій пошъ. Какъ пришелъ я первый разъ, такъ и въ избу даже не пустилъ, а отвелъ мнѣ уголь въ хлѣву и я живу вмѣстѣ съ теленкомъ. Кормятъ прескверно: одну и ту же жиденюкую, постную похлебку съ хлѣбомъ ѣмъ кажинный день. Тебѣ, говоритъ хозяинъ, казна только это и отпускаетъ; ну и лопай какъ знаешь, а жалѣть тебя нечего, потому ты не нашей вѣры. Перейди, говоритъ, въ нашу вѣру, хорошо буду кормить да еще и денегъ стану давать. Переѣмните мнѣ, пожалуйста, квартиру, не то я напишу.

— Зачѣмъ писать? Писать незначѣмъ: дѣло поправимое,—отвѣчалъ правящій. — Эй, Бочковъ, перейди-ка ты сегодня же жить вмѣстѣ съ Филипповымъ на его квартиру. Тамъ ты ни чуть не прогадаешь: его хозяева богаты, возмись за нихъ только и будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься. Тебѣ же не привыкать стать учить этихъ сиволдаевъ. Ни въ чемъ не стѣсняйся: я за все отвѣчаю.

— Слушаю-съ, Иванъ Ивановичъ,—отозвался Бочковъ кантонистъ лѣтъ двадцати, отчаянный буянь.

Съ наступленіемъ сумерекъ Бочковъ явился на новую квартиру.

— Тебѣ чего надо?—спросилъ хозяинъ старикъ, загораживая Бочкову входъ въ дверь.

Пусти напередъ въ избу, а тамъ и потолкуемъ.

— Да чего тебѣ надоть то? Ежели «штыкову работу» — ень въ задней; туда дорога со двора, а не здѣсь.

— Пусти, тебѣ говорятъ, не то такъ садану, что черти изъ глазъ посыплются.

— Ой-ли! Не пужай по-пустому, не изъ трусливыхъ, а сколь ни харахорься—въ избу не пущу.

— Не пустишь? Такъ вотъ же тебѣ, старый хрычъ, ежели добромъ не унимаешься!.. Бочковъ такъ сильно толкнулъ старика въ грудь, что онъ свалился на близъ стоявшую лавку. Бочковъ вошелъ въ избу, оглядѣлъ ее, крикнулъ Филиппова, очистилъ съ помощью товариша, лавку въ переднемъ углу и началъ вколачивать гвозди въ стѣну, недалеко отъ образовъ.

— Ты, штыковая работа, не трошь, мотри, стѣну-то,—заговорилъ очнувшійся старикъ, бросаясь на Бочкова:—не пущу вѣшать погань подъ иконы. Вонъ ей гдѣ мѣсто-то! И старикъ бросилъ куртку къ порогу.

— Уймись, старый дьяволъ, пока я тебѣ всѣ ребра не переломалъ! Куртка—вещь царская, а не погань. Самъ ты погань! Да не токма ты, а и вѣра твоя погань.

— Охъ ты, дьявольское твое навожденіе, охъ ты кислая муниципія, охъ ты...—заревѣлъ старикъ. — Зарѣжу, вотъ те Христосъ зарѣжу за святую, за нашу вѣру. — Онъ бросился на Бочкова съ ножомъ

— Рѣжь, рѣжь,—безстрашно отвѣчалъ Бочковъ, выставляя впередъ обѣ руки.

— Карауль! рѣжутъ, карауль! — закричалъ Филипповъ и бросился на улицу, продолжая кричать.

Старикъ опомнился и испугался. Бочковъ, пользуясь его замѣпательствомъ, мгновенно вышибъ изъ его руки ножъ, схватилъ его за грудь, повалилъ на полъ, притиснулъ и сѣлъ на него верхомъ. Между тѣмъ на крикъ Филиппова выбѣжали изъ сосѣднихъ избъ три кантониста и, узнавъ въ чемъ дѣло, пришли на помощь Бочкову. Увидавъ его невредимымъ, они тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ заголосить по очереди: «святая его, тащайте его правяшему!» Старикъ лежалъ точно убитый.

— Живота, али смерти?—потѣпался Бочковъ, тиская старика колѣномъ въ грудь.

— Отпусти, служба, пра отпусти,—заворчалъ старикъ, предвидя бѣду.

— А будешь кормить хорошо?

— Буду, пра буду; ослобони же!

— И въ хлѣвъ гнать не станешь? И бахвалиться не будешь?

— Не буду, пра не буду; ослобони же!

— Ну, хорошо, прощаю, только съ уговоромъ. сейчасъ всѣмъ отличный ужинъ; да чтобъ и говядина, и сметана, и ситникъ, и творогъ,—все чтобъ было!

По прошествіи нѣкотораго времени старикъ, мало-по-малу, сталъ опять входить въ прежнюю роль: то худо кормить, то

плохо услуживаетъ, то спорить съ постояльцами. а то и ругать ихъ. Терпѣль, терпѣль нашъ Бочковъ, да подговорилъ нѣсколько человекъ товарищей, привелъ ихъ къ себѣ въ квартиру, усадилъ кругомъ обѣденнаго стола, подъ образами, и велѣлъ имъ чистить пуговицы насыпаннымъ на самомъ столѣ, тертымъ кирпичемъ, а самъ зашагалъ взадъ и впередъ по избѣ, въ шапкѣ, насвистывая какую-то пѣсню. Старика сперва не было, но, войдя въ избу, онъ возмутился.

— Перестань, служба, свистать, да и шапку-то сними: тутотка, чай, не хлѣвъ, а изба, иконы висять! — строго началъ онъ.

— Да развѣ такія иконы бываютъ? — насмѣшливо спрашиваетъ Бочковъ, продолжая ходить въ шапкѣ: — на нихъ и лика то никакого не видать: какія же это иконы? По-нашему, по-православному, такія доски сожигаютъ, а пепель отъ нихъ высыпаютъ въ рѣку; а ты съ дуру называешь ихъ иконами! Какія это иконы?

Пошла ругань. Старикъ доказывалъ превосходство своей вѣры и сталъ издѣваться надъ господствующей религіей.

— Такъ ты надъ Богомъ смѣешься! — воскликнулъ Бочковъ. — Слышите, ребята, что онъ говоритъ?

— Слышимъ, слышимъ, — подтверждаютъ товарищи.

— Будьте-жъ свидѣтелями. А ты, старая карга, пойдемъ къ начальству, пойдемъ, колдунъ ты эдакій! — Бочковъ схватилъ старика за воротъ и потащилъ-было его изъ избы, но тотъ упирался, не шелъ и еще пуще ругался.

— Помогите, братцы, стащить его къ ротному.

По приводѣ туда доложили правящему, а тотъ — Тараканову. Въ избу ввели старика. Онъ былъ блѣднѣе полотна, глаза его дико блуждали, руки тряслись.

— Связать его! — крикнулъ Таракановъ. — Какъ ты смѣлъ притѣснять кантонистовъ? — продолжалъ онъ, когда старику связали руки назадъ. — Какъ ты, спрашиваю я, смѣлъ совращать въ свою ересь ихъ, царскихъ воспитанниковъ, рѣвать Бочкова, надругаться надъ святынею, а?

Старикъ молчалъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Запереть его въ амбаръ, приставить къ дверямъ часовыхъ и ждать моего приказанья, — заключилъ Таракановъ.

Приказаніе тотчасъ исполнилось.

Крестьяне, узнавъ, по возвращеніи съ поля, о несчастіи ихъ попа, тотчасъ послали депутацію — хлопотать за него. Но Таракановъ встрѣтилъ ее еще сильнѣйшею рѣчью и поклялся, что черезъ день непременно разстрѣляетъ старика. Весь слѣдующій день продолжалась по деревнѣ суматоха, и уже повдно вечеромъ Таракановъ едва согласился выпустить старика, взявъ съ мужиковъ клятву, что они будутъ и беречь и холить, какъ зѣницу ока, кантонистовъ, этихъ, какъ онъ назвалъ ихъ, царскихъ воспитанниковъ. Затѣмъ онъ далъ правящему два, и

Бочкову *) одинъ червонецъ, со всѣми ласково распрощался, да и уѣхалъ во-свояси. А по деревнѣ разнесся слухъ, будто за освобожденіе старика онъ содралъ съ крестьянскаго общества 30 червонцевъ.

Въ селѣ былъ базарный день. На площади стояло множество воровъ со всякою всячиною.

— Батюшка баринъ, смилуйся: веди отдать мою тушу,—взмолился мужичекъ, кланяясь въ ноги Федоренкѣ.

— Толкомъ говори, чего просишь, и не хнычь!—крикнулъ Федоренко, притопнувъ ногою.

— Твои, баринъ, кантонисты стащили съ моего вола тушу. Веди ее мнѣ отдать.

— Кто стащилъ? Когда стащилъ, да и какую такую тушу?

— Самый большой кантонистъ стащилъ говяжью тушу, быковую, значить, ляжку, да и убѣгъ сюда, въ твою фатеру. Веди отдать—вѣкъ не забуду.

— Эй, вѣстовые!

Въ дверь вошли разомъ три кантониста, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Хавровъ, сухопарый, высокій юноша, лѣтъ 18-ти, отъявленный воръ и отчаянный смѣльчакъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вотъ енъ, баринъ, енъ самый и стащилъ тушу-то,—заговорилъ мужичекъ, указывая на Хаврова.—Не попусти, баринъ, въ обиду. Я человекъ бѣдный, торгую съ хлѣба на квасъ.

— Ты, Андреевъ, притащи мнѣ сюда десятскаго, да чтобъ принесъ съ собою кандалы; а ты, Ананьевъ, запри ворота на замокъ и стань часовымъ у калитки, чтобъ никто не вошелъ и не вышелъ.

Кантонисты со всѣхъ ногъ бросились исполнять приказаніе. Оставшіеся въ избѣ Федоренко, правящій, Хавровъ и мужичокъ молчали.

Вскорѣ явился десятскій. Помолвившись на образа, онъ сталъ у двери.

— Говори, мужикъ, въ чемъ твоя претензія? — грозно началъ Федоренко.

— Да я, батюшка-баринъ, ни на кого не жалуюсь, а пришелъ къ твоей милости на счетъ туши-то,—заговорилъ мужичекъ, видимо струсивъ. — Вонъ енъ самый ее укралъ, да къ тебѣ на фатеру и уволокъ: весь народъ эвто видѣлъ, да не успѣли яво догнать. Я, пра, не жалуюсь.

— Укралъ ты, Хавровъ, у него тушу?

*) Кантонистъ, названный Бочковымъ—офицеромъ на Кавказѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье

— Не знаешь, кто укралъ?

— Не могу знать-съ... Я сегодня и на улицу совѣмъ не выходилъ.

— Слышишь, бородачъ ты этакой?

— Слышать то слышу, только енъ, баринъ, обманываетъ!

— И ты еще смѣешь говорить: онъ укралъ и унесъ сюда? Вѣдь это значить не только онъ, но и я, по твоимъ словамъ, воръ? Я, капитанъ? Мы, царскіе слуги—воры?.. Кандалы сюда!.. заковать его.

Но десятскій топтался на одномъ мѣстѣ.

— Чего-жь ты ждешь? Заковывай!

— Да осмѣлюсь доложить тоже на счетъ... - Десятскій запнулся.

— На счетъ чего? Говори, говори прямо, а не юли.

— Да я на счетъ того, ваше благородье, ежели не изволите осерчать за правду, кантонисты ваши и то маху не даютъ. Гдѣ что плохо лежитъ, тамъ у нихъ ужъ и брюхо болитъ: безпрѣмнно утянуть. Да не токма што изъ стоящаго, а и хлѣбъ, яйца, пироги все таскаютъ. У насъ, на селѣ, распорядокъ, вишь ты, такой есть: всѣ зажиточные хрестьяне въ сумеркахъ сносятъ къ жилию бѣднѣющихъ, алибо хворыхъ хрестьянъ всякое съѣдомое, да, положимши на подоконникъ избы, поступчатъ въ оконце, молвятъ: «примите, хозяева, потайную милостыню», да и убѣгаютъ домой, штобъ, значить, не выдали, кто принесъ. И покуда бѣдняга аль хворый, выходитъ за милостынею-то, кантонисты тѣмъ временемъ ужъ стянули ее, да и дали тягу.

— Ты, Карповъ, это знаешь?—спрашивалъ Федоренко правящаго.

— Обвинять всѣхъ огуломъ тоже нельзя. Ты бы прежде поймалъ кого-нибудь и представилъ мнѣ, а то «не пойманъ—не воръ».

— Оно, ваше благородье, точно «не пойманъ—не воръ», да гдѣ жъ ихъ поймать-то? Схватить иной вонъ цѣлый пирогъ, али каравай хлѣба, да и улещетываетъ съ нимъ стрѣлой, будто птица...

— А ежели такъ, не смѣй и жаловаться.

— Да я, ваше благородье, и не жалуюсь, а такъ быдто къ слову молвилъ. а все прочее ничего, въ ладахъ живемъ.

— То-то же! У меня смотри: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Ну, а ты, бородачъ, навѣрное знаешь, что вотъ онъ, Хавровъ, укралъ у тебя тушу?

— Коли, батюшка, не вѣрно. Енъ, какъ есть, енъ самый укралъ...

— Такъ идемъ искать, идемъ!—Федоренко схватилъ мужа-ка за плечо, потащилъ его на дворъ, обошелъ съ нимъ ко-

нюшню, хлѣвъ, поглядѣлъ въ телѣгахъ, въ ясляхъ, нигдѣ, разумѣется, ничего не нашель, и вернулся въ избу.

— Теперь надѣть ему кандалы! — заревѣлъ Федоренко. — Я тебѣ покажу, какъ обзывать насъ, царскихъ слугъ, ворами!

Десятскій зазвенѣлъ кандалами, мужикъ взвылъ на весь домъ и упалъ въ ноги Федоренко.

— Признайся, лучше, вѣдь обознался?

— Може, батюшка, и обознался. А сдается... Отпусти, будь милостивъ... У меня товаръ вонъ безъ призору.

Подошелъ конецъ августа. Кантонисты приуныли: въ голову каждого лѣзла неотвязная мысль о скоромъ возвращеніи въ казармы. Большинству взрослыхъ кантонистовъ предстояло, кромѣ того, горькое разставанье съ молодою хозяйкою, или съ хозяйскою дочерью. Въ это время ночами можно было безпре- станно наталкиваться на любовныя пары и за огороднымъ плет- немъ, и за гумномъ, и на сѣновалѣ, и даже въ сѣняхъ избы. Вездѣ слышались клятвы, звучали поцѣлуи, лились слезы, вол- новалась кровь; обтирались глаза и рукавомъ шинели и заса- леннымъ фартукомъ. При этомъ вдыхатели не забывали вы- манивать у своихъ возлюбленныхъ холста, нитокъ, а буде мож- но, то и денегъ.

Въ день выхода кантонистовъ изъ деревень мужчины на полевья работы не выходили: одни изъ желанія честию про- водить «мальчугу», другіе—чтобъ не дать ему возможности обокрасть избу, а третьи—чтобъ жена либо дочь не удрала со «штыковой работою».

Собраны капральства на ротный дворъ стройными рядами; за ними тянулись по двѣ, по три подводы съ казеннымъ, по- дареннымъ и даже украденнымъ имуществомъ; позади подводъ шли толпами мужики, а за ними — женщины и дѣвушки. У око- лицы деревни мужики поворачивали назадъ, куда гнали и жен- ское населеніе, и ласковою рѣчью, и свистомъ хворостины, и волоченьемъ за косу. Затѣмъ, помаявшись денечекъ, другой, беззащитная женщина снова принималась за серпъ и молоченье, и все, бывало, пойдетъ своимъ чередомъ... Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что деревенскія женщины трагически заключали лю- бовь свою къ кантонистамъ.

Рота Живодерова стояла фронтомъ, готовая пуститься въ путь. Вдругъ подбѣгаетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка — брюнетка, лѣтъ 17. Она бросилась ему въ ноги и съ плачемъ завопила: «батюшка, голубчикъ баринъ, не погуби!... Отдай мнѣ Алешу! Я умру безъ него!... Сжался, касатикъ, надъ сиротой!»

— Да ты откуда и какъ сюда, красавица, попала?

— Изъ села Горокъ, баринъ... 30 верстъ отселева Убѣжала изъ дому; цѣлую ночь, точно шальная, бѣжала сюда! Отпусти, касатикъ!...

— Да ты, дура, не хнычь, а толкомъ скажи: какого тебѣ

Алешу надо? У меня въ ротѣ Алешей до двадцати найдется; который же изъ нихъ твой? Прозывается-то онъ какъ.

— Алеша... Алеша... Хорь... Хорьковъ, прозывается. Вонъ онъ и стоитъ-то неподалеку... эво... Дѣвушка бросилась-было къ фронту.

— Держи ее, держи здѣсь!—крикнулъ Живодеровъ.

Фельдфебель догналъ, схватилъ ее обѣими руками и вернулъ назадъ.

— Тебѣ, дура, къ фронту подходить нельзя: къ фронту, какъ и въ алтарь, бабъ не пускаютъ,—внушалъ ей Живодеровъ.—Все порядкомъ разберу.

— Разбери. баринъ, разбери, касатикъ!

— Не хвычь! Алексѣй Хорьковъ, поди сюда!

Изъ передней шеренги отдѣлился томно-блѣдный, красивый юноша, лѣтъ 19-ти. Тихую, боязливую поступью подошелъ онъ къ Живодерovu, вытянулся въ струнку и потупился.

— Алеша, желанный ты мой, на тебѣ лица нѣту-ти!—вскрикнула дѣвушка, отчаянно рванулась изъ рукъ фельдфебеля и, повиснувъ на шеѣ Хорькова, принялась его цѣловать. Но Хорьковъ стоялъ неподвижно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчалъ на ея ласки.

— Это еще что за нѣжности!—гаркнулъ Живодеровъ:—держи ее, шельму, хорошенько! А то, на-ко, выдумала обниматься!...

Фельдфебель схватилъ дѣвушку въ охапку и стиснулъ ее въ своихъ мощныхъ рукахъ. Та тихо-тихо зарыдала.

— Расскажи-ка, Хорьковъ, какъ ты съ ней связался? да помни, не лгать: запорю!

Хорьковъ взглянулъ на дѣвушку, вздохнулъ, разинулъ-было ротъ, чтобъ начать свою исповѣдь, но поперхнулся; крупныя слезы покатались изъ его глазъ.

— Ха, ха, ха!—во все горло захохоталъ Живодеровъ.—Вотъ комедія-то! Ну, пускай она реветъ, бабѣ заплакать—все равно, что плюнуть; а ты-то что разрюмился? Отвѣчай, что тебя спрашиваютъ. Ну же!

— Я.. виновать, ваше благородье... виновать... она... мы... я люблю ее! Простите... Слезы душили Хорькова, и онъ снова остановился.

— Не погуби, баринъ, моего Алешу: онъ неповиненъ, какъ есть неповиненъ,—вмѣшалась дѣвушка.—Я сама тебѣ все расскажу безъ утайки.

— Цыць!—закричалъ Живодеровъ, топнувъ ногою.—Пока цѣла—молчи лучше; нето отдеру и тебя. А ты, Хорьковъ, вытри глаза и отвѣчай.

— Какъ размѣстили насъ по квартирамъ, я попалъ къ вимъ,—началъ Хорьковъ дребезжащимъ голосомъ.—Сперва я видѣлъ одну ихъ стряпуху. Потомъ, я встрѣтился разъ съ Дашею въ сѣняхъ, поговорился, поговорилъ кое-о-чемъ, и ушелъ

въ свое мѣсто. Въ тотъ же вечеръ стряпуха велѣла мнѣ перебраться изъ чулана, гдѣ я прежде жилъ, въ переднюю избу, и тогда же начала меня кормить хорошо и сбивать перейти въ ихнюю вѣру; говорила, будто Даша, хозяйка, велѣла ей уговорить меня. Смѣючись, я разъ и сказалъ ей: «погоди немного, присмотрюсь прежде къ вашей вѣрѣ, а тамъ, можетъ, и перейду». А какая-токая ихняя вѣра—я и не зналъ даже. Даша и съ самаго начала ко мнѣ была ласкова, а съ тѣхъ поръ, какъ стряпуха передала ей, будто я хочу въ ихъ вѣру перейти, она сдѣлалась еще лучше. Только вотъ однажды, ночью, приходитъ она ко мнѣ съ... «Ты, говоритъ, меня не прогонишь»? Изба, гов рю, не моя, а твоя, какъ же я могу тебя прогнать изъ твоей же избы? Ну съ, только сѣда она это ко мнѣ на лавку, а у меня, ваше благородье, голова кругомъ пошла, руки и ноги затряслись, словно въ лихорадкѣ. Вотъ, ваше благородье, все... Простите, будьте отецъ родной, заставьте ва себя вѣчно Бога молить!

— И все это правда?

— Суцая, баринъ, правда, — подхватываетъ дѣвушка. — Только одно онъ не досказалъ. Даша, заплакавъ, указала на свой животъ.

— Какъ? отъ кантониста забеременѣла? Ха, ха!.. ха!.. ха!.. Ай-да Хорьковъ! — И, не дождавшись отвѣта отъ растерявшагося Хорькова, Живодеровъ перешелъ съ вопросомъ къ Дашѣ:

— Такъ чего-жь тебѣ еще, красавица, отъ него надо?

— Да вели, баринъ, повѣнчать насъ. Отецъ дастъ тебѣ денегъ.. у него много. Онъ ни тебѣ, ни намъ съ Алешей ничего не пожалѣетъ...

— Что-о?.. Повѣнчать васъ?.. Это кантониста-то повѣнчать? Ха, ха, ха! Нѣтъ, красавица, кантонисты не женятся! Да и что съ тобой толковать много... розогъ сюда!

— Она, ваше благородіе, не кантонистъ; еѣ драть вамъ не позволено, — смѣло вступился Хорьковъ, сверкая глазами. — За это вамъ самимъ достаться можетъ.

— Такъ это меня-то драть? Нѣтъ, баринъ: ежели хоть пальцемъ тронешь, я тебѣ глаза всѣ выпарашаю.

— Что-о-о? — заревѣлъ Живодеровъ. — Унтеръ-офицеры! растянуть обоихъ живо!

— Ваше благородье, не трогайте дѣвушку, — заговорилъ фельдфебель: — она и на себя-то не похожа, словно полоумная, да и опасно... не ровень часъ.. оставьте ее въ покоѣ, сдѣлайте милость!

— У меня часы всѣ равны: вздую, такъ закается бѣгать изъ дома за любовникомъ. Хорькова растянуть, а эту халду подержать рядомъ съ нимъ на вѣсу, чтобы брюхо не раздвить. Ему полсотни, а ей двадцать-пять горячихъ — живо! живо!..

Приказаніе исполнилось. Во время наказанія, Живодеровъ

потиралъ руки отъ удовольствія, приговаривая: «та-та-та!.. любилъ кататься. любите и саночки возить; та-та-та!..»

— Теперь вотъ поцѣлуйтесь, -- смѣясь, сказалъ онъ: — поцѣлуйтесь же, вы вѣдь ужъ больше не увидите.

Но Хорьковъ и Дапа стояли точно приговоренные къ смерти. Боль, стыдъ и глубокое оскорбленіе помрачали ихъ разсудки.

— Ну же, поцѣлуйтесь на прощанье, продолжалъ Живодеровъ, свелъ обоихъ лицо съ лицомъ и добавилъ: — готъ такъ сладко чмокнулись: ха, ха... и развелъ ихъ въ разные стороны

— Десятскаго сюда.

Явился десятскій, стоявшій все время за фронтомъ. Онъ, какъ сельская полиція, обязывался присутствовать при выступленіи кантонистовъ.

— Возьми вотъ эту дѣвку и отведи ее въ село Горки къ отцу, приказывалъ ему Живодеровъ. — Да скажи ему, что она хотѣла убѣжать за любовникомъ кантонистомъ въ городъ и я ее за это и за грубость выдралъ.

Когда Дашу привели обратно домой, все село узнало объ ея побѣгѣ и, какъ водится на Руси, на нее посыпались отовсюду насмѣшки, обиды физическія и нравственныя. Это ее окончательно доняло и, запасшись деньженками и одеждою, она вновь сбѣжала ужъ въ городъ, гдѣ ее встрѣтило новое горе: Хорьковъ, по прибытіи въ казармы, залегъ въ лазаретъ и свидѣться съ нимъ ей долгою не удавалось. Наконецъ, онъ выздоровѣлъ, узналъ объ ней отъ товарищей, поколебался нѣсколько, идти-ли на свиданье съ ней, или нѣтъ; «идти» взяло, разумѣется, верхъ, и онъ отправился.

Горькое это было свиданіе и тяжела показалась обоимъ любовь, за которую начальство сѣчетъ. Много было пролито слезъ, много надеждъ высказано. И вдругъ...

— Васъ-то, голубчиковъ, намъ и надо, — вдругъ раздалось надъ самыми ушами Хорькова и Даши.

И два здоровенныхъ унтера вцѣпились въ нихъ своими лапищами, потащилъ обоихъ въ казармы и къ вечеру они уже очутились: Хорьковъ — вновь изсѣченный — въ лазаретъ, а Дапа — въ полиціи.

Пока вытребовали съ родины Даши, чрезъ уѣздную полицію, точныя о ней свѣдѣнія, она успѣла родить сына, содержась въ полиціи; а сидя тамъ со всякимъ человѣческимъ отребьемъ, она вынесла не мало горя. По выходѣ же оттуда, ее встрѣтила нужда, и вотъ она поступила въ число гулящихъ, и затѣмъ года три сряду слыла по городу самою лучезарною звѣздою открытаго разврата. Наконецъ, попалась въ уголовномъ ужъ преступленіи была наказана плетью и сослана въ Сибирь на поселеніе.

Хорьковъ умеръ отъ чахотки въ лазаретѣ, спустя мѣсяца три послѣ рокового свиданія.

XIV.

Выпускъ изъ заведенія и возмездіе за воспитаніе.

Со времени возвращенія кантонистовъ изъ деревни, прошло уже недѣли двѣ. На дворѣ стояло сѣренькое сентябрьское утро. Все заведеніе выстроилось на плацу по-ротно. Начальникъ обошелъ фронтъ, вызвалъ изъ него впередъ и отдѣлилъ въ сторону человекъ 300, назначенныхъ къ выпуску на службу; потомъ тщательно пересортировалъ роты по-новому, переровнял ихъ ранжиръ и распустилъ въ казармы.

Въ заведеніи поднялась необыкновенная суматоха: кантонисты оживились и радовались! Да и было отчего: одни, человекъ 60, хорошо выдержавшихъ ничтожный классный экзаменъ, восторгались предстоящимъ имъ писарскимъ званіемъ и почестями; другіе, человекъ 50, посредственныхъ знаній, назначенные въ фельдшерскіе ученики, также мечтали о перспективѣ фельдшера, съ мягкими, вкусными булками, съ чудесными жаркими и другими лакомыми казенными порціями, такъ часто раздражавшими ихъ нервы во время лежанія въ лазаретѣ; третьи, человекъ 50, предназначенные въ цейхдинеры, цейхшрейберы (артиллерійскіе и инженерные надзиратели), тоже радовались своимъ будущимъ мѣстамъ, хотя никто изъ нихъ положительно не понималъ, что такое цейхдинеръ, или цейхшрейберъ; наконецъ, четвертые, человекъ 100, черезчуръ ужъ рослые и старые дѣтми, готовились: красивые, ловкіе — въ саперы и піонеры, а карявые и искалѣченные — въ мастеровыя команды, въ гарнизонъ. Волновались также и тѣ, которымъ суждено было еще долго оставаться въ заведеніи. И на нихъ дѣйствовала торжественность событія.

Прошло нѣсколько дней. Выпускныхъ обмундировали въ новыя куртки и шинели безъ погоновъ, съ суконными пуговицами, точно рекрутовъ, выдали имъ по двѣ пары бѣлья и новыхъ неношенныхъ сапоговъ, какихъ иному ни разу не приходилось надѣвать въ теченіе 10-лѣтняго своего пребыванія въ заведеніи. Начальникъ осмотрѣлъ ихъ одежду и спросилъ: «не имѣеть-ли кто претензіи?» Они отвѣчали отрицательно. Партию передали партіонному офицеру, обыкновенно гарнизонному прапорщику.

— У кого были въ заведеніи деньги, присланныя рѣ письмахъ родныхъ, а также слѣдующія за крещеніе *), — шагъ впе-

*) Мальчикамъ изъ евреевъ за принятіе православія давалось «въ награду» за это по 25 руб. ассигнаціями. на основаніи 1387 ст. IX т. зак. о состояніяхъ, изд. 1842 г.

редь! — произнесъ партіонный. Человѣкъ 60 выступило. Онъ перекликнулъ ихъ по списку и объявилъ, сколько у каждаго принятаго, для храненія до мѣста будущей службы, капитала.

— У каждаго изъ васъ, помните, еще вычтено по рублю изъ этихъ денегъ,—добавилъ партіонный.

— А за что вычтено?—раздался вопросъ.

— Какъ за что? За розги, которыми васъ сѣкли. Вѣдь ваше начальство, небось, тоже деньги платитъ за розги.

— Насъ же драли, да и мы же еще плати за это?—возразили нѣсколько голосовъ.

Съ того же дня выпускныхъ помѣстили особо, въ самомъ отдаленномъ и пустомъ флигелѣ казармъ, и дали имъ недѣльный отдыхъ на сборы въ дорогу. Съ кантонистами заведенія имъ ужъ не дозволялось сходиться; даже пищу приносили имъ въ ихъ помѣщеніе. Выпускные очутились вдругъ подъ начальствомъ одного человѣка—партіоннаго, да и тотъ общался смотрѣть на все сквозь пальцы. Положеніе завидное, и для кантонистовъ небывалое... Поэтому они въ тотъ же день отправились, цѣлыми толпами, по городу, по базару, по лавкамъ, и ужъ не только то крали, что плохо лежало, но даже изъ рукъ, изо рта у торговко върывали съѣдобное, а при благоприятныхъ обстоятельствахъ—расхватывали и выручку.

Между кантонистами существовалъ издавна обычай, чтобы выпускные ежегодно «расплачивались» на прощанье съ начальствомъ за свое воспитаніе. Другими словами, было принято задавать начальству трепку. Обычай этотъ исполнялся ненарушимо. Выпускные, возвратясь вечеромъ домой, составили изъ среды себя нѣсколько летучихъ отрядовъ, человѣкъ по 20, и, возведя храбрѣйшихъ въ атаманы, неслышными шагами отправились въ походъ; попрятались въ глухихъ улицахъ, за заборами, на казарменномъ дворѣ за бочками, и даже подъ лѣстницами въ казарменныхъ корридорахъ. Всѣ были вооружены, кто двумя камнями, кто рваною простынею, длинною палкою, нѣсколькими пучками розогъ, кто скрученнымъ изъ полотенецъ жгутомъ, а кто—и смоленою веревкою. Притаившись въ засадѣ, они ждали извѣстную начальственную особу, которая, какъ было имъ извѣстно, должна была пройти здѣсь. Лишь только особа поровнялась съ условнымъ мѣстомъ, слѣдившіе за нею свистнули, самые сильные выскочили изъ засады и сшибли ее съ ногъ. Другіе заткнули особѣ ротъ и крикнули: «поймали звѣря!» Тогда весь отрядъ сбѣжался, схватилъ звѣря кто за что успѣлъ, оттащилъ его подальше отъ дороги и пошло побоище. Устануть одни—ихъ смѣняють другіе, другихъ—третьи. Наконецъ, измучившись, отрядъ отправилъ особу съ завязанною головою и разлетѣлся въ разныя стороны.

Избѣненіе начальственныхъ особъ носило между кантонистами названіе «лупсовки». Лупсовка была престая, когда колотили звѣря какъ попало, и законная. Законною лупсовкою называ-

дось вотъ что: кто, напримѣръ, любилъ бить кантонистовъ кулакомъ, того самого колотили 15—20 кулаковъ сразу; кто дралъ лежащихъ, заставляя другихъ садиться наказываемому на голову и на ноги—тотъ подвергался такой же процедурѣ; кто предпочиталъ въ пересыпку—того самого лупсовали въ пересыпку, а кому нравилось драть на вѣсу—того самого драли на вѣсу. На вѣсу, впрочемъ, драли вообще всѣхъ заклѣтыхъ враговъ: это отступленіе дѣлалось потому, что на вѣсу больнѣе. Различія, или снисхожденія никогда и ни въ пользу кого не допускалось: ротный-ли командиръ попался, фельдфебель-ли, учитель-ли, или даже простой унтеръ—это для выпускныхъ было совершенно все равно. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, выпускнымъ удавалось въ одинъ и тотъ же вечеръ отлупсовать нѣсколько «звѣрей» въ разныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ города.

Начальство твердо помнило выпускныхъ и въ это время держало ухо остро; но, тѣмъ не менѣе, при упорной настойчивости выпускныхъ и при очень темныхъ вечерахъ, они ежегодно лупсовали властей на славу!.. Только самого начальника никогда выпускнымъ не удавалось поймать: онъ всегда ѣздилъ вечерами въ каретахъ и на такихъ лошадяхъ, которыхъ нельзя было остановить, не подвергаясь быть раздавленнымъ на мѣстѣ. Но спокойнымъ и онъ не оставался: въ его квартирѣ выбивали каменьями стекла, срывали звонки, въ дверяхъ накладывали всякой гадости и подбрасывали всевозможные пасквили; а разъ даже ухитрились какъ-то окатить его сверху, на лѣстницѣ, помоями.

За исключеніемъ десятка палочныхъ и кулачныхъ возмездій, полученныхъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей нѣкоторыми мелкими властями, на долю нашихъ выпускныхъ выпалъ жребій поймать Живодерова, до котораго добирались нѣсколько лѣтъ сряду. На этотъ разъ, до 15 отборныхъ силачей и смѣльчаковъ четыре noci сряду напрасно повсюду розыскивали его. Но вотъ они узнали, въ пятый вечеръ, что онъ въ гостяхъ у знакомаго, въ самомъ безлюдномъ захолустьѣ города, куда дорога лежала чрезъ длинный и глубокій оврагъ. Ни мало не думая, они отправились туда и засѣли за заборомъ, рѣшившись во что бы то ни стало поймать его, благо попался въ такомъ удобномъ мѣстѣ.

Уже пропѣли первые пѣтухи, когда, наконецъ, послышались чьи-то тяжелые шаги, а затѣмъ и знакомый имъ голосъ Живодерова, говорившаго что-то себѣ подъ носъ. Покачиваясь съ боку на бокъ, шелъ онъ по улицѣ. Отрядъ далъ ему углубиться въ оврагъ; потомъ нагналъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ и остановилъ его.

— Это что такое?—грозно спросилъ Живодеровъ.—Что вы за народъ?

— Мы-то? Люди,—отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ вамъ надо?

— Тебя, самого тебя намъ надо,—заговорилъ атаманъ.—Позвольте, ваше бродье, выдрать васъ?

— Что-о-о? ахъ вы, сволочь проклятая! Да я васъ... въ порошокъ сотру!..

Живодеровъ сталъ въ оборонительное положеніе.

— Лучше, ваше бродье, не ершитесь по-пустому. Станете кричать—гораздо больнѣе отлупсуемъ. Ложись лучше по доброй волѣ.

— Прочь, негодяи! Карауль! Помогите, спасите...

— Тебя просятъ честью, а ты еще орешь? Заткнуть ему ротъ, да поддержать покрѣпче, а я тѣмъ временемъ самъ сдѣру съ него его штанищи. Ну-ка!..

Сказано—сдѣлано. Штаны Живодерова превратились въ мелкіе клочья.

— Ребята, вали его и садись, кто на голову, кто на ноги, да въ пересыпку валяй, валяй его, друзья!

Притиснутый къ землѣ, Живодеровъ, съ заткнутымъ ртомъ и кричать уже не могъ. Началось лупсованье.

— Это тебѣ за то, чтобъ не пилъ кантонистской крови,—приговаривалъ атаманъ:—это тебѣ за то—не дери сыновей; это тебѣ за то—не идѣвайся надъ женой, не тирань свою дочь, раскрасавицу-барышню; а вотъ это тебѣ за всѣхъ ихъ, да и за насъ, православныхъ! Крѣпче! та-та, та та. Любилъ кататься—люби и саночки возить!.. Крѣпче! та-та, та-та!.. Крѣпче!.. Довольно!

Живодеровъ едва былъ въ силахъ стонать.

— Ну-съ! теперь мы, баринъ, съ тобой, кажется квиты. Будешь живъ и объ насъ вспомни, а пока—спокойной ночи. А вы молодцы, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, уничтожься, пропади!

И отрядъ исчезъ во мракѣ ночи.

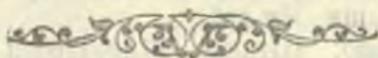
Наканунъ своего выступленія, выпускные разгласили по всему заведенію о чудеснѣйшей лупсовкѣ, заданной ими заблѣвшему послѣ того Живодерову, и кантонистамъ было до того приятно узнать это, что подробности лупсовки переходили изъ устъ въ уста нѣсколько лѣтъ сряду.

Насталъ, наконецъ, и день выступленія выпускныхъ въ походъ. Веселые, счастливые, прощались они съ товарищами, цѣловались давали слово переписываться. Но тяжела была разлука для тѣхъ, которымъ суждено было остаться въ заведеніи и горячо завидовали они своимъ счастливымъ товарищамъ.

Совершенно счастливыми пустились выпускные въ путь, шли и оглядывались назадъ, за кавармы, плевали на нихъ, гробили кулакомъ и посылали всевозможныя проклятія, какъ за-

веденскому воспитанію, такъ и людямъ, руководившимъ этимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ выпускныхъ, пройдя всѣ вышеописанныя мытарства заведенія, шли уже на службу и знакомые читателю кантонисты—Василій Ивановъ и Иванъ Степановъ. Первый шелъ въ писаря—въ полкъ, а послѣдній—подъ ружье, въ саперы.

Въ первой части предъидущихъ очерковъ исчерпанъ нами весь бытъ бывшихъ кантонистовъ. По достиженіи ими 18—20-лѣтняго возраста они, по мѣрѣ надобности, назначались: признанные негодными къ фронту и неграмотные—въ военныя мастеровыя команды; малорослые и малоспособные къ фронту—въ фельдшерскіе ученики военныхъ госпиталей и лазаретовъ, да въ артиллерійскіе и инженерные цейхдинеры и цейхшрейберы; порядочно грамотные, но подававшіе недостаточную надежду на образованіе изъ нихъ хорошихъ солдатъ—въ писаря вѣдомствъ: военнаго, морскаго и путей сообщенія; рослые и отличавшіеся знаніями строевой науки—въ рядовые, а обладавшіе красивымъ почеркомъ, либо протекціями—въ писаря военнаго и морскаго вѣдомствъ, либо и учебныхъ карабинерныхъ полковъ, при которыхъ состояли батальоны кантонистовъ.

Для всесторонняго ознакомленія читателей съ истиннымъ положеніемъ огромнаго большинства бывшихъ кантонистовъ, попадавшихъ на службу въ полки и министерства, мы провели одного изъ наиболѣе удачныхъ «многострадальныхъ» чрезъ названныя учрежденія, въ которыхъ онъ, вращаясь среди подобныхъ ему людей, и пережилъ все то, что всѣхъ постигало и волновало... Потомъ мы, кстати, показали отношенія къ нимъ всѣхъ начальствовавшихъ надъ ними въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ, а равно міросозерцаніе руководителей учрежденіями, славившихся въ то время положительными или отрицательными репутаціями, но впоследствии кончившихъ земное существованіе сановниками, почему теперь, съ исторической точки зрѣнія, ихъ дѣйствія представляются любопытными, даже интересными. Затѣмъ мы привели множество своеобразныхъ эпизодовъ изъ дѣятельности различныхъ учреждений, отдѣльныхъ группъ и популярныхъ, своевременно, лицъ въ связи съ совершившимися послѣ крымской войны военными, а отчасти и гражданскими реформами. Наконецъ коснулись не мало и такихъ фактовъ, которые очень занимали тогдашнее общество, а нынѣ должны считаться матеріаломъ для характеристики того общества, о которомъ сохранились уже только воспоминанія.

Такимъ образомъ, вторая часть очерковъ служить одновременно и прямымъ продолженіемъ и окончаніемъ «Многострадальныхъ» и самостоятельнымъ произведеніемъ, имѣющимъ, кромѣ того, и автобіографическій характеръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„Мало словъ, а горя рѣченка, —
Горя рѣченка бездонная“...
(„Орина, мать солдатская“).
Н. А. Некрасовъ.

I.

Дома, въ баталіонѣ, въ гостяхъ и протекція.

СѢ воспоминанія начинаются съ родителей. Сдѣлаю и я тоже самое. Мои родители формально были приписаны къ городскому мѣщанству, а жили за городской заставою, гдѣ содержали плохенькій постоялый дворъ, въ которомъ приставали прохожіе и проѣзжіе простолюдины. Дохода съ постояльцевъ не хватало и на скудное прожитіе нашей семьи, т. е. отца, матери, меня и стряпухи; поэтому отецъ скупалъ еще, изъ первыхъ рукъ, деревенскія произведенія и сбывалъ ихъ, съ нѣкоторою для себя выгодною, городскимъ чиновничьимъ семействомъ. Отъ безпрерывныхъ сношеній съ ними отецъ обзавелся, въ этой средѣ, не только знакомыми, но и «духовными» родственниками: моими воспріемниками были господа, а какіе именно — узнаете своевременно. Отецъ и мать были, на свое несчастіе, «старовѣрами». Оттого и сдружились они съ какимъ-то проходивцемъ, который совратилъ ихъ въ какую-то зловредную секту, а они, въ свою очередь, увлекли за собою немало другихъ, себѣ подобныхъ, темныхъ людей. Начальство объ этомъ дозналось, арестовало моихъ родителей осудило, наказало и сослало въ Сибирь. Вотъ все, что я помню, да и то больше по слухамъ, о своихъ родителяхъ. Никакихъ вѣстей ни я отъ нихъ никогда не получалъ, ни имъ о себѣ не подавалъ, потому что не зналъ, гдѣ и какъ ихъ розыскивать.

Семилѣтнимъ ребенкомъ сдали меня въ баталіонъ кантонистовъ. Тамъ воспитаніе наше заключалось въ такомъ суровомъ физическомъ и нравственномъ муштрованьѣ, что изъ 10-ти человекъ едва лишь 2—3 выходили неискалеченными изъ «живодерень», какъ назывались а parte эти якобы — учебныя заве-

денія. Къ числу счастливыхъ исключеній принадлежалъ и я, не смотря на то, что пробылъ восемь лѣтъ въ «эпиходерѣ», именовавшейся «неранжированнымъ батальономъ учебного полка». Меня мучили несравненно меньше другихъ, собственно потому, что я имѣлъ значительную, въ своемъ родѣ, протекцію, — въ лицѣ крестнаго отца.

Онъ происходилъ тоже изъ кантонистовъ, прослуживъ въ томъ же батальонѣ 20 лѣтъ, учителемъ унтеръ-офицерскаго званія, потомъ получилъ классный чинъ и управлялъ дѣлами полковаго хозяйственнаго комитета. «Крестный» часто освѣдомлялся у моего непосредственнаго начальства о моихъ успѣхахъ въ наукахъ, просилъ, кого слѣдовало, не обязать меня и пускать къ нему со двора. Все это безпрекословно исполнялось, — разумѣется, изъ чувства самоохраненія: для моихъ начальниковъ письмоводство оказывалось великою пренудностью, а крестный всегда могъ, — если-бы пожелалъ, — манаскитить любому изъ нихъ. Въ угоду крестному, меня и отличали далеко не по заслугамъ: я былъ, напр., и капральнымъ ефрейторомъ, и сержанцемъ, и знаменщикомъ, а это очень много значило: тѣхъ мальчиговъ знало лично все полковое, да и высшее начальство.

Наши главные науки, т. е. фронтовая, я отъ всей своей дѣтской души ненавидѣлъ, а начальства — боялся. Крестный принадлежалъ къ числу нашего начальства, почему и его я, по меньшей мѣрѣ, остерегался. Это происходило главнымъ образомъ оттого, что онъ видѣлъ меня только въ своей квартирѣ, по праздникамъ, часа по два въ недѣлю, да я тогда былъ, вѣчно занятый, просто, кажется, не догадывался, что я страдаю. Впрочемъ, еслибъ онъ и хотѣлъ заглянуть мнѣ въ душу, то едва ли бы успѣлъ въ этомъ: выразить ему, начальству, то, что во мнѣ творилось, — я ни за что не рѣшился бы, безъ опасенія проинѣвить его. Я и ходилъ къ нему не съ радостью, какъ ходятъ школьники въ отпускъ, а нехоти, даже по поволѣ. Войду, бывало, крадучись, въ переднюю, переминаюсь съ ноги на ногу, громко — нарочно — кашляю, чтобы услышали, и качну охорашиваться.

— Это ты, Петя? — спросить, бывало, крестный, сидя въ залѣ, съ газетою въ рукахъ. — Я ужъ понялъ, что ты: кромѣ тебя, никто такъ осторожно не пробирается.

— Я-съ, — отвѣчаю сквозъ зубы, помаленьку выдвигаясь валу, и неловко киваю головою, въ видѣ поклона. — Съ праздникомъ-съ, честь им-мѣю поздравить. — Послѣднія слова я договариваю уже тихонько и краснѣю.

— Спасибо, Петя, Спасибо. Былъ ты сегодня у обѣдни?

— Былъ-съ... Точно такъ-съ...

— Садись: въ ногахъ правды нѣтъ.

Сажусь на краешекъ кушетки и лихорадочно жду, что будетъ дальше?

— Если ты былъ у обѣдни, то отъ какого, скажи-ка мнѣ, святаго евангеліе читали?

Религиознымъ предметамъ насъ совсѣмъ почти не учили; поэтому я и не зналъ, что отвѣчать, а заявить объ этомъ открыто не хватало смѣлости.

— Что жъ: отъ Ѳомы, Луки, или отъ Матея? — настаивалъ онъ.

— Отъ Матвѣя, — наугадъ отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, братъ, ошибаешься.

— Точно такъ-съ, — сознаюсь я, какъ солдаты передъ начальникомъ.

— Благодарю за откровенность. Ну, а какъ ты поживаешь, учишься грамотѣ, фронтовымъ наукамъ?

— Ничего-съ, понемногу-съ...

— Жаль, что не помногу. А какъ ты, посмотримъ, одѣтъ?

И вся моя обмундировка подвергалась тщательному осмотру, когда и отъ казарменныхъ смотровъ душа и тѣло постоянно выли, болѣли.

— Маршируешь ты, говорятъ, хорошо, а командуешь заводомъ не форсисто, ценялъ мнѣ намереніи твой ротный командиръ. Старайся: безъ умѣнья командовать — въ унтеръ-офицеры не попадешь.

— Перестань, Иванъ Ивановичъ, надоѣдать ему пустяками, — вмѣшивалась, бывало, жена крестнаго, женщина пожилая и почти постоянно больная. — Всѣ эти фронты, право, противны. Скажи лучше, Петя, отчего ты насъ никакъ не называешь? Ни папашей, напр., ни мамашей? Своихъ дѣтей у насъ, голубчикъ, нѣтъ и мы вѣдь тебя считаемъ за роднаго?

Я окончательно конфужусь и упорно молчу.

— Говори намъ, пожалуйста, откровенно все, что чувствуешь, думаешь. О чемъ ты, напримѣръ, постоянно грустишь, хмуришься? Плохо жить, что ли?

— Такъ-съ... не знаю-съ... — лепечу я безсознательно, хоть и чувствую, что наступила самая удобная пора прямо высказаться, но не могу одолѣть своей робости, забитости.

— Онъ здоровъ, сытъ, одѣтъ и обутъ прилично, обижать его никто не смѣетъ, значить и грустить ему не о чемъ, — вразумлялъ крестный сразу и жену, и меня. — Вотъ, ежели бы онъ былъ кантонистомъ въ наше время, ну, тогда точно было о чемъ горевать!.. А теперь, да еще подъ моимъ покровительствомъ, — ему не отъ чего носъ вѣшать, быть пентюхомъ. Впрочемъ, это со временемъ пройдетъ: въ дѣтской натурѣ много есть неразгаданнаго.

— Дай Богъ, чтобъ прошло, а то его хмурость меня серьезно беспокоитъ: онъ можетъ сдѣлаться меланхоликомъ.

— И полно, матушка, пустяки-то говорить. Вели-ка, Петя, лучше пирога подавать; червячка до обѣда заморимъ и повеселѣемъ.

Я бѣгу въ кухню уже развязнѣе: кухарка Марѳа моя ровня. Пообѣдавши, процѣживаю сквозь зубы благодарность и сажусь къ окну глядѣть на прохожихъ и проѣзжихъ, а хозяйка начинаютъ читать: крестный—«Московскія Вѣдомости», а жена его—какую-то книгу. Желая скорѣе вырваться изъ гостей,—я временами громко зѣваю, вздыхаю.

— Хочешь, вѣрно, гулять? — спрашиваетъ крестный, догадываясь, что значать мои вздохи.

— Да-съ, позвольте...

— Дай, матушка, Петѣ гостинцевъ и пусть себѣ идетъ съ Богомъ,—предлагаетъ крестный женѣ.

— Возьми, Петя, вонъ на буфетѣ узелочекъ, я тебѣ приготовила. Пожалуйста, не грусти: въ твои лѣта неприлично быть букой.

Я вполнѣ сознаю свою виновность, внутренно казнясь за свою робость, мѣшающую открыться, что мнѣ жутко, противно жить взаперти, но языкъ прилипаетъ къ гортани и я отмалчиваюсь.

— Если завтра увидишь ротнаго командира, — нарушаетъ крестный молчаніе,—то скажи, что я ему кланяюсь. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Какими же ты словами это скажешь?

Я смущаюсь.

— Крестный приказалъ, молъ, вамъ кланяться, — подсказывала мнѣ его жена.

— Нѣтъ, матушка, онъ долженъ вмѣсто «вамъ» сказать «вашему благородію», чтобъ не придрался къ слову: оно противно дисциплинѣ.

— Да въ его командирѣ благородства нѣтъ, кажется, никакого, и я удивляюсь, какъ это ты, Иванъ Ивановичъ, возишься съ этими оболтусами.

— Оболтусъ онъ, какъ человекъ, — не спору, а какъ офицеръ—онъ благороднымъ называется и я ему кланяюсь по поговорицѣ: «съ волками жить—по волчьему выть». Петя же подчиненный—обязанъ почитать своего начальника, кто бы онъ ни былъ. И ты напрасно, матушка, внушаешь ему вольныя мысли: онѣ могутъ ему повредить. Ты, Петя, смотри: почитай своихъ начальниковъ, веди себя смиренно, учись хорошенько, чтобы тобой всѣ были довольны; въ этомъ прямая твоя польза. Ступай, — заключаетъ крестный, — а въ слѣдующее воскресенье одѣнься почище и сходи къ крестной: она, — а главное — ея генеральша давно уже тебя не видали, а это нехорошо.

Я лепечу «прощайте» и удаляюсь въ кухню, гдѣ узелокъ мой подбѣтеть, и отправляюсь бродить по улицамъ, до сумерекъ, а потомъ—во свояси, съ тою же грустью и съ тѣмъ же страхомъ передъ вопросомъ: минутъ ли меня въ теченіе предстоящей недѣли, по крайней мѣрѣ, хоть розги? Къ зуботычинамъ мы всѣ привыкли также, какъ къ гречневой кашѣ.

Крестная въ то время красивая, рослая и молодая барышня — была дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей» и получила воспитаніе у богатой, знатной и чванной генеральши Глуховой. Генеральша занимала огромный домъ на краю города, чтобы ѣзда ее не беспокоила. Окружали ее почти безотлучно: брать-старикъ, двѣ барышни воспитанницы, человекъ 20 прислуги и стая собакъ, а знакомство водила она исключительно съ губернскими сановниками да и тѣ относились къ ней почтительно, ради ея связей въ Петербургѣ. О моемъ приходѣ крестная узнавала во время исполненія порученій генеральши, внѣ ея кабинета. Обходила крестная со мной дружески, но упрочить наше взаимное расположеніе—мѣшало собственно то, что болѣе получасу мы никогда не разговаривали, не оставались безъ постороннихъ. Она же представляла меня генеральшѣ, которую я всегда заставлялъ полулежавшею въ широкихъ, высокихъ креслахъ, точно на тронѣ. Противъ ея кресель, въ нѣкоторомъ отдаленіи, помѣщались, что называется на чеку, на стульяхъ, обѣ воспитанницы; дальше въ углахъ: въ одномъ, въ креслахъ же—старикъ, съ книгой въ рукахъ, а въ другомъ, на бархатныхъ подушкахъ—лежали двѣ мохнатыхъ огромныхъ собаки. Я входилъ въ кабинетъ, вытягивался въ струнку и начиналъ пугаться: темносиніе обои комедаты, полумракъ отъ опущенныхъ сторъ, ворчанье собакъ; перешептыванье воспитанницъ, перемигиванье съ ними старика и изможденная восковая фигура дремавшей старухи, — все это наводило на меня уныніе и страхъ.

— Ахъ, да, я и забыла про него, — процѣживала старуха, послѣ неоднократнаго напоминанія обо мнѣ. — Подойди-ка сюда мальчикъ; я издали плохо тебя вижу: глаза слабы.

— Здравствуйте, ваше превосходительство, — рапортую я, приближаясь къ ней. — Съ праздникомъ позвольте поздравить васъ...

— Здравствуй, здравствуй, мальчикъ, — прошамкивала она, укладывая на подставленную подушку свою руку, для моего цѣлованія. Чѣмъ ближе подходилъ я къ ней, — тѣмъ усерднѣе собаки ворчали и пугали меня. Я торопливо цѣловалъ ея когтистую морщинистую руку и отскакивалъ назадъ.

— Ой, больно! — чуть не вскрикивала она — точно пивка въ руку впиваешься. Потрите скорѣй мнѣ руку одеколономъ, чтобы не распухла.

Я злобно смотрю въ полъ и пячусь все дальше къ двери, подъ ворчанье старухи и ея собакъ, а крестная краснѣетъ за меня.

— Не сердитесь, пожалуйста, сестрица: это вамъ вредно, — виѣшивался старикъ. — Онъ цѣлуется, я увѣренъ, отъ души, а его неловкость происходитъ отъ непривычки къ этикету, да отъ застѣнчивости предъ вами.

— Можетъ быть. Ты, Седжъ, и правъ, но вѣдь онъ мнѣ при-

чинаетъ боль, да и долженъ же онъ приучаться къ порядку? А то смотритъ изподлобья, отвѣчаетъ невпопадъ, спотыкается о ковры, не имѣетъ никакого такта!..

— Будьте, сестрица, снисходительны къ нему: доля его сиротская, а вы сиротамъ всегда вѣдь покровительница.

— Я, и не сержусь, а только напоминаю ему объ его обязанностяхъ. Подойди, мальчикъ, еще разъ ко мнѣ, подойди поосторожнѣе.

Я приближаюсь къ ней; она погладитъ меня по головѣ, прошепчетъ: «Бѣдный сиротка... я уже похлопочу о тебѣ», велитъ дать мнѣ гостинцевъ, и я переселяюсь въ людскую. Однажды я, въ присутствіи губернатора, свитскаго генерала князя Удусова, нечаянно опрокинулъ стулъ. Генеральша обратила мой поступокъ въ шутку, а потомъ произнесла:

— Вы, губернаторъ, прикажите-ка учить ихъ деликатнымъ манерамъ, а то они невозможны въ хорошемъ обществѣ.

— Я такъ внимательно слѣжу за ихъ воспитаніемъ, что право не заслуживаю вашего упрека,—отозвался онъ, хотя бывалъ у насъ въ казармахъ буквально равъ въ году, по одному часу, да и то только въ полковой праздникъ, на парадѣ.

— Если бы вы слѣдили за ихъ воспитаніемъ, они были бы развязны, а не забиты. Сравните-ка его съ Полемъ (ея племянникомъ) и увидите всю разницу въ ихъ обхожденіи со старшими.

— Разница эта вполнѣ натуральна: Поль воспитывается въ пажескомъ корпусѣ, подъ надзоромъ лучшихъ въ Россіи учителей и гувернеровъ, а кантонистамъ дядекъ даже и изъ солдатъ не полагается.

— И напрасно, князь, не полагается: въ казенныхъ заведеніяхъ все должно полагаться, а чего недостаетъ — обязанность губернатора выхлопотать..

— Ходатайствовать о назначеніи имъ гувернеровъ — я, къ сожалѣнію, не могу съ: въ департаментѣ военныхъ поселеній, — куда я долженъ бы объ этомъ писать, — меня назовутъ сумасшедшимъ, и основательно: гувернеровъ для кантонистовъ?! Да это, помяните, притча во языцѣхъ!..

— Вы, князь, вѣчно остерегаетесь и Богъ съ вами!.. Я уже сама напишу князю Чернышеву (вѣдь еще онъ, кажется, военнымъ то министромъ?) и вы покаетесь: я васъ всѣхъ аттестую по заслугамъ.

Я, крадучись, ретировался въ переднюю. Туда же вскорѣ вышелъ и губернаторъ, въ сопровожденіи старика и моей крестной.

— Мнѣ изъ-за тебя выговоръ сдѣлали, такъ за это я, братецъ, веду тебя выпоротъ, — заявилъ мнѣ губернаторъ.

— Ради Бога, князь, не дѣлайте этого, заступилась крестная. — Кантонистамъ такъ плохо живется, ихъ такъ сильно

обижаютъ, что они жалости достойны, а не большихъ еще мученій.

— Лена правду говорить, и вы, князь, примите лучше участіе въ этихъ несчастныхъ сиротахъ, — поддержалъ старикъ. — Прибавлю вамъ, что сестра не разъ покушалась писать объ этомъ князю Чернышеву, да я все отговаривалъ ее, чтобы вамъ не сдѣлать непріятностей.

— Гм... Какъ гость, — дѣлаю угодное вамъ, хозяевамъ; но... ахъ, да, вотъ что: я пришлю за тобой и ты мнѣ расскажешь про ваше житье-бытье.

— Вотъ за это вамъ спасибо, — весело сказала крестная. — Я очень рада.

— Ваше разумное рѣшеніе и сестрѣ понравится, — прибавилъ старикъ: — я передамъ это ей.

Губернаторъ записалъ себѣ на память, какъ меня зовутъ, изъ какой я роты, и уѣхалъ. Въ людской, гдѣ я потомъ обѣдалъ, — прислуга отсовѣтовала мнѣ заявлять въ казармѣ объ общаніи губернатора призвать меня къ себѣ, чтобы не нажить за это бѣды отъ начальства, да, пожалуй, еще и даромъ: губернаторъ, — увѣряли меня, — часто зря болталъ, что ему на умъ взбредеть, а на этотъ разъ форсиль, вѣроятно, своей мнимой добротой предъ крестною. Я послѣдовалъ совѣту прислуги и цѣлую недѣлю томился сомнѣніемъ: какъ бы губернаторъ самъ не открылъ начальству, какъ я при немъ стулъ свалилъ, и тогда... о тогда бы мнѣ жестоко за это попало!..

Въ слѣдующее воскресенье, когда я стоялъ во фронтѣ въ полковой церкви, у обѣдни, фельдфебель вдругъ вызвалъ меня въ коридоръ. Тамъ я увидѣлъ молодаго, красиваго офицера; окруженнаго нашими баталіоннымъ и ротными командирами. Это былъ губернаторскій адъютантъ. Онъ спросилъ меня: тотъ ли я, кого губернаторъ видѣлъ у генеральши Глухой? Я признался.

— О чемъ его сіятельство изволили тебя спрашивать? — озадачилъ меня майоръ Брюшковъ: — отчего ты объ этомъ скрылъ?

— Мнѣ недосугъ слушать ваше разбирательство: князь ждетъ меня вмѣстѣ съ нимъ, и я беру его съ собой, — перебилъ адъютантъ.

— Безъ разрѣшенія полковаго командира, — извините меня г. поручикъ! — я затрудняюсь отпустить его, тѣмъ болѣе, что онъ проштрафился. Въ билетахъ пишется: «если высшее начальство встрѣтитъ отпущеннаго со двора и что нибудь спросить или прикажетъ, — отпускнуой, по возвращеніи въ казармы, долженъ тотчасъ же объ этомъ отрапортовать», а онъ все утаилъ. Я тебѣ уже зад дамъ! — прибавилъ онъ мнѣ, понизивъ тонъ.

— Ждать, г. майоръ, покамѣстъ вы получите разрѣшеніе, — мнѣ не приходится. Я дѣйствую именемъ губернатора; кто я — вы знаете; не исполнить приказанія князя и полковой вашъ командиръ не вправѣ, слѣдовательно, намъ нечего болѣе и раз-

суждать. Что онъ не доложилъ вамъ о свиданіи съ княземъ, тоже не важность; онъ, вѣроятно, не умѣетъ еще даже и прочесть содержаніе вашего билета. Наконецъ, стращать его, да еще при мнѣ.—я вамъ не совѣтую: я могу это передать князю..

Начальство струсило, шопотомъ совѣщалось между собою и упросило адъютанта подождать, покуда я, но крайней мѣрѣ, хоть одѣнусь получше. Мой ротный командиръ и фельдфебель опроретью побѣжали со мною въ казармы, гдѣ я переоблачился съ ногъ до головы во все самое форменное, новенькое, выслушалъ наистрожайшій наказъ: всѣхъ и все непременно хвалить предъ губернаторомъ, вернулся въ церковь и подвергся въ ней внимательнѣйшему осмотру майора.

— Смот-три!—грозно шепнулъ онъ мнѣ въ заключеніе.

Съ этого момента я перешелъ во власть адъютанта. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть съ нимъ въ коляску, и мы поѣхали.

— Васъ, дѣйствительно, за всякій вздоръ порясть, какъ сидорову козу? освѣдомился адъютантъ дорогою.—Отъ вашихъ бурбоновъ больше, впрочемъ, и ждать нечего, — продолжалъ онъ,—они, неправда ли, всѣ вѣдь мерзавцы?

— Точно такъ-съ!—сорвалось у меня съ языка, сто разъ на дню трещавшаго это «точно такъ-съ».

Онъ похвалилъ меня, разсмѣялся, потомъ спросилъ: видѣлъ ли я въ комнатѣ крестной кого нибудь изъ мужчинъ; хвалила ли она при мнѣ кого нибудь изъ посѣщавшихъ домъ генеральши, не слыжалъ ли: кого она любитъ и какъ отзывается о губернаторѣ? Путнаго я, разумѣется, ничего ему не отвѣчалъ, потому что и самъ ничего не зналъ. По пріѣздѣ въ губернаторскій домъ, онъ ввелъ меня въ пріемную и исчезъ, а, немного погодя, лакей провелъ меня въ кабинетъ губернатора. Губернаторъ ласково произнесъ мнѣ: «здравствуй, дружокъ»; я гаркнулъ: «здравія желаю, ваше сіятельство», и онъ велѣлъ мнѣ отодвинуться въ сторону. Оправившись отъ смущенія, я увидѣлъ, что губернаторъ, въ генеральскихъ эполетахъ, помѣщался на стулѣ; противъ него почти лежалъ, съ ногами на диванѣ, старикъ въ перепачканномъ, грубомъ мужичьемъ кафтанѣ; въ креслахъ же сидѣли: статскій генералъ со звѣздою на груди, а рядомъ съ нимъ, въ формѣ, нашъ учитель, унтеръ-офицеръ, который, какъ и губернаторъ, курилъ сигару. Это панибратство губернатора съ мужикомъ, а мало того и съ солдатомъ, поразило меня.

— За потягиваніе эфтого зелья—который уже разъ говорю я вамъ, ребята!—каленнымъ желѣзомъ рты на томъ свѣтѣ выжигать стануть, а вамъ все нейдется,—молвилъ старикъ.—И выжиганіе эфто тебѣ, князь, жутче покажется: и сильнѣй, чѣмъ ему, жечь стануть, да и нѣжнѣй ты по природѣ по своей.

— А тебя, Егоръ Спиридоновичъ, чѣмъ жечь стануть за твое скопидомство?—въ свою очередь спросилъ губернаторъ,—Впрочемъ, что тамъ будетъ, еще неизвѣстно, а вотъ кантонистамъ здѣсь,—какъ всѣ говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ,—очень плохо приходится.

— Вѣстимо, плохо, это всё давно—предавно уже знаютъ для чего-жь ты, князь, мальчонку-то призвалъ?

— Да распросить его чѣмъ именно плохо?

— И чтобъ его за розказни потомъ отпоролъ?—Не резонъ, право, не резонъ.

— Почему ты это полагаешь?

— Да доказчику всегда первый кнутъ. Коли ежели ты,— какъ и я знаю,—не воленъ прогнать все ихнее командерство и поставить хорошее—нечего тебѣ и мальчонку подъ розги подводить. Ей, ей такъ.

— Но князь можетъ донести вышему начальству, а оно распорядится улучшить быть кантонистовъ,—вставилъ статскій генераль.—Съ своей стороны, и я готовъ содѣйствовать этой прекрасной дѣли, насколько могу.

— Донosite, доноситe, господа, сколько хотите: у командерства и въ Москвѣ, и въ Питерѣ есть за денежки заступа, стало быть, изъ всего этого одинъ только пустой переполохъ выйдетъ. Я на своемъ вѣку все это уже стократъ видывалъ, — увижу значить, и сто первый разъ.

— Егоръ Спиридоновичъ отчасти, позволю себѣ доложить правъ,—поддержалъ унтеръ.—Прикажутъ изслѣдовать дѣло, о прѣздѣ слѣдователя сообщать нашимъ тайно или явно, но за благовременно, а они примутъ всё мѣры къ тому, чтобы оправдаться. Самую систему воспитанія слѣдуетъ измѣнить.;

— Въ такомъ случаѣ, составъ, пожалуйста, Николай Павловичъ, объ этомъ проектъ, и я его представлю, а какъ побѣду въ Петербургъ, лично тамъ похлопочу объ утвержденіи проекта.

— Съ удовольствіемъ, князь, составлю, если его превосходительство не откажется проредактировать проектъ: просвѣщенность ихняя—всей Россіи извѣстна.

— Охотно готовъ быть вашимъ сотрудникомъ. — отозвался статскій генераль.

— Всё ваши писанія вздоръ, коли въ людяхъ ни Бога, ни чести, ни разума нѣтъ, — возразилъ старикъ.— Вотъ меня, примѣрно сказать, никто ничему не училъ, мужикомъ я и теперь числюсь. Тебя Миколай Павлычъ, шлифовали въ той же «живодернѣ», ты и доселѣ въ ней ундеромъ еще болтаешься, а все таки мы съ тобой молодцами вышли: я—за капиталъ, а ты—за свой разумъ,—въ княжескихъ хоромехъ оба прохлаждаемся, когда иные полковники дальше передней не попадаютъ. Вотъ оно что значить Богъ.

— «На Бога надѣйся, да и самъ не плошай», — замѣтилъ генераль.—Кстати, отчего вы, Егоръ Спиридоновичъ, не пишетесь въ купцы, а остаетесь крестьяниномъ?—спросилъ онъ старика.

— Я крестьянинъ царскій, а не барскій, стало быть, меня никто тронуть напрасно не смѣетъ; по капиталу же я выше

первогильдейскаго купца: меня всѣ почитаютъ, а больше мнѣ ничего и не надо. Одначе, пора и ко шамъ.

— Позавтракай съ нами!—княгиня этого желаетъ.

— Спасибо, князь, не могу: меня семья ждетъ обѣдать. А прикажи-ка ты, князь, мальчонку покормить, да отослать въ казарму съ вѣстью, что онъ распрекрасный есть человѣкъ, а отъ меня вотъ тебѣ, паренёкъ, на орѣхи семитку. Прощайте.

Онъ всталъ, далъ мнѣ 2 копѣйки, пожалъ руку генералу, ундеру и удалился съ княземъ.

— Если не секретъ,—соблаговолите, князь, пояснить: изъ-за чего вы возитесь съ Бугровымъ? — освѣдомился генераль, по возвращеніи губернатора.

— Во-первыхъ—люблю слушать его мѣткія обо всемъ сужденія; во-вторыхъ—онъ помогаетъ мнѣ своими совѣтами лучше управлять и собственными, и общественными дѣлами, въ третьихъ—я подбиваю его построить и пожертвовать городу каменный театр, вмѣсто настоящаго, деревяннаго: при его миллионномъ состояніи бросить 20—30 тысячъ—пустяки.

— Да вѣдь онъ, раскольникъ, считаетъ театральныя представленія тяжкимъ грѣхомъ?

— Это ничего: онъ поддается, и я, съ помощью княгини, добьюсь, кажется, толку. Просилъ же у меня одинъ сумасбродъ разрѣшенія выволотить крышу своего дома и ограду около него, а какъ я его пугнулъ за это, такъ онъ богадѣльню выстроилъ.

Всѣ трое пошли завтракать. Ввели и меня въ столовую. Тамъ, вокругъ стола, сидѣли мужчины и женщины, а въ числѣ ихъ адъютантъ и нашъ ундеръ. Губернаторша пристально оглядѣла меня, губернаторъ назвалъ «молодцомъ» и отослалъ въ людскую, гдѣ меня отлично накормили и увѣрили, что ундеръ, какъ учитель дѣтей князя, въ большой милости у него и у княгини, а потому считается домашнимъ человѣкомъ.—Въ казармы я вернулся съ чиновникомъ, который передалъ дождавшемуся меня майору, что губернаторъ остался мною очень доволенъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько сутокъ сряду меня терзали непрерывными разпросами обо всемъ, что я слышалъ во «дворцѣ». Зная по опыту, къ чему все это клонилось, — я именно утаилъ это «все». Тогда вспомнили о моемъ секретѣ первой встрѣчи съ губернаторомъ, и изъ мщенія, проманежили меня на часахъ вею ночь напролетъ.

Жизнь моя текла обычнымъ чередомъ. Я росъ подъ гнетомъ окружающаго и сокрушавшаго насъ мрака, со звѣрствомъ пополамъ. Научился я читать съ прописи, писать, и,—по примѣру товарищей съ протекціями,—сталъ мечтать, какъ-бы перебраться въ полковую канцелярію: тамъ занималось 30—40 человѣкъ кантонистовъ, и имъ,—какъ мнѣ издали казалось,—привольно жилось. Просить объ этомъ мнѣ предстояло, конечно, крестнаго. Но куда я собирался съ духомъ—мое желаніе осуществилось. У крестнаго меня нерѣдко видалъ и ласково со мной обходился

полковой казначей, поручикъ Курочкинъ (тоже изъ кантонистовъ), человекъ простой, добрый и женатый на богатой помещицѣ. Формально онъ считался начальникомъ крестнаго, но частно велъ съ нимъ знакомство домами и дружбу. Я хаживалъ къ нему отъ крестнаго съ бумагами и газетами. Однажды онъ и спросилъ меня: хочу ли я въ писаря въ его канцелярію? Я отвѣтилъ, разумѣется, утвердительно.

— Ладно. Никому объ этомъ, покажѣсть, ни гу-гу. Сдѣлаемъ папашѣ сюрпризъ.

II.

Полковая канцелярія.

ЧЕРЕЗЪ нѣсколько дней, Курочкинъ отыскалъ меня въ классѣ, сказалъ что-то инспектору, древнему чиновнику Романову, велѣлъ мнѣ идти за собою и привелъ въ полковую канцелярію.

— Вотъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, новый писарь, — прошу любить и жаловать, — заявилъ Курочкинъ крестному: — а тебѣ, Петя, честь и мѣсто, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Научись писать — чиновникомъ, какъ папаша, либо и офицеромъ, какъ я, — будешь.

Я то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ волненія, но не находилъ словъ для выраженія благодарности.

— Исполнишь, что Петръ Петровичъ тебѣ сказалъ — счастливъ будешь, а нѣтъ — въ ротъ назадъ прогонимъ, — шутливо предупредалъ меня крестный.

Оба поговорили между собою, подозвали къ себѣ писаря въ галунахъ, потолковали и съ нимъ; наконецъ, за кѣмъ-то послали. Явился красивый, здоровенный фельдфебель.

— Здравствуй, Алексѣевъ, — привѣтствовала его Курочкинъ. — Не въ службу, а въ дружбу — прими, пожалуйста, къ себѣ на жительство вотъ этого молодца. Заниматься онъ будетъ здѣсь, у насъ, а на житье рѣшили мы помѣстить его къ тебѣ, за твое прекрасное поведеніе.

— Не откажитесь, пожалуйста, Алексѣевъ, исполнить нашу общую просьбу, — прибавилъ крестный. — Петѣ нуженъ именно такой руководитель, какъ вы.

— Слушаю-съ. Въ точности исполню угодное вашимъ благородіямъ. — отвѣтилъ Алексѣевъ обоимъ сразу.

— И отлично. Такъ иди, распорядись встрѣтить гостя, — заключилъ Курочкинъ.

Алексѣевъ ушелъ. Меня отправили съ запискою и съ солдатомъ въ роту. Тамъ я сдалъ бывшія у меня смотровыя вещи. А будничныя и собственныя солдатъ принесъ со мною къ

Алексѣеву. Онъ занималъ совершенно отдѣльную квартиру, вовлѣ канцеляріи.

— Вотъ, Гавриловъ, онъ здѣсь будетъ жить, — заявилъ Алексѣевъ своему служителю, когда я явился съ моимъ скарбомъ. — Обижать его не смѣй: онъ крестникъ Палова и любимецъ казначея. Ты же, Петя, если будешь смиренъ и друженъ съ нами — во всемъ выгадаешь, а нѣтъ прогадаешь, — продолжалъ онъ мнѣ. — Главное — когда-бы и кого-бы ты тутъ ни видалъ, что-бы ни слыхалъ, никому объ этомъ ни слова; точно также крестному, либо казначею, не «сучить» (сплетничать). Смекаешь?

— Все по вашему стану дѣлать, только не обижайте меня: я и безъ того измаялся въ «живодернѣ»... Я чуть не заплакалъ, при одномъ воспоминаніи о ротѣ.

— Ты, я вижу, славный малый, пойдемъ со мной обѣдать.

Онъ показалъ мнѣ свои три комнаты, по барски меблированныя и убранныя, попотчивалъ меня мадерой и такими-же тремя вкусными кушаньями, какія я ѣдалъ у крестнаго, выѣдалъ у меня все, что я зналъ про житье крестнаго и казначея, указалъ поставленную для меня въ передней кровать, снабженную всемъ нужнымъ, и разрѣшилъ мнѣ отдохнуть «послѣ трудовъ праведныхъ», что я охотно исполнилъ. Я проснулся въ сумеркахъ и услыхалъ говоръ.

— Пора, Анюта, тебѣ и домой: девять часовъ, — говорилъ Алексѣевъ.

— Ты, Гриша, другую, вѣрно, ждешь, что меня выпроваживаешь? — шутя, спрашивала женщина. — Нарочно ночевать останусь.

— Неловко, право, Анюта, неловко: онъ, по глупости, можетъ проболтнуться, а тогда...

— Коль скоро онъ постоянный твой квартирантъ, то не сегодня, такъ завтра, чрезъ день, чрезъ недѣлю — все равно пойметъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если онъ намъ помѣха, — ты бы отказался брать его къ себѣ.

— Этого-то и нельзя было сдѣлать: начальники выбрали изъ всѣхъ «штабныхъ» именно меня, оба просили, а просьба начальниковъ — приказаніе, которое надо исполнить. Къ тому же, чрезъ эту оказію я дознался, что состою на отличномъ счету у начальства, стало быть, меня и зачислили въ фельд-фебеля не для чего другаго, какъ для производства, потому, прямо въ подпоручики, а не въ прапорщики, какъ изъ унтеръ-офицеровъ.

— Ну, ладно. Пусть и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Приголубимъ мальчугана, онъ бываетъ въ благородныхъ домахъ. значить, съумѣетъ разсудить, что для него пріятно да полезно. Повови его сюда и посмотри, какъ я съ нимъ сразу полажу.

— Изволь. Эй, Гавриловъ. Разбуди-ка Петю; скажи ему, чтобъ пришелъ сюда чай пить.

Заслышавъ шаги Гаврилова, я притворился спящимъ, но, какъ только онъ меня окликнулъ, я вскочилъ, одѣлся, причесался и явился на зовъ.

— Здравствуй, Петя, — ласково привѣтствовала меня щегольски одѣтая, красивая, молодая блондинка. окинувъ пристальнымъ взглядомъ. — Извини, дружокъ. ежели, тебя потревожили; мнѣ очень хочется подружиться въ тобой; не знаю только согласишься ли ты на это.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ я, такъ какъ она сразу мнѣ понравилась простотою обращенія и добродушнымъ выраженіемъ лица.

— Я такъ и думала: ты, какъ слышно, умный, хорошій мальчижь. Садись вотъ сюда, поближе ко мнѣ на диванъ, бери чай, булки и кушай на здоровье.

Я не заставилъ себя упрашивать.

— Есть у тебя мать? — начала она со мной разговоръ.

— Родная мать куда-то сослана, а крестная, хотя и живетъ вдѣсь въ городѣ, да она барышня, и у нихъ всегда бываетъ начальство. Я и хожу къ ней рѣдко, — откровенничалъ я. — А мнѣ скучно, ахъ, какъ скучно да тяжело, не съ кѣмъ бываетъ и слова по душѣ сказать...

— Я замѣню тебѣ мать: мнѣ жаль тебя, сироту.

— Въ матери ты, Анета, ему не годишься: молода больно, — перебилъ Алексѣевъ.

— Такъ считай меня, Петя, своею старшею сестрою, будь со мной во всемъ откровененъ: все, что тебѣ понадобится, говори мнѣ и тотчасъ же получишь. Словомъ, заживемъ припѣваючи.

Я поблагодарилъ ее за участіе. Она долго пробесѣдовала со мною, пересмотрѣла мои скудные пожитки, наказала Алексѣеву — дать мнѣ изъ цейхгауза всякаго бѣлья, одежды и обуви по пяти паръ, а служителю, — чтобы мое бѣлье отдавать мыть прачкѣ Алексѣева; наконецъ, увѣрила меня, что я ни въ чемъ нуждаться не буду. Часовъ въ 11-ть, я съ ними поужиналъ и мы разошлись по своимъ мѣстамъ.

Страхнувъ съ себя казарменный гнетъ, я захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Рано утромъ, Анна Михайловна, послѣ чаю, который я съ ними пилъ, совсѣмъ одѣлась и подарила мнѣ цѣлковый, — капиталъ, какой я впервые считалъ своимъ. Я поцѣловалъ ей за это руку, она мнѣ отвѣтила поцѣлуемъ въ щеку, наказала ждать ее чрезъ день, вечеромъ же, и ушла, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, къ себѣ домой. Послѣ ихъ ухода, мнѣ вдругъ взгрустнулось: я вспомнилъ, что пора идти въ канцелярію, а тамъ сидѣть между начальствомъ; оно же меня не приголубитъ такъ, какъ Анна Михайловна приголубила. Я даже прослезился... Уныло побрелъ я въ канцелярію и про-

брался въ комнату, гдѣ былъ наканунѣ. Въ ней помѣщались казначейская и квартирмейстерская части. Было еще только 8 часовъ утра, но кантонисты уже писали. Одинъ изъ нихъ, молча, положилъ предо мной очиненное гусиное перо, награфленый карандашемъ, чистый листъ бумаги, и отличнымъ почеркомъ написанный рапортъ,—какъ теперь помню,—инспектору учебныхъ полковъ. Я вопросительно взглянулъ на распорядителя.

— Списывай съ этого вотъ рапорта слово въ слово, букву въ букву и какъ можно красивѣе,—нехотя растолковалъ онъ мнѣ, ткнувъ пальцемъ въ бумагу.—Но Боже тебя сохрани замарать подписанный рапортъ: за это дерка попадетъ,—прибавилъ онъ, сѣлъ на свое мѣсто и заскрипѣлъ перомъ.

— Дерка то можетъ попасть тебѣ, Сергѣевъ, но никакъ не ему, хоть бы онъ и закапалъ рапортъ,—молвилъ кто-то съ другого стола.—Не давай новичку важныхъ бумагъ.

— И то на чужомъ пиру, пожалуй, придется опохмѣляться,—спохватился Сергѣевъ, подскочилъ ко мнѣ, взялъ рапортъ, кинулъ мнѣ испорченный журналъ и велѣлъ съ него списывать.

Я принялся за работу, пыхтѣлъ, но напрасно: я капалъ чернила, вралъ грамматически, пропускалъ цѣлыя строки, сбивался съ графъ и т. д. Сергѣевъ нѣсколько разъ всматривался въ мой трудъ, находилъ его никуда негоднымъ, вырывалъ у меня запачканные листы, совалъ мнѣ вмѣсто нихъ чистые, но я и ихъ портилъ.

— Да ты точно курица по бумагѣ бродишь,—сердито замѣтилъ онъ.—Если такъ будешь пакостить,—на тебя вѣдь и бумаги не напасешься. Тебѣ не писаремъ, а водовозомъ быть: азбуки толкомъ не знаешь.

Всѣ подняли головы и насмѣшливо переглянулись, а я покраснѣлъ со стыда, нагнулся къ самому столу и молчалъ. Я сознавалъ, что Сергѣевъ правъ.

— А ты, Сергѣевъ, некстати его распекаешь: за это тоже бѣду наживешь,—напомнилъ ему другой.—Знаешь, чай, почему онъ сюда попалъ? Ну, и остерегайся.

— Да онъ, ей-ей, въ буквахъ путается, — оправдывался Сергѣевъ, — а туда же въ канцелярію приползъ!.

— Съ его протекціей и безъ азбуки легко черезъ годъ надѣть галуны, а съ твоимъ и превосходнымъ почеркомъ 10 лѣтъ рядовымъ пробудешь.

— Галуны этимъ прихвостнямъ нужнѣе, чѣмъ намъ; мы ихъ и не заслуживаемъ скоро, хоть будь семи пядей во лбу.

Послышался скрипъ сапогъ и все смолкло. Вошелъ писарь въ галунахъ и красивомъ сюртукѣ изъ тонкаго сукна. Всѣ встали, поклонились ему и сѣли. Это былъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ, лѣтъ 30-ти на видъ, средняго роста, гладко выбритый, но съ длинными бѣлокурыми волосами, за-

чесанными назадъ. Онъ приблизился ко мнѣ, взглянулъ на мою пачкотню и покачалъ головою.

— Плохонько, братъ, пишешь,—мягко замѣтилъ онъ мнѣ:—старайся хорошенько, чтобы папашѣ не конфузно было: онъ самъ, посмотри, какъ еще красиво пишетъ,—прибавилъ онъ, мои показавъ мнѣ въ дѣлѣ какую-то бумагу, и оставилъ меня въ покоѣ.

Къ 9-ти часамъ галуниниковъ набралось 5-ть человекъ, и каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, морщился, совѣтовалъ внимательно вглядываться въ пропись, а я по прежнему продолжалъ портить листы, которые Сергѣевъ подавалъ мнѣ со сдержанной злобою. Елибъ онъ имѣлъ право, онъ бы непременно поколотилъ меня. Потъ градомъ катился съ моего лица, руки мои дрожали, въ глазахъ рябило. Я готовъ былъ сквозь землю провалиться со стыда. Одинъ изъ галуниниковъ понялъ мои мученія и велѣлъ мнѣ отдохнуть. Я прислушался къ его бесѣдѣ съ товарищемъ, тоже въ галунахъ.

— Сегодня у насъ опять будетъ баталія: Θεоктистовъ вчера попался полковнику въ сѣронѣмецкой шинели,—сообщалъ одинъ другому.—Врядъ ли простить, нѣмчура проклятая!..

— Н-да. онъ изъ насъ душу хочеть вымотать за наши египетскіе труды въ его пользу. Вспомнишь, сто разъ вспомнишь прежнихъ командировъ: къ генералу Биркову ходили мы на домъ въ тонкихъ шинеляхъ, которые и шили намъ, по его приказанію, на казенный счетъ; къ праздникамъ награды намъ давалъ, офицерамъ запрещалъ придираться къ намъ, свободы нашей не стѣснялъ, все потому, что тогда всѣ нами дорожили. Генераль открыто, помню, говаривалъ: «писаря для меня дороже всѣхъ: все управленіе въ ихъ рукахъ и я спокойно сплю, когда они всѣмъ довольны». Полковникъ Наскинъ тоже обходился съ нами деликатно, объявлялъ: «пусть ходятъ, въ чемъ хотятъ, лишь бы дѣломъ усердно занимались». Нѣмчурѣ же все нипочемъ: дерюгу носить приказываетъ, розги на насъ распротранилъ...

— Надо Готову написать, чтобы заступился за насъ.

— Писать-то, къ несчастію, опасно, почтмейстеръ, за подарки отъ нѣмчуры, задерживаетъ всѣ письма на имя Готова и передаетъ ихъ ему для прочтенія. Приходится ужъ терпѣть до прїѣзда Готова съ инспекторомъ, и здѣсь попросить.

— А куда Θεоктистовъ, человекъ чахоточный, беззащитенъ. Жаль, отъ души жаль мнѣ его: полвѣка убавятъ ему, бѣднягѣ

— Кстати, знаете каптернамуса 3-й роты Иванова?

— Какъ же! Разумный человекъ! только отъ долгаго хлопанья ружьемъ—грудь себѣ разбилъ. Самъ инспекторъ приказалъ его уволить изъ фронта и сдѣлать каптенармусомъ за долготѣнную службу. Ивановъ—кандидатъ изъ отказавшихся отъ

офицерства, ему теперь до отставки со 120 рублями пенсін осталось, кажется, не больше года.

— Такъ вотъ этотъ-то Ивановъ и приказаль долго жить..: отъ розогъ, давеча сказываль фельдшеръ.

— Какъ такъ? Кандидаты по закону избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

— Для нѣмчуры законы въ пользу подчиненныхъ не писаны. Ивановъ шель на прошлой недѣлѣ въ сумеркахъ въ баню, въ тулупѣ, чтобы не простудиться, и наткнулся на нашего звѣря. Онъ его узналъ, отправиль на гауптвахту, а на утро приказаль отсчитать сотню горячихъ. Ему доложили, что Ивановъ кандидатъ. Тогда онъ велѣлъ Ивану выбрать любое: или быть представленнымъ къ разжалованію въ рядовые, или добровольно получить сто розогъ. И батальонный, и квартирмейстеръ упрашивали пощадить пожилаго, больнаго Иванова, да нѣмчура уперся на своемъ. И Ивановъ, испугавшись, какъ бы не потерять всю 24-лѣтнюю службу (въ рапортѣ вѣдь, что угодно, можно написать: бумага все стерпитъ) предпочель розги, получилъ ихъ сотню, переправился въ лазаретъ, а тамъ и умеръ..

— Нѣтъ, лучше ужъ я сожгу калоши, а шинель продамъ кому нибудь изъ гарнизонныхъ писарей: они носятъ безпрпятственно.

— А я такъ хочу перевестись въ гарнизонъ для «совмѣстнаго жительства» съ братомъ и матерью. Знакомый отчасти и вамъ, писарь Петровъ обѣщаль просить свое начальство и назваться братомъ, благо мы однофамильцы и оба незаконнорожденные.

— Ну, а какъ вмѣсто перевода, по бывшимъ уже примѣрамъ, взбучку получишь?

— Гм... И это можетъ статья. Тѣфу ты, пропасть! Кхе. Кхе...—Галунникъ закашлялся.

Вошелъ высокій, весь лысый, пожилой офицеръ Звонаревъ полковой квартирмейстеръ. Всѣ вскочили. Онъ поклонился направо, и налево, и сѣлъ на свое мѣсто.

— Нѣтъ ли, Аванасьевъ, чего новенькаго? дружески спросилъ Звонаревъ своего старшаго писаря.

— Есть, ваше бро-діе, новость, да печальная,—смѣло отвѣтилъ Аванасьевъ, мужчина среднихъ лѣтъ.—Очень печальная..

— Какая? освѣдомился Звонаревъ.—Опять..

Аванасьевъ разсказаль ему объ угрожающей Θεоктистову бѣдѣ и о смерти Иванова.

— Да, послѣднее и я ужъ знаю. Парство ему небесное,—печально проговорилъ Звонаревъ и набожно перекрестился.—Славный человекъ былъ Ивановъ: я зналъ его лѣтъ 15 сряду, хотѣлъ тоже заступиться предъ полковникомъ, да онъ меня самого распушилъ. «Мяѣ—говорить—не примѣръ генераль Бировъ, который занимался только псовой охотою, а полкомъ ко-

мандовала канцелярія. Я, — говоритъ, — не намѣренъ подражать и полковнику Наскину, за котораго жена командовала полкомъ, съ помощью своихъ любовниковъ. Нѣтъ, я, — говоритъ, — не въ нихъ. Я водворю такой порядокъ, какой мнѣ нуженъ; я ставлю всѣхъ, начиная съ батальонныхъ командировъ и кончая послѣднимъ фурштатомъ, трепетать предо мной. И сами запомните, да и другимъ отъ моего имени все это, — говоритъ, — передайте... Ради Бога, ребята, бросьте ваши калоши и сѣро-нѣмецкія шинели, а то и намъ съ вами не сдобровать...

— Чѣмъ же, позвольте узнать, ваше бро-діе, противны ему наши шинели?

— А Богъ его знаетъ чѣмъ!.. По моему, тонкія шинели, напротивъ, облагороживаютъ, отличаютъ васъ отъ солдатъ, въ глазахъ толпы. Но коль скоро полковнику неуютно позволять ихъ носить — творите волю пославшаго!

— Помилуйте, ваше бро-діе, вѣдь мы не строевые, чтобы поминутно чиститься, стричься, ходить со двора по билетамъ и проч.

— И намъ, братецъ, не легко съ нимъ служить, право, не легко, да дѣлать нечего; плетью обуха не перешибешь... Утѣштесь, покамѣсть, хоть тѣмъ, что новая метла лишь сначала чисто мететь. Авось, Богъ дастъ, и онъ уходится, все и возстановится по прежнему.

— Возстановится! надѣйтесь, Николай Григорьевичъ: непременно возстановится! — перебилъ неслышно вошедшій худой, какъ щепка, старикъ-учитель Шиловъ. — Належда недаромъ же юношей питаетъ, а старцамъ подаетъ отраду, — прибавилъ онъ, совершивъ рукопожатіе, посмотрѣлъ мою работу, погладилъ меня по головѣ и продолжалъ:

— Однако ты, Петруша, неказисто пишешь и помогать мнѣ не скоро будешь. Впрочемъ ничего, не унывай; только еще начинаешь жить. Папаша уже самъ тебѣ напишетъ пропись: вѣдь онъ первѣйшій въ мірѣ каллиграфъ и по особому высочайшему повелѣнію, да по выбору главѣйшаго въ Россіи сановника, графа Клейнмихеля, учитъ въ канцелярскомъ училищѣ правописанію сыновей генераловъ и другихъ чиновныхъ лицъ. Вотъ каковъ твой папаша.

Все слышанное очень смутило меня. Я задумался, нечаянно толкнулъ локтемъ Шилова и испугался.

— Осторожнѣе, дружочекъ, осторожнѣе: я вѣдь бѣловую комисаріатскую книгу пишу и могу на нее капнуть, а за это, ухъ какая баня постигнетъ насъ съ тобой.

Я окончательно растерялся.

Пришли наконецъ, вмѣстѣ, Курочкинъ и крестный, поздоровались со всѣми, въ томъ числѣ, кивкомъ головы и со мной.

— Э-э-э, какъ ты, Петръ, пачкаешь? — серьезно началъ крестный, разсматривая мое писанье.

— Не конфузьте его, Иванъ Ивановичъ, — смѣясь, вмѣшалъ

ся Курочкинъ,—еще выучится, сидя у васъ подъ рукой. Посмотрите-ка лучше, какъ онъ одѣтъ, причесанъ—прелесть.

— Опрятность—одно, писаніе—другое; вы, если желаете,— можете наблюдать за его обмундировкой, а по ученью позвольте мнѣ ужъ распорядиться.

— Все, все, зависить безспорно отъ васъ, только, пожалуйте безъ строгостей: я сегодня совершенно случайно встрѣтилъ Петину крестную, она вамъ кланяется, а узнавши, что онъ здѣсь,—просила меня покровительствовать ему, просьбы же хорошенькихъ барышень я всегда исполняю.

— Полковникъ идутъ!—крикнулъ кто-то изъ-за дверей.

Воцарилась тишина. Всѣ охорашивались, застегивались, приглаживались. Послышалось звяканье шпоръ, и средняго роста, рыжій, сухопарый полковникъ Деймарнъ перешагнулъ порогъ нашей комнаты. Всѣ вытянулись въ струнку, а офицеры и чиновники поклонились ему. Онъ вперилъ глаза въ стоявшаго противъ Курочкина—Григорьева.

— Отчего у тебя такіе длинные волосы, какъ у дьячка?— строго спросилъ полковникъ.

— Длинные волосы—его слабость, г. полковникъ,—шутливо отвѣтилъ за него Курочкинъ.

— Эта и другія слабости—вольнодумство, которыя я уничтожу. Отчего вы не смотрите за ними?

— Г. инспекторъ, въ прошломъ году инспектировавшій полкъ и узнавшій лично Григорьева (онъ занимался у него составленіемъ донесенія о состояніи всѣхъ полковъ) самъ изволилъ разрѣшить ему гладко не стричься, во вниманіе къ золотушному состоянію его головы и отличнымъ познаніямъ,— уже серьезно разъяснилъ Курочкинъ.

— Все это вздоръ, выдумки

— Г. инспектору угодно было лично мнѣ все это выразить. Объ этомъ знаетъ и подполковникъ Гилатовъ, исправлявшій тогда должность полковаго командира.

— Какъ только я замѣчаю безобразія, всѣ они отстаиваются: то—приказагями инспектора, то—одобреніями его писаря, то—личною извѣстностью бригадному и т. д., безъ конца! Вы, если не ошибаюсь, сами тоже пользуетесь особеннымъ покровительствомъ г. инспектора и дружбою его писаря Гетова?

— Да-съ, г. полковникъ, это правда, — съ гордостью привнался Курочкинъ,—но я служу какъ слѣдуетъ, иначе все общество офицеровъ не выбирало бы меня три раза единогласно въ казначей.

— Ваше выборное начало мѣднаго гроша не стоитъ. Остричь его на барабанѣ!

— Золотушность Григорьева, г. полковникъ, подтвердятъ и наши дѣяря. Наконецъ, волоса его далеко не длинные.

— Что я приказываю, то и исполнять, а не разсуждать!

Кто у васъ проставилъ въ требовательной вѣдомости на аммуничныя вещи меньше, чѣмъ слѣдуетъ получить, на пять тысячъ рублей?

— Я-съ ошибся, виновать, ваше высококордіе, — плаксиво варапортоваль Шиловъ.

— Виноватыхъ бьютъ-съ, деруть...

— Я на своемъ вѣку все это уже испыталъ, а отъ этого еле-еле брожу-съ. Повинную голову, смѣю доложить, и мечъ не сѣчетъ, а ваше высококордіе, я увѣренъ, великодушны. Доброта всегда присуща высокообразованнымъ, аристократическимъ начальникамъ, какимъ мы считаемъ васъ.

— Кто же мнѣ заплатитъ пять тысячъ?

— Я, по бѣдности моей, ничего заплатить не въ состояніи. О! еслибъ я имѣлъ не пять, а хоть двѣ только тысячи, я считалъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ и службу бросилъ бы, чтобы денно и ночью не бояться...

— Чего? роговъ, что-ли?

— Точно такъ-съ, роговъ. Мы — люди маленькіе, безгласные, гдѣ же намъ защищаться?..

— Слѣдовательно, и васъ, чиновника, выдрать надо за эти пять тысячъ?

— Воля ваша: на то вы и начальникъ, чтобы карать и миловать, но вы—питаю надежду—переложите гнѣвъ на милость и ко мнѣ старику, и къ юношѣ Григорьеву: онъ мой ученикъ и знаетъ теперь все лучше меня. Онъ моя гордость, моя слава.

— Какъ же о пяти-то тысячахъ сдѣлать?

— Какъ вамъ угодно-съ. И безъ нихъ, осмѣливаюсь думать, не обѣднѣете, либо, ежели угодно, въ будущей вѣдомости наверстаемъ эту сумму.

— Я поѣду въ Москву за приѣмкой и тамъ, по знакомству со всѣми, устрою въ комисаріатской комисіи такъ, что эту сумму довыдадутъ мнѣ,—вставилъ Курочкинъ.

— А если я командирую за приѣмкой не васъ, а другаго офицера, тогда что будетъ?

— Тогда 5,000 руб. въ казнѣ и останутся *) за ваше, г. полковникъ, недовѣріе ко мнѣ, полковому кавначею.

— Я отъ васъ эти деньги и потребую!

— А я донесу вамъ рапортомъ, что ихъ, по правиламъ, полку получать и не слѣдуетъ: онѣ неправильно были включены въ черновую вѣдомость.

— Посмотримъ, какъ это вы осмѣлитесь сдѣлать. Впрочемъ... Гм... Н-да,—прибавилъ онъ, какъ бы спохватившись, какъ удобнѣе поступить:—въ 5 часовъ будьте вы и г. Паловъ у меня;

По закону, существовавшему въ то время, къ которому относится рассказъ за предметы, пропущенные, хотя бы только по ошибкѣ, въ требовательной, вѣдомости—казна денегъ не отпускала.

мы вмѣстѣ и рѣшимъ. А этотъ клопъ какъ сюда попалъ безъ моего вѣдома?—вдругъ указалъ онъ на меня.

— Извините, г. полковникъ, и меня, и Петра Петровича: мы взяли его приучить къ писарской должности,—почтительно доложилъ крестный.—Онъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, мой крестникъ и безродный...

— Напрасно оторвали вы его отъ фронта: онъ, какъ фланговой знаменщикъ, вѣрно держитъ линію, а какъ ординарецъ—правильно рапортуетъ и изъ него выйдетъ хорошій унтеръ-офицеръ. Отдайте его навадь въ роту.

Приказаніе это покорило меня, и я чуть не зарыдалъ съ отчаянія.

— Окажите, г. полковникъ, вниманіе къ нашей общей порочнѣйшей просьбѣ, разрѣшите намъ оставить его здѣсь,—поддержалъ Курочкикъ.

— По протекціи генеральши Глуховой, и г. губернаторъ изволилъ имъ заинтересоваться, и не дальше, какъ третьяго дня, напомнилъ мнѣ въ канцелярскомъ училищѣ,—продолжалъ крестный.—Мнѣ заниматься съ нимъ всего удобнѣе, когда онъ ежедневно будетъ около меня. Онъ не чувствуетъ расположенія къ фронту.

— Зато избалуется тутъ.

— Будемъ неууступительно смотрѣть за нимъ.

— Онъ здѣсь,—надѣюсь,—принесетъ пользу—присоединился къ моимъ ходатаямъ Звонаревъ.—Мальчикъ онъ шустрый, офицеры всѣ его знаютъ, и онъ будетъ разносить журналы и книги къ подписи.

— И моя жена, и его крестная, и генеральша Глухова тоже просили меня держать его при себѣ,—дополнилъ крестный:—Уважьте общее желаніе.

— Дамы, всѣ почтенныя дамы за него, а съ ними не стоворишь,—уже шутилъ Деймарнъ.

— Пусть останется. Въ защитники Шумитина и вы поспѣли, а отчего вы утромъ не доставили мнѣ провіантскихъ требованій?—вдругъ озадачилъ полковникъ Звонарева.

— Опоздалъ-съ: я былъ на отпѣваніи. Извините...

— Кто умеръ?

— Тотъ самый кандидатъ Ивановъ, изъ-за котораго вы изволили разсердиться...

— Гм!.. Деймарнъ вспыхнулъ, вспомнивъ, вѣроятно, что смерть Иванова чернымъ пятномъ легла на его совѣсть.—Вы бы дѣломъ лучше занимались, чѣмъ... чѣмъ... Ахъ, да! Адъютанта сюда!—раздражительно крикнулъ онъ...

Красивый и вертлявый, молодой офицеръ Безшабашневъ точно изъ земли выросъ въ нашей комнатѣ.

— Вчера вашъ Θεоктистовъ попался мнѣ въ сѣронѣмецкой шинели-съ. Я нѣсколько разъ запрещалъ носить эти шинели, но меня и слушать не хотятъ!... Дать Θεоктистову сто розогъ,

при всѣхъ писаряхъ, учителяхъ и музыкантахъ, чтобы знали, что то же самое ждетъ каждого изъ нихъ. Кромѣ того, собрать всѣ писарскія и учительскія шинели и при нихъ же сжечь на кострѣ.

— Сегодня же прикажете?

— Сейчасъ даже! — Онъ круто повернулся и быстро ушелъ, въ сопровожденіи Безшабашнева.

По нашей комнатѣ разнесся тяжелый, долгій вздохъ.

— Я вамъ, Матвѣй Астафьевичъ, очень благодаренъ, что выручили Миханова.

— Я хорошо знаю, что застрахованъ отъ ровогъ, потому и принялъ на себя вину Миханова въ пропускѣ 5000 р., а леть и меня выручила.

— Благодарите же, Михановъ, Матвѣя Астафьевича за его доброту: еслибы не онъ, быть бы и тебѣ дранымъ, вмѣстѣ съ Θεоктистовымъ.

— Вѣкъ не забуду вашей услуги, — благодарилъ Шилова покойной учитель, унтеръ-офицеръ Михановъ.

Солдатъ въ каскѣ доложилъ Курочкину и Звонареву, что всѣхъ писарей и учителей требуютъ на гауптвахту, съ ихъ сѣронѣмецкими шинелями.

— Отдайте ваши шинели; мы вамъ заплатимъ, что онѣ стоятъ, я — своимъ, а вы, Николай Григорьевичъ, своимъ, — утѣшалъ Курочкинъ писарей.

— Разумѣется, лишь бы отъ грѣха дальше, — согласился Звонаревъ.

— Сдѣлайте, ваше бродіе, намъ за одно ужъ еще милость: освободите насъ отъ необходимости присутствовать при экзекуціи, взмолилось нѣсколько голосовъ. — Смотрѣть, какъ будутъ истязать товарища? Да это пытка!

Казначей посовѣтовался съ квартирмейстеромъ и оба отказали просителямъ въ ихъ просьбѣ, изъ опасенія нажить отъ полковника новыхъ непріятностей. Галунники, понутивъ головы, отправились на гауптвахту, откуда вернулись блѣдные, унылые, едва чрезъ часъ.

— Ну, что? — вполголоса спросилъ Миханова Шиловъ.

— Ничего, — мрачно отозвался Михановъ. — Сперва изрѣзали и сожгли 25 шинелей, а потомъ изодрали тѣло и Θεоктистову. Онъ, счетомъ, пять разъ замиралъ, ему давали освѣжиться водой, потомъ опять и опять стегали!.. Подъ конецъ, онъ и стонать даже пересталъ *). А адъютантъ, — онъ распоряжался экзекуцію, — точно лакомился брызгами крови, летѣвшими кусками мяса... Не знаете-ли, куда, ваше бродіе, кинуться отъ адской жизни?

— Ау, братъ! Куда ни жинь — все клинь... Гдѣ же Алексѣй Григорьевичъ?

*). Черезъ два мѣсяца онъ умеръ.

— Пошелъ съ досады домой: его вѣдь, дѣйствительно, на барабанѣ остригли, по распоряженію адъютанта. А экзекуція еще продолжается: деруть музыканта за то, что гдѣ-то раздобылся запретными, по закону, сѣрными спичками и вздумалъ торговать ими въ казармахъ. Уф-фъ, какъ тошно!...

Открытіе, что писарямъ канцеляріи живется вовсе не привольно,—сильно меня опечалило.

III.

Среди полковыхъ штабныхъ.

ЗАНЯТІЯ въ канцеляріи и житье у Алексѣева познакомили меня съ совершенно новымъ міромъ. Канцелярія раздѣлялась на множество отдѣльныхъ частей, которыми завѣдывали: учителя-чиновники, учителя унтеръ-офицеры и писаря; помогали всѣмъ рядовые и кантонисты,—всѣхъ числомъ до 60 человѣкъ. Значительность состава канцеляріи оправдывалась безчисленными предметами занятій. Въ полку состояло до 60 офицеровъ, до 25 чиновниковъ, три батальона солдатъ (по 2,500 чел. въ каждомъ), четвертый батальонъ кантонистовъ (3000 чел.) да 12000 «запасныхъ», т. е. причисленныхъ къ полку, но до 12-лѣтняго возраста находившихся по деревнямъ у родителей и одственниковъ въ трехъ сосѣднихъ губерніяхъ Работы въ канцеляріи было всѣмъ пропасть, отчего нижніе чины и кантонисты занимались съ 9 до 2 и съ 5 до 10 часовъ вечера. Офицеры, которые бы соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ для занятія штабныхъ должностей—были въ рѣдкость; остальные же въ канцелярскихъ дѣлахъ ничего не понимали. Оттого старшіе писаря по каждой части пользовались почетомъ со стороны нуждавшихся въ нихъ офицеровъ, а нуждался въ нихъ всякій. Старшаго полковаго писаря по адъютантской части никто изъ офицеровъ иначе не называлъ, какъ по имени и отчеству. Это однако не мѣшало Безшабашневу ругать и колотить Иванова,—такъ звали старшаго писаря. Зато Курочкинъ—казначей и Звонаревъ—квартирмейстеръ, цѣнившіе заслуги своихъ подчиненныхъ: учителей и писарей, никогда ихъ не обижали, почему адъютантскіе писаря завидовали положенію казначейскихъ и квартирмейстерскихъ.

Писаря, ворочая всѣми дѣлами, по примѣру своего начальства,—пользовались, каждый отъ своей части, доходами. Адъютантскіе—за составленіе бумагъ офицерамъ и частнымъ лицамъ, за прямое или косвенное устройство переводовъ, производствъ въ чины, командировокъ, отпусковъ, за увольненіе кантонистовъ, по ходатайствамъ ихъ родителей, для приарбнїя

послѣднихъ въ старости *); за разрѣшеніе отсрочекъ призыва мальчиговъ изъ деревень въ кантонисты; за хорошіе аттестаты гарнизоннымъ офицерамъ, приводившимъ въ полкъ партіи рекрутъ и т. д. Казначейскіе писаря, при требованіяхъ жалованья, прибавляли въ спискахъ число солдатъ; по полученіи денегъ, выводили ихъ въ расходъ на тѣ роты, командиры которыхъ, по дружбѣ съ казначеемъ, росписывались по книгамъ, деньги же выдавались писарямъ. Казначей ежегодно ѣздилъ въ Москву за приѣмкою на всѣхъ солдатъ и кантонистовъ оружейныхъ, аммуничныхъ, обмундировочныхъ и проч. вещей; при этомъ вмѣсто половины имущества привозилъ деньги, которыми полковой командиръ дѣлился съ нимъ, а онъ, изъ скрытыхъ отъ командира надбавокъ, награждалъ писарей. Въ этомъ же родѣ поступали квартирмейстерскіе писаря съ квартирными деньгами и провіантомъ. Кромѣ того, они требовали каждую третью и получали отъ казны, по своей части значительныя суммы «соляныхъ денегъ», по рублю двадцати копѣекъ на cadaго изъ «будущихъ» кантонистовъ, проживавшихъ въ деревняхъ и значившихся по спискамъ, которые составлялись квартирмейстерскими писарями, по соглашенію съ адъютантскими. Воспитатели, вызывавшіеся за этими деньгами черезъ тогдашнюю, грозную для простолюдиновъ, полицію — приходили лишь изъ ближайшихъ къ городу мѣстностей, а въ полученіи денегъ остальными тысячами, никогда не являвшимися или вымышленными, росписывались: какой-то старикъ, отставной чиновникъ, да кантонисты канцеляріи, по порученію, своихъ старшихъ; за эти росписки старику платили по 3 коп. съ фамиліи; а кантонистамъ дарили по двугривенному; деньги же оставались у писарей.

Впрочемъ, доходы писарей можно было считать мелкими по сравненію съ доходами такъ называемыхъ «штабныхъ» изъ нижнихъ же чиновъ. Громадное ховяйство полка распалось на отдѣльныя части, которыми непосредственно завѣдывали «ундеры». Алексѣевъ, у котораго я жилъ, распорядился складами мундирныхъ, аммуничныхъ, оружейныхъ и пр. вещей — въ матеріалѣ и готовомъ видѣ. Онъ же закупалъ и продавалъ эти предметы. Абрамовъ управлялъ портняжною, сапожною и ткацкою частью, расходовалъ классныя и канцелярскія принадлежности. Панфиловъ завѣдывалъ лагерными, холщевыми и другими предметами; Шаховъ хранилъ посуду и съѣстные припасы для личныхъ 3,000 кантонистовъ. Зайцевъ заправлялъ фурштатскою командою, сотней лошадей, сбруею, фуражемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ казармъ. Блохинъ — столярною, плотничною, кузнечною и др. мастерскими**); Ястребовъ управлялъ

*) Если кантонистами было двое и болѣе сыновей — одинъ изъ нихъ освобождялся, но этому предшествовало множество затрудненій, хлопотъ и затратъ.

**) Во всѣхъ полковыхъ мастерскихъ работало даровыхъ рабочихъ-солдатъ до 400 человекъ ежедневно круглый годъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

хозяйственной, а Баньковский медикаментною частью лазарета и имѣли дѣло съ его смотрителемъ. Наконецъ, Ивановъ управлялъ музыкантскою командою, посылалъ ихъ играть на волѣ, получая за ихъ труды деньги. «Штабные» эти, независимо отъ своихъ начальниковъ-офицеровъ, старались ладить и съ ихъ писарями, которымъ платили дань и вмѣстѣ съ которыми, въ нужныхъ случаяхъ, для обоюдной выгоды—обманывали своихъ общихъ начальниковъ. «Штабные» имѣли и своихъ писарей изъ солдатъ или кантонистовъ, по нѣскольکو помощниковъ и подчиненныхъ, отъ 50 до 100 человекъ каждый. Изъ общихъ «штабныхъ» складовъ принимали вещи и продукты 16 ротныхъ каптенармусовъ (лучшими изъ нихъ комплектовались «штабные», при отъезжавшихся вакансіяхъ). Каждый изъ «штабныхъ» постоянно располагалъ, по довѣрію начальниковъ, нѣсколькимистами рублями наличныхъ казенныхъ денегъ, назначавшихся на текушіе мелкіе расходы. «Штабные» — люди все ловкіе, прожженные — были очень дружны между собой. Всѣхъ ихъ за годъ до двѣнадцатилѣтней выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи, — зачисляли обыкновенно, по ходатайствамъ начальниковъ, въ фельдфебели, чтобы произвести потомъ не въ прапорщики, какъ полагалось унтеръ-офицерамъ, а прямо въ подпоручики. Отдѣльныя ихъ квартиры обставлялись всегда лучше, чѣмъ квартиры многихъ офицеровъ; пили они и ѣли роскошно, а тайно носили и отличную партикулярную одежду. Къ ихъ кружку принадлежали: старшіе каптенармусы, писаря, вахтера и унтера гарнизоннаго батальона, провіантскихъ магазиновъ, шоссеиныхъ дорогъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ—люди, также какъ и они, сидѣвшіе на «доходныхъ мѣстахъ».

Все это я очень скоро узналъ. Алексѣевъ, убѣдившись, что я не «сучу» и ничего объ немъ не разглашаю, — не стѣснялся моимъ присутствіемъ при разговорахъ, а Анна Михайловна (мы видѣлись съ ней 3—4 раза въ недѣлю) за мое сиротство, расположеніе къ ней и скромность—полюбила меня, по ея словамъ, какъ брата, нахвалила своимъ подругамъ (женамъ и возлюбленнымъ товарищамъ Алексѣева) и брала къ нимъ въ гости. Какъ у насъ, такъ и у прочихъ «штабныхъ», устраивались поочередно «пирушки»; вездѣ одинако хорошо угощали человекъ по 20 мужчинъ и женщинъ; вездѣ бывали дамы, разряженные въ шелкъ и бархатъ, и танцевали подъ музыку; вездѣ играли по 3 рубля ставку въ «три листика», закуривали трубки рублевыми ассигнаціями и веселились до упаду—по ночамъ. Съ утра же и до вечера всѣ были на своихъ мѣстахъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Это называлось «кутить по фельдфебельски». На одной изъ такихъ пирушекъ, происходившей на нашей квартирѣ, какая-то «новенькая» молодая женщина, глядя на пиршество, вслухъ замѣтила одному изъ «штабныхъ», что они потому соряютъ деньгами, что имъ эти деньги легко доста-

ются—обкрадываніемъ солдатъ, кантонистовъ и лошадей полка. Замѣчаніе это вызвало общій взрывъ хохота.

— Вы, Авдотья Семеновна, еще во вкусъ не вошли,—возразилъ ей Шаховъ, когда хохотъ смолкъ.

— Я говорю правду, а не отъ безвкусыя,—наивно продолжала она.—Меня удивляютъ ваши безобразія.

— Вашъ упрекъ совершенно вѣренъ: мы дѣйствительно обижаемъ и людей, и лошадей, но кто же этого не дѣлаетъ? И хлѣбопекъ, и огородникъ, и унтеръ-офицеръ, и фельдфебель, и ротный, и лѣкарь, и батальонный, а особливо полковой командиръ—всѣ, рѣшительно всѣ воруютъ, кто во что гораздъ. А, чтобы объ этомъ молчали—всѣ дѣлается: полковникъ съ бригаднымъ генераломъ, инспекторомъ и даже съ начальствомъ департамента; ротные — съ батальонными и т. д. Вся разница только въ томъ, что кто стоитъ выше, тотъ больше и хапаетъ, по пословицѣ: «большому кораблю—большое и плаваніе».

— Да вѣдь грѣхъ обижать несчастныхъ,—вся зардѣвшись. настаивала на своемъ «новенькая».—По моему, слѣдуетъ перестать: это безсовѣстно.

— Грѣхъ, словно орѣхъ, всегда былъ и будетъ. Обижаемъ несчастныхъ—потому что сами были въ числѣ этихъ несчастныхъ; но поставьте любого изъ нихъ на наше мѣсто, онъ, вѣрнѣе, и самъ станетъ дѣлать то же самое: весь міръ во влѣ лежитъ. Перестать же никто не захочетъ: не на что будетъ жить. Еслибы вашъ Петръ Ивановичъ, на примѣръ, не хапалъ, развѣ вы, дѣвица дворянскаго рода, съякшались бы съ нимъ, носили бы золотыя сережки да соболью шубку? Никогда-съ! Извините за откровенность.

«Новенькая», уколотая не въ бровь, а въ глазъ, вспыхнула и заплакала.

— Авдотья Семеновна отъ вашихъ шпилекъ вонъ плачетъ. Стыдитесь, господа, обижать барышню, — заступился за нее писарь.

— Хоть женскія слезы и вода, а все таки прошу господа, мою Дуню не обижать,—произнесъ ея возлюбленный и нѣжно началъ ее унимать

— Просимъ прощенія, усердно просимъ, Авдотья Семеновна,—вмѣшался Алексѣевъ.—А какъ это случилось у меня, то велика, Анюта, подать шампанскаго, чокнемтесь всѣ, господа. съ Авдотьей Семеновною и она успокоится.

— Вотъ это умно, право, умно;—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Виновать-то я,—заявилъ Шаховъ, — потому позвольте, Авдотья Семеновна, презентовать вамъ весь свой сегодняшній выигрышъ. Купите себѣ на него къ вашимъ имянинамъ, къ будущему четвергу, сережки съ бриллиантами, да надѣньте на себя: онѣ очень пойдутъ къ вашему хорошенькому личику.

Онъ подаль ей пачку ассигнацій (170 р., слышалъ я по-

томъ). Глазки «новенькой» заблестали, красивое личико зарумянилось; она помялась, вопросительно взглянула на «своего», тотъ одобрительно кивнулъ ей въ отвѣтъ, и она взяла деньги при громкомъ одобреніи мужчинъ, заглушившемъ ворчаніе женщинъ.

— Зачѣмъ вы, Семень Степановичъ, обидѣли нашу гостью, а потомъ поселили къ ней зависть между другими?—обратилась Анна Михайловна къ Шахову.—Это нехорошо, право, нехорошо съ вашей стороны.

— Если я несовсѣмъ еще загладилъ, Анна Михайловна, свою вину, то скажите, что долженъ я еще сдѣлать, чтобы заслужить и ваше прощеніе?

— Да дай ея безсмѣнному ординарцу Шумитину (т. е. мнѣ) «синенькую» и она тебя проститъ,—вставилъ, шутя, Алексѣевъ.

— Только-то? Съ удовольствіемъ.—Шаховъ полѣзъ въ бумажникъ.

— Петя вашихъ денегъ безъ моего согласія не возьметъ,—рѣшила Анна Михайловна.

— Анъ возьметъ, возьметъ,—подхватило нѣсколько чело-вѣкъ.

— Чѣмъ напрасно перекрикиваться, поддержите лучше пари—возьметъ или нѣтъ?—предложилъ аптекаръ.

— Согласны, согласны. Идетъ!

Алексѣевъ далъ Аннѣ Михайловнѣ 25 р.; штабные собрали между собою другіе 25 р.; передали деньги въ однѣ руки, а потомъ позвали меня изъ смежной комнаты, гдѣ я уже дремалъ, но все таки понялъ смыслъ спора. Всѣ смолели.

— Семень Степановичъ хочетъ подарить тебѣ денегъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ штабныхъ, когда я вошелъ къ нимъ.—Теперь идетъ споръ: возьмешь ли ты, не спросяся Анны Михайловны?—продолжалъ, онъ, среди всеобщаго молчанія.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ я,—не возьму.

— Bravo, молодецъ!—раздалось съ разныхъ сторонъ.

Анна Михайловна просіяла, приблизилась ко мнѣ и звонко поцѣловала меня въ губы.

— Ишь, какъ она его вымуштровала, замѣтили одни.—Ты, Григорій Алексѣевичъ, поглядывай за ними, не то соперника наживешь,—продолжали другіе со смѣхомъ.

— Смотрите, господа, за собой, а объ насъ не безпокойтесь: мы съ Петей—люди честные,—отвѣтила торжествовавшая Анна Михайловна.—А что я люблю его, какъ брата, за преданность мнѣ, этого я ни отъ кого и не скрываю.

— Этотъ братъ годится ужъ и въ любви..

— Довольно, довольно, господа,—прервалъ Алексѣевъ.—И съ сего вечера начну букваремъ свою башку ломать, чтобы сдать экзаменъ и смѣ нить чогоны на эполеты: въ нихъ валь-жнѣй будетъ.

— Выбирайся, выбирайся, братъ съ Богомъ, въ благородія, поколь можно, а тамъ и мы за тобой,—заголосило нѣсколько человѣкъ.

И, снова чокнувшись, всѣ пожелали Алексѣеву благополучнаго экзамена и разошлись по домамъ.

Вращаясь въ средѣ штабныхъ, я узналъ много дурнаго. Напримѣръ, въ числѣ занимавшихся въ канцеляріи кантонистовъ былъ очень красивый мальчикъ Ивановъ, на которомъ Деймарнъ однажды замѣтилъ прекрасно сшитую новенькую, но длинную шинель.

— Я нарочно велѣлъ сшить подлиннѣе: онъ растетъ и она ему дольше прослужитъ,—оправдывался Безшабашневъ.

— А до тѣхъ поръ, пока онъ выростетъ, носите за нимъ хвостъ, какъ за дамой,—вслухъ произнесъ Деймарнъ.

Безшабашневъ вспыхнулъ, но промолчалъ. Это живо разнеслось по канцеляріи и я, недоумѣвая, о чемъ всѣ перешептывались, рассказалъ о случившемся, вечеромъ, штабнымъ, которые напрямикъ разъяснили мнѣ, что между Безшабашневымъ и Ивановымъ существуютъ особыя предосудительныя отношенія.

Алексѣевъ, какъ школьникъ, усердно зубрилъ уроки; Анна Михайловна, чтобы не мѣшать ему, являлась къ намъ рѣже прежняго, а я на досугѣ и отъ скуки занялся выправкою своего почерка. И вотъ, сижу я однажды въ праздникъ въ канцеляріи. Приходитъ тула полковой аудиторъ Бедровъ и приказываетъ мнѣ переписать два переправленные поль-листа: одинъ—показаніе двухъ солдатъ, что они украли съ завода кожу, а другой—рѣшеніе о наказаніи этихъ солдатъ. Пока я писалъ—онъ ждалъ, а потомъ прочелъ, вшилъ листы въ дѣло и увезъ. Я не придалъ этому никакого значенія, но вотъ что потомъ обнаружилось. Аудиторскій писарь-старикъ, готовившій Алексѣева къ экзамену, разъяснялъ ему, однажды, порядокъ производства слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ.

— Когда васъ, офицера, назначать членомъ военно-судной комисіи или депутатомъ съ военной стороны въ гражданскій судъ,—говорилъ старикъ,—то вы, кромѣ того, что въ концѣ сентенціи подпишетесь,—непремѣнно скрѣпляйте еще по порядку, нѣсколькими буквами своего чина, имени, отчества и фамиліи, и всѣ сряду вшитые листы дѣла, чтобы, посредствомъ подмѣна нѣкоторыхъ листовъ, не измѣнили послѣ сущности дѣла.

— Да кому же надобность мѣнять листы?—наивно освѣдомился Алексѣевъ.

— Тѣмъ, кого подкупать; подкупаютъ же чаще всего аудиторовъ, секретарей и слѣдователей, ведущихъ дѣло.

— Гм... этого я и не подозрѣвалъ...

— Но это бываетъ, къ сожалѣнію, сплошь да рядомъ, даже,—по секрету прибавлю вамъ,—и у насъ... Да вотъ вамъ подъ величайшимъ секретомъ самый свѣжій примѣръ изъ нашей прак-

тики. 7-я рота квартировала осенью въ селѣ Починкахъ, гдѣ есть кожевенный заводъ. Ротному командиру, капитану Давину, захотѣлось покрыть свой возокъ новою, но даровою кожею. Онъ и приказалъ двумъ солдатамъ украсть поудачнѣе съ завода цѣлую юфтовую кожу. Солдаты исполнили его приказаніе, а онъ, дуракъ, заставилъ третьяго солдата обтянуть возокъ этою кожею такимъ манеромъ, чтобы заводское большое клеймо пришлось, для красоты, посрединѣ возка, сзади—короною. Мастеровой и это устроилъ. Но хозяинъ завода, помѣщикъ, прослѣдилъ за Давинымъ, остановилъ его въ возкѣ среди села, обвинилъ по клейму въ кражѣ и затѣялъ уголовное дѣло. Тогда Давинъ выдалъ солдатъ, а они на допросѣ показали все такъ, какъ я вамъ рассказаль, хоть аудиторъ и сбиваль, и уговариваль, и стращаль ихъ, чтобы не впутывали Давина. Мастерившій возокъ поддакиваль товарищамъ. Самъ Давинъ на словахъ, при всѣхъ, тоже не отпирался. За кражу кожи, «по приказанію ротнаго командира», солдатамъ, по ихъ молодости, угрожало самое большее—по 25 розогъ, а Давину жестоко, да и по дѣломъ, попало бы. Но наше «царское око», аудиторъ, по подписаніи сентенціи презусомъ и членами, воспользовался именно тѣмъ, что они по листамъ дѣла не скрѣпили, вышилъ листы съ показаніями солдатъ и сентенціею, передѣлаль ихъ такъ, что солдаты для себя украли кожу, заставилъ кого-то переписать солдатскія показанія, подписать ихъ, и затѣмъ самъ отвезъ на почту. А теперь вышло рѣшеніе: прогнать солдатъ сквозь строй чрезъ 100 человекъ по два раза, а Давинъ остался совершенно чистымъ. Аудиторъ же взялъ за выручку Давина,—какъ онъ вчера самъ похвастался,—два куля солдатской же муки, да 100 р. деньгами.

По мѣрѣ того какъ старикъ рассказываль, я все внимательнѣе вслушивался, а когда онъ кончилъ—мурашки пробѣжали у меня по тѣлу, и въ головѣ все помутилось.

— Да, вы правду говорите, ей-богу правду!—почти закричалъ я, вскочилъ съ кровати и вбѣжалъ къ бесѣдовавшимъ.— Я самъ переписываль эти листы. Я завтра, нѣтъ, сейчасъ же побѣгу и расскажу все это крестному, казначею, чтобы избавили невинныхъ солдатъ отъ наказанія,—кипятился я.— Это безсовѣстно, подло!..

— Петя, Петя, опомнись, что съ тобой?—прерваль меня Алексѣевъ, догадавшись, что я могу произвести скандалъ.— Мнѣ рассказали про оказію, какая была лѣтъ 20 тому назадъ. а не теперь,—продолжалъ онъ—Ты вѣрно простудился—весь горюшь, и я тебя никуда изъ дому не пущу. Эй, Иванъ! Подай скорѣй кипятку и стаканъ: Петю лѣчить надо—захвораль.

— Нѣтъ, Григорій Алексѣевичъ, я здоровъ и говорю такъ, какъ и они вотъ рассказывали вамъ про солдатъ, что украли для Давина кожу. Я все понялъ и молчать,—какъ вамъ угодно,—не стану: мнѣ жалко солдатъ.

— Полно, дружокъ! Право, полно молоть: тебѣ приснилось, вѣрно, что нибудь страшное, ты и волнуешься, — поддержишь Алексѣева старикъ. — Сядь, очнись и по пустякамъ не шуми.

— Извините: и вы, и я правду говорили про солдатъ, и ежели не сегодня, такъ завтра я все донесу, непременно донесу, потому — нельзя за два куля муки и 100 руб. людей сквозь строй гонять! Они вѣдь умрутъ отъ палокъ!..

— Если донесешь, — мы ото всего отопремся, и тебя же накажутъ за вранье.

— Ну, вѣтъ, не вранье: въ дѣлѣ мою руку всё узнаютъ: и я, и солдаты оправдаемся, а аудитору достанется.

— Доноси, доноси, только завтра, а сегодня пей вотъ чай, лягъ и пропотѣй хорошенько.

Отъ досады, что меня дурачатъ, что они точно могутъ ото всего отказаться, а также изъ сожалѣнія къ солдатамъ, я расплакался. Меня кое-какъ уняли, напоили, уложили и я проспалъ до обѣда слѣдующаго праздничнаго дня, а проснувшись, не могъ и головы поднять отъ боли: меня наканунѣ напоили пуншемъ... Я и проспалъ весь день. Впрочемъ, когда Алексѣева не было дома, Анна Михайловна застала меня больнымъ и спросила. Я все рассказалъ ей, но и она убѣдила меня молчать о своемъ переписываньи, чтобы самому бѣды не нажить. Я однако не утерпѣлъ — сообщилъ свою тайну старшему писарю Григорьеву, но и онъ велѣлъ мнѣ молчать, говоря, что нечѣмъ подтвердить справедливость моихъ словъ, такъ какъ дѣло изъ аудиторіата не вернули назадъ, и что Богъ накажетъ виновныхъ. Цѣлый мѣсяцъ слѣдилъ я потомъ ежедневно за приказами по полку, покуда, наконецъ, вычиталъ о назначеніи времени для прогнанья солдатъ сквозь строй. Наканунѣ этого страшнаго дня, я почти всю ночь продумалъ объ участи солдатъ, а въ 6 часовъ утра отправился въ манежъ и притаился, никѣмъ не замѣченный, за печкой.

Въ манежѣ рота солдатъ размахивала по воздуху длинными свѣжими палками, въ полъ-пальца толщины. Осужденныхъ вывели подъ конвоемъ на середину, въ кандалахъ. Ротѣ скомандовали «на караулъ». Точно изъ земли выросъ аудиторъ, громкогласно прочиталъ приговоръ и исчезъ. Осужденныхъ отвели на правый флангъ, приказали имъ скинуть съ себя все, кромѣ сапогъ и нижняго бѣлья, привязали ихъ руки къ ружейнымъ прикладамъ; по два здоровенныхъ солдата взялись за свободные концы прикладовъ и повели одного поодаль отъ другаго между двумя, широко раздвинутыми, шерентами солдатъ, а тѣ, подъ оглушительные звуки барабановъ, стали стегать ихъ; офицеры же двигались сзади стегавшихъ, съ крикомъ: «крѣпче, крѣпче!»... Несчастные бросались изъ стороны въ сторону, падали; ихъ поднимали и влекли дальше... Брызги крови, клочья мяса летѣли на землю, а барабанный бой и свистъ палокъ потрясали воздухъ. Ото всего этого поднялись у меня дыбомъ волосы,

помутило мой разумъ... Я выскочилъ изъ манежа и опро-
метью побѣжалъ по пустырю... Знавшіе меня полковые масте-
ровые остановили меня возлѣ кузницы и допытывались,
куда и зачѣмъ я бѣжалъ? Въмѣсто отвѣта—я ревелъ... Они по-
думали, что я рехнулся, и силою свели меня домой. Я сва-
лился на кровать, уткнулъ голову въ подушку и зарыдалъ—
отчаянно зарыдалъ, захлебываясь слезами... Бесильная жажда
мести аудитору и Давину *) терзала меня цѣлый день. Къ ве-
черу со мною сдѣлался истерическій припадокъ. Я прохворалъ
цѣлую недѣлю и по ночамъ продолжалъ видѣть, какъ гонялъ
солдатъ сквозь строй...

Все это, какъ водится, постепенно прошло, тѣмъ болѣе, что
Алексѣевъ привлекъ меня къ чтенію книгъ, по случаю пред-
стоявшаго ему экзамена. Наканунѣ этого экзамена, онъ, не от-
ставая отъ другихъ, снесъ «благодарность» священнику и ин-
спектору классовъ и весь вечеръ прозубрилъ отвѣты на воп-
росы, заданные ему обоими къ утру. Затѣмъ, ради формы,
произвели экзаменъ, который онъ, натурально, выдержалъ. По су-
ществовавшему издавна обычаю, будущіе офицеры (фельдфебе-
ля и унтеръ-офицеры) собрали между собой 100 р., Алексѣевъ
прибавилъ отъ себя 300 рублей и всё отослалъ старшему пи-
сарю инспектора, да въ департаментъ—благодѣтелю, чтобъ у ско-
рили производство, а самъ, въ ожиданіи офицерства, исподволь
сдавалъ свою должность и заготовлялъ себѣ офицерскія вещи.
Въ это же время Анна Михайловна сильно упрашивала его
жениться на ней, но онъ обѣщалъ это сдѣлать по полученіи
приказа. Наконецъ, прислали и приказъ. Изъ него мы увидѣ-
ли, что Алексѣевъ въ чинѣ подпоручика, назначенъ не въ нашъ
полкъ, какъ всё полагали, а въ армейскій. Онъ экипировался
и задалъ для штабныхъ и ихъ семействъ послѣдній пиръ на
славу. Когда гости танцевали и играли въ карты,—нѣсколько
человѣкъ пристали къ нему съ разспросами: почему онъ не
остался у насъ офицеромъ?

— Я и былъ къ этому представленъ,—молвилъ онъ,—но
по моей просьбѣ люди добрые устроили мнѣ офицерство въ
армію.

Всѣ удивились и пуще прежняго домогались узнать причи-
ну его ухода изъ полка.

— Извольте, скажу; чуръ только не пенять за мою откρο-
венность,—произнесъ онъ, торжественно.—Прослужилъ я штаб-
нымъ 8 лѣтъ. Въ теченіе этого времени, чрезъ мои руки, про-

*) Черезъ 19 лѣтъ послѣ наказанія солдатъ, Давинъ, живя въ Н., въ числѣ
отставныхъ штабъ-офицеровъ, самъ привналъ, въ разговорѣ съ пишущимъ
эти строки, правдивость разсказа о влосчастныхъ солдатахъ, причемъ приба-
вилъ, что судьба и ему отплатила—параличь равбилъ ему правую руку, а по-
жаръ истребилъ все значительное имущество, скопленное на службѣ, отчего
онъ бѣдствуетъ съ семьею изъ шести человѣкъ, такъ какъ на двѣсти рублей
пенсін жить почти невозможно.

шло множество денегъ и я, какъ и всѣ вы, не зѣвалъ — скопилъ тыщенокъ десять, значить, могу быть офицеромъ исправнымъ. Останься я здѣсь — офицеры-дворяне, помня, что я изъ солдатъ, не скоро примутъ меня въ свои знакомые, а чрезъ это я долженъ буду ежедневно казнитья своимъ прошлымъ, когда отнынѣ я о немъ и слышать не хочу. Долго ли, коротко ли, а познакомлюсь же я, разумѣется, съ офицерами. — Глядя на мою обстановку, на мое хлѣбосоольство, — они изъ зависти разславятъ, что я богачъ, обокралъ полкъ, и полѣзутъ ко мнѣ за деньгами: большинство офицеровъ — голъ перекатная. Раздавать деньги въ долгъ — значить либо терять ихъ, либо враговъ наживать: платить никто не охотникъ... Жить, какъ я думаю, порядочно — надо съ хозяйкой; она у меня правда, есть, и разумная, и акуратная, и ловкая, но... Погодите: объ этомъ послѣ! Онъ оглянулся вокругъ и продолжалъ: — съ вами, сегодняшними друзьями, я завтра уже не знаюсь: не могу же я конфузить своего званія панибратствомъ съ нижними чинами. Встрѣчаешся мнѣ ты, напр., Карпенко, на улицѣ. Отвернуться отъ тебя — мнѣ не приходится, а тебѣ снимать шапку и становиться предо мной во фронтъ — не понравится; поздороваться же съ тобой по товарищески мнѣ дисциплина не дозволяетъ. Ото всѣхъ этихъ неминуемыхъ неурядицъ и самое офицерство здѣсь, — по крайней мѣрѣ, сначала, было бы мнѣ скорѣе въ тягость, чѣмъ въ радость. Я и предпочелъ убраться въ армію. Службу и благородное обращеніе я знаю, денежки въ карманѣ есть, въ формуляръ мой не всякаго пустякъ заглядывать, и голыми руками меня никто не хватаетъ! Я и заживу, припѣваючи. А тамъ... офицеръ я статный, здоровый, зазудится какой нибудь пухленькой барышнѣ съ капитальцемъ или деревенькой, — и я выгодный женихъ... Отышутся у нея знатные родственники и я съ протекціей: пойдутъ мнѣ чины, почетъ и слава...

— Отлично вы, Григорій Алексѣевичъ, разочли, право. Отлично, — одобрилъ одинъ изъ слушателей. — Ловко, вѣрно все разобрали, — подхватилъ другой.

— Разказалъ ты, Григорій Алексѣичъ, дѣйствительно отлично, но только не по совѣсти думаешь поступить, — возразилъ писарь Ивановъ. — Толковать о выгодной женитьбѣ тебѣ не приходится: ты связанъ съ Анной Михайловной, на ней и долженъ теперь жениться: она тебѣ будетъ честной, хорошей женой; бросать же ее тебѣ стыдно, грѣшно, очень грѣшно! На этомъ пунктѣ ты, кажется, играешь безпутными словами.

— Напротивъ: все сдѣлаю именно такъ, какъ говорить, — настойчиво отвѣтилъ разболтавшійся полупьяный Алексѣевъ — Съ Анюты довольно и того, что я ее изъ нищеты вытащилъ, 6 лѣтъ роскошно содержалъ и обогатилъ. Я обѣщался, — не отпираюсь, — и жениться на ней, но... но мало ли что языкъ нашъ, врагъ нашъ сулитъ въ горячую минуту?!.. Я ее ни въ чемъ не хаю, нѣтъ, но быть моей женой теперь ей не удастся: я — офи-

перъ, она — мѣщанка. а офицерамъ жениться на простыхъ неудобно; переписывать же ее въ купчихи и потомъ на ней жениться—надо употребить немало хлопотъ и денегъ, да еще за это потомъ страдать!.. Она, по женской болтливости, хотъ по секрету, а непременно расскажетъ офицершамъ о нашемъ давнишнемъ сожителствѣ; тѣ, какъ сороки на хвостахъ, разнесутъ во всѣ стороны, задеругъ предъ ней носъ, а она тоже съ гоноромъ — не уступить, и пойдетъ перепалка!.. Мало того: здѣшніе же не только полковой, но и батальонные командиры никого изъ нашего брата, офицеровъ, которые женаты на простыхъ, никогда съ женами не приглашаютъ къ себѣ, хотя между ними и есть, какъ Анюта, женщины гораздо умнѣе, чѣмъ изъ благороднаго сословія. Стало быть... стало быть, овчинка не стоитъ выдѣлки. Право, такъ... Я и дамъ Анютѣ, сколько могу, денегъ, и оставлю ей все свое хозяйство,—мнѣ возиться съ нимъ неудобно. Скажу ей: «какъ устроюсь на мѣстѣ, выпишу тебя къ себѣ и женюсь»; да и удеру отсюда, а тамъ прощай, матушка, живи себѣ по добру, по здорову, да не поминай лихомъ. Вотъ и все-съ... Больше толковать и хлопотать о ней ни мнѣ, ни вамъ не стоитъ: она сама себѣ проторить дорогу.

— Да. обо мнѣ дѣйствительно ни толковать, ни хлопотать не стоитъ: я никого объ этомъ и не прошу,—гнѣвно заговорила внезапно вошедшая Анна Михайловна.—Я все подслушала и скажу тебѣ при всѣхъ, что меня ни деньгами, ни хозяйствомъ купить нельзя: я своими чувствами не торгую, а за деньги, накраденныя тобой, въ особенности. Я могу, правда, заставить тебя жениться на мнѣ: у насъ есть сынокъ, который воспитывается у тетки, чтобы не было огласки; но послѣ всего, что ты наболталъ тутъ, я сама твоей женой быть не желаю. Я ненавижу тебя, проклятаго...

— Неуж-жели?—презрительно отозвался Алексѣевъ, побавровѣвъ отъ злости.—Велика фря... мѣщанка, дрянь!...

— Ежели я дрянь, то ты-то кто?—залапчиво перебила она, подступая все ближе и ближе къ нему.—Ты — воръ, мошенникъ, подлецъ, вотъ кто ты! Вотъ тебѣ, вотъ!...

Съ быстротою молніи сорвала она съ плеча Алексѣева эполетъ, хлеснула его этимъ эполетомъ по щекѣ, швырнула въ лицо, вихремъ вылетѣла изъ комнаты и захлопнула дверь такъ сильно, что стекла задрожали. Алексѣевъ и окружавшіе его товарищи стояли и сидѣли, точно истуканы.

«Чудесно!» «Подлость!» «Умно отплатила за обиду!» «Переломать ей всѣ бока!» «Такъ васъ, измѣнщиковъ, и надо!»—потрясали воздухъ мужскіе и женскіе голоса.

Всѣ раскричались и затѣяли между собою ругань, но кто кого хвалилъ, кто кого бранилъ—нельзя было разобрать. Не прошло и десяти минутъ, какъ въ квартирѣ остались только Алексѣевъ, я и служитель: всѣ буквально разбѣжались, изъ опасенія драки, которую непременно бы устроили. Алексѣевъ

въ безсильной злобѣ разорвалъ въ клѣчья свой новенькій сюртукъ и долго скрежеталъ зубами, ругался, наконецъ выпилъ стакана четыре рому и уснулъ... А на слѣдующій день онъ привелъ торговца, продалъ за безцѣнокъ всю мебель, посуду и проч., молча уложилъ свои вещи въ чемоданы и, не простившись даже со мной, уѣхалъ въ армію. Черезъ день я пошелъ было навѣстить Анну Михайловну, но и она, какъ оказалось, отправилась къ теткѣ и сыну, верстъ за 200, въ уѣздный городъ.

IV

Инспекторскій смотръ и театръ.

Я ГОРЬКО поплакалъ въ тихомолку о потерѣ своей покровительницы, которую любилъ, потушилъ о сытомъ прошедшемъ и мало по малу примирился съ наступившимъ для меня скуднымъ временемъ. Преемникъ Алексѣева оказался скареднымъ, подоврительнымъ и грубымъ человѣкомъ. Правда, и къ нему вскорѣ же повадилась ходить его возлюбленная, но это была женщина безграмотная, себялюбивая, непривѣтливая, словомъ, подстать своему «воздахтеру».

Долго тужить мнѣ, однако, не пришлось: канцелярія получила приказаніе готовиться къ инспекторскому смотру *) Насъ заставили работать часовъ по 18 и больше въ сутки. Мы даже шнуровыя книги подписывали за отсутствовавшихъ офицеровъ, но, чтобы подложность подписей не бросалась рѣзко въ глаза, — мы сначала поддѣлывались подъ ихъ почерки на чистой бумагѣ, а потомъ, когда сходство казалось достигнутымъ — расчеркивались въ книгахъ и майорами, и капитанами, и прочими чинами и фамиліями. Наконецъ, пожаловалъ и инспекторъ, старый, чрезмѣрно большого роста и тучности, даже страшный генераль-лейтенантъ Броловъ, со своимъ постояннымъ спутникомъ, писаремъ Готовымъ. Остановливался инспекторъ всегда въ губернаторскомъ домѣ, сутки отдыхалъ съ дороги, а на другія начиналъ свои разнообразныя, безконечныя ученья **); ре-

*) Къ смотрѣмъ бригаднаго командира всѣ относились равнодушно. Тихій генералъ Мотрасенко являлся дважды въ годъ; обыкновенно одинъ проивсдидитъ фронтное ученье, обходитъ казармы, поднисывалъ, едва ли читая, ваготовленные отъ его имени, у насъ же, хвалебныя донесенія начальству о состояніи полка, получалъ отъ командировъ, сколько ему полагалось на дорогу, и мирно уѣжалъ восвояси.

**) Какъ вообще велъ себя этотъ инспекторъ, — подробно рассказано выше, въ первой части этихъ очерковъ. Внослѣдствіи читатели, впрочемъ, ознакомятся еще съ этимъ оригинальнымъ дѣятелемъ былыхъ временъ. Авторъ смышалъ не разъ, будто Грибоѣдовъ именно съ него списалъ Фамусова.

визію же хозяйственной и административной частей предоставлялъ онъ Готову, а тотъ самовластно распоряжался всѣмъ, какъ хотѣлъ.

И вотъ, въ то время, когда отъ полковника до послѣдняго прапорщика всѣ офицеры были на фронтномъ смотру солдатъ и кантонистовъ,—къ канцеляріи подѣхалъ въ коляскѣ на парѣ вороныхъ Готовъ и важно вошелъ въ канцелярію въ запретной «сѣронѣмецкой» тонкой шинели, въ замшевыхъ перчаткахъ и въ калошахъ. Унтеръ-офицеръ снялъ съ него шинелью онъ скинулъ калоша, остался въ отличномъ тонкомъ сюртукѣ съ галунами, привѣтливо отвѣтилъ всѣмъ на поклоны, прошелъ къ намъ и поздоровался, какъ товарищъ съ крестнымъ. Затѣмъ онъ сѣлъ въ казначейское кресло, досталъ изъ кармана золотой портсигаръ и закурилъ папиросу. Ароматный дымъ пошелъ по комнатѣ. Чиновники, учителя и старшіе писаря окружили его. Кто-то приказалъ рядовымъ и кантонистамъ удалиться изъ комнаты. Примѣру другихъ и я было послѣдовалъ, но Готовъ позволялъ меня къ себѣ и спросилъ: какъ меня зовутъ? Я отвѣтилъ.

— Это, Александръ Ивановичъ, мой крестникъ,—пояснилъ Паловъ.—Я насилу добился позволенія взять его изъ роты: полковникъ прочилъ его во фронтвики.

— Не хотите-ли, Иванъ Ивановичъ, отдать его мнѣ, въ штабъ? Я вѣдь скорѣе вашего нашью ему галуны.

— Благодарю васъ за вниманіе, но воспользуюсь имъ черезъ годъ-другой, когда онъ хорошенько научится писать, а то онъ васъ затруднитъ.

— Нисколько. Впрочемъ, настаивать не буду: онъ вамъ ближе, чѣмъ мнѣ. Выправишь почеркъ — напиши мнѣ, что желаешь въ штабъ, и я тебя тотчасъ же вытребую,—прибавилъ онъ мнѣ.—Покуда же сядь, дружокъ, на свое мѣсто.

Онъ погладилъ меня по головѣ. Въ это время мнѣ блеснули въ глаза бѣлоснѣжные воротникъ его рубашки и рукавчики, на нихъ запонки, а на пальцахъ кольца съ брилліантами. Онъ былъ среднихъ лѣтъ и роста, гладко выбритъ, бѣлокуръ, напомаженъ и надушенъ такъ, что отъ него издалиотлично пахло. Онъ долго разспрашивалъ: какъ кто поживаетъ, служить? Ему жаловались на притѣсненія и жестокость 'Деймарна и Безшабашнева, и просили его защиты. Онъ все обѣщалъ. Одинъ изъ учителей попросилъ произвести его поскорѣй въ чиновники, такъ какъ онъ уже давно выслужилъ срокъ.

— Когда же, наконецъ, васъ-то, Александръ Ивановичъ, произведутъ?—освѣдомился крестный, когда Готовъ обнадежилъ и учителя.

— Тогда, когда генераль перестанетъ быть инспекторомъ,—отозвался онъ, улыбаясь.—Генераль, какъ я къ нему ни пристаю о чинѣ,—и слышать ничего не хочетъ: «я, говорить, при-

выкъ тебя видѣть въ галунахъ, а какъ надѣнешь сюртукъ— жизнь мнѣ отравишь; отпустить же тебя съ чиномъ тоже не могу: правой руки лишусь. Если—говорить—нужны деньги— бери, сколько хочешь; почетъ, уваженіе тебѣ вездѣ такія же, какъ мнѣ, семья твоя во всемъ обезпечена, и довольно съ тебя, а коли, говоритъ, мало чего,—проси: все, кромѣ чина дамъ, выхлопочу». А мнѣ именно чина только и недостаетъ! Право учиться въ гимназіи сыну моему уже предоставлено не въ примѣръ прочимъ; изъ солдатскихъ дѣтей онъ тоже исключенъ, но все таки безъ правъ. На это генераль обыкновенно отзывается: пусть мальчикъ растетъ, а при удобномъ случаѣ я лично у государя выпрошу дворянство твоему сыну, какъ моему крестнику. И это онъ навѣрное сдѣлаетъ. Какъ, однако, странно: другимъ въ чемъ угодно могу помочь; не было еще дѣла, котораго генераль не сдѣлалъ бы по моему желанію, а на моемъ чинѣ—я совершенно безсиленъ!.. Мало того: въ прошломъ году бригадные командиры нарочно для меня пріѣзжали за 1000 верстъ поздравить генерала со днемъ его ангела. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и за обѣдомъ оба бригадные, два генеральскихъ сына, дочь и почти всѣ гости единогласно, при мнѣ, просили его о моемъ чинѣ, но онъ наотрѣвъ всѣмъ отказалъ! Вотъ подите-же...

Слушатели выразили соболѣзнованіе Готову. Пришли со смотра: сперва—Курочкинъ и Звонаревъ (они уже являлись къ Готову съ поклономъ), потомъ Безшабашневъ, который почтительно раскланялся предъ Готовымъ и съ подобострастіемъ пожалъ ему руку.

— Отчего вы, г. адъютантъ, до сихъ поръ не представили Михайлова къ чину, когда онъ давно уже выслужилъ срокъ и, какъ я знаю, отлично служить? — начальническимъ тономъ спросилъ Готовъ.

— Извините, Александръ Ивановичъ, не успѣли, — почти тельно оправдывался Безшабашневъ, — да это и зависитъ не отъ меня, а отъ полковника.

— Такъ доложите г. полковнику, что мы ждемъ этого представленія послѣ завтра же.

— Слушаю-сь, исполню.

— Къ намъ въ Москву доходятъ свѣдѣнія, что вы издѣваетесь надъ писарями. За это вы намъ тоже отвѣтите, если не перестанете...

Безшабашневъ побагровѣлъ. Вошли подполковники, майоры, капитаны и т. д., причемъ всѣ съ благоговѣніемъ спѣшили пожалъ руку Готову, сказать ему любезность и пригласить къ себѣ въ гости. Онъ же,—этотъ, по формѣ, солдатъ,—величественно продолжалъ покуривать при офицерахъ, и принималъ ихъ привѣтствія съ полнымъ сознаніемъ своего могущества. Наконецъ, самъ Деймарнъ,—этотъ гордый, надменный нѣмецъ,—

также любезно поздоровался съ Готовымъ, взялъ его подъ руку, походилъ съ нимъ по комнатѣ и удалился.

— Вы, Александръ Ивановичъ, гдѣ сегодня изволите обѣдать? — спросилъ подполковникъ Бабаевъ.

— Какъ всегда, въ первый день смотра у казначея, если память вамъ, Сергѣй Николаевичъ, не измѣнила, — смѣясь отвѣтилъ Готовъ. — Надѣюсь, по прежнему, сидѣть рядомъ съ вами за столомъ.

— Да, да, непременно такъ, — подхватилъ Курочкинъ. — Угощу ужъ васъ, господа, на славу, какъ казначей — вѣроятно, послѣдній разъ.

— Будьте, Александръ Ивановичъ, столь добры: примирите дорогаго нашего казначея съ полковникомъ, а то казначей хочетъ насъ покинуть, — вмѣшался майоръ Черевскій.

— Я уже слышалъ, къ сожалѣнію, все слышалъ, и, если мое стараніе примирить ихъ не увѣнчается успѣхомъ, — то наградимъ казначея чиномъ, либо орденомъ, на выборъ, за его отличную службу. Я ужъ докладывалъ объ этомъ генералу. Заставитъ полковника круто измѣнить свою систему управленія — генераль затрудняется: полковникъ самъ располагаетъ въ Петербургѣ значительною силою.

— И квартирмейстера, Александръ Ивановичъ, тоже, пожалуйста, не забудьте: онъ тоже намѣренъ отказаться отъ должности, — заявилъ Звонаревъ. — Видите, до чего дожили мы? кормильцы наши бросаютъ насъ, — значитъ, тяжела шапка Мономаха.

— Богъ милостивъ, все уладится. Генераль вѣрно уже сдѣлалъ свои визиты и ждетъ меня, — заявилъ Готовъ, взглянувъ на свои глухіе золотые часы. — До свиданія, господа, до обѣда.

На другой день пріѣхали въ одной коляскѣ инспекторъ и Готовъ. Въ дверяхъ канцеляріи ихъ встрѣтило все полковое начальство. Инспекторъ подалъ руку только Деймарну, зато при немъ же все начальство перездоровалось за руку съ Готовымъ.

— Казначей и квартирмейстеръ — наши старые пріятели, — забасилъ инспекторъ, — поэтому мы ихъ провѣримъ дома, а вотъ адъютанта проревизуй, Александръ Ивановичъ, хорошенько здѣсь. Ступай, займись съ нимъ, а меня, полковникъ, пустите на минуту взглянуть на казначея, квартирмейстера и педагога Палова съ его крестникомъ, котораго я въ ординарцахъ, къ сожалѣнію, сегодня ужъ не видалъ.

Онъ вошелъ, чрезъ настѣжъ растворенныя двери, къ намъ.

— Здравствуйте, ребята! — заговорилъ онъ.

Нижніе чины и кантонисты гаркнули: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», а чиновники и офицеры низко поклонились ему. Онъ подалъ руку казначею, квартирмейстеру и крестному.

— Ты, братъ Курочкинъ, отъ казначейства не отказывай

ся,—продолжалъ онъ.—Офицеры всё тебя любятъ, мы тоже; а полковникъ, хоть и строгонекъ, но тоже не обидитъ тебя.

— У меня, ваше превосходительство, глаза ослабли, поэтому мнѣ необходимо отдохнуть,—заявилъ Курочкинъ.—Я не сомнѣваюсь въ справедливости г. полковника, а вамъ въ высшей степени признателенъ за лестное ко мнѣ вниманіе, но я утомился...

— Я больше тебя утомился, но еще служу, а ты вѣрно побарствовать хочешь съ молодою женою, благо разбогатѣлъ по ея милости. Уже, вечеромъ, я съ Александромъ Ивановичемъ приѣду къ тебѣ чай пить и поговорю съ твоей женой. Вѣдь я помню еще тебя кантонистомъ, потомъ рядовымъ, унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, а теперь ты поручикъ, стало быть, не пожалѣешь для меня чаю-сахару.

— Весь вѣкъ буду отъ души благодаренъ вашему превосходительству, если удостоите посѣтить меня.

— Удостою, непременно удостою, да еще гостей назову къ тебѣ, — твоихъ же, впрочемъ, и Александра Ивановича пріятелей: тебя, Звонаревъ, и тебя, Паловъ.

Оба поклонились инспектору въ знакъ согласія.

— А зачѣмъ ты, Паловъ, лишилъ меня ординарца, — въ этомъ клопѣ? — адресовался онъ къ крестному, указывая на меня.—Онъ со временемъ былъ бы вѣдь отличнымъ офицеромъ, а ты посадилъ его бумагу марать.

— Онъ,—простите великодушно, ваше превосходительство,—не чувствуетъ склонности къ фронту, а здѣсь я сдѣлаю изъ него хорошаго писаря.

— Конечно, для моего штаба. Буду ждать его къ себѣ. Подика сюда, клопъ.

Я мгновенно выскочилъ изъ-за стола и вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Покажи-ка мнѣ съ лѣвой ноги портянку?

Я снялъ сапогъ и исполнилъ приказаніе.

— Чиста. Надѣнь. Да покажи мнѣ подкладку своей куртки.

Я и это исполнилъ.

— Быстро и опрятно. Хорошо. А не знаешь ли, — продолжалъ онъ, пока я одѣвался, — сколько получаетъ казначей жалованья?

— По чину поручика 380 руб. въ годъ, ваше превосходительство.

— А если казначей смѣнится, можешь ты его мѣсто занять?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же нѣтъ-съ?

— Оттого, ваше превосходительство, что казначеемъ долженъ быть офицеръ, а я—кантонистъ.

— Развѣ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Какой я имѣю чинъ.

— Генераль-лейтенанта, ваше превосходительство.

— Учись скорѣй, выростай и я тебя также сдѣлаю казначеемъ. Офицеромъ-то ты, конечно, надѣнешься быть со временемъ?

— Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть и генераломъ, потому...

— Откуда ты это знаешь?

— Изъ артикуловъ, ваше превосходительство.

— А кто это первый сказалъ?

— Генераль-фельдмаршалъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, ваше превосходительство.

— Bravo, bravo. Непремѣнно произведу тебя.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство за доброту вашу.

— А отъ кого ты слыхалъ, что я добръ?

— Отъ всѣхъ здѣшнихъ своихъ начальниковъ, ваше превосходительство.

— Пересчитай-ка мнѣ: кто тутъ твои начальники?

— Полковой командиръ, господинъ полковникъ и кавалеръ Деймарнъ; казначей, поручикъ Курочкинъ; губернский секретарь Паловъ и старшій писарь Алексѣй Григорьевъ.

— Григорьевъ! Правда, что ты считаешь меня добрымъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство, — произнесъ Григорьевъ, — даже очень добрыми.

— Спасибо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— А къмъ тебѣ приходится этотъ вотъ губернский секретарь Паловъ?

— Крестнымъ отцомъ, ваше превосходительство.

— Ну, разубавилъ ты меня своими знаніями. Молодецъ. А тебя, Паловъ, благодарю, что отлично вышколилъ крестника. Благодарю. Накорми его за меня пирожнымъ.

Онъ протянулъ крестному руку, которую тотъ почтительно пожалъ, потомъ весело и величественно ушелъ, сопровождаемый полковниками и майорами. Послѣ его ухода всѣ меня расхвалили за бойкіе отвѣты и радовались благосклонному его ко всѣмъ вниманію.

Тѣмъ временемъ Готовъ ревизовалъ адъютантскую часть, сидя въ креслахъ, а Безшабашневъ стоялъ передъ нимъ. Первый придирался къ послѣднему, говорилъ ему колкости, вразумлялъ его не обижать писарей; послѣдній краснѣлъ, блѣднѣлъ точно также, какъ передъ нимъ писаря. Смотръ продолжался недѣлю. Въ теченіе этого времени, переносили и перевозили къ Готову множество дѣлъ книгъ; писали и сушили до упаду. Чѣмъ сердитѣе бывали инспекторъ и Готовъ, — тѣмъ больше первый дѣлалъ ученій и распекалъ начальство, а посядній сильнѣе рылся въ дѣлахъ, надергивая въ нихъ больше упущеній. Смотря по количеству найденныхъ грѣховъ, обоимъ при-

носились вознагражденіе изъ «благоразумной экономіи» *). По окончаніи каждаго смогра, къ инспектору отправляли цѣлые обовы суконъ, холста, всякой рыбы, икры и проч, причеиъ все, даже лошади, оставалось въ его пользу. Такъ было поступлено и на этотъ разъ.

Когда все приняло обычный, будничныи видъ—въ казначеи поступилъ поручикъ Мифоровъ (изъ дворянъ), человекъ образованныи, дѣловой и спокойныи. Отъ него и отъ квартирмейстера Деймарнъ отобралъ всѣ мастерскія и связанныя съ ними хозяйственную часть и денежныя операціи, которыя поручилъ почти безграмотному прапорщику Тургурову (изъ солдатъ), чтобы тотъ не могъ ничего утаивать. Отъ этого у насъ значительно уменьшилось работы. Мы и стали ходить, съ разрѣшенія начальства, въ статисты въ городской театръ, за что намъ платили по 7 к. за спектакль. Театръ чрезвычайно заинтересовалъ меня, хоть я почти не понималъ смысла игравшихся пьесъ. Играли, случалось, и такія пьесы, которыя просто пугали меня. Былъ въ то время актеръ Рыбаковъ, величайшаго роста, тучныи и широкоплечій. Въ «Велизаріѣ» онъ являлся на сценѣ въ оковахъ, и такъ звенѣлъ ими, что я дрожалъ отъ страха. Однажды роль «Отелло» игралъ Ольриджъ. Задушивши на сценѣ Дездемону, онъ стоналъ и рычалъ, какъ левъ, а черное звѣрское лицо, оскаленныя зубы и сверкавшіе глаза его до того поразили меня, что я со страху убѣжалъ изъ театра.

Въ антрактахъ, за кулисами, около молоденькихъ красивыхъ актрисъ постоянно увивались разные франты; но они мигомъ исчезали, когда туда являлся губернаторъ съ адъютантомъ. Оба они заигрывали съ актрисами, прислуживали имъ, поили ихъ виномъ, кормили конфектами, обнимали, а иногда и цѣловали ихъ при всѣхъ. Въ свою очередь, и актрисы ласкались къ нимъ, дружески бранили, толкали, щипали, роняли ихъ на полъ и даже садились на нихъ... Однажды губернаторъ, бѣгая по сценѣ за актрисою (занавѣсъ былъ опущенъ)—толкнулъ меня такъ сильно, что я упалъ.

— Ты ушибся?—съ участіемъ спросила меня виновница моего паденія, когда я поднялся.

— Нѣтъ, ничего-съ... не безпокойтесь...

— Дайте, князь, этому мальчугану пять рублей за то, что обидѣли его напрасно.

— Охотно исполнилъ бы твое желанье, милая шалунья, да къ сожалѣнію, не могу.

— Почему? Я вамъ приказываю, слышите ли? сію секунду приказываю раскошелиться.

— Приказаніе это неисполнимо: при мнѣ денегъ нѣтъ.

*) Она была такъ велика, что Деймарнъ, 8 лѣтъ сряду, отсылалъ въ банкъ открыто, для приращенія процентами, по 20—30,000 р.

— Ха-ха-ха! Губернаторъ, генераль, князь не имѣеть 5 р?!.. бѣд-дневнкій! Одолжите, господа, князю 5 р. на нужду,—потѣшалась она.

— Я пошлю занять отъ вашего имени у княгини,—трепала другая.—Она вонъ въ ложѣ и, вѣроятно, не откажется выручить муженька.

— Княгиню, проказница, не поминай: между нами ее называть запрещ-щаю,—вступился князь, смѣясь.

— Что, боитесь ея, боитесь?—дразнила его третья.—Она васъ за ухо выдереть,—вотъ такъ, такъ.—Она подергивала его кокетливо за ухо.

— Разыщите мнѣ моего адъютанта. Куда это онъ запропастился?—скомандовалъ князь.

— Что прикажете?—откликнулся адъютантъ, вывернувшійся изъ-за кулисъ, гдѣ онъ тоже возился съ актрисами.

— Заткни, пожалуйста, этимъ трещоткамъ ихъ горлышки пятью рублями.

— Съ удовольствіемъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, чтобы достать 5 р., но актрисы обступили его, выхватили у него бумажникъ, мигомъ разобрали изъ него деньги, удѣлили изъ нихъ намъ, статистамъ, 10 руб., а бумажникъ возвратили ему назадъ. Глядя на возню актрисъ, спѣшившихъ прятать добычу: одна—залифъ платья, другая—за чулокъ, третья—въ волосы и т. д., губернаторъ и его адъютантъ покатывались со смѣху.

— За то, что вы его ограбили,—я велю васъ отправить уже въ полицію и тамъ, чикъ-чикъ, посѣчь!—пригрозилъ губернаторъ.

— Ну, ужъ это дудки, мы васъ самого высѣчемъ. Эй, господа, тащите князя ко мнѣ въ уборную на расправу..

— Въ уборную я самъ пойду съ вами, сороки.

— И прекрасно: я уже распорядился принести туда фруктовъ и шампанскаго,—заявилъ адъютантъ.—За одно ужъ, голубушки, кутнемъ и закаемъ.

Всѣ весело побѣжали со сцены.

— Хорошо бы почаще красненькія получать,—рѣшили мы, возвращаясь въ казармы.

V.

Походъ въ Петербургъ.

БЫЛЪ февраль мѣсяцъ. Морозъ смѣнялся оттепелью, снѣгъ—дождемъ и наоборотъ; короче, погода стояла скверная.

— Въ походъ, на войну!—вдругъ пронеслось по канцеляріи,

по казармамъ и по городу. Слова эти ошеломили всѣхъ военныхъ, въ томъ числѣ и меня.

Всѣ маршировочныя, ружейныя и артикульныя ученя сразу замѣнились сборами «въ походъ, на войну». Солдаты обрадовались внезапному прекращенію ежедневныхъ муштровокъ, сопровождавшихся жестокими кулачными, шомполными и палочными расправами. Кромѣ того, они надѣялись втихомолку, на войнѣ, отомстить большинству офицеровъ. Изъ офицеровъ, одни—трусилы, другіе—смягчались, а третьимъ—не хотѣлось разставаться со своими семействами. Полкъ предназначался въ походъ впервые со времени его сформированія, а потому никто изъ начальства не зналъ, какъ и что слѣдуетъ предпринимать? Канцелярія торопливо сортировала дѣла, намѣчала, какія взять съ собой, готовила маршруты, продовольственные расчеты, различныя донесенія и отношенія. Служившихъ въ канцелярії тоже раздѣлили на идущихъ въ походъ и остающихся на мѣстѣ. Мнѣ, какъ человѣку съ протекціею,—предоставлено было на выборъ; но я самъ пожелалъ въ походъ. Крестный спросилъ меня о причинѣ моего желанія.

— Всѣ идутъ и мнѣ позвольте... здѣсь остается только дрянъ,—брякнулъ я.

— Такъ и я, значитъ, дрянъ? Я тоже остаюсь,—пояснилъ онъ.— Не ожид-далъ я отъ тебя...

— Нѣтъ-съ, я про писарей, а не про васъ говорю. Сдѣлайте милость, пустите меня...

Онъ согласился и наканунѣ выступленія, вечеромъ благословилъ меня образомъ, далъ мнѣ 10 р. на дорогу, а жена его—мѣшокъ съ разными необходимыми вещами. Раню утромъ, всѣ три батальона солдатъ въ тяжелыхъ каскахъ, съ ранцами, наполненными вещами, съ тяжелыми кремневыми ружьями въ рукахъ, стояли въ шинеляхъ фронтомъ предъ соборомъ, на площади возлѣ губернаторскаго дворца. Отслужили молебенъ, архіерей окропилъ всѣхъ святою водою, произнесъ приличное случаю напутствіе и пожелалъ намъ «одолѣть враговъ». Губернаторъ выпилъ за здоровье полка, за нимъ предводитель и другія гражданскія власти, потомъ всѣ офицеры. Солдатамъ также поднесли угощеніе—по чаркѣ водки, по калачу и по куску вареной говядины на человѣка, на счетъ раскольника Бубнова. Батальоны раздѣлились по-ротно, роты по отдѣленіямъ, и, по командѣ «маршъ»—4,600 строевыхъ, солдатъ тронулись со своими командирами въ путь: подъ веселые звуки музыки и пѣсенъ, сверкая вычищенными ружьями, касками, ранцевыми ремнями, манерками и пуговицами на шинеляхъ. За строевыми поплелись кучками писаря, учителя, рядовые, кантонисты: писаря, пѣвчіе и музыканты (кантонистовъ было до 60 человѣкъ), а сзади всѣхъ двигался длиннѣйшій полковой обозъ, подводъ въ 200. Насъ нагоняли и обгоняли кареты,

брички, сани съ дамами и кавалерами, пуоковавшими своихъ мужей, сыновей, родственниковъ и друзей офицеровъ.

Первыя 10 верстъ до привала всѣ прошли бодро, весело. На привалѣ офицеры окончателно распрощались съ близкими людьми, полкъ раздѣлили на эшелоны и отпрагили ночевать: первый — за 20, второй — за 15, а третій — за 10 верстъ, чтобы въ дальнѣйшей дорогѣ не стѣсняться выборомъ мѣстъ для ночлеговъ. Эшлонные или батальонные командиры получили разрѣшеніе уѣзжать со станціи на станцію; ротныхъ обявали ѣхать впереди или сзади своихъ ротъ; субалтернъ-офицерамъ прикавали шествовать вмѣстѣ съ солдатами, а намъ, занимавшимся въ канцеляріи, предписано было слѣдовать при послѣднемъ эшелонѣ; командиръ же эшелона разрѣшилъ намъ идти какъ вздумается (солдатъ велѣли вести фронтомъ и по четыре версты въ часъ), съ тѣмъ, чтобы ночевали мы непременно тамъ же, гдѣ онъ, и чтобы старшіе писаря поочередно, утромъ и вечеромъ, рапортовали ему о состояніи нашей команды. Нести на себѣ обязывались мы только то, въ чемъ были одѣты (въ шапкахъ, наушникахъ, шинеляхъ; подъ шинелями — сюртуки или куртки), поэтому мы безъ затрудненія отпагали первую станцію, добрались до отведенныхъ намъ, на 40 человекъ, двухъ избъ, поѣли кто что имѣлъ, и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 6 часовъ утра раздался по деревнѣ пронзительный барабанный бой. Мы съ трудомъ поднялись, умылись на дворѣ выпавшимъ свѣжимъ снѣгомъ, позавтракали, уложили свои пожитки на двѣ подводы и пустились дальше по рыхлому снѣгу, превращавшемуся подъ нашими ногами, по случаю оттепели, въ жидкую кашу.

Вслѣдствіе молодости солдатъ, для поддержанія ихъ силъ, разрѣшили отпускать ежедневно на человека по фунту мяса и по 2 чарки водки, а слабосильныхъ и поклажу — вести на обывательскихъ подводахъ. Но всѣ начальники старались наживаться; поэтому, со второй же станціи, солдатамъ давали: мяса — едва по полуфунту, а водку только въ самые ненастные дни. Садиться на подводы — никому не позволялось до окончательнаго изнеможенія; число подводъ брали на половину меньше, чѣмъ полагалось по числу людей; контрмарки же выводили въ расходъ всѣ по положенію. Ранцы съ вещами заставляли солдатъ нести на себѣ также какъ и каски, ружья и аммуницію. Всѣ вещи и даже пуговицы солдаты ежедневно чистили, какъ и дома, — чтобы и въ пути онѣ блестѣли, какъ на смотру, хотя никто ихъ и не видѣлъ. Не смотря, однако, на тяжесть путешествія, солдаты все таки предпочитали похолную жизнь — казарменной, потому, преимущественно, что о наказаніяхъ почти не стало слышно. Безотлучное пребываніе офицеровъ при солдатахъ сблизало обѣ стороны между собою, вынуждало первыхъ относиться къ послѣднимъ снисходительно, какъ отъ собственнаго утомленія, такъ и изъ чувства само-

сохраненія: темными утрами и вечерами, дорогою и въ деревняхъ, очень легко было, — какъ доказывали два три случая, — безнаказанно поколотить и даже убить любого изъ офицеровъ. Суровое воспитаніе и содержаніе солдатъ развивало въ нихъ зависть и ненависть ко всѣмъ, какъ говорили «вольнымъ людемъ», а дурные поступки офицеровъ вызывали подражателей среди солдатъ. По примѣру офицеровъ и солдаты смотрѣли на крестьянское имущество, какъ на военную добычу, а потому все, что попадалось на глаза и годилось въ дѣло, офицеры отбирали на ночлегахъ силою, а солдаты — крали; зависимость же и приниженность крестьянъ лишали всякой защиты не только ихъ скарбъ, но даже и женъ, и дочерей отъ насилій постояльцевъ. Крестьяне и называли наше войско «ордою». Горячую пищу варили для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ — очень плохую, и притомъ за версту отъ деревень, куда мы, по очереди, ходили за нею съ ведрами и приносили на квартиры просто уже холодное пойло, въ которомъ и скверные сухари не размокали. Оттого мы съ голоду и потаскивали что попало. Спали мы въ тѣснотѣ, грязи, часто на голомъ полу. На дневкахъ мы цѣлые дни писали (однихъ строевыхъ рапортовъ о «благополучномъ прослѣдованіи» изъ каждаго города посылалось до 50), потомъ мыли свое бѣлье и чинили рваное платье. При вступленіи въ городъ, насъ встрѣчали Деймарнъ и Безшабашневъ (казначей и квартирмейстеръ уѣхали впередъ, прямо въ Москву), при этомъ первый тщательно осматривалъ, какъ и во что одѣты мы, мальчики, а за неисправность — приказывалъ взыскивать и съ насъ, и съ нашихъ старшихъ; адъютантъ же по прежнему издѣвался надъ своими писарями, просиживавшими надъ работою за полночь.

Въ теченіе двухъ недѣль, походъ до крайности заморилъ насъ: холодъ, голодъ, слякоть, усталость и дурное обхожденіе, — все это такъ изнурило насъ, что многіе едва двигались. Иные и рады были бы остаться въ городскихъ больницахъ, — но заболѣвавшихъ 10 разъ свидѣтельствовали, и, хотъ на подводахъ, а тащили дальше: наше начальство стремилось доказать высшему, что всѣ мы «благополучны»; самимъ же больнымъ, по выздоровленіи, предстояло догонять полкъ по этапу, какъ увѣряли, «въ наручникахъ», — и это обстоятельство всѣхъ вооружало долготерпѣніемъ. Мы втихомолку стонали, плакали, проклинали свою службу, но шли и шли!! Офицеровъ дворянство даромъ перевозило со станціи на станцію, угощало обѣдами. а о солдатахъ и объ насъ, юношахъ, никто никакихъ заботъ не проявлялъ: о безпомощности нашей никому и на умъ не приходило. Мало того: офицеры, въ знакъ благодарности дворянамъ за угощенія, среди пирушекъ требовали нашихъ пѣсенниковъ и музыкантовъ, и по нѣскольку часовъ сряду заставляли ихъ, измученныхъ и голодныхъ, играть и пѣть подъ окнами тѣхъ домовъ, въ которыхъ сами кутили. Въ свою

очередь, и солдаты, раздраженные невзгодами,—толпами опустошали на базарах лавочки и лари со съѣстнымъ, просто грабили мирныхъ жителей.

Первый день Пасхи пришлось намъ дневать въ уѣздномъ городѣ Покровѣ. Для встрѣчи праздника по христіански, мы въ страстную субботу, безъ отдыха, рано дошли до города. помѣстились,—за недостаткомъ помѣщенія,—всѣ 40 человекъ канцелярскихъ, въ одну полуразвалившуюся вдвоемъ избу, отдохнули и добрались толпою до единственной въ городѣ бани. Платить за входъ намъ было нечѣмъ, мы и ворвались силою въ передбанникъ, гдѣ увидѣли раздѣвавшихся и одѣвавшихся мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ. Мы вопросительно переглянулись и замѣтивъ, что женщины насъ ничуть не стыдятся, тоже раздѣлись, нахватили вѣшниковъ и отправились въ горячую баню. Тамъ и мылось, и парилось до 50 мужчинъ и женщинъ. Мы раздѣлились на группы, высмотрѣли, у кого изъ «вольныхъ» есть мыло, и забирали его себѣ. Завязалась перебранка. Наши кинулись на женщинъ, «вольные» мужчины вступились за нихъ и затѣялась драка шайками, вѣшниками, кулаками; женщинъ волочили за распущенные волосы и всячески издѣвались надъ ними. Крикъ, плачь, плескъ воды, свистъ вѣшниковъ долго оглашали воздухъ, покуда «вольные» были побѣждены и изгнаны изъ бани, а все ихъ мыло досталось намъ. Мы вымыли имъ свое бѣлье и тѣло, одѣлись въ передбанникъ и, уходя растащили не мало мужскихъ и женскихъ вещей*), изъ которыхъ надѣлали себѣ потомъ: кто — портянки кто — нагрудникъ, кто — курточку: въ нашемъ горемычномъ «хозяйствѣ» пригожалась—по выраженію гоголевскаго Осипа — и всякая веревочка.

Двухмѣсячное странствованіе приблизило насъ, наконецъ къ Москвѣ. Верста за 15 отъ столицы, была нарочно подогнана дневка. Туда стянули весь полкъ, тамъ присоединились къ намъ всѣ уѣхавшіе впередъ и оставшіеся сзади офицеры. Весь день и всю ночь солдаты чистились, чинились, стриглись и брились. Мы вступили въ Москву точно на парадъ, съ музыкою и пѣснями, хотя въ душѣ изнывали отъ горя. Въ Москвѣ размѣстили насъ въ казармахъ, гдѣ мы прожили двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени, солдаты разъ 10 перебивали на разныхъ смотрахъ, а мы—канцелярія—просиживали за писаньемъ, часовъ по 15 въ сутки. Тѣмъ не менѣе, мы не могли нахватиться своимъ благополучіемъ: намъ варили вкусныя щи, кашу, квасъ, пекли хорошій хлѣбъ, а спали мы на тюфякахъ и подушкахъ учебнаго же полка, ушедшаго раньше насъ въ по-

*) Мыться вмѣстѣ съ женщинами намъ больше нигдѣ не приходилось; но въ печкахъ мылись даже въ Петербургской губерніи. Печки эти были большія, внутренности широкия и длинныя; ихъ натапливали, гасили огонь, настилали солому и вѣвали туда съ вѣшниками и горячею водою.

ходъ и также, какъ мы, оставившаго дома свои пожитки. Едва мы вошли во вкусъ и оправились, какъ намъ приказали выступить въ Петербургъ, по «машинѣ». Раянимъ холоднымъ утромъ прогнали насъ чрезъ всю Москву *), возлѣ вокзала сосчитали и провели на платформу, гдѣ стояло на колесахъ до 100 длинныхъ, широкихъ полуящиковъ, съ глубокимъ дномъ, на которомъ были устроены поперечными рядами скамейки, но ни крышъ, ни высокихъ досчатыхъ боковъ—ящичи не имѣли. Въ эти то ящичи на скамейки, и усадили насъ вплотную, локтями другъ къ другу. Ящичи оцѣпили, чрезъ торчавшія изъ нихъ высокія палки веревками, чтобы сѣвшіе по краямъ не вываливались, или чтобы было за что ухватиться, если ящичи покачнутся на бокъ.

— Дорогой по сторонамъ не вертѣться, не шалить, а сидѣть смирно, чтобы не вылетѣть,—услышали мы зычный голосъ начальства.—Шапки долой, перекреститься — и съ Богомъ.

Машина пронзительно свиснула, запыхтѣла, и мы съ напряженнымъ любопытствомъ покатали... Не прошло, однако, и получаса,—какъ мы начали разочаровываться: изъ машинной трубы дымъ застилалъ намъ глаза; искры — прожигали наши сермяги, попадая и въ лицо; холодный вѣтеръ — заставлялъ насъ вздрагивать, а полившій дождь—свободно мочилъ... Такъ провели насъ 9 часовъ. Поѣздъ остановился и намъ приказали выходить, но отъ вѣтра—глаза слезились; отъ неподвижности—ноги отекли; отъ холода—тѣло околѣло, а отъ дождя—вся одежда промокла и сдѣлалась впятеро тяжелѣе прежняго. Команда: «выходить!» повторилась. Мы напрягли остатки силъ, выбрались на платформу, поразмяли одеревенѣвшіе члены и пробѣжали версты двѣ по полю — объѣдать. Какъ ни была плоха пища, но, проголодавшись и иззябши, мы ѣли съ жадностью, тѣмъ болѣе, что во избѣжаніе простуды — намъ дали по чаркѣ водки. Черезъ часъ повезли насъ дальше, а дождь, точно изъ ведра, все лилъ да лилъ на насъ... Начало темнѣть. Мы надѣялись скоро добраться до ночлежныхъ избъ—просушиться, заснуть, но надежда не сбылась!.. Чтобы хоть сколько нибудь облегчить свое отвратительное положеніе, мы, воспользовавшись ночьюю темнотою (благо, начальству за нами не досмотрѣть), вставали поочередно со своихъ мѣстъ и растягивались подъ лавками, хоть на короткое время, расправляли свои околѣвшіе члены и дремали, проклиная тѣхъ, кто выдумалъ такіе «вагоны». Утромъ наши старшіе пожаловались на несносную ѣзду, на то, что мальчишковъ уже трепала лихорадка. Эшелонный командиръ велѣлъ отпустить намъ, на кан-

*) Тутъ только мы ее свободно рассматривали: во время же пребыванія въ ней, никого не выпускали изъ казармъ, чтобы не попались въ какой либо несправности высшему начальству.

целярію, ведро водки. Выпивъ ее натошакъ, мы опьянѣли и наши невзгоды показались намъ какъ будто сноснѣе. Обѣдали мы опять въ полѣ, а на ночь насъ, мальчиковъ, пустили, въ видѣ особенной милости, въ глухіе, темные вагоны къ лошадямъ, гдѣ въ теплѣ и въ суши мы отлично проспали всю ночь. Утромъ намъ приказали выбраться на свои мѣста; мы напрасно умоляли оставить насъ съ лошадьми.

— При лошадяхъ указано быть только конюхамъ, — отвѣтило намъ начальство.—Насъ встрѣчаютъ и провожаютъ смотрители станцій, жандармы: они замѣтятъ нарушеніе правилъ и донесутъ объ этомъ, либо высшее начальство выѣдетъ посматрѣть: въ порядкѣ ли ѣдемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ, не расчерпаешься изъ-за васъ, шалыгановъ. Маршъ на свои мѣста!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ завистью къ лошадямъ вернулись мы подъ дождь, вѣтеръ и дымъ, донимавшіе насъ четверо сутокъ. Смеркалось. Поѣздъ остановился.

— Скоро Петербургъ.—оповѣстило насъ начальство.—Хорошенько осмотрѣться, обчиститься и прибраться, чтобы вступить молодцами. Идя городомъ, по сторонамъ не глядѣть, разговоровъ никакихъ не вести, а двигаться въ ногу, чинно, чтобы начальство было довольно. Кого въ чемъ замѣтятъ, не певать!..

Поѣздъ тронулся. Ни осмотрѣться, ни обчиститься намъ было нечѣмъ и негдѣ, по этому мы только ощупали: всѣ ли пуговицы и крючки на шинеляхъ застегнуты. Солдаты же вытерли руками и полами шинелей свои каски, ранцы, ремни; застегнули ихъ, взяли ружья на плечъ и въ этомъ сидячемъ фронтѣ доѣхали до столицы, положительно уже впотъмахъ.

VI.

Пребываніе въ Петербургѣ.

ИХО, крадучись, точно воры, вышли мы всѣ по наказу начальства на платформу. Солдатъ выстроили фронтomъ, осмотрѣли съ ручными фонарями и, убѣдившись, что все на нихъ въ исправности, повели уже безъ дѣсенъ и безъ музыки, опасаясь разбудить спавшее,—какъ предполагалось,—высшее начальство, хотя было только 10 часовъ вечера. Въ приливѣ страха нашего начальства передъ столичнымъ, объ насъ, канцеляристахъ, совершенно забыли. Мы и остались подъ крышею вокзала еще часа на два. Наконецъ и за нами явился офицеръ, и мы поплелись по грязи и лужамъ, среди непроницаемой темноты. Путеводитель нашъ многократно сворачивалъ то направо, то налево, покуда мы съ нимъ не заплутались

окончательно. Мы остановились, перевели духъ, двинулись дальше и наткнулись на будку. Офицеръ вызвалъ будочника, и онъ проводилъ насъ до слѣдующаго, тотъ дальше, и лишь десятый по счету привелъ насъ, во второмъ часу ночи — на Пески.

Квартирою намъ отвели чердакъ! Деревянная, какъ и весь домъ, крыша чердака была ветхая, со щелями, слуховыя окна — безъ стеколъ, отчего сквозъ крышу и окна свободно проникали вѣтеръ и дождь, сильно смочившій всю землю чердака. Потужили мы, потужили, да какъ были насквозь мокрые, — такъ и полегли рядышкомъ на мокрый мусоръ и песокъ, положивъ подъ головы свои шапки и ладони... Мы заняли все пространство чердака, а онъ былъ такъ малъ, что кто хотѣлъ повернуться на другой бокъ, — тотъ долженъ былъ встать. Страшное пвнemoженіе смежило намъ вѣки и мы заснули.

— Къ 9 часамъ надо разослать рапорты о благополучномъ вступленіи полка, а они еще дрыхнуть, — прогремѣлъ голосъ Безшабашнева въ 6 часу утра. — Вставать и живо за работу, мерзавцы! — продолжалъ онъ, расталкивая насъ пинками.

Съ отяжелѣвшими головами и лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ, поднялись мы, бессознательно озираясь и толкаясь по чердаку, куда тѣмъ временемъ втащили уже сундукъ съ канцелярскими принадлежностями.

— Позвольте, ваше б-родье, хоть очнуться маленько, — жалобно заговорилъ старшій полковой писарь Ивановъ: — мы такъ измучены, что ничего не можемъ и сообразить, не то что писать.

— Ты, скотина этакая, вѣчно разсуждаешь, когда я этого терпѣть не могу. Смотри!..

— Какъ же, помилуйте, ваше б-родье, не доложить вамъ, что не на чемъ писать, что всѣ мы еле дышемъ?

— Ахъ, я и забылъ, что тебѣ комфортъ нуженъ. Такъ вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ, кан-наля этакая.

И Ивановъ едва на ногахъ устоялъ отъ полученныхъ двухъ оплеухъ.

— Вы, ваше б-родье, сколько ни тираньте насъ, — невозможнаго все таки не сдѣлаемъ, — настойчиво молвилъ оправившійся Ивановъ. — Мы чуть не переколѣли отъ мучительной вѣзды подъ открытымъ небомъ, а вы... позвольте доложить, вѣдь не дома, а въ Петербургъ!..

— Молчать! Знаешь, кажется, меня, ну и берегись..

— Мы привыкли молчать, но вѣдь терпѣніе и лопается.. Здѣсь это легко выкажется..

— Ты еще грубить? Я тебѣ уже высыплю сотню горячихъ, такъ научишься мнѣ отвѣчать. Писать сію секунду, всѣ, всѣ писать!

— Неудобно-ли вашему б родью приказать прежде комнату

отвести, столы устроить, а уже потомъ заставлятъ писать, — вставилъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ.

— Ты тоже розогъ захотѣлъ? И получишь. На чемъ стоишь, на томъ и пиши! На полу, въ растяжку, сію минуту всё, всё писать.

— Меня, извините, ваше б-родье, казначей ждетъ и я ухажу къ нему: онъ мой ближайшій начальникъ.

— Хорошо. Я про тебя полковнику доложу. Я васъ выучу, выучу повиноваться, — оралъ Безшабашневъ въ безсильной ярости. Григорьева онъ стѣснялся поколотить, чтобы не ссориться съ казначеемъ, защищавшимъ своихъ подчиненныхъ. — За раб-боту, негодяи эдакіе.

Не прошло и 5 минутъ, какъ мы разровняли руками и ногами землю и песокъ, разлеглись на полъ и писали рапорты о «благополучномъ» вступленіи полка въ столицу! Кровь приливала къ головѣ, руки дрожали, глаза посоловѣли, холодный потъ выступалъ на лицахъ, но всё писали съ неимоверными усилиями, а Безшабашневъ обходилъ лежавшихъ и вглядывался: красиво ли, вѣрно ли пишутъ. Между нами былъ 16-лѣтній красивый, нѣжный юноша Лазаревъ*) работавшій, лежа, возлѣ меня. Когда Безшабашневъ остановился противъ него — рука его дрогнула и онъ капнулъ чернилами на почти готовый рапортъ. Это взбѣсило Безшабашнева и онъ каблучкомъ со шпорою ударилъ Лазарева по головѣ. У того хлынула кровь изъ рта, изъ носа и даже изъ ушей, а самъ онъ свалился на бокъ прямо на меня. Я было толкнулъ его, но онъ и не шевельнулся. Съ испугу я вскочилъ и крикнулъ; «померъ!».

— Молчи, пащенокъ, — рывкнулъ Безшабашневъ и такъ ударилъ меня кулакомъ по головѣ, что я тоже на кого-то свалился.

Когда меня подняли и я очнулся, всё уже перестали писать, а глядѣли въ упоръ на меня, Безшабашнева и бездыханнаго Лазарева.

— Вонъ отсюда, всё вопъ, на дворъ, а сюда позвать фельдшера со спиртомъ и водой, — приказалъ Безшабашневъ, топая ногами. — Экая дрянь!..

Ужъ на дворѣ возмущались мы случившимся. Спустя полчаса Лазарева снесли на рогожѣ внизъ, въ походный лазаретъ, а фельдшеръ сообщилъ намъ, что Лазаревъ дѣйствительно умеръ отъ пролома головы.. Смерть Лазарева не помѣшала впрочемъ, своевременно кончить «благополучные» рапорты.

— Напиши, Степановъ, въ приказѣ по полку объ исключеніи изъ списковъ Лазарева, умершаго «вчер-ра», на желѣв-

*) Говорили, что онъ сынъ духовнаго лица, воспитаннаго его въ холѣ. Онъ такъ хорошо рисовалъ, что его картинки и планы съ гордостью показывали всѣмъ прѣзжавшимъ инспекторамъ.

ной дорогѣ, отъ «тифозной горячки»,—громогласно приказаль Безшабашневъ, послѣ подписанія рапортовъ.—Онъ умеръ тамъ, «дор-рог-гою»!—грозно прибавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, но никто не дерзнулъ противорѣчить.

— Лазаревъ умеръ на желѣзной дорогѣ,—повторилъ Безшабашневъ: — ежели же кто осмѣлится разглашать иначе—шкуру съ шеи до пятокъ сдеру.—И онъ ушелъ безъ малѣйшаго признака угрызенія совѣсти.

Между тѣмъ Григорьевъ отыскалъ казначея и квартирмейстера въ томъ же домѣ и рассказалъ имъ о нашихъ дорожныхъ мученіяхъ. Мифоровъ и Звонаревъ тотчасъ же перемѣстились въ одну комнату, а другую, имъ отведенную, уступили намъ, занимавшимся въ казначейской и квартирмейстерской частяхъ, собрали насъ къ себѣ, напоили чаемъ, дали денегъ на наше пропитаніе и, разрѣшивши намъ отдыхать весь день,—сами ушли. Намъ принесли изъ трактира обѣдъ; мы наѣлись до отвала, натопили въ обѣихъ комнатахъ печки, развѣсили сушить свои вещи, выспались и ободрились, тогда какъ писаря адъютантской части провалялись весь день на чердакѣ за работою, голодные, холодные и мокрые. Подъ вечеръ Мифоровъ и Звонаревъ вернулись и увидѣли Иванова въ каскѣ съ застегнутыми чешуями, въ ранцѣ и съ ружьемъ на плечѣ, возлѣ воротъ дома.

— Какимъ это манеромъ ты, Ивановъ, превратился въ чароваго, да еще въ полной походной формѣ?—спросилъ Мифоровъ, покраснѣвъ отъ досады.

— По волѣ г. адъютанта, — жалобно отвѣтилъ Ивановъ. — Приказали насыпать полный ранецъ песку, надѣть аммуницію и стать на часы, на цѣлую ночь. за то, что не на мѣстѣ поставлена запятая въ одной изъ 40 бумагъ, поданныхъ мною къ подписи. А какъ, помилуйте, было мнѣ повѣрить всѣ запятые, когда я, отъ долготѣней адской работы, близорукъ и вдобавокъ трое сутокъ глазъ не смыкалъ? Защитите, ваше б-родье, не то я, кажется, не доживу до утра отъ этой пятипудовой ноши,—хрипло кончилъ онъ.

— Если желаешь, я сію же минуту поѣду къ полковому командиру и добьюсь отъ него приказанія освободить тебя отъ этой пытки.

— Очень вамъ благодаренъ за участіе, но ежели полковой командиръ уважитъ ваше ходатайство — адъютантъ послѣ со свѣта меня сживетъ. Попросите лучше ихъ самихъ... Они же, кстаи, и дома,—вонъ во второмъ этажѣ, направо, ихъ номеръ.

Мифоровъ повернулся по указанію, а мы за нимъ въ личномъ, разумѣется, отдаленіи. Дверь за нимъ никто не затворилъ, она и осталась распахнутою. Мы наострили уши.

— Я зашелъ посовѣтовать вамъ, Павелъ Ивановичъ, хотъ въ Петербургѣ вести себя сдержаннѣе, не то худо будетъ,—донесся до насъ голосъ Мифорова.

— Я думалъ, что вы, Николай Ефимовичъ, по дѣлу ко мнѣ пожаловали,—насмѣшливо началъ Безшабашневъ;—но разъ вы съ совѣтами, да еще угрожающими,—я ихъ не принимаю, не слушаю...

— Напрасно: какъ старшій и болѣе васъ опытный въ жизни, говорю вамъ: перестаньте мучить, убивать людей: вы за это рискуете эполетами.

— Что о о? что такое вы говорите? о какихъ мученіяхъ, о какомъ убійствѣ вы толкуете?—зачастилъ Безшабашневъ:—Это сплетни.

— То, что вы сегодня утромъ убили Лазарева,—подтверждать 30—40 чеховѣкъ. По справедливости, мнѣ бы слѣдовало объ этомъ рапортъ подать, но я не могу доносить на офицера же, тѣмъ болѣе, что рапортомъ не воскрешу Лазарева...

— Почему же, почему вы меня звѣремъ считаете и позволяете себѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла?

— Потому что жалѣю вашихъ писарей, да и васъ тоже: вы молоды и вмѣсто карьеры легко погибнете... Вы поставили, напримѣръ, подъ пытку управляющаго вашею канцелярією, Иванова, котораго всѣ 60 офицеровъ полка уважаютъ!..

— Я не только не боюсь офицеровъ, но даже гнушаюсь многими изъ этихъ бурбоновъ.

— Они не виноваты, что воспитывались въ казармахъ, а не въ кадетскихъ корпусахъ, какъ мы съ вами, зато они сами выбрались въ офицеры, а чего не понимаютъ—имъ не отъ кого научиться: вы, воспитанный на оброки ихъ родителей и родственниковъ,—вдесятеро необузданнѣе ихъ...

— Съ меня все спрашивается, меня выводятъ изъ терпѣнія...

— Для того васъ многому и учили въ корпусѣ, чтобы вы служили примѣромъ для неученныхъ. А вы, полковой адъютантъ, поступаете такъ, что многіе офицеры собираются сообща заставить васъ удалиться изъ полка. Отпустите же Иванова спать и умѣрьте свою вспыльчивость, или я представлю рапортъ объ Лаз....

— Ивановъ—мерзавецъ, сволочь, я его разжалую, непременно разжалую, а теперь пусть идетъ дрыхнуть, хоть окопѣвать, но я ему это припомню, припомню еще...

— Не ребячьтесь и не рискуйте: вы не въ N., а въ Петербургѣ, гдѣ ваши поступки могутъ сдѣлаться извѣстными даже министру. Прикажите же изъ окна Иванову идти спать, а сами вдумайтесь внимательнѣе въ то, что отъ меня слышали, и послѣдуйте моему совѣту: благодарны будете.

Мы опроретью бросились внизъ, чтобы не попасться Мифорову, въ качествѣ подслушивавшихъ, и на лѣстницѣ наткнулись на Иванова, уже освобожденнаго Безшабашневымъ съ часовъ.

Полкъ перемѣстили въ казармы, гдѣ мы опять очутились

сосѣдями по комнатамъ съ адъютантскою частью и гдѣ, хотъ на просторѣ, пришлось намъ все таки спать на голыхъ нарахъ. Отъ дорожныхъ мытарствъ, переменъ климата и, — какъ увѣрили, — отъ невской воды, между нашими солдатами быстро развились болѣзни и значительная смертность. Высшее начальство обратило на это вниманіе и потребовало разъясненія причинъ болѣзней и смертности. Наше начальство, прежде чѣмъ донести формально, — обратилось частнымъ образомъ къ Готову и въ департаментъ, къ своимъ благожелателямъ, за совѣтомъ: какого именно содержанія донесенія будутъ признаны правильными. Одинъ изъ департаментскихъ начальниковъ отдѣленій, нѣкто Н—скій, сочинилъ причины, а въ числѣ ихъ выставилъ главною — неимѣніе солдатами постельныхъ принадлежностей. Съ этой черновой написали, отъ имени командировъ 4-хъ полковъ, прибывшихъ въ Петербургъ, рапорты въ департаментъ (по отдѣленію дѣльца), а черезъ недѣлю разрѣшили выдать каждому полку деньги на обзаведеніе постельными принадлежностями. Изъ полученныхъ денегъ купили старыя постели тѣхъ полковъ, въ казармахъ которыхъ мы квартировали, а остальное разошлось по рукамъ... Н—скому *) самъ я, на примѣръ, по приказанію начальства, снесъ въ конвертѣ десять сотенныхъ, за что онъ далъ мнѣ на чай рубль.

Не успѣли мы еще устроиться въ казармахъ, какъ однажды вечеромъ нашихъ старшихъ навѣстили бывшіе ихъ товарищи: четыре департаментскихъ писаря, въ щегольскихъ сѣрнѣмецкихъ шинеляхъ, въ сюртукахъ и съ длинными волосами. Всѣмъ нашимъ хотѣлось видѣть и слышать «счастливецъ», поэтому мы и сошлись въ самой большой — адъютантской — комнатѣ и оживленно бесѣдовали. Вдругъ къ намъ влетѣлъ Безшабашневъ. Все стихло. Наши вскочили, а гости, — точно сговорились, — остались сидѣть.

— Здѣсь не базаръ, а канцелярія, — крикнулъ Безшабашневъ. — Я вамъ зад дамъ! Вы что за люди? — спросилъ онъ гостей. — Встать!

— Было, Павелъ Ивановичъ, время, когда и мы предъ вами въ струнку вытягивались, — насмѣшливо произнесъ одинъ изъ гостей, Ипполитовъ, все таки сидя; — но время это прошло, слава Богу, безвозвратно; поэтому неудобно ли вамъ говорить съ нами деликатнѣе: мы писаря департамента.

Безшабашневъ поблѣднѣлъ, но не проронилъ ни слова, точно языкъ у него отнялся.

— Если вы позволяете себѣ кричать даже на насъ, то надъ своими подчиненными вы дѣйствительно издѣваетесь, — подхва-

*) Онъ, — впоследствии «статскій генералъ», по своей должности, имѣлъ большіе доходы, но чужое добро, видно, въ прокъ ему не пошло: онъ все промоталъ и уиеръ въ нищету.

тилъ тѣмъ временемъ другой гость, Степановъ.—Мы вамъ за это отплатимъ...

— Вы, няжніе чины, не смѣете сидѣть предо мной, офицеромъ,—заговорилъ наконецъ Безпабашневъ, оправившись:—не смѣете, говорю вамъ, и называть меня по имени и отчеству. Я васъ при бумагѣ отправлю въ департаментъ, за грубости и дерзости противъ меня.

— Мы и генераловъ называемъ по имени и отчеству, и въ ихъ присутствіи сидимъ, стало быть, передъ вами и Богъ великъ,—отвѣтилъ третій, Гавриловъ.—Отправлять насъ вы не вправѣ...

— Мы пришли навѣстить товарищей, а не на смотръ къ вамъ: вы и не кричите,—подхватилъ четвертый, Ивановъ — Мы вашего крика вѣдь не боимся.

— Если вамъ, Павелъ Ивановичъ, угодно отправить насъ въ департаментъ при бумагѣ, то кстати ужъ пропишите въ ней, какъ вы убили мальчика,—вставилъ Ипполиговъ.—Не то мы объ этомъ сами прибавимъ.

— Мол-чать!—рявкнулъ Безпабашневъ.

Гости захохотали. Это его взбѣсило, и онъ забѣгалъ по комнатѣ, какъ ужаленный.

— Вонъ отсюда, вонъ, говорю вамъ, либо я васъ выгоню: вы мѣшаете заниматься, вотъ что!

— Уйдите-ка лучше сами: вы мѣшаете намъ поговорить съ товарищами, которыхъ мы годами не видали.

— Указывать мнѣ, когда надо заниматься,—не ваше дѣло. Пошли, повторяю вамъ, покуда... покуда...

— Покуда не наговоримся до-сыта—не уйдемъ, не уйдемъ отсюда,—кричали гости.

— Перестаньте, господа, кричать: вы вѣдь въ комнатѣ, а не на улицѣ,—вдругъ произнесъ одинъ изъ вновь вошедшихъ писарей.

Всѣ переглянулись.

— Да вотъ г. адъютантъ гонить насъ вонъ, а мы нейдёмъ, хотимъ потолковать съ товарищами.

— За тѣмъ же самымъ и мы пришли,—отозвался другой изъ вошедшихъ.

На пальцахъ у обоихъ блестяли брилліанты, сюртуки ихъ были изъ тончайшаго сукна, новенькіе, изъ-за бортовъ болтались золотыя цѣпочки, а на груди одного красовалась еще брилліантовая звѣзда.

— Вы еще кто такіе?—въ замѣшательствѣ освѣдомился Безпабашневъ, значительно ниже тономъ.

— Мы-то?—молвилъ одинъ.—Мы - писаря. Служимъ: я въ канцеляріи г. военнаго министра, а онъ—въ канцеляріи государя наслѣдника цесаревича; но оба мы когда-то были тоже въ канцеляріи вашего полка мальчишками. Вотъ мы кто. Самъ военный министръ, въ кабинетѣ котораго я ежедневно занима-

юсь,—обходится со мной деликатно. Я постараюсь доложить объ васъ его свѣтлости.

— А вы, значитъ, тотъ самый Безшабашневъ, который тиранить писарей?—вмѣшался другой, со звѣздой.—И у насъ это слышно, слышно... Я думалъ: вы старикъ, бурбонъ, а вы со всѣмъ еще молодой человѣкъ. Стыдитесь обижать беззащитныхъ. Его императорское высочество нерѣдко изволилъ осчастливливать меня своимъ милостивѣйшимъ разговоромъ, и я, при удобномъ случаѣ, тоже не премину объ васъ словечко—другое выразить...

— У меня дѣла много, съ меня самого спрашиваютъ, — бормоталъ Безшабашневъ.—Пожалуйте въ другое время... Впрочемъ, извините... на этотъ разъ я уйду...

Безшабашневъ ушелъ, видимо спасовавъ предъ послѣдними двумя гостями...

— Ну. Пантелѣй Григорьевичъ да Мокѣй Ивановичъ *) какіе вы молодцы! какъ огорошили его!—посыпались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— Мы ему, прохвосту, такую штуку устроимъ въ департаментѣ, что вѣкъ не забудетъ,—похвалялись департаментскіе писаря.

Нашему восторгу, за «отдѣлку» Безшабашнева, не было границъ. Мы съ благоговѣніемъ оглядывали «счастливыхъ» писарей. Свиданіе продолжалось далеко за полночь. Безшабашневъ присмирѣлъ, чему писаря очень радовались. На другой день наши старшіе рассказали казначею и квартирмейстеру про афронтъ Безшабашнева, и тѣ долго смѣялись надъ нимъ и предсказывали ему бѣду. Въ это время, къ намъ явился Деймарнъ.

— Пошлите кого-нибудь изъ красиво и вѣрно пишущихъ мальчиковъ въ штабъ инспектора, — приказалъ онъ казначею.— Тамъ увеличилась переписка и Готовъ просить подмогу.

— У насъ тоже много работы, а писарей мало,—заявилъ Мифоровъ.

— Если не имѣете лишняго, командуйте хоть только опрятнаго и расторопнаго. Вотъ его, напримѣръ,—указалъ онъ на меня.—Онъ не зналъ ни одной здѣшной улицы, а живо доставилъ Н-скому извѣстный вамъ пакетъ.

— Но его, какъ писаря, забракують.

— Напомните запискою Готову, что онъ крестникъ Палова, и онъ имъ удовлетворится, будетъ даже радъ, да и инспектору

*) Звѣздою наградилъ Иванова шахъ персидскій, но надѣвалъ ее Ивановъ только частнымъ образомъ: какъ нижнему чину, ему не было разрѣшено носить эту офицерскую звѣзду (Льва и Солнца 3 ст.), до производства въ чины.

его покажетъ, а генераль вѣдь охотно балагурилъ съ нимъ во время смотровъ. Пусть и здѣсь забавляется.

VII.

Занятія въ канцеляріи инспектора.

ВЪ ТОТЪ же день я сходилъ въ баню, остригся, получилъ замую лучшую обмундировку и наказъ вести себя прилично, а на слѣдующее утро отправился съ письмомъ въ штабъ. Готову подали письмо, и онъ велѣлъ меня позвать.

— Здравія желаю, ваше б-родье,—отчеканилъ я, войдя въ кабинетъ Готова, и вытянулся въ струнку.

— Ба! да это ты, Петя?—ласково молвилъ Готовъ, сидя въ разстегнутомъ писарскомъ сюртукѣ въ креслахъ передъ столомъ, заваленнымъ бумагами.—Здравствуй, здравствуй, дружокъ, давай поцѣлуемся: вѣдь давно не видались.

Я приблизился къ нему, онъ поцѣловалъ меня въ щеку, а я его въ руку. Ему понравилось мое знаніе свѣтскихъ приличій.

— Бери, дружокъ, стулъ, и мы съ тобою потолкуемъ.

— Позвольте мнѣ лучше, стоя, отвѣчать вамъ; я не смѣю сидѣть предъ вами-съ...

— Хоть ты, Петя, я вижу, прекрасный мальчикъ, а все-таки садись да говори со мной запросто, безъ благородія: это-го не нужно.

На величаніе «благородіемъ» Готовъ, какъ писарь, не имѣлъ права, но и казначей на конвертѣ, который я принесъ называлъ его благородіемъ, потому и я такъ съ нимъ здоровался.

— Ну, какъ, дружокъ, папаша рѣшилъ тебя отпустить въ походъ? какъ самый походъ тебѣ показался? гулялъ ли ты по Москвѣ, по Петербургу? Расскажи, расскажи мнѣ все откровенно.

Ободренный приемомъ, я принялся ему рассказывать о всѣхъ невгодахъ, какія мы претерпѣли со дня выступленія въ походъ до петербургскихъ казармъ включительно.

— Такъ и васъ, мальчиковъ, вели пѣшкомъ, везли въ открытомъ вагонѣ, кормили скверно?

— Да-съ, измучили со всѣмъ. Слава Богу, еще казначей и квартирмейстеръ—добрые люди—не заставляли насъ черезъ силу работать, давали денегъ на пищу, а адъютантъ весь походъ принуждалъ своихъ писать ночи насквозь, колотилъ, дралъ... Вѣрьте Богу, не лгу-съ...

— Вѣрю, Петя, вѣрю. Ты каешься, что пошелъ въ походъ?

— Точно такъ-съ: отъ всякихъ мученій нѣкоторые въ госпиталь ушли, а одинъ даже умеръ отъ..

— Командующій 3-мъ полкомъ, полковникъ Фирсовъ желаетъ вамъ представиться, — почтительно доложилъ Готову вошедшій молодой офицеръ*) — Угодно ли вамъ его принять?

— Попросите г. Фирсова подождать, а ко мнѣ пришлите лакея.

Офицеръ шелкнулъ шпорами и исчезъ, а черезъ минуту явился во фракъ и бѣломъ галстухѣ, лакей. Готовъ велѣлъ ему подать чаю и булокъ. Тотъ принесъ. Готовъ угощалъ меня и продолжалъ разспрашивать. Расположенный къ нему ласковымъ обращеніемъ, я безцеремонно посвятилъ его во все наши мытарства.

— Бригадный командиръ, генераль-майоръ Бирковъ, проситъ васъ принять его на пять минутъ, — снова доложилъ офицеръ.

— Просите: старику ждать тяжело.

Въ кабинетъ ввалился генераль, въ эполетахъ, орденахъ и въ лентѣ черезъ плечо. Я вскочилъ и отступилъ къ задній уголъ, а Готовъ поднялся и, застегиваясь, встрѣтилъ генерала, какъ равнаго.

— Здравствуйте. добрыйшій Александръ Ивановичъ, — заискивающимъ тономъ прошамкалъ генераль, протягивая руку Готову. — Я очень радъ, что наконецъ таки засталъ васъ одного.

— Здравствуйте, ваше превосходительство. Какъ изволите поживать? — спокойно отозвался Готовъ, пожимая руку Биркову. — Я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Этотъ юноша вѣрно вашъ ординарецъ? — освѣдомился генераль, указавъ на меня.

— Нѣтъ сынъ моего пріятеля; выпросился на войну, а его сажаютъ писать, вотъ онъ и недоволенъ.

— Воякъ, братецъ, много, а писакъ мало; ты и поучись воевать на бумагѣ у Александра Ивановича; онъ великій полководецъ этихъ воинъ, и ты радуйся, что попалъ къ нему, а не жалѣй, — поучалъ меня генераль.

— Что прикажете, ваше превосходительство? — вмѣшался Готовъ. — У меня ужасно много работы и вы извините, надѣюсь, что я перебилъ вашу рѣчь.

— Нѣтъ, вы извините меня, что отрываю васъ отъ важныхъ занятій. Я не рѣшился, видите ли, доносить на запросъ о томъ, почему первый полкъ взялъ обоза больше, чѣмъ было приказано, не воспользовавшись напередъ мудрымъ вашимъ совѣтомъ, какъ и что прописать.

*) Дежурный при инспекторѣ. Дежурныхъ этихъ назначали ежедневно изъ расторопныхъ офицеровъ всѣхъ полковъ.

— Если, по изслѣдованіи этого вопроса въ самомъ полку, вы изволите найти уважительныя причины для отступленія отъ распоряженія высшаго начальства, — изложите эти причины, и больше ничего. Объ обозѣ замѣтили не мы, а провіантскій департаментъ и доложилъ объ этомъ военному министру, а онъ требуетъ отъ насъ объясненій, которыхъ мы и ожидаемъ отъ вашего превосходительства.

— Все это, батенька, я уже и слышалъ, и вычиталъ, но я не мастеръ изслѣдовать, отписываться, а во вѣсѣ моей бригадной канцеляріи нѣтъ и сотой доли вашего умѣнья, потому я и боюсь попасть въ просакъ. Военный министръ шутить со мной не станетъ. Помогите, — сдѣлайте одолженіе, — выпутаться изъ этой кутерьмы.

— Писать мнѣ самому — простите, ваше превосходительство! — некогда, поэтому пришлите мнѣ вашего и полковаго адъютантовъ, со всѣми по этому предмету бумагами, и я имъ укажу, какъ написать, а ужъ въ донесеніе военному министру мы включимъ и наши особыя соображенія, которыя авось придумаемъ — и всѣ останемся, полагаю, правыми...

— Еще бы! Противъ вашего таланта, всѣ, разумѣется, спасуютъ. Покуда спасибо, искреннее вамъ спасибо, а потомъ... потомъ въ долгу, будьте увѣрены, не останусь. Итакъ, чтобы не мѣшать вамъ, да и нашему генералу не попасться — бѣгу, бѣгу. Прощайте

Они за руку же распрощались, и Готовъ проводилъ генерала до дверей.

Готовъ позвалъ писаря, велѣлъ ему посадить меня писать первую бумагу, какую я перепису, — прислать со мною же. Я перешелъ въ смежную комнату (штабъ и канцелярія инспектора занимали 10 комнатъ въ гостинницѣ Волкова, въ Большой Конюшенной), переписалъ бумагу въ 25 строкъ, старшій прочелъ ее, нашелъ вѣрною, и я отправился съ нею къ Готову. Заставъ его въ разговорѣ съ полковникомъ Фирсовымъ, я ждалъ, пока онъ освободится.

— Я не могу, г. полковникъ, заниматься повѣркою всѣхъ вашихъ вычисленій, а они, какъ я на выдержку проложилъ одну графу, — невѣрны, — говорилъ Готовъ. — Между тѣмъ, такой же строевой рапортъ послали вы на высочайшее имя, военному министру, въ департаменты и такъ далѣе.

— При походныхъ занятіяхъ, на лету — ошибки натуральны, извинительны, и объ нихъ едва ли стоитъ и распространяться; самые эти рапорты, какъ я слышалъ отъ дяди-сенатора, никто, кромѣ любопытныхъ писарей, и не читаетъ.

— Вашего мнѣнія, г. полковникъ, я не раздѣляю: оно неправильно. Коль скоро представляются по службѣ рапорты, то хотя бы ими интересовались только сторожа присутственных мѣстъ, въ которыя они адресованы, — они должны быть вѣрны; иначе и полковниковъ, подписывающихъ невѣрные рапорты,

отрѣшаются отъ должностей, хотя бѣ, ихъ отцы сенаторствовали ..

— Я тебя, Александръ Ивановичъ, жду не дождусь, а ты тутъ ласы точишь, — забасилъ неожиданно вошедшій инспекторъ, въ красной широкой рубашкѣ съ разстегнутымъ воротникомъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ — Вы, Фирсовъ, зачѣмъ здѣсь, когда вамъ надо готовить полкъ къ смотру?

— Приглашенъ объясниться, ваше превосходительство, — отвѣтилъ, кланяясь полковникъ.

— О чемъ объясняться въ такое горячее время?, — приставалъ инспекторъ.

— По приказанію вашего превосходительства, я просилъ г. полковника разъяснить: почему въ строевомъ рапортѣ полка встрѣчаются ошибки въ числѣ людей?

— Ка-какъ? ошибки? — закричалъ инспекторъ — У насъ своей работы по горло, а онъ, на-ка, ошибки дѣлаетъ, да еще въ строевыхъ рапортахъ?! Я этого терпѣть не могу! На гауптвахту посажу, а какъ обо всѣхъ арестованныхъ докладываютъ государю императору, то пусть онъ, августѣйшій нашъ монархъ, узнаетъ, что изъ гвардіи полковникъ ариеметики не смыслить.

— Я, ваше превосходительство, вновь команду полкомъ, понадѣялся на опытность адъютанта и писарей.. Я позволяю себѣ думать..

— Думаютъ индѣйскіе пѣтухи, а я врагъ тѣхъ, кто думаетъ да не исполняетъ своей обязанности. Утруждать насъ вздоромъ я никому не позволю! Чтобы черезъ часъ былъ здѣсь наивѣрнѣйшій рапортъ, не то я васъ упрячу на гауптвахту, непременно упрячу за резонерство. Ступайте!

Фирсовъ удалился красный, какъ ракъ.

— Въ чемъ же у тебя съ нимъ былъ споръ? — уже мягко спросилъ инспекторъ Готова, по уходѣ Фирсова.

— Я ему доказывалъ, что нельзя разсылать рапорты съ ошибками. а онъ мнѣ отвѣтилъ, что эти рапорты читаютъ только любопытные писаря, т. е. оскорблялъ меня въ вашемъ лицѣ.

— Ахъ, онъ прощальга эдакій! Напрасно ты, братецъ, раньше этого мнѣ не сказалъ: я бы его, шишимору, прямо арестовалъ. Впрочемъ онъ, дуракъ, еще не знаетъ, что ты — это я. Ну, по глупости и сболтнулъ.

— Я его приглашалъ не болтать, а между тѣмъ онъ заставлялъ васъ ждать меня, да и меня ни во что не ставилъ. Вы не должны этого допускать, если дорожите моей службой.

— Я его, прохвоста, подтяну, жестоко подтяну! Или пѣтъ: не представлю его къ утверженію полковымъ командиромъ, ни за что не представлю: не годится. Отмѣть мнѣ это на память. А это что у тебя за клопъ? — перевелъ инспекторъ рѣчь на меня.

— Я взялъ изъ всѣхъ полковъ по одному въ подмогу, онъ одинъ изъ взятыхъ. Вы изволите его знать: бывалъ у васъ въ N. ординарцемъ, да и крестникъ учителя Палова, котораго вы удостоиваете вниманіемъ за ученость.

— Ахъ, да, помню, обоихъ помню. Палова представь къ наградѣ. А ты, клопъ, стойшь молодецомъ, спасибо. Не забылъ какъ являлся ко мнѣ ординарцемъ? Покажи-ка, что держишь?

Я приподнесъ ему бумагу и сталъ во фронтъ..

— Ты еще не читалъ ея?—спросилъ инспекторъ Готова.

— Нѣтъ-съ, но сію минуту прочту. — Онъ взялъ у меня бумагу, быстро прочелъ ее и молвилъ: «вѣрно-съ».

— Тогда инспекторъ схватилъ перо и подписалъ, даже не взглянувъ на содержаніе бумаги.

— Молодецъ-то ты молодецъ, но отчего же ты въ курточкѣ? освѣдомился инспекторъ.

— Я кантонистъ, ваше превосходительство.

— Кантонистъ въ походѣ, на войну пришелъ! это что за фокусъ?

— Судя по строевымъ рапортамъ, всѣ полки привели кантонистовъ въ числѣ писарей, музыкантовъ и пѣвчихъ, — отвѣтилъ Готовъ. — Это совершенно неправильно, и, если замѣтять опять придется отписываться.

— Да эти черти, полковые командиры, совѣмъ ошалѣли и подведутъ меня, ей-богу, подведутъ!.. Сегодня же предпиши ты мнѣ, проклятымъ, чтобы ни одного кантониста здѣсь не было чрезъ 24 часа: пусть хоть проглотятъ ихъ.

— Вы желаете, вѣроятно, зачислить всѣхъ кантонистовъ въ рядовые?

— Ну да, ну да, въ рядовые ли, въ фельдфебеля ли, — это мнѣ все равно, только бы кантонистовъ не было при строевыхъ полкахъ. Ты, клопъ, хорошо мнѣ рапортовалъ ординарцемъ?

— Вашему превосходительству трижды благоугодно было собственноручно награждать меня серебряннымъ пяточкомъ.

— А ты ихъ всѣ, я думаю, пролакомилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: берегу, ваше превосходительство, на память, какъ вашу награду.

— Произведи его, Александръ Ивановичъ, въ писаря.

— Ни одной, къ сожалѣнію, вакансіи нѣтъ-съ.

— Такъ въ унтеръ-офицеры въ любой полкъ и оставь его при себѣ; онъ и мнѣ нравится.

— Ему еще только 16 лѣтъ, а въ унтеръ-офицеры установлено производить только рядовыхъ, и то достигшихъ 25-лѣтняго возраста.

— Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его въ галунахъ, но коли ты противъ этого—дѣлай, какъ знаешь. Сколько, скажи-ка мнѣ, клопъ, рядовой получаетъ жалованья въ треть?

— Рубль тридцать пять коп., ваше превосходительство.

— Отлично. А сколько государь даетъ мнѣ жалованья?

— Не могу знать, ваше превосходительство,

— И прекрасно: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Онъ скорчилъ гримасу, высунулъ мнѣ языкъ, ушелъ и позвалъ съ собой Готова. На слѣдующее утро я, въ числѣ многихъ кантонистовъ, считался уже рядовымъ, да еще 18-ти лѣтъ: право на званіе рядоваго имѣли только достигшіе этого возраста, почему мнѣ набавили въ списокъ 2 года, такъ что я вдругъ сдѣлался старше и сталъ получать жалованья 1 р. 35 к. въ треть... Ежедневныя хожденія въ штабъ тяготили меня лишь тѣмъ, что передъ каждымъ офицеромъ и военнымъ чиновникомъ мнѣ, нижнему чину, приходилось снимать шапку, а офицеровъ, по случаю войны, слонялось по улицамъ такъ много, что отъ сниманія и надѣванія шапки рука просто дервенѣла. Занятій въ штабѣ было, дѣйствительно, много: 10 человекъ сидѣло, не разгибаясь, съ ранняго утра до поздняго вечера, въ будни и въ праздники. Готовъ составлялъ по 50—60 бумагъ въ сутки, перечитывалъ и подавалъ ихъ къ подписи инспектору, да еще принималъ ежедневно человекъ 20—30, отъ генераловъ до прапорщиковъ включительно. Къ самому инспектору являлись только съ рапортами о благополучіи полковъ, а обо всемъ остальномъ адресовались къ Готову. Онъ выслушивалъ доклады, снабжалъ совѣтами, распоряженіями, нотаціями, какія считалъ умѣстными, такъ какъ дѣйствовалъ именемъ инспектора вполне самовластно, нерѣдко — прибавлю — и удачно даже расчеркивался на бумагахъ фамиліею инспектора, по его полномочію. Мало того, два инспекторскихъ адъютанта (капитанъ и поручикъ) находились въ полномъ подчиненіи Готова и дѣлали лишь то, что онъ имъ поручалъ.

Не прошло и недѣли моихъ занятій въ штабѣ какъ я убѣдился, что рассказы мои и другихъ, присланныхъ изъ полковъ въ штабъ, послужили Готову темою для различныхъ вопросовъ, замѣчаній и выговоровъ полковымъ командирамъ. Имъ, напр., предписывалось лучше продовольствовать солдатъ, поить ихъ водкою, не отягчать ученіемъ и работою. Предписанія эти приводили въ ярость полковое начальство: предстоялъ царскій смотръ, а оно считало невозможнымъ приготовиться къ этому смотру безъ усиленныхъ муштровокъ, которыя, между тѣмъ, паистрожайше были воспрещены; нарушать же запрещеніе казалось опаснымъ. Инспекторъ могъ самъ заставить ученья, узнать о нихъ и покарать за нарушеніе его приказаній. Начальство и приуныло, изъ опасенія осрамиться безъ репетицій. Наканунѣ назначеннаго смотра, въ казарменныхъ коридорахъ выстроили въ полной формѣ солдатъ, тщательно осмотрѣли, причемъ всѣ ротные, батальонные и полковые командиры упрашивали ихъ постараться, отличиться, хотя о стараньи не стоило и заикаться: солдаты отлично понимали значеніе «перваго» въ ихъ жизни царскаго смотра, и сами готовы были дѣвтъ изъ кожи. Раннимъ утромъ, солдаты выстроились опять въ коридо-

рахъ, начальники повторили имъ свою просьбу отличиться, и когда солдаты отвѣтили: «рады стараться», приказали имъ перекреститься, чтобы Богъ послалъ счастья. Въ семь часовъ полки стояли ужъ на плацу. Ихъ снова поочередно осматрѣли полковые и бригадные командиры, инспекторъ, директоръ департамента и, наконецъ главнокомандующій. Зрители, (въ числѣ ихъ былъ и я) забавлялись рѣзкою разницею фигуръ: инспектора, директора и главнокомандующаго. Инспекторъ былъ великанъ и такъ тученъ, что лошадь подъ нимъ гнулась; директоръ, неимоверной худощавости, представлялся тонкою жердью въ сравненіи съ инспекторомъ; главнокомандующій же чуть виднѣлся съ сѣдла: онъ былъ самаго крошечнаго роста и тѣлосложенія. Всѣ трое встрѣтили военного министра, который величественно объѣхалъ полки, поздоровался и остановился посрединѣ. На плацъ наѣхала громадная свита, а за нею—государь. Музыка заиграла, и государь подъ ея звуки началъ смотръ, продолжавшійся съ часъ. Послѣ каждаго передвиженія, онъ говорилъ: «хорошо»,—и «рады стараться» громомъ разносилось въ воздухѣ. Когда государь послѣдній разъ произнесъ «спасибо, ребята!» и пересаживался съ лошади въ коляску, я побѣжалъ въ штабъ и доложилъ Готову о результатѣ смотра задолго еще до возвращенія домой инспектора, которому понадобилось проводить по порядку: министра, главнокомандующаго, директора, а потомъ поблагодарить бригадныхъ, полковыхъ и прочихъ командировъ и солдатъ. Онъ ввалился, какъ былъ, въ полной парадной формѣ, въ кабинетъ Готова, съ сиявшимъ отъ радости лицомъ, грохнулся въ кресло и самодовольно спросилъ:

— Какъ, Александръ Ивановичъ, ты объ насъ думаешь?

— Слава Богу, похвалилъ!—отозвался Готовъ.—Поздравляю ваше превосходительство, радуюсь...

— Откуда ты это успѣлъ узнать?

— Вотъ онъ принесъ мнѣ эту радостную вѣсть.

— Ахъ, ты, клопъ эдакій! раньше меня поспѣлъ... Молодецъ, молодецъ, пойдн сюда...

Я приблизился къ инспектору и онъ поцѣловалъ меня въ голову.

— Ужъ какъ государь расхвалилъ насъ!—продолжалъ онъ, со слезами умиленія на глазахъ—Дай ему (т. е. мнѣ) 3 пѣльковыхъ, да серебряныхъ, за его прыть. Да, братецъ, трижды благодарилъ меня, сказалъ, что я его порадовалъ прекраснымъ состояніемъ полковъ, потомъ повелѣлъ представить лучшихъ офицеровъ къ наградамъ, унтеръ-офицерамъ дать по 2 р., а рядовымъ по рублю за смотръ. «И тебя, старикъ, не забуду!» прибавилъ мнѣ. Четвертую ленту, либо полнаго, значить, получимъ, да?

— Отъ души желаю вамъ.

— Пойдемъ обѣдать и тамъ поговоримъ, какъ и что сдѣлать. Никого не принимать: сегодня праздникъ на нашей улицѣ.

Онъ поплелся къ себѣ, насъ отпустили домой, а меня — съ тремя рублями въ рукахъ. Въ казармахъ я засталъ то же ликование: солдатамъ сварили отличный обѣдъ, дали водки и разрѣшили отдыхать трое сутокъ за то, что отличились, а чрезъ двѣ недѣли роздали царскую награду солдатамъ и всѣмъ, занимавшимся въ канцеляріяхъ, рядовымъ, унтеръ-офицерамъ и писарямъ. На мой вопросъ: почему награждаютъ и насъ, когда на смотре мы не были? — мнѣ разъяснили, что въ вѣдомостяхъ о числѣ людей, находившихся на смотре, нарочно прибавили человекъ по 300 въ каждомъ полку, чтобы получить больше денегъ, и изъ лишнихъ назначили награды канцеляріямъ.

Болѣзни солдатъ, однако, мало уменьшались, поэтому полки отправили на поправку и на отдыхъ въ лагерь. А тамъ, для внушенія нашимъ солдатамъ понятій о войнѣ, прислали на каждую роту по одному ундеру изъ роты дворцовыхъ гренадеръ, — или «золотой роты», какъ ее называли. Эти сѣдые, закаленные въ бояхъ и украшенные отличіями, гренадеры своими рассказами о бывшихъ войнахъ воспламеняли нашу молодежь на бравные подвиги, за что пользовались почтеніемъ какъ отъ солдатъ, такъ и отъ начальства. Среди лѣта огласилось, что непріятельскій флотъ подступилъ къ берегамъ Финляндіи и бомбардировалъ Аландскіе острова. И вотъ, для усиленія войскъ въ Финляндіи, нашъ полкъ послали въ крѣпость Выборгъ, а штабъ полка съ его имуществомъ оставили въ Петербургѣ, въ казармахъ, откуда и я продолжалъ ходить въ штабъ инспектора. Напрасно прождавъ мѣсяца три непріятеля, полкъ вернулся въ Петербургъ, а съ наступленіемъ глубокой осени наше войско распредѣлили на зимнія квартиры, а инспектора отпустили домой, въ Москву. Готовъ хотѣлъ взять меня туда же въ свой штабъ, обѣщалъ произвести меня зимою въ писаря, но я предпочелъ вернуться въ среду своихъ одноклассниковъ, и онъ наградилъ меня 10 р., отличною аттестаціею, и отпустилъ до слѣдующаго лѣта въ полкъ, гдѣ мнѣ было веселѣй. Насъ провезли двое сутокъ, опять на открытыхъ платформахъ желѣзной дороги, а потомъ прогнали верстъ 60 слишкомъ до мѣста назначенія — уѣзднаго города Боровичей.

VIII.

Зимнія квартиры.

НЕВЗРАЧНЫЙ городишко населяли именовавшіеся купцами 3-й гильдіи, для избавленія сыновей отъ рекрутчины, да мѣщане. Огромное большинство ихъ еле перебивалось почти исключительно кузнечнымъ и столярнымъ ремеслами. Солдатъ нашихъ распредѣлили квартировать по деревнямъ, откуда, для

занятія карауловъ они должны были приходить по-ротно въ городъ, гдѣ з мовать расположился только полковой штабъ, но и ему квартиръ не хватало. Оттого насъ, мальчиковъ, помѣстили по 2 и по 3 въ домъ. Я съ товарищемъ Васильевымъ попали на квартиру къ столяру, у котораго нашли еще постояльца — худаго, какъ щепка инвалиднаго солдата.

— Милости просимъ, милости просимъ, — добродушно встрѣтилъ насъ хозяинъ, мужчина среднихъ лѣтъ. Вы бѣдны, мы бѣдны, значитъ, по неволѣ товарищи. Вамъ дадутъ казенной муки и крупы; у насъ есть капуста и рѣдька, а на соль зарабатываемъ, и ладно.

— Такой-то кормъ намъ и въ походѣ оскомину набилъ, — замѣтилъ я: — мы надѣялись на что нибудь получше.

— Ау, братъ, ошибся: нужда самихъ насъ одолѣла. Впрочемъ, коли ежели подсобите работать — можетъ, и на говядину, по праздникамъ, раздобудемся.

Мы пристально оглянули обѣ комнаты, составлявшія квартиру столяра, и по нишенской обстановкѣ убѣдились въ справедливости его словъ. Немного погодя, инвалидъ принялся нянчить малютку, а хозяйка стряпала «пустыя щи» Стемнѣло. Зажгли лучину. Мы все вмѣстѣ поужинали этими щами. Хозяйка ушла со своими тремя ребятами спать въ смежную съ мастерскою каморку, а въ мастерской, загроможденной верстакомъ, инструментами и досками, инвалидъ улегся на соломенной подстилкѣ на лавкѣ. Мы же пристроились на полу, на тонкихъ стружкахъ, чтобъ не такъ жестко было спать, а подъ головы хозяйка удѣлила намъ мочальный дѣтскій тюфячокъ. Мы очень хотѣли спать, но инвалидъ отчаянно кашлялъ и разгонялъ нашъ сонъ.

— Перестань, пожалуйста, кашлять: спать нельзя! — молвилъ съ досадой Васильевъ — Намъ надо хоть сномъ подкрѣпиться.

— Радъ бы, братцы, въ рай, да грѣхи не пускаютъ; — отозвался инвалидъ, тяжело переводя духъ. — Сколько ни стараюсь, не могу удержать кашля.

— Такъ откашляйся хорошенько сразу, да и дай намъ покой, вставилъ я. — Мы вѣдь трое сутокъ почти не спали, сегодня 20 верстъ отшагали, а завтра заниматься намъ надо...

— Вѣрю вамъ, братцы, вѣрю и жалѣю васъ, да съ кашлемъ-то я справиться не въ силахъ: какъ лягу, такъ онъ меня и душитъ, и душитъ, — оправдывался инвалидъ, кряхтя и охая. — Полгода вылежалъ я въ больницѣ, да не помогло... Въ неспособные исключили; умрешь, говорятъ, скоро: вся печенка и селезенка ствалились отъ своихъ мѣстъ. Мой кашель не простой, а отъ... отъ палокъ...

— Какъ отъ палокъ?

— Да такъ... меня сквозь строй гоняли...

— Неуж жели? съ живостью спросили мы, въ одинъ голосъ. Пораженные этимъ страшнымъ извѣстiemъ.

— Вѣрно, братцы. Меня прогнали чрезъ 300 человекъ два раза и отбили всю внутренность

— За что же это?—съ сожалѣнiемъ продолжалъ я.

— Я служилъ, видите-ли, въ новгородскомъ гарнизонномъ батальонѣ унтеръ-офицеромъ и водилъ партію арестантовъ по этапу 5 лѣтъ сряду благополучно, а на 6 году, изъ партіи ссыльныхъ въ Сибирь, одинъ бродяга, въ плохенькомъ этапномъ домѣ, сговорился съ часовымъ, штрафованнымъ солдатомъ, и оба умудрились убѣжать, покаместъ я спалъ... Они, какъ въ воду канули, а меня изъ-за нихъ—разжаловали лишили 19-лѣтней безпорочной службы, протащили сквозъ строй, искалѣчили, да и прислали сюда караулитъ провіантскій магазинъ. Я тоже изъ кантонистовъ, когда-то мечталъ попасть въ офицеры, потому я былъ грамотный, трезвый и акуратный,—анъ вотъ чѣмъ кончаю... кхе-кху-кха... Онъ снова раскашлялся.

— Ужасно должно быть, когда...

— Да, покуда я выслушивалъ рѣшеніе, глядѣлъ, какъ солдаты размахивали палками, да раздѣвался,—я изъ черноволосаго сдѣлался сѣдымъ (фельдшеръ слѣдилъ, какъ мои волосы постепенно дыбомъ поднимались, да бѣлѣли), а потомъ.. потомъ я ничего уже не помнилъ... Очнулся я въ лазаретѣ, чрезъ 8 сутокъ послѣ наказанія, когда мнѣ 5 разъ взбрызгивали спину и бока водкой.. Почти цѣлый мѣсяць, чрезъ день, вытаскивали изъ моего тѣла куски палокъ... Я молилъ у Бога смерти, но Онъ не послалъ ея, а оставилъ меня мучиться... Я былъ здоровый, бравый человекъ, а сталъ кощеемъ, кожа да кости, да и тѣ передъ погодой ноютъ... Ну, и караулю, чрезъ двое сутокъ въ третью, магазинъ, а досугами хожу въ церковь да лѣчусь.. Онъ опять раскашлялся.

— Чѣмъ же ты лѣчишься-то?

— Рѣдечнымъ сокомъ. На теркѣ растираю рѣдку, выжимаю изъ комковъ сокъ и пью. Сначала пилъ по чайной ложкѣ, потомъ по рюмкѣ, а теперь по стакану *). Какъ выпью, духъ захватываетъ, внутренность зажжетъ, я по часу слова сказать не могу, зато послѣ откашливаюсь и бодрѣ дѣлаюсь. Днемъ курю еще махорку: тоже облегчаетъ.

— Такъ покури и теперь, ежели махорка унимаетъ кашель,—совѣтовали мы ему. —Насъ стѣсняться нечего: табакъ намъ не противенъ.

— Спасибо вамъ, братцы, за совѣтъ, только я ночью не курю, чтобы съ огнемъ бѣды не натворить: тутъ все дерево, стружки—мигомъ пожаръ охватить.

— Мы постережемъ.

*) Онъ постепенно все увеличивалъ приемъ до двухъ чайныхъ стакановъ сразу, зато къ лѣту совершенно выздоровѣлъ и даже потолстѣлъ.

— Жаль мнѣ, братны, утруждать-то васъ.
— Зачѣмъ же тебѣ маяться, коли мы тебѣ охотно услужимъ?

И, не ожидая дальнѣйшаго отвѣта, мы, какъ бы по уговору, вскочили, оцупью отыскивали лучину, зажгли ее и поднесли бережно къ инвалиду, вставивъ сначала въ свѣтецъ.

— Благодарю васъ, друзья мои, отъ души благодарю за жалость ко мнѣ, несчастному,—заговорилъ онъ сквозь слезы.— Дай вамъ Богъ счастья.

Онъ присѣлъ, дрожащими руками набилъ и закурилъ трубку, а мы, глядя на него, прослезились и зорко слѣдили за огнемъ. Онъ накурился, мы погасили водой лучину и, довольные своимъ поступкомъ, вернулись на свое мѣсто спать. Но сонъ ѣжалъ отъ насъ: встревоженные рассказами инвалида Кирилова, мы почти до разсвѣта продумали объ его горькой участи. Мы сдѣлались потомъ закадычными друзьями и каждую ночь предоставляли ему возможность покурить описаннымъ способомъ, а сами, благодаря этому, спокойно спали потомъ. На утро мы пошли въ канцелярію и тамъ узнали что довольныхъ хояйскою пищею набиралось всего четверо; но и изъ нихъ двое сообщили намъ, что ихъ хозяева раскольники, обѣщали хорошо кормить ихъ и даже дарить имъ пайки подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они сидѣли и спали въ кухнѣ, да подъ лѣстницею, куда имъ дадутъ даже пуховыя перины и подушки. Они согласились и за это уже дважды пили чай съ ситникомъ, отличнo завтракали и ужинали. Наши старшіе велѣли намъ обойти городъ и узнать названія улицъ, квартиры полковаго и батальоннаго командировъ, адъютанта, казначея, квартирмейстера, аудитора и священника, чтобы, въ случаѣ надобности, не плутать напрасно, да и исправно снимать шапки, проходя мимо этихъ домовъ. Ознакомившись съ городомъ, мы, занимавшіеся въ казначейской части, зашли къ казначею—поздравить его съ прїѣздомъ. Онъ разспросилъ насъ: на какія мы попали квартиры, обѣщаль попросить, кого слѣдуетъ, переменить намъ худыя помѣщенія на лучшія и далъ по рублю на чай.

— Помните всегдашнее мое наставленіе: пьянствовать не пріучайтесь; женщинъ остерегайтесь; одѣвайтесь опрятно; ходите по субботамъ ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣднѣ; послѣ же обѣдни—ко мнѣ чай пить, внушалъ намъ Мифоровъ.—Если кому изъ васъ что понадобится,—говорите мнѣ: все, что можно, я устрою, потому что доволенъ вашимъ поведеніемъ и занятіями.

Канцелярское колесо наше завертѣлось обычнымъ порядкомъ: мы работали съ утра до обѣда, послѣ обѣда—до вечера, нерѣдко и и до поздней ночи, а въ досужіе часы чинили, мыли свое бѣлье и т. д. Безшабашневъ, освободившись отъ угрозъ петербургскихъ писарей, съ яростью напалъ на своихъ: билъ, дралъ чуть ли не ежедневно; непрерывно ставилъ ихъ, въ

ранцахъ съ пескомъ, на часы по цѣлымъ ночамъ; двухъ писарей, по его настоянію, разжаловали даже въ рядовые. Одинъ покушался повѣситься съ отчаянія, но его сняли съ петли и потомъ все таки отодрали. Квартировавшіе по деревнямъ, а частію и въ городѣ, солдаты занялись ученьями да различными работами. Ротные командиры упрашивали помѣщиковъ не отдавать ихъ крестьянамъ солдатскихъ пайковъ, а у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ—выманивали или отжиливали эти пайки. Батальонные командиры сводили счета сбереженнымъ контромаркамъ и продолжали сбывать ихъ по уменьшенной цѣнѣ въ уѣздное казначейство. Полковой нашъ командиръ, какъ старшій по чину въ городѣ, сразу сдѣлался царькомъ: онъ ежедневно обходилъ весь городъ, требовалъ, чтобы на улицахъ не было сугробовъ снѣга, чтобы кабаки и трактиры, послѣ пробитія вечерней зари, запирались со всѣхъ сторонъ; чтобы по ночамъ народъ не шлепалъ по улицамъ съ огнемъ; чтобы въ острогѣ было чисто; арестантовъ содержали бы строго; этапы отправляли бы своевременно; чтобы инвалидные солдаты ходили въ формѣ, а въ караулъ — въ чищеной аммуниціи и т. д. Ни городничій, ни инвалидный начальникъ, ни уѣздный судья и проч. не были, правда, подчинены нашему командиру, но онъ нагналъ на всѣхъ такой страхъ, что они боялись его немного развѣ меньше, чѣмъ своего непосредственнаго начальства. Съ прямыми же подчиненными нашъ полковникъ не тратилъ словъ, а каралъ: нижнихъ чиновъ — розгами, офицеровъ же — арестами и посылкою въ караулъ не въ очередь.

Однажды явились въ канцелярію, въ полной формѣ, два вновь прибывшихъ офицера.

— Вы постучите въ 1-й батальонъ, — отрывисто объявилъ командиръ первому изъ нихъ, быстро осмотрѣвъ его проникательнымъ взглядомъ. — Представьтесь батальонному командиру.

— Извините г. полковникъ, батальоннаго командира, кажется, тутъ нѣтъ-съ, — робко возразилъ офицеръ, озираясь кругомъ.

— Если я вамъ приказываю, такъ исполняйте. Чтобы вы не смѣли вѣрять — на гауптвахту на двое сутокъ.

Офицеръ вспыхнулъ и молча ретировался. Отрапортовалъ слѣдующій офицеръ и получилъ то же приказаніе, но онъ отошелъ въ сторону и остановился въ раздумьи.

— Чего еще ждете? — спросилъ Деймаръ офицера. — Вамъ сказано...

— Я, г. полковникъ, желаю здѣсь справиться, гдѣ квартируетъ батальонный командиръ, — отвѣтилъ сиротенный.

— Вонъ тамъ, — указалъ онъ ему пальцемъ въ окно черезъ улицу.

— Тамъ гауптвахта-съ...

— Туда и отправьтесь на сутки, чтобы на досугъ размыслить, какъ узнавать, гдѣ живутъ ваши начальники.

Зима окончательно стала. Нѣкоторые офицеры уѣхали въ отпускъ въ Н., куда отправились и Деймарнъ съ казначеемъ, а командовать полкомъ остался старшій изъ батальонныхъ командировъ, Бабаевъ. Отъѣзду Деймарна всѣхъ обрадоваль—избавленіемъ, хотя на время, отъ строгостей. Отъ радости все разнуздалось. Офицеры компаніями ѣздили въ гости къ окрестнымъ помѣщикамъ, либо кутили въ городѣ. Полковой священникъ квартировалъ вмѣстѣ съ аудиторомъ. Аудиторъ устроилъ пиррушку. Хозяинъ и гости напоили священника, переодѣли его въ солдатскую шинель, закричали «пожаръ», выбѣжали на улицу и погнали по ней, среди дня, священника въ шинели, на потѣху ротозѣямъ.

Глядя на выспихъ, и нижніе чины бросились, вечерамъ, на «посѣдки». Тамъ дѣвушки и женщины шили, прали, пѣли нѣсни и плясали со своими парнями. Ловкостью и умѣньемъ наши солдаты быстро отѣснили мѣстныхъ кавалеровъ отъ ихъ дамъ и дѣвицъ, и совсѣмъ завладѣли многими изъ нихъ. Побѣда эта дорого обошлась побѣдителямъ: изъ десяти не насчитывалось и трехъ, не заразившихся извѣстною болѣзнію во всѣхъ ея формахъ. Опытные прибѣгали къ помощи фельдшеровъ, даже лѣкарей. Многіе, отъ злости, въ сумеркахъ вымывали дегтемъ ворота «побѣжденныхъ» и колотили ихъ самихъ съ остервененіемъ. Нѣкоторые ювоши, не понимая причины постигшей ихъ болѣзни, запускали ее, лишались волосъ на головѣ даже на бровяхъ, съ трудомъ передвигали ноги. Зараза сильно обнаруживалась и въ деревняхъ. Полковой лазаретъ такъ скоро наполнялся «побѣдителями», что некуда было ихъ и класть.

Выискался старикъ-мѣщанинъ, который за два рубля брался «вылѣчить до-чиста». Къ нему и повалили толпами. Лѣчить онъ вотъ какъ: въ жарко натопленной банѣ, больной, раздѣтый донага, ложился на полокъ, а старикъ намазывалъ пораженное тѣло крѣпкою водкою, красцами или сулемой, глядя по степени пораженія, поддавалъ пару настолько, что дыханіе захватывало, надѣвалъ на руки кожанныя рукавицы и парилъ больного вѣшникомъ, а чтобы заглушать мучительную боль, заставлялъ его пить до-пьяна водку, настоенную на стручковомъ перцѣ, и лежать не менѣе получаса. Послѣ трехъ-четырехъ такихъ бань (по одной въ день) на больномъ мѣстѣ дѣлалась твердая короста, которая потомъ постепенно засыхала, отваливалась, и—недугъ проходилъ. Слава старика такъ быстро распространилась, что даже офицеры прибѣгали къ его помощи.

Черезъ мѣсяцъ вернулся Деймарнъ. Гулянья сразу прекратились. Съ другаго же дня онъ началъ призывать проптрафившихся въ его отсутствіи — къ отвѣту, въ канцелярію. Въ числѣ первыхъ былъ аудиторъ.

— Вы, блюститель законовъ, сами пьянствуете,—озадачилъ онъ аудитора. Отчего вы себя такъ непристойно вели?

— Отъ скуки, г. полковникъ, право, отъ скуки.—Извините, пожалуйста, впредь буду осторожнѣе.

— Почему же вы скучали, когда у васъ много неокончен-ныхъ дѣлъ?

— Большинство этихъ дѣлъ такія, которыя васъ интересова-ли и вы были бы недовольны, еслибъ я безъ вашего руко-водства рѣшилъ ихъ.

— Гм... Во всякомъ случаѣ, ваше поведеніе предосудительно и я арестую васъ на недѣлю дома, безъ объявленія въ при-казѣ, чтобы объ этомъ высшее начальство не вычитало. Если же во время вашего ареста хоть кто нибудь у васъ побываетъ, или я еще разъ замѣчу,—я представлю васъ къ удаленію отъ службы. Ступайте.

— Ну, а вы, духовный пастырь, какъ смѣли бѣгать по улицѣ въ солдатской шинели, позорить свой санъ?—Я васъ упрячу въ монастырь на покаяніе!

— Простите, милостивый начальникъ, нечистая сила сму-тила,—заговорилъ священникъ. — Сокрушаюсь, душевно сокру-шаюсь о своемъ грѣхѣ и умоляю не губить меня съ семьей..

— Ага... теперь про семью вспомнили, а когда безобразни-чали, тогда о чемъ думали?

— Ни о чемъ-съ: въ уюпомраченіи пребывалъ, духомъ не мощенъ былъ отъ зелья. Покарайте, зѣло покарайте, но соб-ственнымъ произволеніемъ, праведнымъ вашимъ судомъ..

— Ни въ караулъ нарядить, ни арестовать васъ я вѣдь не могу: закономъ мнѣ это не предоставлено, а простить не въ моихъ правилахъ.

— Наложите на меня постъ, покаяніе, и я останусь вамъ благодаренъ за это взысканіе.

— Отправьтесь на недѣлю въ лазаретъ на слабую порцію, и все это время наставляйте тамъ больныхъ въ правилахъ вѣ-ры, а когда пойдете на потребу—васъ будетъ сопровождать унтеръ-офицеръ, чтобы вы нигдѣ ничѣмъ не угощались.

— Покорнѣйше васъ благодарю, милостивый начальникъ, за вашу снисходительность къ немощамъ человѣческимъ.

На сцену выступилъ младшій лѣкарь Яснопольскій (стар-пій былъ въ отпуску), человѣкъ молодой и очень развязный.

— Отчего у васъ такъ много сифилитическихъ больныхъ?— строго освѣдомился Деймарнъ.—Отчего?

— Отъ зараженія, —улыбаясь, произнесъ Яснопольскій.

— Не смѣйте говорить со мной шуточнымъ тономъ, а пред-ставьте мнѣ объясненіе.

— Я вамъ его представилъ.

— Оно меня не удовлетворяетъ, и потому... потому я пре-жде всего прикажу передрать всѣхъ сифилитическихъ боль-ныхъ.

— Больныхъ лѣчать, а не деруть-сь. Наши больные—люди взрослые и имъ естественно заразиться... Если же вы можете больныхъ драть—начинайте... ну хоть съ меня: я тоже одержимъ этою болѣзнью, самъ лѣчусь; лѣчу до 20 нашихъ офицеровъ, до 300 солдатъ и до 100 частныхъ лицъ. Судя по практикѣ и разговору съ уѣзднымъ врачомъ, я полагаю, что женщины въ этомъ уѣздѣ чуть ли не всѣ поголовно больны и распространяютъ болѣзнь...

— Такъ примите энергическія мѣры къ успѣшному лѣченію: съ наступленіемъ весны намъ предстоитъ опять походъ, а вѣдь оставлять здѣсь больныхъ, да еще такую скверною болѣзнью положительно невозможно. О больныхъ офицерахъ представьте мнѣ особый списокъ.

— Извините, не могу: эта болѣзнь—тайная, а тайну я обязанъ хранить.

— Въ такомъ случаѣ я и безъ васъ узнаю.

— Довожу лишь до вашего свѣдѣнія, что всѣхъ такихъ больныхъ, пожалуй, наберется до тысячи, а я—одинъ вездѣ не поспѣю. Одинъ здѣшній мужикъ лѣчитъ сифились сулемой, крѣпкой водкой и баннымъ паромъ, и хотя его способъ успѣшенъ, но причиняетъ,—какъ я на себѣ испыталъ,—невыразимыя страданія и способенъ калѣчить.

— Наблюдайте за этимъ мужикомъ, чтобы онъ хоть не морилъ людей, а я приму свои мѣры.

Онъ созвалъ городничаго, уѣзднаго врача, квартальныхъ и ближайшихъ становыхъ, и приказалъ имъ безотлагательно разыскать заразительницъ; но тѣ отзывались, что открыто гулявшихъ женщинъ—не знаютъ; поголовнымъ освидѣтельствованіемъ всѣхъ протолюдинокъ опасаются взбунтовать народонаселеніе; благородныхъ женщинъ не позволили бы свидѣтельствовать ихъ отцы, мужья, братья; наконецъ, на освидѣльствованіе потребовалось бы много докторовъ и времени. Тогда допросили находившихся въ лазаретѣ солдатъ: отъ какихъ именно женщинъ заразились они, и добытый этимъ манеромъ списокъ вручили гражданскому начальству, для наказанія виновныхъ. Полиція, получивъ списокъ оговоренныхъ женщинъ, пустилась на облаву за ними и всполошила весь уѣздъ, причемъ обнаружилось, что солдаты оклеветали такихъ женщинъ и дѣвицъ, за которыми они же тщетно волочились... Попытались было дознаться: кто изъ офицеровъ и отъ кого заболѣлъ, но тѣ не признавались, а лѣкарь не выдавалъ ихъ, изъ нежеланія сорить своихъ пациентовъ съ ихъ женами, до которыхъ могли дойти эти слухи. Нѣкоторые офицеры, остерегаясь быть уличенными, поспѣшно отпрашивались въ отпускъ и удирали долѣчиваться куда попало, либо ходили къ лѣкарю только съ полуночи, когда всѣ спали, чтобы избѣгнуть подозрительныхъ встрѣчъ, или же сходились по нѣскольку человекъ въ одно мѣсто, какъ бы въ гости, и туда являлся къ нимъ лѣкарь съ

лѣкарствами и инструментами. Наконецъ, городское населеніе, особливо благородное, вознегодовало за нападки на ихъ женщинъ; тѣ въ свою очередь оскорбились подозрѣніями, перестали принимать къ себѣ офицеровъ, и сдѣвъ не выходили на улицу. Предводитель дворянства затѣялъ даже ссору съ Деймарномъ и т. д. Словомъ, возникшая вражда продолжалась вплоть до ухода полка, который мѣстные жители не только отказались провожать, но брали за прокормленіе весь солдатскій паекъ, въ отместку Деймарну за обиду женщинъ...

IX.

На войнѣ съ непріателемъ.

НЕИМОВѢРНОЕ утомленіе, холодъ, голодь, ненастье—были прежними нашими спутниками, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ новыхъ невзгодъ. Такъ, въ городѣ Ямбургѣ, за недостаткомъ помѣщенія намъ пришлось ночевать въ одной изъ камеръ острога, рядомъ съ арестантами, подъ замкомъ и карауломъ.—Отъ вони, копоти и насѣкомыхъ мы не сомкнули и глазъ, лежа на голыхъ грязныхъ нарахъ и на полу. Этотъ ночлегъ, въ сообществѣ подтрунивавшихъ надъ нами преступниковъ, произвелъ на насъ тяжелое впечатлѣніе, а мнѣ остался памятнымъ и по своимъ послѣдствіямъ. На другой день я съ величайшимъ трудомъ волочилъ ноги. Насъ нагнали ѣхавшіе порожнемъ погонщики и изъ жалости подвезли насъ до станціи. Изнуренный ходьбою, я въ телегѣ проспалъ, мокрый, всю дорогу; вечеромъ почувствовалъ ознобъ, кое-какъ промаялся ночь и доплелся до крѣпости Нарвы съ сильною лихорадкою.

Въ Нарвѣ, мѣстѣ расположенія нашего полка,—фельдшеръ далъ мнѣ миестуру, но она только увеличила мои страданія. Одинъ изъ товарищей, по чьему-то совѣту, досталъ полфунта нюхательнаго табаку, всыпалъ его въ бутылку съ кипяткомъ, взболталъ и далъ мнѣ выпить цѣлый стаканъ, отчего меня, безъ перерыва, рвало нѣсколько часовъ. Меня свезли въ госпиталь, гдѣ я пролежалъ двѣ недѣли въ безпамятствѣ, но черезъ мѣсяцъ по прежнему занимался въ канцеляріи.

Въ крѣпости и на двухъ ея фюрштатахъ проживало болѣе 20,000 человекъ частныхъ лицъ, нашъ и армейскій полки, двѣ дружины ополченія, артиллерійская, инженерная, жандармская и казачья команды, арестантская рота и проч. Всѣ находились въ тѣснотѣ и на виду другъ у друга. Оттого разнохарактерное войско невольно сдружилось между собой. Всѣ войска подчинялись коменданту, который ежедневно вечеромъ объявлялъ по гарнизону приказъ: какой части войскъ чѣмъ заниматься завтрашній день. Дружинные офицеры, — люди изъ зватныхъ фа-

милій, избѣженныя, богатые и ничего не смыслившіе въ военномъ дѣлѣ,—пренебрегали ученьями и требованіями дисциплинарныхъ правилъ, и непрерывно устраивали пиршества для офицеровъ всего гарнизона. Всѣ другіе офицеры подпали подъ нравственное и матеріальное вліяніе дружинниковъ и угождали имъ во всемъ, даже въ ущербъ своимъ взглядамъ на службу. Такъ, ученья нашихъ солдатъ часто отмѣнялись для замѣны ими дружинныхъ въ караулѣ, или для того, чтобы наши фельдфебели и унтеръ-офицеры обучали ратниковъ фронту и стрѣльбѣ. Наши писаря ежедневно отлучались изъ своей канцеляріи для исполненія письмоводства дружинъ, для веденія ихъ книгъ и отчетности. Наши музыканты часто ходили играть къ дружиннымъ офицерамъ, которые щедро вознаграждали ихъ, также какъ фельдфебелей и писарей, а нашихъ офицеровъ, за увольненіе подчиненныхъ на частныя занятія, — дружинники кормили и поили такими кушаньями, фруктами и винами, какихъ большинство нашихъ «худородныхъ» никогда не пивало и не ѣдало. Самыя дорогія питія и яства доставлялись дружинникамъ изъ Петербурга почти ежедневно, цѣлыми обозами; оттуда же выписывали они мастеровъ для устройства фейерверковъ, гребцовъ для катанья по рѣкѣ и т. п.

Русской откупной системы въ Нарвѣ не существовало, водкою торговали почти въ каждомъ домѣ, въ «шинкахъ», а въ базарные дни — и на улицѣ Всякій, намѣревавшійся купить водки, вправѣ былъ напередъ даромъ попробовать ея вкусъ. И вотъ солдатъ, увидѣвъ въ ряду 15 — 20 торговкокъ, начиналъ у каждой пробовать водку, и, пока доходилъ до послѣдней, бесплатно напивался до-пьяна. Да и дешевая же была водка! Цѣлый штофъ продавался по 20 коп., рюмка стоила — копѣйку. Дорвавшись до дешевки — солдаты пьянствовали, шатались по форштатамъ и присваивали себѣ все, что плохо лежало... Карауля арестантовъ, солдаты перезнакомились и съ ними, сбывали втихомолку разныя вещи, ими сдѣланныя, а изъ вырученныхъ денегъ получали доли за комисію, брали деньги съ арестантовъ за приносъ имъ водки, писемъ, табаку и другія послабленія. Солдаты прогуливали всѣ свои достатки на томъ основаніи, что явится, молъ, непріятель, перебеетъ, перекалѣчитъ, «а убитому и калѣкѣ ничего не нздо».

Крѣпостное начальство состояло изъ оригинальной коллекціи. Комендантъ, семидесятилѣтній, дряхлый, совершенно глухой старикъ, маленькій инженеръ-генераль-лейтенантъ Ярмерштетъ, едва передвигалъ ноги. У плацъ-майора отъ ранъ и контузій голова была вся обвязана, а рука на перевязи, а плацъ-адъютантъ, горбатый и безногий капитанъ, — ходилъ на костыляхъ. Именемъ этой-то коллегіи и управлялъ крѣпостью старшій писарь Чушкинъ, своего рода Готовъ.

Почти половину лѣта прожили мы мирно. Вдругъ съ устья рѣки Наровы (за 12 верстъ отъ крѣпости), гдѣ квартировали

отрядъ войска, дали намъ знать, что непріятельскій флотъ близокъ. Всѣ встрепенулись, засуетились. Къ заливу, откуда непріятель могъ высадиться на берегъ — послали артиллерію со старыми пушками, пѣхоту съ кремневыми ружьями и казаковъ, Крѣпость имѣла три стѣны, между ними были глубокіе рвы, но искусственно наполнить ихъ водою, — какъ предполагали, — не удалось: протоки заросли отъ времени. Къ стоявшимъ на крѣпостныхъ стѣнахъ пушкамъ подвозили порохъ, ядра, бомбы, и пробовали стрѣлять, но и это плохо удавалось: внутренности пушекъ заржавѣли, порохъ отсырѣлъ, а ядра лопались. Отъ вечерней до утренней зари держали на запорѣ желѣзныя крѣпостныя ворота, на которыя на ночь опрокидывали разводные, черезъ рѣку, мосты. Въ то мѣсто рѣки, откуда ожидали приближенія непріятели, опустили въ боченкахъ порохъ, чтобы имъ взорвать корабли, но когда вздумали произвести опытъ, то изъ четырехъ бочекъ взорвали лишь одну. Зато вода облила всѣхъ зрителей, а со стѣны смыло всю краску. Комендантъ всѣхъ распекъ за то, что лишили стѣну ея красоты. Наконецъ, вокругъ крѣпости усилили караулъ и приказали войскамъ быть наготовѣ, а патрулямъ — чаще разъѣзжать по окрестностямъ, ловить подозрительныхъ людей и приводить въ комендантское управленіе, для разбирательства: не лазутчики-ли они?

Спустя нѣсколько часовъ, къ комендантскому управленію (мы жили напротивъ) подѣхали четыре казака, окружавшіе телѣгу, съ которой слѣзъ рыжій молодой человекъ въ сѣренькомъ пальто и такой же шляпѣ съ широкими полями. Казаки сиѣшились, одинъ остался при лошадяхъ, а трое повели арестованнаго въ управленіе. Казакъ, оставшійся на улицѣ, сообщилъ намъ, что привели «фискала». Мы мигомъ очутились въ управленіи и застали плѣнника подъ конвоемъ трехъ казаковъ.

— За что васъ привели сюда? — издали спросилъ задержаннаго кто-то изъ нашихъ писарей

— А чортъ ихъ знаетъ, — сердито отвѣтилъ спрошенный. — Достанется имъ за это...

— Ругайся, ругайся, поколь тебя на оснну не вздернули, — пригрозилъ одинъ изъ казаковъ.

Вошелъ комендантъ, и казачій ефрейторъ доложилъ ему, что пойманный рисовалъ что-то въ книжку, глядя на крѣпость; за это они и привели его.

— Онь, ваше превосходительство, по русски только бормочетъ, да и рыжій, значить англичанскій шпіонъ, — самодовольно пояснилъ бравый казакъ.

— Все это вздоръ: я русскій чиновникъ, служу въ Петербургѣ, въ канцеляріи военнаго министра, — съ горячностью перебилъ, значительно заикаясь, задержанный. — Мой отецъ — генералъ отъ инфантеріи Шубертъ, членъ военнаго совѣта. И отецъ и я значимся въ адресъ-календарѣ, который и у васъ, генералъ,

вдвойно, есть. Они ничего слушать не хотѣли. Я прошу васъ указать ихъ за дерзкое обращеніе со мной.

— Исфините пошальста: казаки не понали фашь,—заговорилъ комендантъ. Я карашо снаю вашъ отецъ, я очень рать васъ видѣть. Садитесь пошальста.

Оба сѣли.

— Мы вмѣстѣ слювили съ вашъ отецъ кадовъ 30 назадъ,—продолжалъ комендантъ. — Фи очень похожъ на вашъ отецъ. Какъ фи въ нашъ стор. на попадальсь?

— Я живу версть за 15 отсюда, на мызѣ Ямполь, у знакомаго,—отвѣчалъ Шубертъ. — Былъ я близъ крѣпости на лѣсопильномъ заводѣ, захотѣлъ взглянуть на водопадъ и на память о немъ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ, а они это приняди за срисовываніе плана крѣпости.

Комендантъ распекъ казаковъ за ихъ неосмотрительность, заговорилъ съ Шубертомъ по нѣмецки и увелъ его подъ руку къ себѣ, а потомъ отпустилъ. Не прошло однако часа, какъ другой казачій патруль опять привелъ его ужъ на главную гаупт-ахту. Вѣсть о поимкѣ другаго «шпіона» живо облетѣла всѣ казармы и возлѣ гауптвахты столпился народъ взглянуть на него. Здѣсь и я увидѣлъ его вторично. Дежурный по карауламъ, майоръ Шульцъ, поскакалъ къ коменданту, вернулся въ его коляскѣ и отправилъ въ ней Шуберта домой. Казаки и солдаты, зная коменданта и Шульца за нѣмцевъ — заключили, что Шубертъ былъ именно «шпіонъ». но нѣмцы отпустили его, потому что «измѣняютъ» Россіи». Нелѣпое мнѣніе это быстро распространилось между солдатами, а когда изъ береговаго отряда прискакалъ къ коменданту казакъ съ рапортомъ о появленіи тамъ непріятельскихъ кораблей,—мнѣніе это окончательно утвердилось въ солдатахъ.

— Шпіонъ все высмотрѣлъ, вызналъ, сообщилъ басурману, тотъ и нагналъ свои корабли какъ разъ теперь, а не раньше и не позже,—съ яростью толковали солдаты.—Одначе живыми въ руки мы не дадимся, а какъ только придется жутко—переколемъ комендантинку съ его компанією, выпустимъ арестантовъ и вмѣстѣ будемъ защищаться до издыханія.

— Онъ для того вѣдь, братцы, и говорилъ съ фискалой по нѣмецки, чтобы никто не понялъ, какъ онъ уговаривался о своей измѣнѣ,—пояснили другіе солдаты.

Комендантъ велѣлъ выступить на устье еще одной части артиллеріи, нашему батальону да дружинѣ, но дружинные офицеры отказались туда идти, подъ предлогомъ неумѣнія воевать, хотя «неумѣніемъ» этимъ одинаково страдали всѣ части войскъ. Комендантъ пригрозилъ было отдать ихъ подъ судъ, но они не испугались, и онъ, зная ихъ фамилыныя связи и значеніе, уступилъ, а вмѣсто нихъ послалъ напихъ. Вслѣдъ за уходомъ добавочнаго войска, частнымъ людямъ приказали безотлагательно выселиться изъ крѣпости на тотъ форштадтъ, съ кото-

раго начиналась сухопутная дорога въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько часовъ въ крѣпости остались только нѣкоторые изъ шинкарей, удешевившіе цѣнность и безъ того дешевой водки. Повсюду прекратили занятія. Вооруженныхъ солдатъ разставили по улицамъ, пушки навели на рѣку, въ разныхъ направленіяхъ. Молча двигались патрули, въ воздухѣ сверкали штыки, каски; лица будущихъ защитниковъ казались озабоченными, не смотря на выпитую, для храбрости, двойную порцію казенной водки.. Мы, писаря, отъ бездѣлья и любопытства, бродили взадъ и впередъ, стараясь проникнуть въ суть чрезвычайнаго момента.

Еще раньше зналъ я, что въ нижнихъ этажахъ крѣпостныхъ воротъ сидѣли, въ одиночныхъ казематахъ, какіе-то «важные преступники», къ которымъ близко некого не подпускали. Въ это время караулы занимали ратники, всегда небрежно исполнявшіе службу. Проходя мимо воротъ, я приблизился къ окну и взглянулъ въ него, изъ желанія увидѣть: кто тамъ содержится.

— Скажи, дружокъ, что значить это сильное движеніе войскъ и пальба изъ орудій?—спросилъ меня хриплымъ голосомъ черезъ рѣшетку сѣдой, какъ лунь, но еще не старый арестантъ.

— Непритель подступаетъ къ крѣпости,—отвѣтилъ я. невольно пожалѣвъ арестанта, въ котораго пристально всматривался.—Теперь война.

— Кто же съ кѣмъ воюетъ?

— Извѣстно, мы, русскіе, съ разными нехристями, а ихъ много: говорятъ, всѣ народы противъ насъ.

— А изъ-за чего происходитъ эта война?

— Право, не знаю.

— И близко непритель?

— Да верстъ, говорятъ, за 12 отсюда. Съ кораблей стрѣляютъ.

— Ахъ, еслибъ они взяли крѣпость!

— Какая жъ бы тебѣ отъ этого польза?

— Меня бы выпустили изъ заточенія, въ которомъ я, кажется, умру..

— За что и давно ли ты здѣсь сидишь?

— За то, что доказывалъ необходимость сдѣлать всѣхъ равными передъ закономъ и во всемъ поступать по правдѣ.. За это я и томлюсь безвыходно во тьмѣ, въ сырости, въ одиночествѣ, ѣмъ такую же дрянную пищу, какою кормятъ васъ; эту пищу подають мнѣ въ окошечко; черезъ него я возвращаю посуду, подаю и ведро со своими испраженіями.

Я былъ пораженъ. Мнѣ захотѣлось узнать поближе этого человѣка, облегчить его страданія.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

Онъ горько улыбнулся, покачалъ головой и проговорилъ:

— Какъ зовутъ? Гм.. У меня здѣсь нѣтъ ни имени, ни

мфайлии... Съ тѣхъ поръ какъ меня заточили — я только нумеръ...

— Нумеръ?—это что же значить?

— Да просто нумеръ. Спроси въ канцеляріи и тамъ не скажутъ, даже коменданту неизвѣстно. Кто я — знали только въ Петербургѣ, да и тамъ уже, должно быть забыли обо мнѣ.

— Чудное что-то говорите вы, — бормоталъ я, сбитый съ толку непонятными для меня словами.

— Ты слишкомъ еще юнъ, чтобы догадаться, — продолжалъ узникъ, — но я тебѣ скажу, что страдаю за попытку...

— Полковникъ ѣдетъ!—крикнулъ часовой. — Бѣги прочь, пока цѣль.

Я бросился за уголъ и, очутившись возлѣ казармы арестантской роты, увидѣлъ, что за запертыми рѣшетчатыми воротами стояла толпа арестантовъ въ кандалахъ и съ бритыми головами, а снаружи, вонлѣ часоваго — караульные ратники. Ратники о чемъ-то спорили съ арестантами. Я остановился

— Полонять насъ, аль нѣтъ? — какъ ты, молодецъ, думаешь?—обратились ко мнѣ арестанты.

— Думаю, нѣтъ, — смѣло отоввался я.

— Хоша бѣ и полонили, вамъ вѣдь все единственно кандалами-то придется побрякивать, — рѣшилъ ратникъ. — Стало быть, не для чего и худыя рѣчи болтать.

— Ну, нѣтъ, братъ, какъ полонять, такъ и шабашъ: ослободятъ насъ, — настаивалъ арестантъ. — Право, ослободятъ, потому мы предъ ними ни въ чемъ неповинны.

— Да нешто басурману досужно будетъ разбирать: повинны вы, али нѣтъ? Ему казну, либо хоть бабъ подавай: ихъ негдѣ достать по морямъ.

— Про бабъ тоже напрасно поминаешь: это чортова отродье введѣ хоть лопатой гребн. Насъ бы къ пушкамъ, либо въ рукопашную пустили, — вышло бы дѣло, а то сидѣть подъ замкомъ въ такую пору, когда всѣ нехристи на Рассею ополчились, очевидно ужъ обидно. Ты, братецъ, повидимому изъ пнсаревъ; днеси, сдѣлай божескую милость, коменданту про наше желаніе въ первѣйшій огонь идти за вѣру, царя и отечество, подъ клятвой, что не убѣжимъ.

— У васъ есть ротный командиръ, чрезъ него и проситесь; мнѣ же къ коменданту доступа нѣтъ: я человекъ маленькій...

— Коли чрезъ ротнаго, такъ проваливай мимо, школа семиглавая! Изъ вашего брата есть ловкіе фискалы, пожалуй, и ты послушиваешь, чтобъ втюрить насъ. Не проѣдайся же попустому.

Разсерженный арестантскою выходкою, я отправился да еще и непрерывно встрѣчалъ армейскихъ и нашихъ солдатъ, и ратниковъ съ такими вещами, какія имъ принадлежать не могли. Это меня удивляло, и изъ разспросовъ я узналъ, что «вольные люди», торопясь убраться изъ крѣпости, въ переполахъ забы-

ли много вещей, а солдаты, проникавшіе подъ шумокъ въ покинутые дома, подбирали эти вещи и уносили: одни, чтобы прятать въ скрытыя мѣста, а другіе—продать въ шинки за безцѣнокъ. Съ наступленіемъ сумерокъ войска, расположенныя на улицахъ, составили ружья въ козлы, разложили костры и полегли вокругъ нихъ на ночь. Освѣщенные ружья и люди представляли очень красивую картину. Я вернулся домой, легъ было, какъ другіе, спать во всей формѣ, чтобы при «тревогѣ» сейчасъ же выскочить на улицу, но уснуть не могъ: сѣдой колодникъ точно стоялъ предъ моими глазами; жалость къ нему такъ пронимала меня, что я чуть не плакалъ... Мало по малу мысли мои приняли воинственное направленіе, и страстное, безотчетное желаніе видѣть войну и участвовать въ ней—побудило меня предложить товарищу по нарамъ пойти на войну. Онъ охотно согласился. Въ 5 часовъ утра, когда наши еще спали, мы тихонько отправились прямо къ подъемному ходу черезъ крѣпость, по которому многократно раньше пробирались, изъ любопытства и который нашли отпертымъ. Черезъ это подземелье мы вышли къ пороховымъ погребамъ, благополучно миновали ихъ, прошли возлѣ огородныхъ плетней еще версты двѣ, до открытаго безлюднаго поля, и опустились на землю отдохнуть... Солнце ярко озаряло окрестность, поля зеленѣли отъ выросшей травы, а въ воздухѣ ничто не шелохнулось. Мы приложили ухо къ землѣ, услышали гулъ,—признакъ отдаленной стрѣльбы,—какъ увѣрялъ насъ унтеръ золотой роты, сообщили это другъ другу, вскочили и—дальше безъ оглядки. Наконецъ, издали увидели мы морской заливъ, на берегу котораго сверкали ружейные штыки и каски солдатъ, стоявшихъ какъ бы сѣрыми горками. Мы рассмотрѣли въ вышинѣ: сперва густое облако дыма, потомъ—красный шаръ, летѣвшій прямо въ наше войско, и въ то время, когда мы къ нему приблизились, шаръ свалился на крышу прибрежнаго деревяннаго дома, съ трескомъ лопнулъ, и крыша загорѣлась (въ этомъ домѣ былъ шинокъ для рыбаковъ).

— Ребята! выкачивай бочку съ водкой, пока не загорѣлась, — донесся до нашихъ ушей знакомый, зычный голосъ нашего подполковника Бабаева, начальника отряда. — Для храбрости водку эту пейте и наполняйте манерки: пригодится!

Покуда солдаты исполняли приказаніе Бабаева, стѣны дома запылали отъ другихъ каленныхъ ядеръ. Въ суетѣ и въ испугѣ, на насъ, пришельцевъ, никто не обратилъ вниманія, тѣмъ болѣе, что и свади солдатъ, толпившихся около бочки, тоже упала бомба, взбороздила песчаную землю, повертѣлась и зарылась въ глубокомъ пескѣ.

Солдаты молча перекрестились и тѣснѣе сомкнулись въ кучи. Изъ поставленныхъ на берегу 10 орудій,—одно поодаль отъ другаго,—отвѣтили залпомъ, и мы, оглушенные, очутились въ клубахъ дыма. Земля задрожала подъ нашими ногами, въ воздухѣ

слышался тяжелый, продолжительный стонъ. Немного погодя, дымъ разсѣялся, и мы увидали, какъ наши ядра шлепались въ воду далеко отъ караблей, стоявшихъ въ заливѣ. Изъ корабельныхъ пушекъ пустили въ насъ еще нѣсколько гранатъ, которыя упали уже передъ нами въ воду, и насъ забрызгали. Это разсмѣшило и ободрило всѣхъ. Бабаевъ велѣлъ выстрѣлить разомъ всей пѣхотѣ, но когда дымъ отъ залпа разошелся, — мы убѣдились, что и пули падали въ воду, не далѣе какъ шаговъ за сто отъ насъ. Безвредность для непріятеля нашихъ выстрѣловъ разсердила Бабаева, и онъ приказалъ стрѣлять безъ умолку изъ пушекъ и ружей. Безполезная трата снарядовъ только насъ же оглушала и забавляла. Бабаевъ замѣтилъ, что одна пушка не палила. Скомандовавъ всѣмъ «отбой», онъ подошелъ къ капризной пушкѣ, велѣлъ вложить въ нее двойной зарядъ и, покаместъ это исполняли, — зашелъ передъ пушкой и заглядывалъ въ жерло. Между тѣмъ, отъ забивки банникомъ втораго заряда, первая бомба вдругъ съ трескомъ вылетѣла, и Бабаева не стало: его разорвало на мелкія части... Всѣ ахнули, разинули рты и стояли, какъ вкопанные. Въ этотъ же самый моментъ, непріятельское ядро ударило съ смежную пушку, пролетѣло по стоявшимъ возлѣ пушки артиллеристамъ, одному оторвало голову и плечо съ рукою, а другому — ногу. Оба трупа покатались на землю... Сбитая съ лафета пушка засѣла въ песокъ, а ядро неизвѣстно куда дѣвалось. На всѣхъ напалъ паническій страхъ, который увеличился еще потому, что три корабля подплыли настолько близко, что мы ихъ отчетливо разсматривали. Начальство надъ отрядомъ принялъ старшій по чину майоръ Бурчевскій, но тотчасъ же ушелъ. виѣстъ съ нѣсколькими офицерами, барабанщиками и своимъ писаремъ, въ уцѣлѣвшую рыбацкую ивбенку. Артиллеристы со своими офицерами продолжали стрѣлять, а пѣхота съ растерявшимися офицерами отодвинулась безъ всякой команды подалеже отъ берега. Солдаты вопросительно переглядывались, точно вызывали кого нибудь распорядиться ими. Этотъ вызовъ понялъ гренадеръ золотой роты, старикъ, увѣшанный крестами. Онъ выступилъ впередъ и самовольно принялъ на себя командованіе пѣхотою.

— Тратить напрасно заряды — не стоитъ: воду ими не убьешь, крикнулъ онъ: — значитъ, перестанемъ, братцы, стрѣлять до тѣхъ поръ, покуда начнутъ высаживаться къ намъ на землю

— Ревонъ, умно сказано! — одобрили солдаты. Командуй.

— Такимъ манеромъ они пускай выходятъ на берегъ, а тогда мы ихъ, поганцевъ, штыками встрѣтимъ, потому — пуля дура, а штыкъ молодецъ. Слушайте меня.

Онъ глядѣлъ вверхъ, соображалъ направленіе ядра, бомбы, потомъ приказывать бѣжать: одной ротѣ — вправо, другой — влѣво, третьей — назадъ и т. д. Едва успѣвали исполнить его

команду, какъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, съ которыхъ отбѣгали—падали бомбы и, хотя инья тотчасъ же разрывались, но осколки теряли въ нихъ свою силу и не причиняли намъ никакого вреда. Грохотъ непріятельской стрѣльбы тѣмъ временемъ продолжался. Мы почернѣли отъ дыма, въ ухахъ нашихъ звенѣлъ громъ, а въ сердцахъ — кипѣла безсильная жажда мщенія: достать непріятели было нечѣмъ. Мы даже не имѣли лодокъ, на которыхъ многіе охотно подплыли бы къ кораблямъ, чтобы схватиться въ рукопашную.

Вечерѣло. Солнце закатилось, но никто не заикался объ обѣдѣ, хотя ни у кого со вчерашняго вечера и крохи во рту не было. Роптали на дрянность ружей и подтрунивали надъ спрятавшимся начальствомъ. Въ это самое время, непріятельская бомба вдругъ влетѣла прямо въ окно избушки гдѣ находилось начальство.

— Эй, ребята, гляди: нашихъ, пожалуй, ужокопшитъ, — крикнули одни.

— Стекло, извѣстно, не спасетъ,—замѣчали другіе.

— Туда имъ и дорога,—одобряли третьи.—Пускай катаетъ ихъ...

Нѣсколько бомбъ ударились въ стѣну и въ крышу избушки, и она запылала... «Наши», однако выскочили невредимы и подбѣжали къ намъ.

— Слава Богу, спаслись, спаслись! — кричалъ Бурчевскій.— Разглядѣли насъ, кинальи этакіе.

— Хорошо еще Григорьевъ (писарь) во время крикнулъ, что бомба летитъ въ насъ; мы и успѣли попадать на землю, а то бы никто не уцѣлѣлъ,—пояснилъ капитанъ Ракитинъ.

— Да это правда. Я тебя, Григорьевъ, за это награжу.

Наши артиллеристы выпалили, попали наконецъ въ первый корабль и настолько удачно, къ ихъ радости, что онъ закачался, издавъ пронзительный свистъ и тихо поплылъ назадъ, скруженный остальными кораблями.

— Подъ ручки увели корабль-то; вѣрно, усталъ, — острили одни солдаты.

— Чтобъ имъ потонуть окаяннымъ! — слышалось пожеланіе другихъ.

Непріятель ушелъ. Всѣ перекрестились и успокоились. Начальство провѣрило результаты дневнаго сраженія и убѣдилось, что изъ 10 нашихъ пушекъ 7 были сбиты съ лафетовъ и попорчены, а изъ войска — 8 убито, 10 ранено, да нѣсколько чело-вѣкъ контужено. Ружья составили въ козлы, аммуницію скинули; разыскали куски тѣлъ убитыхъ и снесли въ сарай. Туда же свели и раненыхъ, перевязали имъ раны, отправили съ казачкомъ въ крѣпость рапортъ о происходившемъ «сраженіи», сварили ужинъ, распили водку, разставили часовыхъ и разлеглись по берегу спать...

Ночь была восхитительная: на безоблачномъ лазурномъ

небѣ игриво заблестали звѣзды; въ воздухѣ вѣяло живительною прохладою; по выбкой глади рѣки ровно переливались серебристыя струйки; рыба осторожно плескалась, а въ прибрежномъ тростникѣ мѣрно квакали лягушки. Природа воодушевила всѣхъ. Звонкій смѣхъ, веселый говоръ, остроты валявшихся подъ открытымъ небомъ солдатъ—далеко разно ились по окрестностямъ. Изъ ума совершенно испарилось, что не далѣе, какъ за часъ тому назадъ, жизнь каждого висѣла на волоскѣ; что земля, на которой мы блаженствовали, обогрена кровью артиллеристовъ; что въ сараяхъ нашими трофеями лежали бездыханные трупы, да стонали искалѣченные, о которыхъ никто не вспоминалъ, изъ опасенія испортить свое веселое настроеніе духа. Глядя вокругъ, я переселился воображеніемъ отъ чудной картины природы къ ликованію здоровыхъ, отъ нихъ—къ страданіямъ раненыхъ, къ покинутымъ, осиротѣлымъ семействамъ убитыхъ. Я тужилъ объ этихъ семействахъ, которыхъ ждали горе и нищета, по милости войны неизвѣстно изъ за чего происходившей..

— А вѣдь намъ, Шумитинъ, надо убираться во свояси, да еще похитрѣе какъ нибудь,—прервалъ мои размышленія товарищъ по побѣгу изъ крѣпости, Солюбановъ.—Ежели насъ не хватились—слава Богу, а какъ станутъ разыскивать—попадетъ, братъ, намъ на орѣхи за наше любопытство. Да, бѣда неминуемая!—кончилъ онъ со вздохомъ.

Эта рѣчь точно кипяткомъ ошпарила меня своею правдивостью. Чувство самосохраненія заставило насъ искать покровительства въ писарѣ Григорьевѣ, благо онъ хорошо зналъ насъ. Мы откровенно рассказали ему, какъ попали въ сраженіе, и просили выручить изъ бѣды. Онъ присовѣтовалъ намъ отправиться съ разсвѣтомъ въ крѣпость въ числѣ будто бы раненыхъ, такъ какъ разставленные позади пикеты насъ, безоружныхъ, съ поля сраженія не пропустятъ; на тотъ же случай, если начальство спроситъ насъ дома: гдѣ мы пропадали, мы должны отвѣчать, что вышли изъ крѣпости, не зная пароля, почему обратно насъ не впустили, а отвели насъ на устье рѣки, гдѣ мы и ночевали. Все это Григорьевъ обѣщалъ удостовѣрить запискою, якобы по приказанію Бурчевскаго, а его, какъ встанетъ,—склонить на поддержку насъ. За неизмѣнимъ лучшимъ, мы съ благодарностью приняли этотъ совѣтъ, дождались, пока уложили раненыхъ въ простыя телѣги, и получивъ отъ Григорьева обѣщанную записку, пустились въ дорогу съ ранеными. Мы благополучно проѣхали до крѣпости и пробрались домой. Тамъ всѣ еще спали: было 6 часовъ утра. Мы тоже легли, но отъ грозившаго намъ наказанія уснуть не могли. Проснувшіеся товарищи сказали намъ, что начальство насъ не спрашивало: оно къ писарямъ и не показывалось. Мы успокоились. На разпросы же товарищей и старшихъ писарей о томъ, гдѣ мы были, мы отзывались: въ ратничихъ и инженер-

ныхъ казармахъ, у знакомыхъ. Сочиненный намъ Григорьевымъ разсказъ казался намъ нелѣпностью, которой едва ли бы кто повѣрилъ, а признаваться — мы опасались, чтобы о нашемъ поступкѣ не дошло до начальства.

И офицеры, и нижніе чины одинаково спѣшили въ госпиталь убѣдиться, по числу раненыхъ и ихъ разсказамъ, велика ли имъ самимъ предстоитъ опасность? Опасеніе представлялось совершенно естественнымъ: крѣпость по прежнему была заперта, войска стояли на улицахъ; отъ отдаленной пальбы въ ратушѣ разбились стекла, а порохъ оказался въ погребѣ подмоченнымъ, такъ что защищаться было нечѣмъ... Въ полдень получено извѣстіе, что корабли опять подступили, и потребованы подкрѣпленія съ боевыми снарядами. Покуда собирали и отправляли человѣческую и вещевую силу для отраженія вражескаго нашествія, — до крѣпости снова доносился гулъ выстрѣловъ; отъ сотрясенія воздуха нѣсколько часовъ сряду дрожали стѣны казармъ. На всѣхъ напало уныніе, солдаты опять заговорили объ измѣнѣ... Наконецъ, прислали утѣшительный рапортъ, что непріятель ушелъ. Гора со всѣхъ плечъ свалилась, и мы повеселѣли.. Высшее начальство гурьбою съѣздило на мѣсто сраженія, убѣдилось, что все обстоитъ благополучно. растворили ворота, солдатъ перевели съ крѣпостныхъ бастіоновъ и улицъ въ казармы, а убитыхъ похоронили съ воинскими почестями. Въ заключеніе всего, послали въ Петербургъ донесеніе о геройской защитѣ, о храбрости и мужествѣ нашего войска, о самоотверженіи и заслугахъ начальства... О томъ, повѣрятъ ли блистательнымъ донесеніямъ, спорили и толковали двѣ недѣли. Вдругъ прислали свыше: крѣпостному начальству — благодарность; командовавшему на устьѣ Бурчевскому — слѣдующій чинъ; артиллерійскимъ офицерамъ разные ордена; для болѣе отличившихся солдатъ 15 георгиевскихъ крестовъ, а на остальныхъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ сраженіи, — по рублю; но рублей этихъ оказалось настолько больше числа участвовавшихъ солдатъ, что и всѣмъ, занимавшимся въ канцеляріяхъ дали: унтеръ-офицерамъ — по 2 р., а рядовымъ по рублю, въ награду за отличіе въ сраженіи, котораго, кромѣ меня и Солыбанова, никто и не видалъ. Изъ солдатскихъ крестовъ первый навѣсили. по настоянію Бурчевскаго, писарю Григорьеву, а гренадеру. въ сущности спасшему пѣхоту отъ предстоявшей ей гибели, дали только 5 р. Это несправедливое распредѣленіе наградъ огорчило солдатъ. Сраженій больше не было, хотя непріятеля и ждали до тѣхъ поръ, покамѣсть все вморье покрылось льдомъ.

X.

Съ войны на зимнія квартиры и домой.

НАЧАЛИСЬ трескучіе морозы и снѣжныя мятели, и мы формальные побѣители, въ неизмѣнной нашей солдатской одеждѣ и обуви, направились на зимнія квартиры опять въ Боровичи. Чтобы согрѣться, мы норовили бѣжать, но ноги—то вязли въ снѣжныхъ сугробахъ, то—скользили по гололедицѣ, и мы падали... Мы брались, человекъ по 10, за руки и, точно на приступъ, плотными стѣнами, волокли другъ друга и охраняли бока отъ стужи. Снѣгъ залѣплялъ намъ лицо, хлесталъ по глазамъ, а мы напрягали все силы, чтобы не свалиться среди пустынной дороги, брели дальше,—брели, мечтая, какъ о недостижимомъ блаженствѣ, о ночлѣгѣ въ деревенской закоптѣлой банѣ, въ ветхой курной избѣ, вмѣстѣ съ телятами, поросятами и собаками; скажу больше—мы рады были сосѣдству этихъ животныхъ: они увеличивали теплоту. А добравшись чуть живыми до такой бани или избы, самоуправно накачивали печь, сгоняли съ нея старухъ, дѣтей, раскладывали сушить свою аммуницію, испускавшую прѣлый паръ, приносили поочередно съ поля казенную бурду, полусгнившіе сухари и водку, пили-ѣли, натаскивали солому и засыпали на ней богатырскимъ сномъ...

Утромъ мы облекались въ свою аммуницію и—опять въ походъ, до обѣда на привалѣ. Среди поля висѣли на подпоркахъ котлы, и подъ ними пылалъ огонь. Изъ нихъ разливали горячую бурду въ чашки, которыя ставились на снѣжные сугробы; къ нимъ подходили по 2—3 человекъ, черпали ложками эту бурду и отходили, чтобы дать мѣсто другимъ продѣлать то же самое. Но едва отодвигались на нѣсколько шаговъ отъ чашки,—глядь: бурда въ ложкѣ ужъ замерзла, а голая рука околѣнѣла!.. Мы имѣли, правда, варежки, но онѣ были съ однимъ только пальцемъ, такъ что дѣйствовать руками было невозможно; ну, и снимали ихъ и морозили руки... Бьешься, бывало, бьешься, да такъ впроголодь и отправишься дальше... Горючія слезы, проклятія и отчаянный, глухой ропотъ на судьбу вызывали въ насъ эти обѣды и ночлеги!.. На протяженіи одной станціи, изъ всѣхъ канцелярскихъ остались цѣлы только трое; остальные же отморозили себѣ: кто—носъ, кто—щеки, кто—руки, а кто—и весь околѣнѣлъ. Мы ввалились гурьбою въ городъ Гатчино, въ трактиръ, и тамъ неожиданно нашли казначея. Онъ заказалъ на всѣхъ насъ обѣдъ и чай съ ромомъ, и, кромѣ того, далъ нашимъ старшимъ денегъ на проѣздъ въ третьемъ классѣ по желѣзной до-

рогѣ до Петербурга, куда и уѣхаль впередъ. Часа два сряду опускали мы руки и ноги въ кипятокъ, растирали себѣ уши и лица спиртомъ, бодягой, чтобы оживить свои замерзшіе члены... Начальство желѣзной дороги, за оплаченные билеты 3-го класса, позволило намъ помѣститься, въ видѣ милости, въ товарномъ вагонѣ, набитомъ сѣномъ. Мы зарылись въ это сѣно, согрѣлись и благополучно прибыли въ столицу. Объ этомъ облегченіи нашей участи провѣдалъ Безшабашневъ и доложилъ, въ превратномъ видѣ, Деймарну, а тотъ напустился на Мифорова.

— Я ничьего своевольства не терплю, — рѣзко говорилъ онъ. — Приказано было идти пѣшкомъ и пусть бы шли.

— Они чуть не замерзли, и я изъ челоуѣкъ любія не могъ этого допустить, — оправдывался Мифоровъ. — Я вѣдь на свой счетъ ихъ переправилъ сюда.

— Никакого мпрволенья я не допускаю. Еслибы и замерзли — не ваше дѣло: безъ васъ бы отвѣтили.

— Я — ближайшій ихъ начальникъ и считаю себя обязаннымъ пецись объ ихъ здоровьѣ...

— Я васъ подь судъ отдамъ за нарушеніе служебныхъ порядковъ; тогда и узнаете, какъ пецись — порѣшилъ онъ и ушелъ.

Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Мифорова, насъ опять превезли по желѣзной дорогѣ, въ лошадиныхъ вагонахъ, до послѣдней станціи, а оттуда мы въ двое сутокъ уже добѣжали до Боровичей.

По прибытіи въ Боровичи, всѣмъ нижнимъ чинамъ объявили, что если они заболѣютъ сифилисомъ, то унтеръ-офицеровъ разжалуютъ, а рядовымъ отсчитаютъ по сотнѣ «горячихъ», для излѣченія недуга. Кромѣ того, ротамъ и командамъ приказали производить, дважды въ недѣлю, «тѣлесный осмотръ». Насъ размѣстили по квартирамъ. Хозяева, помня про плодотвѣрный переполохъ, встрѣтили насъ такъ враждебно, что одни совершенно отказывали намъ въ продовольствіи; другіе требовали отъ насъ впередъ паекъ и къ испеченному изъ нашей муки хлѣбу прибавляли только пустыя щи; третьи отводили намъ особыя канурки, отдѣляли посуду и ни въ чемъ съ нами не якшались. Мало того: женщины укоряли насъ за хулу, про нихъ пущенную. На знакомыя «посѣдки», на которыхъ молодежь по прежнему веселилась, насъ уже не пускали. И по неволѣ мы, какъ зачумленные, уединялись и скучно, тоскливо коротали долгіе зимніе вечера.

Однажды, въ полдень, собрались мы обѣдать. Вдругъ зазвонили въ церковные колокола. Обыватели забѣгали по улицамъ; полицейскіе приказывали заперать лавки, трактиры кабаки и идти въ церковь.

— Зачѣмъ въ церковь-то въ будни? — спрашивали торговцы. Мы торговать хотимъ.

— Важнѣйшее событіе случилось: божіею волею государь скончался! — отвѣтилъ полицейскій стражъ.

— За этакія рѣчи, ребята, ему башку надо свернуть, — подстрекаль торговцевъ толстопузый купецъ. — Ишь наклюкался до чего, прохвость! Народъ смущаетъ.

— Луни его, луни, и отвѣчать за это не будемъ: про царя вретъ. — подхватилъ другой. — Держи его!..

Нѣсколько дюжихъ парней кинулись на полицейскаго и стали его бить; онъ давалъ сдачи и тщетно силился вырваться отъ нападавшихъ. Опасаясь попасть въ исторію, я прошель мимо.

— Запираться, и въ церковь, въ церковь, — командоваль другой полицейскій, возлѣ трактира. Присягать идите, шельмецы эдакіе.

— Ком-му? хранцузу, что ли? Аль къ намъ подступилъ ужъ? дознавался трактирщикъ. — Ни въ жисть!.. Мы потомки Марфы Посадницы, постоимъ за себя..

— Манифестъ вычитаютъ въ церкви, и узнаете, въ чемъ дѣло.

— Ну, нѣтъ: поколь въ церкви будемъ, басурманъ все разграбить. Эй, ребята! бери топоры, колья, становись въ воротахъ, и умремъ, а не сдадимся въ полонъ...

И, немного погодя, трактирщикъ, а около него человѣкъ 15 стаяли въ воротахъ, вооруженные чѣмъ попало, на защиту отъ французовъ... Я направился въ церковь, куда уже стекались дворяне, чиновники и офицеры. Церковь не вмѣщала въ себѣ и половины желавшихъ пробраться въ нее. Народъ столпился въ оградѣ и гудѣлъ, но никто не зналъ о чемъ: слуху о кончинѣ государя никто не вѣрилъ. На паперти показался хромоногій, дряхлый городничій и, словами и жестами, приказаль толпѣ смолкнуть и снять «шапки долой». Толпа повиновалась. Тогда онъ объявилъ о кончинѣ государя и о вступленіи на престоль наслѣдника цесаревича.

— Хоша это и городничій говорить, а и ему въ эдакомъ дѣлѣ вѣрить не слѣдъ, — крикнулъ кто то въ толпѣ. — Вретъ, вретъ, — подхватили сотни голосовъ, — Эдакій старый хрычъ!.. Мы, потомки Марфы...

Городничій смутился, покраснѣлъ и удалился въ церковь.

— Французы и Москву вонъ взяли отъ измѣны полиціи; можетъ, и нашу подкупили таперича, чтобы полонить насъ въ смутѣ, — подхватилъ другой.

— По домамъ, ребята, защищать свои пожитки отъ французовъ! крикнулъ третій.

Толпа рванулась къ церковной оградѣ, но опѣшила: ворота оказались запертыми. Двинули было ихъ, но они не подались. Толпа разинула рты и вздрогнула отъ безсмысленнаго предположенія о начавшейся уже измѣнѣ. На паперти появился священникъ въ облаченіи. Настала тишина. Онъ прочель манифестъ. Толпа переглянулась, заколыхалась и сразу увѣровала въ то, за что нѣсколько минутъ назадъ готова была «разнести»

даже городничаго. Отперли ворота, народъ повалилъ въ разныя стороны. Я прислушивался къ говору разныхъ группъ,—и до меня долетѣли разные толки. Одни говорили, что Россію совсѣмъ завоюють, «обратятъ въ басурманщину»; другіе,—что у насъ рать-сила великая и Россія сама завоюетъ французовъ, поколь зима еще стоитъ крѣпкая, а третьи,—что теперь мировая устроится, потому новому царю не обидно мириться: не онъ началъ войну.

Въ тотъ же день, находившіяся въ городѣ войска присягнули на площади, а на другой—всѣ успокоились и по прежнему занялись своимъ дѣломъ. Затѣмъ пришли извѣстія: сперва—о перемиріи, потомъ—о мирѣ; наконецъ—о возвращеніи полка восвояси. въ Н. Последнее вызвало оживленный говоръ среди служащихъ и обывателей.

— Домой, домой! восклицали батальонные и ротные командиры, потирая руки отъ удовольствія.—Довольно помытарилась.

— Зато и доходы уменьшатся: ни водки, ни подводъ на солдатъ въ Н. вѣдь опускаться не будетъ, напоминали субалтернъ-офицеры.—Намъ, дѣйствительно, выгоднѣе дома, а не господамъ командирамъ.

— Дождетесь другой войны, сдѣлаетесь командирами, и тогда сами маху не дадите,—предрекали молодежь старые офицеры.—Мы нажили кое-что про черный день, и ладно. Пора отдохнуть.

— Въ походахъ и холодно, и голодно, и усталъ одолеваетъ,—все это правда,—говорили солдаты,—зато насъ не бьютъ, да и муштруютъ на половину меньше супротивъ того, какъ бывало въ Н.; вотъ и разсудите, братцы, гдѣ вольготнѣй?

— Извѣстно, въ походѣ шкура дѣла, да и на душѣ легче.

— Ну, слава Богу, избавились наконецъ отъ постояльцевъ,—радовались обыватели.—Стѣснили, объѣли, да и обокрали они насъ вдоволь. Уйдутъ—и усп коимся.

Съ самыми разнородными чувствами выступали мы въ послѣдній походъ; но чѣмъ ближе подходили къ Н.,—тѣмъ чаще приводилось мнѣ слышать сожалѣніе солдатъ о скоромъ наступленіи забытой было тяжелой казарменной жизни, которая представлялась имъ страшною, въ сравненіи съ бивачной разнобразной жизнью.

Пространствовавъ болѣе двухъ лѣтъ, мы, наконецъ, возвратились въ Н. съ музыкою же и пѣснями; но въ пѣсняхъ солдаты прощались съ тою долею свободы, которою пользовались и которой имъ предстояло лишиться, съ переходомъ за порогъ казармъ. Полку дали десятидневный отдыхъ на посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ. Солдаты, группами и по одиночкѣ, слонялись по улицамъ, въ страхъ предъ возвращеніемъ ненавистнаго прошедшаго.

Все вилѣнное и пережитое въ походѣ—вселило и въ меня

равнодушіе ко всему Н—скому, не смотря на то, что крестный и его жена встрѣтили меня очень радушно. Изъ моихъ отвѣтовъ они заключили, что я значительно развился и сталъ разговорчивѣе прежняго, тогда какъ я чувствовалъ себя еще болѣе отчужденнымъ отъ нихъ. Разъ къ нимъ явился бывший дружинный офицеръ Нитинъ *) и мы четверомъ сѣли обѣдать. Нитинъ самодовольно разсказывалъ, какъ во время похода ихъ дружины въ Кіевъ и обратно начальники наживались насчетъ ратниковъ и какъ самъ онъ, въ должности казначея дружины, тоже не клалъ охулки на руку. Слушая все это, — я вспомнилъ наши невзгоды отъ той же алчности и безчувственности начальства, и постепенно озлоблялся.

— Ну, а ты, Петя, что нажилъ за время похода? — ласково спросила меня жена крестнаго, когда Нитинъ замолчалъ.

— Ломоту въ ногахъ да ненависть къ казнокрадамъ, — отчепливо отозвался я и покраснѣлъ.

— Ка-какъ. что такое? ты про казнокрадовъ говоришь? — съ изумленіемъ переспросилъ крестный.

— Ничего-съ... Я нажилъ, говорю, ломоту въ ногахъ отъ частой простуды, да ненависть ко всему начальству, кромѣ казначея и квартирмейстера, — храбро пояснилъ я. — Только они жалѣли насъ, помогали намъ а всѣ остальные обирали и обижали всѣхъ нижнихъ чиновъ, — хуже еще, чѣмъ они вотъ разсказывали. — Я кивнулъ головой на Нитина. — За все это мы ихъ и возненавидѣли.

Мои собесѣдники вопросительно переглянулись между собою и посмотрѣли на меня, а я уткнулся глазами въ тарелку, чтобы скрыть свое волненіе.

— Я этого, признаться, и ожидала, — произнесла жена крестнаго. — Наши бурбоны на все вѣдь способны.

— А я тебѣ, Петя, приказываю такихъ словъ нигдѣ больше не говорить: начальство услышитъ и накажетъ тебя, да и по дѣломъ; ни ненавидѣть, ни осуждать начальство — нельзя тебѣ, мальчику: начальство за свои хорошіе или худые поступки — отвѣтитъ предъ Богомъ и высшимъ начальствомъ. Къ тому же, есть святое правило каждаго христианина: «не осуждай, да не осужденъ будешь».

— За то, что оно насъ тиранило, морило голодомъ, холодомъ — уважать?.. — Голосъ у меня задрожалъ, оборвался, на глазахъ навернулись слезы. — Нѣтъ-съ, не могу, заключилъ я и зарыдалъ.

— Терпѣніе есть добродѣтель и человекъ вознаграждается по заслугамъ, — внушалъ мнѣ крестный. — Вотъ ты что помни.

*) Онъ былъ изъ кантонистовъ нашего же баталіона, служилъ въ Петербургѣ писаремъ, получалъ чинъ и попалъ, по протекціи, въ офицеры Н.—ской дружины.

Разговоръ обо мнѣ замаялся, но я рѣшился больше не открывенничать. Урокъ этотъ вставилъ меня вспомнить Анну Михайловну; она всегда обо мнѣ сободѣзновала и внимательно выслушивала мои жалобы. Я и полагаю, что еслибъ ей рассказать, какъ мы мучились въ походахъ, она бы стала питать такую же ненависть къ начальству. Воспоминанія о ней сильно освѣжились у меня въ памяти. Я перебивалъ въ домѣ, гдѣ она квартировала, у нѣсколькихъ бывшихъ ея подругъ и, наконецъ, съ радостью дознался, что она—въ дѣвичьемъ монастырѣ. Я отправился туда, протолкался во время обѣдни къ клиросу и узналъ ее между монахинями. Сердце во мнѣ учащено забилось. Лицо ея значительно поблѣднѣло, похудѣло, но казалось мнѣ по прежнему привлекательнымъ и милымъ, а черное платье такъ шло къ ея лицу. Она спокойно молилась. Кончилась обѣдня и монахини, рядами, вышли изъ церкви. Я подбѣжалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и дернулъ ее за рясу. Она остановилась, взглянула на меня и вспыхнула.

— Ахъ! это ты, вскрикнула она.—Здоровъ ли? какъ поживаешь?..—уже вполногоса промолвила она.—Не ждала, чтобы...

— Я насылу васъ отыскалъ... мнѣ ужасно хотѣлось видѣться съ вами послѣ долгаго скитальчества... Какъ я радъ, вѣрите ли...

— Спасибо, дружокъ, спасибо за память обо мнѣ. Дурно только то, что свиданіемъ съ тобою нарушается мой покой...

— Я пойду за вами. Гдѣ вы живете?

— Въ кельѣ, но туда я тебя пустить не могу: ты ужъ вонъ какой выросъ большой... Пойдемъ въ нашу трапезную: тамъ бываютъ у насъ свиданія съ посторонними...

— Что же вы подъ карауломъ, что ли, живете?

— Да, даже подъ строгимъ карауломъ...

— Значитъ, васъ сюда силой запрятали?

— Нѣтъ, я добровольно поступила послушницею, но монастырскія правила строги, и я должна имъ подчиняться.

Мы пришли въ столовую, и я началъ рассказывать ей о походѣ. Въ разныхъ углахъ огромной комнаты, дѣйствительно, разговаривали съ монахинями челоѣкъ 15 мужчинъ и женщинъ. Монахини были и старыя, и пожилыя, и молодыя; нѣкоторыя изъ послѣднихъ умильно посматривали въ нашу сторону, даже подмигивали мнѣ. Я сообщилъ это Аннѣ Михайловнѣ.

— Имъ шалости извинительны: ихъ родители—купцы, силою, въ жертву принесли ихъ сюда еще малолѣтними,—отвѣтила Анна Михайловна.—Купцы даютъ иногда обѣтъ, что если Богъ поможетъ имъ разбогатѣть, положимъ въ десять лѣтъ,—тогда они одну изъ дочерей пошлютъ въ монастырь на служеніе Богу; потомъ, когда ихъ желаніе сбудется, они и обѣтъ свой исполняютъ. Дѣвочки здѣсь и вырастаютъ, а ихъ родители ежегодно вносятъ въ монастырскую кассу значительныя денежныя лепты, ну, ихъ дочерей не очень и стѣ няютъ.

— Ты что за молодець?—вдруг спросила меня приблизившаяся къ намъ настоятельница, толстая, старая монахиня, предъ которою всё вытягивались въ струнку.

— Я съ войны вернулся, ваше высокопреподобіе, и пришелъ ее навѣстить... Я почтительно поклонился и поцѣловалъ ей руку.

— Кто онъ тебѣ приходится?

— Братъ, — отоввалась Анна Михайловна, слегка покраснѣвъ.

— Это хорошо, очень хорошо, что съ войны и сестру не забываешь.

— Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе, позвольте мнѣ ходить къ сестрѣ въ келью, чтобы на меня не косились со всѣхъ сторонъ, — продолжалъ я, уже бойко. — А то тутъ очень неловко...

— Пусть, пусть ходитъ въ келью, только наблюдай, смотри за нимъ. чтобы...

— Очень вамъ благодаренъ за ваше разрѣшеніе. — Я вторично поцѣловалъ руку у старухи.

— Ты и въ сраженіяхъ участвовалъ?

— Да-съ, при мнѣ и убивали, и ранили нашихъ.

— Это очень.. очень интересно. Приведи его ко мнѣ Ты, дружокъ, расскажешь, какъ воевали?

— Съ удовольствіемъ, ваше высокопреподобіе.

Настоятельница отправилась восвояси, а мы—въ отдаленіи отъ нея. Дорогою Анна Михайловна шепнула мнѣ, чтобы у настоятельницы я говорилъ ей «ты» и велъ себя развязнѣе, чтобы всѣ повѣрили, что я ея братъ.

Келья настоятельницы состояла изъ нѣсколькихъ прекрасно обставленныхъ комнатъ: Въ одной изъ нихъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ, а на тарелкахъ лежали: балыкъ, семга, икра, бѣлый и черный хлѣбъ.—Вокругъ стола размѣстились три старыя и три молодыя монахини, —въ числѣ ихъ Анна Михайловна, —да я. Всѣ принялись пить чай и закусывать, а я началъ рассказывать все, что я зналъ про войну, Москву и Петербургъ. Мои слушательницы многому дивились, ахали, крестились и, оставались довольны моимъ рассказомъ, моею почтительностью къ нимъ: при этомъ находили меня очень похожимъ на сестру. Спустя часъ, Анна Михайловна и я благополучно выбрались отъ настоятельницы и вернулись въ ея келью. Это была свѣтлая, чистенькая комната о двухъ окнахъ. Въ ней стояли: застланная кровать, два комода, платяной шкафъ, столики, нѣсколько плетеныхъ стульевъ, диванъ; окна украшались бѣлыми кисейными занавѣсками и цвѣтами.

— Вотъ мое, Петя, отшельническое жилище, — дрожащимъ голосомъ произнесла Анна Михайловна, и крѣпко поцѣловала меня въ губы. Я отвѣтилъ ей тѣмъ же. Мы

сѣли рядомъ. — Чтобъ не мѣшали нашему разговору, — продолжала она — запри, пожалуйста, дверь на задвижку: у меня ноги устали.

— Тутъ хорошо, право хорошо, — сказалъ я на ходу къ двери; — уютно, привѣтливо, солнышко играетъ; но это тихое пристанище годится, думаю, только послѣ веселой жизни на волѣ, въ старости. Смолоду же скрыться въ монастырь — очень, говорятъ, тяжело... Правда ли?

Она ничего не отвѣтила. Я взглянулъ на нее и увидаль слезы на ея глазахъ. Вдругъ она громко заплакала. Я опѣшилъ.

— Что съ вами? освѣдомился я. О чемъ голубушка, плачетъ?

— Не понимаешь. — эхъ ты, дитя, дитя!.. — укоризненно произнесла она. — Я плачу о прошломъ, настоящемъ и будущемъ; о своей судьбѣ, о немощи, слабости... Я здѣсь, вотъ уже около двухъ лѣтъ, не постриженная, замаливала старые грѣхи, а теперь вдругъ снова грѣшу... Я назвала тебя ложно братомъ... Я, какъ и другія, постоянно думаю о чемъ не слѣдуетъ..

Она перешла къ кровати, уткнула голову въ подушки и зарыдала... Я подошелъ къ ней и — какъ могъ — утѣшалъ, умолялъ ее успокоиться. Она азартно обхватила руками мою голову и прижимала къ своей груди...

Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Она крикнула мнѣ: «отопри» Я повиновался. Вошла пожилая монахиня, перекрестилась и вперила въ меня подозрительный взоръ. Я смутился.

— Это мой братъ, — быстро рекомендовала меня мнимая сестра.

— Братъ?.. гм... съ ехидствомъ повторила монахиня. Отчего же ты, матушка, такъ разстроена, коли радость тебя посѣтила?

— Отъ неожиданнаго свиданія съ нимъ: мы больше двухъ лѣтъ не видались, вспомнили былое и расчувствовались, — торопливо говорила Анна Михайловна. — Его рассказы про войну, гдѣ лилась христіанская кровь, ужасно меня растроивали.

Слѣдомъ за первую, въ келью начали набираться другія старыя, ножилыя и молоденькія монахини, забросавшія меня вопросами.

— Однако, тебѣ пора, — прервала Анна Михайловна своихъ сожительницъ, чтобы избавиться отъ ихъ докучливыхъ толковъ.

— Да; пора. Прощай, сестрица, и вы, матушки, тоже прощайте.

Она пошла со мной, разсерженная, всеми недовольная.

— Ты, Петя, пожалуйста, больше не ходи ко мнѣ, — произнесла она рѣшительно близъ монастырскихъ выходныхъ воротъ. — И тебѣ, и мнѣ легче будетъ... И подъ черными рясами сердца бьются также, какъ подъ свѣтлыми платьями. Я хотѣла

найти въ монастырѣ успокоеніе, забвеніе. да ошиблась: монастырская досужая жизнь еще хуже терзаетъ меня...

— Меньше думайте, и легче станеть.

— Не могу я, голубчикъ, не думать.. Моя утѣха—сынокъ умеръ, тетка отъ пожара осталась нищей.. Не слых-халь-ли.. гдѣ.. гдѣ онъ?—Она вспыхнула, поблѣднѣла и быстро отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе.

Я догадался, что «онъ»—это Алексѣевъ.

— Вѣрно убить, либо въ плѣну, не то и...

— Поразспроси-ка... можетъ, кто и знаетъ... сообщи мнѣ.. а покамѣсть вотъ тебѣ на нужду. Она крѣпко пожала мнѣ руку и, оставивъ въ ней трехрублевую ассигнацію, торопливо пошла назадъ.

Я посѣтилъ ее еще нѣсколько разъ, но въ кельѣ, наединѣ ни разу уже не оставался съ нею: ея сожительница какъ бы караулила насъ. Объ Алексѣевѣ я и не думалъ справляться. Тѣмъ не менѣе, онъ вдругъ свалился, какъ снѣгъ на голову.

Однажды, въ воскресное утро, въ канцелярію вошелъ въ полной формѣ истомленный, пожилой майоръ съ тремя крестами и двумя медалями на груди, съ костылемъ въ одной рукѣ и съ повязкою на другой. Всмотрѣвшись въ майора,—всѣ ахнули: это былъ Алексѣевъ. Его закидали вопросами, а изъ его отвѣтовъ узнали, что онъ, по отбѣдѣ изъ Н., поступилъ въ дивизию, которою командовалъ генераль Соймоновъ, нѣкогда нашъ бригадный командиръ, лично знавшій Алексѣева еще унтеръ-офицеромъ. Когда началась война, Соймоновъ взялъ его къ себѣ въ ординарцы и онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, былъ раненъ въ ногу, контуженъ въ руку, получилъ за отличіе четыре чина, ордена, и пенсію за рану. Назначенный городничимъ въ г. Чембарь, онъ пробирался туда. Уходя изъ канцеляріи, онъ вызвалъ меня въ коридоръ.

— Не знаешь ли, Петя, гдѣ Анюта?—дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ меня.—Я не могу отыскать ее..

— Здѣсь, въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ числѣ послушницъ, брякнулъ я,—необдумавъ, какой дать ему отвѣтъ.

— Не-уж-жеди?—Онъ побагровѣлъ, глаза его заискрились, онъ весь затрясся и продолжалъ:—Будь другомъ—сѣзди со мной туда.. Я въ каретѣ.. бери скорѣй шапку: мнѣ всякая минута дорога... Господи! какъ все это странно.. Пожалуйста, скорѣй; награжу, право, награжу...

Не знаю, жалость ли къ Алексѣеву, или ребяческая увѣренность, что она его вторично «отдѣляетъ»,—побудили меня исполнить его желаніе. Дорогою онъ обдергивался, вертѣлся, подгонялъ вучера и что-то бормоталъ. Мы направились, по его желанію, къ настоятельницѣ и застали у нея всегдашнихъ ея сотрапезницъ.

— Здравствуйте, матушка-игуменья,—смѣло началъ Алек-

сѣвѣ.—Извините, что я васъ обезпокоилъ своимъ посѣщеніемъ. Я къ вамъ по важному и безотлагательному дѣлу.

— Я очень рада видѣть у себя такого заслуженнаго воина и быть вамъ полезно, чѣмъ могу. Садитесь, пожалуйте.

— Я человекъ военный и откровенно покаюсь вамъ при всѣхъ... Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, я вышелъ изъ здѣшняго учебнаго полка въ офицеры, бросилъ въ городѣ на произволь судьбы свою невѣсту, уѣхалъ въ армию и не имѣлъ объ ней никакихъ свѣдѣній; она же съ годъ,—какъ слышалъ я,—поступила въ вашъ монастырь... Теперь я пріѣхалъ повѣнчаться съ ней и увезти ее въ мѣсто моего новаго служенія. Если она заупрямится,—пособите мнѣ уговорить ее, во вниманіе къ моему... ну, хоть бы калѣчеству...

Монахини переглянулись, пошептались между собой, а игуменья перевела глаза на меня.

— Это твоя сестра?—предугадывала она.

— Да, она была ему лучше матери,—подхватилъ Алексѣевъ:—онъ, хоть и мальчикъ, помнилъ и цѣнилъ ея доброту, а вотъ я, возмужалый человекъ, пренебрегъ ею, забылъ на время, что безъ нея и жизнь мнѣ не мила...

— Сейчасъ пошлю за нею, а вамъ не угодно ли покуда чашку чаю выкушать съ нами?

— Благодарю васъ за честь: до рѣшенья моей участи, я ни пить, ни ѣсть не могу... Она вѣдь не пострижена еще въ монахини?

— Нѣтъ, моложе 40 лѣтъ не постригаютъ.

— Отличное это правило—мнѣ на руку. Въ вашей церкви можно вѣнчаться?

— О, несомнѣнно, а вы сдѣлаете намъ честь совершить здѣсь таинство брака.

— Въ такомъ случаѣ, соблаговолите распорядиться часа чрезъ два-три, ежели сладимся съ невѣстой... А чтобы не обезкуражиться, не позвольте ли вотъ имъ, матушкамъ, удалиться...

— Н-да, вы правы... Оставьте насъ, сестрицы: дѣло предстоить важное...

Монахини повиновались приказанію настоятельницы.

Дверь распахнулась и—блѣдная, какъ полотно, вошла Анна Михайловна, подняла голову, увидала Алексѣева и, пошатнувшись, съ крикомъ упала на диванъ. Мы всѣ трое занялись приведеніемъ ее въ чувство водой и спиртомъ. Она обвела глазами вокругъ и начала подниматься.

— Анята, голубушка дорогая моя—прости меня, Христа ради, прости!—взмолился Алексѣевъ.—Я безъ тебя дольше жить не могу... Ей богу... Я скакалъ, искалъ тебя...

— Судьбы божіи неисповѣдимы,—вмѣшалась игуменья, взволнованнымъ голосомъ.—Онъ не шадилъ живота своего на полѣ брани, пролилъ свою кровь за вѣру Христову и исполнилъ

достоинствъ твоего прощенія. Люди способны заблуждаться, а такое искреннее раскаяніе—даръ небесъ. За облегченіе его физической немощи и утѣшеніе его души—Богъ вознаградитъ тебя возможнымъ на землѣ счастьемъ. Благословляю... Ну же!..

— Прощаю, прощаю, милый, несчастный Гриша! — явственно прозвучали въ моихъ ушахъ слова Анны Михайловны.— Какъ ты похудѣлъ, измѣнился...

Они обнялись, прижались другъ къ другу и заворковали.. Она расспрашивала его, за какія сраженія, что именно получилъ онъ, шаловливо перебирала пальцами его ордена и нити густыхъ эполетъ, нѣжно гладила его по головѣ, пожирала глазами, улыбками... Спустя нѣкоторое время, женихъ съ невестою пригласили меня ѣхать съ ними. Мы отправились въ магазинъ дамскихъ нарядовъ, и, покуда она выбирала себѣ платье и переодѣвалась,—онъ съѣздили въ гостинницу, гдѣ остановился, за паспортомъ и деньгами. Черезъ часъ Анна Михайловна вошла подъ руку со мной въ церковь (я былъ ея шаферомъ) красивою, интересною невестою. Ихъ обвинчали. Алексѣевъ пожертвовалъ на церковь 200 р. Мы распрощались съ монахинями и покатали въ гостинницу. Тамъ мы чокнулись раза три шампанскимъ; и, хоть я охмѣлѣлъ, но на сердцѣ у меня кошки скребли... За обѣдомъ я ни до чего почти не дотрогивался: точно колъ торчалъ у меня въ горлѣ... Молодые уже не обращали на меня никакого вниманія, а ласкались другъ къ другу.

Грузные, пословѣлые встали они изъ за стола. Половой доложилъ, что тройка готова.

— Теперь въ дорогу, маршъ!—молвилъ онъ.

— Ёдемъ, ёдемъ, Гриша.

Ненаглядный ты мой,
Какъ люблю я тебя!
Взоръ пѣвнательный твой
Сожигаетъ меня!

запѣла она вполголоса, прыгая по комнатѣ и швыряя вещи въ чемоданы.

— Эта станція небольшая, живо пролетимъ, а тамъ и заночуемъ у знакомыхъ,—предупредилъ онъ ее.

— И чудесно. Ахъ, какой ты добрый, хорошій!—лепетала она, вѣшаясь ему на шею.

— Пожалуйте: все уложено и увязано,—отрапортовалъ половой.

— Спасибо, спасибо. Идемъ, Гриша. Ахъ, да! Прощай Петя, прощай, будь счастливъ!, машинально произнесла она, въ припрыжку спустилась внизъ по лѣстницѣ и проворно вскочила въ тарантасъ.

— Желаю тебѣ, Петя всего хорошаго, — сказалъ мнѣ и онъ,—оглядѣвъ, не осталось ли чего въ комнатѣ. — Вотъ тебѣ на гостинцы.

— Благодарю васъ: не надо, не возьму,—злбно сказалъ я, почувствовавъ боль въ сердцѣ отъ ревности къ нему.

Пятирублевая бумажка полетѣла на полъ; онъ этого не замѣтилъ и вышелъ. Я тоже. Ямщикъ взмахнулъ возжами, и ихъ слѣдъ простылъ...

Медленно, съ опустѣлымъ сердцемъ, пошелъ я домой. понуря голову, и лишь передъ входомъ въ комнату, гдѣ жили писаря, очнулся даже вздрогнулъ.

— Ур-р-ра! прозвучало въ моихъ ушахъ. Пойте, пляшите хоть на головахъ ходите, — кричали голоса изъ комнатъ.— Торжествуемъ, торжествуемъ, реб-бята!

Всѣ три комнаты были ярко освѣщены. Въ разныхъ мѣстахъ писаря, унтеры, кантонисты играли на скрипкѣ, на гитарѣ и гармоніи, пѣли, плясали, пили вино, обнимались и кричали. Я не могъ разобратъ, что значило это небывалое ликование.

— Важное, чрезвычайно важное событіе случилось у насъ сегодня,—разъяснилъ мнѣ мой сосѣдъ по кровати.—Безшабашневъ кончилъ свое существованіе: его вытурили въ отставку.

Вѣсть эта и меня порадовала. Кутежъ протянулся до утра. Радости писарей по адъютантской части не было, кажется, предѣловъ. Они даже молебны служили за свое избавленіе отъ ненавистнаго Безшабашнева, который восемь лѣтъ сряду тиранилъ ихъ съ наслажденіемъ, свойственнымъ его кровожадной натурѣ. Радости этой искренно сочувствовали даже офицеры: Безшабашневъ и ихъ часто обижалъ*). Адъютантомъ сдѣлали молодаго офицера Мисюрова, человѣка добродушнаго, и всѣ вздохнули свободно, легко...

Не успѣлъ я очнуться хорошенько отъ послѣднихъ двухъ событій, особенно отъѣзда Анны Михайловны, какъ произошло третье, касавшееся уже одного меня. Департаментъ предписалъ безотлагательно отправить меня въ Петербургъ. Это—мой бывшій товарищъ-однокашникъ, Моронковъ, оказалъ мнѣ протекцію, хотя и безъ моего вѣдома, но очень кстати: разочарованіе меня томило, грызло, а развлеченія никакого не было... Мнѣ опять пригнали новую обмундировку, снабдили подорожною до Москвы и кормовыми до Петербурга.

Я снова выслушалъ наставленіе крестнаго, какъ поступать въ дорогѣ, какъ вести себя и служить въ столицѣ, чтобы выйти скорѣе въ люди; получилъ отъ него благословеніе на добрые поступки и десять рублей на расходы. Одинокимъ 18-лѣтнимъ юношею, отправился я въ путь съ самыми радужными мечтами о счастіи, ожидавшемъ меня въ невѣдомомъ будущемъ..

*) Впослѣдствіи, 17 лѣтъ спустя, лицо называвшееся въ этихъ очеркахъ «Безшабашневымъ», сдѣлалось мировымъ судьей, председателемъ земской управы и даже филантропомъ. Неоднократно этотъ новоявленный человѣколюбецъ печатно призывалъ къ пожертвованіямъ въ пользу крестьянъ, страдающихъ отъ разныхъ невгодъ.

XI.

Поѣздка въ Петербургъ, служба и житье въ департаментъ.

Я СБЛѢ въ телѣгу съ твердою вѣрою въ будущее свое счастье, которое, по наивности своей, основывалъ: на разсказахъ, какіе разновременно слышалъ о житьѣ департаментскихъ писарей, да на распоряженіи департамента объ отправкѣ меня въ Петербургъ не по этапу, какъ солдата, а одного, какъ *офицера*. Къ тому жь, привыкнувъ постоянно подчиняться другимъ и очутившись на свободѣ, я очень ею обольщался. Однако дѣйствительность, увы! не преминула, напомнить мнѣ о себѣ. Я торопился, напр., поймать свое счастье, а станціонные смотрители по нѣскольکو часовъ сряду не обращали никакого вниманія.

— Сдѣлайте, ваше благородіе, милость,—прикажите вести меня дальше,—упрашивалъ я. — Я, какъ видите, изъ моего маршрута, я долженъ прибыть въ Петербургъ къ сроку, а меня все задерживаютъ: я и боюсь опоздать...

— Ладно, еще успѣешь, небрежно отвѣчали они;—да и лошадей свободныхъ нѣтъ.

— Въ конюшнѣ я, напротивъ, видѣлъ много лошадей.

— Есть да не про твою честь Ты, мальчишка, солдатъ, смѣешь, развѣ, мнѣ, офицеру, указывать? Еще заикнешься—и я тебя, смотри, отдую, право отдую.

Одинокій и беззащитный что могъ я предпринять? Я и пенялъ на свою волю. Станціи чрезъ десять отъ Н. (я проѣхалъ ихъ едва въ двое сутокъ) нагналъ меня баринъ, увидалъ, на крыльцѣ въ слезахъ и освѣдомился о моемъ горѣ, которое я ему и повѣдалъ.

— Поставь свой чемоданъ на мой тарантасъ, а самъ садись вотъ сюда, произнесъ онъ, сжалившись надо мною.—Вдвоемъ намъ и веселѣй будетъ ѣхать.

Я съ радостью принялъ его предложеніе и онъ «даромъ» везъ меня, да поилъ и кормилъ до Москвы, за что я всю дорогу, четверо сутокъ, усердно ему прислуживалъ. Въ Москвѣ я поблагодарилъ барина за участіе ко мнѣ и стправился, уже подъ вечеръ, со своимъ багажомъ прямо въ канцелярію ордонансъ-гауза за даровымъ билетомъ на проѣздъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ, до Петербурга. Дежурный офицеръ, не понявъ содержанія предъявленной мною ему бумаги изъ полка, велѣлъ помѣстить меня ночевать въ караульную. Я попытался возразить ему, что переправляюсь не по этапу, а «свободнымъ», почему мнѣ нуженъ только билетъ, а не ночлегъ, но офицеръ повелительно повторилъ свое приказаніе и меня провели по длинному корридолу и впустили, съ чемоданчикомомъ, въ огромный казематъ. Оторопѣлый, испуганный, придвинуть

я чемоданчикъ въ уголь, сѣлъ на него, сталъ озираться вокругъ и постепенно замѣтилъ и почувствовалъ что, отъ горѣвшей, въ закрытомъ фонарѣ, сальной свѣчки, едва можно было различать предметы, стоявшій столбомъ, отъ накуренной махорки, дымъ рѣзалъ глаза, лѣвъ въ носъ и въ ротъ, а отъ спертато воздуха спирало дыханіе. Люди лежали, сидѣли на голыхъ нарахъ, слонялись вокругъ нихъ, а нѣкоторые звякали кандалами. Было людей, какъ мнѣ показалось, человекъ 50—60 одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и совсѣмъ раздѣтыхъ, съ обритыми полголовами, съ бородами, стриженныхъ и лохматыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ полголоса пѣли пѣсни, бранились, плакались на свою судьбу, играли въ кости, карты и пили водку.. Изъ самохраненія я смиренно просидѣлъ, неподвижно, на чемоданчикѣ, до утра!. Утромъ позвали меня въ канцелярію. Я взялъ съ собою и чемоданчикъ, получилъ билетъ и наказъ тотчасъ же отправиться на машину. Я выбѣжалъ на улицу, поспѣшно нанялъ извозщика и уѣхалъ... Чѣмъ больше думалъ я, ѣдучи по машинѣ, о случайномъ своемъ ночлегѣ въ тюрьмѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ состраданіе къ бывшимъ соночлежникамъ, которымъ мнѣ очень хотѣлось хоть когданибудь быть полезнымъ.. Мысль эта тѣмъ болѣе занимала меня, когда я припоминалъ, что 9 лѣтнимъ ребенкомъ видѣлъ, въ такомъ же осторожномъ помѣщеніи, своего отца...

Приѣхавъ въ вагонѣ 3-го класса въ Петербургъ, я явился въ домъ, гдѣ жили департаментскіе писаря, тоже подъ вечеръ, прямо къ Моронкову. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, угостилъ чѣмъ могъ, разспросилъ: благополучно ли я доѣхалъ; доволенъ ли тѣмъ, что вырвался изъ полка, какіе тамъ порядки и проч., а потомъ провелъ меня по всему помѣщенію писарей. Видъ занятыхъ ими до 30 комнатъ показался мнѣ очень не казистымъ, пестрымъ: деревянные и желѣзные кровати застланы были байковыми, ситцевыми и суконными разноцвѣтными одѣялами; кое-гдѣ красовались комоды, столики и плетеные стулья. Все это составляло собственность писарей: казеннаго имъ ничего не полагалось. Сами писаря въ сюртукахъ, халатахъ и въ одномъ бѣльѣ прохаживались, сидѣли, лежали, и, одни писали, другіе — разговаривали, третьи спорили и даже ссорились между собой. Все это мнѣ не понравилось и я сообщилъ объ этомъ Моронкову.

— Да, мы далеки отъ счастья, — это, Петя, правда, — отвѣтилъ онъ, со вздохомъ. — Но намъ все-таки гораздо лучше, нежели въ полку: здѣсь нѣтъ тамошней субординаціи и на досугъ мы деньги себѣ зарабатываемъ; поэтому, у меня, какъ видишь, есть комодъ, посуда, платье, словомъ все, что нужно; водятся, отъ трудовъ праведныхъ, и денежки, на расходы, да на черный день. Тѣмъ, кто ведетъ себя прилично и начальство благоволитъ и не рѣдко само даже рекомендуетъ ихъ на частныя занятія; лѣнливыхъ же, грубіяновъ и пьяницъ началь-

ство держать въ загонѣ, въ страхѣ, и они, мотыги, во всяческой нуждѣ пребываютъ.

Въ общей столовой, куда Моронковъ пригласилъ меня съ собою ужинать,—столы были накрыты скатертями, ѣли съ тарелокъ, подавали служителя, да и самая пища, — два блюда, — была вкусная, хорошая. Я и это замѣтилъ Моронкову.

— Продовольствіе наше оттого порядочное, что къ казенному пайку мы прибавляемъ, изъ своего жалованья, по 60 коп. въ мѣсяць, — продолжалъ онъ меня просвѣщать. Кромѣ того мы сами выбираемъ себѣ, изъ своей среды, артельщика, ежемѣсячно повѣряемъ его и указываемъ ему какъ поступать: начальство въ наше артельное дѣло не вмѣшивается съ тѣхъ поръ, какъ однажды, года три тому назадъ, (вскорѣ же послѣ моего прибытія сюда, изъ Н.) — посылали Министру доносы, противъ экзекуторскаго сквернаго кормленія насъ и утаиванья нашихъ кормовыхъ денегъ.

Послѣ ужина въ комнатѣ, гдѣ жилъ Моронковъ человекъ десять усѣлись надвухъ кроватяхъ и одинъ изъ писарей сталъ читать остальнымъ, вслухъ, книгу. Мы тоже обратились въ слушателей. Романъ «Ледяной домъ» заинтересовалъ всѣхъ, а меня въ особенности: до этого вечера я книгъ никогда еще не читалъ и мое любопытство быстро возрастало, а воображеніе распалялось отъ потрясающихъ сценъ замораживанья людей, отъ любви цыганки и проч. Прошло часа три. Вдругъ неслышными шагами къ намъ приблизился ундеръ.

— Пора, господа, спать, — деликатно, но въ тоже время внушительно молвилъ онъ.

— Позвольте, пожалуйста Иванъ Карпычъ, еще хоть часокъ почитать? — просили его двое разомъ. — Очень занимательная книга, да и дана намъ на срокъ.

— Скажите спасибо, что я о теперешнемъ вашемъ чтеніи не доложу экзекутору: не желаю вамъ вреда; но дальнѣйшаго чтенія я никакъ не могу допустить, потому экзекуторъ самъ можетъ сюда нагрянуть, а тогда и мнѣ за одно съ вами достанется отъ него: знаетъ, кажется, крутой его характеръ.

Никто ничего не возразилъ, а напротивъ, всѣ молча разошлись. Легъ и я съ Моронковымъ на его кровать, занемѣнимъ свободной, и задалъ ему вопросы: кто этотъ ундеръ и почему онъ запретилъ читать.

— Изволь, удовлетворю твое любопытство, чтобы ты напрасно не думалъ, — отозвался онъ. — Когда усаживаемся читать постоянно часоваго избираемъ, чтобы во время успѣлъ предупредить о нашествіи экзекутора: онъ терпѣть не можетъ книгъ, и какъ только увидитъ ихъ, хватаетъ и рветъ въ клочки, а чѣцовъ и слушателей — сажаетъ въ карцеръ. Тоже самое приказываетъ онъ дѣлать и ундеру (это нашъ фельдфебель Карповъ), но онъ скрываетъ отъ него чтенія, когда читаютъ подочные писаря. Спи: утро вечера мудренѣе.

Едва я задремалъ, какъ по нѣсколькимъ комнатамъ раздалась удалая, въ два голоса, пѣсня. Всѣ проснулись, повскакали съ кровати, и, одни—упрашивали пѣсенниковъ перестать; другіе — угрожали имъ послать за фельдфебелемъ и жалобою экзекутору; третьи—поддерживали пьяныхъ, упрекали товарищей въ шпіонствѣ и. т. д. Поднялся шумный говоръ, рѣзкій споръ, крикъ.

—Я, у себя дома, —воленъ дѣлать, что хочу, —кричалъ, въ свою очередь, одинъ буянь.—Когда вы читаете и я треввъ—я вѣдь вамъ не мѣшаю, хоть мнѣ и противно это чтеніе. А почему? Да потому, что съ молодую я самъ запоемъ читалъ, набрался, изъ книжекъ, разной фонаберіи и за нее пострадалъ: «знай сверчокъ только свой шестокъ».

— Н-да, вотъ и пьемъ, да бьемъ, а все-таки жив-вемъ,—продолжалъ другой пьяный. Тро-та-та, тро-то-та... «Взвейся выше, понесися»...

Товарищъ пьянаго подхватилъ и лихая пѣсня огласила всѣ комнаты. Завязалась перебранка, которая, въ смежной, съ нашею, комнатѣ, превратилась даже и въ драку... Табуретки, стулья такъ и летали по воздуху... Кто-то догадался крикнуть: «экзекуторъ идетъ», и всѣ мгновенно унялись, разбѣжались по своимъ мѣстамъ и тишина водворилась.

— Однако, Федя, и у васъ, вижу я, мало и воли и покою?—заявилъ я Моронкову, чрезъ часъ, когда все стихло. — Я думалъ въ рай ѣду, анъ тутъ тоже...

— Нашъ экзекуторъ самъ пьяница, ну и намъ пьянства не возбраняетъ. Но ты, братъ, не огорчайся: всѣ эти неурядицы увѣряю тебя, вознаграждаются.

Утромъ всѣ вычистились, умылись, прибрались, одѣлись, напильсь, кто имѣлъ, —чаю, позавтракали кто —булки, ситныйй, а кто и черный хлѣбъ, принесенный съ кухни, и въ 9-мъ часу всѣ, подъ командою фельдфебеля, фронтомъ отправились въ департаментъ. Тамъ фельдфебель позвалъ меня къ экзекутору.

— Это новоприбывшій,—доложилъ обо мнѣ Карповъ;—онъ назначенъ въ канцелярію.

— Здравія желаю ваше высокоблагородіе!—проговорилъ я, вытянувшись въ струнку.

— А-а.. процѣдилъ средняго роста пожилой маіоръ, съ угреватымъ лицомъ, сизымъ носомъ, впалыми щеками и маленькими, но быстрыми глазами.—Ты службу знаешь,—это хорошо,—одобрилъ онъ меня.—Погоди. Ты какъ смѣлъ ходить въ брюкахъ безъ кантовъ? присталъ онъ къ молодому писарю, тутъ же стоявшему.—Сколько я разъ запрещалъ эти вольности? Говори, говори же, скотина эдакая!

— Виновать-съ; я купилъ брюки готовые безъ кантовъ и надѣлъ ихъ не передѣланными, собственно потому, что нечаянно разорвалъ старыя брюки.

— Брешь, брешь, шельма эдакая! По глазамъ вижу, что

врешь: въ брюкахъ безъ кантовъ и за угломъ легко накинуть какойнибудь архалукъ и шпаться по городу «вольными казаками»,—вотъ чѣмъ вамъ удобны брюки безъ кантовъ. Эй, Карповъ! въ карцеръ его на три вечера и ночи.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Карповъ.—Иди заниматься.—сказалъ онъ осужденному, который молча повиновался, а затѣмъ, помолчавъ, Карповъ прибавилъ:— Ночью въ учебномъ отдѣленіи драка произошла-съ... Ерофѣевъ и Андреевъ пьяные затѣяли... Какъ прикажете?

— Съ пьяныхъ нечего взыскивать: въ нихъ вино гуляетъ. Потому... потомъ пьяный, помни, проспится, а дуракъ никогда!.. Понялъ?

— Остальное все благополучно-съ.

— Ошиб-баешься: вчера Степановъ, курносый, изъ строительнаго отдѣленія, опять не отдалъ мнѣ чести, на дворъ.

— Онъ, ваше высокородье, близорукій, не разглядѣлъ васъ.

— Вздую, такъ прозрѣеть. А ты вольнодумствомъ, смотри, здѣсь не заравись, не то драть буду,—внушаль онъ мнѣ.—Какъ ты будешь заниматься писаньемъ—мнѣ наплевать, а за отступление отъ формы, за уходъ со двора безъ спроса, за грубости, а главное, повторяю,—за вольнодумство я жестоко наказываю. Ну и держ-жи всегда въ умѣ, что я, «одинъ» только я, твой начальникъ, воленъ тебя и въ галунники пожаловать и въ дальній горнизовъ свиней пасти сослать. Ступ-пай!

Я вышелъ къ дожидавшемуся меня, чрезъ комнату, Моронкову встревоженный экзекуторомъ.

— Онъ любитъ нагонять на новенькихъ страхъ,—предварилъ меня Моронковъ, стносительно экзекутора;—но собственно тебѣ нечего его бояться: занимающихся въ канцеляріи онъ, безъ вѣдома правителя, тронуть не смѣетъ, потому правитель его начальникъ, человекъ добрый и своихъ въ обиду не даетъ.

Я сѣлъ возлѣ Моронкова за работу. Пришелъ средних лѣтъ, смуглый господинъ, въ чиновничьей формѣ. Всѣ писаря,—ихъ сидѣло за нѣсколькими столами, человекъ двадцать,—привстали и развязно поклонились вошедшему.

— Здравствуйте, братцы,—запросто отвѣтилъ онъ, кивая головой на всѣ стороны.—Ты, новенькій, и есть его пріятель? (Моронкова)—спросилъ онъ меня.

— Точно такъ-съ, ваше высокородье,—произнесъ я, вскочивъ на ноги.—Мы вмѣстѣ росли...

— Порядочно, очень, братъ, порядочно пишешь,—похвалилъ онъ мой почеркъ.—Запомни: насъ, не военныхъ,—«ваше высокоблагородіе» здѣсь не принято величать, а зови насъ просто по имени и отчеству. Почеркъ же старайся перенять у Моронкова: онъ отлично пишетъ.

Онъ отошелъ къ своему столу и сѣлъ заниматься.

— Я и забылъ тебя, Петя, предупредить объ величаньи,—

сказалъ мнѣ Моронковъ.—Знай также, что когда начальство приходитъ и уходитъ — мы всегда встаемъ и кланяемся ему. Господинъ, который подходилъ къ намъ—важный, кстати прибавлю, человекъ: докладчикъ директора. Онъ хоть и изъ писарей, а уже въ маюрскомъ чинѣ, за нимъ ухаживаютъ и генералы, его многіе побаиваются: онъ силенъ, — съ гордостью прибавилъ Моронковъ.—Современемъ и мы можемъ добиться чиновъ, а тогда будемъ говорить: «стерпится—слюбится».

Около 11 часовъ одновременно вошли, какъ я потомъ узналъ, секретарь, высокій, красивый, длинноволосый молодой, брюнетъ, Госевъ и самъ правитель канцеляріи, средняго роста, сановитый старикъ Вавильевъ. Имъ всѣ почтительно поклонились, а они, съ привѣтливою улыбкою, кивнули намъ головами.

— Вотъ онъ, Шумитинъ, мой товарищъ, о переводѣ котораго я васъ просилъ—представилъ меня Моронковъ правителю и секретарю разомъ.—Онъ вчера прибылъ.

Я робко поклонился имъ: я не могъ еще освоиться съ мыслию, что начальству надо кланяться.

— Здравствуй, любезный, здравствуй, — заговорилъ правитель.— Служба у насъ нетрудная; но на первыхъ порахъ, куда привыкнешь, — спрашивай обо всемъ Моронкова: онъ тебя научить. Съ него же бери примѣръ какъ писать и вести себя: мы имъ вполне довольны.

— Мы тебя заниматься не торопимъ,—продолжалъ Госевъ.— Съ дороги отдохни день-другой, познакомься съ будущими сослуживцами, осмотри городъ.

— Я уже отдохнулъ—съ а городъ знаю я давно: я жилъ здѣсь — отвѣтилъ я.—Я радъ заняться..

— Будь скроменъ, послушенъ и тебѣ хорошо будетъ.

— Моронковъ поруководить имъ, небезпокойтесь, Иванъ Лукичъ.—вставилъ Васильевъ.

— Непремѣнно—съ,—отозвался Моронковъ.—За его поведеніе и усердіе ручаюсь: мы съ дѣтства были расположены другъ къ другу.

Обходительность и ласковость этихъ чиновниковъ, свобода въ разговорахъ съ ними и чистота въ комнатахъ, — все это значительно ослабило дурное мое впечатленіе, вынесенное отъ ночнаго безобразія и обращенія экзекутора. Въ часъ со двора рѣзко прозвонили въ колоколъ. Я вздрогнулъ. Моронковъ пояснилъ мнѣ, что звонятъ приходу: разъ — вице-директора, а два — директора. Въ комнату, въ которой мы сидѣли, вошли: съ одной стороны—секретарь и правитель канцеляріи, а съ другой стороны—крошечнаго роста старичекъ, военный генералъ. Всѣ вскочили. Генералъ намъ кивнулъ головой, а докладчику, секретарю и правителю подаль руку и о чемъ-то тихо поговорилъ съ ними. Правитель представилъ меня генералу, вмѣстѣ съ моимъ почеркомъ.

— Довольно красиво писать,—обрадовалъ меня генераль.— Но ростомъ... ростомъ онъ вѣдь малъ,—съ усмѣшкой продолжалъ онъ, обратившись къ правителю.—Директору его нечего и показывать: взволнуется.

— Да, это, Дмитрій Петровичъ, совершенно вѣрно-съ,—отозвался, улыбаясь, правитель. — Произвести его придется ужъ въ ваше управленіе департаментомъ.

— Конечно. Старайся служить усердно, вести себя добропорядочно и современемъ чиновникомъ будешь, — обнадежилъ меня генераль.—Мы умѣемъ цѣнить достойныхъ людей.

Онъ прошелъ дальше въ свой кабинетъ.

Въ два часа прозвонили два раза. Всѣ начали охорашиваться, а трое малаго роста писарей быстро удалились.

— Иди и ты, Петя, за ними,—велѣлъ мнѣ Моронковъ.

— Куда и зачѣмъ?—въ недоумѣніи спросилъ я.

— Затѣмъ, чтобы директоръ тебя не увидалъ. Иди же скорѣй!

Слѣдомъ за писарями очутился и я въ сортирѣ, гдѣ засталъ человѣкъ 30 писарей, рядовыхъ и кантонистовъ,—все малаго только роста. Я спросилъ одного изъ писарей о причинѣ нашего бѣгства.

— Причина, скажу вамъ прямо, самая глупая: нашъ нѣмчура, директоръ, ненавидитъ маленькихъ и ни за что не производитъ ни въ писаря, ни даже въ чиновники нашего съ вами роста.

— Кѣмъ же вы-то произведены?

— Вице-директоромъ. Производимыхъ представляютъ всегда прежде на смотръ директору, а онъ изъ шеренги человѣкъ въ 10 утверждаетъ только большихъ; остальнымъ же велитъ «подрости».

— Ну, а чей ростъ остановится, тѣ какъ?

— Тѣ, еслибъ вице-директоръ не любилъ такихъ же, какъ самъ, маленькихъ, никогда бы ни галуновъ, ни чиновъ не получали. Директоръ раза три въ годъ уѣзжаетъ въ свои помѣстья или инспектировать войска и въ это время вице-директоръ производитъ малыхъ. Скажу вамъ больше: и дворянъ-чиновниковъ, офицеровъ директоръ служить въ департаментъ не принимаетъ, если они ему, великану, ниже, чѣмъ по плечо; онъ увѣренъ, что всѣ доблести человѣческія заключаются только въ высококомъ ростѣ.

— Странно...

— Не странно, а дурачество, да онъ у насъ и есть дуракъ набитый: по-русски ни говорить, ни читать, ни писать почти не умѣетъ, да и не понимаетъ, что съ нимъ играютъ въ прятки.

— Но вѣдь можно же и случайно наткнуться на него, напримеръ, на улицѣ, а по буквамъ на вашихъ погонахъ и шапкахъ—ему легко узнать своихъ подчиненныхъ?

— И на улицѣ отъ него, какъ отъ нечистой силы, бѣгаемъ. Бывали, впрочемъ, и такія, какъ вы говорите, оказіи, и тогда онъ просто разжаловалъ за ростъ. Оборвался онъ только на любимцѣ Манилова (вице-директоръ) Семеновѣ, точно такого же роста, какъ самъ Маниловъ. Поймалъ нѣмчура Семенова на лѣстницѣ, раскричался, дознался, что произвелъ его Маниловъ, распекъ его за нарушеніе, производствомъ Семенова, порядка и приказалъ тотчасъ же разжаловать Семенова. Маниловъ разсердился и объявилъ нѣмчурѣ, что если онъ разжалуетъ Семенова, то онъ, Маниловъ, подастъ объ этомъ рапортъ министру. Нѣмчура струсилъ и отступился. Такимъ манеромъ изъ всѣхъ малыхъ лишь одинъ Семеновъ вотъ уже съ годъ не прячется отъ нѣмчуры. Мало того: когда Манилову вздумается полить нѣмчуру,—нарочно посылаетъ къ нему съ бумагами именно Семенова, чтобы напомнить ему свою силу.

— Если директоръ ничего, какъ вы говорите, по-русски не понимаетъ, зачѣмъ же ходить онъ въ департаментъ?

— Смотрѣть за чистотою въ комнатахъ, да нагонять страхъ на писарей: онъ часто приказываетъ: «запоги телой, зюрдукъ отстягайтъ» и повѣряетъ чистоту писарскихъ рубашекъ, портянокъ.

Прошло съ часъ. Сторожъ оповѣстилъ насъ, что директоръ ушелъ и мы вернулись на свои мѣста. Въ три часа прозвонили въ колоколь. Всѣ живо сложили работу въ столы, въ шкафы и пошли внизъ: чиновники—по парадной, а писаря—по черной лѣстницамъ. Вернулись мы домой фронтомъ же, прямо обѣдать, а выходя изъ столовой Моронковъ заявилъ наблюдавшему за порядкомъ Карпову, что поведетъ меня Петербургъ показывать.

— До котораго же часа?—спросилъ Карповъ.

— Право не знаю: теперь лѣто, а съ пріятелемъ, на радости, позвольте ужъ хорошенько разгуляться. Впрочемъ, вотъ вамъ, виноватъ, чуть не забылъ отдать,—письменное разрѣшеніе правителя канцеляріи мнѣ и ему «ежедневно» уходить со двора до 10—11 часовъ вечера, если наши «частныя» занятія этого потребуютъ.

— Представьте записку лучше самому экзекутору: когда онъ отъ васъ ее приметъ—онъ будетъ спокойнѣе.

— Нѣтъ, ужъ будьте столь добры, возьмите на себя этотъ трудъ: вамъ, нашему ближайшему начальнику, это подходящее, чѣмъ мнѣ, подчиненному: я опасаюсь подвернуться экзекутору не въ добрый часъ...

— Каково же мнѣ то ладить и съ нимъ и со всѣми вами?

— Тяжело,—не спорю, но разрѣшеніе все-таки примите, сдѣлайте мнѣ одолженіе, избавьте меня отъ необходимости показываться...

— Ладно. Не ходите, смотрите, только куда не слѣдуетъ, чтобы бѣды не нажить. Сидоровъ, вонъ, казачьяго отдѣленія,

ночью попался, въ вольномъ платьѣ, въ полицейской облавѣ и за это директоръ приказалъ его разжаловать и сослать въ гарнизонъ. Сидоровъ, пронесивши десять лѣтъ галуны, теперь теряетъ ихъ...

— Жаль, очень жаль Сидорова... Мы же, не сомнѣвайтесь, ни въ чемъ не провинимся.

Мы одѣлись и отправились на улицу.

— Мимо этого дома надо идти безъ шапки: тутъ директоръ живетъ,—предупредилъ меня Миронковъ.

— Такъ, помнишь, дѣлалось вѣдь и въ полку?—началъ я.—А предъ офицерами шапку тоже снимать?

— Н-да,—конфузливо отвѣтилъ Моронковъ.— Это вотъ «лѣтній садъ», только... только насъ въ него, къ сожалѣнію, не пускаютъ.

— Почему?

— Потому что мы нижніе чины. Въ гостиницы, видишь надпись? входъ намъ тоже воспрещенъ по той же причинѣ.

— А что такое «публичная бібліотека»?

— Тамъ книги читаютъ всѣ, кто хочетъ, кромѣ, опять таки, насъ. Вотъ это «Александровскій театръ».

— Сходимъ, пожалуйста, Одея, въ театръ: мнѣ очень хочется поглядѣть какъ здѣсь играютъ. Ты, я думаю, уже забылъ: какъ мы, статистами, за кулисами и по сценѣ франтили?

— Нѣтъ, не забылъ, но театръ для насъ формально также запрещенъ; тѣхъ же, кто изъ насъ проберется въ него тайно, и тамъ наткнется на полицію,—отсылаютъ подъ арестъ, приводятъ подъ конвоемъ въ департаментъ, а потомъ запираютъ въ карцеръ, или деруть, или же разжалываютъ да ссылаютъ въ гарнизонъ, глядя по поведенію, да по тому, кому подчиненъ. Надѣюсь, ни одного изъ названныхъ наказаній не пожелаешь ни себѣ, ни мнѣ?

— Охо-хо, какія у васъ строгости. Не ожидалъ... Что же вамъ, послѣ этого, дозволяется-то?

— Дома курить табакъ, пить водку, да гулять по Александровскому парку, куда и пойдемъ. Я тебѣ, кстати, расскажу тамъ: какъ поступать, чтобы быть благополучнымъ.

Въ паркѣ мы сѣли на скамейку одной изъ самыхъ отдаленныхъ аллей, оглядѣлись вокругъ и, какъ бы по уговору, сразу вздохнули.

— Слушай же, Петя, и запомни мои слова. Старшіе вездѣ любятъ помыкать младшими. Оттого и каждый писарь не преминетъ домогаться твоихъ, рядоваго, ему услугъ, но ты, никому не подчиненный, и не начинай никому услуживать; иначе тебя загоняютъ... Дурнаго про начальство ни при комъ ничего не говори: у насъ есть сплетники и, по ихъ наговорамъ, бываютъ непріятности. Дружбы ни съ кѣмъ не заводи: сослуживцы наши народъ, большею частью, невоздержный, а откровенность у насъ не въ модѣ. Деньги, которыя будешь зараба-

тывать (занятія у меня для тебя уже есть на примѣтѣ), никому въ долгъ не давай: отдавать не любимъ, благо стыдъ растеряли, да и жалованье наше скудное. Если спросишь: отчего же мы (въ департаментѣ до 300, а въ Петербургѣ до 6000 писарей) такъ дурны?—я тебѣ, по опыту, скажу,—отъ строгихъ законовъ, стѣсненій, да отъ собственной безпардонности. Мы, нигдѣ не бывая и ничего хорошаго не видя и не зная, часто по неволѣ портимся въ своемъ заколдованномъ кругу: люди мы преимущественно молодые, алчущіе развлеченій, удовольствій, а какъ ихъ нѣтъ,—то и мечемся какъ звѣри въ клеткѣ и пьянствомъ заглушаемъ свои чувства... Но ты до производства, по крайней мѣрѣ, въ писаря вина никакого, ради Бога, не пей, къ начальству будь почитителенъ, все, что прикажетъ—исполняй въ точности, а если не успѣешь—извинись, но безъ своихъ разсужденій; чего не поймешь—спроси меня, но наобумъ ни на что не рѣшайся.

— Спасибо тебѣ, Федя, за предупрежденіе обо всемъ,—горячо отозвался я.—Я буду вести себя именно такъ, какъ ты совѣтуешь. Какъ же, однако, въ полку васъ считаютъ счастливыми, говорятъ, что вы отлично живете?

— Повторяю: въ сравненіи съ полковыми да; но по здѣшнему—нѣтъ. На нашъ счетъ ошибаются, потому что, во-первыхъ—«тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ», а во-вторыхъ—объ насъ судятъ только «по платью»: наши красивые сюртуки, сѣроймечейя шинели, да кой-какіе часишки подкупаютъ въ нашу пользу. Но вѣдь на добычу денегъ на эти вещи мы цѣлыми годами горбъ гнемъ, глаза портимъ! Начальствомъ департамента мы, точно, довольны: оно никого не обижаетъ, порядочныхъ—награждаетъ, производитъ и въ чиновники, за выслугу 20-лѣтняго срока, а нѣкоторыхъ, лучшихъ, и за 12 лѣтъ.

— Давеча, напротивъ, какой-то писарь въ сортирѣ ужасно ругалъ самого даже директора. Неужели онъ не производитъ въ писаря собственно за малый ростъ?

— Да, правда, но ты не смущайся: получишь галуны и безъ него. Между нами, помни, говоря: нѣмчура этотъ дѣйствительно осель и что вдолбить себѣ въ башку,—того изъ нея и клещами не вытащишь. Онъ плохо понимаетъ по-русски; поэтому бумаги, въ которыхъ есть подскобки, ни за что не подпишетъ: онѣ, по его мнѣнію, подложныя. Чтобы не пропустить подскобокъ, онъ смотритъ всѣ бумаги у окна, на свѣтъ.

— Фи мой подфотить закотель?—кричитъ онъ, найдя подскобку.—Н нѣтъ, мой такатался!..

И онъ рветъ бумагу пополамъ и возвращаетъ ее для переписки. Также не выносить нѣмчура не только писарей, но и офицеровъ и чиновниковъ малаго роста. Онъ терпѣть не можетъ и подписей мелкихъ лицъ на бумагахъ съ росчерками. Съ полгода тому назадъ онъ замѣтилъ разъ на бумагѣ росчеркъ адъютанта одесскаго округа и приказалъ вытребовать винов-

наго на его счетъ, въ С.-Петербургъ по эстафетѣ. Адъютантъ, на его счастье, оказался высокаго роста, бравый мужчина, да еще съ нѣмецкою фамиліею. Вотъ и предсталъ онъ предъ директоромъ. Онъ смѣрилъ его пытливымъ взглядомъ, узналъ его фамилію, смягчился, помолчалъ и, указывая на росчеркъ, спросилъ:

— Фи какъ монять кручки писать?

— Виновать, ваше превосходительство; мнѣ нечаянно руку подтолкнули, она сорвалась съ перомъ со строки и вышла росчеркъ.

— Финовать, финовать?.. фуй! Пиши карашо, а за «финовать» — поѣшшай томой на свой проконъ, — рѣшилъ директоръ.

— И дорого обошелся сѣциеру росчеркъ? — освѣдомился я.

— Рублей, говорили, въ четыреста. Вотъ тоже на моемъ дежурствѣ въ одинъ день случились, намедни, съ нѣмчурой двѣ потѣшныя оказіи. Онъ на всѣхъ бумагахъ пишетъ резолюціи только троякаго рода: «по закону», «читаль» и «къ дѣлу». Богатый, бойкій купецъ Орловъ многократно жаловался на затяжку расчета съ нимъ за постройку казармъ, но директоръ на всѣхъ его прошеніяхъ писалъ: «читаль». Орловъ это узналъ, явился въ департаментъ и началъ сѣтовать на медленность разрѣшенія его просьбъ.

— Та, я тѣой прошенья шиталь, шиталь, — удостовѣрилъ его нѣмчур.

— Мои прошенья для вашего превосходительства не газеты, чтобы ихъ только читать: онѣ требуютъ вашего распоряженія о выдачѣ мнѣ денегъ; значитъ вамъ слѣдовало писать: «удовлетворить претензію Орлова», а не «читаль». Изъ этого «читаль» мнѣ никакого прока нѣтъ.

— Ты, музыкъ, мой упить? фонь! фонь!

— Ни кричать на меня, ни гнать меня вонъ вы не смѣете: я самъ первой гильдіи купецъ и могу говорить правду. По вашему непониманію по-русски — вамъ нельзя быть директоромъ: вы только дѣла тормозите, да убытки намъ и казнѣ причиняете. Я буду на васъ жаловаться министру; не разсудить — самому государю: я вездѣ дорогу найду.

— Ты на мой кришать, ты мнѣ крубить? Фонь, фонь его, тур рака!..

Орлова, разумѣется, выгнали, но рѣчь его всѣмъ понравилась. Вечеромъ фельдъегерь привезъ отъ министра «весьма нужную» бумагу, на которую тотчасъ же требовался отвѣтъ. Дежурный чиновникъ снесъ бумагу Пидару (фамилія директора), но тотъ написалъ резолюцію «къ дѣлу». Чиновникъ доложилъ ему, что эта резолюція не годится, получилъ отъ него нагоняй и приказаніе тотчасъ же пришить бумагу къ дѣлу, а послѣднее доставить къ нему. Чиновникъ все это исполнилъ и ждалъ, что будетъ дальше. Часа черезъ два явился фельдъегерь за отвѣтомъ, чиновникъ свелъ его къ Пидару, но онъ обѣихъ

ихъ выгналъ. Наконецъ уже около двухъ часовъ ночи министръ послалъ прямо къ Манилову, а онъ, вмѣстѣ съ правителемъ, разбудили Пилара, взяли у него дѣло, составили и отправили отвѣтъ.

Отъ долгой ходьбы и жары у насъ въ горлѣ пересохло и мы проголодались. Мы и зашли изъ парка напиться чаю и закусить въ самый мизерный трактиръ, но и тамъ помѣстились на «черной половинѣ». Покуда намъ готовили закуску—Моронковъ спросилъ газету. Половой подаль «Сѣверную Пчелу».

— Да это прошлогодняя, — замѣтилъ Моронковъ.— Нѣтъ-ли нынѣшняго, если не числа, то по крайней мѣрѣ хоть мѣсяца?

— Тѣ на чистой половинѣ полагаются, — объявилъ половой, — потому ужъ извините, не могу вамъ представить.

— А нельзя-ли намъ перейти на чистую половину? освѣдомился я.

— Конечно бы можно-съ: буянить, чай, не станете, но ежели наткнетесь тамъ на придирчиваго полицейскаго, али на офицера — и васъ подтянуть, да и намъ не сдобровать, зачѣмъ пустили.

— Обойдемся, Петя, лучше безъ газеты, чѣмъ рисковать нарваться на исторію, — рѣшилъ Моронковъ.— Поѣдимъ и пойдёмъ домой.

Мы такъ и поступили. Всѣ событія, происшедшія въ теченіе первыхъ же сутокъ моего пребыванія въ Петербургѣ, навѣяли на меня грустное разочарованіе...

Мнѣ предчувствовалось, что счастье, о которомъ я мечталъ. — мыльный пузырь; по этому, не смотря на усталость, — я почти всю ночь продумалъ о своей долѣ, но какъ ее исправить — я не имѣлъ, разумѣется, никакого понятія..

XII

Будничная жизнь писарей.

Сѣ слѣдующаго-же утра я завертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, — въ писарскомъ водоворотѣ... Всмотриваясь въ окружающее и я началъ соглашаться съ мудростью пословицы, что «только тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ». Мало по малу я, однако, привыкъ къ новой своей жизни, которую изъ любопытства, вскорѣ же узналъ до мельчайшихъ подробностей, а какова она была, изображу дальше въ главныхъ чертахъ.

Подобные мнѣ новички, по неимѣнію кроватей — по нѣскольکو мѣсяцевъ сряду спали: въ комнатахъ — на полу, въ столовой — на скамейкахъ и въ департаментѣ — на сдвинутыхъ стульяхъ; утромъ и вечеромъ прилежно прислуживали исправ-

нымъ писарямъ, за что тѣ поили ихъ чаемъ и водили съ собой, на свой счетъ, въ баню. Прикомандированнымъ кантонистамъ никакого жалованья не полагалось, имъ негдѣ было достать ни гривенника на штемпельный конвертъ, ни 5 к. на баню, они и бродили оборванными, грязными, страдали отъ чесотки, заболѣвали, отсылались въ госпиталь и тамъ умирали, преждевременно, безъ всякаго къ нимъ сожалѣнія...

Собственно департаментское начальство обращалось съ писарями вообще прилично, безобидно. Обязывались писаря исключительно переписывать (сочиняли чиновники), а послѣ должности: одни—уходили на частныя свои залятія; другіе—дома писали почти ночи на пролетъ; третьи—слонялись до одуренія, изъ угла въ уголъ и на досугъ судачили обо всемъ и обо всѣхъ; четвертые—разносили за подачки, постороннимъ офицерамъ, чиновникамъ и подрядчикамъ такъ называемыя «канцелярскія тайны»—справки о чинопроизводствахъ, наградахъ, лакансiяхъ, цѣны на матеріалы, смѣты построекъ и т. п.; пятые—дѣлали гильзы и папиросы, торговали ими, а келейно—и водкой; для полученія же большого барыша разбавляли ее водой и отпускали въ долгъ до жалованья.

Къ девяти-десяти часамъ вечера комнаты напоялись возвращавшимися «со двора» писарями. Всѣ принимались: ѣсть, пить, хвастаться своими успѣхами, уловками, спорили, шумѣли, играли въ «дурачки» «три листика», либо и въ «преферансъ» даромъ, а иногда и на деньги; при этомъ иные плутовали, это замѣчали и тогда игра кончалась ссорой, не то и дракой. Чтеніе втихомолку книгъ также продолжалось, не смотря и на экзекуторскій запретъ, но если замѣченный въ этомъ вольнодумствѣ—провинялся въ чемъ либо и другомъ, то непременно познавалъ вкусъ розогъ. Пьяные рѣдкую ночь не лишали трезвыхъ сна, мѣшали имъ читать, писать, часто портили ихъ работу,—плоды просиженныхъ ночей. Оттого предусмотрительные писаря уходили писать въ департаментъ, гдѣ принуждены были сидѣть въ застегнутыхъ сюртукахъ, тогда какъ дома могли работать въ халатахъ, въ рубашкахъ, что было, конечно, удобнѣе, свободнѣе.

Въ праздничные и особенно въ дни полученія жалованья трезвымъ, исправнымъ писарямъ поневолѣ приходилось скрываться изъ дома: они, своимъ одобрительнымъ поведеніемъ, вселяли въ другихъ ненависть противъ себя. Ихъ и старались раздражать, вовлекать въ скандалы, а когда они не поддавались—ихъ дразнили, укоряли, бранили, иногда даже и били.. И они должны были владѣть желѣзною силою воли, чтобы не примкнуть къ товариществу, не сбиться съ толку!.. Выдерживали искушенія, прибавлю, не многіе, а остальные преумножали собою число нарушителей суровыхъ порядковъ, забіякъ, пьяницъ... Нѣкоторые прорывались, впадали въ пороки и вслѣдствіе особенной ихъ чувствительности. Былъ, помню, испра-

ный, степенный молодой человекъ Яковлевъ. Вдругъ онъ запыль, сталъ проматывать вещи. Меня это удивило и я присталъ къ нему съ разпросами о причинѣ его паденія.

— Причина, братъ, самая простая: я ужасно любилъ свою мать,—отвѣтилъ онъ хотъ и выпивши, но сквозь слезы.—Она жила въ нянькахъ у господъ, версть за 400 отсюда, въ г. Гдовѣ, откуда, пять лѣтъ сряду, прѣвзжала ко мнѣ три-четыре раза въ годъ, не могла налюбоваться на меня, все свое жалованье отдавала мнѣ, на нужду. Но вотъ ея барыня прислала мнѣ письмо, что она сильно захворала и потому просить меня прѣвхать проститься съ ней.. Я проситься въ отпускъ, а мнѣ отказъ, какъ шесть: отпуски намъ видишь-ли, дозволяются, не ранѣе, какъ по выслугѣ 10 лѣтъ! Какъ я ни умолялъ, къ кому ни обращался, всё остались глухи и нѣмы къ моей, кажется, уважительной, просьбѣ.. Чрезъ три недѣли меня извѣстили, что мать скончалась, но и предъ смертью даже бредила мною!! Я прочелъ письмо, очумѣлъ и въ тотъ же вечеръ напился и пью, пью, чтобы заглушить боль, обиду, горе..

— Но вѣдь за дурное поведенье васъ, пожалуй, постигнетъ еще новая, худшая бѣда?

— А пусть себѣ постигаетъ: вмѣстѣ съ матерью я потерялъ рассудокъ, все душевное спокойствіе и мнѣ теперь все равно.

Онъ азартно махнулъ рукой и отправился кутить. Моронковъ подтвердилъ мнѣ справедливость словъ Яковлева, который сдѣлался такимъ отчаяннымъ, что даже въ кабакахъ дрался, а тамъ ему такъ разбили бока, что онъ чрезъ три мѣсяца умеръ въ госпиталѣ.

Другой красивый, симпатичный и тихій молодой же писарь Кругловъ, ни съ того ни съ сего, началъ исчезать ночами, когда всё уже спали. Это замѣтили и за это его многократно сажали въ карцеръ, но наказаніе это на него не дѣйствовало. Мало того, никому изъ товарищей ни разу не проговорился онъ ни о томъ, какимъ способомъ удавалось ему пробираться за ворота, мимо часовыхъ (ихъ ставили именно для того, чтобы ночью никого не выпускали, да замѣчали впускаемыхъ запоздалыхъ) ни куда и зачѣмъ отлучался. Наконецъ, однажды ночью у его сосѣда по кровати пропалъ сюртукъ и на него пало подозрѣніе въ кражѣ этого сюртука. Между тѣмъ среди писарей держался обычай воровавшихъ у товарищей—начальству не выдавать, чтобы не марать общей писарской чести, не быть причиною дранья и ссылокъ собратовъ. Въ силу этого обычая жившіе съ Кругловымъ въ одной комнатѣ пять писарей приступили къ допросу его.

— Не ты ли, братъ, взялъ мой сюртукъ?

— Я, именно я, но не взялъ, а укр-ралъ!—твердо съ злодствомъ отозвался онъ.—Да, укр-ралъ!..

— Куда же ты его дѣвлять?

— Бросилъ въ помойную яму сосѣдняго дома.

— Если правду говоришь,—какой же тебѣ былъ интересъ брать сюртукъ?

— Я укралъ твой сюртукъ вовсе не ради интереса, а чтобы совѣмъ пропасть...

— Сюртукъ стоилъ мнѣ 10 р., заработанныхъ трехмѣсячными бессонными ночами, а онъ на-ко? въ помойную яму его бросилъ!. Ты, значить, съ ума спятилъ.

— Нѣтъ: я въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

— Такъ что же, наконецъ, тебя понудило на эту выходку?

— Чтобы меня скорѣй разжаловали и сослали: мнѣ въ Петербургѣ жить тошно, отвратительно.

— Часъ отъ часу не легче! Жить всѣмъ намъ, думаю, не легко, но изъ за этого мы, однако не таскаемъ чужихъ вещей? Надоѣло тебѣ жить — кинулся бы въ Неву, повѣсился бы, но не вредилъ бы другимъ.

— Я бы съ удовольствіемъ утопился, или удавился, да храбрости не хватаетъ. Я мучаюсь, скажу ужъ вамъ, такъ и быть, прямо: отъ любви-ви!..

— И потому таскаешь чужіе сюртуки? Ха-ха-ха!

Слушатели поддерживали смѣхъ

— Эхъ вы, скогы безчувственные, — ругнулъ смѣявшихся Кругловъ.—Я люблю, меня любятъ, но до 12 лѣтняго срока, когда намъ жениться позволяется,—я не дослужилъ 7 еще лѣтъ, ну и страд-даю...

Голосъ его оборвался, на рѣсницахъ показались слезы... Всѣ разинули рты отъ любопытства, недоумѣнія.

— Полно тебѣ чухъ-то говорить! Ежели любовь чрезъ чуръ ужъ обуяла васъ—можете пользоваться ею и безъ вѣнчанья. Это у васъ дѣло, кажется, самое обыкновенное. Пускаться же, положимъ, и отъ безнадежной любви на кражи—глупо, пошло, да и невѣроятно!

— Я говорю вамъ сущую правду. Я вхожъ къ ней въ домъ, слышу женихомъ, ея родители люди достаточные, но строгихъ правилъ. Мнѣ надо женгться, или отсюда скрыться.

— Однако я изъ за твоей любви, будь она хоть ангельская,—все-таки не намѣренъ терять сюртука. Дай мнѣ росписку, что въ теченіе полгода выплатишь мнѣ за купленный у меня сюртукъ двадцать пять рублей и шабашъ, не то я обявлю... всѣ вотъ слышали твое признаніе

— Пожалуйста объяви: ты этимъ и мнѣ истинную услугу сдѣлаешь, да и самъ больше выгадаешь: когда меня сошлютъ, я оставлю тебѣ всѣ мои вещи, а они вѣдь стоятъ больше тридцати рублей.

— Полно, сумасбродъ, чепуху-то пороть! Всѣ подь Богомъ ходимъ и я тебѣ ни срама, ни зла не желаю.

— А коли такъ — прощ-шайте, братцы, да не поминайте лихомъ.

Круглозь поспѣшно ушелъ и больше уже не возвращался домой: чрезъ день писарю, лишившемуся сюртука, какой-то мальчикъ принесъ письмо отъ Круглова. Онъ извѣщалъ, что утопится отъ безнадежной любви и противной жизни, по этому всѣ свои вещи завѣщаетъ ему, взамѣнъ украденнаго у него сюртука, который тоже нашли въ мусорной ямѣ. А еще сутки спустя изъ Невы вытащили тѣло Круглова. На его похоронахъ очень плакала молоденькая, хорошенькая его невѣста, получившая отъ него длинное, страстное и прощальное письмо.

Примѣровъ трагической гибели людей у насъ было множество. Тѣмъ не менѣе о нравственномъ и умственномъ настроеніи писарей рѣшительно никто ни чуть не заботился. Напротивъ, о всякихъ самыхъ даже ничтожныхъ ихъ поступкахъ экзекуторъ аккуратно узнавалъ отъ своихъ шпионовъ: сторожей и писарей же. Свирѣпость его не знала удержа надъ тѣми, кто осмѣливался осуждать его заглазно. Вызывать, бывало, намѣченную жертву, внезапно, въ курьерскую, оттуда отвезуть въ пересыльную команду, а на другой день, — отправять на этапъ, для ссылки въ дальній гарнизонъ, рядовымъ. Все это рѣшалось секретно и быстро, чтобы департаментскіе начальники — чиновники не успѣли заступиться за своихъ, иногда и хорошихъ подчиненныхъ, повинныхъ въ пустякахъ.

Господствовавшій среди писарей, въ чемъ либо замѣченныхъ, страхъ о томъ, удастся ли имъ завтрашній день благополучно проносить галуны, — порождалъ и вотъ какіе факты. Одни не заводили себѣ никакихъ запасныхъ вещей, а попадавшія имъ деньжонки — проматывали. Ежели ихъ спрашивали: отчего они не имѣютъ второй пары сапогъ, бѣлья, для смѣны, — они, обыкновенно, отвѣчали:

— Не сегодня, такъ завтра, а навѣрное схватятъ и сошлютъ, такъ живо, что не успѣешь и вещей подобрать, ну ихъ завозить и не стоитъ; пропивавши же деньги чувствуешь меньше опасенія за то, что тебя ждетъ и легче на душѣ.

Другіе, мнительные старослужащіе, подъ влияніемъ того же страха женились, случалось, на первыхъ встрѣчныхъ женщинахъ, собственно потому, что женившіеся, до очистки казенныхъ свободныхъ помѣщеній, должны были жить на свой счетъ, въ ваемныхъ квартирахъ, и такимъ манеромъ они исчезали отъ надзора экзекутора и его шпионовъ.

— Что вы это вздумали на старости жениться безъ приданнаго и безъ близкаго знакомства съ невѣстою?, осведомлялись отъ жениховъ.

— Хочется пожить на «водѣ», а разуму женѣ, да средствъ чѣмъ жить, — авось Богъ дастъ, — рѣшали они.

Надежды ихъ на добычу средствъ въ большинствѣ случаевъ не сбывались и они чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сами охотно уступали свою свободу за казенную конуру, чтобъ деньги.

употреблявшіяся на плату за квартиру, ея отопленіе и освѣщеніе сберечь на пропитаніе.

Одинъ изъ такихъ писарей однажды пригласилъ Моронкова и меня къ себѣ на «новоселье», въ отведенную ему казенную квартиру, въ домѣ, который департаментъ нанималъ, для своихъ женатыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ осмотра цѣлаго этажа дома мы узнали, что, «квартирами» назывались разгороженные досчатыми стѣнками, конуры, достаточныя на установку кровати, стола, комода и 3—5 стульевъ. Изъ этихъ квартиръ были: однѣ—безъ оконъ, другія проходныя; третьи—возлѣ самыхъ дверей, или печекъ. Кухня полагалась одна на 5—8 семействъ. Мы подивились чрезмѣрной тѣсотѣ, духотѣ и шуму въ конурахъ.

— Квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ у насъ казенныя, значить даромъ можно бы еще жить,—успокаивалъ насъ, находившійся въ числѣ гостей, на «новосельи» семейный писарь, уже старикъ Епифановъ,—Главная наша бѣда въ кухнѣ, которую мы называемъ «кромѣшнымъ адомъ»: возлѣ печки цѣлые дни толкутся 5—7 женщинъ. Изъ нихъ то одна, очередная, рано затопитъ печь, то другая отодвинетъ отъ огня горшокъ третьей, то третья опрокинетъ плошку четвертой; то четвертая выставитъ, за недостаткомъ мѣста въ печкѣ,—кофейникъ пятой и т. д. За все про все наши бабы затѣваютъ перебранку, крикъ, а въ запальчивости обвариваютъ кипяткомъ другъ друга, разбиваютъ посуду другъ друга, вцѣпляются другъ другу, случается, въ глаза, въ косы до того, что и водой не разольешь!.. Всѣ наши скандалы доходятъ до экзекутора а онъ насъ сажаетъ въ карцеръ, за неумѣнье справляться съ женами, а нашихъ женъ при насъ же коститъ на чемъ свѣтъ стоитъ; тѣхъ-же, которыя, въ пылу обиды, дерзко ему отвѣчаютъ, отсылаетъ въ сѣзжую, а тамъ ихъ бьютъ, иногда дерутъ, либо и насилуютъ, какъ они сами рассказываютъ. Изъ сѣзжей возвращаются онѣ хворыми, либо потерявшими стыдъ, отпѣтыми... Послѣднія принимаются пьянствовать, таскать у сосѣдокъ все, что попало, даже говядину изъ горшковъ и наконецъ измѣнять мужьямъ и тайно и даже явно... Судьба обижаетъ насъ средствами и, наоборотъ, — щедро награждаетъ потомствомъ: въ любой конурѣ самое меньшее — пара ребятъ. Дневной шумъ ихъ еще сносенъ, но ночью хоть вонъ бѣги: плачь одного—подхватываютъ другіе и пронзительный ревъ 10—15 ребятъ оглашаетъ, цѣлыми часами, всѣ наши конуры... Своихъ мальчиковъ сдаемъ мы въ кантонисты, а о пристойномъ воспитаніи нашихъ дочерей—мы и думать не смѣемъ: не на что, ну и разрывается родительское сердце, глядя на нихъ, этихъ будущихъ горемыкъ. Не вѣрите мнѣ — послушайте уже сами: экзекуторъ обѣщалъ пожаловать учинить расправу двумъ писарскимъ женамъ, за то, что онѣ въ дракѣ горѣлыми стружками бросались.

— Чу! какъ легокъ на поминѣ,—перебилъ Груздевъ, у котораго мы были въ гостяхъ.—Экзекуторъ звякаетъ шпорами. Даша! прячь скорѣй графинъ съ водкой.

Жена Груздева, миловидная, молодая женщина, быстро схватила графинъ и рюмку, супула ихъ въ комодъ, заперла ящикъ, расправила на столѣ салфетку, налила намъ, въ стаканы чаю и поставила закуску. Въ свою очередь и мы застегнулись и завели самый скромный разговоръ о томъ, кто изъ писарей департамента красивѣе пишетъ.

Къ намъ дѣйствительно вошелъ, въ шапкѣ, въ сопровожденіи фельдфебеля и трехъ сторожей, экзекуторъ. Мы встали. Онъ окинулъ насъ пронизательнымъ взглядомъ и, обращаясь къ женѣ Груздева, спросилъ:

— Ты его жена?

— Да-съ,—робко отозвалась она.—Мы только что переѣхали...

— Не «да-съ», «а точно такъ ваше высокоблагородіе» должна ты отвѣчать мнѣ: я вашъ начальникъ.

— Извините пожалуйста: я, ваше вскоблагородье, испугалась:

— Пугаться меня нечего: я не волкъ. Веди себя, смотри, смиренно, почтительно, да и мужа воздерживай отъ буянства. Онъ у меня ужъ на примѣтѣ, и ежели попадетса еще разъ,—опшелъ-мую! Поним-маешь?

— Будьте, ваше вскородье, жалостливы,—взмолилась она.—Мы постараемся заслужить ваше вниманіе.

— Ты мнѣ ласы-то не точи,—а слушай и исполняй, что я говорю. Бабьимъ слезамъ я, помни, тоже не вѣрю: вамъ заплакать все равно, что..

Онъ прибавилъ непечатное слово, повернулся назадъ и пошелъ дальше, по корридору. Обращеніе его съ женою Груздева возмутило насъ и мы шепотомъ стали его бранить. Вдругъ изъ отдаленія донесся до насъ его голосъ. Мы наострили уши.

— Ты, Семенова, стерва эдакая, какъ смѣла бросать горѣвшія стружки въ кровать Аеонасьевой?—закричалъ Макаровъ.—Могла пожаръ сдѣлать, негод-дѣйка!

— Она меня ударила, я отъ боли, не стерпѣла... раздражительно отвѣчала женщина—Изъ этого ничего худаго вѣдь не вышло. Извините: я не стерва, а законная жена моему мужу.

— Молч-чать! А ты, мерв-завка, Аеонасьева, почему драку затѣяла?

— Лучше, ваше вскобродье, вамъ бы не вмѣшиваться въ наши бабьи дѣла: мы поссорились, положимъ и подрались, но уже и помирились.

— Я васъ, сволочей, такъ помирю, что вѣкъ не забудете. Отправь ихъ, Карповъ, обѣихъ въ часть!

— Простите, сдѣлайте божескую милость, простите! съ плачемъ у моляли Макарова обѣ женщины въ одинъ голосъ.

— Отправь, отправь! Тамъ васъ взбутетеныть, да и кстати ужь и... что перестанете бѣсноваться...

— Ваня, голубчикъ, милый. заступись, защити меня, несчастную...

— Довольно, ваше вскородье, и того, что вы ихъ срамите самыми скверными словами, говорите, что надъ ними честными женщинами, надругаются въ части, какъ надъ гулящими, — рѣзко закричалъ мужской голосъ. — Мою жену возьмутъ въ часть не раньше, какъ я здѣсь же лягу мертвымъ. Стой, Надя, за мной. Кто сунется къ ней — вотъ топоромъ на мѣстѣ же положу.

— Ого какой ты, Семеновъ, храбрый, — ѣдко, но тише замѣтилъ Макаровъ. Ладно, ладно. Карауль жену, до завтра, а тогда я съ тобой рассчитаюсь...

— Вамъ мало нашей крови, которую вы пьете, какъ водку, такъ хотите еще и всѣхъ нашихъ женъ сдѣлать публичными? Нѣ-ѣтъ! Довольно вы ихъ ужь испортили! Чтобъ вы со мной ни сдѣлали завтра, а сегодня я жену защищу: уходите, уходите, говорю вамъ, скорѣй, не то... я не ручаюсь...

Макаровъ почти убѣждалъ со своею свитою. Слѣдомъ за нимъ и Семеновъ съ женою, молодою еще женщиною, взяли по ребенку на руки и въ нашей толпѣ благополучно, благо было уже темно, выбрались на улицу и отправились почевать на волю, къ матери Семеновой.

Хоть жена Семенова съ ея матерью и ходили съ жалобою къ директору Подару и начальникъ отдѣленія Семенова вступился за него, но его чрезъ три дня все-таки разжаловали, отодрали и сослали въ Пермскій гарнизонъ.

XIII.

Повышеніе, униженіе и обиды.

ЗНАКОМИВШИСЬ съ безалабернымъ писарскимъ бытомъ, я, изъ самосохраненія, тщательно взвѣшивалъ, обдумывалъ каждое свое слово, движеніе; въ неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ сослуживцами и съ домашнею полиціею держался осторожно, по службѣ трудился неутомимо, а досуги посвящалъ частной работѣ, вмѣстѣ съ Моронковымъ. Заработанныя нами деньги-рублей десять въ мѣсяцъ, тратили мы аккуратно, со-обща, кому на что было нужно, безъ малѣйшаго, между собою, спора: дружбу вели мы не разрывную, одинъ безъ вѣдома другаго ничего не предпринималъ, даже прогуливались мы постоянно вмѣстѣ, такъ что многіе удивлялись нашей привязанности другъ къ другу, завидовали сходству нашихъ характеровъ, образа мыслей и поступковъ.

Прошло пять мѣсяцевъ. Я такъ удачно усвоилъ себѣ очеркъ Моронкова, что однажды, спѣшнѣй, большой докладъ министру переписали мы вдвоемъ и начальство затруднилось отличить: кто гдѣ изъ насъ кончилъ и началъ, хотя мы это сдѣлали среди страницы. За это, а равно за безукоризненную службу и поведеніе меня произвели, не въ примѣръ другимъ, съ утвержденія вице-директора, въ писаря 3-го класса къ Рождеству. Моей радости, а Моронкова — гордости не было, кажется, предѣла. Я написалъ о своемъ повышеніи крестному и онъ прислалъ мнѣ на обмундировку двадцать пять руб. Я обзавелся постельными принадлежностями (мнѣ отвели, наконецъ, и мѣсто, для кровати), сѣронѣмецкою шинелью и тонкимъ сюртукомъ.. Облачившись въ новенькія вещи въ самое Рождество, я впервые призналъ правдивость пословицы: «стерпится слюбится». Я надѣлъ галуны въ двадцать два года по списку, а въ восемнадцать лѣтъ отъ роду, когда въ полку многіе этого достигали едва въ тридцать лѣтъ. Съ десяти лѣтъ зналъ я Суворовскую поговорку: «плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ», а изъ писарей прямая была дорога въ чиновники. Чиновничество мнѣ и рисовалось уже впереди...

— Наша форма тебѣ очень къ лицу: ты въ ней просто картинка,—прервалъ мои мечты Моронковъ, оглядѣвъ меня кругомъ.—Теперь въ тебя любая модистка влюбится: онѣ очень падки на красивыхъ и молодыхъ писарей. Боюсь, какъ бы тебя не отбили у меня.

— Будь спокоенъ: никакую модистку я на тебя не промѣняю: мы съ тобой вмѣстѣ терпѣли невгоды, ты дѣлился со мной корками хлѣба, которыя твоя мать собирала. Христа ради, по городу и приносила въ кавтонистскія казармы; по твоей милости я вырвался изъ полка, а здѣсь дѣлишься всѣмъ по поламъ со мной; по твоимъ, наконецъ, хлопотамъ меня и произвели скорѣе, нежели другихъ. Все это я дорого, очень дорого цѣню,—кончилъ я и прослезился отъ избытка чувствъ.

— Я сдѣлалъ тебѣ, что могъ за то, что и ты дѣлился со мной гостинцами и деньжонками, какія, бывало, приносилъ отъ крестнаго; зато, что онъ выказывалъ моимъ голодавшимъ матери и сестрѣ участіе въ ихъ горькой долѣ, а началось и продолжалось все это лишь изъ за того, что ты со мной велъ дружбу. Значитъ мы поквитались. Слышишь, переваняваютъ ужъ: обѣдня начинается. Пойдемъ.—заклучилъ онъ, взглянувъ на свои карманные часы.

Я горячо, пламенно молилъ Бога, чтобы ниспослалъ мнѣ вмѣстѣ съ галунами счастье и сохранилъ мнѣ дружбу Моронкова, моего руководителя по торной нашей дорогѣ... Послѣ обѣда, чтобы пьяные сослуживцы не отравляли нашего умиротвореннаго состоянія духа, мы до поздняго вечера пробродили по улицамъ и домой возвращались, точно въ наказаніе: тамъ ждали насъ шумъ, гамъ, и кутежъ на всѣ лады. На другой

день въ сумеркахъ, около Александровскаго театра, какой-то человекъ присталъ къ намъ. чтобы мы купили у него билеты на спектакль, нахваливалъ самый спектакль и клялся намъ всѣми святыми, что никакому начальству мы тамъ не попадемся. Морюковъ колебался, но я, воспламененный своими галунами, — уговаривалъ, упрашивалъ его доставить мнѣ удовольствіе. Онъ, наконецъ, согласился. Мы заплатили по пятидесяти коп. за два билета, набожно перекрестились, пробрались, крадучись, въ театръ на самый верхъ, усѣлись на отведенныя намъ мѣста, благополучно насладились музыкою, значительною долею «Гамлета» и нетерпѣливо ждали, затаивъ дыханіе, что будетъ дальше. Вдругъ, когда «Гамлетъ» проговорилъ Офелію:

«О еслибъ... Ахъ, Офелія. О ангель
Въ своей молитвѣ чистой помани
Мои страшные грѣхъ»...

кто то силою сразу дернулъ насъ обоихъ сзади за воротники... Мы оглянулись и обмерли: это былъ жандармъ. Онъ буквально вытащилъ насъ за шиворотъ, въ корридоръ. Испугъ, отчаяніе, такъ сильно овладѣли нами, что мы упорно, но бессмысленно глядѣли другъ на друга, и не могли промолвить ни слова. Жандармъ грозно приказалъ намъ слѣдовать за нимъ и мы покорно, точно ягненки, повиновались. Онъ впустилъ насъ въ какую-то темную коморку и исчезъ. Минуть чрезъ пять сознаніе вернулось къ намъ, мы замѣтили лучъ свѣта, проникавшій къ намъ сквозь замочную скважину, приблизились, на ципочкахъ, къ скважинѣ, приложили, по очереди, къ ней ухо и услышали, что съ наружи кто-то звѣнулъ. Мы и взмолились къ этому человекъ о пощадѣ насъ.

— Дадите пять руб., — такъ и быть выпущу, отозвался, наконецъ, чей-то голосъ.

— Отдадимъ всѣ деньги, какія при насъ есть, если уважите нашу просьбу. Ради Бога, отпустите.

— А почему я знаю, сколько у васъ денегъ-то? За какіянибудь копѣйки я не намѣренъ брать на себя отвѣтъ за вашъ побѣгъ.

— Пяти рублей, правда, не имѣемъ, но рубли, руб-бли, ей Богу, достанете. Зайдите сюда, общите насъ и берите всѣ наши деньги, а покажется мало хоть и шинели наши добровольно отдадимъ, за освобожденіе.

— Окромѣ денегъ, мнѣ ничего не надо, а дешево освободить васъ не стоитъ: придется нахлобучку получить, такъ ужъ было-бы хоть за что. Господи благослови.

Онъ, — старикъ капельдинеръ, въ ливреѣ отперъ дверь, вошелъ къ намъ, затворилъ за собой дверь, зажегъ огарокъ свѣчи, молча осмотрѣлъ насъ, общарилъ всѣ наши карманы, набралъ изъ нихъ, помню, три руб. сорокъ пять коп., спрятать

деньги въ свой карманъ, вернулся къ двери, постоялъ, подумалъ, махнулъ въ воздухъ рукой и проговорилъ намъ:

— Молите Бога за мою жалостливость къ вамъ, шалыганамъ. Иной бы шинелишки съ васъ содралъ, а я нѣтъ: добрую душу имѣю, — малымъ довольствуюсь... Бѣгите прямо внизъ по лѣстницѣ. Маршъ!

Мы бросились въ распахнувшуюся дверь, вылетѣли на улицу и дальше стрѣлой. Потомъ убѣдившись, что насъ никто не догоняетъ, — приостановились, перевели духъ и пошли скорымъ шагомъ, но до воротъ дома ртовъ не разѣвали: точно столбнякъ на насъ напелъ.

— Счастливо, слава Богу, отдѣлались, — въ одинъ голосъ произнесли мы, перешагнувъ порогъ калитки. — И натерпѣлись же за то страху!..

— Никому, Петя, помни, ни слова объ этомъ, — предупредилъ меня Моронковъ, уже на лѣстницѣ. — Еще захочешь въ театръ?

— Нѣтъ, никогда. Прости, что сбиль тебя: я совѣмъ было ошалѣлъ, надѣвши галуны.

— Да и я-то умень: на «авось» поддался! Это намъ ур-рокъ!

На слѣдующее утро мы, на послѣдній, оставшійся дома рубль, — отслужили, въ церкви, молебень за избавленіе насъ отъ грозившихъ намъ тяжкихъ послѣдствій посѣщенія театра. Мы были, впрочемъ, наказаны за свое легкомысліе двойнымъ манеромъ: недѣлю оставались безъ чаю, не на что было его купить, да даромъ переписали двадцать девять листовъ: мы получали по пятнадцати коп. за листъ, а на театръ ухлопали четыре рубля сорокъ пять коп.

Переписывать бумаги, сочиненія брались мы всякія отъ разныхъ лицъ, но чаще всего снабжалъ насъ работою отставной маіоръ Великопольскій. Онъ, упорный старикъ, лѣтъ 20 сряду, вель споръ съ Вольно-экономическимъ Обществомъ за отказъ въ привиллегіи на изобрѣтенный имъ способъ выдѣлки льна изъ какихъ то волокнистыхъ растений. На усовершенствованіе этого способа онъ, нѣкогда богатый помѣщикъ, закладывалъ и перезакладывалъ свои имѣнія, совершенно разорился, но продолжалъ отстаивать свою мысль, подавалъ, по всюду пространныя прошенія, докладныя и памятныя записки, а между этимъ главнымъ его дѣломъ, — сочинялъ и переводилъ съ иностранныхъ языковъ стихи, комедіи и водевили. Въ Петербургѣ не было, кажется, ни одного присутственнаго мѣста, куда бы онъ не шлялся со своими проектами, жалобами и записками. Писаря всего Петербурга коротко знали его: то какъ давальца работы, то какъ собирателя справокъ. Онъ хаживалъ къ намъ въ казарму и рассказывалъ намъ, что не можетъ добиться толку оттого, что всѣ, отъ кого зависитъ выигрышь его дѣла, взяточники, мошенники, не хотятъ даромъ дать ему, честному человѣку, возможности облагодѣтельствовать, своимъ способомъ, всю Россію. Почти въ этихъ же выра-

женіяхъ подавалъ онъ множество прошеній даже и на Высочайшее имя. Ему многократно запрещали это дѣлать, отбирали отъ него въ томъ подписки, но все это отнюдь не мѣшало ему еще рѣзче излагать дальнѣйшія жалобы и добиваться даже денежныхъ пособій отъ правительства. Свою неприкосновенность объяснялъ онъ тѣмъ, что многіе знатные генералы въ критическихъ случаяхъ заступались за него, какъ за большаго ихняго, въ молодости, товарища. сослуживца *).

У этого-то Великопольскаго Моронковъ и встрѣтилъ разъ молодаго офицера въ аксельбантахъ, съ георгіевскимъ и нѣсколькими другими крестами на шеѣ и на груди. Онъ квартировалъ по одной лѣстницѣ съ Великопольскимъ и познакомился съ нимъ, а Великопольскій радъ былъ всякому слушателю его разказовъ о «способѣ выдѣлки льна изъ волокнистыхъ растений,» по этому ни чуть не интересовался истиннымъ положеніемъ своего сосѣда. Офицеръ этотъ звалъ къ себѣ Моронкова, назвалъ ему адъютантомъ какого-то штаба и предложилъ ему переписать, на бланкѣ штаба, свидѣтельство о выдачѣ капитану Шимковскому, изъ Коммисаріатской Коммисіи, тысячи рублей. Моронковъ, ничего не подовѣвая, — исполнилъ просьбу офицера, получилъ отъ него за трудъ рубль и ушелъ.

Минувало довольно долгое время. Вдругъ правитель канцеляріи поввалъ Моронкова и меня къ себѣ въ кабинетъ, показавъ намъ ту самую бумагу, которую Моронковъ переписывалъ офицеру и спросилъ: кто изъ насъ писалъ? Моронковъ призвался. что онъ и подробно разказалъ какъ это случилось.

— Я такъ и думалъ — произнесъ Вавиловъ. — Но на этомъ бланкѣ подложно подписалъ требованіе денегъ самъ офицеръ; онъ же приложилъ фальшивую печать, получилъ деньги и промоталъ ихъ. Все это открылось, офицера посадили, отдали подъ судъ, какъ за эту продѣлку, такъ и за то, что носилъ аксельбанты, кресты и капитанскіе эполеты, когда онъ только прапорщикъ, просрочившій отпускъ. Дальше обнаруженъ и ты, переписавшій бумагу. Писарямъ, разными приказами по министерству и департаменту неоднократно запрещалось заниматься частною перепискою *); по этому министръ, узнавъ о

*) По семеновскому полку 1815—1825 годовъ. Онъ разказывалъ о своемъ знакомствѣ съ тогдашними поэтами Рыльевымъ, Одоевскимъ, Пушкинымъ и другими.

*) Вотъ любопытное содержаніе одного изъ такихъ запретительныхъ приказовъ, отъ 29 Ноября 1850 г. № 632 «До свѣдѣнія г. Военнаго Министра дошло, что писаря военнаго вѣдомства допускаются къ занятіямъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, отчего не рѣдко возникаютъ безпорядки какъ въ мѣстахъ ихъ служенія, такъ и въ тѣхъ управленіяхъ, въ кои они принимаются для занятій. Его свѣтлость сдѣлавъ, въ отклоненіе сего на будущее время, сношеніе со всеми министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, изволилъ предписать департаментамъ принять самыя строгія мѣры, дабы писаря ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы къ занятіямъ въ другихъ управленіяхъ.

случившемся, циркулярно вновь строжайше воспретилъ писарямъ всякія частныя занятія. Наконецъ, тебя, какъ причастнаго къ дѣлу Шимковскаго, ордонансъ гаузь требуетъ теперь къ себѣ для содержанія подъ арестомъ. Вотъ неосмотрительность какую иногда, порождаетъ неприятность.

Точно громомъ поразила насъ эта вѣсть.

— Я не могъ, помилуйте, на секунду сомнѣваться, что онъ не адъютантъ, не капитанъ и проч., — заговорилъ всхлипывая, Моронковъ. — Защитите, Василий Яковлевичъ: вы это можете.

— Успокойся: въ ордонансъ-гаузь сидѣть не будешь; за это я ручаюсь.

Вошелъ Госевъ и правитель передалъ ему о случившемся.

— Моронковъ тутъ, разумѣется, ни причемъ, — поддержалъ Госевъ. Я приглашу сюда съ вашего, Василий Яковлевичъ, согласія, оберъ-аудитора и мы сообща рѣшимъ: какъ лучше поступить. Попроши, Шумитинъ, пожалуйста, оберъ-аудитора къ намъ. По важному, скажи, дѣлу, сію минуту, чтобы пришель.

Оберъ-аудиторъ Адамовъ съ двумя своими помощниками тоже состоялъ въ подчиненіи правителя канцеляріи. Они (изъ писарей аудиторіатскаго департамента) считались главными юристами по уголовнымъ и гражданскимъ законамъ на все громадное вѣдомство департамента. Адамовъ не заставилъ себя ждать. Госевъ и Адамовъ сперва — перерыли множество зако-

Возлагая наблюденіе за точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ воли князя Александра Ивановича (Чернышова) на экзекутора департамента, я считаю нужнымъ, для успѣшнѣйшаго достиженія сего, предписать ему: 1.) Настоящій приказъ немедленно объявить писарямъ, кондукторамъ, топографамъ и прочимъ нижнимъ чинамъ въ полномъ ихъ собраніи и при томъ внушить имъ, что тѣ изъ нихъ, которые отнынѣ изобличатся въ нарушеніи воспрещенія заниматься въ другихъ управленіяхъ, будутъ неминуемо подвергнуты «разжалованію» и исключенію изъ департамента, со впесеніемъ штрафа въ формулярные ихъ списки и т. п. Для сего экзекуторъ обяванъ о подобныхъ нарушителяхъ тотчасъ докладывать мнѣ. 2.) Неослабно смотрѣть, чтобы нижніе чины и во время пребыванія въ казармахъ, не занимались перепискою дѣлъ, или бумагъ для постороннихъ вѣдомствъ и лицъ. Утого, кто въ такомъ занятіи застигнется — отбирать бумаги и передавать ихъ въ канцелярію департамента, для испрошенія моихъ, по этому предмету, приказаній. Независимо отъ сего приглашаю и гг. Начальниковъ Отдѣлений частей и столовъ содѣйствовать, со своей стороны, исполненію вышеизъясненной воли Его Свѣтлости, постояннымъ надзоромъ за подчиненными имъ писарями, кондукторами, топографами и проч., дабы они и въ присутственные часы отнюдь не дозволяли себѣ заниматься перепискою постороннихъ бумагъ, или отлучаться для какихъ бы то ни было частныхъ ихъ надобностей въ департаментъ, безъ разрѣшенія ихъ начальниковъ и съ вѣдома экзекуторской части. О тѣхъ, которые рѣшатся на подобныя дерзости тотчасъ же сообщать Экзекуторской части, для дальнѣйшихъ распоряженій, а вѣтя у нихъ бумаги передавать въ Канцелярію. Я исполнѣ увѣренъ, что гг. начальники отдѣлений, частей и столовъ, имѣя въ виду постоянное предписаніе его свѣтлости, не допустятъ для подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ никакихъ, въ этомъ отношеніи, послабленій, тѣмъ болѣе, что за послѣдствія сего могутъ отвѣтствовать и сами.

новъ, дѣль, потомъ составили со словъ Моронкова его показаніе, а по законамъ бумагу, о томъ, что въ преступленіи Шимковскаго Моронковъ не соучастникъ, а лишь свидѣтель, что о запрещеніи переписывать частнымъ лицамъ бумаги ему, Моронкову, объявляемо не было и бумагу съ показаніемъ въ тотъ же день отослали «секретно» въ ордонансъ-гаузъ, который вторично, однако, потребовалъ Моронкова, для содержанія подъ стражею. Департаментъ опять отказалъ и отказъ свесть въ ордонансъ-гаузъ самъ Адамовъ чтобы, по знакомству съ тамошними аудиторами, вразумить кого слѣдовало.

Тѣмъ временемъ, покуда шло препирательство, всѣмъ писарямъ объявили, чтобъ отнюдь не занимались частною перепискою и не отлучались изъ дома дольше чѣмъ на часъ. Распоряженіе это сразу лишило всѣхъ и свободы и грошевыхъ ихъ заработковъ. Это взволновало, естественно, всѣхъ. Нѣкоторые прилежно занялись розыскомъ причины, нашли и распространили ее... Моронковъ и я не знали какъ справиться съ одною бѣдою, а на насъ обрушилась еще и другая бѣда: на него, а кстати ужъ, и на меня, посыпались упреки, брань, проклятыя сослуживцевъ. Намъ ни покою, ни проходу нигдѣ не давали, желали намъ сквозь землю провалиться...

Наконецъ, Моронковъ пошелъ къ допросу въ ордонансъ-гаузъ съ депутатомъ, самимъ Адамовымъ, чтобы защитилъ его. Вопросъ: отпустить ли его оттуда, приводилъ насъ въ отчаяніе. Часы, которые онъ тамъ пробылъ, я ужасно волновался, разъ пять выбѣгалъ на улицу смотрѣть: не идетъ ли назадъ? Онъ вернулся опечаленный. Адамовъ долго пробесѣдовалъ съ Вавильевымъ и Госевымъ.

— Покажѣтъ окончательно убѣдятся въ твоей невинности, тебѣ, дѣлать нечего, надо потерпѣть—остаться жить здѣсь, но не въ карцерѣ, а въ комнатахъ департамента.—объявилъ Вавильевъ Моронкову предъ окончаніемъ присутствія.—Правота твоя, я увѣренъ, подтвердится, но дальше вести споръ неудобно, бесполезно. Вечерами можешь, когда захочешь, по часу, по два, прогуливаться и по улицамъ. Я запрещу тебя стѣснять.

Оставалось повиноваться. Я принесъ Моронкову въ департаментъ обѣдъ, подушку, одѣяло и остался съ нимъ горевать.

— Что же такое тамъ было?—спросилъ я, когда онъ поѣлъ.

— За столомъ присутствія сидѣли по три оберъ и штабъ-офицера, тамошній и нашъ аудиторъ. — началъ Моронковъ.— Предсѣдатель генераль крикнулъ мнѣ: «Чѣмъ даромъ тратить время, сразу лучше признайся: ты научилъ прапорщика сдѣлать поддогъ и получить деньги. Вы, писаря, на это вѣдь большіе мастера». Я съ испугу промолчалъ. Адамовъ заступился за меня, громко заявилъ комиссіи, что съ такимъ пристрастіемъ меня допрашивать нельзя. Предсѣдатель велѣлъ было ему молчать, но онъ не послушался и они посчитались. Потомъ я повторилъ заученное показаніе. Комиссія все-таки хо-

тѣла заключить меня подѣ стражу, но Адамовъ увѣрилъ ее, что я подѣ арестомъ въ департаментѣ, ко времени всегда явлюсь и поручился, что я не скроюсь. Тѣмъ, на этотъ разъ, обо мнѣ все и кончилось. При мнѣ же офицеръ страшалъ двухъ солдатъ Сибирью и спирутенами за то, что они отказывались подписать сочиненное имъ, отъ ихъ имени, показаніе. Когда же и угроза на нихъ не подѣйствовала,—офицеръ обѣщалъ заставить ихъ подписать подѣ розгами. Это всѣ члены слышали, но никто не обратилъ на это вниманія. Одинъ изъ тамошнихъ писарей пояснилъ мнѣ, въ корридорѣ, что не рѣдко, дѣйствительно вымучиваютъ желательныя показанія голодомъ, побоями. Вотъ въ какую инквизицію придется мнѣ таскаться!

Моронковъ заплакалъ. Глядя на него и я прослезился. То же самое дѣлали мы многскратно и потомъ отъ непрерывныхъ обидъ, какія причиняли намъ товарищи за лишеніе ихъ заработковъ и свободы изъ за нашего казуса.

Писаря, возмущенные стѣсненіями, чуть-ли не ежедневно посылали военному министру безъимянные письма о томъ, что за невозможный проступокъ одного—несправедливо карать всѣхъ писарей, тогда какъ завѣдомыя преступленія писарскихъ начальниковъ остаются безнаказанными. Особенно яростно обличали въ этихъ письмахъ по вашему департаменту Макарова. Онъ пронохивалъ объ этомъ и строже прежняго слѣдилъ, чтобы никто ничего частнаго не писалъ, да и внѣ дома больше часа не оставался; виновныхъ же въ нарушеніи этого правила сажалъ въ карцеръ, билъ и дралъ...

Въ это тягостное для насъ время одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ Малининъ вызвался справиться о положеніи дѣла Моронкова въ ордонансъ-гаузѣ, чрезъ своего товарища тамошняго писаря. Я и пошелъ съ Малининымъ въ сумеркахъ въ ордонансъ-гаузъ. Писаря мы дома не застали, долго напрасно его прождали и спѣшили домой по Невскому проспекту. На самомъ крутомъ концѣ Аничкина моста мы второюхъ не успѣли снять шапокъ предѣ офицеромъ.

— Эй вы, писаря, стой!—скомандовалъ онъ намъ, мгновенно сорвалъ съ Малинина шапку и держалъ ее въ рукѣ.—Я васъ, прохвостовъ, проучу!

Мы остановились. Я снялъ свою шапку. Мы извинялись, оправдывались, что не замѣтили его и просили его снисхожденія.

— Не замѣтили?! Я вамъ покажу, какъ не замѣчать офицеровъ. Я съ этой вотъ шапкой завтра зайду въ вашъ департаментъ *) и настою, чтобы васъ выдрали, а теперъ ступайте къ чорту.

*) На шапкахъ печатались буквы, означавшія какого департамента.

Малининъ посмотрѣлъ вокругъ и одной рукой вырвалъ у него шапку, а другою — всею силою толкнулъ его въ грудь такъ, что онъ полетѣлъ, вверхъ ногами, съ моста на панель, внизъ...

— Бѣжимъ, — дернулъ меня Малининъ

Мы благополучно прибѣжали домой и поклялись другъ друга не выдавать.

Взволнованный, дрожавшій отъ страха, явился я къ Моронкову. Онъ тотчасъ же замѣтилъ по моему лицу и голосу, что я въ бѣдѣ и освѣдомился о ней. Я не выдержалъ клятвы — передалъ ему о случившемся. Онъ вздрогнулъ, выронилъ перо изъ руки, подумалъ, переспросилъ, и наконецъ молвилъ:

— Богъ милостивъ, авось сойдетъ.

Трое сутокъ трепетали мы, мучились, а на четвертые наши чиновники вычитали, какъ рассказывали, изъ полицейскихъ вѣдомостей, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Малининъ толкнулъ офицера, нашли его съ проломленною отъ затылка головою... Опасеніе за собственную участь да и сожалѣніе къ офицеру вызвали во мнѣ горючія слезы.

— Судьбы Божіи неисповѣдимы: офицеру пострадать на роду было вѣрно написано, — утѣшалъ меня Моронковъ. — Богъ воздастъ каждому по его заслугамъ. И нашему вонъ Макарову тоже пришелъ, кажется, конецъ; я переписывалъ вечеромъ секретный докладъ объ удаленіи его съ должности экзекутора, по доносамъ на него... Значить, «нѣтъ худа безъ добра»: не случись бы со мной несчастія — не было бы притѣсненій, а отъ нихъ — доносовъ и Макаровъ долго бы еще издѣвался надъ нами.

На другой день правитель освободилъ Моронкова отъ проживанія въ департаментѣ. Отъ радости мы намѣревались уйти изъ департамента раньше трехъ часовъ, но насъ не выпустили изъ воротъ: всѣмъ писарямъ приказали собраться на дворѣ департамента. Мы выстроились фронтомъ. Я и Моронковъ были ни живы, ни мертвы: мы думали, что Малинина поступокъ открыли. Въ каре вошли Макаровъ, фельдфебель и, подъ конвоемъ сторожей съ пучками розогъ, писарь Бодолевъ, человекъ еще молодой, но отчаянный картежникъ и грубіанъ. Фельдфебель прочелъ приказъ о разжалованіи, наказаніи розгами и ссылкѣ Бодолева за дурное поведеніе, ношеніе партикулярнаго платья и отлучки ночами изъ дома.

— Сорвать съ него галуны! — скомандовалъ Макаровъ.

— Рвать не стоитъ: они уже подпороты и я самъ ихъ сниму съ себя, — запальчиво перебилъ Бодолевъ, мгновенно обрвалъ галуны съ сюртучнаго воротника и обшлаговъ, швырнулъ ихъ въ Макарова и прибавилъ:

— Я, какъ видите, братцы, разжалованъ за свои палости, а онъ, вотъ, Макаровъ, остается невредимымъ въ эполетахъ

Отъ души желаю вамъ, братцы, присутствовать также и при разжалованіи его, Макарова.

— Bravo, отлично сказано!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ка-акъ? вы, мои подчиненные, желаете, чтобы меня разжаловали? — переспросилъ Макаровъ, мгновенно побагровѣвъ отъ злости.

— Да, желаемъ, искренно, горячо желаемъ!—огласили воздухъ голоса писарей.

— Такъ это вы и доносы, значить, на меня дѣлали?

— Да, дѣлали, и не перестанемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока избавимся отъ васъ...

— О, въ такомъ случаѣ я ошибся въ васъ... — уже робко забормоталъ Макаровъ.—Его, не сѣченнаго, эй, фельдфебель, сейчасъ же отправить къ пересыльному начальнику; вы, господа, ступайте домой, а я... я понялъ, что я... Ну да чортъ васъ подери!..

Въ описанной сценѣ меня удивило общее единодушное желаніе Макарову несчастія, а его такъ сильно это поразило, что онъ тотчасъ же рапортовался больнымъ, а чрезъ недѣлю его уволили, безъ пенсіи, въ отставку...

XIV.

Окончаніе всѣхъ строгостей.

АКАРОВА замѣнилъ майоръ же, но нѣмецъ Заткуль, человекъ, какъ молва гласила, такой жестокой, что рота, которою онъ въ полку командовалъ, хотѣла «поднять его на штыки», но ему удалось во время выскочить изъ манежа, гдѣ это случилось. Попалъ онъ къ намъ за свой огромный ростъ, подкрѣпленный протекціею. Пидаръ приказалъ ему подтянуть насъ, взять въ «ежовыя рукавицы», но этому помѣшала его запальчивость. Онъ такъ ударилъ, однажды, сторожа по головѣ, что тотъ упалъ и умеръ... Писаря тотчасъ же послали объ этомъ нѣсколько безымянныхъ писемъ, которые повлекли за собою разслѣдованіе. Онъ и пригласилъ къ себѣ старшихъ по отдѣленіямъ писарей, предложилъ имъ сѣсть и курить. По этой неслыханной любезности писаря заключили, что онъ въ нихъ нуждается.

— Позвольте, господа, убѣдительно просить васъ поддержать меня,—началъ онъ.—Быть можетъ, сторожъ умеръ и отъ моего удара, но ударилъ я его, повѣрьте, отнюдь не съ намѣреніемъ убить. О его смерти не отъ удара я достану докторское свидѣтельство, а вы, надѣюсь, при опросѣ заявите, что я порядочный человекъ. За это я буду вамъ очень благодаренъ.

— Какое показаніе мы ни дадимъ — сторожа, все равно, не воскресишь, — отвѣтили представители писарей. — Но васъ одобримъ мы и, будьте увѣрены вполне, если только вы разъ на всегда освободите насъ отъ стѣсненія въ частныхъ напихъ занятіяхъ. въ отлучкахъ изъ дома, да будете человѣколюбивы

— Даю вамъ въ этомъ мое честное, благородное слово, которое, вотъ Богъ свидѣтель, исполню въ точности.

— Хорошо-ст. Мы умѣемъ и постоять за себя и вѣрить другимъ, но ежели въ васъ ошибемся, — изыщемъ, не забудьте средство поднять дѣло, благо насъ, свидѣтелей здѣсь много.

— Не сомнѣвайтесь, господа: я въ состояніи оцѣнить услуги, оказываемыя мнѣ въ критическія минуты.

Старшіе передали прочимъ рассказанное и просили не ударить въ грязь лицомъ. Всѣ обрадовались будущему своему благополучію и когда, черезъ день, на дворѣ департамента Маниловъ спросилъ всѣхъ собравшихся писарей, не обижаютъ ли ихъ Заткуль и не слышали ли они о причинѣ смерти сторожа — всѣ единогласно отозвались отрицательно, да еще прибавили прекрасный свой о Заткуль отзывъ.

Заткуль освободился отъ отвѣтственности за убійство сторожа, а писаря пріобрѣли свободу: понемногу начали отлучаться изъ дома и ночами, ходили въ партикулярномъ платьи, занялись частною перепискою, даже неблагонадежныхъ до 12 часовъ ночи не стѣсняли. Къ писарямъ по праздникамъ являлись въ гости ихъ знакомыя женщины, всѣ пѣли пѣсни и плясали подъ гитару, гармонию, до глубокой ночи. Читать тоже никому не возбранялось. Оттого досужими вечерами читали вслухъ, кружками, книги, иногда, когда не случалось пьяныхъ, и до разсвѣта, глядя по занимательности книги.

Однажды, часовъ въ 11 вечера, въ комнату, въ которой читали, ввалились, никѣмъ незамѣченными, совершенно пьяные, держась за руки, два человѣка. Одинъ старикъ писарь Максимовъ, а другаго, въ отставномъ офицерскомъ сюртукѣ, при слабомъ освѣщеніи (горѣла сальная свѣчка) никто и не узналъ. Они постояли, покачались, изъ стороны въ сторону, а потомъ Максимовъ вдругъ крикнулъ:

— Эй, вы! прячьте скорѣй книгу: экзекуторъ пришелъ и всѣхъ васъ передеретъ завтра за чтеніе. Вотъ онъ, полюб-буйтесь!.

Кто-то сорвалъ со свѣчи абажуръ. Всѣ взглянули и остолбенѣли: это былъ дѣйствительно Макаровъ, но уже не грозный, а отречанный, съ посоловѣлыми глазами, жалкій, нищій...

— Видите? — продолжалъ Максимовъ. — Но его высокоблагородіе теперь уже милостивъ, позволяетъ вамъ читать, благо экзекуторствуетъ уже не въ Департаментѣ, гдѣ просвѣщеніе вредно, а въ трактирахъ, да кабакахъ, гдѣ ученость полезна. Тамъ мы нечаянно встрѣтились, обрадовались другъ другу, расцѣловались и вспомнили старину... У его высокобродья въ карманѣ вѣтеръ свищетъ, и за то, что онъ меня въ карцеръ сажалъ, а

разъ даже выдраль, я угостилъ и пригласилъ его къ намъ ночевать: у него и квартиры нѣтъ!.. Правду ли я, ваше высокоблагородіе, говорю?

— Н—да, да... прошлаго, господа, не воротишь... сиплымъ голосомъ заговорилъ, съ разстановками, Макаровъ.—Я за свой крутой нравъ наказанъ... Я до послѣдняго дня не поним-малъ, какъ вы глубоко меня ненавидѣли, ну... Э-эх-хма! Мнѣ хуже, чѣмъ вамъ... А я вѣдь подполковникъ, двор-рянинъ.

Онъ прослезился, закашлялся и потупился.

— Такъ васъ и надо: тиранили насъ,—замѣтилъ кто-то.

— Оставьте, перестаньте, замолчите,—перебили нѣсколько голосовъ.—Богъ ему судья, а мы, ежели онъ удостоилъ насъ посѣщеніемъ, должны оказать ему участіе, вниманіе, гостепріимство.

— Вѣрно: упреки не умѣстны, гадки!

— Коли такъ, то чья кровать свободна?—продолжалъ Максимовъ.—Мы съ нимъ сыты и пьяны. Намъ и остается только спать лечь.

Всѣ были такъ тронуты участіемъ Макарова, что молча, почтительно раздѣли, уложили его и онъ тотчасъ же захрапѣлъ. Мало того: чтобы не нарушать его покоя, разбрелись по кроватямъ и улеглись спать, съ грустною мыслію о томъ, какъ «на свѣтѣ все измѣнчиво».

Макаровъ проснулся рано, поспѣшно одѣлся и намѣревался уйти; но Максимовъ удержалъ его и вмѣстѣ съ нимъ опохмѣлился, чай пилъ. Вѣсть о положеніи Макарова облетѣла, между тѣмъ, всѣ комнаты. Многіе писаря приходили на него посмотрѣть, вѣжливо кланялись ему, выражали свое соболѣзнованіе, а онъ подавалъ всѣмъ руку и нѣсколько разъ прослезился.

— О чемъ же вы плачете?—спрашивалъ его Максимовъ.—Одинъ Богъ безъ грѣха.

— Нѣтъ, я казнюсь, казнюсь!—отвѣчалъ онъ.—Я много людей погубилъ напрасно; изъ васъ мало такихъ, которымъ я не сдѣлалъ зла, а теперь, когда я просто тварь, вы всѣ такъ обходительны со мной, жалѣете меня...

— Богъ милостивъ: еще поправитесь, а мы держимся пословицы: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ».

Макаровъ сдѣлался почти нашимъ сожителемъ: обѣдалъ, ужиналъ съ нами, ночевалъ у насъ, со многими, пьющими, но денежными писарями, сдружился до того, что они говорили ему «ты», посылали его за водкой и вмѣстѣ съ нимъ пили. Это продолжалось, впрочемъ, не долго: онъ заболѣлъ, его свезли въ больницу, гдѣ онъ вскорѣ же и умеръ. Писаря въ складчину похоронили его на свой счетъ. Въ вечеръ послѣ поминокъ много толковали о «суетѣ мірской».

— Макаровъ вотъ умеръ и баста: «мертвые сраму не имуть»,—заявилъ писарь Афонасевъ.—А вотъ живымъ, слышали-ли, что готовится?

— Что, кому?—посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Сегодня я узналъ объ отдачѣ подѣ судѣ начальниковъ нашихъ двухъ отдѣленій, четырехъ столоначальниковъ и нѣкоторыхъ писарей.

— За что? будто бы? какъ-къ?

— За стачку съ подрядчиками, которые получили сотни тысячъ за бараки, будто бы выстроенные ими въ Крыму, для войскъ, когда бараконъ этихъ и не думали даже строить. Главныхъ виновниковъ уже посадили: чиновниковъ на гауптвахту, а писарей въ ордонасъ-гаузъ...

— Сочиняютъ бумаги вѣдь чиновники, такъ писарей то за что же?

— Они переписывали подложные акты, разносили ихъ къ подписи, знали обо всемъ, но, за деньги, молчали.

— Ай, ай, какая исторія... фу, какъ скверно!..

— Да, скверная будетъ исторія. Какъ начнутъ докапываться и до другихъ, пожалуй, еще доберутся: чистыхъ начальниковъ у насъ вѣдь не много... Издавна подвѣдомственные Департаменту, командиры шлютъ нашимъ оброки, какъ помѣщикамъ. На эти оброки обзавелись одни—деревнями, другіе—домами, на имя, впрочемъ, своихъ женъ, хотя снѣ прежде и запасныхъ башмаковъ не имѣли, по бѣдности. Попались, кромѣ нашихъ, комиссаріатскіе и провіантскіе распорядители, за пріемъ, для войскъ: картонныхъ вмѣсто кожаныхъ киверовъ; сапоговъ со стельками, наклеенными на палитурѣ взамѣнъ подошвъ; вмѣсто живыхъ воловъ падалъ, сухари изъ муки пополамъ съ пескомъ и т. д.

— А наплевать намъ на то, въ чемъ обвиняютъ начальство! Писаря попались,—вотъ что гадко: опять всѣхъ насъ сожмутъ въ бараній рогъ

— Разумъ-мѣется, по пословицѣ: «паны дерутся, а у хлопцевъ чупрыны летятъ».

На слѣдующій день весь Департаментъ переполошился: нѣкоторыхъ чиновниковъ и трехъ полковниковъ, арестованныхъ уже не досчитывались. Нагрянула коммисія, перерыла и забрала съ собою множество дѣлъ. Недѣли двѣ сряду почти всѣ начальники отдѣленій и столоначальники шептались между собою, разбирали и приводили въ порядокъ разныя дѣла и бумаги, многія рвали и жгли въ каминахъ, видимо торопились очиститься отъ прегрѣшеній. Самъ даже Пидаръ бѣгалъ, по департаменту, какъ угорѣлый и уже никакого вниманія не обращалъ ни на чистоту, ни на ростъ писарей, чиновниковъ и офицеровъ.

Въ довершеніе переполоха вдругъ огласилось о смѣнѣ министра и о назначеніи, вмѣсто него, стараго генерала Тугочапета, человекъ, какъ толковали, чрезвычайно строгаго. Подтвердившаяся перемѣна собственно насъ коснулась вотъ чѣмъ: намъ приказали переписывать доклады какъ можно крупнѣе, потому что новый министръ, слабый глазами, требовалъ,

чтобы каждая буква казалась печатанною, отчеканенною, потомъ насъ созвали на департаментскій дворъ и тамъ мы прослушали о вступленіи министра въ должность приказъ, который многіе изъ насъ списали себѣ на память. Вотъ сохранившееся и у меня содержаніе этого оригинальнаго приказа. «Вступая въ отправленіе обязанностей, призвавъ въ помощь Бога,—потщусь употреблять всѣ силы, для исполненія долга службы по присягѣ. Надѣюсь найти во всѣхъ и въ каждомъ содѣйствіе и рвеніе. Ура! Боже Царя Храни! Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротяхъ, эскадронахъ, батареяхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ, къ министерству принадлежащихъ». Экзекуторъ, кончивъ громогласное чтеніе этого приказа,—воскликнулъ: «ур-ра!»—Ради поддержки его—и мы, человѣкъ 300,—дружно огласили воздухъ повгореніемъ «ур-ра» и пошли домой обѣдать съ единственнымъ желаніемъ, чтобы новый министръ, вслѣдствіе участія 3—5 писарей въ мошенничествахъ начальства,—не запретилъ всѣмъ намъ частныхъ занятій и не лишилъ бы насъ дорогой свободы. Желаніе это сбылось: противъ писарей министръ никакихъ строгихъ правилъ не предписывалъ, но за то работы сильно намъ увеличилъ, все требовалъ скорѣй, даже, случалось, ночью. При немъ безотлучно дежурили, по очередно, служившіе въ его канцеляріи: чиновники и писаря; изъ послѣднихъ нѣкоторые хаживали и къ намъ, ихъ товарищамъ, въ гости. Насъ интересовало знать: долго-ли, при новомъ министрѣ, продиректорствуетъ Пидаръ?

Со времени нашего крика «ур-ра» миновали двѣ недѣли. Насъ посѣтилъ, вечеромъ, одинъ изъ министерскихъ дежурныхъ писарей, человѣкъ, какъ увѣряли, очень памятливый и умный. Къ нему и адресовались съ разспросами относительно Пидара.

— Ему не сдобровать,—началь писарь.—Третьяго дня, на моемъ дежурствѣ, онъ явился къ министру съ докладомъ листовъ въ тридцать, если еще не больше.—Министръ, прохаживаясь по комнатѣ, въ которой сидимъ дежурные: чиновники, адъютанты, фельдъегеря и мы, писаря,—поздоровался съ нимъ и спросилъ его: о чемъ такой огромный докладъ?

— Тутъ все написали, —отвѣтилъ онъ, своимъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ.—Все ферну.

— Разкажите мнѣ краткое содержаніе доклада: мнѣ вашу тетрадицу теперь читать некогда.

— И ишлошеніе, и спрявки, и саконъ и саклушенъе фсе, фсе каршо есть,—продолжалъ Пидаръ, показывая на докладъ. Ошень тѣльну сосиненью.

— Я хочу отъ васъ узнать сущность вопроса, а вы мнѣ толкуете о сочиненъи? Я тороплюсь въ Совѣтъ, поймите меня! Пидаръ, —какъ фельдъегерь послѣ перевелъ намъ,—по нѣмецки попросилъ не конфузить его въ присутствіи мелкихъ под-

чиненныхъ, а удалиться съ нимъ въ кабинетъ, гдѣ они и объяснятся обо всемъ.

— Я, русскій министръ, долженъ слушать доклады директоровъ русскихъ департаментовъ по русски же.

Пидаръ настаивалъ на своемъ, по нѣмецки же.

— Коли вы, русскій генераль-лейтенантъ, толкомъ не умѣете говорить по русски, то напрасно служите директоромъ русскаго департамента: отъ вашего непониманья по русски у васъ и развелись воры, мошенники, которые подсовывали вамъ всякія безобразія, а вы ихъ подмахивали. Разумѣете меня?

— Такъ мой опидну слюшайтъ: я слюзить благородну, сесну многу кадовъ... Мой былъ посетѣ всегда.

— Обижайтесь или не обижайтесь, а я говорю вамъ правду. Съ докладомъ пришлите ко мнѣ вашего вице-директора Манилова, а по нѣмецки я служеб-бныхъ объясненій вести, ну прямо сказать вамъ, не только не желаю, но не могу: плохо понимаю. Прощайте.

Онъ кивнулъ Пидару головой и ушелъ. Пидаръ покачалъ головой и весь красный, какъ ракъ, поплелся вспять.

— Прекрасно, право, прекрасно поступилъ министръ,—злорадствовали мы.—Такъ его, нѣмчуру, и надо. Значитъ скоро избавимся онъ него, анаф-фем-мы!..

— Послѣ афронта, какой Пидаръ получилъ,—прошелъ по канцелярїи слухъ, что его вытуряютъ. Я и завернулъ къ вамъ, главнымъ образомъ, рассказать объ этомъ. для свѣдѣнія.

Мы освѣдомились, какъ министръ обходится съ другими? Онъ отвѣтилъ, что ни кому, кто домогается неправильнаго, спуску не даетъ.

— Что же, распекаетъ?

— Еще ка-акъ!.. Инженерный, напимѣръ, директоръ вздумалъ проситься у него въ отпускъ. «Въ отпускъ вы, генераль, торопитесь,—замѣтилъ ему министръ,—а крыши казармъ всѣ стгнили, потому что ремонтныя деньги ваши инженеры всѣ раскрали! Объ этомъ вы небось молчите. Э-хм-ма! Распорядитесь: сперва—починить казарменные крыши, потомъ—водворить, между своими инженерами честь, совѣсть, а затѣмъ и съ Богомъ...

— Коль скоро вы такъ выражаетесь, я совѣмъ отказываюсь отъ должности,—произнесъ, вспыхнувъ, полный генераль Генъ.—Я не привыкъ къ такимъ упрекамъ...

— Вы вольны поступать какъ вамъ угодно. Я васъ удерживать не смѣю, а въ преемники вамъ—охотниковъ много явится. До свиданія.

Горячая также схватка была у министра съ молодою, красивою и чудесно расфранченною генеральшею. Она обратилась къ нему съ просьбою о пособіи.

— Ну ужъ извините, сударыня, я не желаю транжирить казенныя деньги,—огорчилъ онъ ее въ прїемной.—Меня про-

сятъ гораздо бѣднѣе и старѣе васъ, но я и имъ отказываю, а вамъ и подавно.

— Помилуйте?.. Покойный мой мужъ такъ отличался, отъ ранъ и умеръ, а вы вдругъ...

— Вашъ мужъ былъ дѣйствительно прекрасный воинъ,— этого я не оспариваю, но за свои заслуги онъ жалованье и награды щедрья получалъ; вамъ же навѣрное капиталъ, деревеньку, да и пенсію, по 2000 р. въ годъ, оставилъ; чего же вамъ еще надо?

— Я конечно не нищая, но правительство должно, думаю, помочь мнѣ освободиться отъ временнаго затруднительнаго денежнаго положенія, во вниманіе къ заслугамъ покойнаго.

— Долго-ли были вы, сударыня, замужемъ за покойнымъ; есть ли у васъ отъ него дѣти и сколько вамъ самой-то лѣтъ, скажите-ка мнѣ, для соображенія?

— Вы изволите предлагать мнѣ довольно, кажется, странные вопросы.. Впрочемъ... дѣтей у меня не было, а замужемъ пробыла я 5 лѣтъ слишкомъ. Неужели это основаніе къ отказу мнѣ въ какихъ нибудь четырехъ-пяти тысячъ?

— Понятно основаніе: пособіе полагается, по закону, лишь тѣмъ служащимъ, которые не вправѣ рассчитывать на пенсію, по краткости службы, не меньше, однако, 10 лѣтъ, а вы прослужили мужу только пять лѣтъ! По этому же самому я, старикъ, считаю себя вправѣ сказать вамъ, молодой, здоровой и свободной отъ материнскихъ обязанностей женщинѣ: стыдитесь попрошайничать; именно: стыдитесь!..

— У васъ состояніе впятеро больше моего, дѣтей также нѣтъ, по лѣтамъ вы мнѣ въ дѣды ходите и тѣмъ не менѣе получаете десятки тысячъ...

— И тоже скверно дѣлаю, да, скверно! но всё должны «по одежкѣ протягивать ножку» и конченъ балъ.

— Очень сожалѣю, что обратилась къ вамъ, полагая, что вы...

— А я сожалѣю, что мнѣ не удастся вразумить васъ, что казна не дойная, для всѣхъ, корова...

Генеральша, сверкая гнѣвно глазами, быстро направилась къ выходу.

— Ишь ловкая какая: дай ей пять тысячъ на мотовство по заграничнымъ танцъ-классамъ, благо молода, да красива, — заключилъ министръ, въ догонку генеральшѣ.

Разказы дежурнаго очень понравились намъ и мы ихъ охотно распространяли, въ особенности про Пидара. А онъ, не желая расставаться со своимъ мѣстомъ, окончательно терялъ всякую сообразительность и дурачился не только съ казенными, но и съ своими частными бумагами. Въ эту самую пору ему приспичило женить сына на дочери вліятельнаго графа Шейлихеля (говорили для того, чтобы чрезъ новое родство удержаться на своемъ посту). На свадьбѣ обѣщались быть самые

знатные сановники, даже царская фамилія, присутствіе которыхъ неизбѣжно влекло за собою сопровожденіе ихъ оберъ-полиціймейстеромъ Малаховымъ; но Пидаръ, опасался какъ бы Малаховъ не счелъ себя въ числѣ гостей, по этому поручилъ Госеву сочинить Малахову письмо въ такомъ тонѣ, чтобы онъ и понялъ свое назначеніе и не обидѣлся пренебреженіемъ къ нему, что могло породить также непріятность. Это-то письмо и передѣлывалось разъ пятнадцать. Слово «пожаловать» — Пидаръ не допускалъ потому, что ни чѣмъ, «жаловать» Малахова не могъ; «присутствовать», вобраковалъ онъ потому, что по его понятію, можно только въ служебныхъ зазданіяхъ; «прибыть» — зачеркнулъ онъ, находя это слово неприличнымъ, ибо читалъ «прибыть», «посѣтить» — казалось ему, большою, для Малахова, честью; «пріѣхать» онъ отвергъ изъ за того, что для него было безразлично пріѣдетъ, или пріѣдетъ Малаховъ и т. д. Возжааясь съ этимъ письмомъ, свадебными сборами, гостями и потомъ съ молодыми, — Пидаръ манкировалъ службою, а министръ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и совсѣмъ пересталъ его приглашать къ себѣ, а замѣнилъ его Маниловымъ. Это его обидѣло и онъ велѣлъ Госеву (велъ съ нимъ дѣло по нѣмецки) заготовить: министру просьбу объ отставкѣ, а своему покровителю, бывшему министру, — письмо, чтобы упросилъ своего пріемника оставить его директорствовать. Когда бумаги послѣ десятикратныхъ передѣлокъ, были готовы — Пидаръ подписалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отослать: письмо — тотчасъ же, а прошеніе — чрезъ три дня (самъ сказался больнымъ), но такъ какъ онъ въ тѣмъ опротивѣлъ, то Госевъ, съ согласія Вавильева, распорядился именно на оборотъ, такъ, что въ день отправки письма — получила бумага объ увольненіи Пидара въ отставку.

Событію этому всѣ порадовались. Вавильевъ и Госевъ прохаживались по нашей комнатѣ, въ департаментѣ. Вдругъ влетѣлъ Пидаръ и обращаясь къ Госеву закричалъ:

— Фи мой опмануль, опмануль. Я васъ фигоню!

— Ошибаетесь генераль: вы выгонять меня уже не вправѣ, — стозвался Госевъ. — Прошу васъ не кричать: вы здѣсь частный человекъ.

— Ка-акъ?.. фи, мой шиновникъ, такъ терско каврить? Я фасъ накашу! — Онъ топнулъ ногой.

— Вы, генераль, отставной, понимаете-ли, отставной и уже ни угрожать, ни кричать тутъ не смѣете. Прощайте!

Госевъ кивнулъ ему головой и пошелъ въ другую комнату. Онъ повелѣлъ отъ сердитаго безсилія, плюнулъ и тоже ушелъ, бормоча что-то по нѣмецки. Мы дружно фыркнули отъ смѣха.

Въ директоры у насъ прочили Манилова, но онъ, узнавъ, что этому не бывать, обидѣлся, тоже вышелъ въ отставку и уѣхалъ доживать остатокъ дней своихъ на родину, близъ мѣста бывшаго, въ отечественную войну, бородинскаго сраженія, въ

которомъ онъ, будучи тогда 16 лѣтнимъ артиллерійскимъ прапорщикомъ — «произвелъ, изъ пушки, первый выстрѣлъ» чѣмъ всегда гордился, даже въ прошеніи объ отставкѣ это вставилъ.

XV

Начавшіяся облегченія.

ДИРЕКТОРСТВОВАТЬ явился къ намъ среднихъ лѣтъ генераль Шигинъ*), человекъ умный, обходительный и чуждый всякой субординаціи прежняго закала. За все это его сразу всѣ полюбили. Онъ тотчасъ-же вниезъ, между прочимъ, и въ бытъ писарей и разрѣшилъ намъ: во первыхъ — ходить въ департаментъ и изъ департамента не фронтомъ, а группами, кому съ кѣмъ вздумается; во вторыхъ — являться въ департаментъ, вмѣсто —9— къ 10 часамъ утра; въ третьихъ — въ самомъ департаментѣ заниматься въ разстегнутыхъ совершенно спортукахъ (застегиваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда кто по зову, шелъ къ начальникамъ отдѣленій, вице-директорамъ, къ нему, директору, да во время дежурства въ пріемномъ залѣ), въ четвертыхъ — послѣ должности заниматься гдѣ и чѣмъ кто хочетъ до полуночи; наконецъ — въ пятыхъ стѣснять позволилъ онъ только тѣхъ писарей, которые дурно себя вели. Всѣ возликовали. Даже чиновники обрадовались, а болѣе значительные изъ нихъ и въ департаментѣ стали являться въ партикулярномъ платьи.

Прошло съ мѣсяць. Вице-директоромъ, вмѣсто Манилова, назначили, изъ провинціи пожилаго генерала Дратовскаго. Онъ впервые вошелъ въ комнату канцеляріи Департамента въ сопровожденіи экзекутора. Экзекуторъ кликнулъ: «встать». Мы исполнили команду, догадавшись, что генераль новый вице-директоръ.

— Писаря разстегнутые? Это что за безобразіе? — закричалъ, побагровѣвъ, генераль на Заткуля. — За это: вы — на гауптвахту, а ихъ — передрать!

— Они, — честь имѣю доложить вашему превосходительству, — разстегнутыми занимаются съ разрѣшенія господина директора.

— Такого разрѣшенія быть не могло! Солдаты разстегнутые предъ начальниками? Да за это сквозь строй прогон-няютъ!

— Еслибъ вашему превосходительству угодно было произвести имъ инспекторскій смотръ, они, во фронтѣ, стояли-бы, конечно, застегнутыми; но заниматься — имъ разрѣшено, вторично считаю долгомъ доложить вашему превосходительству, —

*) Умеръ Члепомъ Государственнаго Совѣта.

разстегнутыми и такъ вставать предъ входящимъ начальствомъ.

— Взоръ вы мелете и я этого слушать не хочу, а приказываю всѣмъ всегда быть застегнутыми. Ежели это не будетъ исполняться: васъ—на гауптвахтѣ заморю, а ихъ—разжаловывать, пор-ротъ буду!

— Не соблаговолите-ли, ваше превосходительство, прежде посовѣтовать господину директору отмѣнить распоряженіе его превосходительства, или позвольте мнѣ доложить объ этомъ?

— Не разсуждать, а дѣлать то, что я вамъ приказываю. Я васъ всѣхъ подтян-ну! Застег-нутесь!

Мы повиновались. Онъ прошелъ въ кабинетъ. Экзекуторъ дождался Вавильера и заявилъ ему о случившемся.

— Онъ не имѣетъ никакого права тутъ командовать,—громко отвѣтилъ Заткулю Вавильевъ—по этому ровно ничего не предпринимайте и успокойтесь. А вы, прибавилъ онъ намъ,—растегнитесь, а ежели генераль спроситъ: кто вамъ это разрѣшилъ—отвѣтите-я. Я сегодня же переговорю съ директоромъ. Идите съ Богомъ, заключилъ онъ Заткулю.

Мы разстегнулись и съ любопытствомъ ждали, чѣмъ разыграется эта исторія. Немного погодя Дратовскій вышелъ къ намъ. Мы уткнули головы въ работу, а сидѣвшій возлѣ двери, въ формѣ, директорскій докладчикъ Нивитинъ, взглянулъ на Дратовскаго, привсталъ и поклонился ему.

— Эй ты нале-ка мнѣ чернилъ, — приказалъ Дратовскій Нивитину.

— Наливаютъ чернила сторожа, — отвѣтилъ, вспыхнувъ. Нивитинъ,—а я, надворный совѣтникъ, прошу васъ обращаться со мной деликатнѣе.

— Ха-ха-ха! надворный совѣтникъ... жаль что этихъ надворныхъ совѣтниковъ драть нельзя, а то я бы сію минуту велѣлъ отсчитать вамъ сотню горячихъ за вашу дерзкій отвѣтъ мнѣ. На гауптвах-тху:

— Не трудитесь командовать: я не исполню вашего приказанія, а напротивъ, пожалуюсь на васъ директору.

— Я, вашъ начальникъ, вправѣ распоряжаться вами, а у меня вы забудете фанаберію.. Я изъ васъ выгоню духъ неповиновенія!

— Вы здѣсь вправѣ распоряжаться тѣми лишь бумагами, которыя вамъ подадутъ, а не чиновниками вообще и мною въ особенности: я подчиненъ исключительно правителю канцеляріи, да директору.

— Молч-чать! Я васъ выгоню, по третьему пункту*), выгоню!!--крикнулъ онъ во весь голосъ.

*) Въ Уставѣ о службѣ Правит. Т III и въ сводѣ воен. закон. доселѣ сохранился этотъ роковой пунктъ, предоставляющій начальству увольнять чиновниковъ и офицеровъ въ отставку безъ прошеній и безъ объясненій причинъ. Теперь этотъ пунктъ чрезвычайно рѣдко практикуется.

Изъ смежной комнаты выскочилъ въ нашу въ визиткѣ и въ сѣрыхъ брюкахъ Госевъ, держа руки въ карманахъ брюкъ.

— Это что за длинноволосый стрикулистъ? — продолжалъ Дратовскій, указывая пальцемъ на Госева. Кто—такой?

— Во первыхъ-понижьте, генеральтъ, тонъ,—смѣло возразилъ Госевъ,—а во вторыхъ—возьмите назадъ свое слово «стрикулистъ»: я какъ дворянинъ, считаю его для себя оскорбительнымъ и потому..

— Кто же, спрашиваю я васъ, вы такой?—перебилъ Дратовскій хладнокровнѣе.—На службѣ въ такомъ вид-дѣ!..

— Я секретарь канцелярїи департамента коллежскій ассесоръ Госевъ, рекомендуюсь вамъ—насмѣшливо отозвался Госевъ.—За тѣмъ позволяю себѣ спросить: кто же вы, что рѣшаетесь кричать и неприлично выражаться?

— Я вице-директоръ, приказываю вамъ отправиться, на трое сутокъ, подъ арестъ, за появленіе въ департаментъ не въ устансвленной формѣ.

— Я, вамъ не подчиненный, приказанія отъ васъ не принимаю, но за ваше непозволительное обращеніе со мной,—рапортъ на васъ подамъ директ...

— Какъ-акъ? мнѣ угрожать? Молчать!.. это ни на что не похоже! Тотъ не подчиненъ, другой не подчиненъ... все это выдумки! Я ни на кого не посмотрю, а заставлю васъ слушаться, застав-влю!..

Онъ топнулъ ногой. На сцену плавно выступилъ Вавильевъ.

— Соблаговолите, ваше превсходительство, признаться, что вы не вправѣ такъ поступать,—спокойно произнесъ Вавильевъ, приблизившись.—Ваше обхожденіе съ чиновниками по меньшей мѣрѣ не умѣстно.

— Вы еще что тутъ за персона? Не смѣйте мнѣ указывать, какъ съ кѣмъ обходиться: я это лучше васъ знаю!

— Я, какъ видите по моей формѣ, — статскій совѣтникъ, а по должности правитель канцелярїи. Прошу васъ, генеральтъ, не нарушать порядка въ «моей» канцелярїи.

— Я вижу вы всѣ дисциплины не знаете, — вотъ что. Но... но я васъ проучу, проуч-чу!.. Вы какъ смѣли разстегнуться?—накинулся онъ на насъ, близъ сидѣвшихъ писарей.—Какъ зовутъ? разжалую!

— Пожалуйста не стращайте ихъ: я приказалъ имъ пользоваться директорскимъ разрѣшеніемъ, которое вы не можете отмѣнить.

— Могу-ли, нѣтъ-ли—не вамъ разсуждать, а коль скоро я приказалъ имъ быть застегнутыми,—вы не смѣли отмѣнять моего приказанія.

— Смѣлъ-ли, нѣтъ-ли, это разсудить директоръ. Ему я и доложу обо всемъ, здѣсь происшедшемъ. До свиданія, ваше пре-

восходительство, до болѣе мирныхъ отношеній,—кончилъ Вавильевъ и удалился.

— Быть можетъ въ провинціи, гдѣ вы изволили служить, чиновниками и помыкають, потому что они, забытые, бѣдные не могутъ себя защитить,—вставилъ Госевъ;—но здѣсь не то: мы третировать себя не позволимъ. Пойдемте, Степанъ Васильевичъ, рапортъ писать,—пригласилъ онъ Нивитина.

Дратовскій позеленѣлъ отъ ярости, плюнулъ, вернулся въ свой кабинетъ и захлопнулъ за собой дверь. Все, случившееся, мигомъ облетѣло весь департаментъ. Чиновники спорили, возмущались поведеніемъ Дратовскаго и сговаривались не поддаваться ему. Между тѣмъ онъ послалъ, стоявшаго возлѣ его двери, курьера за подчиненнымъ ему по дѣламъ *) начальникомъ отдѣленія Керновскимъ, который слылъ дѣльцомъ и самолюбивымъ, «упрямымъ хохломъ». Не ранѣе какъ чрезъ полчаса Керновскій, въ формѣ и съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, проходилъ мимо насъ къ Дратовскому.

— Вотъ онъ вамъ задастъ,—подшутили надъ Керновскимъ Нивитинъ.—Ужасная гроз-за!..

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ,—отозвался Керновскій.—Нападетъ, такъ отбоюсь.

Мы наострили уши, въ надеждѣ услышать новую стычку, въ чемъ и не ошиблись.

— Отчего вы тотчасъ же не явились на мой зовъ?—донесся до насъ рѣзкій голосъ Дратовскаго.—Отчего?

— Оттого, что мнѣ надо было прочесть важныя бумаги, которыя я послалъ директору,—отозвался Керновскій.—Потрудитесь, ваше превосходительство, говорить со мной не возвышая голоса: я статскій совѣтникъ.

— Когда начальникъ требуетъ подчиненнаго къ себѣ,—онъ не долженъ отговариваться недосугомъ. Я не потерплю такого непростительнаго образа дѣйствій.

— Вице-директоръ,—нашъ второстепенный начальникъ,—не требуетъ, а «приглашаетъ», или даже «проситъ» къ себѣ начальниковъ отдѣленій, и, если имъ недосугъ—они и во все, случается, неприходятъ.

— Я буду строго взыскивать за всякое ослушаніе. Почему вы мнѣ предварительно не представили бумаги, посланныя къ директору?

— Потому что не слѣдовало: вице-директоры подписываютъ обыкновенныя исходящія бумаги; разсматриваютъ же тѣ лишь дѣла, которыя директоръ имъ поручить!

*) Опреѣленіе, награжденіе, перемѣщеніе и увольненіе чиновниковъ зависѣло отъ директора: по дѣламъ же подчинялись канцелярія—директору; дѣлами же отдѣленій занимались: болѣе важными—директоръ, а обыкновенными—два вице-директора...

— О содержаніи же остальныхъ дѣлъ и бумагъ я, слѣдовательно, и не узнаю?—Ошиб-бетесь! Всѣ безъ изъятія дѣла и бумаги приказываю вамъ представлять мнѣ, не то я васъ отчислю отъ должности, подѣ судъ отдамъ!

— Въ этомъ, вы, ваше превосходительство, ошиб-бетесь: мы, начальники отдѣленій, опредѣляемся и увольняемся министромъ; значитъ, вы, вице-директоръ, ни отчислять, ни подѣ судъ отдавать насъ не вправѣ.

— Прошу мнѣ не возражать: я не привыкъ къ этому. Докладывайте мнѣ бумаги.

— Прежде, чѣмъ начну докладывать,—позвольте мнѣ сѣсть: я не привыкъ стоя докладывать.

— Подчиненный долженъ стоять передъ начальникомъ.

— Во фронтѣ—да; но мы, статскіе, занимаемся дѣлами; по этому стоять не обязаны.

— Какъ я, такъ и вы отправляемъ служебныя обязанности, а на службѣ я своимъ подчиненнымъ никогда не позв-воляю садиться.

— Я, напротивъ, докладываю сидя директору и даже министру, а вотъ по этому ордену имѣю право на стулъ и въ Сенатѣ *). Такъ вы не позволяете мнѣ сѣсть?

— Нѣтъ и нѣтъ! Докладывайте же: я слушаю.

— Не муштровать насъ, какъ солдатъ, назначили васъ сюда, а дѣлами заниматься; но коль скоро вы этого не признаете, то прощайте.

Керновскій, съ бумагами подѣ мышкой, гордо вышелъ изъ кабинета и направился, чрезъ нашу комнату, къ Вавильеву.

— Г. Керновскій! вернитесь,—произнесъ, въ дверяхъ, красный Дратовскій.—Пожалуйте ко мнѣ.

— Я давно г. Керновскій, очень давно,—отозвался Керновскій, не оглядываясь.—Прійду же я къ вамъ не ранѣе, какъ рассудятъ: вправѣ ли вы заставлятъ меня стоять предѣ вами.

Дратовскій закупорился въ кабинетъ, а Вавильевъ, Керновскій, Госевъ и Нивитинъ гурьбою отправились вмѣстѣ къ Шигину. Нѣкоторое время спустя курьеръ пригласилъ и Дратовскаго къ Шигину. Что именно тамъ происходило, мы, конечно, не слышали, но курьеры послѣ передавали намъ, что Шигинъ заставилъ Дратовскаго извиниться предѣ обиженными.

Такимъ образомъ, съ Дратовскаго **) сразу сбили всю спѣсь. Онъ цѣлую недѣлю не являлся, покуда составили и утвердили инструкцію, какія именно дѣла подлежали его вѣдѣнію. Когда онъ сталъ ходить въ Департаментъ, то больше ни къ

*) Въ новѣйшихъ законахъ право сидѣть Владимірскимъ кавалерамъ нигдѣ не помпнается.

**) Умеръ предсѣдателемъ главнаго военнаго суда.

кому ужь не придирался. Мало того: начальники отдѣленій и къ нему съ бумагами ходили, не рѣдко, въ визиткахъ, а Госевъ иногда даже подтрунивалъ надъ нимъ и въ глаза ему.

Сходило это Госеву благополучно, потому въ особенности, что онъ вскорѣ же сдѣлался сильнымъ не только предъ Шигинымъ, но и предъ его женою. Какъ красивый, свѣтскій, хорошо образованный и состоятельный молодой человекъ, онъ живо заискалъ и ея вниманіе исполненіемъ различныхъ ея порученій и пользовался ея значеніемъ въ интересахъ многихъ. Послѣ смерти, помню, вдоваго бѣднаго чиновника осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей, находившихся въ крайней нищетѣ Шигинъ просилъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ объ опредѣленіи сиротъ въ учебныя заведенія, но всѣ отказывали. такъ какъ они родились въ то время, когда отецъ ихъ былъ еще писаремъ. Тогда Госевъ попросилъ Шигину. Она послала записку, въ нѣсколько строкъ, важному лицу и чрезъ пять дней формальною бумагою потребовали всѣхъ сиротъ, для воспитанія, на казенный счетъ, въ дворянскіе институты, не въ примѣръ прочимъ, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ. Случай этотъ всѣхъ поразилъ, и даже мы, писаря, горячо желали взглянуть на эту всеильную благодѣтельница.

— Ты хочешь увидать генеральшу? — сказалъ мнѣ Госевъ, услышавъ нашъ разговоръ о ней. — Сходи домой, одѣнься почище, а потомъ вотъ это письмо представь лично ей.

Я расфрантился въ свой новенькій сюртукъ, отправился въ квартиру Шигина, а тамъ, согласно порученію, лакей провелъ меня къ генеральшѣ. Я перешагнулъ порогъ, почтительно поклонился находившимся въ комнатѣ двумъ женщинамъ и вытянулся въ струнку. Одна, пожилая, полнолицая, румяная блондинка, съ сѣрыми, усталыми глазами, вся въ бѣломъ, полудежала на кушеткѣ, а другая, молоденькая брюнетка, съ темносиними, большими глазами, длинными, пушистыми рѣсницами, продолговатымъ лицомъ, со вздернутымъ, немножко носомъ, въ цвѣтномъ платьи сидѣла противъ пожилой на низенькомъ табуретѣ. Обѣ оживленно бесѣдовали не по русски, но въ ихъ тонѣ и движеніяхъ проглядывали: почтительность молоденькой къ пожилой и покровительность пожилой къ молоденькой. Молоденькая, безпрестанно вертѣвшаяся, замѣтила меня и сообщила обо мнѣ пожилой.

— Здравствуй любезный, — произнесла она. — Отъ Ивана Ильича письмо? Давай его сюда.

— Отъ секретаря канцеляріи г. Госева. Онъ приказалъ мнѣ лично представить вашему превосходительству.

Я приблизился къ дамамъ, осторожно поднесъ письмо пожилой, отодвинулся немного назадъ и сталъ какъ вкопанный. Генеральша сорвала конвертъ и углубилась въ чтеніе письма, а ея собесѣдница, тѣмъ временемъ, на досугъ, нѣсколько разъ

смѣрила меня, сбоку, такимъ пристальнымъ взглядомъ, отъ котораго я весь раскраснѣлся.

— Скажи Ивану Ильичу, что я его благодарю и жду вечеромъ къ себѣ, — приказала мнѣ генеральша. — А каковы, Леночка, у насъ писаря, а? — обратилась она къ молоденькой. — Ихъ что-то очень много. Сколько всѣхъ васъ въ департаментѣ?

— До трехъ сотъ человѣкъ, ваше превосходительство.

— При прежнемъ, или теперешнемъ директорѣ вамъ лучше?

— Прежде было очень плохо, а теперь хорошо-съ.

— Ихъ, какъ мнѣ передавали, при нашемъ предмѣстникѣ чрезвычайно притѣсняли, даже мучили. Вы, значить, довольны моимъ мужемъ?

— Вполнѣ довольны; не нахвалимся добротою его превосходительства къ намъ.

— Очень рада за васъ. Не огорчайте, помните, и вы его ничѣмъ дурнымъ.

— Братъ всегда вѣдь былъ великодушенъ къ своимъ подчиненнымъ, — прибавила молоденькая. — Я это еще съ дѣтства помню. Ахъ да, кстати: мнѣ тоже нуженъ писарь, для опекунскихъ работъ. Брата я не дожусь: мнѣ надо еще кое куда захватить съ визитами, по этому позвольте, милая сестрица, просить васъ передать брату мою просьбу прислать мнѣ писаря.

— Возьми вотъ его; онъ навѣрное также толково и красиво пишетъ, какъ выгладить и говорить. Какъ ты, моя милая, объ этомъ полагаешь?

Я вспыхнула, но смотрѣлъ прямо на нихъ.

— Его ли, другаго ли — мнѣ все равно, — отозвалась брюнетка, повернувъ въ сторону лицо. — Я бы желала одного, чтобы тотъ, кого братъ пришлетъ, отчетливо писалъ и былъ аккуратенъ.

— Полно, Леночка, со мной-то женироваться: я тебѣ не чужая. Вѣдь, право, пріятнѣе видѣть такого, нежели чумазаго.

— И я васъ, сестрица, горячо уважаю и люблю, — перебила брюнетка; — право, люблю за доброту, дружбу и...

Она приподнялась, вся розовая, нагнулась къ генеральшѣ, звонко поцѣловала ее, опустила на кушетку, потупилась и жалобно заговорила по русски.

— Ужо увидимся, — прервала ее генеральша. — А писать онъ завтра же къ тебѣ явится: объ этомъ я ужъ распоряжусь. Можешь, любезный, идти, — заключила она, адресуясь ко мнѣ.

Я отвѣсилъ обѣимъ по почтительному поклону и ушелъ, вполнѣ довольный обхожденіемъ со мной генеральши.

На другой день Госевъ велѣлъ мнѣ отправиться заниматься, на неопредѣленное время, ко вдовѣ генерала Варламова. Я догадался, что вдова вчерашняя брюнетка, принарядилась по праздничному и пошелъ въ ту самую, какъ оказалось, гостиницу, въ которой квартировалъ инспекторъ Броловъ и гдѣ она остановилась. Былъ девятый часъ зимняго, морознаго дня. Ста-

рикъ, камердинеръ объявилъ мнѣ, что генеральша еще спитъ. Слово за слово мы разговорились и онъ рассказаль мнѣ, что вдовушкѣ 25 лѣтъ; замужемъ она была четыре года за старымъ, но очень богатымъ генераломъ; жила съ нимъ хорошо съ годъ—потомъ его разбилъ параличъ и она до самой его смерти безотлучно, усердно ухаживала за нимъ. За это онъ и завѣщаль ей и сыну отъ него—пополамъ все состояніе, которое отъ нея отнимется, если она выйдетъ, вторично, замужъ: покойникъ опасался, что при другомъ мужѣ,—его сынъ будетъ въ загонѣ.

— Во всемъ бы отличная барыня,—прибавилъ старикъ,—ежелибъ только не была чрезъ чуръ настойчива и капризна; чего напримѣръ захочетъ, безпремѣнно подай: никакихъ резоновъ не слушаетъ. И вы, коли хотите себѣ добра,—угождайте, смотрите, ей, не то бѣду наживете.

Пробило двѣнадцать. Миловидная, молодая горничная провела меня изъ передней, чрезъ двѣ роскошно убранныя и надушенныя комнаты, въ столовую. На столѣ кипѣлъ серебряный самоварчикъ. Горничная заварила чай и удалилась, а я, стоя въ углу, осматриваль комнату.

— Ну что? Понравился?—донесся до моихъ ушей мелодичный, женскій голосъ.

— Да-съ, не дурень,—отозвался другой женскій голосъ.

— Не не дурень, а красавецъ, право, писанный красавецъ. Ты притворяешься, или не понимаешь...

— Извѣстно, не понимаю, а полагаюсь на вашу вкусъ, благо вы чудесно можете судить.

— То-то же...

Дверь растворилась. Я подтянулся—Лѣнливою, вальяжною поступью вошла дѣйствительно, какъ я ее по лицу узналъ «очаровательная вдовушка», но къ крайнему моему изумленію одѣтая не по барски, а въ сѣромъ, съ поуэментами, сарафанѣ, на розовыхъ подтяжкахъ; въ бѣлой рубашкѣ, стягивавшейся, на плечахъ, розовыми же шнурочками, съ янтарными бусами на шеѣ, съ открытыми, полными круглыми плечами и руками, точно изъ мрамора выточенными; волоса ея, заплетенные въ двѣ толстыя косы и перевитые алыми лентами,—тянулись по спинѣ, до талии; глаза и красивое ея лицо дышали довольствомъ и нѣгою. Она остановилась, посреди комнаты и смотрѣлась въ простѣночное, до полу, трюмо, а выпуклая грудь ея мѣрно вздымалась и опускалась, сквозъ рубашку просвѣчивалось, такое же, какъ плечи, нѣжное, бѣлое тѣло. Я рѣшительно забылъ, кто она и кто я и залюбовался ею: такою прелестною, никогда еще не виданною крестьянкою—показалась она мнѣ.

— А-а, это ты?—весело улыбаясь, заговорила она, повернувшись ко мнѣ.—Здравствуй. Милости просимъ. Она поклонилась мнѣ по деревенски. Не нѣмой-ли ты, что молчишь?

— Извините, ваше превосходительство, забормоталъ я, спохватившись.—Честь имѣю представиться.. Я присланъ къ вамъ заниматься...

— Попался, попался же ты мнѣ: вмѣсто того, чтобы сразу отрапортовать—ротозѣйничаетъ,—шутливо продолжала она.—Я тебя! Она лукаво погрозила мнѣ ручкой.

— Я нечаянно... не успѣлъ,—путался я дальше.—Извините, ваше превосходительство.

— То-то же! Но... но успокойся: я шучу. Говори со мной безъ чиновъ: я тебѣ не начальникъ. Наташа,—обратилась она къ горничной,—налей ему чаю въ наказаніе за то, что онъ осмѣлился меня разглядывать, точно картину.

— Да вы лучше всякой картины,—польстила ей горничная.—Стало быть на васъ не мудрено и заглядѣться...

— Ты это говоришь собственно потому, что я, по твоему увѣренію, похожа на ту, про которую поешь:

«На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь»
Вьется алая лента игриво,
Въ волосахъ твоихъ черныхъ, какъ ночь»

пропѣла она вполголоса.—Такъ, что-ли?

— Да и это вѣрно, вѣрно, сколько, сударыня, не спорьте. Хоть вотъ и его спросите—подтвердить.

— Правду говоритъ она, что на меня заглядѣться не диво?—адресовалась она ко мнѣ.

— Точно такъ-съ, вы очень... очень...—Я запнулся...

— Ну ладно: поним-маю,—вставила она и сѣла къ столу.—Садись сюда и ты, мой будущій секретарь, и мы потолкуемъ съ тобой. А ты, Наташа, распорядись объ обѣдѣ и никого не принимать, а сама сѣзди, куда я тебѣ давеча велѣла.

Горничная ушла, а я все еще находился подъ сильнымъ обаяніемъ поразившей меня красоты генеральши и продолжалъ стоять.

— Садись же, повторила она.—Въ ногахъ правды нѣтъ, да и я не терплю послушанья.

— Мнѣ, писарю, извините, ваше превосходительство, сидѣть вовлѣ васъ не приходится,—почтительно возразилъ я—тѣмъ болѣе, что я къ вамъ «служить» присланъ.

— Службу покажѣсть въ сторону,—продолжала она дружескимъ тономъ.—Безъ постороннихъ—говори со мной по просту, а при постороннихъ я и сама тебѣ не позволю сюда носа показывать. Садись же, говорю тебѣ, пенътюхъ этакій, и будемъ чай пить. Ну же, слушайся.

Дѣлать было нечего—я сѣлъ, принялъ отъ нея чашку и съ трудомъ, отъ волненія, началъ пить.

— Тебя послали ко мнѣ на столько времени, на сколько я захочу тебя продержатъ. Торопиться мнѣ некуда, потому мнѣ

напр., любопытно знать: чей, откуда и что ты за персона такая? Рассказывай по порядку, а я буду слушать.

Я стѣснялся и недоумѣвалъ съ чего начать. Она забросала меня вопросами. Мало по малу я оправился и сдержанно рассказала ей, вкратцѣ, свою біографію. Она внимательно меня слушала, а временами лицо ея выражало сочувствіе ко мнѣ и сожалѣніе о нашемъ незавидномъ положеніи.

— Ты нагналъ на меня грусть своими похождениями,—молвила она.—Пойдемъ въ гостиную: тамъ развлекемся музыкой.

Я поблагодарилъ ее за лестное вниманіе ко мнѣ и за чай. Она протянула мнѣ ручку и я ее поцѣловалъ. Она замѣтно покраснѣла, потомъ въ гостиной сѣла за рояль и заиграла и запѣла разныя пѣсни, въ томъ числѣ и «тройку», а я издали слушалъ съ наслажденіемъ, какого никогда еще не ощущалъ.

— Не дурно вѣдь я играю?

— Напротивъ, отлично-съ.

— Ну, а пою какъ?

— Тоже чудесно.

— Мерси за комплиментъ. А вотъ въ театрѣ во сто кратъ лучше меня поютъ. Да, дивно тамъ поютъ, въ особенности про любовь! Ты сколько разъ былъ влюбленъ?

— Ни разу-съ...

— Гм... это ты, кажется, врешь: ты бывалъ въ благородныхъ и простолюдинскихъ обществахъ, видѣлъ въ нихъ, конечно, женщинъ и дѣвицъ, а въ твои годы всѣ вѣдь влюбляются. Впрочемъ, если ты еще не успѣлъ, то навѣрно скоро влюбишься...

— При нашемъ замкнутомъ положеніи и недавней моей службѣ—мнѣ влюбиться рѣшительно нельзя-съ.

— Любовь является не отъ долгой, или короткой службы, не отъ богатства, или бѣдности, а просто отъ молодого, сердечнаго чувства. Ежелибъ ты имѣлъ чинъ и состояніе желалъ-бы влюбиться?

— И этого не могу вамъ объяснить: не знаю, что было-бы. Ктому жъ, мнѣ и влюбиться-то вѣдь не въ кого было-бы: я никакихъ женщинъ не знаю.

— А въ меня, напримѣръ,—вдругъ озадачила она меня, игриво поводя глазами и ласково улыбаясь.—Я и богата и молодая, да и самъ же ты заглядываешься на меня.

— Шутить изволите: вы, генеральша, а я писарь, по этой же громадной, между вами и мною, разницѣ,—мнѣ въ васъ влюбиться не возможно-съ.

— Сердце, повторяю, чиновъ не разбираетъ и ты погоди закапываться. Лисбтъ пріятно, сладко...

Она снова увлекательно заиграла и запѣла. Слушая ее въ почтительномъ отъ нея разстояніи, я ощущалъ, какъ мурашки забѣгали по моему тѣлу, какъ меня пронимали: то—холодъ, то—жаръ.

— Вотъ чѣмъ ты его занимаешь?—прервалъ ее, внезапно вошедшій генералъ Шигинъ.—Что это значитъ?

Голосъ ея дрогнулъ, оборвался, руки ея опустились, она гся зардѣлась, вскочила и повисла къ нему на шею. Я стоялъ точно ошпаренный.

— Взгрустнулось, братецъ, право взгрустнулось, я и развлеклась,—плаксиво оправдывалась она.—Одиночество, скука... ахъ, какая, вѣришь ли одолеваетъ меня часто грусть, тоска!..

— Ъхала бы къ намъ. А одѣта ты крестьянкой совсѣмъ не кстати, хоть въ этомъ костюмѣ ты прелестна. Онъ возьмъ ее за обѣ руки, привлекъ къ себѣ и расцѣловалъ.

— Я, братецъ, по домашнему, право, по домашнему одѣта. Впрочемъ, меня—сколько хочешь распекай: я съ удовольствіемъ все выслушаю, а онъ, помни,—ни причемъ: изъ опеки бумагъ еще не принесли, я его и обратила въ слушателя.

Они заговорили не по русски, оба ушли въ смежныя комнаты, а я дрожалъ, въ ожиданіи бѣды.

— Сходи въ опеку и розыщи тамъ по адресу на этомъ вотъ письмѣ чиновника,—ровнымъ, спокойнымъ голосомъ приказала мнѣ Шигинъ.—Чиновникъ этотъ дастъ тебѣ бумаги, или самъ привезетъ ихъ сюда. Тогда и писать будешь.

Я обрадовался этому приказанію и отправился его исполнить. Вернулся я часа чрезъ два, когда Шигина уже не было, а вдовушка прохаживалась по комнатамъ нарядною уже барынею. Я доложилъ ей, что чиновникъ привезетъ бумаги, если успѣетъ—къ 6 часамъ вечера, а нѣтъ—къ 10 часамъ слѣдующаго утра.

— А ты давеча, сильно, признайся, струсилъ, а?—потѣшалась она надо мной, машинально выслушавъ мой докладъ.—А еще влюбиться хочешь!..

— Никакъ нѣтъ-съ, напрасно изволите это говорить обо мнѣ.

— На попятную, измѣнникъ этакій, тянешь? Ахъ, ты, кавалеръ!.. Брата тебѣ бояться нечего: онъ отличный человѣкъ, ни кого не обижаетъ, а еслибъ и вздумалъ—я за тебя вступлюсь.

— Покорнѣйше благодарю васъ за вниманіе, а только позвольте мнѣ, сдѣлайте милость,—знать лучше свое мѣсто и дѣло?

— Покуда нѣтъ дѣла,—нѣтъ тебѣ и мѣста, а за то, что ты трусу праздновалъ—отобѣдаешь со мной: кушать одной—мнѣ не нравится.

— Не мог-гусь: опять пріѣдутъ...

— Братъ сегодня больше сюда не явится, а другихъ ни кого не пустятъ. Мнѣ, помни, всѣ угождаютъ, а ты и подавно долженъ это дѣлать: ты мой секретарь.

Пришлось повиноваться. За роскошнымъ обѣдомъ она сама пила вино, заставила и меня пить, разрѣзвилась, растормошила

и даже развеселила меня. Когда мы встали изъ за стола, я уже смѣло поцѣловаль поданную ею мнѣ ручку. Она куда-то скрылась, а минуту чрезъ пятнадцать изъ отдаленія повелительно позвала меня къ себѣ. Я вошелъ въ слабо освѣщенную комнату, увидѣль ее обольстительно полулежавшею на низенькой кушеткѣ, въ розовомъ пеньюарѣ, съ обнаженными, по локти, руками закинутыми на голову. Возлѣ кушетки стояли табуретъ и столикъ, а на немъ лежали книжки и бумаги.

— Подбери, пожалуйста, эти бумаги по мѣсяцамъ и часамъ,—ласково велѣла она.

— Здѣсь, извините, темно, потому трудно прочитать.

— А отъ большого огня мнѣ, было-бы вамъ, г. секретарь, извѣстно, глаза рѣжетъ.

— Такъ позвольте ввать бумаги въ гостиную: тамошній свѣтъ васъ не потревожить.

— Можете здѣсь напречь свое зрѣнiе и увидите... Если чиновникъ не явится—поѣдешь со мной въ театръ.

— Не смѣю: если меня увидятъ въ формѣ—разжалуютъ, а вольнаго платя у меня нѣтъ.

— Заѣдемъ въ магазинъ и тамъ тебя мигомъ окипируютъ, а въ ложѣ никто тебя не увидитъ, не узнаетъ.

— Какъ вамъ угодно, а я съ вами въ театръ не поѣду: я рисковать галунами не рѣшусь.

— Не смѣй мнѣ возражать: разсержусь.. Дай-ка книжку, важи свѣчку, да поставь ее сюда на столикъ: я сейчасъ разгоню твои страхи.

Я исполниль ея порученiе и сталъ возлѣ столика. Она полистовала книжку, стала вслухъ читать «Огородника» и какимъ-то особеннымъ голосомъ произносила слова:

«Потемнѣло въ глазахъ, душу кинуло въ дрожь,
Я давалъ, не давалъ золотой перстенець...
Я вдругъ вспомнилъ опять, что и самъ я пригожь,
Да не знаю ужъ какъ—въ щеву дѣвицу чмокъ»..

— Поняль?—помолчавъ, спросила она меня съ нѣжностью. — Говори же, не дичись...

— Что вамъ угодно-съ?

— А вотъ что. . ха-ха-ха!..

Она задула свѣчку... Я отскочилъ отъ нея.

— Эхъ ты деревяшка этакая!—упрекнула она меня.—Мы вѣдь од-дни...

Я обезумѣль и поддался искушенiю...

— Какой же ты трусишка,—нѣжно шептала она мнѣ.—Не догадывался—такъ я взяла вотъ тебя приступомъ. Забавный ты, право, человекъ.

— Я съ малолѣтства запуганъ,—лепеталь я, отвѣчая на ея поцѣлуй.—Меня учили бояться всѣхъ выспихъ... Мнѣ впервые...

— Ты только слушайся меня и я тебя научу уму-разуму, даже осчастливорю. Все, помни, между нами должно умереть, ежели дорожишь... ну хоть своими галун-нами...

— Не сомнѣвайтесь во мнѣ... я буду нѣмъ, какъ рыба.

— За это хвалю. Теперь ты умница. Ступ пай и оправься тамъ... я скоро выйду.

Растрепанный, ошалѣлый, выбрался я въ гостинную, опустился на стулъ и со страху и стыда горько заплакалъ... Черезъ часъ она вышла парадно одѣтою, издали конфузливо взглянула на меня, покраснѣла, приблизилась ко мнѣ и вполголоса мягко произнесла:

— Какой ты, дружокъ, однако, блѣдненькій?.. Дурнаго ничего, право, ничего тебѣ не будетъ; ты и не волнуйся напрасно. Напротивъ, я тебѣ доставлю, будь увѣренъ, полное благополучіе, блаженство...

Точно осужденный стоялъ я, потупившись.

— Вы, любезный мой секретарь, изволите, кажется, сердиться на меня?

— Нѣ-ѣтъ-съ...—прошепталъ я.—У меня, извините, голова кружится,—прибавилъ я уже громче.—По жиламъ точно огонь... Я не въ силахъ...

— Ты, я вижу, просто раскисъ, блѣдненькій! Такъ вотъ что: отправляйся домой. приведи въ порядокъ свои взбудораженные нервы, а завтра утромъ приходи сюда бодрый, разумный. Вотъ тебѣ на какуюнибудь вещицу, а это—на извозчика: поѣзжай и холодомъ живо освѣжишься. До свиданья.

Она горячо поцѣловала меня, я отвѣтилъ ей тѣмъ же, потомъ ласково потрепала меня по щекѣ и отпустила.

Перепуганный, утомленный вышелъ я на улицу съ двадцати пяти трехъ рублевыми ассигнаціями, уже въ 10 часу вечера. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ эта сумма была бы мнѣ чрезвычайно дорога; но на этотъ разъ я совершенно равнодушно держалъ ее въ карманѣ, а чувствуя слабость во всемъ тѣлѣ, нанялъ извозчика, поѣхалъ и предался размысленіямъ о могущихъ произойти для меня дурныхъ послѣдствіяхъ случившагося.

Фонари горѣли рѣдко, а темнота была изрядная. На поворотѣ въ одну изъ улицъ, у будки, сани моего извозчика зацѣпились за сани другаго, стоявшаго извозчика и садившійся въ тѣ сани господинъ свалился на снѣгъ. Будочникъ остановилъ насъ. Я разглядѣлъ во вставшемъ полицейскаго чиновника, соскочилъ на панель и снялъ предъ нимъ шапку. Чиновникъ ударилъ дважды по лицу моего извозчика и приказалъ будочнику ѣхать съ нимъ въ кварталъ. Извозчикъ взмолился о пощадѣ, но будочникъ толкнулъ его въ шею, погналъ лошадь и она увезла ихъ.

— А ты, солдатъ, какъ смѣлъ ѣхать на извозникѣ, когда

это вамъ запрещ-щено?—грозно обратился ко мнѣ чиновникъ. — Маршъ со мной. Я тебѣ, каналья, покажу, какъ вольничать.

Я принялся просить отпустить меня.

— Это ужь, братъ, дудки: ты не только ѣхалъ, но еще въ 11 часовъ на улицѣ, когда въ 9 долженъ быть дома. Гдѣ шатался?

Я объяснилъ ему, что по приказанію начальства занимался у генеральши, а она разрѣшила мнѣ ѣхать, по нездоровью.

— Наплевать мнѣ на твои розсказни, я изъ за тебя, скота этакого, брюки разорвалъ.

— Я готовъ заплатить вамъ за изъянъ брюкъ.

— Ты мнѣ заплатишь? Ха-ха-ха! Да у тебя вѣдь и рубля навѣрное, нѣтъ, а брюки мои стоятъ десять рублей, да за испугъ я тоже десяти не возьму.

— Не угодно-ли вамъ вотъ двадцать пять рублей, только будьте милостивы—не тащите меня. Я опасаюсь не наказанія—ему я, не сомнѣваюсь, не подвергнусь,— а конфуза, насмѣшекъ надо мной, да сидѣнья подъ арестомъ до утра.

— Стало быть ты человекъ денежный? О, это другое дѣло. Давай.

Я подаль ему ассигнацію, онъ разсмотрѣлъ ее, опустил въ карманъ—и прибавилъ:—Ступ-пай, да больше, на извозчикахъ, смотри, не развѣжвай: за это вашего брата наказываютъ.

Я поплелся домой, проклиная мысленно и вдовушку и квартальнаго и себя за легкомысліе. Скрѣпя сердце, скрылъ я все отъ Моронкова: на этотъ разъ я опасался даже и съ нимъ откровенничать. Послѣ долгихъ, ночью, размышленій о томъ, что первый блинъ припелся мнѣ комомъ, я предрѣшилъ не поддаваться больше искушеніямъ.

На утро я всталъ, въ гостинницѣ, пожилаго чиновника изъ опеки и, когда онъ мнѣ растолковывалъ какъ и что писать — къ намъ явилась, въ 12 часу, — сама вдовушка, въ утреннемъ платьи. Я взглянулъ на нее, смутился и покраснѣлъ. Она тоже зардѣлась, но живо овладѣла собою и на нашъ поклонъ: мнѣ—слегка кивнула головой, а чиновнику — протянула руку, которую онъ подобострастно пожалъ. Потомъ онъ равъяснилъ ей смыслъ сочиненнаго имъ проекта отчета.

— Отчеты эти въ сущности, право, пустяки, — замѣтила она. Но разъ они установлены—будемъ ихъ представлять. Я щедро заплачу вамъ съ тѣмъ лишь, не забудьте, уговоромъ, чтобы отчетъ былъ вѣренъ, правиленъ и, чтобы намъ послѣ никакой переписки не вести.

— За все это головой, ваше превосходительство, ручаюсь вамъ: я вѣдь самъ повѣряю и докладываю все отчеты, стало быть умѣю ихъ составлять и не дѣлать гг. опекунамъ никакихъ ватрудненій, тѣмъ болѣе, что наши члены, между нами говорю, весьма мало въ нихъ смыслятъ.

Она увела его, а я принялся писать. Не много погодя она уже одна вернулась ко мнѣ и сѣла противъ меня.

— Отчего, дружокъ, у тебя, скажи ка пожалуйста, лицо такое печальное?—игриво освѣдомилась она.—Вѣроятно ты еще чего-то боишься?

— Такъ-съ, не знаю.. Повольте мнѣ взять работу домой? Я тамъ скорѣй напишу.

— Секретарь долженъ быть всегда на лицо, я и не позволяю вамъ, сударь, удаляться отсюда. Народъ будетъ ходить ко мнѣ, а эта комната на юру, поэтому, чтобы вамъ не мѣшали — переселитесь, дружокъ, заниматься въ мой кабинетъ. Берите свои принадлежности и пойдемте туда.

Мы очутились въ роковой комнатѣ. Я расположился, а — она помѣстилась въ кресла и уперла въ меня глаза.

— Здѣсь и удобнѣй и мнѣ ближе — посмотрѣть... молвила она.—Такъ отчего же именно ты выглядишь такимъ пасмурнымъ, злымъ?—допытывалась она вкрадчиво, тихо.

— Не злымъ, а испуганнымъ: я вчера вечеромъ чуть въ бѣду не попалъ, послушавшись васъ.

— Въ как-кую бѣду? съ живостью спросила она, вздрогнувъ.

Я рассказалъ ей результатъ моей поѣздки на извожикѣ.

— Ахъ, онъ свинья этакая. Ты бы тащилъ его ко мнѣ, вмѣсто того, чтобы пугаться, беспокоиться.

— Я, нижній чинъ, не смѣлъ противорѣчить чиновнику, особливо, когда я былъ виноватъ. Увольте меня, сдѣлайте милость, отъ вашихъ занятій, куда я еще цѣль..

— При мнѣ гораздо цѣлѣе, дружокъ, останешься, нежели на своей службѣ, отъ которой я могу тебя и «совсѣмъ» избавить, если заслужишь... Объ деньгахъ тоже не тужи: нуждаться въ нихъ не будешь. Что я говорю правду — въ этомъ вотъ мое тебѣ ручательство...

Она потянула меня къ себѣ и я опять растаялъ въ ея объятіяхъ.

— Ты не ребенокъ, а капризничаетъ? — ласково внушала она мнѣ.—Неужели думаешь на своемъ настоять? Нѣтъ-съ, сударь, этого не дождетесь: я сама никому не позволяю сопротивляться мнѣ. Это извольте затвердить и во всемъ безпрекословно мнѣ повиноваться, для собственнаго блага. Тебѣ подадутъ сюда обѣдъ, вина, чаю, всего чего захочешь, а я уѣзжаю до вечера. Цѣлуй же ручку, въ знакъ благодарности, не то.. смотри у меня...

Подъ обаяніемъ ея заразительной кокетливости, я повеселѣлъ и охотно исполнилъ ея приказаніе.

— Вотъ за это паинька. Я васъ приручу, звѣрекъ этакій. Она любовно погладила меня по головѣ. — Не будете безъ меня хмуриться,—ужо гостинецъ привезу вамъ, умный мой секретарецъ.

Она укатила, а я принялся было за работу, но написалъ

едва листъ: прислуга меня все отвлекала разспросами, чего я хочу обѣдать, самую ѣдою въ пять перемѣнъ, кофеемъ, десертомъ и чаемъ. Уйти безъ нея я не посмѣлъ, а между тѣмъ было уже поздно, во мнѣ зарождалось опасеніе какъ бы мнѣ, идущи домой, опять не наткнуться на непріятность. Я и ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Она вернулась въ очень оживленномъ настроеніи.

— За то, что вы не рискнули улизнуть безъ меня,—заговорила она скороговоркою — вотъ вамъ, мой любезный секретарь, и награда.

Она поставила предо мной на столъ футляръ, быстро открыла его и проникательно всматривалась въ меня. Я увидѣлъ глухіе золотые часы, съ такою же цѣпочкою. Дорогой этотъ подарокъ соблазнилъ меня и сразу разсѣялъ мои сомнѣнія и сдѣлалъ меня развязнымъ. Я схватилъ ее руку и крѣпко ее поцѣловалъ.

— Послушаніе всегда поощряется,—замѣтила она, самодовольно улыбаясь — Теперь ужъ одиннадцатый часъ. На улицѣ сильнѣйшій морозъ и вьюга,—продолжала она, ежась:—поэтому, чтобы вы дорогою не замерзли, или опять не наткнулись на скандалъ,—вы ночуете у насъ, тамъ въ кабинетѣ...

Горничная доложила, что ужинъ поданъ. Я опять сдѣлался сотрапезникомъ вдовушки и подстрекаемый ею—самъ уже заигрывалъ съ нею, отъ выпитаго вина, всталъ изъ за стола на веселѣ, горячо расцѣловалъ ее въ губы и совсѣмъ забылъ всю между нами разницу...

Утромъ подъ глазами у меня образовались изрядные синіе круги... ея глазки тоже кавались масляными. По привычкѣ подчиняться, я сдѣлался ея рабомъ, а благодаря этому, она принимала меня уже въ неглиже, шалила со мной, сбрызгивала меня духами, въ сумеркахъ катала меня за городъ въ каретѣ, оставляла меня ночевать и ежедневно давала мнѣ деньги. Отлучалась она, являлись и къ ней гости, но ни они меня, ни я ихъ не видывали. Разспрашивать, или разсуждать — она ни о чемъ мнѣ не позволяла, а сама, напротивъ, во всемъ властвовала надо мною, но развитъ во мнѣ любовь къ ней считала вѣроятно лишнимъ; влекла же ее ко мнѣ одна только, какъ мнѣ казалось, жажда физическаго наслажденія. Оттого хотъ она была и молода и красива и мила и щедра ко мнѣ, я въ ея отсутствіи (я писалъ часа три четыре въ день), отъ мнительности и двусмысленности поведенія со мною ея горничной и лакея, разгадавшихъ нашу тайну, все таки не могъ освободиться отъ страха за свое будущее. Я постепенно впадалъ въ разсѣянность, въ грусть, похудѣлъ отъ утомленія, неотвязныхъ думъ и отъ угрызенія совѣсти о необходимости скрываться даже отъ Моронкова. Она не разъ, правда, заставляла меня въ печальномъ раздумьи, но не придавала этому никакого, полагаю, значенія,

а ловкими шутками, островами, и ухищреніями приводила меня въ желательное ей возбужденное настроеніе.

Миновалъ мѣсяць. Однажды утромъ я, идучи къ вдовушкѣ, завернулъ въ канцелярію министерства провѣдать недавно туда переведеннаго изъ департамента, товарища—писаря. Было часовъ одиннадцать утра. Товарищъ повелъ меня показывать помещенія канцеляріи. Мы остановились въ приемномъ залѣ. Туда вошла высокая, стройная, молодая женщина съ печальнымъ, блѣднымъ лицомъ, но одѣтая барыней. Мы не успѣли еще внимательно осмотрѣться, какъ сторожъ вдругъ крикнулъ «министръ идетъ». Въ замѣдлительствѣ отскочили мы за растворенную дверь и стали за нею: намъ и куда было удалиться.

— Чѣмъ, сударыня, могу вамъ служить?—громко произнесъ онъ, средняго роста, сухопарый старичекъ.

Она подала ему бумагу и тихо что-то заговорила. Онъ ее перебилъ.

— Говорите, сударыня, громче: я плохо слышу. О чемъ просите вы?

— Объ увольненіи со службы солдата. N. гарнизоннаго баталіона Смыслова, начала она, дрожащимъ голосомъ:—если же этого нельзя, хоть о разрѣшеніи мнѣ вступить съ нимъ въ бракъ..

— Коли солдатъ выслужилъ срокъ, онъ безъ всякихъ просьбъ долженъ получить отставку; не выслужившаго же срока и я уволить не могу: я не выше закона. Браки солдатъ по закону тоже зависятъ отъ срока ихъ службы и отъ ближайшаго ихъ начальства, а не отъ меня. Кто, однако, вы-то такая?

— Дочь генераль-лейтенанта, дѣвчца Обросимова. Разрѣшите, сдѣлайте милость, нижайшую мою просьбу..

— Вы, дочь генераль-лейтенанта, желаете выдти замужъ за солдата. Гм... Онъ изъ разжалованныхъ офицеровъ, что ли?

— Нѣтъ, онъ изъ кантонистовъ, былъ унтеръ-офицеромъ и когда отецъ мой командовалъ дивизіею, находился при немъ безсмѣннымъ, изъ полка, вѣстовымъ. Я его узнала, одѣнула и полюбила...—договорила она уже сквозь слезы.

— Такъ вотъ оно что-съ!... Дворянка, да еще дочь генераль-лейтенанта и вы желаете сдѣлаться женой простого солдата? О, это мнѣ нравится, браво, сударыня, браво! Я сорокъ лѣтъ сряду прожилъ съ солдатами и они, какъ я убѣдился, дѣйствительно достойны любви, молодцы! Отца вашего я тоже помню по венгерской кампаніи, крутой былъ, правда, чело-вѣкъ... Почему вашъ солдатъ въ гарнизонѣ, кѣмъ тамъ считается; сколько лѣтъ выслужилъ; въ какихъ вы отношеніяхъ съ отцомъ, съ солдатомъ? Откровенно, какъ на духу, все, все расскажите мнѣ: я старикъ, да и съ вами мы здѣсь одни, значить вамъ нечего церемониться.

— Я родилась среди военныхъ,—продолжала она, съ сильнымъ волненіемъ.—Съ ранняго дѣтства еще я сожалѣла солдатъ:

Матери лишилась я 8-ми лѣтъ, кончила курсъ въ институтѣ, вернулась къ отцу и мы жили въ К.—мѣ очень уединенно: отецъ держался со всѣми гордо, насъ почти никто и не посѣщаль... Мнѣ минуло 20 лѣтъ и я.. я увлекалась вѣстовымъ, я горяч-чо полюб-била его: онъ во всѣхъ отношеніяхъ, славный человѣкъ... Отецъ прослышалъ и спросилъ меня правда ли? Я призналась...—умоляла его устроить нашъ бракъ, но онъ въ тотъ же день разжаловалъ Смыслова въ рядовые и исключилъ въ гарнизонъ, а гарнизонный командиръ, въ угоду отцу, взялъ его къ себѣ въ деньщики... Она всхлипывала.

— Перестаньте, пожалуйста, плакать: собственно слезами вы меня не разжалобите.

— За мою любовь къ солдату, отецъ наказалъ меня, какъ солдатъ наказываютъ, розг-гами... заперъ на замокъ, глумился и издѣвался надо мной... Я сбѣжала ночью отъ отца, къ теткѣ, женѣ нашего предводителя графа Банаровскаго Тетка была во враждѣ съ отцомъ, приняла меня подъ свою защиту и не допустила полицію силою стащить меня обратно къ отцу, по его желанію Онъ во гнѣвѣ и умеръ ударомъ... Я получила материнское имѣніе и просила гарнизоннаго командира уволить Смыслова по крайней мѣрѣ, хоть въ ротные солдаты, позволить намъ повѣнчаться, а ему жить въ моемъ домѣ со мной, представляла ему въ обезпеченіе Смыслова и себя десять тысячъ. Командиръ и мнѣ и моей теткѣ отказалъ, а изъ уваженія къ памяти отца и, чтобы больше досадить мнѣ—сталь жестоко на казывать и держать Смыслова подъ постояннымъ, у себя, арестомъ. Онъ, беззащитное существо, все переносить безропотно изъ за меня. Я, виновница его несчастія, ѣздила и къ окружному генералу и къ корпусному командиру, но всѣ безчувственны, глухи и нѣмы!... Сжальтесь, ваше высокопревосходительство, вы надъ нами?..

Она начала было опускаться на колѣни, но онъ удержалъ ее.

— Терпѣніе все преодолагаетъ и вознаграждается,—произнесъ онъ.—Но извините мой, можетъ статься, неделикатный вопросъ: желаетъ-ли Смысловъ-то жениться на васъ?

— Искренно, страстно желаетъ... вотъ его письма, вотъ удостовѣреніе моей тетки: онъ и ее просилъ объ этомъ.

— Хорошо: я предпшшу, завтра же предпшшу разрѣшить вамъ бракъ и возвратить Смыслову галуны, ежели онъ ни въ чемъ другомъ, кромѣ васъ не виновенъ и хочетъ на васъ жениться. Будьте счастливы въ супружествѣ.

Онъ протянуть ей руку. Она поцѣловала ее отъ радости.

— Владѣть крестьянами вамъ, женѣ солдата, кажется нельзя будетъ.

— Я дамъ имъ волю, подарю имъ всю землю, какую они для себя обрабатываютъ издавна, въ тотъ же день, когда сдѣ-

лаюсь женою Смыслова. Съ того же дня они и мы будемъ, я увѣрена, молиться Богу о вашемъ здравіи и долгоденствіи.

— Помолитесь, помолитесь за меня, грѣшнаго: мнѣ часто и перекреститься, право, недосугъ. Прощайте.

Разсказъ барыни, будущей солдатки, нагналъ на меня сильнѣйшій страхъ за цѣлость моихъ галуновъ: моя роль была сходственна съ ролью Смыслова. Меня такъ поразило слышанное, что я какъ только министръ прошелъ въ кабинетъ, опрометью бросился домой, вызвалъ изъ департамента, на улицу Моронкова, признался ему во всемъ и просилъ его дружескаго совѣта. Онъ поблѣднѣлъ, минутъ десять помолчалъ, а потомъ настойчиво посовѣтовалъ мнѣ притвориться больнымъ, отправиться въ госпиталь и пролежать тамъ мѣсяць другой, тѣмъ временемъ вдовушка, дескать, отстанетъ отъ меня, или, можетъ статься, и уѣдетъ домой. Съ этимъ непоколебимымъ, казалось мнѣ, рѣшеніемъ вернулся я въ гостиницу. Леночки я не засталъ уже дома, а работать не могъ: рука мнѣ не повиновалась, въ глазахъ и головѣ у меня помутилось. Къ поданному мнѣ обѣду я и не прикоснулся. Горничная пристала ко мнѣ съ вопросомъ что со мной? Я отрывисто отвѣтилъ ей: «ничего».

— Какъ «ничего», когда вы чуть ли ни рюмите? Я дознаюсь по приказанію барыни: она велѣла мнѣ развлекать васъ, да кстати поближе познакомиться съ вами.

— А для чего это познакомиться?

— Спросите барыню: она вамъ скажетъ. Мы съ вами ровня, значить...

— Я не понимаю вашихъ загадокъ.

— А я не совѣтую вамъ предо мной гордиться и притворяться: я все знаю и мнѣ жаль, что въ васъ, кажется, не въ коня корь...

— Напрасно упрекаете меня кормомъ: я на него не напрашивался.

— Вотъ какъ-съ?!... За вами ухаживаютъ, васъ всячески ублажаютъ, а вы... Эхъ, вы неблагодарный!... На вашемъ бы мѣстѣ всякій считалъ бы себя счастливѣйшимъ, а вы... вы приередничаете...

— Да что же отъ меня, собственно вамъ-то нужно?

— Да сдружиться съ вами, вотъ что намъ нужно, для будущаго... честнымъ пиркомъ да за свадьбу,—разъяснила она.— Молчите? Погодите въ деревню пріѣдемъ, заставимъ васъ по нашей дудкѣ плясать:

— Что вы за чепуху городите?

— Много будете знать,—скоро состаритесь, а вы долго еще нужны намъ какъ «молодой», чтобы въ случаѣ, если позволять и приласкаться можно... Разгадайте-ка эту загадку, а пока мѣсть до свиданья...

Сбитый горничною окончательно съ толку, я долго еще сидѣлъ въ раздумьи и тщетно силился понять смыслъ ея наме-

ковъ. Вдругъ раздался свистъ шелкового платья вдовушки. Я вздрогнулъ.

— Что это ты, дружокъ, въ потьмахъ сидиши? — нѣжно молвила она, приблизилась ко мнѣ и облокотилась мнѣ на плечо.

— Такъ-съ, думаю... тяжел-ло мнѣ..

— Соскучился, да? Скоро, скоро ужъ мы съ тобой выберем-ся отсюда. Запумяютъ лѣса завеленѣютъ поля, запоютъ соловьи, зажурчатъ ручьи, заиграетъ сожышко, зацвѣтутъ цвѣты, ахъ, какъ хорошо въ деревнѣ весной! Да и весна пора любви!.. Ты, вѣдь на привольи, помнится, не живаль въ деревнѣ?

— Нѣтъ, да и..

— Такъ поживешь. Не будь же букой, а помни, что я о тебѣ забочусь. У меня въ деревнѣ и поля необъятныя и лѣса дремучіе и садъ фруктовый, тѣнистый и озера серебряныя, и лодки и верховыя лошади, словомъ, что захочешь, все будетъ къ твоимъ услугамъ.

— Какимъ же это манеромъ попаду я къ вамъ въ деревню, когда я здѣсь на службѣ состою?

— Тебя уволятъ ко мнѣ въ родѣ отпуска, а тамъ будешь главнымъ моимъ управляющимъ.

— Я въ деревенскихъ дѣлахъ ровно ничего не смыслю, значить вамъ и во мнѣ нѣтъ надобности?

— Ты ее забываешь? Чтобы ты былъ при мнѣ! Я просила тебѣ чинъ, либо отставки, да теперь этого еще нельзя, но потомъ то или другое непременно выхлопочу, а до тѣхъ поръ останешься только числиться на службѣ, а жить будешь у меня.

— Какими же глазами стану я смотрѣть на другихъ, да и другіе на меня, когда и тутъ ваша прислуга надо мной подтруниваетъ?

— Ты чрезъ чуръ ужъ щепетилень: Наташа шутила, а ты и въ амбицію вломился.. Но.. но увѣряю тебя, ничего подобнаго больше не случится, ежели ты согласишься..

— На что-съ?

— Жениться на Наташѣ.. Она, моя горничная, а ты, ей мужъ, возлѣ нея, у меня же, слѣдовательно все будетъ покрыто мракомъ..

— Теп-перъ я поним-маю.. Она значить будетъ ширмой?

— Н—да.. ширмой, но она согласна.. Она моя крѣпостная и за кого я хочу, за того ее и выдамъ замужъ, но предупреждаю тебя: она славная дѣвушка и вполне привязана ко мнѣ. Останова лишь за тобой.

— Мнѣ жениться по закону нельзя: я еще только начинаю служить.

— Разрѣшеніе, не сомнѣвайся, получишь. Такъ рѣшено?

— Нѣ-тъ. я не жел-лаю.. рѣзко почти крикнулъ я.

— Я положу на твое имя въ банкъ капиталъ, предоставлю тебѣ, для свѣта, отличную жену, спокой, а въ будущемъ своб-

боду, либо, по бывшимъ примѣрамъ, и чинъ. Чего же тебѣ еще надо?

— У меня на душѣ скверно, гадко... Я тягочусь фальшивою своею ролюю и теп-перь, а ту, на какую вы меня обрекаете, я играть рѣшительно не могъ гу,—съ энергіею проговорилъ я и задрожалъ весь.

— Ты отказываешься отъ счастья добровольно, такъ тебѣ въ деревню ко мнѣ «поплють».

— Я убѣг-гу отъ васъ, право убѣг-гу, утоплюсь, либо.. я не знаю, что именно сдѣлаю, а только. если неволю попаду къ вамъ,—жить у васъ, простите, не стан-ну!

— Слѣдовательно ты не питаешь ко мнѣ никакого расположенія?

— Сердце мое разрывается на части, я страшусь быть разжалованнымъ, сосланнымъ къ черту на кулички изъ за васъ... отпустите меня, ради Бога, отпустите, иначе сдѣлаете меня на вѣкъ несчастнымъ...

Я зарыдалъ, схватилъ ее за руку, страстно цѣловаль и умоляль сжалиться надо мной уволить меня.

— Уймись, глупый ты человекъ: какое несчастіе не постигнетъ тебя,—настаивала она, ласковымъ тономъ.—Напротивъ, именно жалѣючи тебя, я и хочу вывести тебя въ люди, обезпечить, а ты?... ты предпочитаешь свой отвратительный муравейникъ? Ахъ ты чуд-дакъ этакой! Одумайся, смотри и не упустиай счастья изъ рукъ, покуда оно такъ радушно предлагается тебѣ, не то... не то... на смерть обидишь меня.. До завтра даю тебѣ время на размышленіе.

Она круто повернулась и ушла. Ушелъ и я, понуря голову, въ свой «муравейникъ», гдѣ я не трясся за свою участь...

На другой день сама коварная Леночка мнѣ не показывалась. За то Наташа безпрестанно егосила около меня, заговаривала со мной и совѣтовала мнѣ покориться. Сперва я отмалчивался, а потомъ и не выдержалъ.

— Знаете-ли въ чемъ совѣтуете мнѣ покориться?—злобно спросилъ я ее.

— Конечно, знаю и потому-то рада буду доложить, что вы просите прощенья.

— Я ни въ чемъ не виноватъ, а если я противлюсь жениться на васъ только ради того, чтобы вы собой насъ заслоняли, то вы первая должны это одобрить.

— Напротивъ: по моему намъ всѣмъ бы хорошо было вмѣстѣ, а мы бы съ вами еще въ гору пошли, забарствоваали бы...

— Да вѣдь я васъ ни на волосъ не люблю.

— Я въ вашей любви и не нуждаюсь: опа для насъ, крѣпостныхъ, лишняя обуза; угодить же барынѣ я съ удовольствіемъ готова, а ее вы вѣдь любите?

— Ей я лишь повинуюсь, потому боюсь ее. Она мной распоряжается какъ вещью, а это мнѣ противно,

— Какъ нищему гривна? Мы бы, олухъ вы этакій, въ деревнѣ закли на славу.

— Отстаньте отъ меня! Я жду не дожусь, скоро-ли она меня прогонитъ и я отъ обѣихъ васъ отвяжусь: она изъ меня всю душу вымотала и вмѣстѣ съ вами опротивѣла мнѣ..

— Ты и меня считаешь противною, — раздражительно затрепала вдовушка, изъ смежной комнаты подслушивавшая нашъ разговоръ и точно молнія влетѣвшая къ намъ.—Такъ вотъ ты какъ ковь? Жаль, я этого раньше не предугадала... Очень, очень жаль... Больше ты мнѣ не нуж-женъ... Да, не нуженъ, вмѣя шипучая!

— Вы вольны сердиться, ругать меня сколько вамъ угодно, но вы сами виноваты: вы не сумѣли ни разсѣять моихъ опасеній ни завладѣть, какъ бы слѣдовало, моимъ сердцемъ, моими чувствами, а теперь хотите поступить еще хуже.

— Ни упрековъ, ни правоученій я не намѣрена слушать, — прикрикнула она на меня, отъ влости.—Все, что ты тайлъ въ своей хамской душенкѣ, — ты сказалъ и довольно!.. Ступай съ глазъ моихъ дол-лой.. дрянъ этакая!..

Она свиснула шлейфомъ и исчезла, а слѣдомъ за нею и ея горничная. Постоялъ я, постоялъ, остервенился и тоже выскочилъ изъ золоченой кѣтки, а дорогою почувствовалъ и радость — отъ освобожденія отъ своенравной вдовушки и страхъ — какъ бы она, за мое неповиновеніе, не пожаловалась на меня и мнѣ не досталось бы. Взволнованный, раздавленный смѣшанными ощущеніями, я дѣйствительно заболѣлъ и отправился въ госпиталь, гдѣ недѣльною нервною горячкою искупилъ свои прегрѣшенія... Когда я сталъ поправляться, меня посѣтила Наташа.

— Барыня поручила мнѣ просить васъ извинить ее, — начала она заискивающимъ тономъ.—Она вамъ добра желаетъ, приглашаетъ васъ хотя погостить, сколько вздумаете, къ намъ въ деревню, вѣдь она васъ отъ души жалѣетъ и очень, очень огорчена вашею болѣзнію.

— Поблагодарите ее за участіе ко мнѣ и за все, что она для меня дѣлала, — отвѣтилъ я слабымъ голосомъ, — а ѣхать къ вамъ я не желаю.

— Ахъ, какъ вы осунулись, похудѣли!.. Вы бы на привольи живо окрѣпли и вернулись бы здоровехонькимъ.

— Пусть меня лучше зарѣжутъ, чѣмъ къ вамъ везуть...

— Барыня, ей Богу, добрѣйшая, очень, очень плакала объ васъ и казнилась за свой крутой нравъ. Она такъ расположена къ вамъ, что ежелибъ теперь увидала васъ, — пуще прежняго полюбила бы васъ, потому вы интереснѣй блѣдностью. Она, право, перемѣнится, ежели вы...

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ! Я не хочу вернуться въ золотую влѣтку ни за какія блага міра не хоч-чу!..

— Такъ возьмите хоть вотъ гостинцевъ. да деньжонокъ на нужду, прислала она вамъ, упряму.

— И этого мнѣ не нужно, ничего мнѣ больше отъ нея не нужно. Оставьте меня въ покоѣ. Вотъ какую прошу я отъ нея послѣднюю милость...

— Въ такомъ случаѣ прощайте, а надумаете — напишите ей письмо въ деревню: она на дняхъ уѣзжаетъ туда. Она все сдѣлаетъ для васъ, съ полнымъ удовольствіемъ.

— Напишу, напишу. Прощайте. Мнѣ и говорить и слушать тошно...

Она протянула мнѣ руку, я слегка пожалъ ее и она ушла.

Когда я явился, по выздоровленіи, чрезъ три недѣли, въ департаментъ, Госевъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, подалъ мнѣ отъ моей укатившей, во свояси, героини въ награду, за труды 50 р., которые отъ него я не смѣлъ не взять, тѣмъ болѣе, что она, какъ онъ мнѣ пояснилъ, очень благодарила за меня и расхваливала меня. Давившая меня тяжесть вдругъ свалилась съ моихъ плечъ и я вздохнулъ легко, легко... Я спасся, какъ мнѣ казалось, отъ гибели!..

XVI.

Перемѣны къ лучшему.

НЕ УСПѢЛЪ я еще ни вытѣснить изъ головы образъ вдовушки, съ ея коварными замыслами, ни вернуться къ своимъ обыденнымъ, кропотливымъ занятіямъ, — какъ огласилось, что нижніе чины, въ томъ числѣ и писаря, происходившіе изъ солдатскихъ сыновей и недостижшіе, ко дню восполнѣдовавшаго приказа, совершеннолѣтія, могутъ быть отпущены со службы къ родителямъ и родственникамъ, по просьбамъ послѣднихъ, для успокоенія ихъ старости. Приказъ этотъ привелъ молоденькихъ писарей въ восторгъ...

— Довольно намъ мытариться, всѣхъ бояться, — голосили они повсюду. — На волю, на волю бѣжимъ, бѣж-жимъ!..

Ради добычи «воли», — писаря энергически рылись въ дѣлахъ, формулярахъ, сводили счетъ своимъ годамъ, переписывались съ родителями, родственниками, отыскивали тѣхъ, или другихъ, собирали, при содѣйствіи, служившихъ въ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитывались, «такія», непременно, справки, какія подходили бы подъ условія благодѣтельнаго приказа; тѣ же, которымъ негдѣ было достать правильныхъ доказательствъ ихъ права на волю, или дѣйствительныхъ родныхъ, — прибѣгали къ помощи вымышленныхъ, т. е. фабриковали справки, пе-

рескабливали и истребляли формуляры, *) а также приобретали преимущественно матерей и тетокъ.

— Какъ это вы, Ивановъ, старше меня 8 годами и 6 лѣтъ галуны носите—превратились въ несовершеннолѣтняго?—спрашивалъ несообразительный писарь смышленнаго.—Это удивительно!

— Нисколько,—насмѣшливо отзывался Ивановъ.—Я былъ старше,—это правда, но манифестъ помолодилъ меня на 6 лѣтъ и конченъ балъ.

— Ваша, Степановъ, мать, умерла, помню, въ Смоленскѣ, 10 лѣтъ тому назадъ, а теперь она жива да еще въ Петербургѣ очутилась, подтрунивалъ надъ товарищемъ другой писарь.—Неужели ужъ начинается воскрешеніе изъ мертвыхъ?

— Отгадали: мою мать манифестъ, на время, воскресилъ, чтобы она меня изъ службы выручила,—потѣшался Степановъ. И знаете ли, гдѣ ожила моя мать? Здѣсь, на церковной паперти Спаса Преображенскаго Собора! Да, тамъ нѣсколько матерей внезапно ожило и на счетъ сыновей теперь кушаютъ кофеекъ...

— Исполать вамъ, добрымъ молодцамъ. А попадетесь—жутко будетъ...

— Смѣлостью города берутъ, а мы—волю.

— Кому, братцы, матерей, тетокъ, или сестеръ надо?—вскрикивалъ, обходя комнаты, Парфеновъ, склонный къ спекуляторству.—Я ихъ на толкучемъ десятка полтора приторговалъ, чтобы копѣйку нажать.

— А почему стоятъ?—освѣдомлялись охотники до воли.

— За мать—десять, сестру—шесть, а за тетку—пять цѣлковыхъ.—признайтесь, вѣдь дешевле пареной рѣпы. Одинъ только при этомъ уговоръ: съ cadaго покупателя мнѣ, за комисію, по полтиннику.

— Дамъ, согласенъ, веди къ нимъ столкнуться фамиліями и именами подобраться,—рѣшали съ разныхъ сторонъ.

— Извольте, но помните, братцы, слово олово.

И компанія отправлялась за покупками матерей, тетокъ и сестеръ.

Благодаря различнымъ перечисленнымъ ухищреніямъ во всѣ учрежденія, въ которыхъ были писаря, ежедневно являлись толпы женщинъ съ прошеніями; поступали и кипы всякаго рода документовъ. Достоинство этихъ документовъ начальство подробно не разбирало: на это потребовалось бы слишкомъ много времени, а писаря до крайности надоѣдали о ско-

*) До приказа дѣйствительная служба считалась съ 20^ю лѣтняго возраста. Оттого произведенные раньше 20 лѣтъ—устраняли себя надбавки лѣтъ, чтобы безцѣльно не служить; затѣмъ, по объявленіи приказа, набавленные лѣта сбавляли, чтобы не мѣшали выдти на волю, т. е. играли на повышеніе и пониженіе сообразно тому, что когда было выгодно.

рѣйшемъ ихъ увольненіи, чтобы «неупустить подысканныхъ, отличныхъ мѣстъ». Такимъ образомъ, число писарей быстро уменьшалось и въ присутственныхъ мѣстахъ и на улицахъ: всякій уволенный тотчасъ же переодѣвался въ партикулярное платье.

— Всѣ уходятъ, а мы-то съ тобой чего же ждемъ?—спросилъ меня, однажды, Моронковъ.—Людей убавилось, работы—прибавилось, стѣсненій все еще довольно, а жалованье осталось прежнее, мизерное,—на прачку, мыло и баню едва хватаетъ, значитъ и оставаться, право, не стоитъ.

— Я вполнѣ согласенъ съ тобой, что не стоитъ служить,—отозвался я,—но развѣ ты забылъ, что мнѣ по (формуляру 24 года (по два года прибавили при производствѣ въ рядовые и писаря), а начать хлопотать о сбавкѣ 4 лѣтъ—подведешь полковыхъ писарей, переправлявшихъ бумаги, да и я вѣдь не солдатскій, а мѣщанскій сынъ, значитъ и не подхожу подъ манифестъ.

— Въ твоёмъ формулярѣ сказано: «въ службу вступилъ изъ кантонистовъ». Кантонистами разумѣются солдатскіе сыновья, стало быть и тебѣ, по примѣру другихъ, можно врываться «солдатскимъ сыномъ». Бросимъ-ка службу одновременно.

— Хоть и говоришь резонно, но я все-таки опасаясь за себя и за полковыхъ: не ровень часъ, пожалуй и подъ судъ угодишь... Ты, если надѣнешься пристроиться,—уйди съ Богомъ.

— Меня беретъ къ себѣ откупщикъ Затревскій, у котораго я занимаюсь, но я желалъ бы и тебѣ воли. Въ департаментѣ все, будь увѣренъ, обстригаемъ на чистоту, а за мѣстомъ обратись къ своей генеральшѣ: судя по твоимъ рассказамъ, да по словамъ ея горничной, которую я видѣлъ у тебя въ госпиталѣ,—она охотно возьметъ тебя къ себѣ и въ люди еще выведетъ..

— Быть можетъ... подумаю, погож-жу. Ты, точно выкарабкавайся скорѣй, покуда тебя опять въ ордонансъ-гаузъ не потянули.

— Отъ проклятого-то дѣла я и хочу, главнѣе всего, улизнуть, чтобы за чужой пиръ опохмѣляться не пришлось.

— Такъ дѣйствуй живѣй, а не зѣвай.

Моронковъ адресовался къ правителю и секретарю канцеляріи съ просьбою уволить его въ податное состояніе. Вавильевъ и Госевъ желали удержать его на службѣ, какъ лучшаго, аккуратнѣйшаго работника, но когда они, секретно, дознались, въ ордонансъ-гаузѣ, что Моронкову грозитъ бѣда*), они по доб-

*) Ордонансъ-гаузъ полагалъ разжаловать Моронкова въ рядовые сослать въ гарнизонъ; но послѣ почти двухлѣтняго странствованія дѣла по начальству Шимковскаго, эпизодъ о Моронковѣ выдѣлили и передали наконеч-

ротѣ, сами поспѣшили уволить его, чтобы этимъ способомъ избавить его отъ несчастья.

Откупщикъ дѣйствительно взялъ его къ себѣ, экипировалъ, опредѣлилъ ему 50 рублей жалованья въ мѣсяцъ, при готовыхъ квартирѣ и харчахъ, да велѣлъ ему приготовиться къ отъѣзду въ П-скую губернію.

— И такъ, прощай, другъ мой, — взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Моронковъ въ вокзалѣ, куда я его проводилъ. — Увидимся-ли, нѣтъ-ли, Богъ вѣсть, но мы съ тобой со временемъ, чудится мнѣ, далеко уйдемъ *).

— Твоими бы устами медъ пить, очень пріятно, — съ горечью молвилъ я. — Что именно постигнетъ насъ впереди, я и загадывать не смѣю, но покамѣстъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, грустно, тяж-жело разставаться съ тобой...

Мы обнялись, расцѣловались, прослезились и распростились...

Я побрелъ во свояси съ глубокою грустію, навѣянною на меня потерєю друга, въ которомъ совмѣщалось для меня все отрадное. Безъ него я, естественно, заскучалъ захандрилъ: ни служба, ни товарищи, ни безцѣльные шатанья по улицамъ меня уже не удовлетворяли... Я многократно порывался просить вдовушку принять меня въ свое распоряженіе, даже сочинилъ нѣсколько такихъ писемъ, но какъ только вспоминалъ, какъ она безжалостно меня выгнала, такъ и рвалъ, со злости, письма, чтобы не попасть «изъ огня, да въ пламя».

Тѣмъ временемъ дисциплина все болѣе и болѣе ослабѣвала. Вечернія повѣрки писарей совершенно почти прекратились, по этому и домой люди являлись поздно ночью, либо не рѣдко и утромъ. Всѣ проступки карались выговорами, нарядомъ не въ очередь дежурить, да арестами въ карцерахъ. Многіе смѣльчаки, располагавшіе средствами, обзавелись партикулярнымъ платьемъ, и въ тихомолку, носили его, чтобы на улицахъ не снимать шапокъ и не вытлгиваться въ струнку предъ офице-

тельное рѣшеніе департамента, въ которомъ онъ служилъ и изъ котораго благополучно выбрался на волю. Приговоръ же департамента (составленный бывшимъ депутатомъ Моронкова, оберъ-аудиторомъ Адамовымъ и проредактированный Госевымъ въ пользу Моронкова) заключался въ слѣдующемъ: «писаря Моронкова, за переписку подпоручику Шимковскому нѣкоторыхъ бумагъ, оказавшихся впоследствии подложными, на основаніи 273 ст. 1 кп. V ч. св. воен. постанов., слѣдовало бы подвергнуть аресту, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, но какъ онъ во время производства дѣла о Ш., по распоряженію Д-та, содержался уже, при департаментѣ, подъ арестомъ, около 2-хъ мѣсяцевъ, то, вѣннвъ ему зтотъ арестъ въ наказаніе, — освободить его отъ дальнѣйшей отвѣтственности а самое дѣло о немъ, по случаю ненавѣстности теперешняго мѣста его жительства, отчего не можетъ быть сдѣлано и распоряженіе, объ объявленіи ему сего рѣшенія, — считать конченнымъ».

*) Онъ не ошибся: чрезъ 20 лѣтъ онъ сдѣлался золотопромышленникомъ, зарабатывалъ по 20—30.000 р. въ годъ, а сыновья его кончили курсъ въ университетахъ.

рами. Наконецъ и безшабашное пьянство, со ссорами и драками исподоволь замѣнились облагоустроенными забавами «съ дамами». Ихъ не терпѣливо обыкновенно, ждали цѣлую недѣлю.

Наступало воскресенье и писаря съ утра еще суетились, приводили свою мизерную обстановку въ лучшей порядокъ.

— Къ тебѣ, Гриша, уже придутъ «барышни». Будь добръ, прими и меня въ свою компанію,—упрашивалъ молодой человекъ.—Мнѣ страхъ какъ скучно болтаться одному.

— Одолженіе это я тебѣ сдѣлаю,—соглашался Гриша,—но съ уговоромъ: во первыхъ—моей кралечки у меня не отбивать, а во вторыхъ—завтра подежурить за меня, пока я сбѣгаю за работою.

— Дежурить берусь, а отбивать я и не умѣю, потому тебѣ не къ чему меня объ этомъ и предупреждать.

— Не сори, Федоровъ, на полъ: неряхами назовутъ,—замѣчалъ Петровъ сосѣду.—Меня навѣститъ вечеромъ мѣсяцъ...

— Твоей замухрыжки я вовсе не намѣренъ конфузиться,—возражалъ Федоровъ.—Мнѣ отъ нея ни жарко и ни холодно.

— А какъ съ нею пожалуютъ даѣ ея подруги, примиленькія дѣвушки?

— Это другая статья и ты бы съ нея и началъ. Позволишь мнѣ приволокнуться за одною изъ свободныхъ?

— Участвуешь въ половинѣ расхода на пріемъ ихъ?

— Полтинникомъ раскошеливаюсь, коли не помѣшаешь мнѣ приударить за одною изъ нихъ?

— Валяй на здоровье, безпрепятственно.

— Дай, сдѣлай милость, Одея, три четвертака, или хоть два двугривенныхъ въ займы, до жалованья?—приставалъ писарекъ къ другому.—Моя фея навязалась къ мнѣ въ гости съ тремя подружками, всѣхъ ихъ надо хоть чѣмъ нибудь попотчивать, а у меня весь капиталъ—пятнадцатый. Будь другъ, избавь отъ сраму.

— Пристрой меня къ одной изъ трехъ, дарю цѣлковый на угощеніе всей оравы,—предложилъ Одея.—Пора и мнѣ обзавестись какою нибудь михрюткою.

— Спасибо, братъ, за щедрость. Наилучшимъ образомъ отрекомендую тебя всѣмъ, потомъ выпытаю отъ своей: которая изъ ея подругъ понадежнѣй, передамъ тебѣ, а ты и разставляй ужъ ей покруче сѣти, чтобы не вынырнула. Не повезетъ—и я и моя станемъ за тебя усердно ходатайствовать.

— Вотъ это по товарищески. Ты вымой посуду почище, да постели салфетку на столикъ, а я слетаю за гостинцами, закускою и за выпивкою, чтобы уже смѣло ринуться въ битву.

Съ колокольнымъ звономъ къ вечерни набирались партіями «дамы» преимущественно швейки, кружевницы, цвѣточницы и башмачницы изъ множества магазиновъ. Въ магазинахъ ихъ, почти исключительно крѣпостныхъ, работою отягощали, кормили впроголодь, жалованье лучшимъ мастерицамъ давали

по 2 — 3 р. въ мѣсяцъ, а ученицъ и пощипливали изрядно. Словомъ жизнь «дамъ» почти не разнилась отъ бабей жизни. Оттого и мы про нихъ и они про насъ часто говаривали: «своему—по неволѣ другъ».

Съ появленіемъ этихъ «дамъ» наши кавалеры вѣжливо встрѣчали, усаживали ихъ, и, «чѣмъ Богъ послалъ», радушно угощали группами,—это дешевле обходилось, да и сподручнѣе: знакомства завязывались, благодаря искусившимся пособницамъ. Опытныя мастерицы приводили съ собою юныхъ ученицъ и косвенно, либо и прямо способствовали ихъ паденію по самымъ разнообразнымъ причинамъ.

— Что тебѣ, Даша, за интересъ присватывать Егорову это наливное яблочко Катю? — освѣдомлялся степенный писарь у своей возлюбленной.—Она такъ хороша своею ребяческою наивностью, что жаль ея сбивать...

— Чтобы она продолжала меня язвить? Мерси! Она всякій понедѣльникъ, при всѣхъ спрашиваетъ меня: «что это у тебя Надя, синее море подъ глазами?» Пусть же сама отвѣдаетъ и угомонится.

— Какъ вамъ, Варвара Ивановна, не стыдно дѣвченокъ-то таскать съ собой?—урезонивалъ мастерицу пожилой писарь.—Онѣ, дѣти, еще успѣютъ на торную дорожку попасть.

— Я вожу ихъ на зло хозяйкѣ. Она меня упрекаетъ гуляньемъ, я въ отместку ей и стараюсь сдѣлать всѣхъ гулящимп,—пояснила мастерица.—Кромѣ того со своею свитою и кружиться мнѣ безопаснѣе среди васъ, сорванцевъ: вы вѣдь никому спуска не даете.

— Молодецъ, Варвара Ивановна, право, молодецъ! одобрялъ кружокъ.—Выпьете же за ваше здорovie, а за невѣсть въ складчину скрипизъ вамъ поднесемъ.

— Вы, Матрена Тимофѣевна, обѣщали познакомить насъ со своими подругами, — напоминали два писаря дородной мастерицѣ.—Когда же?

— Сейчасъ, ребята. Таня, Маня, вотъ вамъ кавалеры, выбирайте себѣ по вкусу,—повелительно молвила она.—Вы люди пристойные, а вы, дѣвочки скромныя и дѣло въ шляпѣ.

Писаря и дѣвушки краснѣли со стыда, потуплялись и молчали.

— Что жъ вы, олухи, глаза-то выпучили?—продолжала она.—Разберитесь по парно и угощайте меня и моихъ птичекъ. Соловья баснями не кормятъ.

— Въ грязь лицомъ не ударимъ. Придвигайтесь къ столу полакомиться.

Пары, сойдясь между собою, уже не стѣснялись никого и ничего. Напротивъ: многіе дѣлились пополамъ всѣмъ, чѣмъ могли, дарили другъ другу заработанныя, кровавымъ потомъ, деньжонки, закладывали, даже продавали запасныя свои вещицки въ угоду другъ другу, да на веселья, которыя заклю-

чались въ 4 — 5 часовомъ плясаньи, пѣньи и скудномъ угощеньи. А наплясавшись подъ гитару, досыта, напѣвшись до хрипоты, а иныя и охмѣлѣвши, расходились, въ сопровожденіи кавалеровъ, въ разныя части города, до слѣдующаго такого же точно временипровожденья. Сблизившіяся пары не рѣдко разочаровывались въ качествахъ другъ друга и спокойно прерывали знакомства. Напримѣръ, открытый переходъ дѣвушекъ отъ однихъ писарей къ другимъ—признавался вполне естественнымъ, по пословицѣ «силой милъ не будешь»; дамъ же, измѣнявшихъ кавалерамъ тайно съ поворомъ изгоняли изъ казармъ...

Описаннымъ домашнимъ гульбищамъ вскорѣ же суждено было превратиться въ общественныя гульбища. На улицахъ выпалъ снѣгъ. По нашей казармѣ пронеслась вѣсть, что въ солдатскихъ казармахъ начнутся съ Николы настоящія вечеринки съ музыкою, такъ что умѣющимъ танцовать предстоитъ неслыханное наслажденье. Писаря и принялись каждый вечеръ учиться танцовать босикомъ, чтобы не беспокоить квартировавшее ниже этажемъ начальство. Къ Николѣ многіе были готовы. Въ сумеркахъ произвели, со своими дамами, репетицію, выпили, для смѣлости, и отправились на вечеринку, человекъ по 30 и больше, чтобы въ случаѣ чего не поддаваться.

— Ну что, весело время провели? — спрашивали пировавшихъ на другой день.

— Да, хорошо; жаль только ужасно тѣсно было: публика нахлынула со всего города,—говорилъ одинъ.

— По моему самая безтолочь была по окончаніи вечеринки, — рассказывалъ другой.—Всѣ разомъ бросились за верхнимъ платьемъ и въ свалкѣ нѣкоторыя совсѣмъ лишились шинелей, тальмъ, калошъ, а вещи другихъ разорвали нечаянно, даже въ клочки.

— Ничего этого, увѣрялъ насъ фельдфебель, въ слѣдующее воскресенье не случится,—передавалъ третій.—Впускать будутъ по номерамъ, а къ платью поставятъ часовыхъ; они и будутъ раздавать вещи по номерамъ.

Съ слѣдующаго же воскресенья комнаты наши вечерами почти совсѣмъ опустѣли: всѣ уходили на вечеринки. Скука, грусть одолевали меня. Чтобы разсѣяться—отправился и я на вечеринку съ товарищемъ Титовымъ, человекомъ уже бывалымъ.

Морозъ трещалъ, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Мы поднялись, по казарменной лѣстницѣ и отворили дверь въ корридоръ. На насъ пахнуло изъ корридора густымъ паромъ, точно изъ бани въ предбанникъ. Мы переступили порогъ, заплатили унтеръ-офицеру по 20 коп. за входъ и онъ велѣлъ намъ пробраться чрезъ весь длиннѣйшій корридоръ, въ уголь, гдѣ скидывали верхнее платье. Мы однако не послушались: въ это время танцовали по всему корридору. Я всмотрѣлся въ окру-

жающее и изумился: освѣщался корридоръ тускло горѣвшими сальными свѣчами, воткнутыми въ ружейные штыки; штыки же были привязаны веревочками вокругъ деревянныхъ обручей съ поперечными палками, отъ палокъ тянулись вверхъ веревки, прикрѣпленные къ потолку. Это и были люстры, сверкавшія начищеною сталью штыковъ. Вокругъ всего корридора, возлѣ стѣнъ, красовались въ пирамидахъ—ружья, каски, а предъ ними—деревянные длинныя скамейки. По срединѣ корридора помѣщался столъ, а около него сидѣли и играли восемь солдатъ—музыкантовъ.

Музыканты играли, а человекъ 400 обоихъ половъ, различныхъ возрастовъ въ самыхъ разнокалиберныхъ одеждахъ съ азартомъ, въ невоображаемой тѣснотѣ, танцовали кадрили, сбивались, хохотали, прыгали, подпѣвали, шаркали и топали ногами. Надъ головами танцовавшихъ стояло столбомъ синее облако пыли и дыма: многіе танцоры, танцорки и зрители курили папиросы, трубки. Во время 6 фигуры кадрили музыканты вдругъ заиграли галопъ и пары вихремъ закружились, понеслись по корридору, толкали, сбивали съ ногъ другъ друга, падали, ушибались, вскрикивали, вскакивали и бѣшено летѣли дальше... Многіе же пары, съ разбѣга бросались въ дверь, а изъ нея—прохладиться на дворъ, на морозъ,—не смотря на то, что потъ струился градомъ съ ихъ лицъ, а они были въ однихъ сюртукахъ, платьяхъ и съ обнаженными головами, шеями. Озираясь вокругъ на эту дикую пляску,—я вообразилъ себя между сумасшедшими: такъ сильно поразило меня ихъ поведеніе. Наконецъ музыка смолкла.

По корридору разносились стѣнъ, шумъ, крикъ, гамъ, хочоть—что угодно, но публика не унималась, а искала: кто—знакомыхъ, кто—мѣста, гдѣ бы присѣсть, кто—оторвавшіеся пуговицы, куски платевъ, отлетѣвшіе каблуки, а кто и буфетъ, утолить жажду, угостить своихъ дамъ. Въ глазахъ все рябило, пестрѣло, волнами колыхалось. Радость, восторгъ и ивступленье свѣтились на всѣхъ лицахъ. Такого искренняго, беззавѣтнаго увлеченія я съ тѣхъ поръ никогда ни гдѣ не видалъ, хотя впоследствии посѣщалъ самыя разнообразныя увеселительныя мѣста.

— Пойдемъ же сдадимъ шинели,—напомнилъ я Титову, когда нѣсколько стихло и возможно было пройти по корридору.

— Не стоитъ: пожалуй еще пропадутъ, потомъ, въ свалкѣ,—отозвался онъ.—Надѣнемъ лучше въ рукава, застегнемся наглухо, будто бы мы безъ сюртуковъ и тогда, во всякое время, намъ легко будетъ выбраться отсюда. Многіе и танцовали вонъ въ верхнемъ платьи по этой же причинѣ.

Я послѣдовалъ совѣту Титова. Заиграли мазурку. Публика опять отчаянно заскакала. Мы сѣли на скамейку, чтобы не мѣшать танцующимъ, да чтобы и насъ не сшибли съ ногъ.

— Ба! ты Арефьевъ. таки здѣсь? — окликнулъ Титовъ красиваго, молодаго и бойкаго писаря. — Не ождь-даль...

— Не давши мнѣ взаимы двугривеннаго на входъ — ты полагаешь, что я ужь буду дома сидѣть? Нѣтъ, братъ, ошибся, — самодовольно отвѣтилъ Арефьевъ. — «Любовь сильна, а голь на выдумки хитра». Я назначилъ здѣсь свиданье и, во чтобы то ни стало долженъ былъ явиться. Я и махнулъ изъ дома въ одномъ сюртукѣ, на лѣстницѣ спрятавъ шапку въ карманъ и будто выходилъ на дворъ прохладиться — проскользнулъ сюда. При безденежьи многіе такъ дѣлаютъ; отъ нихъ и я, какъ видишь, не отсталъ.

— Ты, однако, рисковалъ здоровьемъ: отъ насъ версты двѣ ходьбы.

— Я и не шель, а бѣгомъ все бѣжалъ, даже вспотѣлъ. Одолжи гривенникъ на выпивку, для храбрости?

— На, возьми.

— Спасибо. Коли моя богиня соизволить пожаловать, — я тебѣ здѣсь же отдамъ паршивый гривенникъ, да еще угощу тебя на славу.

Арефьевъ юркнулъ въ толпу и скрылся отъ насъ.

Мы продолжали протирать глаза и глазѣть на веселье, а оно постепенно дѣлалось все шумливѣе и оживленнѣе: среди публики проявились пьяные и куралесили, смѣшили. Въ антрактахъ солдаты безъ шинелей и даже безъ брюкъ вносили: одни — ушаты съ водой, и плескали ее по полу, а другіе — вязанки дровъ и бросали ихъ возлѣ печекъ. Наконецъ тамъ и сямъ зазвучали поцѣлуи, перебранки возлюбленныхъ; охмѣлѣвшіе протяжно храпѣли, растянувшись на лавкахъ, или уткнувшись на плечи и колѣни дамъ, а онѣ — тормозили, будили и бранили своихъ кавалеровъ.

— Вотъ, милая Любушка, мои товарищи, — рекомендовалъ Титова и меня Арефьевъ своей дамѣ, хорошенькой, молоденькой и красиво одѣтой дѣвушкѣ, остановившись предъ нами. — Онъ вотъ, Титовъ, такая сквалыга, что у него въ крещенье кусочка льду не выпросишь, а онъ, Шумитинъ, — анахоретъ, всего остерегается. Оба, впрочемъ, славные ребята. Мы всѣ трое за однимъ столомъ работаемъ.

Мы встали и поклонились Любушкѣ. Она смѣрила насъ горделивымъ взглядомъ, а потомъ улыбаясь молвила намъ.

— Очень пріятно съ вами, господа, познакомиться. Прогуляйтесь вмѣстѣ по залу, а насидитесь вы — въ департаментѣ.

Мы пошли, всѣ рядомъ, а Арефьевъ подъ руку со своей Любушкой.

— Вы здѣсь танцовали? — спросила меня Любушка.

— Нѣтъ, я не умѣю танцовать.

— Неуж-жели? Молодому человѣку нельзя не танцовать.

— Гдѣ ему, анахорету, танцовать, когда онъ и къ дамамъ подходить трусить, — вставилъ Арефьевъ.

— Я скоро пмянинница и дома устрою для знакомых танцы. Къ тому времени непременно выучитесь: я васъ приглашаю къ себѣ на вечеръ. При желаніи легко научиться.

— Я вотъ и желаю танцовать, да вы, моя богиня, Любушка, отпѣкиваетесь, а съ другою я не пойду: вы полонили мое сердце, вамъ и желаю я весь принадлежать то короткое время, которое имѣю счастье васъ лицезрѣть.

— Мерси за постоянство. Коль скоро вы, Василій Ивановичъ, непременно желаете, чтобы я въ этой грязной обстановкѣ станцовала съ вами кадрили,—то прежде найдите такого визави, который былъ бы трезвъ, деликатень, не наступилъ бы на платъ, понималъ бы тактъ, твердо зналъ бы всѣ фигуры, да имѣлъ бы приличную даму.

— Кавалеръ вотъ онъ, скупецъ, вполне подходящий подъ ваше, милая, желаніе, а даму онъ ужъ подберетъ по вашей мысли. Впрочемъ, благородная дама здѣсь только одна—вы, прелестная Любушка.

— Чтобы оправдать аттестацію обо мнѣ,—я готовъ быть вашимъ визави,—согласился Титовъ;—въ дамы же я попрошу сестру одного нашего же сослуживца: она и скромная и умная дѣвушка.

— И прекрасно. Названіемъ «скупецъ» не смущайтесь: скупость—не глупость. Я, напримѣръ, постоянно при деньгахъ, но напрасно ихъ не транжирую; на дѣло же не жалѣю.

— Вамъ,—вы, милая Любушка вѣроятно изволили запоминать,—угодно было пить? Пойдемте къ буфету: туда же и ты Титовъ, приведи свою даму. Позвольте вашу прелестную ручку. Онъ горячо поцѣловалъ ея руку.

— Оставьте, шалунъ этакій! При всѣхъ цѣловать не прилично.

— А я такъ понимаю приличія, что съ радостью сейчасъ бы расцѣловалъ и вашу ножку. Кромѣ васъ для меня никого тутъ нѣтъ.

— Васъ, красная, кажется, не переговоришь. У моей барыни тоже слабость къ молодымъ говорунамъ, адресовалась она ко мнѣ.

— А ваша барыня молода, или старая?

— Среднихъ лѣтъ, но молодится и любитъ жуировать. Баринъ, съ барынею живутъ для свѣта—дружно, а для себя—какъ кошка съ собакой. У него—своя, а у нея—своя половина. Разъ въ недѣлю у насъ обѣдаютъ, гостятъ до разсвѣта ихъ общіе, впрочемъ, родственники, знакомые. Когда барыня улетаетъ вечерами,—я полная хозяйка, самая любимая ея горничная, помогаю ея пашнямъ и за это всею прислугою команду. Приходите съ Василюмъ Ивановичемъ ко мнѣ въ воскресенье, въ сумеркахъ, покалякаемъ, танцовать васъ поучимъ. Ахъ да! Мы ужъ у буфета. Напойте меня медомъ, а себя и ихъ угостите чѣмъ хотите.—Она быстро вынула изъ кармана

бисерный кошелекъ, изъ него пяти-рублевую ассигнацію, подала ее Арефьеву и прибавила.—Сдачу спрячьте къ себѣ на извощика.

Арефьевъ въюномъ увивался около Любушки и это ей видимо нравилось: она любовно поглядывала на него. Заиграли повѣстку на кадрили. Арефьевъ и Титовъ съ ихъ дамами стали танцовать, а я сѣлъ на скамейку и изподлобья всматривался въ сидѣвшую возлѣ меня, молоденькую, красивую блондинку.

— Ахъ, какъ они отчаянно вертятся,—произнесла она вслухъ и потупилась.

— Да, имъ весело,—вставилъ я, какъ бы въ отвѣтъ.—Въ молодости веселиться пріятно.

— Отчего же вы не танцуете?—обратилась она уже прямо ко мнѣ.—Вы тоже кажется не старый..

— Я не твердо еще умѣю танцовать, а вы почему сидите?

— Танцы я всѣ знаю,—съ гордостью продолжала она,—но своего кавалера у меня нѣтъ, а съ чужими танцовать я остерегаюсь.

— Вашъ кавалеръ вѣроятно не пришелъ?

— Нѣтъ, у меня совсѣмъ нѣтъ никакого кавалера,—простодушно пояснила она.—Я и хожу сюда больше для маменьки: она любитъ смотрѣть, да и заходить къ знакомымъ кстати.

— А ежели я подучусь, станете со мнѣй танцовать?

— Охотно,—тихо, но внятно услышалъ я.—Только скоро ли вы научитесь?

— Ежели спѣшите, къ будущему даже воскресенью постараюсь заучить кадрили.

— О это бы очень хорошо,—оживилась она.—Я люблю танцовать.

— Но будете ли тутъ въ слѣдующее воскресенье?

— Буду... Ждите меня... на этомъ же мѣстѣ. Еще маменькѣ понравятся. Вотъ она идетъ... сегодня перестанемте разговаривать...

— Слушаю-съ. Непремѣнно явлюсь къ вашимъ услугамъ.

По мѣрѣ приближенія къ намъ тучной, пожилой женщины, я отодвигался отъ блондинки, но всматривался ей въ лицо, чтобы запомнить его.

Кончилась кадрили и начался опять галопъ. Танцовавшіе зачихали. Я отыскалъ Титова и Арефьева съ его Любушкой. Она была уже въ шляпкѣ и надѣвала бархатный самопъ на лисьемъ мѣху, а Арефьевъ держалъ большой ковровый платокъ.

— Отчего это всѣ вдругъ зачихали?—спросила она.

— Деньги за входъ со всѣхъ собрали, въ буфетѣ все распродали,—просвѣщала ее Арефьевъ,—ну и остается выжить скорѣй публику, фельдфебель и распорядился насыпать на полъ нюхательнаго табаку и чемерки, да играть галопъ. Оттого, милая Любушка, и чихаютъ. Такъ постоянно дѣлается.

— И ваша братья все-таки сюда бродить?

— Непремѣнно: здѣсь самое удобное мѣсто для развлечения и въ особенности для свиданья! Я, на примѣръ, и въ кромѣшный адъ пошелъ бы, кабы тамъ предстояло мнѣ видѣться съ вами.

— Ахъ, какъ глаза рѣжетъ! берите же скорѣй свою шинель и выведите меня отсюда.

— Пожалуйста. Я готовъ.

— Безъ шинели-то?

— Да я такъ торопился сюда, такъ увлекся желаніемъ скорѣй увидѣть васъ, что даже забылъ дома надѣть шинель.

— Ка акъ? въ эдакій морозъ и въ одномъ сюртукѣ? Да вы, голубчикъ, рехнулись кажется!...

— И не мудрено: любовь огонь, а сердце порохъ, одна искра и горитъ!.. но... но не безпокойтесь: моя къ вамъ пламенная любовь согрѣетъ меня.

— Простудитесь, заболѣте, дорогой мой... Окутайте хоть моимъ платкомъ, нате надѣньте, теплыя мои перчатки: мнѣ подъ саломомъ, онѣ лишнія.

— Для вашего, ангелъ мой, успокоенія, повинуюсь.

— Попадется намъ карета—ваше счастье, а нѣтъ пеняйте, мой другъ, на себя.

— За вашъ нѣжный взглядъ, за милую улыбку, да за ласковое слово я и замерзнуть готовъ.

Они ушли. Солдаты сразу стали гасить огни. Въ корридорѣ сдѣлался шумъ, крикъ и давка невообразимая: всѣ кинулись за верхнимъ платьемъ, отъ смѣшанныхъ табачныхъ пыли и дыма, кашляли, чихали и харкали...

Вылетѣли буквально и мы, т. е. я и Титовъ въ громадной толпѣ мужчинъ и женщинъ, на дворъ, на улицу, гдѣ свирѣпствовала мятель. Тамъ кто снѣгомъ промывалъ глаза, лицо, а кто стбивалъ, отъ стѣнъ, ледяныя сосульки и ими утолялъ жажду, но въ то же время всѣ шли весело, беззаботно, острили и хохотали надъ собой и надъ своими ближними... Добрались мы домой окоченѣвшими отъ холода. Меня вечеринка заинтересовала только блондинкою, да ловкостью Арефьева ухаживать за женщинами. Онъ вернулся ужъ утромъ и подсѣлъ ко мнѣ чай пить.

— Жаль ты не замерзъ,—сказалъ я ему.—Однимъ бы бѣсомъ меньше осталось.

— Не только не замерзъ, но еще ликую: Любушка три мѣсяца не подавалась, а нынче я ее побѣд-дилъ, благодаря морову.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Она помѣстилась въ извожичьи сани, а я на ихъ дно подѣ полость и головою и руками подѣ салонъ къ ней. Въ этомъ положеніи я и напѣвалъ, напѣвалъ ей, да кста-ти и плакался на стужу. Къ ней далеко, да и нельзя ночью,

незамѣтно, проскользнуть, она и сжалилась надо мной и мы заѣхали погр-рѣться въ гостинницу... Вчера я не имѣлъ ни возлюбленной, ни двугривеннаго, а сегодня и Любочка моя и денегъ подарила она мнѣ десять рублей, въ знакъ любви. Вотъ какъ на свѣтѣ все измѣнчиво.

— А въ гости то къ ней захватишь меня въ воскресенье?

— Нѣтъ, погоди: мнѣ напередъ надо самому хорошенько укрѣпиться околѣ нея, а какъ увѣрюсь, что не отобьете, шельмецы этакіе, приглашу и васъ, можетъ статься и на нашу свадьбу!..

— Лѣтъ чрезъ шесть, когда выслужишь срокъ?

— Нѣтъ, въ нынѣшнемъ же году: Любочкинъ баринъ, лицо знатное, выхлопочетъ мнѣ разрѣшенье жениться, особливо ежели она забеременѣтъ..

— А жить-то чѣмъ ты, вѣтренная твоя голова, будешь женатымъ?

— Любочка скопила, какъ говоритъ, пятьсотъ чистоганомъ и одежды на десятки лѣтъ. Кромѣ того, господа подарятъ ей, по ея словамъ, еще денегъ на приданое, а мнѣ составятъ протекцію. «Я тебя непременно выведу въ чиновники, какъ женишься на мнѣ», увѣряла меня Любочка, ночью, а тогда и я, дескать, «пофоршу надъ своими хамами».

— Мели Емея, поколь твоя недѣля.

— Любочка, ухъ какая ловкая, право, можетъ, думаю, вытянуть меня: для смазливыхъ и умныхъ горничныхъ, знающихъ барскія тайны, господа, не разъ доводилось мнѣ слышать, весьма податливы. Прослушаю съ нею «Исаія ликуй», и заживу паномъ, такъ и ты, не бось, позавидуешь.

ХVII.

Любовь и ея послѣдствія.

СОБСТВЕННО вечеринка мнѣ, какъ я уже сказалъ, не понравилась, но казарменные корридоры праздниками составляли единственное для насъ развлеченіе и весьма удобное мѣсто для пріисканія сердечныхъ привязанностей. Того и другаго захотѣлось и мнѣ, тѣмъ болѣе, что милый, простодушный образъ блондинки крѣпко врѣзался мнѣ въ память и манилъ меня къ себѣ. Въ воскресенье я съ утра тревожно размышлялъ: какъ подступиться къ ней, о чемъ съ ней говорить, а вечеромъ нашелъ ее на указанномъ мѣстѣ и сердце во мнѣ радостно екнуло. Базалаберная обстановка, разношерстная публика, пыль, шумъ, визгъ, хохотъ, все это не только не смущало меня, но, напротивъ, стало мнѣ дорого, по поговоркѣ «съ милой рай и въ шалашѣ». Робко приблизился я къ ней, взоры

наши встрѣтились; мы покраснѣли и опустили глаза. Одѣта она была въ свѣтленькомъ ситцевомъ платьи, съ лиловымъ галстучкомъ, волоса ея были кокетливо зачесаны, изъ ушей торчали золотистыя сережки, полное, свѣжее личико дышало беззаботностью, а стройный ея станъ дополнял мое преклоненіе предъ нею. Я молча поклонился ей

— Ахъ, это вы?...—какъ бы испуганно произнесла она, поднявъ глаза вверхъ.—Я думала обманете..

— Знаете пословицу: «не давши слова крѣпись, а давши держись»... Я такъ и поступилъ.

— Мы другъ друга совѣмъ не знаемъ,—щебетала она;—вы могли думать, что я шутила; не прійду.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, увѣряють люди свѣдущіе.

— Это и я слыхала... Танцовать будете?

— Ежели извините, когда я, можетъ статься, собьюсь... ошибки вѣдь въ фальшь не ставятся, не такъ ли?

— Тутъ танцуютъ кто во что гораздъ, и не мудрено ошибиться, а въ случаѣ чего-я вамъ подскажу.

— Я буду очень вамъ благодаренъ. А вы, кажется, однѣ здѣсь?

— Какъ это можно! Я бы боялась..: Маменька завернула къ своему куму, каптенармусу,—вонъ въ угловую комнату, а я поджидала...

— Меня?

— Да, —шепнула она, зардѣлась, помолчала, оправилась и прибавила:—ищите скорѣй визави: сейчасъ кадрили.

Я напелъ сослуживца, настоящаго танцора, который взялся руководить мною за обѣщанное ему угощеніе. Не смотря, однако, на его старанія и помощь блонданки,—я всетаки трижды спутался въ суматохѣ. Все это мой учитель и учительница свалили, къ моему удовольствію, на танцовавшихъ рядомъ со мной и обратили въ шутку. Во время танцевъ я и моя дама, подавая другъ другу руки, трепетно пожимали ихъ. Послѣ кадрили мы перекинулись нѣсколькими словами о вечерячкѣ, узнали какъ зовутъ другъ друга и гдѣ живемъ. Мы одинаково были застѣнчивы, заинтересованы другъ другомъ и потому языки намъ плохо повиновались, но мы взглядами и нѣмымъ пониманіемъ другъ друга-довольствовались. Она подвела меня, наконецъ, къ тучной, пожилой благообразно одѣтой женщинѣ, которая умильно разговаривала съ бравымъ, высокимъ усатымъ ундеромъ.

— Я, маменька танцевала вотъ съ ними,—заявила она ей, конфузливо.—Удачно вышло. Позволишь мнѣ еще станцовать?

— Танцуй, танцуй на здоровье,—одобрила мать, пристально взглянувъ на меня.—Вы смотрите только не уроните ее, да и платье не разорвите на ней.

— Будьте спокойны: я человекъ скромный и осторожный, рекомендовался я.—Въ толкотню вашу дочь не поведу.

— За это хвалю. Идите, Оля, погуляйте по залу, а мы покалякаемъ кое-о-чемъ. .

Мы направились вдоль корридора, танцовали, сидѣли вмѣстѣ, понемногу сдѣлались поразвязнѣе, любопытнѣе и она сообщила мнѣ, что недавно перестала учиться въ школѣ, такъ какъ ей уже 17 годъ пошелъ, отецъ ея похварываетъ, у нея есть еще сестренка 10 лѣтъ, они содержатъ табачную лавочку. Весело провели мы до 12 часа, не замѣтивъ какъ пролетѣло время. Я вызвался было проволить ее домой.

— Хоть вы и напрасливы, но, къ сожалѣнію несчастливы, подшутила она.—Маменькинъ кумъ всегда насъ провожаетъ. Покаместъ зима будемте видѣться здѣсь.

Короче, мы воспылали другъ къ другу чистою, платоническою любовію, по воскресеньямъ сходились на вечеринки, и, пользуясь всеобщою сумятицею, — ворковали какъ голубки. Великимъ постомъ вечеринокъ не дѣлали и мы видѣлись въ церквахъ. Первый поцѣлуй мы получили другъ отъ друга христосовавшись послѣ заутрени. Поцѣлуй этотъ долго, потомъ, звучалъ въ моихъ ушахъ, сладостно щекоталъ мое сердце и воображеніе, какъ осязательный уже залогъ любви...

Подошло и лѣто. Вдругъ Арефьеву «первому» разрѣшили жениться по выслугѣ только 6 лѣтъ, по протекціи барина, которому принадлежала Любочка, какъ крѣпостная. Событіе это всѣхъ писарей порадовало: примѣръ могъ быть полезенъ каждому. Арефьевъ пригласилъ меня въ шаферы къ своей невѣстѣ, по ея желанію.

— Расскажи-ка:—какъ это ты устраиваешься? полюбопытствовалъ я.

— Очень просто,—отовался Арефьевъ. — Любочка ужъ въ интересномъ положеніи, пожелала родить законнаго ребенка, призналась во всемъ своей барынѣ и умолила ее помочь горю. Барыня и обхлопотала, отвела намъ чудесную, у себя, комнату, обставила ее всѣми принадлежностями, играетъ нашу свадьбу на свой счетъ, дала Любочкѣ на нарядъ ей и на новую обмундировку мнѣ—сто рублей, да разрѣшила намъ и продолжатьствоваться, послѣ женитьбы, ихнею провизіею. Всѣ эти милости я, по словамъ Любочки, долженъ буду окунать почитаніемъ ея господъ и писаньемъ, что заставятъ. «Ласковый теленокъ двѣ матки сосеть», твердитъ она мнѣ. Я разумѣется, все, чего она захочетъ, буду исполнять, тѣмъ болѣе, что она какъ я слышалъ, имѣетъ у своихъ господъ большой вѣсъ. Не далѣе, какъ вчера она, на прощаньи, сказала мнѣ: «будешь меня любить и во всемъ слушаться — въ чиновники выведу, помимо всякихъ вашихъ выслугъ». И я ей вѣрю: она большая мастерица господамъ угождать. Когда она представила меня своей барынѣ, то такъ умно, ловко увивалась около нея, что

барыня и мною осталась довольна, потому и я, по ея наущенію, мелкимъ бѣсомъ разсыпался предъ нею. Да иначе правду сказать, и нельзя: мы отъ барыни добра себѣ желаемъ.

— Эдакая, подумаешь, тебѣ лафа, — замѣтилъ я ему съ завистью.

— Да, не быть бы счастью, кабы несчастье не помогло, т. е. имѣй бы я двугривенный, — я бы пошелъ на вечеринку въ шинели, а тогда и грѣться бы, пожалуй, не попалъ...

Свадьба Арефьева праздновалась съ шикомъ въ трехъ барскихъ покояхъ, съ музыкою, танцами, а угощали до заутрени. Любочка, а за нею и Арефьевъ сіяли счастьемъ и въ продолженіи двухъ часовъ бытности Любочкиныхъ господъ на свадьбѣ, — молодые, въ избыткѣ чувствъ, разъ двадцать цѣловали имъ ручки, а господа, видя ихъ признательность — общали имъ свое покровительство.*)

Я продолжалъ свою игру въ любовь съ Ольгою въ глухихъ переулкахъ, въ которыхъ проводили до часу, а иногда и дольше.

— Отчего вы хмуритесь?—освѣдомился я однажды, на свиданьи.—Вы выглядите огорченною.

— У меня горе: батюшка очень боленъ, а мать... у меня скоро братъ, либо другая сестра будетъ...

— Поздравляю васъ съ братомъ лучше, чѣмъ съ сестрой: она у васъ ужь есть.

— Поздравлять-то и не стоитъ: это и убиваетъ, главнѣе всего, батюшку. Онъ такъ сердится на мать, что отгоняетъ ее отъ себя, страхъ какъ бранить, да кстати и на меня ворчитъ, зачѣмъ я отлучаюсь отъ него. все допытывается: куда я бѣгаю, кого посматриваю изъ окна? А я отлучаюсь изъ дома для васъ, цѣлыми часами, панели гранить. Вчера, въ сумеркахъ онъ сперва пристально поглядѣлъ на меня, а потомъ вдругъ спросилъ: «ты, Оля, влюблена въ кого-нибудь?» Я сторѣла и и молчала. «Да, я давно ужь это замѣчаю», прибавилъ онъ. «Приведи ко мнѣ своего суженаго: я хочу предъ смертію хотъ видѣть того, кто тебѣ по сердцу.» Я заплакала. «Перестань, говорить онъ, а исполни мое желаніе. Опасаться меня ужь нечего: я не встану, а тебѣ своей судьбы не миновать... приведи, безпремѣнно приведи». Потрудитесь придти?

— Право, не знаю... не ловко... какъ покажется... что я скажу... — бормоталъ я, застигнутый врасплохъ первымъ ея словеснымъ признаніемъ въ любви ко мнѣ.—Надо подумать.

— Некогда, скажу я вамъ, думать: батюшка того и гляди духъ испустить... Конечно, не дай этого Богъ, но лекаръ ужь намекалъ намъ на это...

*) Черезъ 2 года спустя Арефьева дѣйствительно произвели въ чиновники, по ходатайству его жены, чрезъ ея господъ. Онъ умеръ въ 1877 г. статскимъ совѣтникомъ, оставивъ вдовѣ и 2 дочерямъ капиталъ въ 20000 р. нажитый службою въ канцеляріи, въ которой чрезвычайно щедро награждали.

Она заплакала. Слезы ея смягчили меня, жалость къ ней проняла меня.

— Хорошо, прійду...

— Пойдемте теперь же. Маменьки дома нѣтъ: она у бабки. Потѣшите, будьте такой добренькій, старика, благо отъ этого васъ вѣдь не убудеть. Идете, что ли?

— Извольте. Иду, иду.

— Я и надѣялась привести васъ. Спасибо вамъ, милый, за уступчивость.

Дорогою мы не проронили ни слова: что думала она — не знаю, а въ моей головѣ вертѣлись разныя мысли, но одна другую перепутывали, вытѣсняли. Мнѣ: то — казалось совѣстнымъ явиться къ лежащему при смерти больному въ роли влюбленнаго въ его дочь; то во мнѣ зарождалось намѣреніе спросить его согласія жениться на Ольгѣ и я уже рисовалъ себѣ блаженство съ нею; то-я вспоминалъ, что начальство мнѣ этого не разрѣшить и уныніе овладѣвало мною; то мнѣ мерещилось, что больной проклинаетъ меня за то, что я соблазнилъ его дочь; то-предо мной выросталъ грозный призракъ нищеты, ожидающій насъ въ будущемъ, по примѣру женатыхъ писарей и самая любовь превращается въ насъ въ ненависть другъ къ другу. Я очутился предъ дверью квартиры семейства Ольги, въ сильномъ волненіи, заставившемъ меня остановиться — перевести духъ. Ольга отворила дверь и дернула меня за руку. Я вздрогнулъ, переступилъ порогъ, въ крошечную переднюю, протеръ глаза, снялъ и положилъ на сундукъ шинель, выступилъ тихонько, въ комнату, посрединѣ ея опять остановился и обвелъ ее глазами. Въ комнатѣ аккуратно стояли плетеные стулья, диванъ обтянутый кожей, два — три стола, съ застланными на нихъ бѣлыми, вязаными салфетками, комодъ съ туалетомъ и подсвѣчниками со свѣчами на немъ, въ углахъ цвѣты въ горшкахъ на скамеечкахъ; на окнахъ висѣли бѣлыя кисейныя занавѣски, а на стѣнѣ — большое зеркало. Все въ комнатѣ дышало опрятностью, свидѣтельствовавшее о чистоплотности и заботливости хозяекъ. Едва я обозрѣлъ комнату, какъ услышалъ болѣзненный стонъ и глухой кашель, а вслѣдъ затѣмъ изъ боковой двери подошла ко мнѣ, на ципочкахъ, сестра Ольги, дѣвочка Дуня.

— Здравствуйте, — зашептала она мнѣ; -- пожалуйста къ папенькѣ. Онъ ждетъ васъ. Оля тамъ, возлѣ него порядокъ устраиваетъ, а то захломощено бываетъ.

Я струсилъ, въ вискахъ у меня застучало, дыханіе захватывало и я готовъ былъ удрать назадъ, но уже было поздно... Медленно, тоже на ципочкахъ, двинулся я, по указанію Дуни, вошелъ въ слабо освѣщенную спальню и прислонился къ шкафу: ноги мои дрожали. На кровати, на спинѣ лежалъ, подъ простынею, старикъ со включенными, сѣдыми волосами и борою, съ торчавшимъ, согнутымъ носомъ. со впалыми, глубоко,

щеками и глазами, устремленными въ потолокъ. Онъ, по виду, не много рознился отъ скелета. Въ ногахъ у него, на кровати же, примостилась Ольга, низко свѣсивъ, на грудь, голову

— Папенька! Вотъ «онъ»,—вполголоса напомнила она ему обо мнѣ.

— Благодарю, искренно благодарю васъ, — произнесъ онъ слабымъ голосомъ -- Подойдите ко мнѣ, пожалуйста, ближе: я издали не вижу васъ.. Онъ хотѣлъ повернуться на бокъ, но не могъ, по этому прибавилъ:—помог-ги-ка, Оля... О охъ-хо!—протяжно вздохнулъ онъ

Я забылъ все, шагнулъ къ кровати и пособилъ Ольгѣ повернуть и уложить его на бокъ. Онъ глазами поблагодарилъ меня за услугу и пригласилъ меня сѣсть на стоявшій, у кровати, стулъ. Я сѣлъ.

— Оставь, Оля, насъ вдвоемъ,—молвилъ онъ.—Мы поговоримъ маленько..

Она повиновалась, а меня охватила лихорадочная дрожь.

— Скажите мнѣ во совѣсти: вы «не согрѣшили» съ ней? озадачилъ онъ меня, вперивъ въ меня потухавшій свой взоръ. — Я умираю и долженъ знать правду.

— Нѣтъ,—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ я.

— И слава Богу. Она значить, вѣрно говорила мнѣ.. Я этому радъ... радъ за васъ: она полюбила человѣка совѣстливаго. Богъ не судилъ мнѣ, при жизни, пристроить ее, мою любимицу, и меня страшитъ мысль: какая участь постигнетъ ее безъ меня... За нее заступиться вѣдь будетъ некому, не ком-му!..

Голосъ его оборвался, лежавшій на простынѣ костлявый его руки затряслись, рѣсницы заморгали и изъ глазъ его заструились слезы.. Его видъ, голосъ, слова и движенія меня поразили, голова моя закружилась, въ глазахъ потемнѣло, а все лицо и уши у меня горѣли. Я сидѣлъ, какъ вкопанный.

— Она еще слишкомъ молод-да, ничего не поним-маеть,—продолжалъ онъ;—но сердце у нея доброе, характеръ мягкій, и изъ нея можетъ выдти хорошая женщина... На нужду кое что оставляю и, женитесь ли, нѣтъ ли на ней, но прошу, умоляю васъ не покиньте ее въ горѣ, спасите ее отъ торной дороги... Ежели же Господь сподобитъ васъ.. не раскаетесь, увѣряю васъ... Дайте мнѣ, умирающему отцу, слово, честное слово, что не бросите ее въ омутъ, а пожал-лѣете!..

— Ивольте, даю и постараюсь, не сомнѣвайтесь, исполню свое слово. Только вамъ нечего, кажется мнѣ, тревожиться, ваша жена...

— Ой, нѣтъ, нѣтъ!—возвысилъ онъ голосъ, и, точно ужаленный словами моими «вапа жена»—судорожно метнулся по кровати всѣми членами.. Я на жену не надѣюсь, нѣ-тъ!.. Я больше года не прикасался къ ней, отъ хворости, а она... она беременна, на сносяхъ... Она въ сорокъ слишкомъ лѣтъ отъ роду, вдругъ измѣни-нила мнѣ, потеряла стыдъ, совѣсть, честь,

заб-была свой долгъ, покрыла мою голову позоромъ и я.. Я през-зираю ее, гад-дину!.

Онъ сверкнулъ глазами, заскрежеталъ зубами и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ отъ бессильной злобы.

— Вы не вѣрьте ему, да и не слушайте его: онъ вѣдь все это бредить.—прозвучало въ моихъ ухахъ.

Я оглянулся Въ дверяхъ стояла Ольга на мать, дѣйстви-тельно съ огромнымъ, выпятившимся впередъ, животомъ. Я мгновенно вспомнилъ ея бесѣду съ кумомъ о «сумѣ», окинулъ ее пытливымъ взглядомъ и повернулъ голову къ нему, несчастному страдальцу: я вполнѣ вѣрилъ ему и мнѣ было искренно его жаль.

— Онъ, кажется уснулъ, — прибавила она вполголоса, кри-двинувшись къ кровати.— Пойдемте чай пить съ нами?

— Что? Я усн-нулъ? Я бреж жу? Нѣтъ вр-решъ, мерзкая!—встрепенувшись, снова заговорилъ больной сильнымъ голосомъ, усиливаясь поднимать тонъ выше и выше.—Что ты развр-ратница—правда, а эту правду я съ собой унесу въ мог-гилу.. Да, ты, под длая тварь, прочь отсюда, прочь... будь ты, отъ меня, прок-клятая!..

Онъ отчаянно выкрикнулъ послѣднія слова, приподнялся было, на кровати, но силы измѣнили ему, онъ пластомъ свалился, кости его захрустѣли, все тѣло мгновенно вытянулось и онъ громко и часто захрипѣлъ.. Хрипъ этотъ быстро уменьшался и минуты чрезъ три—четыре больной испустилъ послѣдній вздохъ...

Я, въ замѣшательствѣ, вскочилъ на ноги.

— Ахъ, охъ, ой, ай—прокричала, въ свою очередь жена его, и грохнулась на полъ, безъ чувствъ.

Изъ смежной комнаты прибѣжали Ольга и Дуня, увидѣли отца—мертвымъ, а мать—въ обморокѣ и зарыдали... Меня потрясло до глубины души и я минуты двѣ простоялъ, точно истуканъ, а потомъ безсвязно началъ унимать, какъ могъ, Ольгу.

— Ну васъ... оставьте меня,—пугнула она меня, плача.—Какъ мнѣ не плакать, когда отецъ скончался, а мать при смерти?!.. Кто насъ, теперь призреть, горемычныхъ?..

— Ой, ой,—застонала мать, очнувшись. Бабку, бабу скорѣй, скорѣй..

Она закаталась по полу, продолжая стонать. Ольга и Ду-ня опрометью бросились изъ квартиры, а я безмысленно блуждалъ глазами вокругъ. Немного погодя вернулась Дуня съ дворникомъ и пожилою женщиною

— Ишь, безстыдница какая: возлѣ покойника рожать ввду-мала! проворчала женщина,—да и еще рожать-то не отъ него, сердешнаго..

— Любила кататься—люби и саночки возить,—подхватилъ дворникъ, хладнокровно слушая ея стоны.—Вытащайте-ка ее отседава, штобъ ангельскій духъ не тревожила.

Дворникъ, женщина и я съ трудомъ вынесли ее и положили на диванъ: она тяжела была, да и корчилась въ родильныхъ припадкахъ. Она не улежала, однако, на узкомъ диванѣ, и вертѣвшись, отъ боли,—слетѣла, вскорѣ же, на полъ и пуще прежняго разстоналась и раскричалась. Мы отыскали и постлали матрацъ и подушку на полъ и переложили ее на нихъ. Тѣмъ временемъ народъ сталъ приходить, уходить, хлопать дверью и разговаривать такъ, что заглушали стоны родильницы. Почти чрезъ часъ Ольга привела бабку.

— Уходите вы, съ Богомъ, домой,—шепнула она мнѣ.—Если вамъ можно будетъ,—приходите на похороны послѣ завтра утромъ пораньше.

Я ушелъ, раздавленный все́мъ, при мнѣ происшедшимъ. Всю ночь я не сомкнулъ и глазомъ, да и слѣдующій день провелъ въ тревожномъ состояніи. Въ сумеркахъ Дуня принесла мнѣ, на клочкѣ бумаги, записку отъ Ольги Она писала мнѣ, «мать отъ отцовскаго проклятья, не могла родить безъ лекаря. Лекарь принялся было ее рѣзать, но она умерла подъ ножомъ. Ее свезли въ больницу, чтобъ анатомировать. Придите ко мнѣ горе размыкать».

Я засталъ покойника на столѣ, а какого то отрепаннаго старика, читавшаго по немъ псалтырь. Лишь только Ольга увидала меня, она бросилась ко мнѣ, обвиняла мою шею руками, склонила голову мнѣ на плечо и зарыдала... Вдоволь наплакался и я съ нею. Потомъ она мнѣ рассказала, что отцовскими похоронами распоряжается дальняя его родственница, а мать больничное начальство похоронить. Я замѣтилъ, что удобнѣй бы предать землѣ обоихъ разомъ и на одномъ кладбищѣ.

— Все,—отвѣтила она.—въ домѣ жильцы и родственницы рѣшили, что этого сдѣлать нельзя: коль скоро отецъ, предъ самою смертію, проклялъ мать, то большой грѣхъ хоронить ихъ на одномъ кладбищѣ: ихъ души не успокоятся, если тѣла будутъ лежать поблизости другъ друга.

— Во истину такъ,—подтвердилъ читальщикъ.—Проклятые не наследуютъ царствія небеснаго, потому, имъ и не подобаетъ нарушать покой праведниковъ.

Явилась и распорядительница похоронъ, прилично одѣтая пожилая женщина, подозрительно осмотрѣла меня, повертѣлась по комнатамъ и спросила у Ольги ключи отъ комода, сундуковъ и шкафовъ.

— Зачѣмъ вамъ, тетушка, ключи?

— Затѣмъ, Оленька, что мертвымъ ничего ужъ не нужно,—отозвалась женщина,—а живые о живомъ думаютъ. Мнѣ и надо достать деньги на расходы, да и къ мѣсту прибрать все, что поцѣпнѣй: ужъ нагрянетъ полиція и все оберетъ а, вы, сироты, останетесь безъ всего.

Ольга вынула изъ кармана связку ключей и подала женщинѣ. Она отправилась въ спальню. Я посоветовалъ Ольгѣ не

позволять женщинѣ парить по сундукамъ, а лучше самой дать ей, сколько необходимо, денегъ на расходы, а остальные по надежнѣе припрятать.

— Сиротѣ грѣшно обижать и она этого не сдѣлаетъ. Къ тому же она беретъ насъ жить къ себѣ, по добротѣ своей.

— Это все-таки не мѣшаетъ вамъ быть осмотрительнѣй: на свѣтѣ все случается.

— И полноте! Богъ не допуститъ обобрать насъ, сиротѣ.

Женщина навязала и вытащила въ комнату пять огромныхъ узловъ.

— Все это я къ себѣ перевезу: я нарочно пріѣхала на извозикѣ, заявила намъ женщина, вся красная отъ работы.—У меня все цѣлѣй будетъ...

Она перерыла всѣ ящики комода и нѣсколько разъ что-то прятала по карманамъ. Я не выдержалъ.

— Позвольте, говорю я, сударыня, я напередъ перепишу все, что вы уложили, а потомъ ужъ везите: по крайней мѣрѣ хоть извѣстно будетъ, что именно послѣ съ васъ спросить?

— Кто же это съ меня спросить? ужъ не ты ли?

— Не сердитесь, Бога ради, тетушка,—встала Ольга.—Онъ васъ не знаетъ и по своему, кажется, резонно говорить.

— Спросить Ольга Дмитриевна, а если она стѣснится и поручить мнѣ,—я потребую отъ васъ ея имущество.

— Слишкомъ еще мелко плаваешь, чтобы смѣль отъ меня требовать. Кто ты ей, скажи ка мнѣ, кстати, приходишься-то?

— Ктотъ я ей ни приходился—это все равно, а вамъ не слѣдуетъ зря забирать себѣ чужія вещи и деньги. Сосчитайте хоть сколько нашли вы денегъ?

— Я тебѣ, молокососъ, такъ сосчитаю, что дверей не отыщешь! Оля? по твоему, что ли, наущенію этотъ пацанокъ суется не въ свое дѣло? Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Я, тетушка ничему, ей ей, не научала его, а онъ говоритъ, повторяю вамъ, по своему разумѣнію, потому лучше меня понимаетъ, какъ что должно дѣлаться. Здѣсь же онъ по волѣ отца: покойный папенька самъ просилъ его не оставлять насъ...

— Гм... Вали, вали, лукавая, на покойника, благо онъ не слышитъ и не откликнется Покойникъ еще на столѣ, а ты ужъ шуры-муры разводишь? Безстыдница этакая!

— Грѣхъ вамъ, тетушка, нападать на меня безвинно... — возразила Ольга, всхлипывая.—Я и то въ горѣ... берите, берите все, что хотите, дѣлайте, что знаете, только не трожьте меня...

— Коли на то пошло, такъ я васъ не выпущу отсюда,—настаивалъ я,—покажѣсть не сведемъ счета только хоть деньгамъ, а не сдѣлаете этого добровольно—дворника, полицію позову.

— Господинъ писарь правъ,—вмѣшался читальщикъ.—Сиротамъ вы не родная вѣдь, тетка, а седьмая вода на киселѣ, ну

и принимайте деньги счетомъ. Иначе и я вступлюсь за сиротъ.

— Я сиротамъ ближе всякой родни, стало быть не сомнѣвайтесь, господа, сберегу ихъ добро какъ зеницу ока,—заговорила женщина уже дружелюбно.— Сосчитаемте, сосчитаемте, сдѣлайте милость, капиталъ, чтобы всѣ вы знали объ немъ и вѣрили мнѣ.

Она вывернула на столъ свои карманы съ деньгами. Мы насчитали шестьсотъ двадцать два рубля золотыми, бумажками и серебромъ, уложили все въ большой кошелекъ и женщина опустила его къ себѣ въ карманъ.

— Видите, какая я уступчивая и не претендательная. Сколько именно издержку на похороны—я еще не знаю, но я, незабудьте, сама скупая и на вѣтеръ, ей-Богу, и полушки не брошу.

— Пожалуйте-ка еще росписку на имя Ольги Дмитриевны въ полученіи капитала?—предложилъ я женщинѣ. — Росписка годится для вѣрности.

— Съ полнымъ бы моимъ удовольствіемъ росписалась бы я, други вы мои любезные, да я, на бѣду, не грамотная, клянусь Богомъ, не грамотная.

— Ой ли? вы же утромъ писали, —обличалъ ее читальщикъ.— Я самъ это видѣлъ.

— Что ты, что ты родной мой, выдумалъ?! Я узоръ чертила! Оля, извини меня, моя милая за то, что я тебя обидѣла; но это по моей проклятой вспыльчивости случилось. Помиримся, помиримся, пташечка ты моя сизокрылая.—Она обняла ее, расцѣловала и продолжала:—довѣряешь ты мнѣ, довѣряешь, не такъ ли? Я беру при свидѣтеляхъ, значитъ тебѣ нечего опасаться. Ежели я было и заартачилась, такъ собственно по недосугу: мнѣ сегодня много еще, ухъ какъ много бѣготни, и хлопотъ... Что же, милочка, вѣришь, или нѣтъ?

— Вѣрю, тетушка, вѣрю вамъ, только помните: отецъ на васъ надѣялся за насъ...

— Ну, вотъ умница, Оля, умница. Помни: люди другъ объ другъ, а Господь обо всѣхъ насъ заботится. Онъ всевѣдущъ и вседѣющъ. Простите меня, горячку, и вы, молодой человекъ. Я очень, очень хвалю ваше желаніе Ольгѣ добра и радуюсь за нее: въ васъ она имѣетъ искренняго, благороднаго друга и покровителя. На домашній обиходъ у тебя, Оля, есть деньги?

— Есть, тетушка, рублей пятнадцать.

— И прекрасно. Трать ихъ на здоровье, а я ужъ потащусь дѣла обстригивать.

Умасленные распорядительницею, мы, по своему простодушію, даже пособили ей вынести и уложить имущество на возъ. Она и укатила, поцѣловавъ Ольгу и пожелавъ намъ обоимъ всякаго благополучія.

На кладбищѣ и потомъ на поминкахъ, въ квартирѣ Ольги

распорядительница усердно ухаживала за мною, расточала мнѣ комплименты и громко твердила, что я и Ольга «славная парочка». Это льстило нашему самолюбию и мы, по своей неопытности, мысленно предвкушали блаженство того рая, который тетушка обѣщала «безпремѣнно устроить намъ на землѣ, маленько погода, когда Ольга сниметъ съ себя глубокой трауръ».

Сбылось предреканіе тетушки и о приходѣ полиціи. Она послѣ обѣда, дѣйствительно нагрянула, повыбрала изъ оставшагося, въ квартирѣ, имущества то, что ей приглянулось и забрала..

Остальной хламъ увезли тоже къ распорядительницѣ, такъ что къ вечеру квартира совсѣмъ опустѣла. Ольга послѣдній разъ горько поплакала о разореніи ея уютнаго гнѣзда, въ которомъ она родилась, выросла, провела счастливо юность, грезила первою любовію и гдѣ злой рокъ доказывалъ ей справедливость тяжкой доли «сироты» Кольцова—въ стихахъ:

«Не прельщайте жь, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унесите, улетите—
Отъ бездомной сироты!»

Въ тотъ же вечеръ Ольга и Дуня переселились на жительство къ тетушкѣ. Она пригласила и меня «навѣщать сиротокъ за всякое время просто, при этомъ прибавила: «чѣмъ богата, тѣмъ и рада».

Я и не преминулъ воспользоваться приглашеніемъ чрезъ нѣсколько же дней спустя, но «сиротъ», скавала мнѣ кухарка тетушки, дома нѣтъ и я ретировался. Въ послѣдующихъ, многократныхъ моихъ посѣщеніяхъ, «сиротъ также дома не было». Далѣе предъ самымъ моимъ носомъ захлопывали дверь, а въ концѣ — концовъ мнѣ угрожали «по шеямъ выпроводить меня за ворота». Я терялся въ догадкахъ, чтобы все это значило, шатался мимо дома и посылалъ Ольгѣ письма, но ни ее не встрѣчалъ, ни отвѣта отъ нея не получалъ...

Прошло два мѣсяца. Вдругъ вечеромъ на Невскомъ встрѣчаю Ольгу, въ числѣ гуляющихъ. Я вздрогнулъ и окликнулъ ее. Она остановилась, взглянула на меня и ахнула.

— Что значить, что я васъ все дома не заставадь?

— Очень просто! эта мнимая гадкая тетушка сперва—увѣряла меня, съ вашихъ будто бы словъ, что вы не желаете со мною якшаться, а потомъ—свезла все наше достояніе и меня на ея родину въ Псковъ погостить, тамъ «поторговала» мною, а когда я ее стала упрекать, — усадила меня на машину, дала мнѣ 50 р. и скрылась отъ меня... Я вернулась сюда, терять мнѣ ужъ нечего было, ну и гуляю... Хочешь...

— И тебѣ не совѣстно?—не стыдно?

— Поздно обо всемъ этомъ толковать...

— А какъ твой отецъ проклиналъ твою мать?

— Прокляни и ты меня, если можешь,—ко мнѣ, пока рожая моя смазлива и я молода приходите только куралесить.

— Спасибо за откровенность.

— Не стоить: ты ее заслужилъ. Меня, какъ честную — забудь, а какъ гулящую — пожалуй посѣщай.

— Отказываюсь.

— Такъ проваливай мимо: время—деньги... *)

Съ разбитымъ сердцемъ поплелся я домой...

XVIII.

Разочарованіе и зачатки крестьянской реформы.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ, осмѣянный и озлобленный, я, по своему легкомыслію, возненавидѣлъ всѣхъ женщинъ, вечеринки, да и все окружающее казалось мнѣ противнымъ..

Тѣмъ временемъ товарищи, узнавъ о моей «отставкѣ съ носомъ», подтрунивали надо мной, примѣняли ко мнѣ поговорку «кто зѣваетъ — тотъ воду хлебаетъ»;—совѣтвали мнѣ утѣшиться другою дѣвушкой, благо смазливыхъ и свободныхъ много еще, дескать, шаталось по казарменнымъ корридорамъ; наконецъ болѣе скромные—выражали мнѣ свое соболѣзнованіе. Съ послѣдними я и бесѣдовалъ, иногда, о своей кручинѣ.

— Ты маешься,—думаю я, больше отъ досуга,—возразилъ мнѣ, однажды въ департаментѣ, Прокофьевъ.—Поступи въ кварталъ, въ которомъ я занимаюсь и въ недѣлю все твое горе, вѣрь мнѣ, улечется: ты, какъ любопытный, такихъ въ кварталѣ, чудесъ насмотришься и наслушаешься,—что перестанешь ныть.

— Что же именно происходитъ въ кварталѣ такого, что тамъ можно забыть про себя?

— Разсказывать —долго, да и я на это не мастеръ.

— Я боюсь квартальныхъ.

— Насъ, занимающихся, квартальный и не касается: насъ нанимаютъ, вознаграждаютъ и увольняютъ отъ себя писмоводитель, да паспортистъ. Они, тоже люди воляные, занимаютъ эти должности не только даромъ, но еще сами ежемѣсячно платятъ квартальнымъ за позволеніе служить въ кварталахъ.

— За что же, послѣ этого, они-то трудятся?

*) Въ ту же зиму она сдѣлалась одною изъ самыхъ отчаянныхъ танцорокъ казарменныхъ вечеринокъ; потомъ попеременно: то каталась въ коляскахъ мяшично одѣтою; то-шлялась по Невскому оборванною.—

— За «доходы», которыхъ у нихъ столько, сколько имъ надо для прожитія въ довольствѣ съ ихъ семействами, для «чернаго дня», да для платежа квартальнымъ сотни по двѣ-по три и намъ, шести писарямъ по 6-8 руб. въ мѣсяцъ, глядя по нашему усердію.

— Какіе жь это у нихъ доходы?

— Всякіе. Послужишь—узнаешь. Вчера одного писаря прогнали зато, что вздумалъ отбивать у паспортиста доходы, а и могу тебя чореккомендовать на его мѣсто. Повторяю: недѣлю прованимаешься—и вся твоя хандра съ тебя какъ рукой снимется.

Подстрекаемый желаніемъ избавиться отъ тоски, да любопытствомъ—я согласился, и, чрезъ день былъ принятъ писать, за 8 р. въ мѣсяцъ, съ 7 до 10 часовъ утра и съ 6 до 12 часовъ вечера.

Канцелярія квартала помѣщалась въ двухъ комнатахъ; изъ нихъ въ одной засѣдалъ самъ квартальный, а въ другой—всѣ занимавшіеся. Къ 7 часамъ вечера въ нашу комнату набралась толпа разныхъ лицъ. Къ письмоводителю, обрюзгшему отъ пьянства, пожилому человѣку, подошелъ высокій, краснощекий и коренастый чиновникъ, въ видъ мундирѣ.

— Отчего вы такъ долго не являетесь?—спросилъ письмоводитель.—Мы васъ ждемъ не дождемся.

— Не въ добрый, а въ смирительный домъ запрячете вѣкъ вы меня, значитъ мнѣ не для чего было и торопиться, отвѣтилъ чиновникъ.—Не посоветуете ли мнѣ: какъ отбояриться? Я поблагодарю васъ за это.

— Хотъ сенатъ и осудилъ васъ въ смирительный домъ на 4 мѣсяца, но мы можемъ, если заплатите, и не посадить васъ.

— Сколько же вы желаете получить и какъ это устроите?

— Рублей за полтора ста останетесь дома, а какъ мы это сдѣлаемъ—это нашъ секретъ.

— Заплатить я готовъ, ежели докажете мнѣ, что смирительный домъ, сія горькая чаша, — дѣйствительно минуетъ меня.

— Доказательства наши самыя простыя, но въ то же время и самыя вѣрныя: нашъ лекаръ дастъ свидѣтельство, что вы при смерти, положимъ отъ злѣйшей чахотки, почему сажать васъ и нельзя: помрете. Такъ и донесемъ.

— Гм... Но вѣдь я же долженъ и выздоровѣть? Управа благочинія подождетъ, да запроситъ обо мнѣ.

— А развѣ мы не умѣемъ отписываться? Можете годами болѣть, за запросы и отвѣты платить, а надоѣсть—донесемъ, что вы выбыли, положимъ на Кавказъ, лечиться, а тамъ даже умерли. Хотите, я черкну лекарю записочку, вы съ нею сходите къ нему, заплотите ему полсотню пѣлковыхъ, принесете мнѣ подписанное свидѣтельство и сто рублей, а остальное—мы

ужь уладимъ. Теперь лекаръ дома, поэтому не теряйте времени напрасно.

Чиновникъ дождался обѣщанной записки и отправился съ ней къ лекарю.

— Меня, батюшка, въ уголовную палату тянуть, по паскудному, можно сказать, дѣлу, объ убійствѣ полового въ нашемъ трактирѣ,—заявилъ письмоводителю же пожилой купецъ Дѣло это точно не чистое, а тамъ не ровень часъ сболтнешь что...

— Давай пятьдесятъ рублей и отвѣтимъ, что по розыску тебя въ городѣ не оказалось.

— Съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ. Одначе коли ежели донесутъ, что я продолжаю сидѣть въ трактирѣ, тогда какъ?

— Опять принесешь пятьдесятъ рублей и тебя по розыску опять на жительствѣ здѣсь не окажется.

— И такимъ манеромъ можно будетъ навсегда отвить-нуть?

— Конечно. Давай же деньги безъ всякихъ околичностей. Купецъ исполнилъ требованіе письмоводителя и ушелъ съ благодарностью «за выучку».

— Нѣтъ ли у васъ, батюшка, какого нибудь лишняго паспорта?—освѣдомился прилично одѣтый господинъ.—Я свой потерялъ, потому онъ «волчьимъ прозывался».

— Есть, сколько угодно,—отозвался паспортистъ. Но онъ стоитъ 40 рублей.

— А дешевле нельзя?

— Нѣтъ: чтобы подобрать хоть подъ твой ростъ, да подъ твою рожу,—надо рыться въ дѣлахъ, а мнѣ не досугъ. Станешь торговаться—сейчасъ-же въ кутузкѣ очутишься, самъ открываешься бродягой.

Искатель лишняго паспорта вспыхнулъ, подалъ 40 рублей, паспортистъ полистовалъ бумаги, нашелъ, между ними, паспортъ и вручилъ его просителю.

— Спасибо вамъ за одолженье,—заклучилъ купившій паспортъ.—Теперя я никого не побоюсь.

— Въ нашемъ только кварталѣ съ этимъ паспортомъ не живи и ни въ чемъ не попадайся: обвинимъ въ кражѣ его изъ нашего дѣла,—предупредилъ паспортистъ, пряча деньги въ карманъ.—Ступ-пай на всѣ четыре стороны.

— Вашу манеру запугивать—давно знаемъ, потому не впервые... Прощайте и напредъ, нашего брата, не смущайте.

— Доколѣ жъ вы, ваше бродье, завтраками-то меня станете кормить?—донесся, до мсихъ ушей, изъ смежной комнаты, мужской голосъ.—Я на васъ жалиться пойду, потому хоша платилъ, платилъ вамъ, но изъ за бумагъ, кои не отдаете, убытки терп-пѣлъ.

— Ка акъ?..—закричалъ квартальный Сахаровъ:—ты на ме-

ня жаловаться? Да еще прямо объ этомъ говоришь мнѣ? Ахъ ты кан-наля этакая!

Раздался трескъ оплеухъ.

— Проморю мѣсяцъ,—такъ и жаловаться забудешь. Запереть его въ кутузку!

Проситель тщетно молилъ о пощадѣ: его стащили въ кутузку.

— А ты, стерва этакая, какъ смѣла ругать офицера на улицѣ?—продолжалъ Сахаровъ —Отвѣч-чай!

— Онъ назвалъ меня гулящей, приставалъ ко мнѣ со сквернословьемъ, я и обругала его за это, потому я не стерва, а жена 3 гильдии купца, хозяйка двухъ лавокъ въ Апраксиномъ, —отвѣчалъ звонкій, женскій голосъ. —А онъ не смѣлъ меня трогать, да и вы не должны браниться.

— Такъ ты еще съ гоноромъ? Въ кутузку ее, до утра, а тамъ я съ тобой расправлюсь.

— Я не пойду: вы не можете надо мной распорядиться! Я женщина замужняя, честная..

— Свести ее въ кутузку, да сказать, чтобы ее хорошенько... Охотниковъ много, чай, найдется..

Ни барахтанье, ни плачь женщины не помогли ей: приказаніе Сахарова въ точности исполнили.

Въ этотъ же вечеръ указаннымъ манеромъ сокрушили еще человекъ десять мужчинъ и женщинъ.

По окончаніи занятій въ 12 часу ночи, вся канцелярская челядь, въ томъ числѣ и я, подъ предводительствомъ писемоводителя, отправилась въ ближайшій трактиръ. Всѣ девять человекъ пили и ѣли что хотѣли, имъ подавали, прислуживали съ подобострастіемъ, но ни кто ни за что и копѣйки не заплатилъ. Сцены, которыхъ я былъ очевидцемъ въ кварталѣ, крѣпко застряли мнѣ въ голову и лишили меня аппетита, такъ, что я едва выпилъ стаканъ чаю. Идучи, потомъ, съ Прокофьевымъ домой, я спросилъ его: за что въ трактирѣ всѣхъ «даромъ» угошали?

— А за то, что служимъ въ кварталѣ, въ которомъ всѣ имѣютъ надобность. Въ кварталѣ считается 10 трактировъ, мы и ужинаемъ, поочередно, въ каждомъ изъ нихъ, по три раза въ мѣсяцъ.

На утро молоденькую, измученную купчиху, въ ея новенькомъ, но изодранномъ нарядѣ и въ пляскѣ, заставили метлою улицу мести, до тѣхъ поръ покуда явился ея мужъ и «выкупилъ ее». Въ это же утро я переписалъ бумаги: въ уголовную палату о не розыскѣ купца и о нахожденіи при смерти чиновника, о чемъ посылалось и медицинское свидѣтельство. Вникая далѣе въ то, что при мнѣ творилось,—я постепенно узнавалъ все болѣе и болѣе такихъ мерзостей, отъ которыхъ у меня голова кружилась, сердце сжималось. Въ кварталѣ ежевечерно били, драли, а иногда и убивали разныхъ лицъ, въ томъ числѣ

и женщинъ; надъ ними, кромѣ того, нарочно еще издѣвались... Пьяныхъ мужчинъ и женщинъ обирали, какъ липку, при всѣхъ раздѣвали до нага, вымазывали имъ дегтемъ стыдливыя части тѣла. Содержали мужчинъ и женщинъ часто вмѣстѣ въ вонючихъ коморкахъ, гдѣ женщинъ и насилывали... При описи имущества умершихъ лучшія вещи и деньги силошъ да рядомъ брали себѣ квартальные власти. Арестовывали и по долгу содержали въ кутузкахъ невинныхъ, освобождали виновныхъ, укрывали осужденныхъ, держали, какъ бы на службѣ мазуриковъ; они обкрадывали обывателей и въ самомъ кварталѣ дѣлились, не рѣдко, добычею съ квартальнымъ и его помощниками. Письмоводитель и паспортистъ такъ безцеремонно торговали паспортами, дѣлами и справками, что въ мѣсяцъ доставали, какъ сами хвалились, по тысячѣ и болѣе рублей. Ни провизіи, ни вещей, никто изъ квартальныхъ служака никогда никакихъ не покупалъ: они брали все «даромъ» въ лавкахъ, расположенныхъ въ домахъ причисленныхъ къ кварталу. Отказывать въ чемъ-либо квартальнымъ блюстителямъ и въ особенности тягаться съ ними, — почти всѣ, изъ самосохраненія, остерегались; тѣ же смѣльчаки, которые, случалось, на это отваживались, — въ этомъ потомъ раскаявались: на дерзновенныхъ писали, обыкновенно, клеузныя донесенія, противъ нихъ измышляли всякія небылицы и въ концѣ концовъ сироваживали ихъ «пеньку щипать въ пожарное депо», или въ тюрьму на цѣлые мѣсяцы, либо иногда и «туда, куда Макаръ телять не загонялъ».

Однажды Сахаровъ и письменоводитель взяли меня съ собою на опись достоянія умершаго помѣщика Осипова. Въ богатой квартирѣ нашли мы: покойника — на столѣ, а въ комнатахъ — его вдову и сына, лѣтъ двадцати на видъ. Возвращаясь съ описи, Сахаровъ весело потиралъ руки.

— Сколько мы заработали? — спросилъ его письменоводитель

— Пачку изрядную, а сколько именно — уже сосчитаемъ — отовался Сахаровъ.

— Я всячески старался отвлечь вниманіе студента, покуда вы подобрали пачку, потому чуръ по поламъ.

— Попроламъ жирно будетъ, а четвертую часть удѣлю тебѣ, ребятишкамъ на молочишко.

— И тѣмъ удовольствуюсь.

Они заперлись въ комнатѣ и долго тамъ шептались. На другой день явился молодой Осиповъ и при всѣхъ потребовалъ возвратить ему 1000 р., взятые Сахаровымъ, вѣроятно въ видѣ шутки, какъ онъ прибавилъ.

— Мы взяли ваши деньги? — заоралъ Сахаровъ. — Да какъ вы смѣете это и мыслить, не только мнѣ говорить?

— Что вы взяли — это вѣрно и, если не отдадите, — я сегодня же жалобу подамъ на васъ: у меня и свидѣтели есть — наша прислуга.

— Вы сума сошли! Эй! написать протоколъ объ оскорбле-

ни меня г. Осиповымъ—обвиненіемъ въ кражѣ у него денегъ. Я васъ въ Сибирь за это упеку!

— Посмотримъ кто кого упечетъ. Протоколовъ вашихъ я не боюсь, а за похищеніе нашихъ денегъ—отвѣтите.

— А я вашихъ угрозъ не боюсь. Вонъ отсюда, молокосось этакій!

— Я уйду, но вы узнаете какъ заниматься воровствомъ. Осиповъ ушелъ. На другой день—въ воскресенье,—начальство потребовало къ себѣ Сахарова. Онъ вернулся раздраженнымъ, злымъ, долго шептался съ письмоводителемъ, куда-то отлучился на нѣсколько часовъ, наконецъ вошелъ въ кабинетъ, держа свертокъ печатной бумаги, а за нимъ туда же юркнулъ самый отчаянный мазурикъ по фамиліи Юдка. Въ кварталѣ сидѣлъ, изъ усердія, одинъ я. Юдка оставилъ дверь въ кабинетъ не притворенною: Я прислушался.

— Завтра Осипова будутъ хоронить,—началь Сахаровъ.— Въ этой суматохѣ ты и проберись въ квартиру, въ комнату его сына, васунь этотъ сверточекъ подъ перину его кровати и улизни.

— Слушаю-съ, ваше благородіе.

— Смотри же обработай такъ, что бы и комаръ носа не подточилъ. Красенькою за это награж-жу тебя.

— Радъ стараться Семень Егорычъ. Облапошимъ.

Юдка исчезъ. Миновали сутки. Вдругъ, около 11 часовъ вечера, въ кварталъ ввалились Сахаровъ 3 буточника, 3 дворника, старушка и молодой Осиповы. Сахаровъ, сіялъ отъ радости, а Осиповы выглядели растерянными, испуганными.

— Вы на меня жаловались, намѣревались меня упечь,—заявилъ Сахаровъ,—такъ вотъ же вамъ отвѣтъ.

— Я никогда и не видывалъ, «Колокола»,—отозвался Осиповъ,—по этому его, я полагаю, подложили мнѣ, можетъ статья и по вашему же, напимѣрь, наущенію.

— Иначе и быть не можетъ,—подхватила Осипова.— Я присягну въ этомъ, я буду жаловаться, я найду доступъ и до...

— Жалуйтесь, жалуйтесь кому угодно, а улика на лицо и мнѣ больше ничего не надо. Г. письмоводитель! скорѣй бумагу съ представленіемъ г. Осиповыхъ и найденнаго у нихъ «Колокола».

Мать и сынъ продолжали оспаривать, горячиться. Прокофьевъ переписалъ бумагу. Сахаровъ подписалъ ее и, обращаясь къ Осиповымъ, прибавилъ:

— Теперь ѣдьте. Вы покушались опорочить меня, а сами наравите «туда, куда Макаръ телятъ не загонялъ». Такъ въ добрый часъ.

— Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ, — отгрызнулась Осипова.

— Не стоитъ, маменька, и слова тратить съ этими... презрительно замѣтилъ Осиповъ.

Мать и сына увезли.

Мы писаря, знали, что «Колоколомъ» благовѣстять,— потому чрезвычайно удивлялись, какъ большую такую вещь могли запрятать подъ перину.

— Что же значить разговоръ Сахарова съ Юдкой?—спросилъ я, равьше еще передавъ Прокофьеву слышанное.

— А чертъ ихъ знаетъ. Между ними рѣчь шла, какъ ты говоришь, о сверткѣ бумаги а тутъ «Колоколь». Ты обслышался загадочныхъ ихъ словъ, такъ лучше ужъ и не заикайся: передадутъ Сахарову, либо писмоводителю и тебя прогонять.

— Я, братъ, откровенно скажу тебѣ, —самъ подумываю отказать, чтобы не видѣть и не слышать всѣхъ гадостей: меня страхъ обуреваетъ.

— Разболтаешь —тебя и дома подтибрятъ и за болтовню пропадешь. Осиповы не намъ чета, а и тѣ, слышалъ я, посажены за «Колоколь», хоть и всякій ребенокъ знаетъ, что ни какого, самага даже маленькаго «колокола», подъ перину спрятать нельзя. Съ сильнымъ не борись: одолѣеть.

Я прикусилъ языкъ: мнѣніе Прокофьева показалось мнѣ вѣрнымъ.

Между тѣмъ двухмѣсячное занятіе въ кварталѣ дѣйствительно вытравило изъ моего сердца страсть къ Ольгѣ: квартальная «чудеса» кружили мнѣ голову, болѣзненно дѣйствовали на мой характеръ, возмущали мою душу. Кромѣ того я опасался какъ бы не втянуться въ пьянство за ежедневными ужинами въ трактирахъ, гдѣ меня не рѣдко принуждали пить. Наконецъ и работа по 14—16 часовъ въ сутки утомила, обезсилила меня: я не высыпался, похудѣлъ. Все это вмѣстѣ потянуло меня вонъ изъ квартала.

— Ты, Шумитинъ, въ кварталѣ, слышалъ я, занимаешься? —спросилъ меня разъ Госевъ.

— Да съ, но я думаю отстать.

— И хорошо сдѣлаешь: испортишься въ кварталѣ Занятіе и за хорошую плату,—получишь, на, вотъ, по этому адресу.

Я въ тотъ же вечеръ получилъ отъ писмоводителя расчетъ и уходя, въ послѣдній разъ изъ квартала,—отплевывался на всѣ стороны, точно отъ нечистой силы...

Отдохнувъ слѣдующій, праздничный день,—я въ сумеркахъ явился въ домъ статскаго генерала, предводителя дворянства Коврова. Въ подъѣздѣ стоялъ швейцаръ въ ливреѣ и съ булавою, на ступенькахъ лѣстницы разставлены были громадной величины цвѣты, лѣстница была ярко освѣщена, лакеи бѣгали въ красныхъ камзолахъ; множество роскошно обставленныхъ комнатъ, чрезъ которыя лакей проводилъ меня, —были залиты огнями. Въ обширномъ кабинетѣ полулежалъ, въ огромныхъ, позолоченныхъ креслахъ высокій, плотный мужчина, среднихъ лѣтъ, съ длинными бакенбардами. Лакей доложилъ ему обо мнѣ и удалился. Онъ медленно приподнялся и всматривался въ меня.

— Здравія желаю ваше превосходительство, — робко произнесъ я. — Иванъ Лукичъ Госевъ приказалъ мнѣ явиться къ вамъ заниматься. Вотъ отъ нихъ письмо вамъ.

— Здравствуй, братецъ, здравствуй, — привѣтствовалъ онъ меня. — Я увѣренъ, правда что Иванъ Лукичъ знаетъ тебѣ цѣну, тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ кое о чемъ предупредить тебя. Для обыкновенныхъ дневныхъ дѣлъ у меня своя мѣлая канцелярія, но время теперь очень горячее и ты мнѣ нуженъ здѣсь вечерами, когда ко мнѣ собираются господа, для важныхъ бесѣдъ, о которыхъ ты обязываешься хранить тайну; т. е., все, что тутъ будешь переписывать и слышать.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Помни же: тайна это главное. Возникла, видишь ли, мысль — освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ, а это великое и едва ли быточное событіе съеть, ужасно, по карману насъ помѣщиковъ. Мы и задумались, и обсуждаемъ: какъ быть? На тебѣ я, вотъ вижу, новенькій, тоненькій сюртукъ. Еслибъ твое начальство пожелало взять его себѣ, ты отдалъ бы, или нѣтъ?

— По доброй волѣ нѣтъ, а ежелибъ начальство приказало — отдалъ бы...

— Сюртукъ вѣдь твой собственный, для покупки его ты ночами, конечно, деньги зарабатывалъ. Какъ же начальство можетъ отнять его у тебя?

— По совѣсти — не можетъ, и думаю, но по приказанію можетъ: мы, нижніе чины, люди подневольные, — исполняемъ всякія приказанія начальства.

— Ты правъ, вполне правъ, что выдвигаешь на первый планъ совѣсть, а противъ силы разумѣется бороться трудно. — Сидѣть будешь здѣсь, а за работу я тебя не обижу. Покамѣсть мѣшать некому — перепиши-ка поотчетливѣе записку: черновая, на столѣ, вонъ, лежитъ.

Онъ отправился встрѣчать гостей, а я углубился въ работу. Черезъ часъ до ушей моихъ долеталъ изъ смежныхъ комнатъ оживленный говоръ, споръ, которые постепенно усиливались, но о чемъ вели они рѣчь — я не въ состояніи былъ разобратъ. Лакей принесъ мнѣ на огромномъ серебрянномъ подносѣ, чай и печенья. — Я попросилъ его доложить генералу, что записка готова. Немного погодя ко мнѣ вошли генералъ и нѣкоторые изъ его гостей, — человекъ десять. Всѣ поглядѣли на записку, похвалили мой почеркъ, потомъ одинъ изъ нихъ вслухъ прочелъ записку. Она заключала въ себѣ настойчивую просьбу, или вѣрнѣе требованіе сообщить помѣщикамъ: на какихъ именно условіяхъ правительство полагало освободить крестьянъ, чтобы помѣщики могли заблаговременно обсудить эти условія и представить о нихъ свои мнѣнія. Содержаніе записки одобрили.

— И деликатно и внушительно, — заявилъ одинъ изъ гостей. — Вамъ, Дмитрій Николаевичъ не предводителемъ, а дипломатомъ бы быть: отлично, между строкъ, излагаете сокро-

венную нашу мысль, что безъ нашего согласія ничего не смѣютъ предпринимать.

— Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто,—само довольно отвѣтилъ Ковровъ.—Теперь же предводителемъ быть гораздо почетнѣе, нежели дипломатомъ: судьбы помѣщиковъ и народа приходится рѣшать.

— Да, наше время знаменательное во всѣхъ отношеніяхъ, а главное тѣмъ, что сами себя на закланіе ведемъ,—вставилъ другой гость.

— Отъ насъ, простыхъ смертныхъ, ждуть исполненія воли а на приближенныхъ сквозь пальцы смотреть,—вставилъ другой, полковникъ въ аксельбантахъ.—Орновъ, какъ председатель совѣта, услыжавъ прежде всѣхъ, разумѣется, объ этой затѣѣ, въ тотъ же день заложилъ въ три дорога—свои помѣстья въ Опекунскій совѣтъ, получилъ громадный капиталъ и потомъ началъ распинаться за освобожденіе: онъ, при всякихъ расчетахъ, въ барышахъ останется.

— Ну это по іезуитской системѣ.—вставилъ молодой чело-вѣкъ, по фамліи, какъ я послѣ узналъ, Усачевъ.—По нашему такъ или иначе, а поступай по совѣсти, открыто.

Развѣ по совѣсти хотятъ пустить насъ съ сумою, отнять у насъ то, что добыли наши предки своею кровію на поляхъ битвъ, за служеніе отечеству?—горячо заговорилъ старичекъ.—Конечно—нѣтъ, сто разъ нѣтъ!

— Однако многіе признаютъ эту мѣру необходимою, справедливою, въ обще-государственныхъ интересахъ,—вставилъ Ковровъ.—За реформу распинается напр., Постовцевъ, не смотря на свю вообще изрядную отсталость.

— Ссылайтесь на авторитетъ кого угодно, только не этого господина,—возразилъ старичекъ.—Онъ, предатель—этою мѣрою стремится смыть со своего имени темное пятно, а вы ему вѣрите, полагаетесь на его слова!.. Такіе радѣтели о благѣ Россіи приведутъ ее къ разложенію, къ гибели!

— Нѣ-ѣтъ: вы, Иванъ Ивановичъ, слишкомъ ужъ мрачно смотрите на исходъ этого дѣла,—замѣтилъ третій;—по этому выражаетесь сильно, рѣзко...

— Здѣсь нѣтъ, надѣюсь, шпіоновъ; я и говорю, что чувствую.

— Въ моемъ домѣ каждый воленъ свободно и безопасно выражать свои мнѣнія: я окруженъ честными, благомыслящими людьми, хоть и различныхъ взглядовъ на предметъ. Меня могутъ, правда, не одобрить, какъ носящаго придворное званіе, за допущеніе, быть можетъ, и не желательныхъ сужденій,—но я предпочту скорѣе сложить съ себя званіе, нежели стѣснить кого либо въ сужденіяхъ по животрепещущему, для каждаго изъ насъ, вопросу. Я смотрю на дѣло съ точки зрѣнія совѣсти.

— И прекрасно,—подхватилъ Усачевъ—Я, какъ вамъ, -гол

пода, извѣстно, изъ богатыхъ помѣщиковъ, но по своей совѣсти полагаю, что освободить крестьянъ надо, непременно надо! А какъ это освобожденіе тяжело отразится прежде всего на нашемъ благосостояніи, то за эту, приносимую нами, для блага родины, жертву, — пусть одновременно съ нею дадутъ всей нашей родинѣ соотвѣтствующія этой жертвѣ необходимыя же права, преимущества.

— Какія, какія вы желаете права и преимущества? — крикнуло нѣсколько голосовъ разомъ.

— Извольте, я скажу вамъ, какими я удовольствуюсь правами. Избавленіемъ всѣхъ отъ тѣлеснаго наказанія, свободою религіозной и печати, гласнымъ судомъ, земскими учрежденіями, сокращеніемъ срока солдатской службы съ 20 на 5 лѣтъ, уменьшеніе арміи въ мирное время тысячь до — 40—50, гражданскимъ бракомъ и.. За всѣ эти реформы я готовъ освободить крестьянъ безъ всякаго вознагражденія, въ увѣренности, что всѣ мы, дворяне, найдемъ средства къ безбѣдному существованію въ полезной общественной дѣятельности, которую мы быстро поднимемъ нашу родину на степень благоустроеннаго государства.

— Вы, милѣйшій Андрей Мироновичъ, повторяете, извините меня за откровенность — идеи «Колокола», — возразилъ Кевровъ. — Идеи эти не спорю, благородныя, симпатичныя, но теоретичныя: вѣдь до сихъ поръ еще наша страна «велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Она и коснѣетъ въ такомъ глубокомъ невѣжествѣ, что мы далеко не доросли до этихъ реформъ, запутаемся въ нихъ и натворимъ Богъ вѣсть какихъ бѣдъ. Государственный ростъ бываетъ тогда лишь правиленъ, когда происходитъ постепенно, слегка, а не сразу.

— Дайте, сдѣлайте милость, дайте только намъ все то, что я говорю и я убѣжденъ, что мы со всѣми учрежденіями отлично справимся: въ самомъ послѣднемъ грубомъ мужикѣ искони живучи два превосходныя качества: здравый смыслъ и чувство чести, а съ этими двигателями можно всего достигнуть...

— Не въ нашемъ, любезнѣйшій другъ мой, отечествѣ, а лишь въ порывистомъ «кличѣ съ того берега».

— Отчего же и не въ нашемъ отечествѣ, когда и «кличъ съ того берега» раздается нашими же устами, трудами, прощя — корреспондентами изъ нашихъ столицъ, губернскихъ городовъ и всякихъ захолустьевъ?

— Оттого, что во первыхъ — самъ издатель «Колокола» и «клича» не чистъ: онъ выбрался на вольный берегъ не съ пустыми руками, а съ милліончикомъ — подаркомъ отца и изъ безопаснаго, прекраснаго далека, да обеспеченнымъ — подстрекаетъ васъ, простаковъ. Во вторыхъ — на томъ берегу нѣтъ ничего не позволительнаго, начиная съ произвольной постановки печатнаго станка на любомъ перекресткѣ, тогда какъ на нашемъ берегу за одни лишь, хотябъ и дома, — разговоры въ ва-

шемъ смыслѣ,—есть такія, къ прискорбію, значныя мѣста, надъ которыми блестятъ шпиги соборовъ, въ которыхъ птицы замерзаютъ отъ стужи, люди влачатъ тачки, кандалы и т. д.

— Гражданское мужество сокрушаетъ, какъ многократно доказала намъ, напр., Франція,—и значныя мѣста и шпиги и кандалы и т. п. Мужества, самоотверженія и любви къ родинѣ, — вотъ, господа, чего намъ не достаетъ, между тѣмъ какъ въ простомъ нашемъ народѣ все это, увѣряю васъ, есть въ достаточномъ количествѣ.

— Въ васъ кипятъ молодость, неопытность и стремленіе къ высокимъ идеаламъ, а все это въ совокупности взятое и побуждаетъ васъ видѣть народъ еъ розовомъ свѣтѣ.

— Чтобы доказать вамъ свою правоту спросимте, пожалуйста, мнѣнія представителя народа, благо онъ здѣсь и слышалъ весь нашъ споръ.

Усачевъ указалъ рукой на меня. Я сконфузился.

— Спросите, спросите —раздалось съ разныхъ сторонъ.— Любопытно знать и его мнѣніе.

— Отвѣтъ, любезный другъ, откровенно, по совѣсти, на нѣсколько моихъ вопросовъ.

— Извольте, — отозвался я, покраснѣвъ, какъ ракъ. — Чего я не пойму — извините, если я не такъ и скажу.

— Безъ всякихъ стѣсненій скажи намъ свое мнѣніе. Ты знаешь, конечно, что крестьяне принадлежатъ помѣщикамъ и безъ ихъ позволенія ничего не могутъ дѣлать. Есть, между помѣщиками, хорошіе, посредственные и дурные къ крестьянамъ. Слѣдуетъ ли крестьянъ освободить отъ всѣхъ помѣщиковъ, чтобы они, какъ взрослые, сами управляли своими дѣлами.

— Слѣдуетъ, кажется мнѣ: начальство, будь оно хоть и хорошее, — все таки начальство и ему надо подчиняться; при дурныхъ же начальникахъ подчиненнымъ чистая бѣда; по этому сдѣлаться «вольнымъ», чтобы самому собою управлять, всякому желательно.

— А съ освобожденіемъ слѣдуетъ ли дать крестьянамъ: землю для добыванія изъ нея пищи, лѣсъ для постройки и топки домовъ, а рѣчки для ловли рыбы?

— Тоже, думаю, слѣдуетъ: безъ земель, лѣсовъ и рѣкъ крестьянамъ жить не чѣмъ будетъ.

— Но вѣдь земли, лѣса и рѣчки помѣщицки, значитъ они должны получить за это плату?

— Платить крестьяне должны помѣщикамъ только за землю, потому ее надо еще обрабатывать; лѣса же и рѣчки крестьянамъ для домашняго обихода даромъ надо отводить: и лѣса растутъ и рыба плодится сама по себѣ, безъ всякихъ помѣщичьихъ затратъ.

— А избавить всѣхъ отъ тѣлеснаго наказанія слѣдуетъ?

— Непремѣнно съ: драгье исправляетъ только рѣдкихъ, а

ожесточаетъ почти всёхъ, тогда какъ ласковость, пристыженъе, сколько я знаю, скорѣе стучаетъ отъ проступковъ.

— Ну, а сократить срокъ вашей службы слѣдуетъ?

— Разумѣется: чѣмъ меньше число лѣтъ будутъ держать, тѣмъ лучше будутъ служить, а то какъ знаешь, что сроку конца нѣтъ, — все и дѣлаешь зря. Кромѣ того, отъ долгой службы все солдаты теряютъ родныхъ, а потомъ некуда имъ и голову преклонить.

— Слѣдуетъ-ли винить провинившихся гласно, при народѣ?

— Тоже слѣдуетъ: за невинныхъ народъ тогда заступится, да и судьи стѣснятся кривить душой.

— Bravo, bravo! — крикнули трое, похлопавъ въ ладоши.

— Слѣдуетъ ли позволять молиться кто какъ хочетъ?

— И это можно позволить: тѣ, которые дурно, или совсѣмъ не будутъ молиться, отвѣтять за это предъ Богомъ, а какая Богу угоднѣе молитва трудно рѣшить.

— Молодецъ, молодецъ, — повторили нѣсколько голосовъ.

— Дов-вольно, довольно — заговорили голоса. — Народъ, если судить по этому его представителю и атеистъ, и коммунистъ и социалистъ, словомъ все, что угодно.

— Но народъ, какъ видите, отлично понимаетъ свою пользу, умѣетъ и угадывать истинную цѣль, и отличить хорошее отъ дурнаго, — горячо молвилъ Усачевъ. — Спасибо тебѣ дружокъ за твои прекрасные доводы, которыми я, вѣрь чести, горжусь.

— Ужинъ поданъ, — доложилъ лакей.

— Вотъ тебѣ, любезный, за сегодняшній трудъ, — сказала Ковровъ. — Поужинаешь, такъ ступай домой, а завтра приходи сюда къ 7 часамъ вечера.

— А вотъ отъ меня возьми, дружокъ, за разумное твое сужденіе, — прибавилъ Усачевъ.

— Отъ меня же вотъ тебѣ еще что, — вставилъ третій, худенькій, рыжеватенькій молодой человекъ, безъ усовъ и бороды въ очкахъ. Онъ поцѣловалъ меня въ щеку. — Ты доставилъ мнѣ истинное наслажденіе.

Усачевъ взялъ его подъ руку и они удалились. Я посмотрѣлъ бумажки и взликовалъ: мнѣ дали: Ковровъ — 10, Усачевъ — 25, а третій — 5 р., когда за 40 р. я въ кварталѣ просидѣлъ бы почти 7 мѣсяцевъ! Мнѣ подставили 3 разныя бутылки вина, но я ни до одной не дотронулся, рѣшившись не пить, а поужиналъ, по барски, 5 вкусныхъ блюдъ и ожидая возвращенія Коврова, чтобы откланяться, на досугъ сталъ перебирать на столѣ, книги, газеты и вдругъ наткнулся на печатную тетрадку, въ заголовкѣ которой стояло «Колоколь». Я съ жадностью сталъ читать, но почувствовалъ, по рѣзкости выраженій противъ властей, страхъ, а самъ все читалъ, да читалъ дальше. На этомъ занятіи меня засталъ Ковровъ, спросилъ, что я понималъ, я отвѣтилъ «плохо» и онъ въ нѣсколькихъ словахъ разъ-

яснилъ мнѣ значеніе «Колокола». Тогда-то я сразу догадался, какую подлость смастерилъ Сахаровъ съ Осиповыми и вкратцѣ разсказалъ объ этомъ Коврову. Онъ записалъ себѣ на память мой разсказъ и обѣщалъ похлопотать за Осиповыхъ.

Съ слѣдующаго вечера Ковровъ положилъ мнѣ по 5 р. за вечеръ, писалъ же я не болѣе 3-хъ листовъ съ 7 до 12 часовъ. Нѣкоторые изъ гостей Коврова тоже давали мнѣ работу, но меньше рубля за листъ никто мнѣ не платилъ. Обходились со мной всё хорошо, а кормили меня отлично. Только, споры между собиравшимися къ Коврову помѣщиками продолжались. Въ пылу спора они не рѣдко продолжали и потомъ спрашивать моего мнѣнія.

— Возможно-ли, скажи пожалуйста, — озадачилъ меня однажды, пожилой помѣщикъ, — обойтись крестьянамъ безъ помѣщика, для разрѣшенія ихъ споровъ, для полученія совѣтовъ по ихъ дѣламъ, такъ какъ сами они не понимаютъ, да и не могутъ мирно кончать споровъ?

— Для такихъ случаевъ помѣщики, разумѣется, полезны крестьянамъ — отвѣтилъ я. — Но если помѣщиковъ и не будетъ, крестьяне спросятъ попа, старосту или писаря.

— Ни попа ни старосту, ни писаря крестьяне не боятся, а помѣщикъ можетъ быть и ихъ начальникомъ, тѣмъ болѣе, что безъ начальства имъ тоже жить нельзя: перегрызутся

— Начальство вездѣ есть, значитъ оно и крестьянамъ нужно, для острастки.

— Слышите, господа, слышите: и онъ стоитъ за сословную волость, съ помѣщикомъ во главѣ.

— Такая волость ни два, ни полтора и потому я полагаю: или освободить безъ земли, чтобы ее арендовали у насъ и тѣмъ самымъ сохранилась бы за нами хоть косвенная власть, или рѣшительно отвергнуть освободительную затѣю.

— Отвергнуть, отвергнуть — подхватили одни.

— Ну вѣтъ: это не годится, за это насъ хватятъ по шапкѣ, — возразили другіе.

— Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ.

— Отвѣтъ, можетъ быть хуже бѣдъ, по этому надо дѣйствовать осторожно.

— Полноте, господа, трусить въ такой рѣшительный моментъ, а присоединитесь лучше къ моему проекту, — усовѣщевалъ Усачевъ. — Разомъ порвемъ всё связи съ прошлымъ и начнемъ, новую эру, быстро освѣжимъ, обновимъ отечество.

— Быть вамъ, какъ бычку, на веревочкѣ за ваше ораторство. Ой, утомонитесь, пока еще пѣлы.

— Я, какъ Сусанинъ «страху не страшуся, смерти не боюся» и если придется поплатиться за идею, которой я преданъ, — я готовъ.

— Перестаньте хлопотать объ идеѣ въ то время, когда мы наканунѣ разворенія, нищеты.

Въ этомъ родѣ долго еще спорили. Съ двадцать пятого, кажется, вечера число гостей постепенно начало убавляться. Перваго не стало Усачева. Въ этотъ вечеръ, когда его не дождались, гости говорили значительно сдержаннѣе, а съ языка нѣкоторыхъ срывались слова «мерзость, подлость».

— Возьми на столѣ 10 р. Андрей Мионовичъ, на память тебѣ оставилъ,—сказалъ мнѣ озабоченный Ковровъ. — Это, къ сожалѣнію, ужь нѣтъ въ городѣ.

— Куда же онъ дѣвался? — полюбопытствовалъ я, такъ какъ Усачевъ очень мнѣ нравился.

— За его чрезъ чуръ ужь вольныя рѣчи, какія онъ вездѣ вель,—его увезли въ деревню. Онъ далеко могъ бы пойти, да жаль «языкъ нашъ врагъ нашъ». И ты, будь, смотри, остроженъ.

— Будьте, ваше превосходительство, спокойны за меня: я ничего ни кому не говорю.

— То-то же.

Поднялся шумъ. Нѣсколько гостей принялись сочинять протесты, изъ которыхъ одинъ единогласно одобрили.

— Перепиши-ка молодецъ! — велѣли мнѣ.

— Нѣтъ, господа, отъ этой работы именно его и освободите: онъ совершенно безправный, беззащитный,—заступился за меня Ковровъ.—Мы протестуемъ, мы и отвѣтимъ, а ему въ нашемъ пиру не основательно опохмѣляться только за свой почеркъ.

— Правда, правда, — поддержали съ разныхъ сторонъ.—Я перепису, я перепису,—продолжали голоса.

Одинъ изъ нихъ сѣлъ къ столу и живо переписалъ протестъ противъ удаленія Усачева. Протестъ этотъ въ нѣсколько минутъ покрылся множествомъ подписей. Тогда же выбрали трехъ, со старичкомъ во главѣ, для подачи бумаги.

Слѣлющіе два-три вечера прошли, помню, вяло, скучно: крикуны уже не появлялись, а человекъ десять остальныхъ бесѣдовали скромно, даже въ полголоса, часто озирались, какъ бы остерегаясь, чтобъ не подслушали ихъ рѣчей.

— Видите, господа, не одинъ нашъ Усачевъ ратуетъ за идею,—заговорилъ вошедшій старичекъ.—Отомъ же почти самомъ, за что онъ усаженъ въ деревнѣ,—подали вотъ эту записку пятеро *) дворянъ изъ разныхъ губерній. Хоть я и противникъ ихъ мнѣнія, по существу, но преклоняюсь, никакъ же преклоняюсь предъ ихъ самоотверженіемъ, можно сказать даже рыцарствомъ! Я горжусь и своимъ землякомъ—Усачевымъ: его духъ витаеетъ по страницамъ этого открытаго, доблестнаго мнѣнія. Я съ большимъ трудомъ досталъ до утра, для списанія, экземплярикъ, подъ величайшимъ секретомъ и подъ честнымъ словомъ возвратить его не позже 9 часовъ.

*) А. М. Унковскій, Дубровинъ и проч.

— Читайте, читайте вслухъ, — приступили гости къ старичку.

— Запретесь и тогда читайте: наше собраніе уже отмѣтили, слѣдовательно могутъ и накрыты!.. Кстати, доложу вамъ и в тѣ что: намъ, вашимъ депутатамъ по протесту, такъ сильно шею намылили, что мы чуть было совсѣмъ не раскисли.

Заперли кабинетъ, расшили записку и въ 6 рукъ стали ее списывать. Мнѣ достались послѣднія три страницы, по содержанию, помню, совершенно, сходныя съ рѣчами Усачева. Послѣдующіе два вечера всѣ продолжали списывать ту же записку, со своего уже экземпляра: каждому хотѣлось имѣть себѣ цѣлый экземпляръ на память.

Слабое освѣщеніе лѣстницы и комнатъ, да унылый видъ лакеевъ удивили меня. Самого Коврова засталъ я задумчивымъ, разстроеннымъ. Спросить его о причинѣ столь рѣзкой, во всемъ переменѣ, — я не посмѣлъ. Около часу разбиралъ я равныя перебѣленные бумаги, подкладывая по предметамъ и сшивалъ ихъ. Ковровъ перелитывалъ какую-то толстую книгу и дѣлалъ на поляхъ страницъ отмѣтки карандашемъ.

— А-а, Иванъ Ивановичъ, здравствуйте — грустно произнесъ онъ, явившемуся одному изъ гостей. Что новаго?

— И не спрашивайте! знаменитыхъ «пятерыхъ» уже вывели отсюда, а изъ Тверскихъ цѣлую, говорятъ, дюжину разсѣяли по лицу земли русской, по «не столь отдаленнымъ мѣстамъ».

— Это и я уже знаю, и, во избѣжаніе той же участи, о которой и мнѣ намекнули, за допущеніе въ моемъ домѣ лишнѣхъ разговоровъ, — я уѣзжаю, завтра же, за границу, освѣжиться.

— Счастливаго пути желаю вамъ.

— И вамъ того же: вы вѣдь въ свою палестину собираетесь?

— Да, къ домочадцамъ отправляюсь и тамъ буду ждать предуготованной намъ участи.

Они поговорили немного и распрощались. Въ тотъ же вечеръ кончились и мои у Коврова занятія, за то въ продолженіи 35 вечеровъ я скопилъ 225 р.; — огромный капиталъ.

ХІХ.

Служба въ высшихъ учрежденіяхъ.

ДѢЛАВШИСЬ, внезапно, богачемъ, — я рѣшился заняться улучшеніемъ своей судьбы. Изъ лучшихъ, по почерку, писарей департамента часто переводили въ 1 и 2 отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, да въ Кавказскій комитетъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ писаря носили чинов-

ничью форму, получали жалованья по 200—300 рублей, да по стольку же награды. За это вознагражденіе они обязывались переписывать бумаги отличнымъ, каллиграфическимъ и непременно одинаковымъ почеркомъ. Писарямъ этихъ мѣстъ мы, простые смертные, завидовали, за ихъ богатство и франтовство въ одеждѣ. Между писарями комитета находился бывший товарищ Моронкова и мой знакомый Кузьминъ. Онъ и обѣщалъ посодѣйствовать переводу меня въ комитетъ, когда тамъ откроется вакансія. Я и началъ досугами, ходить къ нему и всматриваться въ ихъ положеніе. Жили они,—человѣкъ десять,—по двое, по трое въ комнатѣ, точно также, какъ мы: аккуратные,—лучше, мотыги—хуже. Все ихъ начальство состояло изъ трехъ лицъ: экзекутора, правителя канцеляріи и управляющаго дѣлами комитета.

— Вы хотите къ намъ?—спросилъ меня, разъ, одинъ изъ комитетскихъ писарей Васильевъ, когда я ждалъ, покуда Кузьминъ допишетъ какую то бумагу.—По совѣсти не совѣтую вамъ добровольно обречь себя на нашу каторжную работу.

— Какъ такъ?—воскликнулъ я, думая, что Васильевъ меня запугиваетъ изъ недоброжелательства.—Убѣдите меня въ вашей правотѣ—и я васъ послушаю.

— Ну такъ слушайте же. Мы садимся за работу ежедневно, круглый годъ, не позже 9 часовъ утра, пялимъ глаза и двигаемъ рукой до обѣда, потомъ опять тоже до 8 часовъ вечера, а когда, какъ часто случается,—прикажутъ—и до 12 и 3-хъ ночи, безъ разбора. Оттого мы всѣ испитые, заморенные и чахотку насиживаемъ. У меня она уже есть, хоть я только годъ здѣсь служу. Собственно дѣлъ у насъ такъ не много, что всю суточную нашу работу легко сдѣлать въ теченіи 3-хъ 4-хъ часовъ; но мы обязаны: каждую букву отчеканивать; отпуски писать тѣмъ же самымъ почеркомъ, какъ бѣловыя журналы, а подскабливать даже запятую, штрихъ какой-нибудь,—намъ строжайше запрещено!. Это водотолченье часто приводитъ насъ въ бѣшенство!..

— Кто же это у васъ такъ странно распоряжается?

— Правитель канцеляріи, генераль В... по приказанію главнаго нашего генерала Г... который ногами на В... топаетъ, при насъ же дуракомъ его называетъ.

— Такъ не вы одни, а и онъ вѣдь терпитъ?

— Да, терпитъ, за то, что Г... въ генералы вывелъ его, и щедро награждаетъ деньгами, благо ихъ въ казначействѣ сколько угодно.

— Значитъ назвался «груздемъ, такъ и полѣвай въ кузовъ».

— Да, это такъ, но кузовъ-то этотъ особенно для насъ невыносимъ: оба при обширныхъ ихъ казенныхъ квартирахъ получаютъ громадное содержаніе и несмотря на это своимъ лакеямъ и кучерамъ платятъ жалованье какъ бы сторожамъ кан-

целяри; продовольствуют ихъ вмѣстѣ съ нами, на казенный же счетъ; отопляютъ и освѣщаютъ свои хоромы отъ казны же, подъ видомъ канцеляри, а насъ и канцелярію держать въ коморкахъ.

— У васъ есть, слышалъ я, много знатныхъ чиновниковъ. Неужели же никто изъ нихъ не обижается, не высказываетъ вашимъ начальникамъ претензіи на то, что имъ приходится сидѣть въ коморкахъ?

— У насъ числится, правда, постоянно до двадцати князей, графовъ, бароновъ и прочихъ аристократовъ, но изъ нихъ никто, увѣряю васъ, не знаетъ, гдѣ помѣщается канцелярія: они въ нее никогда и не заглядываютъ, ровно ничего и не дѣлаютъ, а пріѣзжаютъ къ самому Г... чаще къ его женѣ, повертѣтся около нихъ, поприхвостничать и собственно за это имъ раздаются значительныя награды, должности. Они составляютъ, изстари напр., депо кандидатовъ въ губернаторы и вице-губернаторы. Лишь только Г... или жена его напишетъ письмо объ комъ нибудь изъ нашихъ бездѣльниковъ, — глядишь чрезъ недѣлю, много двѣ, — онъ уже губернаторствуетъ, либо вице-губернаторствуетъ, а какъ — понять нельзя: многіе изъ нихъ по русски и писать не умѣютъ, хотя и природные русскіе. Предъ Г... всѣ трепещутъ, потому что всѣмъ можетъ вредить. Намедни на моемъ дежурствѣ явился къ нему, напр. офицеръ Розенгеймъ съ просьбою позволить напечатать сочиненные имъ стихи.

— Вы, офицеръ, должны заниматься службою, а отнюдь не стихами, — закричалъ Г... пробѣжавъ нѣсколько строчекъ. — Я вамъ покажу какъ вольнодумствовать! Нельзя!

Розенгеймъ *) такъ испугался, что въ лопыхахъ уронилъ каску, поднялъ ее и мигомъ скрылся.

— Вы все рассказываете объ строгостяхъ, а вѣдь «гдѣ строгость — тамъ и милость»: васъ и въ чиновники безъ сроковъ и экзаменовъ производятъ, да и вознаграждаютъ чудесно, стало быть «стерпится — слюбится».

— Ошибаетесь! Впервыхъ, чтобы добиться чина — надо прожить ангеломъ лѣтъ 8—10, а это рѣшительно невозможно: объясненій, оправданій и въ особенности возраженій у насъ никакихъ, ни подъ какимъ видомъ, не допускается. Эквекторъ и Б... чрезъ свою прислугу узнаютъ все, что мы даже думаемъ. Мало того: они и сами ночами шляются въ халатахъ, благо рядомъ съ нами живутъ. — по нашимъ коморкамъ и видятъ, разумѣется, кого и когда дома нѣтъ. Жениться никому изъ насъ не позволено; ходить къ намъ женщинамъ тоже нельзя, хоть мы и не монахи. Вотъ и ставятъ намъ всякое лыко въ строку. Еслибъ съ производствомъ въ чиновники мы

*) Умеръ генераломъ и военнымъ судьей.

освободились отъ катаржной работы —отчеканивать буквы, могли бы жениться и жить на волѣ,—пожалуй еще стоило бы терпѣть до чина, а то нѣтъ: мы закрѣпощены весь вѣкъ буквы отчеканивать, молчать, вставать и ложиться подъ страхомъ за завтрашній день: чуть что —и къ черту на кулички высылаютъ нашего брата. Разсудите же, послѣ этого: къ чему намъ чинъ, деньги, когда мы въ положеніи каторжныхъ?

— Ежели такъ,—переводились бы въ другія мѣста: Петербургъ не клиномъ. чай, сошелся.

— Для насъ самымъ, напротивъ, ужаснымъ клиномъ. Намъ отсюда открыты издавна только двѣ дороги: тѣмъ, которые обзлыта и сгрубятъ—въ дальній горнизонъ, изъ енотовой шубы—въ сѣрую шинель, съ 300—на 3-хъ рублевое годовое жалованье; а тѣмъ, которые зносливы — въ могилу, туда же бѣжать съ чинами, или безъ чиновъ—рѣшительно все равно.

— Не красна же, признаюсь, ваша жизнь!

— Мы ее и маячимъ день, да ночь и сутки прочь...

— Не удивляйтесь: «тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ».

— Именно такъ, — со вздохомъ вставилъ вошедшій Кузьминъ. блѣдный, какъ полотно. — А, здравствуйте, обратилъ ся онъ ко мнѣ. Ужасъ, братъ, бѣда случилась. Афанасьевъ не успѣлъ переписать къ сроку бумагу. Б..., прибѣжалъ и закричалъ на него. «Я, ваше превосходительство, съ раняго утра сижу не разгибаясь, сказалъ Афанасьевъ. Да и пишу не двумя, а одною—руксю». «Молчать» гаркнулъ Б... «Позвольте мнѣ сдѣлать милость, ваше превосходительство, обратно въ департаментъ, произнесъ Афанасьевъ. Я, сколько ни стараюсь —не въ силахъ тутъ служить.» «За эту дерзость въ гарнизонѣ будешь служить» зарычалъ Б... Онъ побѣжалъ къ Г..., вернулся отъ него съ подписанною бумагою, самъ занумеровалъ, запечаталъ ее. приказалъ сторожу принести шинель и шляпу Афанасьеву, и, когда сторожъ это исполнилъ —приказалъ фельдъегерю свезти конвертъ и Афанасьева въ инспекторскій департаментъ, для отсылки Афанасьева въ гарнизонъ...

— Слышите, слышите, что съ нами дѣлается? — адресовался ко мнѣ Васильевъ.—Правъ я, или нѣтъ, что мы въ каторгѣ? А ты еще и его приглашаешь,—прибавилъ онъ укоризненно Кузьмину.— Не ходите, не ходите, если дорожите собой

— Да вакансія теперъ открылась,— съ замѣпательствомъ проговорилъ Кузьминъ.—Если попросить—переведутъ. .

— Да вы хоть озолотите меня—я къ вамъ не жел-лаю.

— И прекрасно поступаете,—одобрилъ Васильевъ, закапляя-писью.--Вы домой и я съ вами—поговорить съ вашими объ Афанасьевѣ.

Между тѣмъ писаря канцелярїи военнаго министра хвастались своею свободною и благородною, хорошою службою. И вотъ тамъ открылась вакансія, на которую меня и перевели,

по рекомендаціи знакомыхъ писарей. Канцелярія распалася на нѣсколько отдѣленій; въ каждомъ изъ нихъ дѣйствительно служило человекъ по 10—15 чиновниковъ и по столько же писарей. Получали писаря: жалованья по 50 р. въ годъ (въ департаментахъ по классамъ: 3-му—21 р., 2-му—25 р. и 1-му—33 р.), да награды отъ 80 до 200 р. въ годъ (награды въ департаментахъ не превышали и 30 р. въ годъ). Увеличенное содержаніе оправдывали тѣмъ, что канцелярія—высшее учрежденіе министерства, а писаря въ ней занимались и по праздникамъ, въ которые въ департаментахъ занятій не было. Писарямъ канцелярії, кромѣ того, часто перепадали деньги отъ богатыхъ и знатныхъ своихъ начальниковъ чиновниковъ (за исключеніемъ произведенныхъ изъ писарей—людей бѣдныхъ) многочисленныхъ членовъ совѣта чиновниковъ особыхъ порученій, адъютантовъ и являвшихся по разнымъ случаямъ, генераловъ и другихъ лицъ, за составленіе и переписку разныхъ ихъ представленій, рапортовъ и частныхъ бумагъ. Нѣкоторые, опытные, старые писаря пользовались еще и доходами за нарушеніе канцелярской тайны, преимущественно по подряднымъ дѣламъ. Такъ, что обычною частною перепискою бумагъ занимались лишь семейные писаря, да и тѣ сводили знакомства и дружбу съ прислугою окрестныхъ лучшихъ гостинницъ гдѣ останавливались богачи и чрезъ эту прислугу доставали выгодную работу. Такимъ образомъ, всѣ писаря всегда располагали деньгами, одѣвались щегольски: днемъ въ отличные сюртуки и сѣропѣмекія шинели, а вечерами—многіе въ партикулярное платье.

Помѣщались писаря канцелярії и трехъ департаментовъ: семейные—въ коморкахъ подвального и чердачнаго этажей, а холостые—по 10, 20, 40 и 70 человекъ въ комнатѣ; продовольствовались довольно хорошою пищею. Писарей департаментовъ безъ билетовъ за ворота дома не выпускали; ежевечерно повѣряли; за чистотою плохенькаго ихъ обмундированія, за аккуратною стрижкою и бритьемъ ихъ волосъ и за поведеніемъ—строго слѣдили; провинившихся часто сажали въ карцеры, смѣщали изъ высшихъ въ низшіе классы, рѣдко драли, а иногда и разжаловывали и ссылали. Писаря же канцелярії (жили въ отдѣльной комнатѣ, называвшейся «неприступною крѣпостью») въ должности пользовались полнѣйшею, во всѣхъ отношеніяхъ, независимостью и единодушно, энергически отстаивали свои, какъ говаривали «вольности» всевозможными средствами.

Смотритель дома вообще рѣдко къ нимъ заглядывалъ; но, когда и заходилъ, случалось, для проформы,—всегда начиналъ со словъ: «здравствуйте господа.»

— Повѣрку, что-ли вздумали намъ сдѣлать?—насмѣшливо озадачивалъ его одинъ.—Мы сами за себя отвѣтнимъ.

— Передѣлайте-ка лучше печку: дымить,—подхватывалъ другой.— Въ смѣтѣ небось не стѣсняетесь..

— Да и выкрасить стѣны и полъ пора, а то живемъ какъ въ конкшнѣ,— продолжалъ третій. — Полюб-буйтесь.

— Отъ меня это не зависитъ,—возражалъ смотритель. Просите начальство, и, коли оно разрѣшитъ —я съ удовольствіемъ и паркетъ сдѣлаю.

— Коль скоро передѣлки не отъ васъ зависятъ,—такъ и ходить сюда вамъ нѣ зачѣмъ!

— Я обязанъ смотрѣть за вами, по этому не смѣйте говорить мнѣ дерзости!

— Охъ, какіе страхи!.. Не дай Богъ къ ночи.. Мы васъ знаемъ только какъ смотрителя *зданія*. Гасите, господа, огни: пусть въ потемкахъ смотреть.

Предложеніе мигомъ исполнялось, среди общаго хохота и смотритель убѣгалъ, опасаясь какъ бы въ потьмахъ «буяны ребра его не пощупали».

Безграничная свобода проживавшимъ «въ неприступной крѣпости» — писарямъ канцеляріи приносила положительный вредъ: безобразія среди нихъ царили самыя невообразимыя. Наступала напр, глухая полночь. Большинство спало. Вдругъ вваливались двое—трое, затыгивали, во все горло, пѣсню, зажигали огни, будили и стаскивали товарищей съ кроватей, ставили на полъ, посреди комнаты, четвертную водки, раскладывали закуски, усаживались вокругъ и пили и пѣли до тѣхъ поръ, покуда тутъ же сваливались и засыпали или перессорившись —избивали другъ друга. Корридорный часовой, услышавъ «бунтъ», —сообщалъ смотрителю и онъ по неволѣ являлся со сторожами забирать буяновъ подъ арестъ. Всѣ буяны мигомъ сплывались, схватывали табуреты, стулья, тарелки, стаканы и начинали отбиваться... Звонъ разбиваемой посуды, трескъ табуретокъ, крикъ, неистовая руготня потрясали воздухъ!.. Сила буяновъ увеличивалась по правиламъ товарищества, страха взысканія ни въ комъ никакого не было и смотритель удалялся съ своимъ войскомъ, чтобы не произошло убійства... На утро онъ жаловался на буяновъ, они —на него, но начальство канцеляріи чрезмѣрно деликатное.—отказывалось разбирать домашнія писарскія дразги, потому и оставляли взаимныя жалобы ихъ —на смотрителя, асмотрителя на нихъ —безъ всякихъ послѣдствій. Это и было по вкусу буянамъ, которые такимъ образомъ принуждали трезвыхъ проводить безсонныя ночи, либо уходить спать въ канцелярію. Сами трезвые не жаловались изъ нежеланія «марать мундира канцеляріи» не лишиться дорогихъ каждому «вольностей», не прослыть кляузниками, да и не огорчать начальство: буянили лучшіе переписчики, которыми дорожили. Оттого же трезвые, во вредъ себѣ и истинѣ при спросахъ, поддерживали буяновъ, скрывали ихъ (подбитыхъ, или пьянствовавшихъ), подъ предлогомъ болѣзни недѣлями не

являвшихся на службу, да еще и работали за нихъ!.. Вольно-стями писаря канцеляріи пользовались еще и потому, что всѣхъ ихъ ежедневно видѣло, по разнымъ случаямъ, и лично знало все высшее начальство, а нѣкоторые изъ нихъ дежурили, по очередно, или постоянно, при директорѣ, министрѣ, тогда какъ департаментскіе писаря съ трудомъ находили доступъ и къ своимъ столоначальникамъ.

Впрочемъ и чиновники департаментовъ рѣшительно нѣчѣмъ не походили на чиновниковъ канцеляріи: первые были люди почти сплошь пожилые, семейные, бѣдные труженики, послѣдніе же, за очень рѣдкими исключеніями, были молодые, знатные, считались богатыми, съ сильными протекціями, отчего многіе изъ нихъ шалопайничали и въ самой канцеляріи.

Съѣзжалась молодежь въ канцелярію въ каретахъ, коляскахъ, иные и верхами, часамъ къ 12, раскладывали свои обложки, рассматривали платье другъ друга, закуривали папиросы и гуляя группами по комнатѣ, рассказывали другъ другу, гдѣ кто и какъ прсвелъ вчерашній вечеръ. потомъ сходились по 10—15 человекъ въ дежурную комнату. куда приносили: кто — флейту, кто — скрипку, кто — ноты, кто — фисъ гармонію и принимались наигрывать. нацѣвать, спорить о достоинствахъ игры, пѣнія, сообщали вслухъ часто такія непристойныя о равныхъ женщинахъ и о самихъ себѣ оказіи, отъ которыхъ мы писаря, бывало, краснѣли со стыда. За тѣмъ они гурьбою уходили завтракать въ кондитерскую, возвращались оттуда черезъ часа два, присаживались къ работѣ на часъ — другой или развлекались похабными карточками, игрою въ какія-то косточки, либо, подпойвъ двухъ дураковатыхъ сослуживцевъ, садились имъ на спины и тѣ носили ихъ по комнатамъ, либо стаскивали съ дурачковъ сюртуки, не те и брюки и водили ихъ взадъ и впередъ, даже къ начальникамъ отдѣленій съ шумомъ вталкивали ихъ.

— Господа! постыд-дитесь: вѣдь здѣсь присутственное мѣсто, тщетно внушали молодежи начальники отдѣленій. — При васъ заниматься нельзя.

— Извините: мы немножко подурачились, — оправдывались они. — Еще рано — займемся.

— Занятій вашихъ мы ужъ не ждемъ, Богъ съ вами, но вы и писарей смущаете своими поступками.

Они утихали на полчаса, а потомъ по прежнему школьничали, или по немногу улетучивались. Бели они себя пристойно лишь въ дни засѣданій совѣта, да присутствія министра. Чтобы хоть сколько нибудь образумить ихъ, да къ чему нибудь приучить — начальство заставляло ихъ, по очередно, дежурить по канцеляріи, цѣлыми сутками. Не умѣя ни сдѣлать справки, ни записать конверта въ книгу, ни дать просителямъ подходящихъ объясненій, — они бѣгали должностное время, какъ угорѣлые, совали за себя по всюду писарей и за это платили

имъ по 3—5 рублей за дежурство. Но лишь должностное время кончалось,—изъ лучшихъ гостинницъ являлись лакеи, по своему череставляли, въ отдѣленіи, столы и накрывали ихъ для обѣда, человѣкъ на 10 — 20. Нѣкоторое время спустя къ дежурнымъ являлись родные, знакомые, а въ числѣ ихъ нерѣдко и дамы. Обѣды эти сопровождались «разливнымъ моремъ», а продолжались—часовъ до 10 вечера. Обѣдавшіе уѣзжали, а вмѣсто нихъ пріѣзжали другіе «навѣстить дежурнаго», и чай пить къ нему. Послѣ чая они играли въ карты до ужина, а по ужинавши—до разсвѣта. Такъ, что собственно на «обѣды чай и ужины» дежурные ухлопывали сотни, а иногда и тысячи рублей.

Несмотря, однако, на все шалопаиство молодежи,—она уважала умныхъ, дѣльныхъ сослуживцевъ, была: съ писарями—очень обходительна и добра къ бѣднымъ чиновникамъ изъ писарей, къ писарямъ и сторожамъ: крестила у нихъ дѣтей, дѣлала имъ щедрые подарки, хлопотала о производствѣ писарей въ чиновники, съ увеличеніи имъ содержанія, о пристройствѣ дряхлыхъ сторожей, ихъ старухъ въ богадѣльни и проч. Все это дѣлали молодые чиновники особенно охотно, напр., чиновникамъ и писарямъ за то, что они за нихъ аккуратно вели порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства. И напротивъ: эта же молодежь издѣвалась надъ тѣми изъ своихъ сослуживцевъ, которые не обладая дарованіями,—старались казаться способными, напускали на себя дѣловитость, а взяточниковъ терпѣть не могли и радовались, когда ихъ постигала бѣда, даже наклика ея на нихъ. Отдѣленіе наше часто посѣщалъ одинъ изъ та ихъ господъ правитель канцеляріи, только что образованнаго управления училищами. Однажды, лѣтомъ онъ пригласилъ къ себѣ на дачу массу народа и въ томъ числѣ и изъ канцеляріи. Кто-то донесъ объ этомъ министру, онъ велѣлъ собрать о правителѣ справки, а потомъ повалъ его въ канцелярію и вотъ что произошло при всѣхъ:

— Вы, ваше превосходительство, на какія средства задаете Дукулловскіе пиры?—адресовался старикъ къ Нельковскому:—внимаете: дачу—въ тридцать комнатъ, садъ—на пятиверстное разстояніе, созываете сотни людей, кормите-поите ихъ до отвалу, устраиваете имъ фейерверки, иллюминація, все это на какія, я васъ спрашиваю, денежки?

— Моя жена была имянинница, я и пригласилъ родныхъ, знакомыхъ, какъ и всегда. Вотъ и все, ваше высокопревосходительство. У моей жены есть имѣніе, я получаю приличное содержаніе и потому неудивительно...

— Для меня, напротивъ, весьма удивительно: имѣніе вашей жены даетъ доходу 1000—2000 р.; вы получаете 2000 р. въ годъ, семья ваша состоитъ изъ 10 человѣкъ, а пиры вы задаете въ разъ—на десять тысячъ. Не имянины справляли вы, какъ я могу васъ уличить, а праздновали утвержденіе устава

училищъ, въ увѣренности по прежнему имѣть отъ нихъ доходцы *)!..

— Смѣю доложить, что мои враги меня оклеветали предъ вами.

— Ваши враги—ваши руки, да-съ не чисты онѣ, ваши руки, сильно берутъ взятки.

— Помилуйте ваше... я тридцать лѣтъ прослужилъ честно, награды за отличія получалъ...

— Коли вы сами не хотѣли себя миловать, такъ я и подавно не намѣренъ этого дѣлать. Въ душѣ вы сами признаете, что я вамъ говорю правду: она васъ и заставляетъ краснѣть и блѣднѣть. Кабы я увидѣлъ, какъ вы взяточки берете—я бы васъ подъ судъ отдалъ; но вѣдь и «гласъ народа гласъ Божій», а про то, что вы взятками шикарите и ротъ зажимаете—всѣ говорятъ. Я и предлагаю вамъ убраться, пока цѣлы, въ отставку. Прощайте и не пеняйте: «что посѣешь, то и пожнешь».

Отъ Нельтовскаго онъ обратился къ пожилой, роскошно одѣтой дамѣ.

— Вамъ, матушка, что отъ меня угодно?

— Я рѣшилась просить пособія на приданое дочери, по случаю выхода ея въ замужество: покойный ея отецъ, а мой мужъ былъ заслуженный генераль, а наши средства скудны. Сдѣлайте намъ помощь.

— Сами вы и женихъ вашей дочери имѣете, конечно, состояніе?

— Да, но незначительное. Приданное, какъ вамъ извѣстно, невѣста должна принести.

— Ой, нѣ-нѣтъ-съ, графиня: ежели женихъ любитъ невѣсту и безъ приданого, повѣрьте мнѣ, охотно женится на ней, тѣмъ болѣе, что самъ съ состояніемъ, а не любитъ невѣсты и выходить за него ей не слѣдуетъ: несчастная будетъ.

— Все это такъ, но вы, будьте столь любезны, помогите намъ.

— Радъ бы, графиня, въ рай, да грѣхи не пускаютъ: денегъ у насъ лишнихъ нѣтъ. Дать вамъ сто рублей, признаюсь мало, а тысячи негдѣ взять.

— Въ казначействѣ на нашу долю хватить, не сомнѣваюсь.

— На это насчастное казначейство всѣ отовсюду какъ коршуны налетаютъ. Крестьяне, мѣщане, а частію и купцы вносятъ денежки, дворяне же, офицеры, генералы, генеральши выносятъ изъ него эти самыя денежки. На меня тоска находить, всякій разъ, когда я вспомню, какъ транжирятся эти трудовыя денежки.

*) Это былъ тотъ самый, который прежде жилъ насчетъ баталіоновъ кантоністовъ и учебныхъ полковъ и къ которому я отъ командира носилъ 1000 рублей.

— О, въ такомъ случаѣ я обращаюсь къ тому, кто править казначействомъ и надѣюсь получу.

— Получайте отъ кого хотите, только не отъ меня, чтобы мнѣ не терзаться за разрѣшеніе.

Графиня направилась къ выходу, а онъ постоялъ въ раздумьи, покачалъ головою, и поднялъ глаза на сторожа, оставшаго воина, украшеннаго множествомъ регалій, время отечественной войны.

— Охъ, ужъ мнѣ эти барыни!—произнесъ онъ, со вздохомъ.— Всѣ онѣ бѣдны, все имъ, безпечнымъ мотовкамъ, мало...

— Точно такъ-съ ваше высокопревосходительство,—подтвердить сторожъ.—Алчны больно.

— Хуже, вѣришь ли, горькой рѣдки надоѣли мнѣ просители денегъ. Тяж-желю!

— Потому стары мы съ вами и костямъ нашимъ ужъ на покой пора, а тутъ служи еще, майся...

— Правъ, братецъ, ты правъ: надо-бы дѣйствительно, на покой, да приходится лямку тянуть, поколь сила—мочь есть.

— И я также думаю, да ребята одолѣваютъ: вынь да положь, хоть малость какую ну и уповаемъ на вашу милость.

— И ты, стало быть, денегъ просить хочешь?

— Отгадали, ваше вскрѣство, только мнѣ бы, не безпокойтесь, маленько.

— А на что и сколько тебѣ денегъ?

— Да тоже дочку Господь сподобилъ замужъ снаряжаю, такъ не пожалуете ли хоть ту самую сотенку, что сулили графинѣ, благо она отказалась отъ нея.

— Ой, нѣтъ, братъ, сотню тебѣ много. Полсотни куда ужъ ни шло.

— Маловато-съ: надо справить салопчикъ, платицевъ, бѣлья, дать попу, дьякону, дьячку, угощеньице какое-нибудь поставить и все такое прочее...

— А кто женихъ твоей дочери?

— Писарекъ изъ департамента. Аккуратный, старательный, почтительный малый хмѣльнаго и въ ротъ не беретъ, а пишетъ—печатаетъ, какъ разъ по нашимъ, съ вами, глазамъ.

— Чѣмъ же онъ жить будетъ, при маломъ жалованьи?

— Да работой. Окромѣ того я ужъ ходательствовалъ предъ директоромъ о переводѣ его въ канцелярію: тутъ и жалованьишко и наградишки получше даютъ по вашей милости, потому какъ умѣете цѣнить службу.

— Да, я люблю, люблю хорошихъ служаекъ. Это вѣрно.

— Мы съ вами французовъ гоняли до Парижа, въ Туретчину ходили, поляковъ усмиряли, подъ Венгрію маршировали, все въ одномъ корпусѣ. Вы и прикажите: мнѣ за мою службу отсчитать сотенную, а моего писарька—посадить къ вамъ, дома, подъ руку. Онъ и не сбалуется и доходишки станеть получать отъ господъ, кои къ вамъ являются, за докладъ объ нихъ вамъ.

— Въ канцелярію будущаго твоего зятя возьмутъ, тебѣ семьдесятъ пять цѣлковыхъ дадутъ и больше ужъ ничего не просятъ: «кто малымъ доволенъ, тотъ очень богатъ».

— Это точно. Благодаримъ покорно. Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать. Въ посаженные отцы бы еще хотѣлось просить васъ...

— Спасибо за честь, но извини, братъ не могу: некогда мнѣ.

— Жаль, очинно это мнѣ жаль, да ничего не подѣлаешь: много вамъ занятіевъ. Попрошу ужъ кого-нибудь изъ членовъ совѣта. Простите, что утруждаю, задерживаю васъ, ваше вѣдѣніе.

— Ничего, ничего братъ: по старой памяти сослуживцу можно. Помоги-ка мнѣ съ лѣстницы сойти: боюсь споткнуться.

— И не мудрено: ноги наши слабы, а приступки сильно натираютъ. дѣлаютъ гололедицей. Надо запретить швейцару холить лѣстницу, точно молодую жену.

Сторожъ повелъ его подъ руку внизъ, продолжая бесѣдовать съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Сторожа канцеляріи все старики, были отставные солдаты, нѣкогда служившіе подъ начальствомъ такихъ же, какъ они стариковъ, членовъ совѣта, знаменитыхъ, въ свое время, генераловъ, съ которыми они, однако, вели себя совершенно безцеремонно.

Такъ, понадобятся, бывало, сторожу деньги. Онъ покупаетъ въ булочной крендель, отправляется съ нимъ къ членамъ, рекомендуетъ имъ имянинникомъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ кладетъ передъ ними крендель, получаетъ 3 — 5 р., беретъ со стола крендель и намѣревается уйти съ нимъ.

— Я тебя поздравилъ деньгами, такъ ты крендель то оставь мнѣ, удерживаетъ членъ.—Крендель твой вѣдь мнѣ подарокъ.

— Да вы какъ возьмете въ ротъ этотъ крендель, такъ и подавитесь: онъ изъ плохой муки, гадко испеченъ, поясняетъ сторожъ.—Я это докладую вамъ для вашей же пользы, чтобы вы живы, да здоровы были.

— Я попробую, и ежели крендель точно дрянъ,—отдамъ людямъ, а они его охотно съѣдятъ.

— Кормить холуевъ сдобными кренделями, баловство, а мнѣ кажинному члену по кренделю подносить не резонъ: овчинка върядъ ли будетъ стоить выдѣлки.

— Ты за 15—20 кренделей заплатишь много двадцать рублей, а соберешь за нихъ 60—100 р., какой же тебѣ барышъ еще нуженъ?

— За что же нибудь, да я шляюсь, мерзну, мокну и надтруждаю старческія свои ноги? Нѣ-ѣтъ: крендель мнѣ нуженъ. Счастливо оставаться.

И онъ переносилъ крендель къ другому, третьему и т. д.,

но съѣдали его непременно его дѣти, потому что и «крендель рубль стоитъ».

Другой сторожъ просить, бывало, писаря написать, на чистомъ листѣ бумаги о постигшемъ его несчастіи, напр., о болѣзни жены, дѣтей, либо о намѣреніи отправиться на родину; по этому листу также собиралъ съ членовъ «дань», какъ говаривали, и успокаивался, до слѣдующаго раза.

— Что же ты не ѣдешь? освѣдомлялся, бывало, членъ, видя сторожа послѣ сбора «дани» на прежнемъ мѣстѣ, на дѣстницѣ.—Теперь погода подходящая

— Не съ чѣмъ тронуться: мало очень набралъ-съ,—отвѣчалъ онъ, зная, что этотъ членъ пощедрѣе другихъ.—Рубликовъ-бы еще двадцать и распрощался бы я со всѣми...

— На, отъ меня еще пять и поѣзжай съ Богомъ.

Сторожъ благодарилъ и желалъ члену «счастливо оставаться». На тотъ же вопросъ другому, скупому члену, онъ твердилъ:

— Собираюсь, собираюсь, и какъ только санная дорога установится—покину Питеръ, не сумлевайтесь, надоѣдать вамъ перестану. Всѣ ужъ больно скаредны стали...

И подѣ предлогомъ «мало набралъ»; «санная дорога установится», «наступить тепло»—сторожа по нѣсколько лѣтъ продолжали сборы по 4—6 разъ въ годъ.

— Плохія нонѣ времена, охъ, какія плохія, канючилъ швейцаръ.—Бывало при князѣ Чернышевѣ весь генералитетъ, вся свита съ удовольствіемъ сюда ѣздила, и за то, что шинель снимешь и подашь—меньше золотого никто и не вынималъ мнѣ за трудъ. По праздникамъ по три, по четыре червонца бралъ я съ каждаго, а теперь свита вся отстала, да и подѣломъ: старикъ ее по глазамъ хлещетъ, ажно въ чужѣ жалъ. Нынче и двухъ сотняжекъ не слоношишь, по милости его дурачествъ. Говорилъ я ему, говорилъ, чтобъ политику соблюдалъ—свиту пріучилъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: прямая армейщина!

Въ торжественные дни сторожа, гурьбою, обходили всѣхъ членовъ—поздравить съ праздникомъ и собирали съ нихъ значительныя суммы; тѣхъ же, кого не заставляли дома, подстерегали, потомъ, при пріѣздѣ въ засѣданія совѣта.

— За вами, ваше вскревосходительство, должокъ есть напоминали имъ, снимаемая съ нихъ шинели. Пожалуйте праздничныхъ?

— На вотъ на всѣхъ десять рублей.

— Вы богаты, стало быть еще десять пожалуйста.

— Будетъ и десяти.

— Да, за десять и встрѣчать васъ не стоитъ. Раскошелтесь-ка, не то министру на васъ пожалуемся, благо онъ спросить: сколько кто подарилъ праздничныхъ? Князь такой же членъ, а по пятидесяти даетъ.

— Онъ больше меня имѣеть, богачъ.

— Да отъ десятирублевки и вы вѣдь не обѣдняете? Побойтись Бога-то!

И они не отставали до тѣхъ поръ, покуда вытягивали столько, сколько съ кого слѣдовало по ихъ «такціи». Сообразно количеству равныхъ получекъ—они и прислуживали чи намъ, хлопотали около нихъ и даже за нихъ.

— Пора, ваше высокопревосходительство, пожаловать шестую звѣзду генералу Купріянову, — наименовать швейцаръ министру, ведя его по лѣстницѣ.—Право пора.

— Что такъ?

— Да давно онъ не получалъ, проздравлять его не съ чѣмъ. Ни одного засѣданія вѣдь онъ не пропускаетъ, постоянно раньше всѣхъ прѣзжаетъ, служить давно, славу чудесную имѣеть за воинскія доблести.

— Члены наградъ со всѣмъ, кажется мнѣ, не стоятъ: они всѣ засѣданія спятъ, развалившись въ креслахъ.

— Положимъ, это правда, но вѣдь кто же Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ? Коли вы другихъ наградите, а Купріянова нѣтъ,—онъ совсѣмъ облѣнится и мундиръ свой на крючокъ повѣситъ. Этакіе примѣры мы съ вами вѣдь ужъ видѣли, о-охъ сколько!

— Ладно, ладно. Поживемъ посмотримъ.

— Смотрите вамъ нечего, а положитесь на мои слова: я братъ не стану, потому Купріяновъ мнѣ ни братъ, ни свать.

Весь великій постъ канцелярія кишмя кишѣла генералами, полковниками и прочими, тайно и явно освѣдомлявшимися: получатъ ли они награду? Въ страстную субботу, на моемъ, помню, дежурствѣ, явились развозить высшія награды десять фельдъегерей, а низшія награды поручили доставить, по адресу, лучшимъ пизарямъ награднаго отдѣленія. Покамѣсть занумеровывали, записывали бумаги, вкладывали ихъ и ордена въ конверты, фельдъегеря вели разговоръ о томъ, много ли они доставятъ денегъ за поздравленія?

— Награждаемые годъ отъ году становятся все скупѣе, — сѣтовалъ одинъ изъ нихъ, постарше.—Лѣтъ десять тому назадъ за перваго Станислава меньше двухсотъ никто не осмѣливался и предлагать, а теперь и за бѣлый орелъ больше ста не даютъ. Я возилъ, напр., Воронцову «свѣтлѣйшаго», такъ въ замшевомъ мѣшкѣ, на серебряномъ блюдѣ, лакеи вынесли мнѣ четыре тысячи червонцевъ, да отъ прогоновъ сэкономилъ я до тысячи рублей и сразу домъ купилъ, а въ прошлую пасху Веберъ за «фельдмаршалство» получилъ только ужъ тысячу золотыхъ. Чернышевъ, будучи министромъ, подарилъ «за перваго Владимира» билетъ въ шесть тысячъ, а нынѣшнему привези даже «жезлъ» не отвалить, пожалуй, и сотенной, хоть и знаетъ, что по количеству нашего вознагражденія судятъ: довольны ли, или не довольны наградой?

Къ часу ночи фельдъегеря и писаря вернулись изъ путешествія по городу съ полными карманами денегъ. По ихъ счету досталось, круглымъ числомъ, на каждого писаря—по 102 р., а на каждого фельдъегеря—по 1040 р. Фельдъегеря удѣлили отъ себя: на всѣхъ писарей награднаго же отдѣленія 400 р., на сторожей 100 р., дежурному чиновнику изъ писарей Дуговскому 50 р. и наконецъ мнѣ 10 р. Потомъ они о чемъ-то пошептались между собою, попросили меня написать, съ дикту, списокъ поскольку кто съ кого получилъ за болѣе важныя награды и подали этотъ списокъ начальнику награднаго отдѣленія. Онъ просмотрѣлъ списокъ (представлявшійся министру) и спросилъ: кто возилъ первую Анну князю Давильчикову? Фельдъегеря переглянулись и кто-то изъ нихъ отвѣтилъ: я.

— Отчего же вы его не включили въ списокъ?

— Да ничего не далъ.

— Быть не можетъ! Онъ получилъ въ короткое время: сперва—генераль-адъютанство, а теперь—Анну чрезъ Станислава. слѣдовательно весьма радъ...

— Такъ радъ, что я и сказать не смѣю: бѣду бы не нажить.

— Вы знаете, кажется, порядокъ, а молчите. Что же случилось?

— Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ былъ, какъ я замѣтилъ, спокоенъ. Я поздравилъ его и подалъ ему пакетъ. Онъ распечаталъ, началъ краснѣть, прочелъ письмо, побагровѣлъ, скомкалъ и бросилъ его на полъ, потомъ выхватилъ изъ футляра, звѣзду, швырнулъ ее въ стѣнку и она разлетѣлась на мелкіе кусочки... Я оцѣпенѣлъ. «Еслибъ вы привезли мнѣ бумагу о ссылкѣ въ Сибирь Затлера и его компаніоновъ, я бы поблагодарилъ васъ червонцами»,—произнесъ онъ, раздраженнымъ голосомъ;—«но вы привезли мнѣ награду, которою хотятъ мнѣ замазать ротъ, такъ передайте, кому слѣдуетъ, мой отвѣтъ. Прощайте». Я поклонился и ушелъ. Вотъ почему князя и нѣтъ въ списокѣ.

Всѣ слышавшіе, равно какъ и говорившій фельдъегеръ минутъ пять простояли молча: случившееся такъ смутило всѣхъ, что никто не рѣшился и рта разинуть, а оправившись—всѣ тихонько разбрелись домой. Только Дуговскій, да я остались. Ему принесли, изъ квартиры, пасхи, кулича, вина и закусокъ. Онъ предложилъ мнѣ разговѣться съ нимъ. Я согласился.

— А вѣдь князю, я думаю, достанется за разбитіе звѣзды,—замѣтилъ я какъ-то кстати.—Наградю пренебрегать нельзя.

— Глупъ ты, ежели такъ думаешь: князь и такія, какъ онъ, лица всегда умѣютъ отстоять себя. У насъ былъ напр., директоромъ Паненковъ (онъ ко мнѣ очень благоволилъ, дѣтей у меня крестилъ, въ чиновники, за 9 лѣтъ, вывелъ меня.) Я и ѣздилъ съ нимъ, девять лѣтъ тому назадъ, Сибирь ревизовать. Тамъ мы находили: то—десятки людей по нѣсколько лѣтъ

сряду валявшихся на рогожкахъ, въ желѣзныхъ ошейникахъ, прибитыхъ къ стѣнамъ, то—сотни людей, денно и ночью таскавшихся съ тачками, къ которымъ были прикованы руками; то сотни людей, живо погребенныхъ, обваливавшихся на нихъ землею, когда они подъ нею искали золото; то—еле дышавшихъ людей, жарившихся въ печкахъ солеваренныхъ заводовъ; то—груды людей, въ оковахъ мершихъ съ холоду и съ голоду; то—толпы людей, невинно томившихся въ острогахъ, начальство которыхъ и не знало: откуда, когда и за что именно они туда попали.. Проще: сильные дѣлали, что хотѣли надъ слабыми и о законахъ никто никакого понятія не имѣлъ!.. Вездѣ насъ встрѣчали и провожали съ воплями и стонами. Почти восемь мѣсяцевъ перекочевывали мы съ мѣста на мѣсто, одними прошеніями, жалобами и доносами наполнили огромный сундукъ. Въ числѣ ссыльныхъ было много благородныхъ, даже именитыхъ лицъ, напр. двоюродный братъ самого Паненкова, но и съ ними не церемонились...

— Чѣмъ же все это кончилось?—нетерпѣливо спросилъ я.— Виновныхъ навѣрное же покарали за ихъ звѣрства.

— Нѣкоторыхъ помельче смѣнили, въ утѣшеніе страдальцамъ, а изъ нихъ однихъ — спустили съ ошейниковъ, другихъ—избавили отъ тачекъ, третьихъ — вывели изъ подземелья и проч; а насъ наградили: Паненкова—третьею звѣздою, а меня—чиномъ, потому что мы годъ пробыли въ командировкѣ и истратили на нее до десяти тысячъ! И не только въ отдаленной Сибири, но и здѣсь не мало лицъ въ усь не дуетъ, чтобы ни натворили. Управляющій нашею же, примѣрно сказать, канцеляріею Грискорнъ извѣстенъ какъ отчаянный картежникъ, былъ изрядно замѣшанъ въ растратѣ капитала раненыхъ. И что же? Главнаго виновника, тайнаго совѣтника Колитковскаго похоронили, правда, въ солдатской шинели а остальныхъ—потомъ простили. На откупа въ казачьихъ земляхъ торги производятся въ нашемъ совѣтѣ и откупищики предъ торгами привозятъ залого. Въ позапрошломъ году Грискорнъ, при мнѣ, послѣ торговъ, взялъ одинъ мѣшокъ съ залоговыми деньгами, да и унесъ къ себѣ въ квартиру, а откупищнику сказалъ: «на эту сумму разбавьте водою водку, которою будете торговать и въ убыткѣ не останетесь». Въ прошломъ году, вслѣдствіе разнесшихся слуховъ объ освобожденіи крестьянъ—въ Нижегородской губерніи взволновались крестьяне. Послали нашего бывшего вице-директора графа Тумарокова разслѣдовать это дѣло. Онъ прибылъ туда, передралъ до пятисотъ человекъ, а сотню отправилъ въ Сибирь и вернулся. Старикъ на рапортѣ его написалъ «заставъ дурака Богу молиться, такъ онъ готовъ себѣ лобъ разбить», распекъ графа и потомъ послалъ его на высшую должность на Кавказъ, чтобы разговоры о его поступкѣ улеглись, прекратились.

— Крестьянъ-то вернули же хоть домой?

— Переписку о возвратѣ ихъ затѣяли, по вѣдь, вопервыхъ, — въ Сибири ихъ «розыскать мудрено, во вторыхъ — пошли они туда въ кандалахъ; въ третьихъ — если ихъ и отыщутъ, то назадъ поведутъ этапомъ въ наручникахъ, такъ, что кто изъ нихъ и узритъ свою деревню, то вѣкъ не забудетъ своихъ мученій. Еще примѣръ вотъ. Мѣсяцевъ кажется семь-восемь тому назадъ, командиръ стрѣлковаго баталіона, полковникъ Бродовъ (сынокъ бывшего вашего инспектора и теперешняго члена совѣта) вдругъ заблагоразсудилъ заставить всѣхъ юнкеровъ изъ дворянъ (человѣкъ 20) заниматься всѣми черными работами въ казармахъ, на равнѣ съ простыми солдатами. Они, понятно, отказались исполнить его противозаконное приказаніе. Тогда «духъ неповиновенія вынудилъ его передраť всѣхъ этихъ дворянъ», какъ онъ донесъ. За это его только перевели командовать другимъ баталіономъ. На новомъ мѣстѣ онъ не явился ко времени къ инспектору генералу Блинкѣ, а за полученную отъ него распекацію-вызвалъ его, своего начальника, на дуэль. Батюшка опять помогъ сынку остаться чистымъ. Сынокъ безъ разрѣшенія женился и удралъ съ женою за границу. За все это его только отчислили отъ командованія батальономъ. Значитъ «хорошо тому на свѣтѣ жить — чья бабушка ворожить». Князь же и подавно правъ будетъ: онъ добивается наказанія мошенниковъ, которыхъ защищаютъ равныя бабушки. Ты, братецъ, и не суйся съ вопросами по такимъ матеріямъ, въ которыхъ, по глупости, ничего не смыслишь.

Я сконфузился и не возражалъ Дуговскому. Однако о поступкѣ князя всю паску перешептывались всѣ, до швейцаровъ и сторожей включительно. Поздравляя генераловъ съ наградами — они и имъ передавали эту исторію, въ дополненіе къ тому, что напоминаями «пора пожаловать звѣзду» — содѣйствовали имъ, своимъ благодѣтелямъ, полученію наградъ. Не успѣли, впрочемъ, смолкнуть толки о поступкѣ князя, какъ его назначили къ намъ директоромъ канцеляріи. Всѣ ахнули и прикусили языки. Онъ — высокій, стройный, величественный, среднихъ лѣтъ, — повелительно вступилъ въ должность и повелъ себя гордо и настойчиво предъ всѣми, даже на старика не обращалъ вниманія. Старикъ на докладахъ о пособіи семейнымъ писарямъ по сто рублей писалъ, напр., резолюцію «такихъ пособій въ арміи и маіоры не получаютъ», — а князь продолжалъ приказывать выдавать именно по сто рублѣй, либо и больше. Командиръ внутренней стражи, генералъ Паунецъ, вздумалъ ходатайствовать объ ассигнованіи денегъ на покупку палокъ и роговъ, или объ отводѣ, для добычи тѣхъ и другихъ лѣса, такъ какъ въ горнизонахъ ежедневно приходилось гонять сквозъ строй и драть множество солдатъ, почему командиры, за неимѣніемъ казенныхъ палокъ и роговъ распоряжались брать ихъ изъ пригородныхъ лѣсовъ, на что владѣльцы ихъ жалуются.

Сквозь строй гоняли и розгами драли солдатъ съ незапамятныхъ временъ, но никакое начальство никогда не требовало ни денегъ на покупку палокъ и розогъ, ни лѣса, для рубки тѣхъ и другихъ. Оттого это представленіе многіе перечитали пзъ любопытства (оно оставлено было безъ отвѣта) Миновало недѣли три—четыре. Вдругъ всѣ чиновники забѣгали, зашептались, потомъ и вслухъ заговорили, заспорили. Узнали и мы, что представленіе Пауница попало цѣликомъ опять таки въ «Колоколъ». Приказали розыскать виновныхъ. Подозрѣніе почему-то пало на писаря Григорьева: онъ отличался свободными сужденіями, значительными средствами, ловкостью, да и жилъ на вольной квартирѣ, хсть былъ холостой. Въ его квартирѣ и пашли какія-то запрещенныя книжки, листки и какую-то переписку съ какими то опасными, какъ говорили, людьми. Всѣ считали Григорьева уже погибшимъ. Доложили князю и что же?

— Онъ ли послалъ за границу копію съ рапорта не доказано, а что онъ держалъ брошюрки, то это сдѣлалъ, я увѣренъ, по легкомыслію, за что наказывать я не намѣренъ, — отозвался князь.—Кромѣ того эти книжки и брошюры есть, какъ я знаю, у многихъ, начиная съ меня, но насъ никто не обыскиваетъ и не преслѣдуетъ собственно потому, что мы *высшіе*. Объявить Григорьеву, чтобы больше ни съ кѣмъ не якшался.

Рѣшеніе это всѣхъ обрадовало.

— Этакая благородная, возвышенная душа,—говорили чиновники. — Настоящій вельможа, смотреть на все честно, прямо.

— Дай ему Богъ добраго здоровья,—твердили писаря.— Онъ поступилъ именно по княжески. Будь на его мѣстѣ крючкотворъ—улетѣлъ бы Григорьевъ въ тартары.

Поймали шайку грабителей, которые, зимними ночами, обирали, въ малолюдныхъ мѣстахъ, беззащитныхъ прохожихъ, заманивали ихъ на свои извозничьи лошади, увозили въ глушь и снимали съ нихъ, сѣдковъ, все, въ чемъ они были одѣты. Въ шайкѣ этой участвовали крестьяне, мѣщане и купцы,— всѣхъ до 20 человекъ, но ея атаманомъ былъ молодой, шустрый писарь Жуковъ. Всю шайку судили военнымъ судомъ и приговорили: однихъ—прогнать сквозь строй и сослать: кого въ каторгу, кого въ Сибирь, кого въ арестантскія роты, а другихъ тоже сослать, но предварительно розгами передрать. Назначено было утро для наказанія виновныхъ въ манежѣ, при этомъ послѣдовало строжайшее приказаніе прислать, для присутствованія при экзекуціи, всѣхъ писарей Петербурга, даже служившихъ въ отдѣленіяхъ собственной канцеляріи, въ гражданскихъ комитетахъ и министерствахъ. Многіе писаря канцеляріи, въ силу своихъ «вольностей» воспротивились этому приказанію, считая его несправедливымъ, потому что ни купцовъ, ни мѣщанъ, ни крестьянъ—не требовали смотрѣть какъ будутъ стегать ихъ собратовъ по званію, а лишь однихъ писарей со

чили нужнымъ устрашать, вслѣдствіе участія въ шайкѣ писаря. Экзекуторъ и казначей канцеляріи Кисаревскій, человѣкъ добродушный, доложилъ объ этомъ князю.

— Смотрѣть на варварское зрѣлище конечно отвратительно, — отвѣтилъ онъ. По этому кто изъ писарей канцеляріи не хочетъ — можетъ и не идти въ манежъ.

— Но приказано привести туда всѣхъ по списку, — напомнилъ Кисаревскій. — Ежели не послать нашихъ — изъ за этого можетъ выдти неприятность...

— Чтوبъ ни вышло — я отвѣчу, а заставлятъ идти всѣхъ въ манежъ — не смѣйте. Скажу вамъ больше: я сожалею, что не всѣ писаря выказываютъ, въ этомъ случаѣ, неповиновеніе.

Такимъ образомъ, изъ 45 человѣкъ ходило въ манежъ не болѣе 15 человѣкъ, тогда какъ изъ всѣхъ учреждений явились всѣ писаря. Наличность писарей въ манежѣ дѣйствительно повѣряли, но наше отсутствіе никакихъ дурныхъ послѣдствій ни кому не причинило. По рассказамъ очевидцевъ, экзекуція произвела на нихъ потрясающее впечатлѣніе и о ней шелъ подавляющій говоръ довольно долго.

Вслѣдъ затѣмъ произошло другое печальное же событіе, на которое насъ также послали присутствовать и я охотно пошелъ. Умеръ членъ совѣта, бывшій инспекторъ учебныхъ полковъ, полный генералъ Броловъ, который меня зналъ съ дѣтства сперва — какъ ординарца и знаменщика кантониста, потомъ — какъ временнаго писаря бывшаго его штаба*). Хоронили его на казенный счетъ. На выносъ тѣла изъ квартиры явилось много генераловъ, но они, постепенно отставая отъ процессіи, — всѣ разбѣхались, такъ что на кладбище за гробомъ пришли: бывшій камердинеръ покойнаго Лазарь, насъ нѣсколько человѣкъ, а за нами полкъ солдатъ. Опустили гробъ въ могилу, солдаты пропалили честь и повернули назадъ. Я узналъ Лазаря, а онъ меня: мы по нѣскольку разъ на дню встрѣчались, въ квартирѣ покойнаго, когда я занимался въ его штабѣ. Старикъ обрадовался мнѣ, а я ему

— Вы хотя немножко, да видѣли величіе генерала, а теперь вполне видѣли его ничтожество, — съ грустію произнесъ онъ. — Только мы, совершенно посторонніе, всыпали по горсти земли на его гробъ. А все за грѣхи, охъ, за грѣхи Господь наказалъ его...

— У него были, сколько помню, сыновья и дочь, — заговорилъ я: — гдѣ же они?

— Они, охъ они-то и ускорили его кончину. Уфъ, ноги меня не держатъ. Сядемте и я расскажу вамъ вкратцѣ, чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ покойный. Для васъ, начинающаго жить, — это будетъ назидательно.

*) См. VII главу.

Мы съѣли близъ свѣжей могилы Бролова, на плитный памятникъ. Полуденное лѣтнее солнце весело играло надъ кладбищемъ. Легкій, прохладный вѣтерокъ колыхалъ вѣтки деревьевъ. Птицы порхали съ памятника на памятникъ, съ дерева на дерево и щебетали. Жуки и мухи жужжали.

— Какъ здѣсь пріятно сидѣть, такъ кажется мнѣ, — и душѣ покойнаго пріятно было вырваться изъ его грѣшнаго тѣла. — началъ, качая головой, Лазарь. — Почти сорокъ лѣтъ прослужилъ я безотлучно при покойномъ. Первое время мы себя сдерживали, но потомъ тридцать слишкомъ лѣтъ, — все время инспекторства, — мы одного развѣ только птичьяго молока не имѣли. За столъ меньше 15 персонъ никогда не садилось. Пирьы, балы такіе задавали мы, что вся Москва ахала отъ удивленья. Только въ годъ смерти генеральши, царствія ей небеснаго, у насъ музыка не играла по три раза въ недѣлю. Деньгамъ мы никогда счета не вели, во всемъ старались перещеголять генераль-губернаторовъ, богатѣйшихъ вельможъ: наши крѣпостные полки и баталіоны все доставляли намъ. Мы усердно забывали и Бога и страданія солдатъ и кантонистовъ за деньги, что давали намъ ихъ командиры. Праведный Судъ Божій постигъ таки, наконецъ, и насъ, на самой старости лѣтъ, — съ переѣздомъ въ Петербургъ, въ члены совѣта. Привычки мы сохранили — старья, а денегъ — ни кто ужъ не приносилъ намъ, кромѣ фельдъегеря жалованья. Мы и занимали, не отдавали, довѣріе къ намъ и уменьшалось. Мы сперва закладывали, потомъ продавали экипажи, лошадей, пожитки. Отъ кредиторовъ все-таки не стало мочи, отбою! Они задумали самого въ яму запрягать.*) Онъ буквально въ ноги кланялся министру, чтобы выручилъ. Но сто тысячнаго долга трехъ тысячнымъ пособіемъ — нельзя было разумѣется, уплатить...

— Какъ же это онъ столько надолжалъ въ три-четыре года?

— Очень просто: года полтора — мы и дѣти по-московски прожили. Потомъ... потомъ мы постепенно жалованья звѣзды, табакерки, дочернины брилліанты, все, все — спустили, впали въ нищету... Дочь не выдержала — отравилась, а мы похоронили ее отъ холеры, чтобы скрыть правду. А правда эта, ухъ, какъ горька была: въ Москвѣ дочь купалась въ сливахъ, а тутъ — чай съ молочкомъ кушала; на двугривенный покупали эти ополоски!. Не стало единственной утѣхи — дочери, ну и захирѣлъ, кушалъ, сердешный, вмѣстѣ со мной, охалъ и плакался, на судьбу. Прожили мы и на мои крохи, надолжали и въ лавочкѣ!. А сынки, полковники тѣмъ временемъ Богъ вѣсть гдѣ и чѣмъ пробавлялись!. Вдругъ разомъ два извѣстія пришли. Прочли одно — зашатался: старшій — въ нѣмецкнй въ бунтѣ попался.

*) О личномъ задержаніи Бролова велась дѣйствительно переписка въ канцеляріи.

Взяли другое — еще того лучше: младшаго въ Парижѣ въ долговое посадили... Рванулся, метнулся, крикнулъ мнѣ: «Лазарь! Позоръ, ужасъ, ахъ, прощай», упалъ и духъ вонъ... Даже безъ исповѣди и причастья скончался!.. Все, что осталось въ квартирѣ — описали, для кредиторовъ, на 39 р. 67 к!.. Вотъ она судьба-то какая!.. Спасибо вашему казначею красненькую даль мнѣ на память и я стсюда прямо на машину, да въ Москву, а тамъ къ бывшему нашему старшему писарю Готову: онъ теперь чиновникомъ письмоводительствуетъ въ училищѣ, — авось приметъ по старой памяти..

— Однако ужасный конецъ!..

— Да, суета суетъ земля бо есть, въ землю и отыдешь... миръ праху твоему, бояринъ Петръ. Онъ всталъ, подошелъ къ могилѣ, трижды поклонился въ землю, перекрестился, обратился ко мнѣ и прибавилъ: «Прощайте, молодой человекъ. Будьте счастливы и не поминайте насъ лихомъ: «не осуждай не осужденъ и будешь»».

Мы протянули другъ другу руки, выбрались съ кладбища и повернули въ разныя стороны... Рассказъ Лазаря поразилъ меня.

Мысли о «величїи и ничтожествѣ» Бролова не покидали меня недѣли три до слѣдующихъ похоронъ управлявшаго дѣлами совѣта, тайнаго совѣтника Котомина, оставившаго родственникамъ большое состояніе. Покойный прослужилъ лѣтъ 30 сряду въ канцеляріи и постоянно занимался законодательными и судебно-подрядными дѣлами. Въ церковь, гдѣ отпѣвали покойнаго, набралось очень много генераловъ, весь составъ канцеляріи, родные и знакомые умершаго. Послѣ отпѣванія, по обыкновенію, прощались съ покойнымъ. Последнимъ вошелъ на катафалкъ, къ богато убранному гробу, бѣдно одѣтый, престарѣлый еврей Розенбергъ, котораго и я часто видѣлъ на лѣстницѣ канцеляріи. Онъ печально покачалъ надъ покойнымъ головой и громко вдругъ заговорилъ:

— Тридцать пять лѣтъ тому назадъ я былъ богачъ, а ты, безвѣстный молодой купеческій сыночекъ. Теперь ты умеръ бояриномъ, а я сдѣлался нищимъ... въ теченіи 10 лѣтъ ты не собрался разрѣшить *праваго* моего дѣла съ казною, о поставкѣ суконъ, холстовъ и кожи; сначала твердилъ мнѣ: «подожди, рассмотримъ, вознаградимъ тебя», а подъ конецъ — приказывалъ гнать меня вонъ! Мы видимся съ тобой, на этомъ свѣтѣ, послѣдній разъ... Такъ вотъ тебѣ съ собой мою двухтысячную, кажется, докладную записку. На досугъ внимательно ее прочти, размотри, да и разрѣши по совѣсти мое дѣло, а когда я, вѣроятно, скоро уже явлюсь туда же, — объявишь мнѣ рѣшеніе. До свиданья тамъ, гдѣ нѣтъ ни генераловъ, ни купцовъ, ни подрядовъ, ни капиталовъ. а есть праведный судъ Божій надъ всѣми, гдѣ грѣшники мучаются, а праведники — ликуютъ!.. Господь! услышь меня, Розенберга. — выкрикнулъ онъ послѣд-

гія слова во весь годось, положилъ на грудь покойному теградъ бумаги, зашатался и упалъ навзничъ на полъ церкви.

Выходка Розенберга до того ошеломила всѣхъ, что никто не рѣшился ни оттащить его отъ гроба, ни заставить замолчать, а всѣ въ какомъ-то оцѣпененіи слушали его рѣчь, которую потомъ составили, по памяти, списали кто хотѣлъ, для себя; это и я сдѣлалъ, списывавши для чиновниковъ. О поступкѣ Розенберга тотчасъ же огласилось по городу и онъ пересталъ являться на парадную лѣствицу бесѣдовать о своемъ дѣлѣ со всякимъ встрѣчнымъ, что онъ дѣлалъ, какъ увѣрялъ меня швейцаръ, дѣйствительно лѣтъ 20 сряду, почти ежедневно. Ему дали изъ «особой канцеляріи» значительное денежное пособіе на прожитіе и отправили его на родину.

Особенная эта дорожная канцелярія помѣщалась рядомъ съ нашимъ отдѣленіемъ; ходили въ нее мимо насъ; чиновники изъ писарей и писаря переводились въ нее охотно изъ нашей же канцеляріи, ради выгоды: имъ давали по полтора-три рубля за суточное дежурство, по столько же на разъѣзды, сотнями рублей награды и пособія по нѣскольکو разъ въ годъ, не только на ихнее, но и на имя всѣхъ ихъ родственниковъ, при этомъ отъ нихъ никогда не спрашивали никакихъ доказательствъ родства, или живы ли тѣ, кому деньги предназначались. Ловкіе служаки и получали въ сложности до 2000 р. въ годъ. Бѣдные, семейные наши чиновники и писаря естественно завидовали своимъ товарищамъ, а потому нерѣдко спорили, ссорились съ ними. Особенно часто нападалъ на нихъ Дуговской, коротко знавшій ихъ протѣлки. Идетъ, бывало, мимо распорядившейся деньгами особенной канцеляріи чиновникъ Шильинъ. Дуговской повдоровается съ нимъ, да вслухъ и спроситъ его:

— Послушай, Иванъ Ивановичъ, могу я подать просьбу о пособіи на тещу?

— Въ нынѣшнемъ году ты вѣдь ужъ получилъ на нее 50 руб., ну и довольно,—отзывается Шильинъ. Чаще, право, не ловко.

— Почему же тебѣ ловко получать семь лѣтъ сряду, по триста, по три раза въ годъ, на свою тещу, когда она десять лѣтъ ужъ въ гробу лежитъ?

— Тебѣ-то что за дѣло до меня?

— Самъ питаешься, такъ и другимъ давай,—вотъ что я тебѣ скажу, не то я васъ всѣхъ выведу, смотри, на свѣжую воду.

— Чрезъ-чуръ ужъ языкъ-то у тебя длиненъ, какъ я вижу.

— Назначьте мнѣ хоть разъ сотню и я махну рукой на ваши фокусы, либо спокаетесь.

— Принеси, принеси, что ужъ съ тобой дѣлать,—прошенье: можетъ полсотню выхлопочу.

— То-то же. Эхъ вы, обирали мученики!

— Укроти ты, пожадуйста, свой языкъ, если не желаешь, чтобы я съ тобой рѣшительно разсорился, а тогда и рубля никогда отъ насъ не достанешь.

— Эту пѣсню ты давно ужъ поешь. да меня ею не уймешь: я не изъ трусливаго десятка и спуску не дамъ вамъ,—не стойте.

Шильивъ махнетъ рукой и уйдетъ.

Въ этомъ родѣ зачастую пререкались и другіе со служивыми въ особенной канцеляріи. Но однажды утромъ, когда нашихъ чиновниковъ-баръ еще не было—до нашихъ ушей вдругъ долетѣлъ чей то крикъ изъ «особенной». Мы, изъ любопытства бросились туда и увидали предъ Шилинымъ сконфуженную, красивую, роскошно одѣтую молодую женщину и стараго, отставнаго генерала.

— Это подлость, подлость,—голосилъ старикъ, стуча объ полъ костылемъ.— Мнѣ, генералу, полтора ста, а ей, какой то митавской уроженкѣ Бломбергъ,—тысячу рублей! Я отечеству безпорочно прослужилъ 39 лѣтъ, участвовалъ въ семи походахъ, пяти сраженіяхъ, раненъ, контуженъ, а ты, чухонская твоя образина, сколько лѣтъ кому служила, гдѣ ранена?

— Перестаньте, перестаньте, ваше превосходительство, браниться,—заступался за женщину Шильивъ.— На все воля начальства и не вамъ его учить за что и по сколько кому назначать пособій. Не обращайтесь, сударыня, вниманія на горячность генерала, а поѣзжайте себѣ съ Богомъ домой.

— Нѣтъ! Я не пушу ее, не пушщу отсюда съ деньгами: это грабежъ дневной!.. Я полицію позову, чтобъ актомъ подтвердила, какимъ шлюхамъ тысячныя пособія раздаются. какія дѣвки на казенный счетъ въ коляскахъ разъѣзжаютъ: она предо мнѣ изъ коляски вылѣзла сюда.

— Не смѣйте, старый хрычъ, браниться, — защищалась женщина. — Я попрошу — и васъ съ сумасшедшей домъ посадятъ.

— Я не смѣю тебя бранить? Меня, генерала, изъ-за тебя, поскудной твари, посадятъ? Да я тебѣ всю смазливую твою рожу на сторону сворочу, смятку изъ нея сдѣлаю!

Онъ азартно стучалъ костылемъ и все ближе и ближе къ ней подступалъ, а она трусливо пятилась понемпожку назадъ, къ двери. Шильивъ сталъ между ними лицомъ къ старику, чтобъ защитить ее отъ нападенія.

— Ради Бога не буйствуйте, генералъ,—вразумлялъ опъ старика. — При вашемъ чинѣ, въ ваши лѣта и здѣсь—это неумѣстно, неприлично.

— А этой шкурѣ барабанной хватать за тысячи прилично? Добросовѣстно это со стороны вашихъ?..

— Я не шкура барабанная, ошиб-баетесь, — огрызнулась женщина, уже у двери.— Я вамъ покажу кто я, покаж-жу!.. Вы сами старый хрычъ, дрянъ...

Она круто повернулась и выскочила на лѣстницу.

— Будьте, ребята, свидѣтелями, какъ эта мерзавка меня обругала, — адресовался старикъ къ намъ. — Догонять ее — разумѣется не стоитъ: ее адресъ долженъ быть здѣсь, въ книгѣ она предо мной же расписалась въ полученіи тысячи рублей. Я понимаю кто она такая, — продолжалъ онъ Шильпну: — птица видна по полету. Я подамъ лично жалобу, я докажу, что у васъ дѣлается, на кого деньги тратятся.

— Успокойтесь, генераль, сдѣлайте одолженіе — успокойтесь: мы, увѣряю васъ, тутъ ни при чемъ: кому сколько велятъ — выдаемъ, какъ вы сами изволили видѣть по резолюціи. Въ сравненіи съ ней вамъ, я согласенъ, мало назначили; но во-первыхъ — она потомокъ именитаго человѣка, дали ей деньги на замужество, а во-вторыхъ — коль скоро изложите, почувствительнѣе, свои обстоятельства въ другомъ, дополнительномъ прошеніи, гамъ вѣроятно прибавятъ, во вниманіе къ вашимъ заслугамъ, тогда какъ жалобу, шумомъ и бранью, — право, только возстановите противъ себя. Ежели вамъ угодно принять мой совѣтъ, я готовъ объ васъ доложить въ вашу пользу.

— Прибавьте мнѣ до тысячи и я, такъ ужъ и быть, — отступлюсь.

— Сядьте, пожалуйста, и поговоримте. Пошли прочь отсюда, — погналъ насъ Шильпнъ.

Мы вернулись на свои мѣста. Нѣсколько дней спустя всезнающій Дуговской по всему дому разгласилъ, будто женщина возлюбленная правителя канцеляріи, а генералу къ полутораста рублямъ свезли еще 450 р. и тѣмъ его умиротворили. Затѣмъ, чтобы ненарваться на такого же назойливаго просителя, — приказали брать съ нихъ, въ полученіи денегъ, росписки на самыхъ ихъ прошеніяхъ или на отдѣльныхъ листахъ, а книгу никому больше не показывать.

XX.

Различныя событія и реформы

ТѢМЪ временемъ, покуда все рассказанное происходило, князь повысился и чиномъ и должностью, а занявшій его мѣсто, генераль Кихачевъ, замѣчательнъ былъ умомъ, спокойствомъ и ненавистью къ «весьма нужнымъ» бумагамъ: чтобы отъ него ни требовали послѣ 4-хъ часовъ пополудни — онъ все откладывалъ до слѣдующаго утра, а самъ почти никогда вечерами не бывалъ, а часто и не ночевалъ дома; за то днемъ работалъ быстро, писалъ много, и какъ увѣряли, изящнымъ, литературнымъ слогомъ. Дежурныхъ чиновниковъ онъ не спрашивалъ и никакихъ занятій имъ не поручалъ. Богатые чиновники и перестали сами дежурить, а нанимали за себя бѣдныхъ

чиновниковъ изъ писарей. Ни перемѣнъ, ни ссобыхъ оказій не стало. Вслѣдствіе однообразной скучной жизни принялся я, на досугѣ, читать въ канцеляріи законы и юридическія книги, которыхъ присылали въ наше законодательное отдѣленіе множество. Однажды я не успѣлъ дописать къ уходу начальника отдѣленія Угрюмова длинную, нужную бумагу. Онъ и велѣлъ мнѣ принести ее къ нему домой. Тамъ онъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, въ которомъ ко всѣмъ четыремъ стѣнамъ примощены были отъ потолка до полу полки, биткомъ набитыя разными книгами. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть. Ему и мнѣ подали чаю.

— Я очень доволенъ твоимъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ работѣ,—началъ онъ.—Твои чтенія, вечерами,—объ этомъ мнѣ не разъ говорили,—я тоже одобряю: они тебѣ полезны. Какія, назови мнѣ, напр., по заглавіямъ книги читалъ ты кроме тѣхъ, которыя я въ канцеляріи нашелъ разрѣзанными?

— Ариметику, грамматику, «Ветхій и Новый заветъ», «Путешествія къ святымъ мѣстамъ», «Ледяной домъ», «Иванъ Выжигинъ», «Рука Всевышняго отечество спасла» и стихи Пушкина и Лермонтова.

— Изъ стиховъ тебѣ Пушкина, конечно, больше понравились?

— Нѣтъ-съ, Лермонтова.

— Почему?

— Чувствительнѣе описываетъ страданія и неудачи разныя, а ихъ и на мою долю порядочно досталось. Пушкина же сочиненія больше всего про любовь и пьянство. Пьянство товарищей мнѣ противно, а любви я боюсь: до добра не доводитъ...

— Въ молодости, безъ образованія и руководительства, все, къ сожалѣнію, случается,—произнесъ онъ.—Но увлеченія образумливаютъ и научаютъ житейской опытности. Ты и займись образованіемъ себя, читай, вникай въ содержаніе того, что читаешь, а книги бери у меня. Видишь, сколько ихъ? Ты знаешь навѣрное пословицу «ученье свѣтъ, а неученье тьма». Ученье и выводитъ людей изъ тьмы къ свѣту. Мои родители были тоже простые люди дворовые; но помѣщикъ ихъ былъ человекъ доброжелательный и старшихъ двухъ моихъ братьевъ (всѣхъ насъ четверо) учили съ его дѣтьми. Они и пристрастились къ наукамъ, онѣ вывели ихъ, а они—насъ остальныхъ двухъ къ свѣту. Мои братья теперь: старшій академикъ, профессоръ (это значитъ наивысшіе ученые); второй тайный совѣтникъ, управляетъ, какъ и ты знаешь, обширнымъ комисаріатскимъ департаментомъ; третій я, а четвертый служитъ оберъ-секретаремъ въ сенатѣ. Всѣмъ, чему мы добились—мы обязаны главнымъ образомъ своему ученію и знаніямъ, вынесеннымъ изъ университета, высшаго учебнаго заведенія, гдѣ всѣ мы кончили курсъ, въ числѣ первыхъ учениковъ. И ты, ежели будешь стараться учиться,—со временемъ составишь себѣ, я думаю,

карьеру. Я сужу по твоей смъшленности, любознательности, памяти, да потому, какъ ты различаешь Пушкина отъ Лермонтова. Читай и думай, думай и читай больше, провѣряй, какъ съумѣешь, своимъ умомъ все прочитанное и выводи свое заключеніе, что полезно, что вредно, что интересно, что скучно, что хорошо и что дурно. Прежде всего я дамъ тебѣ сочиненія моего брата «исторію Россіи». Изъ этой исторіи узнаешь, какъ образовалась Россія, какія въ ней племена жили и живутъ и многое другое. Потомъ я тебѣ укажу другія книги. Въ отдѣленіи же будь хранителемъ законовъ, книгъ и газетъ, которыя тоже читай, чтобы знать, что дѣлается на свѣтѣ. Въ чемъ будешь сомнѣваться—спрашивай меня.

Наставленіе Угрялова глубоко запало мнѣ въ душу. Съ другаго же дня я сталъ бібліотекаремъ въ отдѣленіи и съ наслажденіемъ принялся, по порученію Угрялова, за составленіе каталога казеннымъ книгамъ, томовъ въ 1500. Онъ многократно разъяснялъ мнѣ, какъ разсортировать книги по предметамъ, снабжалъ меня собственными книгами, для чтенія, по своему излагалъ ихъ смыслъ, а я въ свою очередь читалъ запоемъ. Это бросалось въ глаза всѣмъ, утрами чуть ли не ежедневно заставлявшимъ меня въ канцеляріи за «С.-Петербургскими вѣдомостями», либо за «Русскимъ инвалидомъ».

— Что это вашъ Шумитинъ вѣчно корпитъ надъ газетами? часто спрашивалъ, бывало, Угрялова одинъ изъ помощниковъ начальника другаго отдѣленія Дирилинъ, глава похабниковъ.— Ужь не въ дипломаты ли вы его готовите?

— Освободите, Александръ Николаевичъ,—будьте столь любезны—и его и меня отъ лишнихъ разспросовъ,—отвѣчалъ, обыкновенно, Угряловъ.— Пусть лучше читаетъ, чѣмъ слушаетъ неудобные, напр., рассказы нѣкоторыхъ господъ любителей непечатнаго.

— Это вы въ мой огородъ камешки-то бросаете? Мерси!

— Не за что. Человѣкъ желаетъ чему нибудь научиться, а вы смѣтаетесь надъ нимъ. Не надо, право, не надо вселять въ нихъ неуваженіе къ умственнымъ занятіямъ, да и къ намъ тоже.

Дирилинъ, не находя себѣ ни въ комъ поддержки, смолкалъ и уходилъ изъ нашего отдѣленія. Мои успѣхи въ саморазвитіи нравились Угрялову. За мое стараніе онъ, понемногу, и выдѣлялъ меня изъ ряда писарей,—привлеченіемъ меня къ составленію примѣрныхъ бумагъ, къ подборкѣ и подклеянкѣ по выходящему собранію узаконеній статей къ продолженію св. воен. пост. къ составленію алфавитовъ, къ свѣркѣ корректуръ и т. под. работѣ, такъ какъ наше отдѣленіе издавало самыя продолженія, причемъ за участіе въ этомъ трудѣ я, въ числѣ чиновниковъ, получалъ и особыя награды по 80—100 р. Подвернулся случай и онъ командировалъ меня переписывать годовые отчеты по всему вѣдомству.

— Изъ отчетовъ ознакомишься съ характеромъ дѣятельности всѣхъ учреждений,—пояснилъ онъ мнѣ,—да и особую награду получишь за этотъ трудъ. *)

Отчеты сочинялъ статскій генералъ, старикъ Гезакъ, человекъ простой, доступный и знакомый съ Угряловымъ, по рекомендаціи котораго онъ и возложилъ на меня составленіе, изъ частныхъ вѣдомостей,—общихъ. а Дуговской научилъ меня считать на счетахъ. Я бился ночи на пролетъ и ватѣмъ, съ горечью,—докладывалъ Гезаку, что цифры ни какъ не сходятся.

— Это пустяки,—успокаивалъ онъ меня, провѣривъ мою работу.—Коль скоро департаментскія вѣдомости перевраны, гдѣ же мы то съ тобой возьмемъ вѣрныя цифры?

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ приказать возвратитъ въ департаменты ихніе отчеты, чтобы исправили ихъ?

— Не стоитъ: департаменты тоже получаютъ отъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и лицъ не рѣдко дутыя цифры, слѣдовательно и на нихъ пенять нельзя. Проставляй, братецъ, смѣло тѣ цифры, какія у тебя выходятъ: повѣрять нашъ отчетъ положительно ужъ некому.

Всѣ свои знанія и умѣнье прилагалъ Гезакъ къ лучшему сочиненію «видовъ и предположеній» къ отчету. Меня заинтересовало: отчего онъ самый отчетъ составляетъ зря? Думалъ я, думалъ надъ этимъ вопросомъ, да и спросилъ его.

— «Что было, то прошло»,—сказалъ онъ мнѣ,—а прошедшаго не воротишь. Глаза у меня слабые, мнѣ и жаль портить ихъ надъ отчетомъ, который только просматриваютъ досужіе люди, а «виды и предположенія» веѣ внимательно читаютъ, изучаютъ, чтобъ все яснѣе понять и правильнѣе осуществить. Жаль только, умныхъ людей, у насъ ограниченное число вездѣ, снизу до верху и обратно.

— Развѣ вы, ваше превосходительство, всѣхъ, осмѣлюсь спросить, знаете?

— Тебѣ еще нѣтъ столько лѣтъ отъ роду, во сколькихъ мѣстахъ я уже переслужилъ на своемъ вѣку: въ четырехъ министерствахъ, помощникомъ столоначальника, столоначальникомъ, начальникомъ отдѣленія; въ Курляндіи—цензорствовалъ; въ Малороссіи, въ Сибири и на Кавказѣ—вице-губернаторствовалъ; въ шести городахъ разныхъ игостранныхъ государствъ—консульствовалъ; казенными палатами управлялъ въ Литвѣ и на сѣверѣ; былъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Польшѣ и т. д., но нигдѣ я, братецъ, не могъ сладить съ дураками и мошенниками: ихъ повсюду тѣма тѣмущая. «Горе отъ ума», да отъ честности было мнѣ вездѣ: умнымъ и честнымъ людямъ

*) За отчеты получалъ я тоже сверхъ всего по 100 рубль кабинета Его Величества.

нигдѣ, братецъ, дороги не даютъ, а вездѣ ихъ ненавидятъ, преслѣдуютъ. Эту истину и ты, побольше поживешь, будешь слышать, а быть можетъ, чего я тебѣ, разумѣется, не желаю, и на себѣ ее испытаешь, ежели, какъ Иванъ Герасимовичъ говорилъ мнѣ, ты понятливый, честолюбивый и любозпательный малый, слѣдовательно способный со временемъ сдѣлаться дѣльцомъ, въ моемъ и его вкусѣ.

— Коль скоро умнымъ и честнымъ людямъ, какъ вы, изволите говорить, плохо жить на свѣтѣ, зачѣмъ же, послѣ этого, учатся быть умными и честными?

— А чтобы уменьшать число дураковъ, да распространять честность. Все это, повторяю, такъ необходимо, но такъ трудно, что, можетъ статья, когда нибудь даже и ты будешь ратовать противъ дураковъ и безчестныхъ. Ежели эта честь выпадетъ на твою долю, стой, помни, за правду, твердо, упорно и терпѣливо: самъ Богъ терпѣль, да и намъ велѣлъ подражать ему, ради Царствія Небеснаго.

Гезакъ около начальства не заискивалъ и не вертѣлся, какъ другіе, а держался гордо; поэтому, не желая себя утруждать личною явкою, онъ посылалъ, случалось, бумаги, для прочтенія директору и со мною. Такимъ образомъ очутился я, однажды, въ директорской пріемной. Изъ кабинета вышелъ Угряловъ и обратившись къ другому начальнику отдѣленія Туберту, сказалъ:

— Каковъ старикъ? Вступилъ!

— Значитъ слухъ о назначеніи князя вмѣсто него опять не оправдался?

— Нѣтъ. Но и вступилъ, вообразите, еще въ Варшавѣ и оттуда прислалъ приказъ, которымъ благодаритъ князя за прекрасное управленіе, во время его заграничнаго отпуска. Князь разсердился, разорвалъ приказъ и объявилъ директору, что послѣ этого афронта выйдетъ въ отставку.

— Неужели?

— Да, послалъ ужъ просьбу, объ отпускѣ за границу, чтобы и не встрѣтиться со старикомъ, а оттуда возьметъ отставку.

Нѣсколько дней сряду всѣ толковали о разорваніи княземъ приказа, а по возвращеніи старика все, мною слышанное изъ устъ Угрялова, сбылось: князь дѣйствительно вышелъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ и Кихачевъ, ко всеобщему сожалѣнію стчислился отъ директорства. Начались перемѣны директоровъ и другихъ департаментовъ. Перемѣщеніе этихъ властей неожиданно негаданно отразилось, вдругъ, и на мнѣ. Угряловъ предложилъ меня въ постоянные дежурные къ новому директору, генералу Бауфману.

— Этимъ назначеніемъ пожалуйста, дорожи: оно можетъ доставить тебѣ хорошую будущность,—предупредилъ меня Угря-

ловъ.—Я по нездоровью, уже не долго, *) вѣроятно, прослужу тутъ, а мнѣ хочется, чтобы тебя не затерли.

— Очень вамъ благодаренъ Вы, Богъ дастъ, поправитесь. Я радъ буду всегда служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Веди себя попрежнему и въ качествѣ приближеннаго къ директору тебя не забудутъ.

Съ этимъ почетнымъ назначеніемъ поздравили меня многіе чиновники и писаря, а послѣ должности Дуговской, питавшій ко мнѣ, не понимаю, и до сихъ поръ, за что, особенное расположеніе,—пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, что и прежде случалось. Онъ считался въ нашемъ отдѣленіи чиновникомъ для усиленія, имѣлъ маленькую, но уютную казенную квартиру. получалъ до 1000 р. въ годъ и на эту сумму, какъ выражался. «небо коптѣлъ», съ семействомъ изъ жены, тещи, малолѣтнихъ дочери, двухъ сыновей, да кухарки.

— Въ дребезги, братецъ, разбейся, а непременно понравься директору, чтобы выдти въ чиновники, — внушалъ онъ мнѣ послѣ обѣда.—Всѣ писаря, когда либо попадавшіе къ директорамъ, всѣхъ почти департаментовъ, всегда производились раньше выслуги срока, какъ и я въ чиновники; всѣ, помни, дежурные, кромѣ того еще имѣли и хорошіе доходы. Я самъ бывши при Паниковѣ, рѣдкій день не приносилъ домой 5—10 р., а иногда и больше.

— Кто же вамъ давалъ деньги и за что?

— Разные посѣтители, просители, за докладъ объ нихъ, за то, что скажешь въ какомъ директоръ расположеніи духа (это многимъ весьма важно, для достиженія ихъ цѣлей); наконецъ за совѣты, какъ что говорить ему, да за справки. Иныхъ же изъ писарей—докладчиковъ фортуна увела далеко, далеко, такъ что ихъ теперь и рукой не достанешь: всеильными и вліятельными сдѣлались. Да вотъ тебѣ примѣры. Состоящій при старикѣ чиновникъ Харжевскій пишетъ за него, всѣ резолюціи, которыя онъ рѣдко когда подписываетъ, стало быть его ли-онѣ, или Харжевскаго Аллахъ вѣдаетъ! Мимо Харжевскаго ни одна бумага не проскользнетъ, ни одинъ докладъ не утверждается. Онъ въ почетѣ у всѣхъ директоровъ, а всѣ они съ аристократическою ихнею предупредительностью руку ему пожимаютъ, а посторонніе — будь они хоть раз-генералы, — въ поясъ ему кланяются, радехоньки ежели онъ удостоить ихъ разговоромъ: онъ легко можетъ и поправить и попортить любое назначеніе, награжденіе, повышение—потому всѣ дѣла въ его рукахъ. При морскомъ министрѣ Кетлицѣ чиновникъ Гурьевъ играетъ точно такую же роль, какъ

*) Предчувствіе его сбылось: онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъ рака въ печени. Говорили, что болѣвъ эту нажилъ онъ отъ слишкомъ сунденныхъ трудовъ

при нашемъ Харжевскій. Акимовъ пережилъ ужь четырехъ дежурныхъ генераловъ, переживетъ, пожалуй, еще пятерыхъ и будущими станеть помыкать въ одинаковой, я увѣренъ, степени, какъ и бывшими. У главноуправляющаго законодательнымъ отдѣленіемъ графа Грудова правою рукою тоже бывший писарь Климовъ; графъ Клейнмихель слылъ страшную грозою для всѣхъ, но бывший при немъ чиновникъ изъ писарей всегда умѣлъ сдерживать его порывы, а иногда и вертѣтъ имъ по своему*). У намѣстниковъ, корпусныхъ и даже, какъ ты самъ рассказывалъ, про Готова,—старшіе писаря самые лучшіе совѣтники и заправители дѣлами. И я всегда радуюсь, какъ вижу, или слышу, что сильные міра сего лебезятъ предъ нашимъ братомъ, когда онъ заберется на высоту и стоя на ней—держитъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Влѣзь же, братецъ и ты директору въ душу и изъ нея мсти, безпощадно мсти знатнымъ дворянчикамъ, сыновьямъ откушниковъ, золотопромышленниковъ, за тѣ униженія и оскорбленія, какія мы отъ нихъ выносимъ, за тотъ египетскій трудъ, какой они на насъ взваливаютъ, но ни въ грошъ его не цѣнятъ бѣлоручки, чрезъ протекціи и деньги скачущіе прямо въ начальники отдѣленій, хотъ и не бельмеса не смыслятъ, подобно нахальному Анфимову.

— Однако, вы, Николай Борисовичъ, напрасно кажется, нападаете огуломъ на всѣхъ начальниковъ, когда есть и отличные къ намъ.

— Ты слишкомъ еще молодъ и глупъ,—они тебѣ и кажутся отличными, а я 29 годъ служу, видѣлъ и зналъ не одну сотню и укрѣпился въ противоположномъ, объ нихъ мнѣніи, Я, напр., 12 лѣтъ чиновникомъ, а штатной должности никакъ, въ канцеляріи не добьюсь, а почему? Да собственно потому, что какъ только откроется вакансія, — на нее, точно саранча, вале-тятъ школяры — барскіе, либо цѣловальницкіе сынки и безъ зазрѣнія совѣсти садуть. Спрашиваешь: почему же меня обходите? «Вы изъ писарей, нагло отзываются, а назначать на штатныя должности принято людей образованныхъ, просвѣщенныхъ, такъ какъ часто требуются соображенія.» Приглядишься къ этимъ образованнымъ, просвѣщеннымъ людямъ и что же? Одни изъ нихъ — со всѣмъ русской грамоты не знаютъ, другимъ—цѣна дешевле той бумаги, которую они перепортятъ, а третьи, самые, по ихнему умные,—не умѣютъ готоваго доклада размѣтить карандашемъ какъ переписывать меморію отъ А. до Θ, потомъ на право со словъ «совѣтъ положилъ: утвердить представленіе департамента» и баста! Открывается другая вакансія и таже исторія. Съ досады и пристанешь: проэкзаме-

*) Изъ этихъ послѣднихъ могикановъ напр. Климовъ умеръ помощникомъ статс-секретаря государственнаго совѣта, Акимовъ дослужился до тайнаго совѣтника и т. д.

нуйте въ знаніи дѣла меня и вашего образованнаго человѣка и убѣдитесь, что я, вышедшій изъ палочной академіи, за поясъ заткну вашего лицеиста, университета, хоть его обученіе и стоило десятокъ крестьянскихъ семействъ. «Перестаньте, Николай Борисовичъ, пожалуйста, злословить: вашъ языкъ—бритва—вамъ же вредить, уже миндальничаютъ со мной, потому правда глаза колетъ, рѣжетъ слухъ. Угодно вамъ въ смотрители провіантскаго, либо комиссаріатскаго магазина и васъ завтра же назначать?». «Не хочу я ни въ какія магазинныя крысы: они всѣ мошенники и я, честный человѣкъ, не уживусь съ ними. Я 20 лѣтъ здѣсь служу, здѣсь же желаю и должность получить, имѣю на это вдесятеро большее право, нежели всѣ ваши лантрыги». «Ну такъ подождите,— скоро откроется еще вакансія». И сижу я, такимъ манеромъ, у моря и тщетно жду погоды въ штабѣ офицерскомъ уже чинѣ: покаместъ я дождусь должности—я вѣроятно околѣю, а тогда и семья моя по міру пойдетъ, по милости разныхъ проходимцевъ!.. Я и срываю на нихъ свою безсильную злость, кощу ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ... «Свой своему—по неволѣ другъ». И ты, ежели счастье тебѣ улыбнется,—смотри не зѣвай—мсти, мсти имъ сколько будешь въ силахъ: съ ними необходимо непременно око за око, зубъ за зубъ.

— У насъ же, позвольте вамъ напомнить, есть и совѣстливые дворяне—чиновники, половину своего жалованья отдаютъ вамъ и намъ.

— За то, что мы, олухъ ты этакій, за нихъ работаемъ; они же даромъ берутъ другую половину положеннаго жалованья, стало быть никакой въ нихъ совѣсти и нѣтъ! Еслибъ поступали по совѣсти: директора бы—не ширились въ казенныхъ квартирахъ изъ 20 комнатъ, не отводили бы: по 15 комнатъ вице-директорамъ, по 10 комнатъ начальникамъ отдѣленій, а всѣхъ семейныхъ писарей, до 200 человѣкъ, не законопачивали бы въ 10 подвальныхъ, темныхъ, тѣсныхъ конурахъ, гдѣ невинныя дѣти задыхаются отъ спертаго воздуха, отъ смрада, такъ какъ всѣ конуры вмѣстѣ не составятъ и 5 хорошихъ комнатъ! За старикомъ притащился, напр., сюда изъ арміи съ пустынькимъ чемоданчикомъ маіориска Портвиновъ, такъ и ему дали квартиру въ 7 комнатъ; а я, самъ седьмой—принужденъ гнѣдаться, въ сущности, въ 2 комнатахъ, когда я такой же, какъ онъ штабъ-офицеръ, служу десятки лѣтъ, исписалъ столько бумаги, что на пяти, думаю, вовахъ ее не увезешь Мало того: Портвиновъ этотъ какъ «ворона залетѣвши въ богатые хоромы»,—не зналъ, что въ нихъ, одному, дѣлать ну и пригласилъ къ себѣ жить не бѣдняка,—нѣтъ, а сына откупщика Верзилова: понялъ, армейщина, гдѣ раки зимуютъ. Верзиловъ съ толстою кабацкою мошною и обставилъ, роскошно всѣмъ, чѣмъ нужно, эти хоромы, кормить—пить своего сожителя и оба жирѣютъ на счетъ пьющихъ сивуху. Смекаешь

ты теперь, что и совѣстью судьба обидѣла тѣхъ, кого ты считаешь.

— Н-да, я готовъ вамъ вѣрить... я не догадывался...

— Зачѣмъ ты, другъ мой, и его восстанавливаешь, озлобляешь напрасно? — укоризненно заговорила жена Дуговскаго, услышавъ послѣднія слова мужа. — Это тебя не рекомендуетъ: молодой человѣкъ имѣетъ о начальствѣ свѣтлыя понятія, а ты ему навязываешь свои мрачныя понятія, хотя они и самому тебѣ столько навредили. Постыдись, другъ мой, совращать его въ свою ересь.

— Не въ ересь совращаю я его, а уму — разуму учу его, разъясняю ему правду безъ всякихъ прикрасъ. Не суйся ты, матушка, не въ свое дѣло.

— Ты носишься со своей правдой, какъ съ писанной торбой и страдаешь отъ ея тяжести. На свѣтѣ правдой жить мудрено, даже нельзя: люди не ангелы небесные. Пожалуйста, не слушайте его правоченій: они, чего не дай Богъ, и васъ до до'ра не доведутъ, а остерегайтесь поносить начальство и оно будетъ къ вамъ добрѣе, благосклоннѣе.

— Покамѣсть дожدهшься благосклонности, — зубы на полку положишь*), — возразилъ онъ. — Ни чести, ни совѣсти, ни стыда нѣтъ въ нихъ Вотъ съ завтрашняго же дня перваго твоего дежурства начнешь убѣждаться, что я правъ.

На слѣдующее утро я одѣлся самымъ параднымъ манеромъ, пошелъ въ церковь, поставилъ свѣчку, отстоялъ раннюю обѣдню, горячо помолился Богу, чтобы послалъ мнѣ счастья на предстоявшей мнѣ новой службѣ, и направился въ директорскую приемную. Тамъ, ровно въ 9 часовъ, я представился директору. Онъ, — пожилой, гладко выбритый, средняго роста, сухощавый, сѣдоватый, — разспросилъ меня: сколько лѣтъ я служу; какое получаю мы, писаря, жалованье, какъ живемъ, довольствуемся и проч.

— Ты будешь мнѣ докладывать о посѣтителяхъ и просителяхъ по мѣрѣ ихъ прихода сюда, — пояснилъ онъ мнѣ будущія мои обязанности. — Исключенія дѣлай только для особенно важныхъ лицъ, напр. полныхъ генераловъ, т. е. объ нихъ говори мнѣ внѣ очереди. Держись со всѣми одинаково вѣжливо, почтительно, въ разсужданія ни съ кѣмъ не пускайся, но на вопросы всѣхъ отвѣчай, что по службѣ знаешь, кратко, внятно и деликатно. Содержанія секретныхъ бумагъ, которыя будутъ проходить чрезъ твои руки, никому ни подъ какимъ предлогомъ не сообщай: это запрещено закономъ. Одѣвайся постоянно также чисто, опрятно, какъ теперь ты одѣтъ: неряхъ я не могу здѣсь держать. Выборомъ тебя, изъ 40 писарей, — ты отличенъ за

*) Онъ такъ и умеръ, не дождавшись шивной толжпости, а семья его осталась нищею.

твое особенное благонаравіе, умѣнье вести себя и понятливость всѣмъ этимъ ты долженъ дорожить. Вотъ главное, что ты, надѣюсь, будешь исполнять въ точности. Труды твои безъ вниманія не останутся.

Въ пріемной, рядомъ съ его кабинетомъ, поставили мнѣ столъ и я ревностно принялся за новую службу. Она заключалась, кромѣ сказаннаго, въ пересмотрѣ: всѣ ли бумаги подпisałъ директоръ, въ передачѣ ихъ журналисту, въ отдѣленіи, въ собраніи, для являвшихся просителей, справокъ, въ приглашеніи, къ директору тѣхъ, кого онъ требовалъ; въ отправкѣ по адресу важныхъ дѣлъ, въ перепискѣ разныхъ экстренныхъ, или секретныхъ его мнѣній и т. п. Начинаясь моя служба въ 9 часовъ утра и продолжалась до 5 пополудни, потомъ съ 9 вечера до 3-хъ, а иногда и до 4-хъ часовъ ночи, за исключеніемъ очень рѣдкихъ вечеровъ, когда онъ съ семействомъ отлучался въ театръ, или въ гости. Жилъ онъ скромно, никакихъ пировъ не задавалъ; характеръ имѣлъ ровный, добродушный, терпѣніемъ располагалъ неистощимымъ, работалъ безъ усталы, во все вникалъ, все изучалъ и помнилъ.

День проходилъ незамѣтно: посѣтители и просители просто одолѣвали и его и меня. Почти всѣхъ принималъ онъ въ кабинетѣ. Тамъ они пускались въ безконечныя разсужденія, отнимавшія у него слишкомъ много времени.

— Отъ словоохотливости посѣтителей и просителей я не успѣваю дѣломъ заниматься,—сказалъ онъ мнѣ, чрезъ день.— Поэтому слѣди, пожалуйста, по часамъ: сколько кто времени пробываетъ у меня и, какъ только кто изъ не важныхъ пробысѣдуетъ со мной больше 20 минутъ,—входи и говори о другихъ: они и стануть догадываться, что имъ пора уходить.

Остроумный этотъ способъ выживать посѣтителей одни изъ нихъ не понимали, а другимъ не нравился, они и не обращали вниманія на мои доклады; по этому мнѣ раза по три приходилось напоминать, чтобъ убирались во свояси. Это случалось, впрочемъ, и по винѣ самого директора: онъ продолжалъ съ ними бесѣды и слушалъ ихъ болтовню, а они этому рады были. Потомъ, когда они, наконецъ, уходили, онъ сѣтовалъ на нихъ. Слушая его неудовольствія,—я разъ предложилъ ему, для выигранія времени, принимать чужихъ въ пріемной, гдѣ засидѣться негдѣ.

— Нѣтъ, братъ, нельзя,—отозвался онъ.— Всѣ вправѣ требовать выслушать ихъ съ глаза на глазъ: никому не удобно оглашать своего дѣла всѣмъ. Кромѣ того моя обязанность быть внимательнымъ ко всѣмъ, чтобы на меня не претендовали

— Ежели можете удовлетворить ихъ просьбы, они будутъ довольнѣе чѣмъ тѣмъ, что вы выслушаете ихъ мнѣнія и разсказы...

— Удовлетворить-то нельзя и половину, а доступностью и обѣщаніемъ—все-таки меньше огорчишь ихъ: они уйдуть съ

надеждою, а надѣяться гораздо пріятнѣе, чѣмъ сразу выслушать отказъ.

И онъ дѣйствительно никому прямо не отказывалъ, а водилъ ихъ обѣщаніями, да очаровывалъ бесѣдами и слушаніемъ ихъ рѣчей.

Въ числѣ просительницъ осадили его старухи, просившія на бѣдность. Я завелъ имъ, по его приказанію, по книжкѣ и записывалъ въ нихъ еженедѣльно на каждую по 2 рубля. Щедрость эта быстро расплодила число старухъ. Онъ уменьшилъ количество пособія на рубль, но и это не подѣйствовало: онѣ стали являться чаще и чаще. Онъ ограничилъ на 75—50 коп. и на этомъ остановился. Онѣ и повадились толпами аккуратно каждую субботу. Я бралъ у нихъ книжки, носилъ ихъ къ нему, заявлялъ, какая какъ одѣта, какъ стара, хила, записывалъ съ его словъ, какой сколько, получалъ отъ него деньги и раздавалъ имъ. Ихъ шуму, претензіямъ, спорамъ: отчего одна—75, другой—60, а третьей—50 коп., когда онѣ всѣ одинаковыя нищія,—не было конца. Я и прибѣгалъ, по неволѣ къ помощи швейцара, чтобы умиротворилъ ихъ. Въ свою очередь и онъ впадалъ въ негодованіе.

— Больше 20 лѣтъ сряду служу я тутъ, при мнѣ, за это время, перемѣнилось семь директоровъ, но этотъ первый допускаетъ сюда проходимокъ, пьяницъ; онѣ же не только деньги получаютъ, но еще лѣстницу мнѣ пачкаютъ. Я бы съ удовольствіемъ гонялъ ихъ по шеямъ, да опасно: онѣ, по своей назойливости, вѣдь на углу почнуть его останавливать и жаловаться на меня, а тогда и оправдывайся изъ за нихъ. Эй, вы, старухи, получили, такъ убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, не то вотъ кулакомъ выпроваживать васъ прим-мусь...

Длинными вечерами мнѣ часто нечего было дѣлать. Я и сталъ читать книги. Однажды директоръ вышелъ ко мнѣ не слышно. Я и не успѣлъ спрятать въ столъ, взятый изъ отдѣленія томъ сочиненій Неволіна, объ исторіи законодательства. Я смѣшался. Онъ улыбнулся, взялъ со стола книгу, посмотрѣлъ заглавіе и мягко спросилъ меня:

— Ты развѣ понимаешь это серьезное сочиненіе?

— Никакъ нѣтъ съ, ваше превосходительство, но хочу научиться понимать, потому и читаю не торопясь, обдумываю, что значить каждая строчка.

— Это хорошо: научись понимать — это тебѣ принесетъ пользу. Читай сколько хочешь, на досугѣ, и меня не остерегайся. Я вышелъ порадовать тебя пріятною, для васъ, писарей, новостью: всѣмъ нижнимъ чинамъ сокращается обязательная служба на пять лѣтъ, а прослужившимъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 12 лѣтъ, если въ это время нѣтъ офицерскихъ и чиновничьихъ вакансій, — предоставляется оставаться 5 лѣтъ, кандидатами, съ жалованьемъ по 100 руб. въ годъ, а потомъ выдти въ отставку, съ обращеніемъ этого жалованья въ пожиз-

ненную пенсію. Теперь 10 часовъ и твои товарищи вѣроятно еще не спятъ. Ступай и передай и имъ эту вѣсть, прослушай, какое произведетъ она на нихъ впечатлѣніе и вернись сюда.

Я засталъ на лицо большинство холостыхъ, предложилъ имъ смолкнуть и громогласно рассказалъ имъ слышанное. Они сразу мнѣ не повѣрили. Я повторилъ имъ и поклялся, что «не сочиняю», т. е. не вру. Всѣ взликовали, а старослужащіе забросали другъ друга своими будущими блестящими предположеніями. Минуть черезъ 5—10 всѣ засуетились, начали складываться деньгами на немедленное же поздравленіе себя съ «сокращеніемъ срока службы, съ кандидатствомъ и со 100 руб. пенсією».

— Досадно одно—теб-бя, вѣстника радости, нельзя сейчасъ же угостить: директоръ услышитъ винный запахъ,—толковали одни.

— Я никакого вина, какъ всѣ вы знаете, не пью, стало быть и досадовать не очемъ,—успокоивалъ я ихъ.

— На этотъ разъ ужъ дудки, — возражали другіе.—Ради этого случая нельзя не выпить и, не будь ты только дежурнымъ,—мы бы тебя заставили выпить.

— Покуда онъ додежуритъ — подождемте, господа, ложится спать, — предложилъ кто-то. — А какъ вернется и накачаемъ его.

— Ждемъ; именно ждемъ. Отлично сказано.

Я вернулся къ директору.

— Ну что, довольны? — полюбопытствовалъ онъ.

— Всѣ чрезвычайно рады, но изъ нихъ выслужившіе больше 12 лѣтъ, — а такихъ въ канцеляріи однихъ холостыхъ 10 человекъ, — просто въ восхищеніи.

— И я радъ за васъ: по крайней мѣрѣ хоть обезпеченіе денежное пріобрѣтете.

Ровно въ 3 часа ночи возвращался я корридорами въ казарму и еще издали слышалъ пѣсни. Я зашелъ сперва къ департаментскимъ писарямъ и изумился: всѣ длиннѣйшія комнаты были освѣщены, а люди, до 200 человекъ бродили взадъ-впередъ, пѣли, плясали, ѣли, пили, короче — единодушно праздновали радость, живо перешедшую и къ нимъ. Въ «неприступной крѣпости» всѣ также бодрствовали, хотя многіе уже, какъ говорится, и «лыко не вязали». Меня встрѣтили оглушительнымъ крикомъ «ура», схватили въ охапку, качали въ воздухъ, и силою заставили выпить. Кутежъ прекратился едва со звономъ къ ранней обѣднѣ.

Собственно меня «кандидатство и 100 р. пенсія» вовсе не интересовали: я носилъ галуны только 4 годъ, а сравнивая положеніе писаря—кандидата и, хоть «лыкомъ питаго чиновника» — умозаключалъ: кандидатъ долженъ снимать шапку всякому офицеру; служить — тамъ, гдѣ велятъ, подчиняться всѣмъ солдатскимъ правиламъ, по выходѣ въ отставку — заниматься опять

таки лишь переписываньемъ всякой чепухи и кончить жизнь — отставнымъ солдатомъ; чиновникъ же воленъ кланяться при встрѣчахъ, или проходить мимо, даже — генераловъ; служить можетъ онъ, гдѣ захочетъ; отъ всякой дисциплины — свободенъ, а какъ «плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ», то и чиновникъ изъ писарей, по бывшимъ примѣрамъ, въ состояніи добиться штатныхъ должностей, уваженія и почета. Выводъ этотъ утвердилъ во мнѣ мечту непремѣнно, современемъ, пробраться въ чиновники. Ради осуществленія этой мечты о чинѣ, я усерднѣйшимъ образомъ продолжалъ дежурить и читать все, что попало, чтобы заpastись знаніями, чиновнику необходимыми.

Миновалъ годъ. Въ теченіе этого времени я успѣлъ сдѣлаться лично извѣстнымъ директорамъ всего министерства и множеству генераловъ. За мои труды и скромность всѣ меня хвалили, но противъ другихъ меня однако ничѣмъ не поощряли; самъ же я ничего не просилъ, а довольствовался положенными жалованьемъ и наградами, да тѣмъ, что директоръ былъ ко мнѣ расположенъ, совершенно мною доволенъ; влияния же я на него никакого не приобрѣлъ: онъ дѣлалъ все почти самъ, а я по своей робости, никогда и не совался къ нему ни съ чѣмъ, выходящимъ изъ предѣловъ моей скромной роли.

Наступилъ торжественный день обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Директоръ отпустилъ меня гулять на цѣлый день, объявленный праздничнымъ. Въ церквахъ послѣ обѣдни, отслужили молебны. Всѣ мы, писаря, съ любопытствомъ бродили по улицамъ, въ ожиданіи какихъ-то неизвѣстныхъ событій но никакихъ не произошло; только народъ ходилъ партиями съ радостными лицами и гордо смотрѣлъ по сторонамъ. Мы, писаря, относились къ этому акту, лично насъ не касавшемуся, равнодушно, такъ какъ считали себя сословіемъ, гораздо высшимъ, чѣмъ «мужичье». Вечеромъ директоръ разспрашивалъ меня: какое произвелъ, по нашимъ замѣчаніямъ, манифестъ впечатлѣніе? Я отвѣчалъ: «отрадное, потому, что воля всѣмъ дороже всего».

— Но воля хороша, — пояснилъ онъ мнѣ, — людямъ разумнымъ, а среди народа ихъ еще не много...

— На свободѣ научатся, думаю

— Дай Богъ, чтобы такъ случилось.

— Объ этомъ-то всѣ, кажется, и молились сегодня въ церквахъ, на улицахъ обнимались, точно христосовались и плакали отъ умиленія.

— Это хорошій правнакъ.

Вслѣдъ затѣмъ вся почти аристократія вдругъ улетучилась изъ канцеляріи — въ мировые посредники. Тогда и личный составъ чиновниковъ значительно понизился родовитостью и богатствомъ. Въ это время и у насъ одинъ чиновникъ изъ писарей получилъ штатную должность. Это порадовало насъ больше,

нежели отъѣна крѣпостнаго права: мы всѣ возмечтали о чинахъ и должностяхъ. Собственно меня мечта эта не покидала особенно во время прогулокъ по улицамъ, въ сумеркахъ предъ ночнымъ бдѣніемъ.

Будучи въ такомъ настроеніи, я, однажды, на улицѣ, прозѣвалъ снять шапку предъ какимъ-то полковникомъ. Онъ остановилъ меня и сталъ браниться. Ни извиненія, ни просьбы мои не умилостивляли его. Онъ настаивалъ, чтобъ я шелъ за нимъ въ ордонансъ гаузъ, подъ арестъ. Я заявилъ ему, что чрезъ полчаса я обязанъ быть у директора и, если онъ пожелаетъ — можетъ идти со мною же къ нему жаловаться на меня.

— Въ такомъ случаѣ ты меня чрезъ часъ увидишь: я переодѣнусь и приѣду, — объявилъ онъ мнѣ. — Мы знакомы и я тебя прочу за твою дерзость.

Полковникъ отсталъ отъ меня, но, покамѣстъ мы пререкались и я шелъ домой, — я опоздалъ почти на часъ, чего со мною прежде никогда не случалось. Швейцаръ предупредилъ меня, что директоръ дважды уже меня спрашивалъ, посылалъ за мной. Стъ постигшей меня двойной неприятности, — я вошелъ въ кабинетъ блѣдный, растерянный. Онъ взглянулъ на меня, откинулся на спинку кресель и съ обычною ласковою улыбкою спросилъ меня: гдѣ я былъ? Я откровенно рассказалъ ему о случившемся со мною.

— Вѣрю, и потому извиняю твое нарушение дисциплины, — отозвался онъ. — Когда полковникъ явится — объяви ему отъ моего имени, что я вечерами никого не принимаю, а ежели онъ завтра опять придетъ — я его вразумлю. Ходятъ писаря, какъ я слышала, въ штатскомъ платьѣ?

— Точно такъ-съ, но тайкомъ, чтобы не встрѣтиться съ начальствомъ, а то опасно..

— А ты въ состояніи купить себѣ приличное штатское платье?

— Могу-съ: деньги не переводятся у меня.

— Вотъ я тебѣ дамъ 25 р., къ нимъ прибавь своихъ, обзаведись штатскимъ платьемъ и такъ же, какъ другіе, — ходи въ немъ по улицѣ, чтобы съ тобой не повторилась сегодняшняя оказія. Наши чиновники придираются къ тебѣ не станутъ; я тебя, при встрѣчахъ, не буду замѣчать, а больше тебѣ и опасаться некого. Шапкосниманье, порадуя тебя, скоро замѣнится дѣланьемъ подъ козырекъ, по офицерски.

Полковникъ сдержалъ свое слово — явился, но швейцаръ не допустилъ его къ директору. Онъ пришелъ на утро, но ушелъ багровый отъ злости, что ничего не добился. Запасшись тайнымъ разрѣшеніемъ носить статское платье, — я обзавелся имъ, дождался праздника, прифрантился въ обновѣ, и махнулъ прямо въ лѣтній садъ, куда насъ, въ формѣ, все еще не пускали. Поглощенный соблазнительною мыслию о пріятности быть *вольнымъ* человекомъ, ни кому не обязаннымъ чиновочитаніемъ, —

я горделиво прохаживался. Вдруг на поворотѣ въ одну аллею я наткнулся на одного изъ генераловъ, часто посѣщавшихъ директора, забылъ, что я не въ формѣ, схватился, по привычкѣ, за фуражку, вспыхнулъ и выдалъ себя.

— А это ты?— произнесъ онъ — Еслибъ ты былъ простой писарь, — я бы тебя отправилъ на гаутвахту, но какъ ты «докладчикъ», то пошелъ вонъ отсюда и впередъ мнѣ ни гдѣ не встрѣчайся.

— Извините, ваше превосходительство, я не самовольно, а съ разрѣшенія...

— Такого разрѣшенія никто давать не вправѣ. Впрочемъ, шатайся, напр., по паркамъ, а сюда и носа своего не показывай: здѣсь не мѣсто вашей братіи. Маршъ!

Униженный и огорченный, я повиновался, а дорогою проклиналъ свою опрометчивость, разсѣянность. Встрѣча эта заставила меня гулять, потомъ, по глухимъ улицамъ, да въ сумеркахъ, чтобы не наткаться на начальство: очень многіе генералы хорошо знали меня въ лицо. Гулять «вольнымъ человекомъ» мнѣ, впрочемъ, очень правилось: это усиливало мою заветную мечту — сдѣлаться «вольнымъ» человекомъ.

Между тѣмъ «шпалкосниманіе» дѣйствительно замѣнилось «дѣланьемъ подъ козырекъ». Писаря приняли и этотъ приказъ съ живѣйшею радостью, а нѣкоторые мои сослуживцы стали рѣже прежняго носить, тайно, вольное платье. Я спросилъ одного кандидата: для чего же онъ бережетъ свое платье?

— Выйду въ отставку и тогда оно мнѣ нужнѣй будетъ, — отвѣтилъ онъ. — А дѣлать подъ козырекъ, какъ офицеры, не обидно, стало быть и стѣсняться, въ вольномъ платьи, нѣтъ намъ ревоза. Дождусь отставки и во всемъ съ чиновниками сравняюсь.

— Сравнятся съ чиновниками — кандидатамъ никогда не удастся, — возразилъ еще молодой писарь. — Младшій помощникъ дѣлопроизводителя Кольскій нечаянно подалъ вчера руку Пантелееву, но спохватился, покраснѣлъ и тщательно вытеръ свою руку платкомъ. Вотъ какъ дворяне — чиновники резаютъ и чиновниками изъ писарей, а вашего брата — кандидатовъ всегда будутъ звать: «эй ты, солдатъ».

— Вашъ Кольскій дур-ракъ, потому и важничаетъ. Но попробуй онъ меня, отставнаго, «тыкнуть». — такъ я ему спѣсь то собью. Дворяне, какъ отняли у нихъ крестьянъ, — сразу понизили гоноръ; только задорные изъ нихъ въ отмщеніе за то, что ихъ лишили права торговать крестьянами, — бунтоваться вонъ начали: въ аудиторіатѣ конфирмацію ужь подписали одному такому барину, ученому офицеру Оврутеву. На дняхъ на площадь, слышалъ я, повезутъ его выслушивать о ссылкѣ его въ каторгу. Не вѣрите мнѣ — прослѣдите по директорскимъ бумагамъ, — заключилъ онъ, адресовавшись ко мнѣ.

Объ объявленіи Оврутеву приговора я дѣйствительно вычиталъ изъ бумаги, но за что именно — я второпяхъ не сооб-

разилъ. Потомъ въ канцеляріи и въ моей приѣмной разгласилось, будто бы по городу читають какіе то листки. Однажды вечеромъ, во время отсутствія директора изъ дома, въ мою «дежурную» пришель какой-то господинъ, подалъ мнѣ два конверта, и сказалъ:

— Одинъ—потрудитесь подать генералу, а другой—распечатайте и внимательно прочитайте съ товарищами.

— Что же такое въ конвертѣ? въ недоумѣніи спросилъ я.

— Книжка, но очень, очень интересная для всѣхъ книжка.

— Благодарю васъ: я любитель читать.

Онъ быстро ушелъ.

Адресованный директору конвертъ я положилъ къ нему на столъ, а другой распечаталъ и вынулъ изъ него 4 печатныхъ листочка. Я прочелъ листочки, почувствовалъ жаръ и страхъ: изъ нихъ я впервые ясно понялъ, что такое и «Колоколъ», и «Кличъ съ того берега», сохранившіеся въ моей памяти. Все, въ листкахъ напечатанное меня сильно заинтересовало отчасти и потому, что они напоминали мнѣ рѣзкость выраженій Дугевского. Особеннымъ сочувствіемъ воспылалъ я къ мысли о всеобщемъ равенствѣ и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Я понялъ также, что открыто держать листки и раздавать ихъ читать—опасно, но уничтожить ихъ мнѣ почему-то было жаль. Я и спряталъ ихъ въ карманъ, а когда вернулся домой—подъ подушку; но цѣлую ночь не могъ глазъ сомкнуть: все думалъ о томъ, что вычиталъ, а на утро не выдержалъ — далъ, по секрету, прочесть врознь, двумъ пріятелямъ — сослуживцамъ. Одинъ изъ нихъ отнесся ко всему равнодушно, а другой такъ живо заинтересовался, что выпросилъ у меня еще кому то прочесть, и какъ я къ нему ни приставалъ потомъ, чтобы возвратилъ—откилилъ листки. Впрочемъ, я скоро утѣшился—полученіемъ, тѣмъ же способомъ, еще нѣсколько листовъ, но ихъ я уже никому не показывалъ, а берегъ какъ драгоценность. Объ нихъ чиновники вели ежедневно оживленный говоръ, а нѣкоторые изъ нихъ приносили и вслухъ читали товарищамъ, кромѣ листовъ и рукописныя стихотворенія, которыя всѣ списывали для себя.

Я заучилъ стихотворенія наизусть. Спустя мѣсяць разнесся слухъ, что: вопервыхъ—сочинителя листовъ и стиховъ посадили, а вовторыхъ—обыскиваютъ и другихъ. Тогда я сжегъ все запрещенное, но внимательно прислушивался къ разговорамъ чиновниковъ и, которые разгласили потомъ, что этому сочинителю объявятъ приговоръ тоже на площади. Я прослѣдилъ день и часъ и рано утромъ отправился туда, чтобъ хоть мелькомъ взглянуть на того, кто волновалъ мое воображеніе, выжималъ слезы изъ моихъ глазъ, лишалъ меня сна, покоя.

Стояло пасмурное, осеннее утро. На площади я увидалъ: сооруженный эшафотъ, а вокругъ него будочниковъ, солдатъ, кучку господъ и челоуѣкъ въ 50 толпу простолоудиновъ—зѣ-

вакъ. Я сталъ между послѣдними. Изъ отдаленія завиднѣлась высокая, черная колесница, а на ней, спиною къ кучеру, сидѣлъ человѣкъ, въ вольномъ платьи. Колесницу окружали солдаты съ ружьями, а везли шагомъ—пара клячъ. Втащи́лась колесница въ кругъ къ эшафоту, палачи отвязали руки и ноги сидѣвшаго на ней, онъ слѣзъ на землю, медленно взошелъ подъ руки палачей, на подмостки эшафота и палачи поставили его по срединѣ, лицомъ къ солдатамъ и зрителямъ. Солдаты взяли на караулъ, палачъ снялъ съ человѣка шапку и чиновникъ минутъ двадцать что-то вслухъ, читалъ. Человѣкъ ни однимъ членомъ не шевельнулся, даже глазомъ не моргнулъ. Онъ былъ средняго роста, смуглый, худощавый, съ окладистою, черною бородою, длинными волосами и въ золотыхъ очкахъ. Кончилось чтеніе, палачъ осадилъ его назадъ, къ столбу, заставилъ опуститься на колѣни, переломилъ надъ его головой, шпагу, поднялъ его, придвинулъ къ самому столбу, вдѣлъ обѣ его руки въ желѣзныя кольца и сталъ сзади. Прошло минутъ десять. Палачъ вынулъ его руки изъ колець, снялъ съ него пальто и надѣлъ на него длинный, сѣрый армякъ, съ черною заплатою по срединѣ спины. Толпа зѣвакъ дружно засмѣялась. Отъ этого смѣха на моихъ глазахъ навернулись слезы. Человѣка всадили въ фургонъ, опять окружили солдатами и повезли.

— Не жилосьъ ему, видишь-ли, смирно,—произнесъ одинъ изъ зѣвакъ,—ну такъ пусть прогуляется «туда, куда макаръ телять не загонялъ», съ виновнымъ тузомъ на спинѣ.

— Тузъ-то дѣло плевое, а тачки съ землей какъ онъ таскать станеть,—вотъ, парень ты что подумай,—замѣтилъ другой. Ходить съ тачкой куда, чай, не по барскимъ рукамъ.

— Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. Такъ яво и надо, коли противъ нашей воли пошелъ.

Зѣваки двинулись въ дорогу. Пошелъ и я домой, съ такимъ тяжелымъ, горькимъ чувствомъ, какого не испытывалъ прежде и при видѣ какъ драли розгами, стегали кнутомъ на площади же. Что именно сдѣлалъ этотъ человѣкъ, что его ждало впереди—я не зналъ, а видѣлъ я его только издали на эшафотѣ. Не смотря, однако, на все это—онъ казался мнѣ достойнымъ соболѣзнованія, а за что—я и не думалъ доискиваться.

Печальное это зрѣлище такъ глубоко врѣзалось мнѣ въ память, что я многократно видѣлъ его даже во снѣ, потому, впрочемъ, что оно долго волновало нашихъ чиновниковъ, служило и имъ предметомъ оживленныхъ бесѣдъ и горячихъ споровъ.

Мало по малу все это, разумѣется, забылось. Вдругъ, однажды, мимо нашего дома съ Васильевскаго острова чинно прошла, рядами, громаднѣйшая толпа молодыхъ статскихъ, а среди нихъ и офицеровъ, всего, какъ говорили, тысячъ до трехъ человѣкъ.

Директоръ увидаль изъ оконъ толпу, велѣлъ мнѣ пойти за нею и прослѣдить: что значило ея шествіе? Я нагналъ ее уже на Невскомъ проспектѣ. Она двигалась впередъ. Публика съ любопытствомъ останавливалась, глазѣла на нее, присоединялась къ ней и провожала ее дальше. Она свернула: сперва — на Владимірскую, потомъ на Колокольную улицу и остановилась возлѣ одного дома. Немного погодя къ ней вышелъ, на балконъ, военный генераль, произнесъ ей какую-то рѣчь и она тѣмъ же порядкомъ и путемъ направилась обратно. Изъ разспросовъ разныхъ молодыхъ людей я узналъ, что толпу составляли студенты университета, которые ходили къ попечителю, генералу Филипсону просить его освободить ихъ отъ билетовъ или матрикουλъ, какъ они называли, которыми ихъ, будто бы, противъ ихъ желанія, снабдили, согласно какимъ-то новымъ правиламъ.

— Это съ ихъ стороны не хорошо, очень не хорошо, — замѣтилъ директоръ, выслушавъ меня. — Въмѣсто благодарности, которую молодежь должна питать за все, что сдѣлано, она устраиваетъ уличные беспорядки, которые вызываютъ взысканія и въ которыхъ неизбежно страдаютъ, не рѣдко, и неповинные люди.

И онъ точно напророчилъ. На другой день одинъ нашъ молодой чиновникъ Островскій пропалъ безъ вѣсти. Прошло мѣсяца четыре. Вдругъ онъ пришелъ замореный, больной. Его обступили съ разспросами и онъ разсказалъ, что въ роковой день шель по острову, въ должность, но увидѣвъ толпу — заглядѣлся на нее, случайно былъ втолкнуть въ нее, его погвали въ ней и задержали, а покамѣстъ дошла очередь до вопроса его, — онъ томился подъ, арестомъ и въ концѣ концовъ какъ неповиннаго ни въ чемъ — выпустили. Онъ быстро расхворался и, къ общему сожалѣнію, умеръ отъ скоротечной чахотки..

Студентческіе беспорядки породили противъ нихъ сильное озлобленіе въ народѣ, который считалъ ихъ виновниками въ покушеніи на отмѣну воли. Въ духовъ день, по старинному обычаю, купечество собиралось въ лѣтнемъ саду, показывать и смотрѣть своихъ невѣсть. Садъ былъ, что называется, набитъ народомъ. Вдругъ увидали зарево, и даже пламя. Всѣ бросились вонъ. Въ давкѣ помяли и ограбили очень многихъ невѣсть. Оказалось, что Апраксинъ рынокъ горѣлъ. Пожаръ былъ страшный. Среди торговцевъ распространилось, будто рынокъ подожгли студенты же, яростно бранили ихъ. нѣкоторыхъ колотили, да, какъ говорили, покидали даже въ огонь, а сами прикидывались разворенными, благо услышали, что получить большія пособия, которыми ихъ дѣйствительно щедро, потомъ, одѣляли. Пословица «не быть счастью, да несчастье помогло» — оправдалась въ особенности на нѣкоторыхъ, наиболѣе безстыдныхъ торговцахъ. Такъ одинъ изъ нихъ, поставлявшій фрукты директору, часто видѣлся со мною и самъ разсказалъ мнѣ, что до пожара служилъ прикащикомъ въ фруктовомъ ряду.

Фрукты хранились въ подвалѣ, въ огромномъ количествѣ. Когда начался пожаръ, онъ, по уговору съ своимъ хозяиномъ, на глухо закрыли изъ внутри лавки спускъ въ подвалъ и фрукты тамъ вполнѣ уцѣлѣли; имъ же выдали еще за застрахованные фрукты и пособія въ сложности болѣе 50.000 р. Тогда они начали потихоньку вытаскивать изъ подвала всѣ фрукты и свезли ихъ домой какъ бы мусоръ, потомъ привезли въ качествѣ только что купленныхъ, а капиталомъ хозяинъ*) подѣлился съ нимъ, прикащикомъ Сидоринимъ. На этотъ то капиталъ онъ и сталъ разживаться. Поступокъ свой онъ называлъ только «ловкимъ торговческимъ оборотомъ».

— Знаешь, чай, «кто Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ?» Ну а по нашему, издавна, обваковенію, «не обманешь не продашь», — убѣждалъ онъ меня; потому какъ отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

XXI.

Награда за службу—свобода.

ВЪ ВРЕМЕНЕ я прочелъ въ фельетонѣ **) «Петербургскихъ вѣдомостей» сравненіе писарей съ собаками—дворяшками, которыхъ за старостью и негодностью,—основательно вышвыриваютъ на улицу. Кромѣ того всѣ писаря огуломъ названы были нахалами, выскочками, къ нимъ выражено было полное презрѣніе. Все это (строкъ 30) возмутило меня и я это высказалъ одному изъ чиновниковъ Адаревичу.

— Напиши лучше опроверженіе, — предложилъ онъ мнѣ, — чѣмъ обижаться.

Я разинулъ ротъ отъ изумленія.

— Просто сядь, вечеромъ, подумай, навалай, что чувствуешь, на обидную часть фельетона, да и напечатай въ газетѣ же. Не стѣсняйся: опроверженія часто дѣлаются.

Я послѣдовалъ совѣту Адаревича, сочинилъ, что думалъ, переписалъ и попросилъ его прочесть, поправить и научить меня: куда и какъ обратиться?

— Ничего этого я, братъ, и самъ не знаю, — объявилъ онъ мнѣ. — Но я покажу твою статью сочинителю Саранчову (онъ у насъ же служить) и, что онъ скажетъ, — тому и быть.

*) Торговецъ этотъ впоследствии сдѣлался богачомъ, именитымъ купцомъ, украсился генеральскимъ «мувдиромъ», множествомъ орденовъ, слылъ щедрымъ благотворителемъ и строителемъ нѣсколькихъ храмовъ.

**) Авторомъ фельетона былъ, какъ я освѣдомился, г. Прижовъ, авторъ «Исторія кабаковъ въ Россіи», впоследствии сосланный по нечаевскому дѣлу.

Онъ сбѣгалъ, съ моею рукописью, въ другой этажъ, чрезъ полчаса вернулся и сообщилъ мнѣ:

— По мнѣнію Саранчова написалъ ты чудесно и напечатываютъ навѣрное. Онъ исправилъ только кое-какія погрѣшности: ты, по его словамъ, не знаешь литературныхъ приѣмовъ и правилъ. Перепиши на бѣло, казначей нашъ дастъ тебѣ рекомендательное письмо къ его двоюродному брату редактору «Инвалида» и свесешь къ нему, для напечатанія. Саранчовъ и я уже говорили объ этомъ казначею и онъ согласенъ.

Я исполнилъ все и чрезъ недѣлю всѣ читали мое произведеніе, хватившее на четыре почти столбца во весь длинный, газетный листъ. Возраженіе мое значительное большинство начальства и подчиненныхъ вполне одобряло, хвалило; меньшинство же сочло: тонъ—вольнодумнымъ, а сущность—дерзкой. Не смотря, впрочемъ, на разнорѣчіе, меня, любопытства ради и хвалители и порицатели одинаково таскали на показъ разными начальствовавшимъ лицамъ, кончая членами совѣта. Писаря всѣхъ вѣдомствъ толпами приходили на меня посмотреть, поблагодарить меня за защиту ихъ отъ несправедливыхъ нападокъ. Я нежданно, негаданно выросъ въ собственныхъ глазахъ, очутился на верху блаженства, даже рыдалъ отъ умиленія. Нѣкоторые старые писаря, мои сослуживцы, предвѣщали мнѣ бѣду за мой поступокъ.

— Сочинителей и изъ чиновныхъ нигдѣ, братъ, не жалуютъ,—вразумлялъ меня одинъ изъ нихъ Волковъ.—Изъ нашей же канцеляріи сослали, кажется, въ 1849 г., молодого человѣка Солтыкова за сочинительство; самъ Кукольникъ вынужденъ былъ выдти въ отставку и съ трудомъ добился маленькой, по его генеральскому чину, пенсіи изъ за своего сочинительства же. Ну а тебѣ, писарю, и подавно не сдобровать!

Упоенный «славою соблазнительною», я не обратилъ никакого вниманія на предостереженіе, тѣмъ болѣе, что «сочинитель» Саранчовъ пригласилъ меня къ себѣ домой, принялъ меня чрезвычайно дружелюбно, разсѣялъ мои опасенія, посоветовалъ мнѣ продолжать сочинять, приносить ему мои сочиненія на просмотръ и надѣяться на его помощь.

Я съ увлеченіемъ предался сочинительству. Я написалъ, по мысли Саранчова маленькой разсказъ, въ которомъ изобразилъ привольное жите достаточнаго государственнаго крестьянина, съ дочерью и ея сыномъ. Мать и дѣдъ горячо любили и лелѣяли сына и внука. Ко всеобщему горю мальчика, какъ солдатскаго сына, увезли въ кантонисты. Въ заведеніи мальчика муштровали, мучили, потомъ исхудалаго, разслабленнаго, отпустили его домой, согласно манифесту, объ упраздненіи кантонистскихъ заведеній. Дѣдъ, мать и вернувшійся со службы искалѣченный отецъ, встрѣтили мальчика съ распростертыми объятями и всѣ четверо зажили припѣваючи. Саранчовъ отредактировалъ

этотъ разсказъ, назвалъ его «стерпится слюбится» и я снесъ его въ редакцію мелкаго народнаго журнала.

Вдругъ знакомый мнѣ писарь, служившій при военномъ цензорѣ, позвалъ меня къ нему. Съ лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ шелъ я къ цензору, около часа прождалъ, по его приказанію, въ его кухнѣ, потомъ лакей провелъ меня въ переднюю. Ко мнѣ вышелъ генераль Штюрмеръ съ моею тетрадкою, положилъ ее на столикъ, ткнулъ въ нее пальцемъ и грозно спросилъ меня:

— Ты смастерилъ эту противную штуку?

— Точно такъ-съ—сдавленнымъ голосомъ процѣдилъ я.—Я написалъ прав-вду-съ, ваше превосходительство.

— За твою дерзкую правду тебя слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, отодрать,—произнесъ онъ.—Ты, солдатъ, осуждаешь законы, существовавшіе о кантонистахъ. Да какъ ты это смѣлъ, кто тебя на это надоумилъ, отвѣчай?..

— Виноватъ, ваше превосходительство, я не зналъ, что нельзя... Къ тому-жъ законъ объ уничтоженіи заведеній я вѣдь очень хвалю...

— Ты солдатъ, хвалишь?—прервалъ онъ меня, побагровѣвъ.—Да кто тебѣ это разрѣшаетъ? Послѣднюю половину второй части я пропущу, а за все остальное въ Сибирь, въ арестантскую роту тебя надо сослать: это дерзость, мерзость!

— Простите, ваше превосходительство, я больше не буду. Мнѣ казалось можно...

— Тебѣ, солдату, ничего, понимаешь ли, рѣшительно ничего казаться не должно! И осмѣлся ка ты еще хоть только строчку такой гадости написать, такъ въ арестантскую роту непременно попадешь. Но и за это вотъ вольнодумство я сегодня же напишу твоему директору, чтобы тебя выдрали.

— Тѣлесное наказаніе безпорочныхъ нижнихъ чиновъ отмѣнено, ваше превосходительство, недѣли три тому назадъ,—напомнилъ я, съ досады, за руготню.

— Ахъ, отмѣнено? И ты смѣешь это говорить мнѣ? Такъ я настою, чтобы тебя разжаловали, а потомъ выдрали. Пошелъ вонъ, кан-налья этакая!

Онъ топнулъ на меня ногой и я, точно ошпаренный, выскочилъ на улицу.

Меня объялъ невообразимый страхъ, который тотчасъ же отразился и на моихъ дѣйствіяхъ. Директоръ это замѣтилъ и освѣдомился: изъ за чего я въ переполохѣ? Онъ хоть и не высказывалъ мнѣ своего одобренія моему сочинительству, но и противъ него ничего видимо не имѣлъ. Я доложилъ ему объ обхожденіи со мной цензора

— Сочиненія цензоръ можетъ перечеркивать сколько ему угодно.—отозвался онъ, покраснѣвъ, что означало, что онъ разсердился;—но съ авторами сочиненій обязанъ быть вѣжливымъ; ты жъ, какъ авторъ, для цензора не солдатъ, не офи-

церь, а просто «частный человекъ» и онъ не вправѣ ни бранить, ни стращать тебя.

— Но я. и до сихъ поръ не могу опомниться отъ его угрозы: должно быть нижнимъ чинамъ запрещается сочинять.

— Пиши сколько хочешь и о чемъ хочешь, а г. цензора генераль-маіора Ш. пригласи ко мнѣ, запискою въ третьемъ лицѣ, для объясненія по дѣламъ службы, завтра, къ часу дня. Я напомню ему его обязанность.

Цензоръ явился, увидалъ, смѣрилъ меня свирѣпо глазами и молча погрозилъ мнѣ пальцемъ. Я доложилъ о немъ и впустилъ его въ кабинетъ. Какой вели между собою разговоръ два генерала—я, при всемъ стараніи, подслушать не могъ: посѣтители мѣшпали, но, когда цензоръ вышелъ изъ кабинета, онъ пронзилъ меня гнѣвнымъ взоромъ, кивкомъ головы подозвалъ меня къ выходной двери и вполголоса произнесъ:

— Смѣй только сочинять, такъ я тебя мерз-завца!—Онъ вторично погрозилъ мнѣ, но всѣмъ уже кулакомъ и удалился.—Чтобы ты ни написалъ—я все зачеркну!..

Эта первая, проглоченная мною, за сочинительство, пилюля ни чуть не образумила меня, а, напротивъ, я еще сильнѣе старался сдѣлаться сочинителемъ наперекоръ цензору, благо отрывки моего разсказа были кое какъ связанными напечатаны съ моею фамиліею. Это удивительно какъ польстило моему самолюбію, возбудило во мнѣ страстную энергію и я живо написалъ другой разсказъ, но цензоръ уже весь его зачеркнулъ. Я погоревалъ дня три и потомъ накаталъ третій и его постигла участь втораго. Между тѣмъ миновать именно военнаго цензора мнѣ ни какъ не удавалось: содержаніе моихъ произведеній касалось военнаго быта, а о немъ все отовсюду попадало исключительно къ нему на цензуру. Разъ, директоръ, будучи въ веселомъ настроеніи, спросилъ меня: какъ шли мои литературныя занятія? Я опять пожаловался ему на цензора. Онъ велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ при явкѣ къ нему редактора «Военнаго сборника» его пріятеля, генерала Менькова, бывавшаго у него вечерами. Я воспользовался случаемъ и подаль ему двѣ рукописи, которыя онъ поручилъ Менькову прочесть и сообщить ему свое мнѣніе какъ о моихъ писаніяхъ, такъ и о томъ, вправѣ ли былъ цензоръ браковать ихъ.

— Генералъ Меньковъ пишетъ мнѣ, что при стараніи —изъ тебя можетъ выдти маленькій писатель,—объявилъ мнѣ директоръ, чрезъ недѣлю.—По его мнѣнію ты обладаешь способностью и наблюдательностью; что еслибъ онъ былъ цензоромъ, безпрепятственно пропустилъ бы твои труды въ печать; но генерала Штюрмера при его устарѣвшихъ взглядахъ, трудно въ этомъ убѣдить: онъ упрямый старикъ. Освободиться отъ его цензуры тебѣ легко: описывай гражданскій бытъ, а съ этими

рукописями сходи къ редактору «Чтенія для солдатъ». генералу Гейроту и передай ему мою просьбу постараться помѣстить, что можно, изъ твоего труда.

Маленькій старикъ, генераль Гейротъ принялъ меня, какъ директорскаго докладчика, очень любезно, даже посадилъ противъ себя, много говорилъ со мною, самъ жаловался мнѣ на чрезмѣрную строгость Ш., который и его сильно притѣснялъ, но все-таки обѣщаль сдѣлать угодное директору, а чрезъ мѣсяцъ самъ принесъ мнѣ и директору по книжкѣ журнала, съ помѣщеннымъ въ немъ опять-таки отрывкомъ изъ моей работы. Уходя отъ директора, Гейротъ тоже посовѣтовалъ мнѣ брать сюжеты изъ гражданской жизни, чтобы миновать военную цензуру. Я поблагодарилъ его за совѣтъ, но скорбѣлъ, что воспользоваться имъ не могъ: никакой гражданской жизни я еще не зналъ, а потому и описывать ее я лишень былъ возможности.

Все это меня крайне огорчало, но къ этому огорченію присоединялись и другія, постигавшія меня неприятности: увлеченный своимъ писательствомъ, я сталъ разсѣяннымъ, задумчивымъ, къ службѣ относился равнодушно, надо мной смѣялись, меня конфузили не только сослуживцы, но и нѣкоторые начальники. Мое возрастающее самолюбіе страдало, мое сердитое безсилье грызло меня и я впалъ въ уныніе, въ тоску.

— Отчего ты съ нѣкотораго времени сентябремъ смотришь?— спросилъ меня начальникъ отдѣленія Андреевскій.

— Меня тяготитъ мое положеніе здѣсь...

— Никому нѣтъ дѣла до того, что у тебя на сердцѣ, но видъ твой—противенъ. У всякаго изъ насъ есть свои неприятности, однако это рѣдко на чьемъ лицѣ замѣтно: всѣ ведутъ себя прилично съ другими. И ты владѣй собой какъ слѣдуетъ. Что же касается твоего сочинительства, то ежели оно тебя мучаетъ,—брось и успокойся, или сходи, пожалуй,—я дамъ тебѣ записку,—къ моему брату: онъ, какъ профессоръ, можетъ стать, и направить тебя на эту дорогу. Поговори объ этомъ со своимъ руководителемъ Саранчовымъ.

Саранчовъ хоть и охотно училъ меня какъ писать, поправлялъ и даже самъ возилъ мою тетрадь къ какому-то редактору, но толку тоже не добился. Онъ нашель, что мнѣ надо, на всякій случай, воспользоваться предложеніемъ. Я и отправился съ толстою рукописью и письмомъ къ профессору И. Е. Андреевскому. Профессоровъ я до тѣхъ поръ еще никогда не видалъ, а на основаніи слышаннаго о нихъ отъ Угрялова, я считалъ ихъ важнѣе всякихъ генераловъ, предъ которыми, по привычкѣ видѣть ихъ, я уже не стѣснялся. Оттого смущенный и съ учащенно бившимся, отъ волненія, сердцемъ вошелъ я въ переднюю квартиры И. Е. и подалъ горничной письмо. Немного погодя, она вернулась, провела меня, чрезъ двѣ комнаты, въ кабинетъ, обставленный красивою мебелью, шкафами съ книгами, блестящими переплетами. Я рисовалъ себѣ профес-

соровъ высокими, задумчивыми старцами, въ синихъ очкахъ, со въклокоченными, длинными волосами и огромными, бѣлыми боками.

Вдругъ изъ боковой двери вошелъ средняго роста, худенькій, бѣлокурый, съ маленькими бакенбардами и гладко причесанными волосами молодой человекъ, въ сѣренькомъ пиджакѣ. Я подумалъ, что это былъ вѣроятно сынъ профессора и слегка поклонился ему.

— Здравствуйте, молодой человекъ,—ласково заговорилъ онъ, протянувъ мнѣ руку.

— Честъ имѣю представиться,—процѣдилъ я, запинаясь и въ недоумѣніи пожавъ его руку.

— Садитесь пожалуйста и побесѣдуемте. Братъ очень проситъ ввести васъ, его сослуживца, въ литературный міръ. Я очень радъ буду, если въ состояніи быть вамъ полезнымъ. Что прикажете?

Его ростъ, молодость, веселый, дружелюбный тонъ уничтожили мое представленіе о величіи профессоровъ, а величаніе меня, писаря, въ, подача мнѣ руки и названіе моего начальника *сослуживцемъ*,—все это въ совокупности сконфузило, разочаровало меня и я, признаюсь, даже пожалѣлъ, что сидѣлъ противъ не того, кого съ благоговѣніемъ желалъ видѣть. Замѣтивъ, вѣроятно, мое смущеніе, онъ легкими вопросами о моихъ служебныхъ правахъ, обязанностяхъ и о своемъ братѣ постепенно расположилъ меня къ себѣ, полистовалъ мою рукопись, мѣстами почиталъ ее. потомъ пожалѣлъ, что самъ постоянно ни въ одномъ изъ журналовъ не участвовалъ, почему лично содѣйствія оказать мнѣ не можетъ, но тотчасъ же написалъ и далъ мнѣ письмо къ другому профессору Н. И. Костомарову

— Если ваше произведеніе подходит къ журналу, въ которомъ онъ работаетъ, то онъ, будьте увѣрены, пристроить его, непременно пристроить,—обнадеживалъ онъ меня,—или отрекомендуетъ васъ кому слѣдуетъ: онъ со всѣми въ сношеніяхъ.

Онъ опять за руку распрощался со мною и проводилъ меня до передней, т. е. оказалъ мнѣ, какъ я уже зналъ по свѣтскому этикету, большую честь.

Возвращаясь медленно домой, я тщательно дорогово размышлялъ: во первыхъ—почему профессоръ обошелся со мною столь различно отъ военныхъ полковниковъ и генераловъ, которымъ я тоже не былъ подчиненъ; во вторыхъ—какъ такой молодой человекъ успѣлъ сдѣлаться профессоромъ, а сдѣлавшись—такъ просто, что подаетъ руку даже писарю, въ сущности вѣдь солдату; наконецъ въ третьихъ—отчего, по его словамъ, Костомаровъ «работаетъ», будто бы онъ былъ плотникъ, сапожникъ, когда самъ же И. Е. надписалъ ему на конвертѣ «его превосходительству», значить онъ генералъ, да еще ученый. Размышляя обо всемъ этомъ, я приблизился на уголъ Невскаго проспекта—къ картинному магазину Даццаро (я прежде ходилъ ми-

мо него сотни разъ:), увидѣлъ предъ окнами толпу, тоже остановился поглазѣть на картины, но вмѣсто нихъ оказались выставленными, какъ гласила печатная, на длинной, узкой лентѣ, надпись «портретная галерея русскихъ писателей». Долго, пристально разглядывалъ я разныя фізіономіи, среди которыхъ были и старыя и молодыя, но когда подъ одною прочелъ надпись «Н. И. Костомаровъ», то я такъ сказать, впился въ него, стараясь запомнить черты его лица. Оно показалось мнѣ изнуреннымъ, почти старческимъ, съ окладистою бородою, длинными волосами, въ очкахъ, очень серьезнымъ, почти печальнымъ, т. е. значительно похожимъ на тѣхъ, какими я себѣ представлялъ ученыхъ и это порадовало меня. Предъ лицомъ Костомарова, съ котораго я ожидалъ рѣшенія своей участи, померкли, въ моихъ глазахъ, всѣ другіе писатели, хотя я слыхалъ уже фамиліи многихъ, а сочиненія нѣкоторыхъ даже и читалъ. Рядомъ съ портретами по наружной стѣнѣ дома разсмотрѣлъ я много выставленныхъ книгъ тѣхъ, чьи портреты видѣлись чрезъ стекла магазина. Я до того зафантазировался, что уже совершалъ въ витринахъ—мои сочиненія, въ окнѣ—мой портретъ, а толпу, взиравшую на тѣ и другой... Мечта эта казалась мнѣ такъ соблазнительною, увлекательною, что еслибъ она могла тогда же осуществиться цѣною моей пол—жизни,—я бы съ наслажденіемъ тотчасъ же пожертвовалъ ею. О дарованіи мнѣ этого высшаго блага, я на колѣняхъ страстно молил Бога въ тотъ же вечеръ, во время всеобщей въ Исаакіевскомъ соборѣ, откуда вышелъ въ какомъ-то умилительномъ упоеніи, точно слышалъ и чувствовалъ, какъ Богъ благословилъ мою мечту, составлявшую для меня все земное блаженство!.

На утро, въ праздникъ, — директоръ, предрѣшивъ ѣхать во дворецъ,—ночью еще отпустилъ меня до 3-хъ часовъ пополудни,—я вновь зашелъ къ Исаакію, поставилъ свѣчку, опять помолился, да и отправился къ Костомарову (онъ жилъ, помню, во 2 домѣ отъ Невы, по 9 линіи Васильевского острова), Какой-то старикъ, по стрижкѣ волосъ и щетинистымъ усамъ похожій на отставнаго солдата, въ замасленномъ, отрепанномъ сюртукѣ, впустилъ меня въ переднюю. Тамъ на полу и окнѣ лежали книги, газеты и тюки, на видъ съ бумагами. Старикъ спросилъ меня: что мнѣ нужно. Я попросилъ его подать письмо и онъ пошелъ, а я, скинувъ шинель и бросивъ ее на скамейку, обтянулъ сюртукъ, взялъ свою рукопись подъ мышку и тщетно старался успокоиться. Старикъ вернулся, кивнулъ мнѣ головою на дверь и впустилъ меня въ нее. Я вошелъ въ большую комнату, положительно всю, въ беспорядкѣ, заваленную книгами и бумагами, валявшимися по всей мебели. По срединѣ комнаты возлѣ письменнаго стола, тоже заваленнаго книгами, сидѣлъ, въ пальто, нагнувшись надъ бумагою, самъ Костомаровъ. Увидѣвъ меня, онъ выпрямился и пытливо взглянулъ на меня, чрезъ очки.

— Здравія желаю ваше превосходительство,—прерывавшимся голссомъ произнесъ я, смутившись.

— Здравствуй, братъ, здравствуй!—громко, но сухо произнесъ онъ.—Величанье излишне. Сядь вотъ сюда,—указалъ онъ мнѣ на стулъ, свободный отъ книгъ.—Покажи-ка мнѣ свою работу?

Дрожащими руками подалъ я ему, чрезъ столъ, свою рукопись, которую онъ началъ перелистывать и мѣстами читать, а я усѣлся на кончикъ стула и дрожалъ отъ волненія.

— Я, братецъ, отъ «Русскаго слова» уже отсталъ,—продолжалъ онъ,—потому самъ хлопотать о помѣщеніи твоего труда не могу; но я тебя отрекомендую одному изъ редакторовъ «Современника», куда это, какъ я полагаю, подходитъ, а онъ, человекъ съ душою, — выдвинетъ тебя, если твоя работа ему понравится. Теперь только еще 12-й часъ и онъ дома. Я вотъ напишу ему записку и ты отправляйся прямо къ нему, чтобы время напрасно не тратить.

Отъ что-то написалъ на почтовомъ листочкѣ, вложилъ его въ конвертъ, написалъ и заклеилъ.

— Это про кантонистовъ вполне современная тема,—продолжалъ онъ.—Кантонистская школа была, помню, и въ Саратовѣ, гдѣ я долго жилъ и слыхалъ про нее много дурнаго. Хорошо, что эти школы закрыли: перестанутъ калѣчить мальчиковъ.— Впрочемъ, судя по твоему цвѣтущему виду, ты отлично сохранился отъ школьной голодухи и встряски.

— Я находился тамъ подъ особою протекціею.

— Оно и замѣтно, что ты не изъ-васкорузлыхъ кантонистовъ. Желаю тебѣ успѣха. Валяй, братъ, скорѣй, чтобы застать дома

Я всталъ, поклонился ему, взялъ свою рукопись и письмо и началъ было безсвязно благодарить его и извиняться, за безпокойство.

— Ничего, ничего,—перебилъ онъ меня. — Я увѣренъ, что сдѣлаетъ все, что можно. Прощай, братъ, прощай, а если я тебѣ понадобитсяъ,—приходи ко мнѣ вечеромъ, когда я свободенъ.

Онъ кивнулъ мнѣ головою, усѣлся и принялся писать. Не смотря на холодный пріемъ, я остался имъ вполне довольнымъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ соответствовалъ моему идеалу ученаго по наружности, манерѣ и обстановкѣ.

Жилъ близъ Владимірской церкви, въ каменномъ, большомъ домѣ, въ первомъ этажѣ, надъ подваломъ. Дрожащею рукою позвонилъ я въ колокольчикъ. Не много погодя, отворилась дверь, я вошелъ въ полутемную переднюю и передалъ письмо служанкѣ, которая удалилась съ нимъ. Минуть черезъ десять ко мнѣ вышелъ, въ халатѣ, мужчина, произнесъ: «милости прошу сюда» и пошелъ по корридору, а я за нимъ. Мы очутились въ большой свѣтлой, не богато, но чисто убранной

комнатѣ, въ которой въ шкафахъ на окнахъ и мебели было также множество книгъ.

— Прежде всего, здравствуйте,—мягкимъ, ровнымъ голосомъ заговорилъ онъ, протягивая мнѣ руку, которую я молча почтительно пожалъ — Потомъ положите вашу тетрадь, скажите, какъ васъ зовутъ, садитесь безъ всякаго стѣсненія, да говорите со мной откровенно, какъ съ равнымъ. А ты, Марья, подай намъ чаю.

Пока мѣсть онъ говорилъ, я его разглядывалъ. Онъ былъ бѣлокурый, почти рыжеватый, въ очкахъ, съ длинными, назадъ закинутыми волосами, длиннолицый, худощавый, со впалыми щеками, безъ усовъ и бороды, на видъ лѣтъ 30 не больше,—держался такъ просто, дружелюбно, что сразу расположилъ меня къ себѣ. Я сѣлъ и почувствовалъ себя свободнымъ.

— Теперь расскажите мнѣ вкратцѣ, гдѣ и чему вы учились, давно ли на службѣ, гдѣ служите и что побудило васъ, въ тяжеломъ, солдатскомъ положеніи, заняться сочинительствомъ.

Я исполнилъ его желаніе довольно скоро, и пока мѣсть я рассказывалъ,—онъ внимательно вслушивался и всматривался въ меня, а самъ о чемъ-то, какъ мнѣ казалось, соображалъ.

— Коль скоро вы протянули такую суровую лямку, то изъ васъ можетъ выдти дѣльный человекъ,—замѣтилъ онъ, когда я замолчалъ.—Судя по вашимъ словамъ, ваше теперешнее начальство хорошее.

— Да-съ, очень хорошее.

— Это отрадно. Но начальство это читаетъ книги, журналы, рассуждаетъ объ нихъ?

— Наши чиновники, особенно молодые, ежедневно рассуждаютъ и очень, очень хвалятъ, на примѣръ, ваши сочиненія.

— Я добиваюсь не похвалъ,—молвилъ онъ, улыбувшись,—а того, чтобы читатели думали и дѣйствовали такъ, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ. И вы читайте тоже, для того только, чтобы усвоить себѣ правильное понятіе о прочитанномъ и, чтобы это понятіе примѣнять, по возможности, къ дѣйствительной жизни, къ средѣ, среди которой вращаетесь. Стараніемъ вы это можете достигнуть.

— Постараюсь... Извините, я спрошу васъ.

— О чемъ угодно отвѣчу вамъ, спрашивайте, сдѣлайте одолженіе.

— Если не ошибаюсь—я васъ узналъ... мнѣ кажется, что года 4 тому назадъ именно вы были, однажды, у предводителя Коврова, у котораго я тогда переписывалъ бумаги и за мои отвѣты, при спорѣ господъ, объ освобожденіи крестьянъ,—поцѣловали меня.

— Ахъ да, припоминаю, и я васъ теперь узналъ,—съ живостью отвѣтилъ онъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку.—Я радъ, очень радъ за васъ, что вы съ тѣхъ поръ на столько развились, что начали писать. Рукопись вашу я прочту, и, если только бу-

детъ малѣйшая хоть возможность—охотно ее помѣщу. Не нуждается ли въ деньгахъ?

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ покорно. Вотъ, если бы напечатали—несказанно порадовали бы меня.

— Постараюсь, постараюсь,—проговорилъ онъ.

Онъ свелъ разговоръ на наше незавидное житье бытъе. Вдругъ, вошелъ безъ доклада, высокій, плотный, серьезный молодой человекъ, въ очкахъ, безъ усовъ, но съ бородою. Они поздоровались на «ты» и хозяинъ представилъ меня гостю, который тоже подаль мнѣ руку; но сосредоточенное, грустное выраженіе его лица, рѣзкій какъ мнѣ показалось, голосъ смутилъ меня. Онъ вѣроятно это понялъ, сѣлъ противъ меня и освѣдомился: откуда я родомъ?

— Ба! да мы земляки съ вами,—уже почти весело продолжалъ онъ.—Ну а есть у васъ въ Н. родные, родственники?

Я назвалъ крестнаго.

— Такъ это мы вѣдь съ вами дѣтьми еще часто играли въ церковномъ саду, послѣ обѣдни, когда вашъ отецъ бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Припоминаете?

— Да-съ; если вы сынъ протоіерея съ Покровки...

— Я самый и есть. Давайте же поцѣлуемтесь въ воспоминаніе прошлаго.

Мы расцѣловались и онъ забросалъ меня вопросами о бывшихъ нашихъ товарищахъ по играмъ.

— И такъ мы бывшіе: я—семинаристъ, а вы—кантонистъ—вотъ гдѣ встрѣтились. Я уже нѣсколько лѣтъ пишу, вы начинаете, ну вмѣстѣ будемъ собирать въ наше ополченіе по примѣру нашего предка Минина. Ради дѣтскаго товарищества, я охотно занялся бы вашимъ произведеніемъ, да жаль уѣзжаю, послѣ завтра, за границу.

— Не безпокойся, пожалуйста,—вмѣшался хозяинъ:—я за мѣню тебя вполне и не обижу его.

Вошелъ пожилой, высокій господинъ съ французскою бородою, истомленнымъ, добрымъ лицомъ и сильнымъ голосомъ. Оба встали и поздоровались съ нимъ, какъ младшіе со старшими—почтительно. Хозяинъ сказалъ ему про меня, а мой землякъ просилъ его оказать мнѣ вниманіе, какъ его земляку и товарищу дѣтства.

— Пиши, пиши братецъ хорошенько, поддержимъ,—протяжно заговорилъ пожилой, потрепавъ меня по плечу:—ты, изъ народа,—говори намъ его устами правду про его житье, бытъе.

— А вы читали стихотворенія Некрасова?—спросилъ меня землякъ.

— Нѣкоторыя въ «Современникѣ» читалъ.

— Такъ вотъ онъ самъ поэтъ предъ вами.

Я выпучилъ глаза и замеръ отъ изумленія.

— Если читалъ только нѣкоторыя, такъ дайте ему всё, а я

вамъ пришло новое изданіе. Прочитай, братецъ, всѣ и скажи мнѣ: можетъ ли народъ понимать меня?

— Слушаю-сь.

Землякъ досталъ, тѣмъ временемъ, изъ шкафа три книги, завернулъ ихъ въ газету и подаль мнѣ.

— Прочитайте внимательно,—внушалъ мнѣ . . . ,—а я займусь вашею рукописью. Недѣли черезъ двѣ-три заверните ко мнѣ утромъ же и въ праздникъ: на досугѣ побесѣдуемъ.

— А ко мнѣ прошу васъ, когда вернусь изъ заграницы. Тогда мы съ вами, надѣюсь, сойдемся и возобновимъ старую дружбу.

Я догадался, что могу имъ помѣшать, всталъ и раскланялся всѣмъ. Они подали мнѣ руки и я ушелъ въ величайшемъ восторгѣ, что въ одно утро удостоился лицедрѣть и говорить съ четырьмя свѣтилами тогдашней литературы. Затѣмъ чрезъ мѣсяць . . . извинился предо мной, что еще не успѣлъ всего прочесть, разспросилъ меня: понялъ-ли я стихотворенія Некрасова и опять предлагалъ мнѣ денегъ, отъ которыхъ я вновь отказался; сообщилъ мнѣ, что мой землякъ заграницею расхворался и подарилъ мнѣ на память свою фотографическую карточку. Наконецъ, когда я пришелъ къ нему третій разъ, онъ объявилъ мнѣ, что прочелъ мою рукопись.

— И что-же-съ?—едва выговорилъ я отъ нетерпѣнія.

— Мысли, факты, негодованіе противъ угнетателей,—все это у васъ прекрасные,—начальъ онъ,—но все это нужно бы поярче обработать, а это сами вы едва ли съумѣете сдѣлать такъ, какъ нужно. Вы вѣдь не спѣшите?

— Нѣтъ, могу ждать сколько угодно, только бы напечатать.

— Въ такомъ случаѣ я самъ это сдѣлаю, если не будете меня торопить. Еще вотъ что: пишете, какъ говорите—просто, прямо, а то у васъ книжный языкъ-съ. . .

Я на все согласился. Онъ помолчалъ и потомъ спросилъ меня: долго-ли мнѣ остается еще служить до чина? Я отвѣтилъ 6 лѣтъ.

— О, это много еще можетъ постигнуть васъ стѣсненій, по милости вашей формы. Вамъ надо выбратъся въ гражданское какое-нибудь вѣдомство. Погодите, я вотъ поразспрошу знакомыхъ: какъ это дѣлается и, быть можетъ,—пособлю вамъ превратиться въ статскаго, а это порадуетъ и Николая Александровича. Онъ пишетъ мнѣ и про васъ. Адресъ вашъ у меня есть и я васъ извѣщу обо всемъ.

Изъ всей рѣчи . . . «книжный языкъ»,—точно колоколь звенѣлъ у меня долго въ ухахъ, я не понялъ, что значили эти слова. А за мысль «выбратъся въ гражданское вѣдомство»—я горячо ухватился: званіе писаря мнѣ уже опротивѣло и я жаждалъ свободы, какъ манны небесной. «Выбратъся» хотѣлось мнѣ съ единственною цѣлью—избавиться отъ дисциплины, насмѣшекъ надо мной товарищей и придирокъ ко мнѣ нѣкоторыхъ

изъ начальниковъ, изъ которыхъ самымъ опаснымъ представлялся мнѣ вице-директоръ Портвиновъ. Онъ, прежде весьма благоволившій ко мнѣ,—превратилъ свое благоволеніе на гнѣвъ именно со времени прочтенія моего «возраженія». Точно на грѣхъ дотолѣ домосѣдъ, директоръ началъ, нерѣдко, отлучаться изъ Петербурга и Портвиновъ исправлялъ его должность. Оттого мнѣ приходилось дежурить и при немъ. Тогда онъ нарочно, какъ я полагалъ, унижалъ меня: въ присутствіи лакея—заставлялъ меня подавать посѣтителямъ шинели, убирать тарелки со стола, дѣлалъ мнѣ замѣчанія, выговоры за то, что у меня: то—волосы длинны, то—на сюртукѣ пуговица отстегнута, то—стою я предъ нимъ не въ струнку, то—отвѣчаю не впопадъ, то—являюсь поздно, то—не такъ передалъ его приказаніе, скверно запечаталъ конвертъ и т. д. Я изъ кожи лѣзъ. чтобы на него потрафлять, но всѣ мои старанія пропадали ни за понюшку табаку.

Все это я высказывалъ близкимъ товарищамъ, а между ними и однокласснику Львову, служившему телеграфистомъ унтеръ-офицеромъ при генераль-губернаторѣ свѣтлѣйшемъ князѣ Суворовѣ, который благоволилъ къ нему, а потому и всѣ состоявшіе при князѣ генералы, офицеры и чиновники были къ Львову тоже очень внимательны. Львовъ и узналъ мнѣ, что по какому то указу 1800 г., въ канцелярію оберъ-полиціймейстера разрѣшалось переводить военныхъ писарей, съ переименованіемъ ихъ въ писцы и до производства въ классный чинъ—они считались какъ бы чиновниками. Онъ и вызвался устроить мнѣ переводъ чрезъ одного изъ вліятельныхъ чиновниковъ особыхъ порученій генераль-губернатора. Я имѣлъ уже о полиціи дурное мнѣніе и потому обдумывалъ, медлилъ согласіемъ.

Пословица «нѣтъ худа безъ добра»—понудила меня рискнуть. Я несъ разъ въ канцелярію отъ директора бумаги и по пути просматривалъ ихъ. Это увидалъ Портвиновъ и при многихъ закричалъ на меня:

— Я жду бумагъ, а ты, скотина этакая, проклаждаешься надъ ними. Я тебя такъ приструню, что забудешь свою дурь—сочинительство и любопытство.

— Я просматриваю бумаги по приказанію директора,—отвѣтилъ я смѣло,—чтобы помнить какія когда передалъ и вы напрасно изволите меня бранить.

— Ты еще разсуждать? Въ гарнизонъ сошло за дерзость!

— Прежде, чѣмъ безвинно сошлете меня—я самъ отъ васъ уйду.

— Молч-чать!

Я повиновался, но тотчасъ же бросился къ Львову, а онъ чрезъ день велѣлъ мнѣ ждать запросъ о томъ, нѣтъ ли къ моему переводу препятствій, и, чтобы они не встрѣтились—я обратился лично къ директору. Онъ удивился моему желанію уйти отъ него. Я рассказалъ ему истинную причину.

— Я не могу, конечно, мирить тебя, писаря, съ вице-директоромъ, полковникомъ: между вами слишкомъ рѣзкая разница, — отозвался онъ; — но посовѣтовать ему быть къ тебѣнисходительнѣй — я готовъ.

— Самое лучшее — будьте столь добры — отпустите меня въ переводъ: этимъ вы осчастливите меня навсегда.

— Я тобою вполне доволенъ, и ежели-бъ ты еще хоть немного при мнѣ послужилъ, — я бы тебя гораздо раньше срока непременно произвелъ въ чиновники; но коль скоро ты же лаешь — переводись съ Богомъ: можетъ и счастливѣе будешь. За службу твою я письмомъ отрекомендую тебя оберъ-полицеймейстеру, чтобы обратилъ на тебя особенное вниманіе. Попадобится тебѣ что нибудь — приходи, пожалуйста, ко мнѣ, безъ всякаго стѣсненія, во всякое время: кѣмъ бы я ни былъ, я всегда охотно буду тебѣ полезнымъ во всемъ, что только пожелаешь.

Такимъ образомъ въ 4 дня переводъ мой состоялся. Хотя я рѣшительно не зналъ, что именно ждетъ меня впереди, тѣмъ не менѣе я на прощанье съ воинскою дисциплиною, справилъ товарищамъ «отвальную». За угощеніемъ мнѣнія о томъ, выгадаю ли я, или прогадаю уходомъ, распались почти пополамъ.

— Разумѣется прогадаешь, — вѣстивалъ старикъ Волковъ. — Здѣсь былъ бы ты современемъ министерскимъ чиновникомъ, а тамъ — сдѣлаешься полицейскимъ крючкомъ, крючковъ же этихъ въ департаменты, ах, братъ, ужь не переводятъ, какъ зачумленныхъ крючокотворствомъ. И этому все глупое твое сочинительство виною. Говорилъ я тебѣ «не суйся съ табачнымъ рыломъ въ калачный рядъ», такъ нѣтъ — не послушался, ну и пеняй на себя! Сочинительство даже и на дѣтяхъ, помни, дурно отзывается: Булгаринъ былъ знаменитъ, а сыну его, хоть и давно служить и кончилъ всякіе курсы, — штатной должности все таки не даютъ у насъ: остерегаются какъ бы и онъ не сталъ сочинять и читать.

— А печатать бы вѣдь нужно, охъ, какъ нужно, — возразилъ другой Солобовъ. — Напримѣръ нашъ казначей, — какъ вчера окончательно выяснилось, — промоталъ двадцать пять тысячъ казенныхъ денегъ, а уходитъ въ отставку съ полною пенсіею и съ слѣдующимъ чиномъ; денжки же пополняютъ изъ жалованья чиновниковъ, а имъ сквитаютъ вычетъ при награждѣ къ Пасхѣ. Когда обнаружилась растрата нашего казначея, — велѣли обревизовать всѣхъ и нашли, что казначей инспекторскаго департамента спустилъ сорокъ тысячъ, потому и его отпускаютъ съ миромъ, чтобы только не огласилось: боятся печатанія, потому неслыханныя оказіи. Хвалить нашего директора тоже надо погодить: человекъ при немъ проторчалъ слишкомъ три года дни и ночи насквозь, а онъ не можетъ ни приказать вице-директору не пригвязываться къ этому человеку, не оскорблять его; не можетъ даже дать этому человеку на

процанье денежную награду за трехлѣтнюю каторжную службу: боится, что это не понравится вице-директору. Изъ множества случаевъ я убѣдился, что директоръ только смиренный человѣкъ, всѣхъ слушаетъ, а дѣлаетъ лишь то, на чемъ настаивать послѣдній изъ докладчиковъ, значить имъ всѣ помыкаютъ.

— Хорошо бы напечатать также и про тестя вице-директора,—вставилъ Ивановъ.—Я самъ слышалъ, какъ онъ рассказывалъ, что крестьяне за то, что тестъ лишалъ невинности бывшихъ его крѣпостныхъ дѣвицъ,—послѣ обнародованія воли въ саду въ клочья его разорвали, такъ что и хоронить нечего было. Онъ и ѣздилъ замять дѣло, чтобы не потерять женинаго наследственнаго помѣстья.

Я такъ восхищался сбывшеюся завѣтною моею мечтою о свободѣ, что равнодушно слушалъ всѣ рассказы и питалъ ко всѣмъ только благодарность за отпускъ меня на свободу.

На утро я одѣлся въ свое статское платье и ликующій—гордо, смѣло пошелъ въ первый на новую службу, но въ воротахъ же наткнулся на Портвинова и съ насмѣшливою улыбкою поклонился ему.

— Стой! Какъ ты смѣлъ такъ одѣться?—крикнулъ онъ.—Разжал-лую!

— Опоздали-сь,—самоувѣренно отвѣтилъ я.—Я уже не подчиненный вамъ писарь, а гражданскій писецъ, почти чиновникъ.

— Что-о?—проговорилъ онъ и съ досады покраснѣлъ.—Врешь *)...

— Нѣтъ-сь, я говорю вамъ правду. Честь имѣю кланяться: мнѣ пора въ должность.

Я повернулся и, какъ побѣдитель,—торжественно направился дальше, благословляя судьбу за право безъ страха проходить мимо генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, не становиться предъ ними во фронтъ, даже не дѣлать имъ и подъ козырекъ... Да, мое тогдашнее настроеніе способно понять лишь тотъ, кажется мнѣ, кто послѣ пятнадцатилѣтняго нахождения въ казематѣ,—вдругъ вышелъ на волю и вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ... Короче, я считалъ себя, по своей наивности, такъ счастливымъ, какъ «ни въ сказкѣ не рассказать, ни перомъ не написать»...

*) Переводъ состоялся безъ его вѣдома. Узнавъ истину,—онъ желалъ вернуть меня назадъ но его убѣдили, что нельзя и онъ примирился со случившимся — Умеръ членомъ совѣта и полнымъ генераломъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Предисловіе	Ш—X
I. Первый путь	1— 6
II. Поведѣльникъ.—Первая рота на фронтовомъ ученъи	6— 28
III. Вторникъ.—Второй ротѣ очередь въ классъ	28— 40
IV. Среда.—Третья рота въ расходѣ	41— 45
V. Четвергъ.—Четвертая рота въ банѣ и на спѣвкѣ	45— 52
VI. Пятница.—Пятая рота на ружейномъ и стрѣлковомъ ученъяхъ	52— 54
VII. Суббота.—Все заведеніе на фронтовомъ ученъи и моетъ полъ	54— 59
VIII. Воскресенье.—Заведеніе празднуетъ	59— 66
IX. Впечатлѣнія и интересы новобранцевъ	66— 70
X. Лазаретъ	70— 75
XI. Годичный Инспекторскій смотръ	75— 90
XII. Преступленіе, судъ и расправа	91—109
XIII. Житъе въ деревнѣ, любовь и ея развязка	110—121
XIV. Выпускъ изъ заведенія и возмездіе за воспитаніе	122—126

ВТОРОЙ ЧАСТИ

Предисловіе	127—128
I. Дома, въ баталіонѣ, въ гостяхъ и протекція	129—139
II. Полковая канцелярія	139—150
III. Среди полковыхъ штабныхъ	150—161
IV. Инспекторскій смотръ и театръ	161—168
V. Походъ въ Петербургъ	168—174
VI. Пребываніе въ Петербургѣ	174—182
VII. Занятія въ канцеляріи инспектора	182—189
VIII. Зимнія квартиры	189—197
IX. На войнѣ съ непріателемъ	197—207
X. Съ войны на зимнія квартиры и домой	208—219
XI. Поѣздка въ Петербургъ, служба и житъе въ департаментѣ	220—231
XII. Будничная жизнь писарей	231—238
XIII. Повышеніе, униженіе и обиды	238—247
XIV. Окончаніе всѣхъ строгостей	247—255
XV. Начавшіяся облегченія	255—277
XVI. Переѣзды къ лучшему	277—289
XVII. Любовь и ея послѣдствія	289—300
XVIII. Разочарованіе и зачатки крестьянской реформы	300—314
XIX. Служба въ высшихъ учрежденіяхъ	314—336
XX. Различныя событія и реформы	336—357
XXI. Награда за службу—свобода	354—364

Цѣна I р. 50 к.

2007081182